

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ
И ХУДОЖЕСТВЪ.

Книга первая.

ЯНВАРЬ.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА, выходящій ежемѣсячно, 1-го числа, книгами, съ особыми приложеніями, принимается: 1) въ Конторѣ Сына Отечества, въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ Василья Петровича Полякова, на Невскомъ-Проспектѣ, по линіи Гостиного Двора, подъ № 17, 2) Въ Газетной Экспедиціи С.-Петербургскаго Почтамта.

Цѣна за годовое изданіе **ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ**. За пересылку къ иногороднымъ прилагается 1 руб. 50 коп. серебромъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ДМИТРИЕВА.

1850.

802-11
280

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

A $\frac{139}{36}$ ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ
И ХУДОЖЕСТВЪ.

Книга первая.

ЯНВАРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ А. АМИТРІЕВА.
1850.

СЫНЪ ОТВѢСТВА

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ ПОЛИТИКИ СЪВѢЩАЮЩАГО КОМИТЕТА

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. 25-го января 1850 года.

Ценсоръ А. Крыловъ.

Ценсоръ Н. Елагинъ.

ИЗДАТЕЛЬ

Редакторъ К. Масальскій.

Издатель К. Жернаковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ.

Стр.

Русская исторія.

Матеріалы для исторіи русскаго правовѣдѣнія (образчики стариннаго дѣлопроизводства). Доставлены П. Н—ымъ. 1—12

Современная лѣтопись и Политика.

Внутреннія извѣстія (ноябрь и декабрь).—Иностран- ныя извѣстія. (Съ 15 ноября по 20 декабря 1849 го- да). (Франція, — Англія, — Австрія, — Пруссія, — Гер- манія, — Италія, — Испанія, — Нидерланды, — Швейца- рія, — Турція, — Азія, — Америка. 1—64

Русская Словесность.

Деревенскій случай. Поэма Н. Хвоцинской. 1—16
Фелоръ Васильевичъ. (Повѣсть) П. Сухонина. 17—130
Доморощенный поэтъ. (Юмористическій очеркъ). . . 131—144

Иностранная Словесность.

Лакированные сапожки Сандрильоны. Повѣсть Шарля Дели. 1—42
Фуше и его полиція. Разсказъ Маріи Экаръ. 43—69
Четыре Розы. Повѣсть Амабля Леметра. 70—98

Науки и Художества.

Послѣднія открытія въ астрономіи. 1—45
Естественная Исторія Сельди 46—58

Критика и Библиография.

- Мнемоника—по методу Реветлова, для облегченія памяти при заучиваніи чиселъ въ исторіи, статистикѣ, законовѣдѣніи, химіи и другихъ наукахъ.—Календарь на 1850 годъ. 1—20

Смѣсь.

- Новый годъ у разныхъ народовъ.—Письма съ до-
роги.—Ночь въ почтовой каретѣ (Анекдотъ).—
Опыты надъ возможностью сдѣлать домашними жи-
вотными ламъ и альпаковъ.—Средство противъ во-
добоязни.—Магнитное растеніе.—Озонъ.—Новое
вещество, уничтожающее чувствительность.—Соеди-
неніе Тихого Океана съ Атлантическимъ.—Торговля
трюфелями.—Опыты измѣренія скорости свѣта.—
Земледѣліе. (Приготовленіе зеренъ для посѣва. Ме-
тода Дюссе).—О сферидальномъ состояніи тѣлъ.
—О сохраненіи молока.—Превращеніе животныхъ
въ растенія.—Библиотека Турецкаго Султана.—Пе-
тербургскія моды. 1—32
- Нашествіе иноплеменныхъ или уѣздный наѣздъ, ори-
гинальная комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Соч. Н.
Ефимовича и П. Крестовскаго.—Русскія книги. 1—48

Къ этой книгѣ *Сина Отчества* приложена парижская картинка модъ.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ.**МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ РУССКАГО ПРАВОВѢДѢНІЯ****Образчики стариннаго дѣлопроизводства.**

№	Оглавленіе.	Стран.
I.	Земная кабала 1682 года	2
II.	Закладная кабала 1686 года.	—
III.	Мировая запись 1631 года.	3
IV.	Придавая запись 1638 года.	4
V.	Явочное челобитье 1630 года.	—
VI.	Явочное челобитье 1660 года.	5
VII.	Купчая 1623 года.	6
VIII.	Купчая 1632 года.	7
IX.	Уступная запись 1701 года.	8
X.	Купчая 1701 года.	—
XI.	Духовная память 1701 года.	9
XII.	Письмо 1716 года.	10
XIII.	Росписка 1716 года.	—
XIV.	Воеводскій расходъ	11
XV.	Подорожная 1683 года.	—
XVI.	Таможенная выпись 1704 года.	12

I. КАБАЛА 1682 ГОДА.

Се язъ пянтѣжского стауу Аюнасей явановъ сынъ Труновъ занялъ есми в Чердыни у Алексия Никиѳорова сына Попова три рубли десять алтынъ денегъ московскихъ ходячихъ прямыхъ безъ приписи до сроку до Николина дни вешняго сего 7191 году. Станетца платежъ за приставомъ і въ убытки кабалныя платити мнѣ займщику сполна; а гдѣ кто с сею кобалою к суду станеть—тотъ ей истецъ. На то послухъ Иванъ Спиридоновъ сынъ Поповъ. Кобалу писалъ Оска Ѳедоровъ лѣта 7191 году мая въ 13 день.

(На оборотъ). *Къ сей кобаль по велькию займщика Аюнасея Трунова, что онъ сказался грамотъ не умьетъ Гришка Поповъ руку приложилъ.*

Послухъ явашко Поповъ руку приложилъ.

II. ЗАКЛАДНАЯ КАБАЛА 1686 ГОДА.

Се язъ Филипъ Аврамовъ сынъ Алинъ из Серьгова, занялъ есми у Ѳедора Степанова сына Бохорева шесть рублевъ денегъ московскихъ ходячихъ прямыхъ безъ приписи до сроку до Богояменьева дни 7194 году; а в тѣхъ есми денгахъ в вѣре подписалъ я, займщикъ, ему Ѳедору в Серьгове дворъ свой, избу, и кѣтъ с поткѣлтомъ, и с клетнымъ мѣстомъ, и з дворовымъ мѣстомъ, и со веъмъ холуемъ дворовымъ. А в межахъ то дворовое мѣсто со востоку съ Павломъ Сергѣевымъ, с полдни протѣжая улица, з западу со Андрѣемъ Козьмынина, с сѣверу со Степаномъ Кириловымъ Алина жъ; со востоку с Павломъ межы прямо на западъ по свѣсамъ, какъ прежь сего бывало; а з западу и со востоку заплаты не мои Филиповы. А буде я Филипъ на тотъ срокъ тѣхъ заемныхъ денегъ незаплатю ему Ѳедору—и послѣ того сроку на ту мою подписку, на дворъ, и на избу, и на кѣтъ, и на дворовое и клетное мѣста ся кобала—и купчая и отводная память: вольно ему Ѳедору ту мою подписку, дворъ, и избу, і кѣтъ с поткѣлтомъ, и дворовое и клетное мѣста продать, и заложить, и самому владѣть. А буде та моя подписка у кого в закупъ, или в подишь, или в быныхъ какихъ прежнихъ крепостяхъ ни есть, и очищати мнѣ займщику отъ

всякихъ прежнихъ крѣпостей своими денгами и очистя с чиста пути отдать лицомъ и убытка в той подписке к нему Ѳедору не привести ни котораго.—Гдѣ ся закладная кобала выляжетъ—тутъ по ней искъ;—а хто с сею закладною станеть—тотъ ей истецъ. На то послухъ Василей Андрѣевъ сынъ Юргановъ. Закладную кобалу писалъ Савка Зворыгинъ лѣта 7192 году генваря въ 16 день.

(На оборотъ) К сей закладной кобаль по велькию займщика Филипа Алина Оска Ѳеодуловъ руку приложилъ.

Послухъ Васка Андрѣевъ руку приложилъ.

III. МИРОВАЯ ЗАПИСЬ 1631 ГОДА.

Се язъ Харитонъ Меркурьевъ сынъ Улитина да Николской попъ Микиферъ Потапѣевъ, оба Чердынцы, написали есми промежъ себя полюбовно сию мировую запись в томъ: в прошломъ во 7138 году искалъ я Харитонъ на немъ Микиѳере в Чердыни по челобитной при воеводѣ при Сарысчюмневе... за хлѣбную протраву шти рублевъ с полтиною; да у насъ же у Харитона и у Микиѳера была спорная земля за Онисимовскою за болшую рѣчкою в Онисимовѣ іудчи на правой рукѣ: і в томъ иску с суда і в спорной землѣ без суда мы Харитонъ и Микиѳеръ межъ себя помирились; а межы учинили спорной землѣ со востоку з березы да прямо на западъ, на болшую сосну, а з болшие сосны на сиверь по колодезь черезъ логъ и до верстей. И впередъ намъ Харитону и Микиѳеру того иску и спорные земли другъ на друге не отыскивати никоторымъ бытомъ; а буде который изъ насъ впередъ учнетъ за тѣ межы вступатись, которымъ бытомъ ни буди, и на томъ счинщике взять счинного, на Государя царя і великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Русии, десять рублевъ денегъ. А написали есми промежъ себя двѣ записи слово в слово. На то послухѣ, которые на семъ миру были, Василей Юрьевъ сынъ Кременевъ, Семенъ Тарасовъ сынъ Басковъ, посадцкие люди Дмитрей Сергѣевъ сынъ Ляшинъ, Степанъ Семеновъ сынъ Гилева, изъ деревни Гилевы жъ, да яванъ Дмитреевъ сынъ Негодяевъ. Запись писалъ Ѳедка явановъ сынъ Колотилловъ лѣта 7139 года мая 7 дня.

(На оборотъ столбца). Послухъ яванко Дмитреевъ руку приложилъ.

IV. ПРИДАНАЯ ЗАПИСЬ 1658 ГОДА.

Се язь Иоакимъ Григорьевъ сынъ Колашниковъ далъ есмю запись чердынцу Алексѣю Микиѳорову сыну Углецкаго в томъ, что в нынѣшнемъ во 7163-мъ году генваря въ 22 день помялъ я Иоакимъ у него Алексѣя сестру его Степаниду Микиѳорову дочь себѣ в жену, а с нею приданого взялъ: шапка атласная с передѣемъ и с кружыломъ жемчужнымъ, да малое жемчужное ожерелье, шуба бѣлая под киндякомъ, пошенная с пугвицы серебряными, шшунъ мухоярной с пугвицы серебряными, да кузпи серебряные с жемчугами, да серги двои, да однорядка без пугвицы поношена, да шшунъ крашенинной. — с верхъ того приданого на немъ Олексѣе большіе того ничего не спрашивать и ни до чего дѣлать. А буде Божіимъ судомъ ей Степаниде смерть случитца а отроду ея не останетца і то приданое мнѣ Иоакиму отдать ему Алексѣю все что в сей записи писано, а которое приданое изношено будетъ і ему Олексѣю того на мнѣ не спрашивать. А хто с сею записью станеть — тотъ ей і истецъ. Запись писалъ за ево Иоакимовою рукою яванко Колашниковъ лѣта 7163 года генваря въ 22 день.

(На оборотъ). К сей записи Екимко Григорьевъ сынъ Колашниковъ руку приложилъ.

V. ЯВОЧНОЕ ЧЕЛОБИТІЕ 1630 ГОДА.

Царю Государю и великому князю Михайлу Федоровичу всея Руси бѣгать челомъ и являетъ твой нищей богомолецъ, никольской пощъ ис Перми, ис Чердыни, с посаду Никиѳорице Потапьевъ сынъ Углецанинъ на Харитона Меркурьева сына Удятина, на Чердынца, посацкаго жильца. Въ прошломъ государь во 7138 году вступается, государь, тотъ Харитонъ в мою Никиѳорову въ пашенную землю, и в поскотинное мѣсто, и в колодезь, и на моей землѣ, купленной на причистъ, онъ Харитонъ и дворъ свой поставилъ насилствомъ, и колодезь мой загородилъ к своему же двору и ого-

роды по старой межѣ росевилъ и розметалъ и огнемъ выжегъ. А на ту, государь, пашенную землю и на поскотинное мѣсто у меня, твоего государева нищаго богомольца, кущая есть и к моимъ к пашеннымъ и к поскотиннымъ огородамъ пригораживаетца своею поскотиною силою и живеть за моими готовыми огородами, а своей доли повѣять в огороды не ставитъ и своимъ, государь, насилствомъ огороды мои, кругъ моего съву и около моею поскотины, онъ Харитонъ розсекаетъ и велитъ половникамъ своимъ разсекати и розметывати, и хлѣбъ травить не по одинъ годъ своимъ скотомъ и половничимъ и чюжимъ, и отъ моихъ огородовъ мое жерди относитъ и ставитъ въ свои огороды насилствомъ, и лѣтомъ и зимою, розсекая мои огороды, велитъ половникамъ своимъ черезъ мои съвы хлѣбные вздти и скоть гоняти свой и половничей на водопой, на рѣчку Талицу. Да тотъ же Харитонъ, выживаючи мене, попа Никиѳорица, поклепалъ хлѣбною протравою, будто ея скотомъ своимъ истравилъ у него ржаново съву на сапцу: а тово хлѣба у него не травливалъ и тое хлѣбъ весь дошелъ пѣлъ и его половникъ и выжалъ и склалъ в шеромъ и перемолтилъ. Да тотъ же Харитонъ у моего ржаново посъву з двѣ стороны на вопчей межѣ огороду по вытью не городилъ и не ставилъ, и скотомъ своимъ и половничимъ и чюжимъ истравилъ моего ржаново съву на сапцъ на шесть позмоговъ и у того съву половникъ его, наученіемъ его, огороды разломывалъ и розметывалъ и в той обиде я, Никиѳорице, прошалъ досмотрити судъ и мне не дали, силу винили; и в томъ насилстве в конецъ загинулъ.... (Конецъ вѣтъ).

VI. ЯВОЧНОЕ ЧЕЛОБИТІЕ 1660 ГОДА.

Царю Государю і великому князю Алексѣю Михайловичу всея великия і малыя і бѣлыя Росіи самодержцу бѣгать челомъ сирота твой, Чердынецъ Алешка Никиѳоровъ сынъ Поповъ. Въ прошломъ государь, въ 7166 году, невѣдомо, государь, какіе воровские люди унесли у меня, сироты, украдомъ, с мельницы мутовчатой, жерновы; а въ нынѣшнемъ, государь, во 7168 году объявились тѣ мои мельничные жерновы в Пискунове деревне у вдовы Опросини Бур-

маниной; и я, сирота, у нея, Опросини, ть жерновы вынять посторонними людьми: одинъ жерновъ Стахнемъ Осокинымъ съ Яковомъ Горшковымъ, с Матвѣемъ Вышуконымъ, да в тѣхъ поры былъ у нея Опросини деверь ея Левъ Бурманинъ, а другой мой жерновъ не отдала, а отдала мнѣ, сиротѣ, вмѣсто моего жернова, иной жерновъ і въ томъ жерновъ мнѣ сиротѣ привяски и поклепу никакого ни откого не было; а сказала она Опросиния про ть жернова: положилъ-де ть жернова ко мнѣ деверь мой Гаврило Бурманинъ. — Милосердїи Государь Царь і великій князь Алексѣй Михайловичъ, всеа великия і малыя і бѣлыя Росїи самодержецъ! пожалуй меня, сироту своего: вели, государь, сю мою, сироты, извѣтную челобитну в Чердыни в Приказной избѣ принять и записать, чтобъ тебѣ великому государю сей мой, сироты, извѣтъ в томъ былъ вѣдомъ. Царь Государь, смилуйся!

(Надпись на оборотъ столбца). 7168-го году іюня въ 29 день годана явка в Чердыни в Приказной избѣ воеводѣ явану Леонтьевичю Мистреву да дьяку Ларіону Пашину противу сеі явки слово в слово.

VII. КУПЧАЯ 1623 ГОДА.

Се язь Семень Тарасовъ сынъ Бесковъ Чердынецъ, посадской жилецъ, продалъ еси Николы Великорецкаго попу Никифору Потапову сыну Углечанину поле земли своей пашенные за Онисимовскою речкою из Гилева идучи, а в межахъ то поле з западу с нимъ же Никиферомъ, а с северу сываномъ Козминымъ сыномъ Малоги, а со востоку съ Офонаею Чабинымъ, а с полдни улица провѣжая и до егожь Никифоровы земли; да емужь продалъ земли поле и с огородомъ, противъ тое же земли на другой стороне улицы, межа до Минюковыхъ земли да с Павломъ Гилевымъ по старой меже; да под гору концемъ до реки внизъ, да до Кузмины земли, да к горе по огороду, да до анисимские улицы, кругомъ по старымъ межамъ по старой купчей. А взялъ еси язь Семень на тѣхъ своихъ дву поляхъ десять рублевъ денегъ, а продалъ еси безвыкупно и безвыводно. А гдѣ будетъ тѣ земли в закупе, или в подписе, или вы-

ныхъ крепостехъ, коихъ ни есть, и мне Семену от всякихъ крепостей очищати своими денгами и, очистя, отдать ему Никифору и убытка в томъ ему Никифору не привести ни котораго. На то послухи Федоръ Ивановъ сынъ Поповъ, вдовой попъ. Купчую писалъ Артемко Васильевъ сынъ Кобылкина лѣта 7131 года марта въ 26 день.

(На оборотъ). Послухъ Федорище Ивановъ руку приложилъ.

VIII. КУПЧАЯ 1632 ГОДА.

Се язь Петръ Ивановъ Чебицъ продалъ еси отца своего вотчину земли пахотные по его закладной, что отецъ мой Иванъ заложилъ ему Никифору Потапову сыну з братьями; се язь ныне Петръ Ивановъ сынъ запродавъ ему Никифору Потапову сыну Углечанину к прежней закладной отца своего; а взялъ еси у него Никифора, и с прежними закладными денгами, десять рублевъ денегъ. А межи тѣмъ землямъ подле онисимовскую дорогу по обѣ стороны дороги; первое поле отъ рѣчки Талицы межа з западную сторону с Бваномъ Козминымъ сыномъ Пареново, а с северу Онисимовская дорога, а со востоку и полдни межа по речке, а поскотина подле речку вопчая съ Яковомъ Тарковымъ по обе стороны речки; да противъ тое же земли на другой стороне Онисимовския дороги, на правой сторонѣ, в Анисимово идучи поле земли в межахъ з западную сторону с Софономъ Тарасовымъ сыномъ Белковымъ, а с северу межа с Меркурьемъ Улитинымъ, да с Бваномъ Козминымъ Пареного да с Меркурьевыми же прямо на востокъ до речки до Талицы и с огороды тѣхъ земель по старымъ межамъ. А продалъ еси ту землю безвыкупно и безвыгодно; а у кого будетъ та моя Петрова земля в закупе, или в подписе, или в какихъ нибудь крепостяхъ, и мнѣ Петру очищати от всякихъ крепостей и очистя отдать ему Никифору и убытка никотораго не привести. На то послухи Третьякъ Алексеевъ сынъ Ременниковъ да Иванъ Яковлевъ сынъ Подрезовъ. Купчую писалъ Тренка Степановъ сынъ Безматерново лѣта 7140 году Февраля въ 14 день.

(На оборотъ). Послухъ Тренка Ремянниковъ руку приложилъ.

Послухъ Иванко Яковлевъ руку приложилъ.

IX. УСТУПОЧНАЯ СДѢЛКА 1701 ГОДА.

1701 года декабря въ 8 день Чердынского узвду из Крохалева деревни Василей Васильевъ сынъ Крохалева далъ сию поступную память Чердынцу, посадочному человеку Федору Петрову сыну Безкову в томъ, что поступилъ я Василей ему Федору половину свою мельницы, и з жерновами, и со всею мельнишною снастью, и в онбаре, и в пруду, и во всемъ половину за свой долгъ, за двадцать алтынъ. А то мельница в Гилеве подъ марковымъ дворомъ. И вольно ему Федору тою мельницею во всею половиною владѣти вѣчно и въ роды, в томъ и поступную сию далъ. На то свидѣтель Ефимъ Ожгибесовъ. Поступную память писалъ въ Чердыни в приказной избѣ Мишка Серебряниковъ.

(На оборотъ гербового столбца). К сеи поступной по вельню Василья Крохалева Тришка Сизимеровъ руку приложилъ.

Свидѣтель Ефимко Ожгибесовъ руку приложилъ.

X. КУПЧАЯ 1701 ГОДА.

Се язъ чердынецъ Федоръ Петровъ сынъ Бесковъ продалъ есми Чердынцу явану Алексѣеву Попову половину мельницы по своей поступной, и з жерновами, и со всею мельнишною снастью, и в онбаре, и в пруду, во всею половина; а та мельница на речке Талице, противъ Гилевы; а продалъ есми я продавецъ безвыкупно и безвыводно; а взялъ есми я продавецъ за ту мельницу, за половину, и за всю мельнишную снасть и половины за прудише три рубли денегъ прямыхъ без приписи, у сей купчи всею сполна; а ту поступную нашу мельницу отдалъ ему жъ явану; а во очищенъе тое продажи от всякихъ прежнихъ крепостей и подписокъ я продавецъ своими денгами и убытка в той продаже мнѣ продавцу к тому явану не привести никотораго. — Гдѣ кто с сею купчею к допросу станеть—тотъ ей истецъ. На то свидѣтели Чердынской площади подъячий Семень Нагаевъ, Карпъ Одинцовъ, Григорей Козанцовъ. Купчую писалъ в Чердыни в земской избѣ Якушко Сожгибесовъ мѣта 1701 декабря въ 18 день.

(На оборотъ гербового столбца). По вельню продавца Федора Бескова Тришка Сизимеровъ руку приложилъ.

Свидѣтель Сенка Нагаевъ руку приложилъ.

Свидѣтель Карпушко Одинцовъ руку приложилъ.

Свидѣтель Тришка Козанцовъ руку приложилъ.

XI. ДУХОВНАЯ ПАМЯТЬ 1701 ГОДА.

Мѣта отъ Рожества Христова 1701 Июня въ 4 день Чердынецъ, посадкой житель Алексѣй Никифоровъ сынъ Поповъ пишу сию изю устную духовную память своимъ цѣлымъ умомъ и разумомъ кому мнѣ что дать и на комъ что взять кобальнаго и безкобальнаго долгу. Взять мнѣ Алексѣю безкобально на Чердынце на Семене Углецкихъ за хлѣбъ, за два четверика, за рожъ, 26 алтынъ 4 денги; да взять безкобально же извоцкого на Григорѣвъ явакиныхъ за семяную рожъ, за четверикъ, 15 алтынъ,—да взять безкобально же на Чердынце на Козмѣ Якутове з братомъ Лукою за муку ржаную, за четверикъ, 16 алтынъ денегъ; да взять безкобально же на яте моемъ Семене Серебряниковъ за два третника за рожъ 8 алтынъ денегъ; да взять безкобально же на Чердынце на яванъ Стахѣеве Осокине работныхъ денегъ за сениную ставку обшей пожни 2 гривны, да на немъ же яванъ взять безкобально же за семяную рожъ, за третникъ, 5 алтынъ денегъ; да взять безкобально же на вышеоуповцѣ, на Игнатѣ Выскуновъ рубль денегъ, да взять мнѣ Алексѣю на Рядиковцѣ, на Игнатѣ Евдокимове сынъ Григорьевыхъ, по кобаль, два рубли 20 алтынъ денегъ; да взять на Спиридонове Вологжанинове из Калинини деревни, по закладной кобаль недоплаты, полтина денегъ займовъ отца ево явана; да взять на Чердынце на Василье Семенове сыне Черемиснове по роспискѣ полтина денегъ за здѣлку двухъ оконъ колодныхъ; да взять извоцкого на Федоте кононове сыне Корнонове, по кобаль, полтина денегъ. Да останеца у меня Алексѣя в Углецкой деревне, что на онисимовской дорогѣ, два двора и с хоромы и с мѣстами дворовыми; и большимъ старымъ дворомъ и со всеми хоромы и с мѣстомъ дворовымъ благословляю сына своего явана, а новой дворъ и с хоромы и с мѣстомъ дворовымъ благословляю сына своего большого

Тимофея в котором онъ живетъ; да оставляетца у меня Алексѣя в той же Углецкой деревне житница у двора новая с хлѣбомъ: и до тое житницы и до хлѣба сыну моему Тимофею дѣла нѣтъ и та житница с хлѣбомъ сыну моему Івану і з домашними моими; а ему Тимофею старую житницу у двора же съ ево Тимофеевымъ хлѣбомъ; да на погребѣ клѣтъ ему же сыну моему Івану; да оставляетца у меня Алексѣя в той же деревне пашенные земли и с причистми и с поскотинные мѣста и тѣхъ пашенныхъ земель благословилъ я Алексѣй сыну своему Тимофею и отдѣлилъ четвертой жеребей въ большемъ гумennomъ полѣ ему Тимофею с сиверной стороны отъ Засухиныхъ дворовъ четверть, да в другомъ полѣ дворовомъ, что на западной сторонѣ двора, отдѣлилъ ему Тимофею четверть же і з западной стороны подле поле Андрия Засухина.... (конца нѣтъ).

ХП. ПИСЬМО 1716 ГОДА.

Благодетелю моему Игнатью Θεодотовичу от Соли Камской Карпъ Красилниковъ кланяетца до лица земнаго; здравіе твое да сохранить десница всецѣдраго Бога на много лѣтъ.

Пожалуй Игнате Θεодотовичъ отвѣсь соли посланому моему работному Данилу Сониному десять сапецъ, а за ту соль твоеи милости Игнатеи Θεодотовичъ плателшикъ буду і приѣду нынѣ вскоре і денги заплачу милости твоеи. Пожалуй милостию своею, не презри, пожалуй повѣрь, учини милостиво. И я буду на Дюхиноу и заплачу. Писавый Карпъ Красилниковъ и челомъ бьетъ. *Карпъ Красилниковъ милости прошу и челомъ бью.*

(На письмѣ этомъ, сложенномъ пакетцомъ, надпись:) Отдать сие письмо на Дедюхино Игнатею Колотилову.

ХІІІ. РОСПИСКА.

1717 году февраля въ 20 день по грамотке Карпа Красилникова работной его Данило Сонинъ прилѣлъ на Дедюхино у головы Івана Попова у Ларешново Ігнатьи Колотилова Государевы десять сапецъ соли, а денги заплатить какъ они голова с товарищамъ спросятъ в томъ сие і письмо далъ.

К сему письму по велѣнію Данило Сонино Дедюхиноу Иванъ Поповъ руку приложилъ.

XIV. ВОЕВОДСКОЙ РАСХОДЪ.

Въ 1 (тетради)	21	рублевъ	18	алтынъ	4	денги.
— 2 —	9	—	5	—	—	—
— 3 —	10	—	4	—	—	—
— 4 —	22	—	27	—	—	—
— 5 —	107	—	14	—	1	—
— 6 —	16	—	23	—	1	—
— 7 —	86	—	6	—	—	—
— 8 —	115	—	16	—	4	—
— 9 —	12	—	4	—	5	—
— 10 —	12	—	8	—	1	—
і всего в десяти тетратехъ						421 рублевъ 25 алтынъ.

Въ 11 (тетради)	30	рублевъ	24	алтынъ	—	—
— 12 —	27	—	11	—	4	денги.
— 13 —	25	—	14	—	4	—
— 14 —	114	—	6	—	4	—
— 15 —	11	—	15	—	2	—
— 16 —	10	—	13	—	9	—
— 17 —	13	—	19	—	9	—
— 18 —	14	—	16	—	9	—
— 19 —	151	—	6	—	—	—

і всего 388 рублевъ 23 алтынъ 2 денги.

і всего воеводскихъ расходовъ 809 рублевъ 15 алтынъ.

XV. ПОДОРОЖНАЯ 1683 ГОДА.

По указу великихъ государей царей і великихъ князей Иоанна Алексѣевича Петра Алексѣевича всея великия и малыя и бѣлыя Росіи самодержцевъ из Перми великой из Чердыни по дороге до соли Камской и до Каля городка и до Слободскаго и до Хлынова и до Орлова и до Котельнича і до Яранска и до Шанчюринна и до Козмодемьянска и до Нижняго Новгорода и до Мурома и до Володимера и до Москвы по ямомъ ямщикомъ, а гдѣ ямовъ нѣтъ всѣмъ людямъ безомѣны, чемъ хто нибудъ чтобъ есте довали подъ чердынскую великихъ государей таможенную и кабацкую денежную казну и подъ книги чердынскому и кобачку голову прошлаго 7190-го году Алексѣю Попову да ларешному целовалнику Силе Пинягину и подъ нихъ голову и ларешнаго въ готовые сани двѣ подводы с проводники вездѣ не издержавъ ни часу по указу великихъ государей без прогоновъ, да за тою жъ

великихъ государей казною отъ города до города и до Москвы довали бѣ имъ головы и марешному бережатыхъ по сколку человекъ пригоже чтобъ имъ с тою великихъ государей казною вхати было бережно и безстрашно. К сей подорожной Стольникъ и воевода Князь Федоръ Юрьевичъ Борятинскій печать свою приложилъ дѣта 7191-го генваря въ 31 день. (М. П.) (Печать искрошилась).

(На оборотъ столбца). 7191-го апрѣля въ 23 день. По указу великихъ государей царей и великихъ князей Иоанна Алексеевича Петра Алексеевича всея великия и малыя и бѣлыя Росіи самодержцевъ отъ Москвы до Соли Камской по городамъ, воеводамъ и дьякамъ и приказнымъ людямъ и иное тамъ мостовщикомъ—чердынскова голову Алексѣя Попова с товарищемъ, пропускали безъ задержанія а они Алексѣй с товаремъ присланы были к Москве за денежною казною.

Дьякъ Артемей Лобковъ. На Гербовомъ столбцѣ.

XVI. ТАМОЖЕННАЯ ВЫПИСЬ 1704 ГОДА.

Лѣта отъ Рождества Христова 1704-го декабря въ 20 д. Чердынецъ Данило Григорьевъ сынъ Вешошевъ продалъ в Чердыни по Макарьевской таможенной выписи покупки ево на явленные денги тысячу аршинъ крашенины досковой, восемь сотъ аршинъ холсту краснаго, пять сотъ аршинъ пестреды, пудъ перцу, два пуда полуперну, полпуда ладану кадилнаго, сто аршинъ чернаго понитку, осмнатцать шляпъ, двѣ юнты яловашныхъ кожъ, шеснатцать шапокъ яреговыхъ, тритцать портищъ бохромы, пятьдесятъ поямовъ красныхъ два пуда свинцу, три ста пятьдесятъ аршинъ хрящу. И с той продажи пошлины по выписи явельныхъ денегъ с восьмидесяти с пяти рублевъ в Чердыни в таможене с рубля по пяти денегъ, да с прибыли с тринадцати рублевъ с рубля по десяти денегъ платилъ. Къ сей выписи города Чердыни таможенная печать приложена. (М. П.)

(На оборотъ). К сей выписи по велению таможеннаго бурлистра Михѣя Верещанина—сынъ ево Макарь руку приложилъ.

(Печать изъ чорнаго сургуча, сквозь которую продѣта узенькая полоска бумаги, снова протернута концами этой полоски въ складки гербоваго листа).

Доставлено Г. Н.—ЫМЪ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

(НОВАБРЬ И ДЕКАБРЬ 1849 ГОДА.)

Во всѣхъ официальныхъ газетахъ Петербурга обнародованъ слѣдующій приказъ по Гвардейскимъ и Гренадерскому Корпусамъ.

Въ С.-Петербургѣ, 22 октября 1849 г.

Душеприкащики Его Императорскаго Высочества въ Бозѣ почившаго Великаго Князя Михаила Павловича доставили ко Мнѣ выписку изъ Высочайше-утвержденнаго духовнаго завѣщанія Его Высочества, совершеннаго 20-го мая 1843 года, въ которой изображено:

(На подлинномъ Собственною Его Высочества рукою написано: Его Императорское Величество Государь Императоръ Николай Павловичъ соизволилъ читать сію Мою духовную въ Царскомъ-Селѣ, 19-го мая 1843 года, и Высочайше дозволилъ утвердить ее Мою подписью.)

«Благодарю отъ всего сердца изъ поименованныхъ лицъ, всѣхъ сотрудниковъ Моихъ по службѣ, всѣхъ прежнихъ и

настоящихъ Начальниковъ Моихъ Штабовъ и всѣхъ прежнихъ и нынѣшнихъ Моихъ Адъютантовъ, за ихъ усердіе и добросовѣтность по службѣ и за ихъ преданность лично ко Мнѣ.»

«Артиллерія, Отдѣльный Гвардейскій Корпусъ, Корпусъ Инженеровъ и Военно-Учебныя Заведенія, которыми Я, по Высочайшему доверію, имѣлъ счастье столько лѣтъ начальствовать, пребудутъ для Меня дороги до самой смерти Моей, и Я сойду въ гробъ съ полною къ нимъ признательностію и любовію.»

«Всеподданнѣйше прошу дозволенія Государя Императора, оставить всѣмъ симъ вѣдомствамъ, на память обо Мнѣ, Всемилостивѣйшія награды, самыя для Меня драгоценныя и вмѣстѣ съ ними заслуженныя.»

«Отдѣльному Гвардейскому Корпусу, брилліантовую Мою шпагу, Всемилостивѣйше Мнѣ пожалованную во-время войны противу Польскихъ мятежниковъ, по Высочайшему Рескрипту отъ 1-го іюня 1831 года.»

«Артиллерія, четыре орудія Лейбъ-Гвардіи 1-й Артиллерійской Бригады Легкой № 1-го роты, Всемилостивѣйше Мнѣ пожалованныя послѣ 14-го декабря, по Высочайшему Рескрипту отъ 14-го іюля 1826 года.»

«Я-бы желалъ, чтобы всѣ награды сіи, съ ихъ рескриптами, хранились:

«Шпага — или въ Преображенскомъ всей Гвардіи Соборѣ, или въ Штабѣ Отдѣльнаго Гвардейскаго Корпуса.»

«Орудія—на плацу (что у Невы) Артиллерійскаго Училища, какъ разсадника артиллерійскихъ офицеровъ. Еслибы Каменно-Островскій Дворецъ перешелъ изъ владѣнія Моихъ прямыхъ наследниковъ, то и шесть орудій крѣпости Браилова, находящіяся нынѣ въ саду сего Дворца, Всемилостивѣйше пожалованныя 29-го іюня 1828 года, поставить на этомъ-же самомъ плацу.»

«Рескрипты на оныя въ Штабѣ Генераль-Фельдцейхмейстера.»

«Вообще всѣ Высочайшіе Рескрипты, которые, во все время службы Моей, Я имѣлъ счастье получать по означеннымъ вѣдомствамъ, передать также на храненіе въ Штабы сихъ вѣдомствъ по принадлежности, а отношеніе на Мое

имя бывшаго Начальника Главнаго Штаба Его Величества, Генераль-Адъютанта Князя Волконскаго, отъ 9-го декабря 1822 года, за отличное состояніе Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго-Полка, хранить въ канцеляріи сего полка.

«Всемилостивѣйше пожалованный Мнѣ, по Высочайшему Рескрипту отъ 6-го октября 1831 года, одинъ изъ ключей крѣпости Модлина, передать на храненіе или въ Преображенскій всей Гвардіи Соборъ или въ Штабъ Отдѣльнаго Гвардейскаго Корпуса.»

«Въ память счастливаго для Меня командованія 1-ю Гвардейскою Пѣхотною Бригадою, передать Лейбъ-Гвардіи Преображенскому-Полку шпагу, пожалованную Мнѣ Блаженныя Памяти Государемъ Императоромъ Александромъ Павловичемъ, а Лейбъ-Гвардіи Семеновскому-Полку шпагу-же, пожалованную Мнѣ Блаженныя Памяти Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Цесаревичемъ Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ.»

«Передать на память полкамъ Лейбъ-Гвардіи, которыхъ Я имѣлъ честь быть Шефомъ:

«Московскому — полусаблю, пожалованную Мнѣ Его Императорскимъ Величествомъ Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, съ клинкомъ Златоустовской фабрики.»

«Литовскому и Волынскому—двѣ полусабли, которыя Я носилъ обыкновенно.»

«Уланскому Имени Моего—саблю, которую Я носилъ, съ надписью «за храбрость.»

«Лейбъ-Гвардіи 1-й Артиллерійской Бригады первую Мою шпагу, лично Всемилостивѣйше Мнѣ пожалованную Блаженныя Памяти Государемъ Императоромъ Александромъ Павловичемъ въ 1805 году, когда Мнѣ минуло семь лѣтъ, и Я въ первый разъ надѣлъ мундиръ (Лейбъ-Гвардіи Артиллерійскаго Баталіона), и двое первыхъ-же Моихъ эпюлетъ, также лично Его Величествомъ въ 1810 году Мнѣ пожалованныхъ.»

«Лейбъ-Гвардіи Конной Артиллеріи—саблю, которую Я носилъ прежде полученія шпаги за храбрость, пожалованную Мнѣ Блаженныя Памяти Государемъ Цесаревичемъ

Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ, основателемъ Гвардейской Конной Артиллеріи.»

«Лейбъ-Гвардіи Саперному Баталіону, въ коемъ Я числился, полусаблю, которую пожаловалъ Мнѣ Государь Императоръ Николай Павловичъ, съ булатнымъ клинкомъ.»

«Я бы желалъ, чтобы всѣ сіи оружія хранились въ канцеляріяхъ полковъ, бригады, батальона и Кадетскаго Корпуса, по принадлежности.»

«Разборъ Моихъ рескриптовъ и Моего оружія и доставленіе ихъ по назначенію, поручаю Я, состоящему при Мнѣ, Генералъ-Маіору Ростовцову.»

«Благодарю всѣхъ Моихъ сослуживцевъ за ихъ усердіе и за ихъ ко Мнѣ довѣренность.»

«Если Я кого-либо обидѣлъ, или изъ моихъ подчиненныхъ, или по другимъ Моимъ соотношеніямъ, то, отъ всей души, искренно прошу ихъ простить Меня, и вѣрить Мнѣ, что Я никогда не хотѣлъ огорчить ихъ съ умысломъ.»

Видѣвъ съ тѣмъ Душеприкащики представили ко Мнѣ брилліантовую шпагу, завѣщанную Его Императорскимъ Высочествомъ въ память Гвардейскому Корпусу, и ключъ отъ кр. Модлина, а равно Высочайшіе Рескрипты на оныя, и кромѣ того семь Высочайшихъ Рескриптовъ, которые завѣщано Его Высочествомъ хранить въ Штабѣ Гвардейскаго Корпуса, объяснивъ притомъ, что все остальное, завѣщанное Его Императорскимъ Высочествомъ оружіе препровождено ими по назначенію.

Примемъ эти новыя залого драгоцѣнной для насъ памяти Его Императорскаго Высочества, какъ знаки Его милостивой, отеческой признательности и любви къ войскамъ, обремененнымъ своимъ благосостояніемъ Его-же неусыпной заботливости. Изъ духовнаго-же завѣщанія, да видятъ всѣ, имѣвшіе счастье служить подъ начальствомъ въ Бозѣ почившаго Его Императорскаго Высочества въ войскахъ Отдѣльнаго Гвардейскаго Корпуса, незабвенныя чувства къ нимъ высокой души Его;—соединимъ и Мы чувства искренней душевной благодарности нашей за Его попеченія и любовь къ намъ съ пламенною молитвою къ Всемогушему Богу объ упокоеніи души Его;—сохранимъ навсегда память объ Немъ, и да будетъ она указателемъ, какъ Самъ Онъ былъ

примбромъ—любви и преданности къ Богу и Государю и къ точному исполненію долга службы.

Приказъ этотъ прочитатъ при собраніи всѣхъ чиновъ, отслуживъ во всѣхъ войскахъ паннихиды.

Брилліантовую шпагу съ рескриптомъ и означенныя по описи семь рескриптовъ—хранить въ Штабѣ Моемъ по званію Командующаго Гвардейскими и Гренадерскимъ Корпусами, а ключъ отъ кр. Модлина, также съ рескриптомъ—въ Преображенскомъ всей Гвардіи Соборѣ, устроивъ для оныхъ особыя ковчеги.—Завѣщанные-же Его Императорскимъ Высочествомъ для Артиллеріи четыре орудія, по возвращеніи изъ похода Легкой № 1-го Батареи Лейбъ-Гвардіи 1-й Артиллерійской Бригады, перевезти изъ Дворца Его Высочества для храненія въ Михайловское Артиллерійское Училище, съ церемонією, о которой въ свое время будетъ отдано приказаніе.

Подписалъ: *Генералъ-Адъютантъ*

«АЛЕКСАНДРЪ.»

— Обнародованъ въ С.-Петербургѣ слѣдующій приказъ Главнаго Начальника Военно-Учебныхъ Заведеній, отъ 7-го ноября 1849.

Въ числѣ бумагъ въ Бозѣ почившаго Государя Великаго Князя Михаила Павловича найденъ слѣдующій, Самимъ Его Императорскимъ Высочествомъ написанный, драгоцѣнный для Военно-Учебныхъ Заведеній документъ:

Прощанье съ Моими дѣтьми Военно-Учебныхъ Заведеній.

«Дѣти, отпуская васъ на службу, Я обращаюсь къ вамъ, не такъ, какъ вашъ Начальникъ, но такъ, какъ Отецъ, васъ душевно любящій, который слѣдилъ за вами съ юныхъ вашихъ лѣтъ, который радовался вашимъ успѣхамъ, вашему постепенному развитію. Теперь вы выходите на поприще

жизни, жизни военной; прощаюсь съ вами, внемлите Моему совету: не забывайте никогда Бога, родителей вашихъ, которыми вы одолжены вашимъ существованіемъ; помните всегда, что вы одолжены нравственнымъ вашимъ существованіемъ Государю Императору, Его постояннымъ къ вамъ милостямъ; Онъ съ милосердіемъ васъ призрѣлъ, Онъ васъ взлелѣялъ, и, наконецъ, снабдилъ всѣмъ нужнымъ для поваго вашего поприща. Какъ можете вы иначе заслужить столь великія къ вамъ Его благодѣнія, какъ не щадя себя ни въ какомъ случаѣ для Его службы; не забывайте, что въ Россіи, въ нашей славной Россіи, Священныя Имена Государя и Отечества нераздѣльны, эта нераздѣльность — наша сила, предъ которою непріатели наши всегда — крушатся и крамоль не будетъ мѣста. Военная служба, сія благороднѣйшая служба, столько-же представляетъ вамъ въ будущности славы, сколько слава на полѣ битвы для благородной души имѣетъ отрады; и если участь удручила часть на немъ, то остается память, окружающая поверженнаго. Но эта ли одна слава военнаго? ежечасное самоотверженіе, постоянство и терпѣніе въ трудахъ, безъ ропота, безъ усталости — сколь они почтенны. Достойный Офицеръ обязанъ прежде всего повиноваться Начальникамъ и наблюдать неукоснительно за исполненіемъ ихъ приказаній. Повиновеніе сіе должно быть искренно и безусловно. Помните всегда, что настоящая честь военнаго человека состоитъ въ благородномъ поведеніи, а потому избѣгайте всякаго соблазна и не забывайте словъ Самага Спасителя: *не введи насъ во искушеніе*. Примите, дети, сіи наставленія друга; будьте увѣрены, что вблизи и издали онъ всегда будетъ слѣдить за вами; во всѣхъ вашихъ нуждахъ, или если вамъ нуженъ будетъ добрый советъ, обращайтесь всегда къ нему, какъ къ вѣрному пристанищу. Прощайте, да благословитъ васъ Господь Богъ и да подкрѣпитъ на дѣла великія. За Богомъ молитва, за Царемъ служба никогда не пропадаютъ.»

По Высочайшему Государя Императора повелѣнію объявлено о семъ въ общее свѣдѣніе по Военно-Учебнымъ Заведеніямъ, и предписываю: раздать по экземпляру сего приказа каждому изъ воспитанниковъ.

Да уразумѣютъ они, какъ глубока была къ нимъ любовь Августѣйшаго ихъ Отца; да употребятъ они все усилія, чтобы быть всегда достойными тѣхъ высокихъ совѣтовъ, съ которыми обращается къ нимъ великая и нежная душа незабвеннаго ихъ Благодѣтеля.

Подписаль: *Генераль-Адъютантъ*

«*АЛЕКСАНДРЪ.*»

— *Тифлисъ, 2-го декабря.* Успѣшныя дѣйствія наши къ усмирению Малой-Чечни упрочили безопасность Владикавказскаго-Округа и Военно-Грузинской дороги; но къ юго-востоку отъ сей дороги, непреступное Галашевское-Ущелье оставалось еще притономъ хищниковъ.

Прорывы ихъ, хотя малыми партіями, въ предѣлы наши требовали наказанія — и для укрощенія ихъ необходимо было проложить въ это ущелье путь, во всякое время войскамъ нашимъ доступный.

Для достиженія этой двойной цѣли, Главнокомандующій Отдельнымъ Кавказскимъ Корпусомъ предписалъ Генераль-Маіору *Ильинскому* собрать въ концѣ ноября мѣсяца отрядъ изъ 6½ батальионовъ пехоты, роты Саперъ, 4-хъ горныхъ орудій, 8½ сотенъ казаковъ, 3-хъ сотенъ милиціи и Ракетной-команды.

Сообразивъ, что успѣхъ предположенной въ землю Галашевцевъ экспедиціи требовалъ одновременнаго наступленія войскъ нашихъ съ двухъ сторонъ, Генераль-Маіоръ *Ильинскій* раздѣлилъ ввѣренныя ему войска на двѣ части, поручивъ одну изъ нихъ Генераль-Маіору Барону *Вревскому 2-му*, а другую Полковнику *Сльпцову*.

Первой колоннѣ, при которой находился Генераль-Маіоръ *Ильинскій*, назначено было двинуться отъ Владикавказа на урочище Алгузь-Али; второй колоннѣ вторгнуться отъ рѣки Ассы въ восточную часть земли Галашевцевъ.

Дабы отвлечь вниманіе Горцевъ отъ этого совокупнаго движенія, Генераль-Маіоръ *Ильинскій*, собравъ скрытно на рѣкѣ Ассѣ два батальона и три роты Тенгинскаго

пѣхотнаго полка, съ храбрыми сотнями Сунженскихъ казаковъ, самъ выступилъ на урочище Алгузь-Али съ 3 $\frac{1}{2}$ батальонами Навагинскаго пѣхотнаго полка и милиціонерами Кавказскаго округа.

Галашенцы ожидали нападенія съ этой только стороны, въ которую стянули главныя свои силы.

Тогда, по распоряженію Генераль-Маіора *Ильинскаго*, въ ночь съ 22 на 23 ноября, обѣ колонны быстро и неожиданно пошли впередъ, и соединились у аула Берешки, истребивъ весь аулы и хутора, на протяженіи болѣе 30 верстъ.

Въ особенности замѣчательно движеніе отряда Полковника *Сльпцова*, который прошелъ 60 верстъ въ 25 часовъ.

Галашенцы, изумленные внезапнымъ съ двухъ сторонъ нападеніемъ и стремительнымъ натискомъ войскъ нашихъ, бѣжали въ лѣса, и, прося пощады, выдали аманатовъ.

Этотъ рѣшительный успѣхъ стоилъ намъ незначительной потери: у насъ убито два нижнихъ чина, ранено: 1 оберъ-офицеръ и 18 нижнихъ чиновъ.

Соединенные отряды возвратились на лагерное мѣсто, въ урочище Алгузь-Али, и приступили къ рубкѣ лѣса, дабы открыть свободный доступъ въ землю Галашевцевъ..

Генераль-Маіоръ *Ильинскій* съ особенною похвалою отзывается о главныхъ своихъ сотрудникахъ—Генераль-Маіоръ *Баронъ Вревскомъ 2-мъ* и Полковникъ *Сльпцовъ*, а также о командовавшемъ Тенгинскими батальонами, Генеральнаго Штаба Полковникъ *Веревкинъ*, исправляющемъ должность отряднаго Квартирмейстера, Генеральнаго Штаба Штабсъ-Капитанъ *Свѣтловъ* и командовавшихъ артиллерію и ракетною командою въ отрядѣ, Капитанъ *Елагинъ* и Подпоручикъ *Ладъженскомъ*.

Около того-же времени, мы одержали блистательный успѣхъ и въ Среднемъ-Дагестанѣ.

Шамиль предписалъ вторженіе въ покорныя намъ Акушинское-общество, Казикумыхское и Кюрийское ханства, тремя партіями, подъ начальствомъ панбовъ—*Муссы Блуканскаго*, *Гаджи Мурата* и *Даніель-Бека Елсуйскаго*.

Мюриды отражены на всѣхъ пунктахъ, но претерпѣли самый чувствительный уронъ подъ селеніемъ Ганашаи,

въ окрестностяхъ Кумуха. Здѣсь Полковникъ *Кишинскій*, съ милиціею, поддержанною 7-ю ротами пѣхотнаго Фельдмаршала Князя Варшавскаго полка, неустрашимо атаковалъ Горцевъ, выбилъ ихъ изъ трехъ крѣпкихъ позицій, и преслѣдовалъ до самаго подножія Турчидага. Въ этомъ дѣлѣ особенно отличились храбрые милиціонеры.

Столь-же неудачны были послѣднія покушенія непріятеля на лѣвый флангъ и Кумыкскую-плоскость; на Терекъ, казаки Кизлярскаго линейнаго полка совершенно уничтожили партію хищниковъ, и взяли предводителя ея въ плѣнъ; на Мичикъ, Полковникъ *Баклановъ* разсыялъ скопище Чеченцевъ, намѣревавшихся вторгнуться въ предѣлы наши.

— 20-го ноября, въ воскресенье, въ Одессѣ поднялся съ самаго утра сильный сѣверо-восточный вѣтеръ, который къ вечеру превратился въ совершенную бурю, съ снѣгомъ и дождемъ. Буря эта безостановочно продолжалась во всю ночь и на другой день, 21 ч. до полудня. Нѣсколько судовъ, бывшихъ на рейдѣ, потерпѣли бѣдствіе; по счастью изъ экипажа никто не погибъ. Въ продолженіе бури, отъ напора волнъ, при дувшемъ съ моря вѣтрѣ, вдоль берега Пересыпи, начиная отъ церкви до Круглой-площади и далѣе, вода сильно поднялась, нахлынула на землю и покрыва значительное пространство берега, до самаго шоссе, а мѣстами переходила и черезъ шоссе. Полиція, изъ предосторожности, распорядилась о вывозѣ дѣтей и имущества изъ нѣкоторыхъ ближайшихъ къ морю домовъ; но благодареніе Богу, при этомъ никто не погибъ. Въ горѣ силою бури сорвало часть жестяной обшивки съ шпилья соборной колокольни. На Рашковскомъ фонтанѣ почти совершенно разрушена выстроенная предъ фонтаномъ дамба. Эта полуторасуточная буря была одна изъ самыхъ сильныхъ, какія тамъ запомнить.

— 6-го декабря, въ день Тезоименитства Государа Императора, происходило съ Москвъ торжественное открытіе 2-го Кадетскаго Корпуса.

— Въ 8-й день декабря Ея Императорское Высочество, Великая Княгиня Мария Николаевна благополучно разрѣшилась отъ бремени сыномъ, который по обрядамъ Православной Церкви нареченъ Сергіемъ.

— Государь Императоръ Высочайше утвердить соизволилъ мнѣніе Государственнаго Совѣта, коимъ постановлено:

1.) Воспитанникамъ изъ Магометанъ Оренбургскаго края, кончившимъ съ успѣхомъ курсъ наукъ въ Казанской Гимназіи, и поступившимъ въ Университетъ, по Медицинскому Факультету, воспрещается переходить въ другіе Факультеты.

2.) Для узнанія и развитія способностей избираемыхъ мамолѣтковъ, прежде отправленія въ Гимназію, обучать ихъ русской грамотѣ въ Отдѣленіи Оренбургскаго Батальона Военныхъ Кантонистовъ, и способнѣйшихъ только отправлять въ Гимназію, на открывающіяся тамъ вакансіи, пополняя постоянно убыль въ Отдѣленіи мальчиками изъ Башкиро-Мещеряцкихъ кантоновъ, съ тѣмъ, чтобы тѣ изъ нихъ, которые, окончивъ въ Отдѣленіи ученіе, не поступятъ въ Гимназію, обращаемы были въ кантоны, для замѣщенія писарскихъ должностей въ кантонныхъ канцеляріяхъ.

— Въ издаваемой въ С.-Петербургѣ врачебной газетѣ Другъ Здравія напечатано слѣдующее о гигиеническомъ состояніи Петербурга съ 16 по 23 ноября:

Съ 16 по 23 ноября погода была ясная, тихая, холодная; морозъ доходилъ до 15 гр. и болѣе; съ 23 н. погода пасмурная, тихая, безснѣжная, умеренно холодная; морозъ колебался между 5 и 10 гр.; вѣтры сѣверовосточные, восточные и юговосточные. У многихъ насморки и кашель въ видѣ гриппа, въ особенности у дѣтей; часто встрѣчаются воспаленія зѣва и распуханіе подчелюстныхъ железъ, нерѣдко съ сочувственнымъ страданіемъ уха и гортани. Кашель бываетъ довольно упорный, и болѣею частью сухой, но не лихорадочный. Вообще при восточномъ вѣтрѣ, эти катарральныя пораженія чаще всего бываютъ. А извѣстно, что теперь появленіе оныхъ приписываютъ нахожденію въ атмосферѣ озона, котораго количество въ воздухѣ, по на-

блюденіямъ, весьма измѣняется. Желательно, чтобы у насъ предприняли изслѣдованія по сему предмету съ каждодневными метеорологическими наблюденіями.

— Съ первымъ лѣтнимъ караваномъ привезено золота, добытаго на Алтайскихъ частныхъ золотыхъ промыслахъ разныхъ владѣльцевъ, 431 пудъ 22 фунта 7 золот. и 17 доли.

— Умершій Почетный Гражданинъ Михаилъ Ивановъ Крашенинниковъ внесъ въ Сохранную Казну Московскаго Опекунскаго Совѣта, на имя Коломенской Градской Думы, 30,000 руб. сереб. на вѣчное время, съ тѣмъ, чтобы проценты съ сего капитала были выдаваемы ежегодно Думою бывшимъ двѣцѣмъ города Коломны, при выходѣ ихъ въ замужество.

— Полтавскія Губернскія Вѣдомости обнародовали слѣдующій перечень о числѣ родившихся въ Полтавской Епархіи въ прошломъ 1848 году:

Въ прошломъ 1848 году родилось въ Полтавской Епархіи 87,190 младенцевъ.

По отношенію къ православному народонаселенію въ городахъ находится *одинъ* родившійся на *семьдесятъ* жителей. Наибольшая въ этомъ отношеніи цифра принадлежитъ Константинограду, въ которомъ приходится 1 родившійся на 10 жителей. Между сельскими жителями, въ прошломъ году приходился *одинъ* родившійся на *девятнадцать* жителей. Наибольшее число родившихся, сравнительно съ народонаселеніемъ, представляетъ Полтавскій уездъ, въ которомъ родился одинъ на 15 жителей.

Общее число родившихся, какъ въ городахъ, такъ и селеніяхъ, въ 1848 году было: мужскаго пола 44,959, женскаго 42,231, всего 87,190, слѣдовательно, въ прошломъ году родился одинъ изъ *девятнадцати*.

Число родившихся мужскаго пола превышаетъ число родившихся женскаго пола 2,728, что составляетъ 6% т. е. на 100 дѣвочекъ родилось 106 мальчиковъ. Наибольшій перевѣсъ родившихся мужскаго пола предъ женскимъ былъ въ уездѣ Полтавскомъ, въ которомъ на 100 дѣвочекъ приходится 132 мальчика. Между родившимися въ городахъ

перевъсь этотъ составляетъ только 4 процента, а въ уездѣ Хорольскомъ, также въ 8 городахъ, перевъсь на сторону родившихся женскаго пола.

Въ 1847 году родилось обоего пола 88,345, следовательно, болѣе, чѣмъ въ 1848 году 1,155-ю.

— Съ 18-го на 19-е число ноября, въ Кіевѣ, въ Печерской Лаврѣ, въ 4 часа утромъ, вспыхнуло въ зданіи, гдѣ помѣщалась просфирія (за большою церковью), пламя, которое, распространившись, охватило вмѣстѣ съ нимъ устроенную подъ одну крышу типографію и вновь пристроенныя келіи. Опасность была велика, потому-что просфирія отъ большой церкви находится на разстояніи нѣсколькихъ сажени. и тѣмъ-болѣе что загорѣлись всѣ хранившіяся въ типографіи книги; листы летѣли даже на Старый Кіевъ. Но заботливостію отчасти погоды (тогда шелъ снѣгъ) и болѣею частью пожарной команды, пожаръ ограничился только просфирнею и типографіею, которая впрочемъ понесла болѣе убытка отъ уничтоженныхъ огнемъ типографскихъ припасовъ и книгъ. Зданія эти были каменные и крыты жестию.

— Государь Императоръ Высочайше утвердить соизволилъ слѣдующее положеніе Военнаго Совета:

1) Дозволить имѣть въ Оренбургскомъ Дѣвичьемъ Училищѣ 20 вакансій для дочерей чиновниковъ Уральскаго Казачьяго Войска, съ отнесеніемъ потребной на содержаніе ихъ издержки на счетъ войсковыхъ суммъ сего войска.

2) Имѣть въ томъ-же Училищѣ 10 вакансій для дочерей чиновниковъ Оренбургскаго Казачьяго Войска, съ отнесеніемъ потребной на сей предметъ издержки на счетъ военнаго капитала войска, и съ тѣмъ, чтобы означенныя вакансіи предоставляемы были дочерямъ только тѣхъ чиновниковъ, которые, по своимъ заслугамъ, при недостаточномъ состояніи, приобретутъ право на таковое вспомоствованіе имъ со стороны войска.

Что-же касается до открытія въ Уральскѣ Училища собственно для приходящихъ дѣвицъ, то Советъ положилъ: предоставить Командиру Отдѣльнаго Оренбургскаго Корпуса представить по этому предмету особое соображеніе.

— Обнародованъ въ С.-Петербургѣ слѣдующій Высочайшій Указъ Его Императорскаго Высочества Правительствующему Сенату:

Въ 8 день сего мѣсяца Любезнѣйшая Дочь Наша, Великая Княгиня Марія Николаевна, благополучно развѣрилась отъ бремени сыномъ, который, по обрядамъ Православной Церкви Нашей, нареченъ Сергіемъ.

Воздавъ благодареніе Всевышнему Промыслу за сіе счастливое Императорскаго Дома Нашега приращеніе, Мы признали за благо, въ новое изъясненіе родительской нѣжности къ Любезнѣйшей Дочери Нашей, Великой Княгини Маріи Николаевны, и Супругу Ея, пожаловать лично сему внуку Нашему титулъ Императорскаго Высочества. Повелѣваемъ Правительствующему Сенату сдѣлать всѣ надлежащія распоряженія, дабы сей поворожденный Внукъ Нашъ былъ во всѣхъ, гдѣ приличествуетъ, случаяхъ, именуемъ Его Императорскимъ Высочествомъ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«Н И К О Л А Й.»

Въ С.-Петербургѣ, 8-го декабря 1849 года.

— Его Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволилъ: въ среду, декабря въ 28 день, назначенный для Святаго Крещенія Высоконоворожденнаго Его Императорскаго Высочества Государя Князя Сергія Максимилиановича, съѣзжаться всѣмъ знатымъ обоего пола Особамъ, также Гвардіи, Арміи и Флота Штабъ и Оберъ-Офидерамъ и Господамъ чужестраннымъ Министрамъ, въ 10¹/₂ часовъ, въ Зимній Его Императорскаго Величества Дворецъ, къ слушанію Божественной Литургіи, и быть Дамамъ въ русскомъ платьѣ, а Кавалерамъ въ парадныхъ мундирахъ; собираться-же на половинѣ Ихъ Императорскихъ Величествъ, а чужестраннымъ Министрамъ и Членамъ Государственнаго Совета въ Александровской-залѣ.

— Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ всѣхъ воспитателей, положенныхъ по Штатамъ Император-

скихъ Александровскаго Лицея и Училища Правовѣдѣнія, имѣть изъ Военныхъ Оберъ-Офицеровъ.

— Министръ Внутреннихъ Дѣлъ разрѣшилъ, на основаніи предоставленнаго ему закономъ права, учредить въ г. Угличѣ ежегодную ярмарку, съ 8 по 12 іюля.

— Государь Императоръ Высочайше утвердить соизволилъ вновь составленное Лифляндское крестьянское поземельное уложеніе и проектъ устава тамошняго крестьянскаго, непрерывно-доходнаго Банка.

— Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать Войску Донскому, въ память достославнаго участія его въ войнѣ съ мятежными Венграми, Георгіевское знамя, при особой грамотѣ, удостоенной Собственноручнаго Его Величества подписанія.

— 8 декабря производились въ С.-Петербургѣ опыты электрическаго освѣщенія, по способу, изобрѣтенному, г. Архро.

— Пагубныя ученія, породившія смуты и мятежи во всей Западной Европѣ, и угрожающія испроверженіемъ всякаго порядка и благосостоянія народовъ, отозвались, къ сожалѣнію, въ нѣкоторой степени, и въ нашемъ отечествѣ.

Но въ Россіи, гдѣ Святая Вѣра, любовь къ Монарху и преданность къ Престолу—основаны на природныхъ свойствахъ народа и доселѣ хранятся непоколебимо въ сердцахъ каждаго—только горсть людей, совершенно-ничтожныхъ, болѣею частію молодыхъ и безривственныхъ, мечтала о возможности погрѣть священнѣйшія права религіи, закона и собственности. Дѣйствія злоумышленниковъ могли-бы только тогда получить опасное развитіе, если-бы бдительность Правительства не открыла зла въ самомъ началѣ.

По произведенному изслѣдованію, обнаружено, что слухившій въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, Титулярный Советникъ Буташевичъ-Петрашевскій, первый возымѣлъ замыселъ на испроверженіе нашего государственнаго устройства, съ тѣмъ, чтобы основать оное на безначаліи.

Для распространенія своихъ преступныхъ намѣреній, онъ собиралъ у себя, въ назначенные дни, молодыхъ людей разныхъ сословій. Богохуленіе, дерзкія слова противъ Священной Особы Государя Императора, представленіе дѣйствій Правительства въ искаженномъ видѣ, и порицаніе государственныхъ лицъ—вотъ тѣ орудія, которыя употреблялъ Петрашевскій для возбужденія своихъ посягателей! Въ концѣ 1848 года, онъ приступилъ къ образованію, независимо отъ своихъ собраній, тайнаго общества, дѣйствуя за-одно съ Поручикомъ Лейбъ-Гвардіи Московскаго полка Момбеля, Штабсъ-Капитаномъ Лейбъ-Гвардіи Егерскаго полка Львовымъ 2-мъ и неслужащимъ дворяниномъ Спѣшневымъ. Изъ нихъ: Момбеля предложилъ учрежденіе тайнаго общества, подъ названіемъ: «Товарищества»; или «Братства взаимной помощи и людей превратныхъ мыслей»; Львовъ—опредѣлялъ составъ общества, а Спѣшневъ—написалъ планъ для произведенія общаго возстанія въ Государствѣ.

У двухъ изъ сообщниковъ Петрашевскаго: Титулярнаго Советника Кашкина и Коллежскаго Ассессора Дурова, были также назначены, въ известные дни, собранія, въ томъ-же преступномъ духѣ.

Для раскрытія всѣхъ соучастниковъ въ этомъ дѣлѣ, Государю Императору благоугодно было учредить особенную секретную Слѣдственную Коммиссію, подъ предѣлительствомъ Генераль-Адъютанта Набокова, изъ слѣдующихъ членовъ: Дѣйствительнаго Тайнаго Советника Князя Гагарина, Генераль-Лейтенанта Дубельта и Генераль-Адъютантовъ: Князя Долгорукова 1-го и Ростовцева.

По представленному Его Величеству, послѣ пяти-мѣсячныхъ, самыхъ тщательныхъ розысканій, доклада Коммиссіи, всѣ лица, кои оказались вовлеченными въ преступныя замыслы или случайно, или по легкомыслію, посредствомъ другихъ, были по Высочайшему повелѣнію, освобождены отъ всякаго дальнѣйшаго преслѣдованія законовъ.

Затѣмъ признаны подлежащими окончательному судебному разбору 23 человека, коихъ Высочайше повелѣно предать суду, по Полевому Уголовному Уложенію, въ осо-

бой Военно-Судной Комиссии, учрежденной, под председательством Генераль-Адъютанта Перовскаго, изъ слѣдующихъ членовъ: Генераль-Адъютантовъ: Графа Строганова 2-го, Анненкова 2-го и Толстаго 1-го, и Сенаторовъ: князя Лобанова-Ростовскаго, Дурасова и Веймарна.

Генераль-Аудиторіатъ, по разсмотрѣніи дѣла, произведеннаго Военно-Судною Комиссіею, призналъ, что 21 подсудимый, въ большей или меньшей степени, но всѣ виновны: въ умыслъ на испроверженіе существующихъ отечественныхъ законовъ и государственнаго порядка, — а потому и опредѣлялъ: подвергнуть ихъ смертной казни разстрѣляніемъ; остальныхъ-же двухъ: отставнаго Подпоручика Черносивтова, къ обвиненію котораго юридическихъ доказательствъ не оказалось, но обнаружившаго самый вредный образъ мыслей, оставить въ сильномъ подозрѣніи и сослать на жительство въ одно изъ отдаленныхъ мѣстъ Имперіи, а сына почетнаго гражданина Катенева, по случаю помѣшательства въ умъ, оставить, въ настоящее время, безъ произнесенія надъ нимъ приговора, но по выздоровленіи, вновь предать Военному Суду.

Его Величество, по прочтеніи всеподданнѣйшаго доклада Генераль-Аудиторіата, изволилъ обратить Всемилюстивѣйшее вниманіе на тѣ обстоятельства, которыя могутъ, въ нѣкоторой степени, служить смягченіемъ наказанія, и въ слѣдствіе того Высочайше повелѣлъ: прочитать подсудимымъ приговоръ суда, при сборъ войскъ, и по совершеніи всѣхъ обрядовъ, предшествующихъ смертной казни, объявить, что Государь Императоръ даруетъ имъ жизнь, и затѣмъ, вмѣсто смертной казни, подвергнуть ихъ слѣдующимъ наказаніямъ:

1. Служащаго въ Департаментъ Внутреннихъ Сношеній Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Титулярнаго Совѣтника Михаила Буташевича-Петрашевскаго (28-ми лѣтъ).

Главные виды преступленій, судомъ обнаруженные:

За преступный замыслъ къ испроверженію существующаго въ Россіи государственнаго устройства, привлеченіе на бывшія у него сходбища разнаго званія, большою ча-

стію, молодыхъ людей, распространеніе между ними зловредныхъ идей богохуленіемъ, дерзкими словами противу Священной Особы Государя Императора, превратнымъ толкованіемъ правительственныхъ мѣръ и порицаніемъ государственныхъ лицъ, и наконецъ, за покушеніе составить для той-же цѣли тайное общество.

Заключеніе Генераль-Аудиторіата:

Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.

В ы с о ч а й ш а я конфирмація:

Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ, безъ срока.

2. Неслужившаго дворянина Николая Спшинева. (28-ми лѣтъ).

Главные виды преступленій, судомъ обнаруженные:

За злоумышленное намѣреніе произвести переворотъ въ общественномъ бытѣ Россіи, въ отношеніи политическомъ и религіозномъ, за покушеніе для той-же цѣли составить тайное общество, и произнесеніе на собраніяхъ у Петрашевскаго рѣчей противъ религіи.

Заклученіе Генераль-Аудиторіата:

Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.

В ы с о ч а й ш а я конфирмація:

Во вниманіе къ раскаленію и къ добровольному раскрытію весьма важныхъ обстоятельствъ дѣла, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на десять лѣтъ.

3. Лейбъ-Гвардіи Московскаго полка Поручика Николая Момбелли. (26-ти лѣтъ).

Главные виды преступленій, судомъ обнаруженные:

За злоумышленное намѣреніе произвести переворотъ въ общественномъ бытѣ Россіи, въ отношеніи политическомъ

и религиозномъ, за покушеніе для той-же цѣли составить тайное общество, и за помѣщеніе въ рукописныхъ своихъ сочиненіяхъ въ высшей степени дерзкихъ словъ о Священной Особѣ Государя Императора.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ ГЕНЕРАЛЬ-АУДИТОРИАТА:

Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.

ВЫСОЧАЙШАЯ КОНФИРМАЦІЯ:

Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на пятнадцать лѣтъ.

4. Лейбъ-Гвардіи Конно-Гренадерскаго полка Поручика *Николая Григорьева*. (27-ми лѣтъ).

Главные виды преступленій, судомъ обнаруженные:

За участіе въ преступныхъ замыслахъ, написаніе и распространеніе статьи въ высшей степени возмутительнаго содержанія, подъ заглавіемъ «Солдатская бесѣда», которая имѣла цѣлью поколебать въ нижнихъ чинахъ преданность къ Престолу и повиновеніе начальству.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ ГЕНЕРАЛЬ-АУДИТОРИАТА:

Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.

ВЫСОЧАЙШАЯ КОНФИРМАЦІЯ:

Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на пятнадцать лѣтъ.

5. Лейбъ-Гвардіи Егерскаго полка Штабсъ-Капитана *Оедора Львова 2-го*. (25-ти лѣтъ).

Главные виды преступленій, судомъ обнаруженные:

За непосредственное участіе въ преступныхъ намѣреніяхъ къ произведенію переворота въ общественномъ бытѣ Россіи и за принятіе участія въ совѣщаніяхъ о составленіи тайнаго общества.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ ГЕНЕРАЛЬ-АУДИТОРИАТА:

Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.

ВЫСОЧАЙШАЯ КОНФИРМАЦІЯ:

Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на двѣнадцать лѣтъ.

6. Студента С.-Петербургскаго Университета, *Николая Филиппова*. (25-ти лѣтъ).

Главные виды преступленій, судомъ обнаруженные:

За непосредственное участіе въ преступныхъ намѣреніяхъ къ произведенію переворота въ общественномъ бытѣ Россіи и за покушеніе къ распространенію въ высшей степени дерзкихъ, возмутительныхъ сочиненій.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ ГЕНЕРАЛЬ-АУДИТОРИАТА:

Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.

ВЫСОЧАЙШАЯ КОНФИРМАЦІЯ:

Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ арестантскія роты Инженернаго Вѣдомства на четыре года, и потомъ опредѣлить рядовымъ въ Отдѣльный Кавказскій Корпусъ.

7. Состоящаго при Азіатскомъ Департаментѣ, въ Учебномъ Отдѣленіи Восточныхъ языковъ, кандидата *Дмитрія Ахшарумова*. (26-ти лѣтъ).

Главные виды преступленій, судомъ обнаруженные:

За непосредственное участіе въ преступныхъ намѣреніяхъ къ произведенію переворота въ общественномъ бытѣ Россіи, и за покушеніе къ распространенію въ высшей степени дерзкихъ, возмутительныхъ сочиненій,

ЗАКЛЮЧЕНІЕ ГЕНЕРАЛЬ-АУДИТОРИАТА:

Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.

ВЫСОЧАЙШАЯ КОНФИРМАЦІЯ.

Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ арестантскія роты Инженернаго Вѣдомства на четыре года, и потомъ опредѣлить рядовымъ въ Отдѣльный Кавказскій Корпусъ.

8. Приватнаго слушателя въ С.-Петербургскомъ Университетѣ, Александра *Ханыкова*. (23-хъ лѣтъ).

Главные виды преступленій, судомъ обнаруженные:

За участіе въ преступныхъ замыслахъ и произнесеніе возмутительной рѣчи, въ коей порицалъ Бога и существующее въ Россіи государственное устройство.

Заключеніе Генераль-Аудиториата:

Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.

ВЫСОЧАЙШАЯ КОНФИРМАЦІЯ:

Во вниманіе къ молодымъ лѣтамъ, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, опредѣлить рядовымъ въ одинъ изъ Оренбургскихъ Линійныхъ Батальоновъ.

9. Отставнаго Коллежскаго Ассессора *Сергѣя Дурова*. (33-хъ лѣтъ).

Главные виды преступленій, судомъ обнаруженные:

За участіе въ преступныхъ замыслахъ, учрежденіе у себя въ квартирѣ собраній для этой цѣли и за покушеніе къ распространенію, посредствомъ домашней литографіи, сочиненій противъ Правительства.

Заключеніе Генераль-Аудиториата:

Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.

ВЫСОЧАЙШАЯ КОНФИРМАЦІЯ:

Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на четыре года, и потомъ опредѣлить рядовымъ.

10. Отставнаго Инженеръ-Поручика *Федора Достовскаго*. (27-ми лѣтъ).

Главные виды преступленій, судомъ обнаруженные:

За участіе въ преступныхъ замыслахъ, распространеніе одного частнаго письма, наполненнаго дерзкими выраженіями противъ Православной Церкви и Верховной власти, и за покушеніе къ распространенію, посредствомъ домашней литографіи, сочиненій противъ Правительства.

Заключеніе Генераль-Аудиториата:

Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.

ВЫСОЧАЙШАЯ КОНФИРМАЦІЯ:

Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на четыре года, и потомъ опредѣлить рядовымъ.

11. Служащаго въ Азіатскомъ Департаментѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Коллежскаго Советника *Константина Дебу 1*. (39-ти лѣтъ).

Главные виды преступленій, судомъ обнаруженные:

За участіе въ преступныхъ замыслахъ вообще, и въ особенности за совѣщанія о составленіи тайнаго общества.

Заключеніе Генераль-Аудиториата:

Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.

ВЫСОЧАЙШАЯ КОНФИРМАЦІЯ:

Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать на четыре года въ арестантскія роты Инженернаго Вѣдомства, и потомъ опредѣлить рядовымъ.

12. Служащаго въ Азіатскомъ Департаментѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Губернскаго Секретаря *Ипполита Дебу 2*. (25-ти лѣтъ).

Главные виды преступлений, судомъ обнаруженные:

За участіе въ преступныхъ замыслахъ, распространіе зловердныхъ ученій и за храненіе у себя въ высшей степени возмутительныхъ сочиненій.

Заключение Генераль-Аудиториата:

Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.

Высочайшая конфирмація:

Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать на два года въ арестантскія роты Инженернаго Вѣдомства, и потомъ опредѣлить рядовымъ.

13. Учителя русской словесности, не имѣющаго чина, Феликса *Толія*. (26-ти лѣтъ).

Главные виды преступлений, судомъ обнаруженные:

За участіе въ преступныхъ замыслахъ и чтеніе на собраніяхъ у *Петрашевскаго* рѣчи противъ религіи.

Заключение Генераль-Аудиториата:

Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.

Высочайшая конфирмація:

Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу на заводахъ на два года.

14. Помощника инспектора классовъ въ С.-Петербургскомъ Технологическомъ Институтѣ, Титулярнаго Советника *Ивана Ястржембскаго*. (25-ти лѣтъ).

Главные виды преступлений, судомъ обнаруженные:

За участіе въ преступныхъ замыслахъ и чтеніе на собраніяхъ у *Петрашевскаго* своихъ сочиненій, написанныхъ въ возмутительномъ духѣ.

Заключение Генераль-Аудиториата:

Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.

Высочайшая конфирмація:

Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу на заводахъ на шесть лѣтъ.

15. Неслужащаго дворянина *Алексѣя Плещеева*. (23-хъ лѣтъ).

Главные виды преступлений, судомъ обнаруженные:

За участіе въ преступныхъ замыслахъ и въ происшедшихъ на собраніяхъ у *Петрашевскаго* невольнительныхъ разсужденій о Правительствѣ и за доставленіе отставному Инженеръ-Поручику *Достоевскому* частнаго письма (о комъ упомянуто выше), наполненнаго дерзкими выраженіями противъ Православной Церкви и Верховной власти.

Заключение Генераль-Аудиториата:

Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.

Высочайшая конфирмація:

Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, опредѣлить рядовымъ въ одинъ изъ Оренбургскихъ Линейныхъ Батальионовъ.

16. Служащаго въ Азіатскомъ Департаментѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Титулярнаго Советника *Николая Кашкина*. (20-ти лѣтъ).

Главные виды преступлений, судомъ обнаруженные:

За участіе въ преступныхъ замыслахъ къ произведенію переворота въ общественномъ бытѣ Россіи, съ примѣненіемъ къ опому безначалія, за учрежденіе у себя на квартирѣ для этой цѣли собранія и произнесеніе преступныхъ рѣчей противъ религіи и общественного устройства.

Заключение Генераль-Аудиториата:

Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.

ВЫСОЧАЙШАЯ КОНФИРМАЦІЯ:

Во вниманіе къ молодости лѣтъ и раскаянію, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, опредѣлить рядовымъ въ одинъ изъ Кавказскихъ Линійныхъ Батальоновъ.

17. Состоящаго при Департаментѣ Министерства Юстиціи, Титулярнаго Советника Василя *Головинскаго*. (20-ти лѣтъ).

Главные виды преступленій, судомъ обнаруженные:

За возмутительные въ высшей степени разговоры противъ Правительства на собраніяхъ у *Петрашевскаго* и *Дурова*.

Заключение Генераль-Аудиториата:

Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.

ВЫСОЧАЙШАЯ КОНФИРМАЦІЯ:

Во вниманіе къ молодости лѣтъ, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, опредѣлить рядовымъ въ одинъ изъ Оренбургскихъ Линійныхъ Батальоновъ.

18. Лейбъ-Гвардіи Егерскаго полка Поручика Александра *Пальма*. (26-ти лѣтъ).

Главные виды преступленій, судомъ обнаруженные:

За посѣщеніе собраній *Петрашевскаго* и *Дурова* и за недоведеніе до свѣдѣнія Правительства о слышанныхъ имъ тамъ преступныхъ разговорахъ.

Заключение Генераль-Аудиториата:

Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.

ВЫСОЧАЙШАЯ КОНФИРМАЦІЯ:

Во вниманіе къ принесенному раскаянію, вмѣнивъ въ наказаніе нахожденіе подъ свѣдѣніемъ и судомъ, и восьмимѣсячное содержаніе въ казематъ, перевести тѣмъ-же чиномъ въ Армію.

19. Служащаго въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ чиновника для особыхъ порученій, Титулярнаго Советника Константина *Тимковскаго*. (34-хъ лѣтъ).

Главные виды преступленій, судомъ обнаруженные:

За участіе въ преступныхъ замыслахъ и распространеніе зловредныхъ ученій.

Заключение Генераль-Аудиториата:

Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.

ВЫСОЧАЙШАЯ КОНФИРМАЦІЯ:

Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать на шесть лѣтъ въ арестантскія роты Инженернаго Ведомства.

20. Отставнаго Коллежскаго Секретаря Александра *Европеуса*. (22-ти лѣтъ).

Главные виды преступленій, судомъ обнаруженные:

За участіе въ преступныхъ замыслахъ, предположеніе составить общую, для круга соучастниковъ, бібліотеку запрещенныхъ сочиненій и за допущеніе къ произнесенію въ его квартиру въ высшей степени преступныхъ рѣчей противъ религіи и Правительства.

Заключение Генераль-Аудиториата:

Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.

ВЫСОЧАЙШАЯ КОНФИРМАЦІЯ:

Во вниманіе къ молодости лѣтъ, лишивъ чиновъ, опредѣлить рядовымъ въ одинъ изъ Кавказскихъ Линійныхъ Батальоновъ, безъ лишенія дворянства.

21. Московскаго мѣщанина Петра *Шапошникова*. (28-ми лѣтъ).

Главные виды преступленій, судомъ обнаруженные:

За преступные разговоры въ своей квартирѣ противъ ре-

лиги и Правительства и за сильное подозрѣніе въ произнесеніи дерзкихъ словъ противъ Священной Особы Государя Императора.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ ГЕНЕРАЛЬ-АУДИТОРІАТА:

Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.

ВЫСОЧАЙШАЯ КОНФИРМАЦІЯ:

Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать на шесть лѣтъ въ арестантскія роты Инженернаго Вѣдомства, и потомъ определить въ одинъ изъ Оренбургскихъ Линійныхъ Батальоновъ.

За тѣмъ, подсудимаго, отставнаго Поручика *Черносвитова*, Высочайше повелѣно: оставивъ въ сильномъ подозрѣніи, отправить на жительство въ Кексгольмскую крѣпость; заключеніе-же Генераль-Аудиторіата на счетъ помѣшавшагося въ умъ сына почетнаго гражданина *Катенева*, заключающееся въ томъ, чтобы вновь предать его военному суду, въ случаѣ выздоровленія,—Высочайше утверждено.

И такъ, виновные, заслужившіе, по закону, смертную казнь и только неизреченнымъ милосердіемъ Государя Императора помилованные, понесутъ достойное наказаніе! Да послужить настоящее дѣло предостереженіемъ и спасительнымъ примѣромъ юношамъ, можетъ-быть также заблуждающимся, но еще не преступнымъ! Да обратятъ, въ особенности, родители вниманіе на нравственное воспитаніе дѣтей, и да потщатся внушать имъ съ младенческихъ лѣтъ, что только Святая Вѣра, любовь къ Монарху и преданность къ Отечеству, повиновеніе законамъ и установленнымъ властямъ—могутъ служить неизбѣемымъ основаніемъ спокойствію Государствъ и благоденствію всѣхъ и каждого!

— 19-го декабря, въ 5 часовъ утра, дано знать Полиціи извѣстія Батальона Военныхъ Кантонистовъ, что во флигель сего зданія, въ которомъ помѣщаются: во 2 этажѣ церковь и столовая, а въ нижнемъ двѣ кухни и цейхгаузъ, въ семь послѣднемъ произошелъ пожаръ.

Прибывшія на мѣсто пожарныя команды 12-ти Частей,

съ резервами 1-го отдѣленія, нашли, что пожаръ былъ въ цейхгаузѣ, между-тѣмъ какъ вся внутренность флигеля была наполнена сильнѣйшимъ густымъ дымомъ, чрезвычайно вредное вліяніе котораго на людей поставило въ невозможность дѣйствовать къ прекращенію распространенія пожара, такъ что до 4-хъ часовъ по-полудни нельзя было даже и опредѣлить степени опасности. Но за тѣмъ дѣйствія пожара значительно ослаблены: снята крыша съ флигеля, выломаны помы, потолоки и балки, изъ которыхъ только часть стогрѣла; оконечныя-же части флигеля и стропила крыши отстояны.

Все находившееся въ цейхгаузѣ сдѣлалось жертвою огня; тамъ хранились: двѣ бочки съ ламповымъ и коноплянымъ масломъ, значительное количество ветоши, деревянныя опилки, сало, мыло, свѣчи, и въ большомъ количествѣ доски.

При дѣйствіи пожарныхъ командъ, рядовой Петербургской Части, Михайловъ, провалился черезъ открытый люкъ въ цейхгаузъ, и отъ дыма задохся; унтеръ-офицеръ Нарвской Части, Алексѣевъ, упалъ со втораго этажа, и переломилъ правую руку, и Петербургской Части Помощникъ Брантгейстера, Навротскій, повредилъ себѣ зрѣніе:

— Высочайшимъ указомъ, даннымъ Капитулу Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ 13 минушаго ноября, повѣлено лицъ, подвергшихся какому-либо оштрафованію, не удостоивать награжденія орденами Св. Георгія и Св. Владимира за 25 и 35-ти лѣтнюю безпорочную службу, подобно какъ таковыя не награждаются знаками отличія безпорочной службы.

— Военный Совѣтъ, разсмотрѣвъ представленіе Департамента Военныхъ Поселеній, о назначеніи нижнимъ чинамъ Донскаго Учебнаго Казачьяго полка мясной порціи, согласно ходатайству Наказнаго Атамана Войска Донскаго, положилъ.

1) Разрѣшить производство мясныхъ порцій всѣмъ вообще строевымъ и нестроевымъ нижнимъ чинамъ Учебнаго Донскаго Полка, съ отпускомъ потребныхъ для того денегъ изъ войсковыхъ суммъ.

2) Сообразно сему, 25 пунктъ Положенія о Донскомъ

Учебномъ Казачьемъ Полку, внесеннаго въ приложение 1-го продолженія 2 кв. 1-й части Свода Воен. Постан., дополнить слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Всѣмъ нижнимъ чинамъ Донскаго Учебнаго Казачьяго Полка, какъ въ кадренномъ, равно въ перемѣняющемся составѣхъ, а также нестроевымъ, пока на службѣ въ семь полку состоять будутъ, производится на счетъ войсковыхъ суммъ мясная порція, по три раза въ недѣлю, по $\frac{1}{2}$ фунту говядины на человека, съ отпускомъ въ полкъ денегъ за каждый пудъ мяса, постоянно по одному рублю шестидесяти коп. серебромъ.»

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

(Съ 15
27 Ноября 1849 года по 20 Декабря 1849 г.)
1-е Января 1850.)

Франція.

— По послѣднимъ извѣстіямъ, между Елисейскимъ Дворцомъ и большинствомъ Законодательнаго Собранія нѣтъ совершеннаго согласія: объ этомъ свидѣтельствуютъ два рѣшенія въ засѣданіи. Это еще не совершенная оппозиція, а только недоброжелательство, но и оно имѣетъ свое значеніе. Во-первыхъ толковали о покупке конскаго завода въ Сень-клу, принадлежащаго къ частному имуществу Людовика Филиппа. Министры утверждали, что онъ ненуженъ, и что содержаніе его только увеличитъ расходы казны. Собраніе не послушалось ихъ, и препроводило предложеніе въ комиссію на разсмотрѣніе. Второй вопросъ былъ важнѣе: дѣло шло о назначеніи 20,000 фр. квартирныхъ денегъ Вице-Президенту Республики. Это предложеніе не было принято. Дѣла эти неважны въ существѣ своемъ, но не предзнаменуютъ ничего хорошаго другимъ важнѣйшимъ проектамъ законовъ, которые правительство намѣрено представить Собранію. — Журналъ le Constitutionnel, бывшій донынѣ органомъ партіи Тьера, перешелъ на сторону Президента Республики, и сдѣлался Мониторомъ Елисейскаго Дворца. И это содѣйствуетъ къ разстройству согласія Пре-

зидента съ большинствомъ. Нельзя ничего предсказать о послѣдствіяхъ этого разногласія. Между тѣмъ Парижъ совершенно спокоенъ; ему надоели эти волненія и споры между большинствомъ, меньшинствомъ, и т. п.

— Въ *Indépendance belge* напечатано частное письмо изъ Парижа, отъ 26-го декабря, въ которомъ сказано, что несогласіе существуетъ теперь не только между большинствомъ Собранія и исполнительною властію, но и между членами большинства. Въ последнемъ засѣданіи общества Орсейской-набережной не могли согласиться по вопросу о мѣстѣ ссылки. Одни хотѣли примѣнить новыя узаконенія къ нынѣшнимъ осужденнымъ; другіе же, вмѣстѣ съ министерствомъ, думали, что законъ не долженъ имѣть обратнаго дѣйствія. Въ демократической партіи согласія немного, и война, объявленная главнымъ представителямъ социализма, все еще продолжается. Прудонъ объявилъ, что онъ не увлечется отъ предполагаемой имъ цѣли возгласами нѣсколькихъ клубистовъ (выраженіе это достойно примѣчанія) и будетъ дѣйствовать по своему. Однимъ-словомъ, вездѣ хаосъ, и на правой сторонѣ и на лѣвой, и въ центрѣ. Это замѣтно въ самыхъ маловажныхъ вопросахъ.

— Осужденные за покушеніе 13 іюня привезены въ Дуланскую тюрьму, гдѣ уже сидятъ Барбесъ, Распаль и др.

— Петръ Бонапарте написалъ письмо къ Военному Министру, въ которомъ не весьма почтительно отзывается о Президентѣ Республики. Сверхъ того онъ вызвалъ и дрался на дуели съ тремя редакторами журналовъ, а именно г. Рене де-Ровиго, редакторомъ *Corsaire*; г. Дюрриэ, редакторомъ *Temps*, и г. Шеве, редакторомъ *la Voix du Peuple*.

— По одному изъ частныхъ парижскихъ писемъ, сообщенныхъ въ *Indépendance belge* отъ 23-го ноября, сдѣланы были попытки для сближенія Президента съ Тьеромъ, который, какъ увѣриютъ, чрезвычайно раздраженъ на Президента, и явно обнаруживаетъ это раздраженіе въ конференцъ-залѣ Собранія. Если судить по выраженіямъ одной газеты, которую теперь выдаютъ за органъ Тьера (*le Courrier français*) и которая нападаетъ на новую газету Ели-

сейскаго Дворца (*le Constitutionnel*) съ безпримѣрною дерзостью, — сближеніе это едва ли возможно.

— Извѣстно, что февральская революція совершенно разрушила доходы города Парижа, и истребила его запасныя капиталы. По сей причинѣ городской совѣтъ рѣшилъ и на будущій 1850 г. взимать въ городской доходъ надбавленный акцизный налогъ на вино, спиртъ, пиво и мясо. Сверхъ того увеличены будутъ сборы за продажу устриць, коровьяго масла, яицъ, трюфелей и дичи.

— Объ арестованіяхъ въ улицѣ Румфорда сообщаютъ слѣдующія подробности въ *Bulletin de Paris*: «Вчера, вечеромъ въ семь часовъ, улица Румфорда и весь тамошній кварталъ были встревожены по слѣдующему случаю. Въ сказанную часъ явился тамъ батальонъ 30-го линейнаго полка, стоящаго въ казармахъ улицы Пепиньеръ, а съ другой стороны отъ двадцати-пяти до тридцати городовыхъ сержантовъ, предводимыхъ полицейскимъ комиссаромъ (частнымъ приставомъ) и другими чиновниками полиціи. Вся эта сила остановилась передъ домомъ № 16. Тамъ войска, составивъ каре, загородили всю улицу. Полицейскіе чиновники взошли во второй этажъ дома, гдѣ сидѣли и разсуждали человекъ сорокъ-пять или пятьдесятъ. Коммисаръ, приказавъ отпереть двери, сказалъ: «Вы арестованы именемъ закона.» Никто изъ этихъ лицъ не имѣлъ возможности скрыться. Всѣхъ свели внизъ, и поставили среди каре, который отвелъ ихъ въ тюрьму Консьержери. Въ числѣ арестованныхъ только одинъ человекъ былъ въ блузѣ, но многіе одѣты были шегольски. Сегодня началось слѣдствіе, и многіе жильцы того дома приглашены префектурою полиціи въ свидѣтели. Весь день любопытные приходили въ улицу Румфорда, поглазѣть на домъ подъ № 16.

— Кажется, что заговоръ легитимистовъ, открытый въ улицѣ Румфорда, не очень важенъ, и что въ-самомъ-дѣлѣ заговора не было. Нѣсколько легитимистовъ собирались у жившаго тамъ г. Кампаніола, читали книги и брошюры, относящіяся къ предмету ихъ желаній и надеждъ, и бесѣ-

довали о лучших временах. Арестование их произведено только въ полицейскомъ, а не въ политическомъ отношеніи. Говорятъ, что принадлежащіе къ этой партіи члены Собранія не намѣрены по этому случаю требовать объясненій у министровъ.

— На сихъ дняхъ скончался здѣсь скоропостижно Россійскій Генеральный Консулъ въ Парижѣ, Статскій Советникъ В. И. Шпиль.

— По извѣстіямъ, полученнымъ въ морскомъ министерствѣ, начальникъ французской эскадры у береговъ Калифорніи, послалъ одного крейсера; этотъ крейсеръ захватилъ въ тѣхъ мѣстахъ большое число пиратовъ, появившихся тамъ во множествѣ. Многіе подозрительные корабли были взяты и отведены въ Валпарайсо, на рѣшеніе адмирала Троммессена.

— Сальванди и многія другія лица, возвратившіяся изъ Клермонта, привезли, какъ говорятъ, опредѣлительныя извѣстія о намѣреніяхъ Людовика Филиппа и его фамиліи. Король объявилъ всѣмъ, что не сожалѣя о томъ, что сдѣлалъ, онъ отказался отъ всякой надежды въ будущемъ. По его мнѣнію, необходимо соглашеніе обѣихъ линій Бурбонской фамиліи, и онъ на это согласенъ. Онъ не намѣренъ объявлять о своемъ совершенномъ отреченіи въ пользу какого-либо будущаго королевства или реставраціи, какъ поступилъ и графъ Шамборъ, но думаетъ, что достаточно довести это, посредствомъ своихъ друзей, до свѣдѣнія тѣхъ, кому о томъ знать должно. Сверхъ того, онъ объявилъ, что его сыновья совершенно съ нимъ согласны, и желаютъ только, въ случаѣ необходимости, сражаться за свое отечество противъ внутренняго или внѣшняго врага. Онъ отозвался, что весьма доволенъ политикою Людовика Наполеона, и хвалилъ его осторожность и спокойствіе. Эти извѣстія съ нѣкотораго времени распространились въ политическихъ кругахъ Парижа, и Сальванди, послѣ своего возвращенія, сдѣлался средоточіемъ всѣхъ приверженцевъ Орлеанскаго дома. Королева Марія Амалія просила о выдачѣ ей нѣсколькихъ картинъ изъ Тюльерійскаго двор-

ца, составлявшихъ ея частную собственность. На нихъ былъ ея вензель. Начальства приказали немедленно выдать требуемыя картины.

— Въ прибавленіи къ Алжирскому Монитеру, отъ 30-го ноября сообщаютъ слѣдующее о взятіи Заачи: «Алжиръ, 2-го декабря. Сейчасъ получили мы извѣстіе о взятіи Заачи. 26-го ноября, въ восемь часовъ утра, въ три бреши, произведенныя пушечными выстрѣлами и работами саперовъ, неустрашимо вторглись три колонны, каждая въ 800 человекъ, предводимыя полковниками Барралемъ, и Канробертомъ и подполковникомъ Лурмелемъ, 8-го линейнаго полка. Четвертая, подъ начальствомъ маіора Бурбаки, окружала въ это время цѣпью всю Заачу. Нападеніе войскъ нашихъ было изумительно, но и сопротивленіе Заачи въполнѣ соответствовало отчаянной защитѣ, остававшейся на сѣбѣ подъ стѣнами ея цѣлыя шесть недѣль. Однако же мѣнѣе, нежели въ часъ, улицы и террасы были въполнѣ заняты; но этимъ не ограничились труды для овладѣнія этою грозною крѣпостью: надобно было поочередно брать каждый домъ, и осаждать ихъ первые этажи, въ которыхъ окопались преслѣдуемые нами отчаянные непріятели. Нѣкоторыми домами не иначе можно было овладѣть, какъ поднявъ ихъ порохомъ на воздухъ, вмѣстѣ съ защитниками. Эти частныя бои стоили намъ почти столько же, какъ и самый штурмъ. Черезъ четыре часа послѣ взятія города раздавались еще выстрѣлы изъ-подъ развалинъ. Въ это время колонна Бурбаки выдерживала сильный бой съ племенемъ Лишаны. Гумы и кавалерія отражали также съ своей стороны нападеніе племени Толги. Ни одинъ изъ фанатическихъ спутниковъ Бу-зіана не просилъ пощады. Всѣ до послѣдняго пали съ оружіемъ въ рукахъ. Больше 800 труповъ, устилающихъ землю, свидѣтельствовали о жестокости послѣдней битвы у Заачи. Бу-зіанъ, два сына его и шерифъ Си-Муссы, бунтовавшій прежде на югѣ Мединъ и прокрадшійся только въ послѣднее время въ Заачу, были преслѣдуемы изъ дома въ домъ, и наконецъ скрылись въ домъ самаго Бу-зіана, гдѣ оказали отчаянное сопротивленіе. Посредствомъ подкопа овладѣли ихъ убъ-

жищемъ, въ которомъ они и погибли. Чтобъ Арабы не сомнѣвались въ участи, заслуженной главѣйшими виновниками возмущенія, головы ихъ были выставлены въ лагерь генерала Гербилюна. Съ нашей стороны убито отъ 30-ти до 40 человекъ, и ранено 150. Между убитыми находится: капитанъ Алжирскихъ стрѣлковъ Лаперузъ, подпоручикъ 1-го полка Слагонъ Розетти и поручикъ Зуавонъ Реньякъ. Ранены одинъ штабъ-офицеръ и пять оберъ-офицеровъ.

— Известно, что Президентъ Республики, посѣтивъ замокъ Гамъ, позволилъ содержащемуся тамъ арабскому предводителю Бу-Мазъ жить въ городѣ. Нынѣ онъ освобожденъ совершенно.

— Разсчитано, что у французскихъ береговъ, отъ Байонны до Дюнкерка, погибаетъ ежегодно до двухъ сотъ кораблей. Въ 1849 г. погибло уже 176.

— Газета *le Peuple*, которая теперь переименована въ *la Voix du peuple*, существовала восемь мѣсяцевъ. Въ это время она была восемнадцать разъ подъ судомъ. Издатели ея и редакторы подвергнуты были по приговорамъ уплатъ 81.800 франковъ пени и тюремному заключенію на 34 года и 2 мѣсяца. На одного г. Дюшена пала, по двѣнадцати приговорамъ, уплата 59.400 франковъ и 29 лѣтъ и 3 мѣсяца тюремнаго заключенія. Въ этихъ восемнадцати процессахъ газета была оправдана только однажды. Теперь пятеро редакторовъ ея находятся въ тюрьмѣ: гг. Варбанте, Дюшенъ, Прудонъ, Ниль и Ланглау — два послѣдніе на всю жизнь. Луи Менаръ, заочно осужденъ къ ссылке по дѣлу 13-го іюня.

— Въ Національномъ Собраніи разсказываютъ слѣдующій анекдотъ. Нѣкоторые прежніе депутаты, подписавшіе обвинительный актъ противу Гизо, спрашивали его по возвращеніи, какія перемены онъ нашелъ во Франціи. «Никакихъ, отвѣчалъ Гизо, никакихъ, кромѣ династіи, но я нашелъ, что ненависть сдѣлалась сильнѣе, а упрямство нѣкоторыхъ партій упорнѣе, нежели когда-нибудь.»

— Въ Монитерѣ напечатанъ циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ ко всемъ префектамъ: «Президентъ Республики» сказано въ немъ, «получилъ во время своего путешествія много просьбъ отъ лицъ, бывшихъ прежде сего въ военной службѣ. Это знаменитые ветераны времени Республики и Имперіи. Многіе изъ нихъ лишены наградъ, которыя заслужили своими подвигами. Они давно страдаютъ за свою преданность и вѣрность къ Императору. Если нѣкоторые изъ таковыхъ защитниковъ отечества находятся въ вашемъ департаментѣ, развѣдайте тщательно о ихъ положеніи, отберите у нихъ просьбы, обсудите, основательны ли онѣ, составьте имъ списокъ, и доставьте его мнѣ при вашемъ мнѣніи. Долгъ правительства принять мѣры къ удовлетворенію, которое для многихъ очень поздно, а для иныхъ и слишкомъ поздно. Правительство одушевляется при семъ мыслію племянника Императора, съ благоговѣніемъ вспоминающаго о своемъ дядѣ и желающаго отъ имени отечества вознаградить тѣхъ, которые служили ему со славою.»

— Въ одномъ вечернемъ собраніи у г. Моле, указывали на г. Персиньи, какъ на будущаго министра иностранныхъ дѣлъ.

— Въ газетахъ увѣряютъ, что французское правительство получило официальное извѣстіе о беременности Королевы Испанской.

— Президентъ намѣренъ отправить въ Алжиръ 500 чел. іюньскихъ инсургентовъ, которые еще не получили прощенія. Но коммисія Собранія на то не соглашается, и представитъ донесеніе противу этого проекта. Сверхъ того коммисія объявила, что семейства ссыльныхъ не должны съдѣлать за ними.

— На-дняхъ происходилъ пріемъ г. де Ноая въ члены Французской Академіи; онъ занялъ мѣсто Шатобріана, и долженъ былъ прочесть похвальное ему слово. Слово это было болѣе политическое, нежели литературное, длинное скучное, холодное. Зала Института была наполнена. Гизо, Сальванди, Дюмонъ, Моле, Пакіе, Кузенъ, Токвиль, Шан-

гарни, Дюпенъ, Вильменъ, Ремюза были въ собраніи. Г. Патенъ отвѣчалъ на рѣчь новопринятаго. Послѣ этого г. Ноаль былъ превозглашенъ академикомъ за сочиненіе его: Жизнь г-жи Ментенонъ. Тѣра въ собраніи не было.

— Лионскій Судъ произнесъ приговоръ надъ судимыми за іюньскія происшествія: 14 отсутствующихъ осуждены на изгнаніе, 6 присутствующихъ на тюремное заключеніе отъ двухъ до шести лѣтъ; 13 человекъ оправданы. Оба депутата, Сомміе и Ришардель, какъ равно и редакторъ газеты *Democratie Jurassienne* Бишонъ, оправданы судомъ присяжныхъ. Но трое оправданныхъ будутъ вновь судимы за нарушение законовъ книгопечатанія.

— Въ газетѣ Акбаръ напечатано, что Гарибальди находится теперь въ Тангеръ. На сардинскомъ военномъ бригѣ прибылъ онъ въ Гибралтаръ, гдѣ у него есть родственники, и гдѣ онъ самъ служилъ некогда лоцманомъ на купеческомъ суднѣ. Англійскій губернаторъ не позволилъ ему оставаться тамъ долѣе четырехъ дней. Съ другой стороны испанскія начальства запретили ему въѣздъ въ свои границы. Тогда онъ рѣшился отправиться въ Тангеръ.

— Въ Мониторъ была напечатана довольно любопытная статья отъ имени самого Президента Республики: въ ней онъ объявляетъ, что, по примѣру своего дяди, будетъ приглашать на свои совѣщанія людей извѣстныхъ и добросовѣстныхъ, изъ всехъ партій, не осведомляясь о ихъ прежнемъ поведеніи, и не боясь нападокъ, которые могутъ быть возбуждены этою мѣрою. Это участіе главы Правительства въ политикѣ — одно изъ любопытнѣйшихъ обстоятельствъ его личнаго уравненія.

Въ этой же газетѣ напечатаны распоряженія о распусненіи шести остальныхъ баталіоновъ подвижной національной гвардіи. Срокъ существованія ихъ истекаетъ, какъ известно, 31-го декабря.

— Въ *Presse* сказано слѣдующее о засѣданіяхъ Собранія: Законодательное собраніе не имѣетъ никакой силы. Всѣ засѣданія его похожи какъ одно яйцо на другое. Не было ни одного со дня открытія его, изъ котораго Франція

почерпнула бы какую-нибудь пользу. Не обсуждаютъ дѣль, а разговариваютъ, съ дѣтскими замашками. Блескъ краснорѣчивыхъ реній не прикрываетъ, какъ прежде, бесплодности результата. Если не ошибаемся, то этотъ опытъ, ежедневно возобновляющійся передъ глазами Франціи, лучше всехъ теорій вразумить ее, что въ безсмысленныхъ собраніяхъ нѣтъ ни цѣли, ни пользы.

— Конецъ засѣданія Національнаго Собранія, 5-го декабря, былъ ознаменованъ замѣчательнымъ происшествіемъ. Люди, разсеивающіе разные неосновательные слухи, распространили извѣстіе, что два корабля, на которые посажены были войска, отправляемыя изъ Италіи, потонули въ Средиземномъ морѣ. Общее волненіе было такъ сильно, что занятія собранія прекратились, доколѣ Президентъ, посѣтившій послать за достоверными свѣдѣніями къ морскому министру, не успокоилъ членовъ.

— *Засѣданія Законодательнаго Собранія. 12 декабря.* Въ началѣ засѣданія продолжались ренія о проектѣ закона касательно налога на напитки. Одинъ безвѣстный ораторъ изъ монтаньяровъ, *Прадье*, произнесъ длинную рѣчь противъ проекта; но его никто не слушалъ. Таже участь постигла рѣчи и нѣкоторыхъ другихъ членовъ, изъ коихъ одинъ говорилъ въ пользу министерскаго предложенія, другіе противъ него. Г. *Бастій* старался доказать незаконность и несправедливость этого налога: «Въ Энискомъ Департаментѣ, напримѣръ, сказалъ онъ, бочка вина стоить въ оптовомъ торгѣ 11 франковъ, а продавать ее по частямъ, такъ она обойдется въ 41 франкъ. Налоги справедливы только тогда, когда они пропорціалны.» Ораторъ соглашался, что положеніе французскихъ финансовъ поставило министерство въ необходимость предложить сохраненіе подобнаго налога, но охуждалъ вообще всю систему налоговъ во Франціи. По желанію *Монталамбера*, ренія отложены до слѣдующаго засѣданія.

13 декабря. Въ этомъ засѣданіи продолжались ренія о проектѣ закона, касающемся налога на напитки. *Туре* предлагалъ сдѣлать поправку въ протоколъ вчерашняго

засѣданія, на томъ основаніи, что въ немъ было сказано, что *Шарансе* объявилъ вчера, будто бы Учредительное Собраніе отмѣнило налогъ на напитки безъ преній. Президентъ объявилъ *Туре*, что онъ не имѣетъ слова и долженъ сойти съ трибуны, но *Туре* не обратилъ вниманія на слова президента и остался на трибунѣ, за что былъ приглашенъ къ порядку. Левая сторона протестовала противъ этого. *Туре* сошелъ съ трибуны, и тоже протестовалъ. Президентъ объяснялъ свой поступокъ съ *Туре* тѣмъ, что этотъ представитель вошелъ на трибуну, не имѣя на то права.

— Въ засѣданіи 14 числа произнесено нѣсколько рѣчей о налогѣ на напитки. Замѣчательнѣе всѣхъ рѣчь *Леона Фошѣ*. Этотъ бывший министръ внутреннихъ дѣлъ, какъ известно, подвергается безпрерывнымъ нападкамъ Горы, и между тѣмъ онъ нѣкоторыми частями своей рѣчи заслужилъ одобреніе лѣвой стороны, хотя и поддерживалъ необходимость налога. Правда, что при этомъ *Леонъ Фошѣ* съ жаромъ говорилъ о преуспѣяніи, и опровергалъ теорію, которую накануне такъ краснорѣчиво развивалъ г. *де Монталамберъ*, нетерпящій никакихъ измѣненій въ настоящемъ порядкѣ вещей. *Паскаль Дюпра* говорилъ противъ налога на напитки. Учредительное Собраніе, по предложенію своихъ членовъ, рѣшилось отмѣнить налогъ на напитки, и Гора поддерживала эту мѣру. Можно ли назвать такое поведеніе Горы анархическимъ? Гора хочетъ не только, чтобы налогъ былъ отмѣненъ; но чтобы его замѣнили другимъ образомъ. Сбереженія, которыя предлагаетъ Гора, были бы достаточны, чтобы покрыть дефицитъ. *Леонъ Фошѣ*, прежде нежели коснулся до самаго предмета, говорилъ о томъ, какое различіе существуетъ между тѣми, которые хотятъ преобразовать и тѣми, которые хотятъ возмутить. Преобразователь въ тоже время, когда онъ хочетъ уничтожить какой-нибудь налогъ, предлагаетъ другой, который бы замѣнилъ первый. Возмутитель объ этомъ и не думаетъ. Преобразователь избираетъ спокойную минуту, а возмутитель поспѣшитъ воспользоваться неблагоприятною минутою. Хо-

тять отмѣнить налогъ, когда въ бюджетѣ дефицитъ въ 125 милліоновъ, и то ежели не представится какой-нибудь непредвидимый случай. Потомъ ораторъ перешелъ къ главному предмету, и говорилъ, что за каждый налогъ можно упрекнуть себя, но за налогъ на напитки меньше, нежели за какой-либо другой. Ораторъ заключилъ рѣчь свою такъ: «Не смотря на преступленія первой революціи, Франція желаетъ свободы; но не смотря на бѣдственныя войны Имперіи, она желаетъ славы, не смотря на оргіи вещественныхъ выгодъ во время Июльскаго правленія, она желаетъ богатства, не смотря на гнусное возстаніе за Июльскими баррикадами, она жаждетъ порядка. А нѣтъ порядка безъ преуспѣянія. Я, со своей стороны, буду всю жизнь къ нему стремиться». *Геври* говорилъ противъ налога на напитки; онъ утверждалъ, что этотъ налогъ несправедливъ и противенъ системѣ, принятой уложеніемъ, потому-что за простое и за хорошее вино должно платить ту же пошлину. Налогъ этотъ должно отмѣнить хоть только потому, что весь противъ него. Г. *Шарль Дюпенъ* изложилъ исторію финансовыхъ дѣлъ съ 1789 года до нынѣшнихъ временъ, исторію отмѣны Учредительнымъ Собраніемъ налога на напитки, и въ заключеніе требовалъ сохраненія всѣхъ косвенныхъ налоговъ, надежнѣйшаго источника государственныхъ доходовъ Франціи.

— Въ послѣднемъ засѣданіи Законодательнаго Собранія продолжались пренія о налогѣ на питія. Могенъ говорилъ противъ проекта, и предлагалъ замѣнить этотъ налогъ податью съ продажи пороха, капсулей, простой и обойной бумаги, съ предметовъ роскоши, съ биржевыхъ слѣлокъ, и т. п. За нимъ говорилъ нѣкто *Фуртуль* въ пользу проекта, но такъ вяло и утомительно, что его вовсе не слушали; члены громко разговаривали между собою, смѣялись и пр. За нимъ слѣдовало говорить члену лѣвой стороны *Жюль-Фавру*, но съ правой потребовали прекратить преніе и приступить къ сбору голосовъ. Это угрожало паденіемъ проекту.

— Пренія о налогѣ на питія кончены; проектъ закона, которымъ удерживается сей налогъ, принятъ въ Законодатель-

номъ Собраніи 418-ю голосами противъ 245. Къ этому прибавлено, что будетъ составленъ комитетъ изъ пятнадцати членовъ, для изысканія средствъ къ облегченію взиманія сего налога. Комитетъ долженъ кончить это дѣло къ 1-му іюля 1850 г. Хотя все ожидали этого результата, но онъ произвелъ некоторое движеніе въ Собраніи. Вероятно, что и въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыхъ наиболее касается этотъ налогъ, произойдетъ некоторое волненіе; но нѣтъ сомнѣнія, что общее спокойствіе Франціи оттого нарушено не будетъ.

— Въ продолженіи года, истекшаго съ 10-го декабря, преданы были суду во Франціи 607 человекъ за нарушеніе законовъ тишенія; они приговорены къ пенямъ въ 448,430 фр. и къ заключенію въ тюрьмы на 213 лѣтъ.

— На парижскомъ монетномъ дворѣ выбита медаль въ память г. Росси, умершаго въ Римѣ. Говорятъ, что она выбита по заказу Папы, который намѣренъ распространить ее въ своихъ владѣніяхъ.

А н г л і я.

— Корабли Энтерпрейсъ и Ивествигаторъ, уже ходившіе для отысканія Сира Джона Франклина, получили приказаніе быть готовыми къ отплытію будущей весною въ Арктическія моря, въ надеждѣ отыскать неустрашимаго путешественника.

— Корабль Энтерпрейсъ началъ разгружаться. Капитанъ Россъ, посѣтивъ его обнаружилъ полную надежду, что капитанъ Франклинъ съ спутниками своими находится еще въ живыхъ. Онъ намѣренъ предложить Адмиралтейству назначить награду въ 50,000 фун. стер. за спасеніе всей экспедиціи или части ея, предоставивъ частнымъ лицамъ производить эти розыски. Онъ требовалъ также, чтобы будущей весною возобновили поиски. По случаю некотораго сомнѣнія въ вѣрности извѣстій, сообщен-

ныхъ Эскимосами, все, которые бывали въ сношеніяхъ съ ними, увѣряютъ, что они очень понятливы, и что описанія земель и заливовъ, сдѣланныя ими, совершенно вѣрны, какъ равно и рисунки, начертанные известью на палубѣ, и пальцами или палками на снѣгу.

— По статистическимъ изслѣдованіямъ, число нищихъ въ Лондонѣ составляетъ 15,249 человекъ, между которыми (что достойно примѣчанія) нѣтъ ни одного изъ Валлійскаго княжества. Сообщившій это замѣчаніе, говоритъ, что онъ объѣхалъ всю эту область и въ бѣднѣйшихъ ея округахъ не нашелъ ни одного нищаго.

— Въслѣдствіе прокламаціи королевы, происходило благодарственное молебствіе по случаю прекращенія холеры. Все присутственныя мѣста, все фабрики, мастерскія и лавки были закрыты. Церкви наполнены были молящимися, и въ пользу пострадавшихъ отъ холеры собрано значительное подаяніе; на рѣкѣ господствовала совершенная тишина. Пристані париходовъ были закрыты, и движеніе судовъ на этотъ день прекратилось.

— Верховный судъ на островѣ Корфу приговаривалъ къ смертной казни и уплатѣ судебныхъ издержекъ, преданныхъ суду министерствомъ 8 февраля 1849 г. Георгія и Ставро Метаскано, Герасима Лазари, Никольса Колаути, Анастасія Супіону, Спиридона Заики, Георгія Лоренцато, Дмитрія Апостолато, Сиро Манронди, и Федора Типальдо (между тѣмъ умершаго) Они найдены были виновными въ замыслѣ противу всеобщей безопасности. Все они уроженцы Кафалоніи.

— Герцогъ и герцогиня Немурскіе возвратились въ прошедшую пятницу изъ Брюсселя въ Клермонтъ. Король Лудовикъ Филиппъ и Королева совершенно здоровы, и Король находится въ веселомъ расположеніи духа. Принцъ и Принцесса Жуанвильскіе, равно какъ Герцогъ и Герцогиня Омальскіе, также находятся теперь въ Клермонтѣ.

— Недавно одинъ бывший перъ посѣтилъ замокъ Клермонтъ, и бесѣдовалъ съ Лудовикомъ Филиппомъ о дѣй-

ствіяхъ Лудовика Наполеона со времени его избранія. Лудовикъ Филиппъ отдавалъ всю справедливость его стараніямъ къ сохраненію общественнаго порядка, и потомъ съ улыбкою прибавилъ: Меня часто упрекали въ томъ, что я много говорю; кажется, что ему должно было бы поменьше писать.

— Остъ-Индскіе финансы чувствительно пострадали отъ огромныхъ издержекъ войны въ Пенджабъ и отъ другихъ походовъ британскихъ войскъ. Увеличеніе владній, бывшее слѣдствіемъ этихъ войнъ, не упрочивъ могущества Англіи, стоило болѣе 30.000.000 фун. стер. Сверхъ того, доходы, которые лордъ Гардингъ успѣлъ поднять до 18 съ половиною милліоновъ, съ-тѣхъ-поръ снова упали, такъ что расходы остъ-индскаго правительства, по необходимости превзошли его доходы.

— По извѣстіямъ изъ Ямайки, отъ 22 октября, капитанъ англійскаго военнаго корабля Промперъ занялъ укрѣпленіе Трухиліо (Truxillo) чтобъ принудить гондурасское правительство заплатить 100,000 долларевъ, должные имъ англійскимъ купцамъ. Гарнизонъ сдалъ крѣпость безъ сопротивленія.

— Въ Times сообщаютъ нѣкоторыя подробности объ истребленіи морскихъ разбойниковъ на моряхъ Восточнаго Архипелага. Англійскій военный корабль, пароходъ Остъ-Индской Компаніи и восемь мелкихъ судовъ бросили якорь въ устьѣ одной изъ рѣкъ острова Борнео. У корсеровъ было болѣе ста лодокъ и на нихъ болѣе 5,000 человекъ. Сиръ Джемсъ Брокъ начальствовалъ экспедицію; 87 лодокъ были потоплены, и всѣ разбойники истреблены. Избѣжавшіе потопленія пали подъ ножами вспомогательныхъ войскъ, набранныхъ изъ туземцевъ.

— Корабль Калебъ-Гримисо, вышедшій изъ Ливерпуля въ Нью-Йоркъ, съ 390 переселенцами, свѣдѣлся жертвою пламени, въ 16-ти миляхъ на юго-востокъ отъ Флореса, одного изъ Азорскихъ острововъ. Пожаръ обнаружился 12 ноября, ночью. Не смотря на всѣ усилія экипажа и пассажировъ, не льзя было потушить его, и чтобы не по-

гибнуть въ огонь, экипажъ и пассажиры перебрались въ лодки и на плотъ, которые были привязаны къ кормѣ судна. Закрыли всѣ люки и другія отверстія, чрезъ которыя могъ бы пройти воздухъ и ускорить дѣйствія пожара. Экипажъ судна оставилъ его только въ послѣднюю минуту, не переставая работать, пока огонь не показался уже около палубы, и всѣ пассажиры не пересѣли на корабль Сарру. Пять сутокъ прошли такимъ образомъ въ безпрестанномъ страхѣ. Корабль, медленно пожираемый огнемъ внутри, шелъ по произволу волнъ, и тащилъ за собою малыя лодки и плотъ, на которыхъ было болѣе четырехъ сотъ человекъ. Наконецъ 17-го числа показался въ виду корабль и подошелъ въ Калебъ-Гримисо, усмотрѣвъ его сигналы. Это было судно, шедшее съ баластомъ изъ Лондона въ Новъй-Брауншвейгъ. Капитанъ Сарры съ усердіемъ перевезъ на свое судно всѣхъ несчастныхъ, умолявшихъ его о помощи. Но погода была бурная, и надобно было употребить дѣлныя два дня, чтобъ спасти ихъ. 20-го числа Калебъ-Гримисо былъ совершенно истребленъ огнемъ, а пассажиры и экипажъ, спасенные дивомъ, продолжали путешествіе въ Нью-Йоркъ, на корабль, посланномъ имъ Провидѣніемъ.

— Въ Times подтверждается извѣстіе о томъ, что французское правительство отказалось отъ конвенціи, заключенной имъ съ Англіею для прекращенія торга неграми, на африканскихъ берегахъ. Въ этой газетѣ выражаютъ надежду, что британское правительство послѣдуетъ этому примѣру, и откажется отъ тягостныхъ жертвованій, которыхъ требуетъ содержаніе многочисленной эскадры въ тѣхъ водахъ, гдѣ производится торгъ, между тѣмъ, какъ пребываніе эскадры въ тѣхъ мѣстахъ ни мало не препятствуетъ этому торгу.

— Тамъ же сказано слѣдующее, по случаю объявленія Франціи о прекращеніи конвенціи 1845 г. касательно торга неграми на западныхъ берегахъ Африки: Трактатъ, заключенный докторомъ Люшингтономъ и Герцогомъ де Броль, обѣщавъ важныя успѣхи противу всѣхъ прежнихъ мѣръ; но онъ не соответствовалъ ожиданіямъ. Коммодоръ Чарльсъ Готамъ достаточно доказалъ безполезность самыхъ

строгихъ мѣръ блокировать берега. Возможно ли съ 26-ю, или даже 52-мя судами блокировать берегъ, простирающійся на 2,135 миль. Торгъ неграми еще усилился послѣ билля о сахарѣ, принятаго въ 1846 г. Допущеніе въ англійскіе порты сахара съ Кубы и Бразиліи принудило тѣ страны употребить все средства для привоза негровъ. По истинѣ мы обязаны благодарностью французскому правительству за то, что оно помогаетъ намъ прекратить это вредное предпріятіе. Теперь все знаютъ это дѣло. Крейсера не имѣли успѣха; трактаты о правѣ досмотра не послужили ни къ чему.

— Англійское правительство, уступивъ требованіямъ жителей Мыса Доброй Надежды, отмѣнило свои распоряженія относительно преступниковъ, отправленныхъ на Нептунъ. Послѣ пятимѣсячнаго пребыванія въ Симонсъ-Бей, Нептунъ перевезетъ свой транспортъ въ Фанъ-Дименову землю. Въ газетѣ Times которая находитъ дѣйствія правительства весьма естественными, осуждаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и бесполезную жестокость жителей колоніи, противившихся высадкѣ преступниковъ, тогда какъ послѣдніе страдали на кораблѣ отъ болѣзней и неудобствъ тѣсноты, и временное пребываніе ихъ въ той странѣ ни мало не было бы опасно. Даже продолжительное пребываніе въ Капштатѣ, предположивъ, что число преступниковъ не было бы слишкомъ велико, едва ли имѣло бы тѣ вредныя послѣдствія, которыя предполагаютъ при поселеніи обыкновенныхъ преступниковъ.

— Извѣстно, что неудовольствіе на Мысѣ Доброй Надежды продолжается, и что губернаторъ Сиръ Гарри Смитъ, отличавшійся во всемъ этомъ дѣлѣ необыкновеннымъ благоуміемъ, принужденъ былъ дать приказаніе кораблю Нептуну оставить эту колонію, и удовлетворить такимъ образомъ требованія крикуновъ. Въ Morning-Chronicle, сообщая это извѣстіе, строго осуждаютъ дѣйствія Лорда Грея въ отношеніи къ колоніямъ, и утверждаютъ, что онъ рѣшился отмстить за свою неудачу на Мысѣ Доброй Надежды всеми возможными натяжками. Во-первыхъ, предоставить жителямъ Мыса Доброй Надежды защищаться

однимъ, когда на нихъ нападутъ Кафры, а во-вторыхъ, какъ они нуждаются въ рабочихъ, то будутъ отказывать имъ въ средствахъ переселенія, которыя до-тѣхъ-поръ давалъ Парламентъ. Въ этой газетѣ оуждаютъ все такіе натяжки, и принимаютъ сторону жителей Капштата.

— За нѣсколько дней предъ симъ сообщено было, что статсъ-секретарь колоній отправилъ къ капитану Нептуна, находящагося на Мысѣ Доброй Надежды, приказаніе перевести находящихся на немъ 282 ссыльныхъ, въ Фанъ-Дименову землю. Но, вѣроятно, жители послѣдней колоніи примутъ ихъ также, какъ на Мысѣ Доброй Надежды, потому-что, по послѣднимъ газетамъ, полученнымъ изъ Портъ-Филиппа, жители Фанъ-Диеновой-земли равномѣрно протестуютъ противу проекта сдѣлать изъ сей страны мѣсто ссылки.

12-го декабря скончался знаменитый строитель лондонскаго тоннеля, Брюннель. Онъ родился въ 1769 году въ Аквилѣ (Nacqueville) въ Нормандіи, но съ 1799 г. жилъ въ Англій.

— Вотъ нѣкоторыя подробности о погребеніи тѣла покойной Королевы Аделанды, въ придворной церкви Виндзорской, безъ всякихъ церемоній, по желанію, изъявленному ею въ духовномъ завѣщаніи. Гробъ ея несли матросы, какъ предписано въ завѣщаніи. На погребеніи присутствовали Принцъ Албертъ, Герцогиня Кентская (мать Королевы Викторіи) Герцогъ и Принцъ Кембрижскіе, Принцъ и Принцесса Саксенъ-Веймарскіе. Духовный обрядъ совершенъ былъ Архіепископомъ Кантерберійскимъ.

— Въ Лондонѣ составилось общество, подъ председательствомъ Карлейля и лорда Эбрингтона, для улучшенія квартиръ, занимаемыхъ бѣдными и трудолюбивымъ классомъ народа. На этихъ дняхъ торжественно освятили обширное зданіе, построенное въ Спительфильскомъ кварталѣ, и назначенное для помѣщенія 234 холостыхъ ремесленниковъ.

— Сообщенія между Лондономъ и Парижемъ до такой степени ускорены учрежденіемъ постоянного пароходства между Фолькстономъ и Булонью, что номеръ англійской

газеты Times, вышедшей 11 числа и отправленный из Лондона в 5 часов утра, получен в Париж в час по-полудни.

— Из Рима в редакцию Times пишут следующее, от 27 ноября: Новый главнокомандующий (генерал Бараге д'Иллие) обнаруживает большую деятельность и благоразумие во всех предпринимаемых им мерах. Это доказывает, что он с твердостью пойдет по пути, предписанному ему французским правительством, по представлении Папы верительных своих писем. Во всех своих свиданиях с тремя кардиналами говорил он довольно твердо, и нет сомнения, что также будет поступать и в присутствии Папы, соблюдая впрочем все уважение, подобающее столь высокой особе. Будет ли это содействовать к возвращению Папы или нет, это другой вопрос. Говорят однакоже, что при первом своем свидании с генералом, три кардинала были не очень им довольны, потому что последний объявил, что французская армия будет, по прежнему, помогать полиции в сохранении общественного порядка в городе, но что он не будет содействовать ни какой незаконной мере. Все это заставляет думать, что генерал Бараге д'Иллие решился в точности сообразоваться с содержанием известного письма Президента. Издан приказ по армии, который подал повод ко многим толкам. Никто не понимает, что генерал хотел сказать фразой: ваш труд еще не кончен. Все спрашивают друг друга: против какого неприятеля надобно еще идти?

— По случаю годовщины избрания Президента Французской Республики, в Sun и Daily-News помещены следующие суждения: «Прошли двенадцать месяцев», сказано в первой из этих газет, «с тех пор, как французская нация, руководимая воспоминаниями благодарности, в одну из тех минут народного благоразумия, которые могут изгнать все прошедшее, и расстроить расчеты величайших философов и государственных людей, возвела на президентское кресло представителя

императорской династии. В первую минуту Англия приняла этот выбор почти в шутку, потому что хотя, по правилам своего гостеприимства, она и почла долгом дать убежище Людовику-Наполеону, но неудачи, претерпевшие им во всех предприятиях, заставляли ее думать, что для этого преемника такой славы, для этой жертвы таких несчастий и неудач невозможен всякий успех. Англия забыла, что успех, как говорит сам Наполеон в своих «Размышлениях», часто зависит от случая. Если бы предприятия его удались, то этот сын короля, этот племянник Императора был бы превозглашен героем своей эпохи, теми самыми людьми, которые смеялись над его неудачами. Напрасно писал он книги, как например, свою *Историю пушки*, в которой доказал много ума и познаний, напрасно в своих изследованиях о науперизме обнаруживал благородные чувства своего сердца. Все усилия его были напрасны противу воспоминаний о его неудачах, и Гамскому арестанту оставалось одно — стараться найти успокоение в стране, служившей ему убежищем. Вдруг вспыхнула февральская революция, и вся французская нация, долженствовавшая выбрать себе имя и правителя, доказала большинством шести миллионов голосов, что она не забыла великого имени Наполеона, и не смотря на страсти партий и на требования их, возвратила изгнанника и превозгласила его своим главою. Таким образом избрание 10 декабря и годовщина его составляют события, которые должно прибавить к биографии Императора Наполеона. Эти красноречивые числа надлежало бы начертать на его гробнице. Припоминая обстоятельства, в которых Людовик Наполеон назначен был Президентом Французской Республики, нельзя не заметить благоразумия, твердости и прямоты, которые он доказал, не смотря на враждебные страсти противоборствовавших ему партий, и отличительной силы его имени, выражающего мир, силу и согласие.» Статья в Daily News не так благоприятна Президенту Республики, который, по мнению этой газеты, только потому получил шесть миллионов голосов, что либералы полагали видеть в нем преграду

противу духа реакціи высшихъ сословій, а послѣднія—орудіе къ удержанію черни и восстановленію монархіи. И тѣ и другія очень ошиблись, потому-что самые приверженцы его фамиліи не нашли въ немъ великихъ качествъ Наполеона, который конечно никогда не упустилъ бы прекраснаго случая, представлявшагося ему для посредничества въ Италіи, для защиты тамъ независимости и для обезпеченія своему семейству прочной и лучшей будущности въ судьбахъ Франціи. Въ Daily News полагаютъ, что Людовикъ Наполеонъ не что иное, какъ продолженіе Людовика Филиппа; политика его, какъ и послѣдняго, состоитъ въ полумѣрахъ, въ лавированіи между всѣми партіями, въ удовлетвореніи всѣхъ желаній вообще и ни одного въ особенности. Эта политика можетъ быть полезна только врагамъ его, легитимистамъ и социалистамъ, но не ему лично; тогда, какъ отъ него зависѣло восстановить династію на идеяхъ и пользахъ всего народа.

А В С Т Р І Я.

— По достовернымъ свѣдѣніямъ, военносудная центральная коммиссія, заседающая въ Вѣнѣ, произнесла всего 72 смертныхъ приговора, изъ которыхъ 25 исполнены, а прочіе превращены въ болѣе или менѣе продолжительное тюремное заключеніе.

— Австрійское правительство обременено безчисленными прошеніями. По примѣру Нѣмцевъ и Мадьяровъ округа Бачки, Руманы (*Волохи*) восточныхъ границъ той же провинціи готовятъ просьбу противу присоединенія ихъ къ Сербскому Воеводству.

— На дняхъ Императоръ издалъ три приказа по арміи, содержащіе въ себѣ основныя правила образованія войскъ. Съ 1-го ноября, измѣнено существовавшее съ давнихъ временъ подраздѣленіе арміи на корпуса, и для упрощенія управленія оною, раздѣлена она впредь на четыре большія арміи, кромѣ той, которая находится подъ начальствомъ

Бана, въ наслѣдственныхъ областяхъ. Какъ извѣстно, главныя квартиры этихъ армій будутъ въ Вѣнѣ, Веронѣ, Офенѣ и Лембергѣ. Первая армія назначается для наслѣдственныхъ владѣній, Богеміи, Моравіи, Силезіи, Эрцгерцогства Австріи, Зальцбурга, Штиріи, Сѣвернаго Тироля и Форальберга. Вторая армія для Ломбардо-Венеціанскаго Королевства, Иллиріи и южнаго Тироля. Третья для Венгріи и Трансильваніи, а четвертая для Галиціи и Буковины. По распредѣленіи корпусовъ армій, въ приказѣ сказано слѣдующее: «Что касается до военнаго управленія вообще, то твердая моя воля состоитъ въ томъ, чтобъ упростить оное наиболѣе возможнымъ образомъ. Но какъ для сего нужны пріуготовительныя мѣры, то теперь нахожу нужнымъ опредѣлить, чтобы означенныя арміи были подраздѣлены въ административномъ отношеніи на военныя округа, которые по частямъ чисто-военнымъ будутъ состоять подъ начальствомъ главнокомандующихъ или корпусныхъ начальниковъ; по административной же части будутъ они въ непосредственномъ вѣдѣніи военнаго министерства, а потому бывшія доселѣ генералъ-губернаторства будутъ называться общими именемъ военно-земскихъ начальствъ.» Послѣ этого назначены мѣсто-пребыванія этихъ военно-земскихъ начальствъ а именно: первой арміи въ Вѣнѣ, Линцѣ, Брюннѣ, Тропау, Прагѣ, Грацѣ и Миланѣ, третьей арміи въ Офенѣ, Темешварѣ и Германштадтѣ, а четвертой въ Краковѣ, Лембергѣ и Буковинѣ.

— По случаю годовщины восшествія своего на престолъ, Императоръ учредилъ новый орденъ за заслуги, подъ названіемъ «Франца-Иосифа», съ девизомъ—*Viribus unitis*: соединенными силами.

— Въ газетѣ *Wanderer* сообщаютъ о кончинѣ Эрцгерцога Фердинанда Эстскаго, послѣдовавшей въ Брюннѣ, на 69 году отъ рожденія.

— Полномочный императорскій комиссаръ въ Королевствѣ Ломбардо-Венеціанскомъ, Монтекукули, обнародовалъ въ Веронѣ воззваніе къ тамошнимъ жителямъ. Онъ напоминаетъ имъ обо всемъ, что австрійское правительство сдѣлало для пользы и благосостоянія торговли, промышленности

и художествъ въ прекрасныхъ странахъ Италіи. Всѣ судебныя взысканія по финансовой части прекращены, и произнесенные уже приговоры отменены. Убавлена пошлина на соль, уничтоженъ штемпель на документахъ гражданскаго состоянія, свидѣльствахъ, паспортахъ, прошеніяхъ и проч. Всѣ сіи льготы теперь утверждены. Сверхъ того освобождены отъ штемполя судебные приговоры по семейнымъ дѣламъ, завѣщаніямъ, дарственнымъ записямъ, и проч.

— По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Песта, венгерскіе евреи (кроме жителей воеводства, Темешварскаго и Пресбурга) должны будутъ заплатить въ сроки, распределенные на вѣскольکو лѣтъ, всю наложенную на нихъ контрибуцію въ 2,200,000 гульденовъ.

— Австрійскія войска въ Богеміи придвинулись къ самой Саксонской границѣ.

— Гражданскій и военный губернаторъ Вьны, баронъ Вельденъ, запретилъ, на все время осаднаго положенія, изданіе газеты *die Presse*. Въ объявленіи сказано, что этотъ журналъ, порицая мѣры правительства, старался поддерживать недоброуміе и безпокойство въ умахъ жителей.

— На дняхъ военный судъ въ Арадѣ вновь приговорилъ къ вислицѣ восемь бывшихъ австрійскихъ офицеровъ, служившихъ въ арміи Венгерскихъ инсургентовъ; но приговоръ смягченъ: виновные будутъ посланы на крѣпостныя работы отъ 18-ти до 7-ми лѣтъ.

— Въ Веронѣ, по случаю нѣкоторыхъ неурядицъ и безпорядковъ, усилены законы осаднаго положенія: запрещены пѣсни и крики на улицахъ; трактиры и кофейни должны быть запираемы до десяти часовъ вечера; карулынымъ позволено употреблять свое оружіе при малѣйшемъ нарушеніи порядка. Въ Венеціи господствуетъ спокойствіе.

— Въ слѣдствіе приговора военнаго суда, произнесеннаго заочно, совершилась казнь надъ отсутствующимъ, бывшимъ офицеромъ и профессоромъ Инженерной Академіи Эдуардомъ Кухенбекеромъ, т. е. имя его прибито къ вислицѣ. Уже 37 лѣтъ не видали мы этого зрѣлища.

Осужденный, участвовавшій въ прошлогднихъ возмущеніяхъ, и начальствовавшій войскомъ въ Раштатъ и при осадѣ Лаадау, бѣжалъ потомъ во Францію.

— Императоръ, декретомъ отъ 18-го ноября, подписаннымъ въ Шёнбруннѣ, опредѣлилъ временныя границы Сербскаго Воеводства и Темешварскаго Баната слѣдующимъ образомъ. Бывшіе комитеты Бачъ—Бодрогъ, Торонталь, Темешъ и Крассо (Бачка и Банатъ,) какъ равно и округи Рума и Иллокъ Сирмійскаго Комитата, будутъ составлять отдельную, независимую отъ Венгріи область, которой управленіе ввѣрено будетъ начальствамъ, непосредственно зависящимъ отъ министерства. Эта область будетъ называться Сербскимъ Воеводствомъ и Темешскимъ Банатомъ. Пребываніе временнаго начальника этой области будетъ въ Темешварѣ. Ему приданъ будетъ комиссаръ министерства, для устройства гражданскаго управленія. Вся эта область будетъ раздѣлена, по разнымъ націямъ, (Сербы, Руманы и Нѣмцы) обитающимъ въ ней, на три главные административные округа, подраздѣленные, въ свою очередь, на уезды. Императоръ будетъ имѣть титулъ Сербскаго Великаго Воеводы, а начальникъ управленія Вице-Воеводы. Избраніе законодательныхъ депутатовъ, какъ для области, такъ и для общаго сейма, будетъ опредѣлено другимъ временнымъ закономъ. Эти депутаты должны будутъ представить желанія Сербовъ объ окончательномъ устройствѣ ихъ области.

— Въ Вѣнской газетѣ обнародовано новое раздѣленіе Венгріи на пять округовъ, а именно: Эденбургскій, Тирнаускій, Эперіетскій, Дебрецинскій и Пестскій, какъ равно и назначеніе четырехъ губернаторовъ. Богеміи (баронъ Мечери), Карніоліи (графъ Густавъ Хоринскій), Каринтіи (баронъ-фонъ Шлейсингъ,) Тироля и Форарлберга (графъ Биссингенъ фонъ Ниппенбургъ).

— Министерство отменило намѣреніе свое налагать штемпель на зданія газетъ; но за то подвергнуты штемпелю всѣ иностранныя политическіе журналы.

— Извѣстія изъ австрійскихъ провинцій вовсе неуспокои-

тепны. Революціонный дух снова начинает обнаруживаться.

— Учрежденіе жандармеріи въ Венгріи идетъ быстро. Отряды, не менѣе тридцати человекъ, находятся уже въ сорока пяти разныхъ мѣстахъ. Разсылаемые во всѣ стороны патрули прекратили всѣ разбои и безпорядки.

— Здѣшняя военная слѣдственная коммиссія обнародовала приговоры надъ девятнадцатью лицами, которые въ 1849 году принимали участіе въ беззаконствахъ, бывшихъ въ Краковской области, и большею частію взяты съ оружіемъ въ рукахъ. Почти всѣ они принадлежатъ къ сословію горожанъ, и имѣютъ отъ роду отъ 20-ти до 30-ти лѣтъ. Одинъ приговоренъ къ виселицѣ, семеро къ крѣпостной работѣ на три года, трое на семь лѣтъ, четверо на два года, одинъ на шесть лѣтъ и одинъ на восемь лѣтъ, всѣ въ тяжелыхъ оковахъ, двое на одинъ и на два года работы въ смиренномъ домѣ. Всѣ приговоры были утверждены, согласно законамъ но, по облегчительнымъ обстоятельствамъ, смертный приговоръ переименъ въ двадцатилѣтнюю крѣпостную работу, въ тяжелыхъ оковахъ, и еще четыре приговора на одинъ и на два года крѣпостной работы, на работу въ смиренномъ домѣ на десять мѣсяцевъ.

П р у с с і я .

Въ Прусской Газетѣ обнародовано извѣщеніе изъ протокола засѣданія Административнаго Совѣта, въ которомъ единогласно и окончательно рѣшено слѣдующее: 1) Созваніе избрательныхъ коллегій для выбора депутатовъ въ будущій Германскій Сеймъ должно произойти во всѣхъ союзныхъ владѣніяхъ, на основаніи конвенціи 26 мая, къ 31-му января 1850 г. 2) Въ слѣдствіе этого всѣ союзныя государства должны принять надлежащія къ нему мѣры. 3) Засѣданія Сейма будутъ происходить въ Эрфуртѣ и наконецъ 4) Административный Совѣтъ, въ свое время, назначить срокъ созванія имперскаго сейма.

— Манифестомъ короля повелѣно произвести и окончить постройка желѣзныхъ дорогъ: 1) называемой Восточною, изъ Берлина въ Кенигсбергъ, отъ престѣненія ея съ Штаргардъ-Познанскою дорогою, чрезъ Бромбергъ, Диршау, Мариенбургъ, Эльбингъ и Браунсбергъ, съ вѣтвю изъ Диршау въ Данцигъ; 2) Вестфальской желѣзной дороги, отъ Кургессенской границы у Гауэда чрезъ Варбургъ, Падборнъ, Липштатъ, Сусть въ Гаммъ, пріобрѣтя вѣтвь съ тѣмъ въ казну соединительную желѣзную дорогу въ Кельнъ, Минденъ-Тюрингенскую, и 3) желѣзной дороги въ Саарбрюкъ. Нужныя для сихъ построекъ, по сметѣ 33 милліона талеровъ предписано отчислить отъ доходовъ капитала желѣзныхъ дорогъ и изъ экономическихъ остатковъ казначейства. Въ случаѣ недостаточности сихъ суммъ, министру финансовъ предоставляется произвести заемъ, но не выше двадцати одного милліона талеровъ.

— Вальдекъ и Омъ, по объявленію присяжныхъ, найдены виновными въ государственной измѣнѣ. Ихъ освободили, но Ома вслѣдъ за тѣмъ, по предложенію королевскаго прокурора, арестовали вновь, за участіе въ поддѣлкѣ актовъ.

— Министръ финансовъ представилъ Второй Палатѣ донесеніе о бюджетѣ 1850 года. Расходы показаны въ 91,302,053 талеровъ, доходы въ 91,311,213; экстраординарные расходы на разныя постройки и на морскую силу въ 4,934,213. Палатѣ были сдѣланы частныя предложенія о средствахъ къ покрытію сей суммы. Въ 1849 году экстраординарные расходы составляли на армію 10,400,000 талеровъ, на Франкфуртскихъ депутатовъ 70,991 талер., а на прусскія палаты 366,738 талеровъ, вмѣсто 100,000 первоначально назначенныхъ. Вся сумма прибавочныхъ расходовъ на 1848 и 1850 годы простирается до 20,500,000 талеровъ. Министръ представилъ Палатѣ различныя предложенія о средствахъ къ покрытію этого дефицита, не прибѣгая къ новому выпуску ассигнацій. Донесеніе препровождено въ финансовую коммиссію.

— Въ Zeitung für Norddeutschland помѣщена слѣдующая телеграфическія депеша. «Сейчасъ получили мы извѣстіе изъ Кенигсберга, что Якоби единогласно оправданъ судомъ.»

— Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій совѣта министровъ, бывшемъ въ замкѣ Бельвю, подъ председательствомъ сего Короля, рѣшено, на какихъ именно условіяхъ Княжества Гогенцоллернъ—Сигмарингенское и Гехигенское должны быть присоединены къ прусскимъ владѣніямъ. Сумма которую слѣдуетъ заплатить обонимъ князьямъ, довольно значительна, но польза, которую получаютъ Пруссія пріобрѣтеніемъ этой области въ южной Германіи, гораздо важнѣе этой издержки.

Германія.

— Венгерскіе изгнанники отправились въ Англію. Подписка, собранная въ ихъ пользу, простиравшаяся до 4,750-ти марокъ, доставила имъ средства заплатить за перевзды.

— Эрцгерцогъ Іоаннъ торжественно сложилъ съ себя званіе Намѣстника Имперіи, и временная коммиссія союза вступила въ исправленіе своей должности.

— По полученнымъ свѣдѣніямъ, рельсы были сняты въ окрестностяхъ Бохума злонамеренными людьми, и потомъ положены на мѣсто безъ всякаго прикрѣпленія; отъ этого паровозъ выскочилъ и опрокинулся, и три первые вагона разбились въ дребезги. По счастью эти вагоны были пусты; прочіе вагоны удалось удержать на рельсахъ. Безъ этого обстоятельства могли бы произойти величайшія несчастія. Никто не убитъ, но у одного изъ машинистовъ передомены обѣ ноги. Желательно, чтобы судебное слѣдствіе открыло виновниковъ этого гнуснаго дѣла, и достойно ихъ наказало.

— Австрія дѣйствительно протестовала противу созванія Германскаго Сейма, но объявила, что приметъ дѣятельное участіе лишь въ томъ случаѣ, когда это собраніе произведетъ въ Германіи волненія. Слѣдственно, если сеймъ соберется въ Эрфуртѣ и не произойдетъ ни какого движенія ни въ Саксоніи, ни въ другихъ мѣстахъ, то Австрія останется въ бездѣйствіи.

— Изъ Озернаго округа въ Баденскомъ Герцогствѣ сообщаютъ, что въ Мѣаллингъ совершенно важное похищеніе. Люди, которые еще не открыты, проникли ночью, со взломомъ, въ комнаты слѣдственнаго суда, и похитили оттуда всѣ бумаги, касавшіяся до возмущенія, и всѣ документы о государственной измѣнѣ замѣшанныхъ въ нее лицъ. Потомъ эти бумаги были сожжены на полѣ, и мѣсто сожженія обозначено шестомъ съ надписью: Геккеръ. Говорятъ, что открыты слѣды виновныхъ. На другой день, Швейцарецъ Штекъ, одинъ изъ наиболее виновныхъ въ баденскомъ возстаніи и управлявшій въ Мангеймѣ бомбардировкою Лудвигсгафена, успѣлъ, съ помощью извѣвъ, уйти изъ Брухсальской тюрьмы, гдѣ содержался вслѣдствіе приговора къ казни, измѣненнаго во временное тюремное заключеніе.

— Сдача центральной власти Австро-Прусской Коммиссіи произошла, безъ всякаго особеннаго церемоніяла, въ жилищѣ Эрцгерцога Намѣстника и въ присутствіи прежнихъ имперскихъ министровъ. Г. Кюбекъ отвѣчалъ отъ имени Коммиссіи на краткую рѣчь Эрцгерцога объ отреченіи и вступленіи новой Центральной Власти. Прусскіе комиссары были простыми свидѣтелями этого дѣйствія, потому что Пруссія давно уже не признавала власти Эрцгерцога.

Италія.

— Обнародованъ декретъ Великаго Герцога Тосканскаго о всепрошеніи. Изъ него исключены люди, писавшіе противъ религіи, составлявшіе временное правленіе, главы исполнительной власти, революціонный префектъ Флоренціи и другіе.

— Въ Веронѣ недавно разстреляли одинъ изъ жителей, по приговору военнаго суда, за то, что имѣлъ у себя штыкъ.

— Дѣйствія противъ революціонныхъ замысловъ продолжаютъ въ Неаполѣ безостановочно. Возобновлены постановленія 1821 года о ценсурѣ журналовъ и книгъ.

— 4,000 Испанцевъ отправились изъ Террачины; 15-го числа двинется второй транспортъ, а въ январь третій и послѣдній. Въ письмахъ изъ Сполетто подтверждаютъ извѣстие о волненіяхъ, возникнувшихъ въ Омбріи.

— Позиція, занимаемая Испанцами въ папскихъ владѣніяхъ, и оставляемая ими для возвращенія на родину, заняты будутъ (по увѣренію одного письма изъ Рима отъ 10 числа) Австрійцами, которые уже двинулись впередъ.

— Маркизь Азеліо, президентъ совѣта министровъ Сардинскаго Короля, уступилъ настояніямъ новыхъ министерскихъ депутатовъ, и отказалъ въ правѣ гражданства Теренціо Мамміани, бывшему президенту совѣта министровъ Пія IX, избранному въ пиемонтскіе депутаты городомъ Генуею и еще другою избирательною коллегіею. Эта мѣра уничтожаетъ избраніе и разрушаетъ замыслы лѣвой стороны, которая хотѣла имѣть Мамміани главою оппозиціи въ новой Палатѣ.

— Палаты лично открыты Королемъ 20-го декабря.

— Всѣ болонскіе профессоры уволены отъ учебныхъ занятій.

— Въ Тосканѣ обнародованы имена лицъ, противу которыхъ начаты политическіе процессы. Имя Гвеваци возникло вновь при этомъ случаѣ, и стоитъ въ главѣ списка. Възвѣстъ съ нимъ: Монтанелли, Мадзони, Адами, Мармокки, Мардини, Романелли, которые участвовали во временномъ правленіи. Актеръ Модена и Николіни тоже находятся въ спискѣ.

— Въ одно изъ самыхъ послѣднихъ засѣданій сардинской палаты депутатовъ, она приняла 94-мя голосами противу 13-ти окончательно проектъ закона о присоединеніи къ Сардиніи Рокебрунскою и Мантонскою общинъ, т. е. почти всего княжества Монако. Князю Флорестану Монакскому останется одинъ укрепленный замокъ Монако. Князь какъ извѣстно, протестовалъ заранѣе противу присоединенія двухъ главныхъ городовъ его къ сардинскимъ областямъ. И такъ рѣшеніе туринской палаты депутатовъ мо-

жетъ подать поводъ къ некоторымъ затрудненіямъ. Прежде обсужденія этого предмета, депутатъ Авернось спрашивалъ, увѣрилось ли министерство до предложенія этого закона, что не произойдетъ никакихъ дипломатическихъ вооруженій. На это одинъ министръ объявлялъ, что Мантонъ и Рокебрюнъ принадлежали прежде Савойскому Дому, и потребовалъ, чтобы предложеніе Аверноса было оставлено безъ вниманія. Палата съ нимъ согласилась.

— Въслѣдствіе послѣдней сардинской кампаніи возникаютъ все еще разныя распри. Теперь произошелъ новый споръ между Хржановскимъ и бывшимъ министромъ Ратацци, обращающій на себя общее вниманіе. Предметъ спора состоитъ въ телеграфической депешѣ съ объявленіемъ о прекращеніи перемирія. Хржановскій говоритъ, что не получалъ ея, а Ратацци утверждаетъ противное. Слѣдственная коммиссія оправдала бывшаго министра, но уклонилась отъ разсмотрѣнія всего дѣла, и предоставила окончить процессъ министерству.

Испанія.

На дняхъ мадридская почта была остановлена въ окрестностяхъ Тарреги четырьмя вооруженными людьми. Въ числѣ путешественниковъ былъ генераль Росъ де-Олано. Разбойники совершенно его ограбили. Думаютъ, что они принадлежатъ къ шайкѣ Боргаса. Тоже самое случилось между Эсихю и Луизіаною. На севильскій дилижансъ, въ которомъ ѣхалъ генераль Пардо, напали пять бандитовъ. Путешественники отдѣлались потерей своего имущества.

Нидерланды.

Работы осушенія Гарлемскаго-озера дѣятельно продолжаются, но подвигаются впередъ медленнѣе, нежели ожи-

дали, хотя всѣ три машины работали въ продолженіе всего дня. Успѣхамъ работъ повредили нѣкоторые случаи, въ числѣ которыхъ можно считать смерть англійскаго инженера, пораженнаго холерою, и въ особенности влажную температуру. Надѣются однако окончить это исполнителное предпріятіе съ успѣхомъ, и выдать акціонерамъ отъ трехъ до пяти процентовъ, не прибѣгая къ ручательству правительства, обязавшагося выплачивать проценты.

Швейцарія.

— Изъ Женевы отъ 18-го ноября пишутъ въ газетѣ Constitutionnel: Вчера ввечеру происходили здѣсь возмутительныя явленія. Мало того, что брали подъ стражу важныхъ людей охранительной партіи; надобно было еще присоединить къ тому явныя насильства и угрозы. Въ примѣръ приведемъ только одинъ случай. Г. Баумгартенъ, даровитый писатель и одинъ изъ руководителей охранительныхъ выборовъ, въ ту самую минуту, какъ подавалъ письменный свой голось, былъ измѣнническимъ образомъ окруженъ шайкою красныхъ, съ изступленными криками требовавшихъ его головы. Государственный совѣтникъ Декрей обнаружилъ въ этомъ трудномъ случаѣ большую твердость характера. Съ опасностью собственной жизни защищалъ онъ политическаго своего соперника. Въ продолженіе получаса боролся онъ со всею возмущенною толпою; съ Баумгартена сорвана была вся одежда и сожжена на площади. Онъ принужденъ былъ возвратиться въ церковь (гдѣ происходили выборы) посреди криковъ толпы, требовавшей головы его, чтобъ воткнуть ее на остріе балюстрады, окружающей храмъ. Посреди этихъ варварскихъ сценъ ужаса и насильства, обнаруживающихся вездѣ и во всемъ, не мудрено что охранители уступили угрозамъ. Красные употребили въ дѣйствіе все возможное, и теперь воздухъ оглашается ихъ радостными криками, а пушечные выстрѣлы возвѣщаютъ побѣду и владычество дикой силы и насильства.

— Совѣтъ Союза, въ новомъ объявленіи, отъ 19-го ноября, предписалъ циркулярно всемъ кантонамъ выслать иностранныхъ выходцевъ.

— По письмамъ изъ западной Швейцаріи, отъ 28-го ноября, въ парижской газетѣ l'Univers сообщаютъ, что сестры милосердія ордена Св. Викентія де Паула изгнаны изъ Бернскаго кантона, по распоряженіямъ полиціи и юстиціи. Онѣ должны были выѣхать изъ кантона въ 24 часа, не смотря на то, что онѣ французскія подданныя и снабжены надлежащими паспортами, что увеличиваетъ важность этого событія.

— Изъерна пишутъ въ l'Univers слѣдующее: Наша дѣла день ото дня становятся хуже. Каждую недѣлю приходятъ извѣстія о новыхъ притѣсненіяхъ священникамъ, монахинямъ и католическимъ заведеніямъ. Начали съ Іезуитовъ, потомъ принялись за другія братства и за приходскихъ священниковъ, наконецъ посадили въ тюрьму и изгнали одного епископа; теперь преслѣдуютъ всѣхъ епископовъ. Швейцарское Епископство, одушевляемое твердостью и ревностью, представило адресъ Національному Собранію въ пользу Маршля изъ Фрейбурга. Національное Собраніе перешло къ очереднымъ занятіямъ по этой просьбѣ, не сдѣлавъ даже чести отослать ее въ комиссію. Это невниманіе Собранія къ Епископству очень дурное предзнаменованіе для всѣхъ швейцарскихъ католиковъ. Самые радикальные сеймы 1830 и 1848 годовъ сохраняли, по крайней-мѣрѣ, наружную вѣжливость къ высшимъ духовнымъ лицамъ; но теперь презрительно оставляютъ безъ вниманія требованія епископовъ, и переходятъ къ очереднымъ занятіямъ.

— Президентомъ Швейцарскаго Союза избранъ Дрюэй.

Турція.

— Въ Смирнѣ сдѣлана была попытка къ нарушенію общественаго спокойствія. По приказанію губернатора

Османъ-Эфенди ходили по городу патрули, и кому нужно было выйти ночью изъ дому, тотъ долженъ былъ ходить съ фонаремъ. Запрещено носить оружіе. Въ Армянскомъ кварталѣ взяли одинъ Арабъ, и по доносу его еще шесть другихъ Арабовъ.

— На турецкомъ казенномъ пароходѣ Таидъ привезено извѣстіе, что на островъ Самось возстановлены спокойствіе и порядокъ, послѣ пораженія, претерпѣннаго толпою бунтовщиковъ на высотѣ Ватп.

— *Дамаскъ, 22 ноябр.* Съ 1 числа нынѣшняго мѣсяца здѣсь живетъ Мадьярскій бѣглець, по имени *Мировскій*: онъ отрекся отъ христіанской вѣры, и служитъ теперь полковникомъ въ турецкомъ войскѣ, подъ именемъ *Магометъ-Бей*; обрѣзаніе его будетъ совершаться съ большимъ торжествомъ.

А з і я.

— Изъ Персіи получено извѣстіе, что Шахъ провозгласилъ своимъ наследникомъ въ Тегеранѣ двухлѣтняго, единственнаго своего сына Махмуда Мирзу. По сему случаю происходили большія празднества, въ которыхъ участвовалъ англійскій посланникъ.

А М Е Р И К А.

— По письму изъ Гаити къ одному члену Законодательнаго Собранія, Фаустинъ I устроилъ новую свою Имперію совершенно по образцу Наполеона. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ была сформирована гвардія въ 2,000 человекъ. Она состоитъ изъ трехъ полковъ пѣшихъ гренадеръ, одитыхъ, какъ старая французская гвардія: у ней мѣховыя шапки, мундиры съ отворотами и узкія панталоны. Для составленія этой гвардіи выбраны самые красивые люди со всего

острова. Есть трехцвѣтныя роты, состоящія изъ бѣлыхъ, негровъ и метисовъ. Конница весьма красива, и состоитъ изъ одного эскадрона конныхъ гренадеръ, одного уланскаго двухъ гусарскихъ, одного кирасирскаго и драгунскаго, одного колонновожатыхъ и двухъ эскадроновъ гвардіи въ мундирахъ конной гвардіи (Horseguards) Англійской Королевы. Эти эскадроны всегда провожаютъ Императора на его поѣздахъ.

— Съ острова Гаити сообщены въ газетѣ New-York-Herald слѣдующія подробности: «Сулукъ, или Фаустинъ I, Императоръ Гаити, негръ, прекрасный собою, имѣетъ около пятидесяти двухъ лѣтъ отъ роду. Физиономія его чрезвычайно кроткая; онъ всегда пріятно улыбается, даже когда приказываетъ умертвить кого-нибудь. Главная страсть его — роскошь, особливо въ нарядахъ. Нѣсколько разъ въ день переменяетъ онъ свой костюмъ или мундиръ. Эполеты его и аксельбанты баснословной величины. Онъ хорошо вѣдѣтъ верхомъ, и отыскиваетъ для себя лучшихъ американскихъ лошадей. Разумѣется, что онъ не умѣетъ ни читать, ни писать. Онъ держитъ въ извѣстномъ стѣсненіи людей, одаренныхъ этими познаніями, и безпрестанно повторяетъ, что не хочетъ имѣть дѣла съ проклятымъ перомъ, которое даетъ могущество бѣлымъ, и посредствомъ котораго они обманываютъ бѣдныхъ негровъ. «Не истинное ли это несчастіе», говоритъ онъ съ важностью, «что честный человекъ связанъ и долженъ покоряться, лишь только поставилъ крыжъ на лоскуткѣ бумаги, которая говоритъ какъ хочетъ.» Самый сильный человекъ послѣ Сулука Папколотъ. Онъ ремесломъ колдунъ, и однимъ законнымъ образомъ можетъ производить вангасы (заклятія). Онъ и великая жрица Воду въ тайнѣ наставляютъ бывшаго президента; на ихъ силъ основано ужасное варварство, терзающее одну изъ прекраснѣйшихъ странъ свѣта, посреди окружающаго ее образованія. Можно ли повѣрить, что страшная секта Воду появилась посреди Гаити; что уже около года возобновились приношенія въ жертву людей, и что еще недавно одинъ ребенокъ былъ умерщвленъ на жертвенникѣ этого отвратительнаго суевѣрія. Событія сіи подтверждены французскимъ генераль-

нымъ консуломъ г. Рейбо. Уже предъшественники его, гг. Пишонъ и Левасеръ, описывали это быстрое возвращеніе къ варварскимъ нравамъ Африки. — Главный штабъ арміи весьма многочисленъ и истощаетъ государственные финансы. Познаніями своими гаитскіе генералы не уступаютъ Сулуку, и жадность къ деньгамъ превосходить все, что парижское Временное Правленіе представляло постыднаго. Полковники носятъ на своихъ сабляхъ шильи и другія подобныя орудія мастерства, а генералы въ полной формѣ жарятъ рыбу! Понпо, начальникъ инженеровъ, негръ, рожденный на Мартаникъ и чеботарь по ремеслу, выучился у одного мулата, Ришара, чтенію и сложенію. Солдаты не знаютъ повиновенія, составляютъ не армію, а дикую орду и ходятъ въ лохмотьяхъ. За неизвѣнемъ казармъ, каждый живетъ гдѣ можетъ. Путешественники говорятъ, что невозможно вообразить себѣ ничего смѣшнѣе этого сброда голодныхъ нищихъ. Особенную гвардію Сулука составляетъ отрядъ извѣстныхъ убійцъ. Ихъ называютъ *большими сапогами*, хотя на дѣлѣ они ходятъ босые. Три брата Бернадотъ, Осанъ, и Аннъ Улиссъ командуютъ ими, и совершаютъ всякія злодѣянія. Что касается до Гаитскихъ журналистовъ, они составили себѣ языкъ, совершенно особенный, независимый отъ грамматики и лексикона французскаго языка.

— Последнія извѣстія изъ Канады все еще неблагопріятны. Въ Квебекъ происходили волненія, возникшія по вопросу о присоединеніи Канады къ Северо-Американскимъ Штатамъ. Одно общество, имѣющее цѣлью это присоединеніе, намѣревалось засѣдать въ залѣ Парламента. Меръ отказалъ ему въ томъ. Это произвело нѣкоторое волненіе, и митингъ переведенъ былъ въ гостиницу Сенъ-Джоржа. Тамъ беспорядокъ усилился, и толпа бунтовщиковъ двинулась къ дому Кошона, депутата графства Монморанси, и одного изъ рѣшительнѣйшихъ противниковъ присоединенія. Всѣ окна были выбиты камнями.

— Новая ужасная болѣзнь, называемая бобо, свирѣпствуетъ въ Вера-Крусъ. Она завезена изъ Гаваны, гдѣ произвела болѣе опустошеній, нежели холера.

— По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Гаити, положеніе тамошнихъ дѣлъ внушаетъ мало довѣренности. Теперь партія негровъ одержала верхъ, но цвѣтные люди готовятся къ переменѣ. Они недовольны Сулукомъ, и все ожидаютъ новаго переворота. Между тѣмъ Императоръ упрочилъ мнимую свою власть, объявленіемъ, что корона его наследственная. Сверхъ того обнародовалъ онъ о присоединеніи къ Имперіи области Санъ-Доминго, которая еще не покорена.

— Изъ Монреаля, получено извѣстіе, что въ горныхъ округахъ, около береговъ Верхняго Озера, произошли важныя безпокойства. Правительство приняло сильныя мѣры для отраженія Индѣйцевъ Чинневасовъ, угрожающихъ этимъ округамъ.

— По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Мексики, Генералъ Вонкара возсталъ въ пользу Санта-Анны въ Конкултъ; эта попытка возстанія немедленно была подавлена; главные предводители приговорены къ смерти и казнены.

— Въ газетѣ Presse пишутъ о разбитіи Парагвайской арміи товарищемъ Розаса, Уркисою. Нынѣ напечатана въ той же Presse другая, неожиданная новость, взятая изъ British-Packet, а именно, что Розасъ, Президентъ или Диктаторъ Аргентинской Республики, враждующій нѣсколько лѣтъ съ Англіею и Франціею, сложилъ съ себя свое званіе. Въ ежегодномъ своемъ отчетѣ, представляемомъ въ Палату Депутатовъ Аргентинской Республики, Диктаторъ объявилъ о намѣреніи своемъ отказаться отъ званія главы Республики. Палата отправила къ нему депутацію съ просьбою о взятіи обратно этого объявленія; но Розасъ былъ непреклоненъ, основываясь, съ одной стороны на слабомъ состояніи

своего здоровья, а съ другой на томъ, что онъ не въ состоянн сдѣлать всего того добра, какого бы желалъ для счастья Аргентинской Республики.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ДЕРЕВЕНСКИЙ СЛУЧАЙ.

ПОЭМА

И. Хвоцинской.

ГЛАВА I.

Былъ лѣтній вечеръ, и ложились
 Черныѣ тѣни. Полосою
 Желтыи нивы, и клубились
 Пары надъ свѣтлою рѣкой.

* Имя г-жи Хвоцинской явилось въ первый разъ въ печати въ концѣ 1848 года. Тѣ, которые читали мелкія стихотворенія ея въ *Литературной Газетѣ*, *Пактеонѣ*, *Иллюстраціи*—были пріятно удивлены неподдѣльнымъ самобытнымъ, замѣчательнымъ дарованіемъ дѣвицы-поэта. По нашему мнѣнію, г-жа Хвоцинская принадлежитъ къ числу лучшихъ современныхъ поэтовъ, съ чѣмъ, безъ сомнѣнія, согласится читатели, познакомившись съ прекрасной поэмой, начало которой мы помѣщаемъ на страницахъ нашего журнала. Давно не читали мы такого звучнаго стиха, согрѣтаго сильными чувствами и теплою мыслью. Ред.

На берегу склонясь, осины
Шептали что-то; строемъ длиннымъ
Жужжа тянулись комары;
На небѣ меркнулъ свѣтъ заря;
Вдали пѣснь звонко заливалась
И колокольчикъ вторилъ ей;
Между желтѣющихъ полей
Пыль по дорогѣ поднималась;
Катилась тарантась простой
На тройкѣ рѣзвой и лихой.

II.

Люблю дорогу межъ полями;
Ромашка, куколь, васильки,
Колосся съ тонкими иглами
Такъ мило клонять стебельки
Въ повозку; сбиты, по дорогѣ
Печально стелются въ тревогѣ,
И все приветливо глядятъ,
Какъ будто путника манять
Къ своей красѣ, къ полямъ любезнымъ,
Къ покою, міру, тишинѣ.....

.....
Теперь отрадой мнѣ одна
Страны родимой ширина.

III.

А то посмотришь, паровозы
Въ минуты превративъ въка,
Торопятъ радости и слезы,
Твердятъ намъ: жизнь такъ коротка!
А мнѣ такъ долго-бы, признаться,
Хотѣлось жить и наслаждаться.....
Но мысль отсталую мою
Стыдятся, я отъ другихъ таю.
Съ ней также-бы не согласился
Проѣзжій мой; онъ такъ сѣшильъ,
Что кони выбились изъ силъ,
И тарантась едва катилась.....

Вдали надъ храмомъ крестъ сверкнулъ,
И тихо въ облакѣ тонулъ.

IV.

О крестъ родной, село родное,
Снопъ, трава родныхъ полей,
Въ васъ что-то кроется бывое,
Хранится память прежнихъ дней!
Холмы, тропинки, доли, нивы,
Не сохранили-ль вы ревниво
Слѣдовъ младенца, до поры,
Когда и годы и пиры
Пройдутъ надъ нимъ, чтобъ онъ тревожно
Слѣдовъ младенческихъ искалъ,
И тайно, горько призывалъ
Бывое, шалость, смѣхъ ничтожный,
Игру, товаришей и страхъ,
Что ночь застанетъ ихъ въ поляхъ.....

V.

Бывое! Тѣнью пролетаетъ
Оно подъ склонами лѣсовъ,
И жаворонкомъ распѣваетъ
Надъ пышной озимью луговъ,
Глядитъ изъ тусклыхъ оконъ дома,
Скрипитъ околицей знакомой,
Играетъ тонкой осокой
Надъ свѣтлой сонною водой,
Шумитъ у мельничнаго моста,
Бросая влаги пыль столбомъ,
Летаетъ яркимъ огонькомъ
По отдаленному погосту.....
Бывое!.... Въ этотъ чудный сонъ
И путникъ нашъ былъ погружень.

VI.

Домой онъ ѣхалъ. Но къ селеню
Покуда мчится тарантась,

Съ проѣзжимъ, безъ большихъ вступлений,
 Позвольте познакомить васъ.
 Его назвать героемъ можно;
 Но въ строгій вѣкъ, въ вѣкъ осторожный
 Приличій, акцій и заботъ,
 Ужъ этотъ вывелся народъ.
 Онъ былъ совѣтникъ титулярный,
 Въ отставкѣ, двадцати-трехъ лѣтъ,
 Хорошъ собой, подь-часъ поэтъ,
 Хотя, признаться вамъ, бездарный,
 Помѣщикъ десяти дворовъ,
 И звался Николай Крыловъ.

VII.

Пяти лѣтъ только отъ рожденья
 Оставшись круглымъ сиротой,
 Достался онъ на попеченья
 И слезы бабушки съдой;
 Она его весь день кормила,
 По псалтырю складамъ учила,
 И горько плакала, крестя
 Свое невинное дитя.
 А онъ сестру свою качаетъ
 Бывало въ люлькѣ, самъ не свой,
 И чистой дѣтскою душой
 Утраты рано понимаетъ
 По скорби, по слезамъ другихъ.
 Онъ выросалъ смиренъ и тихъ.

VIII.

Отецъ Иванъ, священникъ строгій,
 Заботы бабушки дѣлалъ,
 Бранилъ Николю понемногу,
 И самъ, что зналъ, всему училъ,
 Не разбирая. Смѣсь познаній,
 Вопросовъ, правдъ и отрицаній
 Столпились въ дѣтской головѣ.
 Порою, лежа на травѣ,
 Слѣдя глазами мошекъ стаю,

Ребенокъ какъ большой мечталъ,
 Припоминалъ и размышлялъ,
 Что значить мыслить, самъ не зная,
 Покуда птички рѣзвый летъ
 Его раздумье перерветъ.

IX.

Хоть баловства, какъ и излишекъ,
 Отецъ Иванъ и не любилъ,
 Но взводъ крестьянскихъ ребятшекъ
 Въ команду Колѣ отданъ былъ.
 Бывало утренней зарею
 Они отправятся гурьбою
 По дальнимъ рощамъ и лугамъ;
 Стрекозы, гнѣзда, горе вамъ!

X.

За то, бывало, наслажденье
 Съ какой-то тайною тоской
 Грозы услышать приближенье,
 Внимать, какъ громъ гремитъ глухой,
 Подъ старой липой укрываться,
 Креститься съ страхомъ, любоваться
 Пророка Божьяго огнемъ,
 И славно мокнуть подъ дождемъ;
 Или коня поймать, съ отвагой
 Его распутать и взыздать,
 Вскочить и бѣшено скакать;
 Или броситься въ живую влагу,
 Подъ пѣну мельничныхъ колесъ,
 Хоть послѣ разбранять до слезъ!

XI.

Уроки, шалости, мечтанья,
 Забавы съ маленькой сестрой,
 Ея причуды и желанья—
 И въ томъ проходить годъ, другой;
 Пошелъ десятый Николаю,

И утромъ, въ день девятый мая,
 Былъ бабушкой отецъ Иванъ.
 Пирогъ откушать важно званъ.
 Въ гостиной съ дѣдовскимъ портретомъ,
 Съ ковровой мебелью въ чахлахъ,
 Пирогъ стоялъ на двухъ столахъ.
 Сосѣди собрались при этомъ,
 А именинникъ у дверей
 Вертѣлся, глядя на гостей.

XII.

Смущенъ-ли былъ онъ, одинокій,
 Дитя, ихъ шумомъ, торжествомъ,
 Или предчувствіемъ далекимъ,
 Но сердце замирало въ немъ;
 Послушалъ онъ: всѣ толковали
 О немъ, судьбу его рѣшали—
 Отвезть въ губернію, отдать
 Въ ученье. «Нечего вамъ ждать,
 Сударыня», такъ отозвался
 Одинъ, «я, вамъ скажу, того,
 «Не много больше былъ его,
 «А ужъ за Матушку сражался;
 «Сержантомъ былъ въ двѣнадцать лѣтъ.

XIII.

И въ слѣдствіе сего рѣшеня,
 Отецъ Иванъ благословенъемъ
 Въ путь Николая наградилъ.
 Черезъ недѣлю, въ колымагѣ,
 Минуя горы и овраги,
 Тащила бабушка, а съ ней
 И внучекъ въ городъ. Плачь дѣтей,
 И Лизочки и Николая
 Утихнулъ скоро. Лизу спать
 Уклала нянька, и гулять
 Ушла, на весь домъ распѣвая:—
 Теперь намъ можно отдохнуть!
 А Николая занялъ путь.

XIV.

Далеко-ль, близко-ль, дотащился....
 Но занимательно-ль для васъ
 Куда вступилъ онъ, какъ учился,
 Наказанъ былъ-ли, сколько разъ,
 И прочее? По мнѣ, нимало!...

XV.

Но годы скоро улетаютъ,
 И дѣти выросли. Иной
 Уже серьезно размышляетъ
 Кудрявой русой головой....
 Но о послѣдствіяхъ ученя
 Позвольте мнѣ безъ разсужденя....
 Нѣтъ одинакихъ двухъ листовъ
 На деревѣ, нѣтъ двухъ головъ,
 На столько сходныхъ, чтобы гладко
 Учене мудрости равно
 Сложилось въ нихъ, и чтобы оно
 Не потерпѣло отъ укладки.
 На что намъ знать, вступая въ свѣтъ,
 Доволенъ кто собой или нѣтъ.

XVI.

Другіе могутъ вамъ героя
 Представить въ уюены боя
 Съ людскою злобой, чернотою,
 Пылая страстною душой
 Къ прекрасному.... Мы ихъ видали!...
 Предавъ анаемъ порокъ,
 На другъ карточный должокъ
 Они съ слезой въ очахъ писали;
 На смерть за дѣву въ пѣтѣхъ дней
 Шли, — справясь, много-ли за ней!...

XVII.

Мы знаемъ, есть и исключеня.
 На свѣтлой жизненной зарѣ

Восходитъ облако сомнѣнья,
Тоски о правдѣ и добрѣ;
Душа томится, негодуешь,
Печаль другихъ ее волнуешь,
На подвигъ дивный призвана
Сражаться, утѣшать она
Готова..... Тутъ всегда случится
Старикъ отецъ, больная мать,
Нужда, — и принужденъ молчать!...
Вопль сердца смолкнетъ, покорится;
Пройдетъ десятокъ лѣтъ, другой
И запоетъ онъ въ ладъ съ толпой.

XIX.

А если вѣтъ..... Но что напрасно
Считать, чѣмъ скучнаго пѣвца
Говяеть съ сцены хоръ согласный,
Покуда сгонитъ до конна.
Его *andante-maestoso*,
Упреки вѣчные, угрозы
Сбиваютъ съ толку и вредятъ
Гармонии, и оркестръ не радъ,
Да и директоръ не охотникъ
До криковъ этихъ. И домой
Бредеть, поникнувъ головой,
Освистанъ публикой, работникъ;
И счастливъ, счастливъ онъ, когда
Еще прибрестъ-то есть куда.....

XX.

Но каюсь и прошу прощенья
За многословье, — хоть не разъ,
Я знаю, эти отступленья
Еще растянуть мой рассказъ;
Великимъ сладко подражанье!

.....
Со школой Николай разстался;
Экзамень выдержанъ....
Студентъ любитъ Москвою.

XXI.

Въ пятнадцать лѣтъ уже свободный,
Своихъ поступковъ властелинъ,
О счастье! Долгій, благородный,
Широкий путь лежитъ предъ нимъ!
Умомъ-и слухомъ напряженнымъ
Внимать восторженно-священнымъ
И яснымъ знанія словамъ,
Съ любовью, съ трепетомъ, а тамъ
Унести съ собой ихъ, въ уголъ тѣсный,
Въ свой незатѣйливый пріютъ,
И ночь заставитъ долгій трудъ,
Веселый, жаркій и безвѣстный.....
Покуда взглянетъ день сырой
Съ своей заботой и нуждой.

XXII.

Хоть слезы намъ несетъ забота,
Умъ давить, сердце леденитъ,
Но въ годы школьничества что-то, —
Какъ добрый ангелъ насъ хранитъ;
Душа все скоро забываетъ;
Такъ птичка съ крыльевъ отражаетъ
Росу холоднаго дождя.
Сберутся шумные друзья;
Что нужды, что обѣдъ — мечтанье,
Что дровъ въ печи давно ужъ нѣтъ, —
Рѣшаетъ весело совѣтъ
Принести одинъ фольгантъ въ закланье,
Чтобы цѣною старика
Послушать Сальви изъ райка.

XXIII.

А тамъ любовь, луна и дѣвы,
Мечты, листки плохихъ стиховъ,
Въ семнадцать лѣтъ возванья: «Гдѣ вы,
«О сны младенческихъ годовъ!»
И прочее: объятья міру
Иль ядовитая сатира,

На все, на дружбу, на людей —
 За смѣхъ измѣнницы своей;
 Хоть иногда предметъ страданій
 И не имѣеть чести знать
 Страдальца..... Какъ же не сказать,
 Куда ушли вы, дни мечтаній,
 И отъ чего вашъ свѣтлый путь
 Какъ будто стыдно вспомнить?.....

XXIV.

И Николай жилъ помаленьку,
 Велъ счетъ расходу и добру;
 Малютки наши деревеньки
 Не Эльдorado, не Перу,
 Не золотое дно, немного
 Возьмешь съ нихъ. Лѣтнею дорогой,
 Пѣшкомъ, издалека, къ нему,
 Бывало бабушка Оуму
 Съ поклономъ шлетъ, съ благословеньемъ,
 И съ деньгами; но чтобы ихъ
 Не тратить для затѣй пустыхъ;
 Къ тому двѣ баночки варежья;
 Въ письмѣ записаны онѣ,
 Въ вѣстяхъ о дворнѣ и роднѣ.

XXV.

Въ письмѣ всегда сестры приписка.
 Она дрожащею рукою
 Всегда подписывалась низко
 Его покорнѣйшей слугою,
 Перомъ тугимъ, безмѣрно тонкимъ,
 По двумъ чертамъ, концемъ гребенки
 Изображеннымъ вль игою;
 Но онъ былъ счастливъ всей душой,
 Письмо нескладное читая;
 Онъ такъ и полетѣлъ бы къ нимъ,
 Къ садамъ душистымъ и густымъ,
 Въ затишье, въ тѣнь роднаго рая!
 Судьба-жъ всегда одно въ отвѣтъ:
 Нельзя! — И такъ прошло пять лѣтъ.

XXVI.

Онъ выпущенъ, онъ кандидатомъ!
 Фортуна щедрая въ тотъ разъ
 Своимъ участіемъ богатымъ,
 Его устроила сейчасъ.
 Въ часъ выпуска, наградъ, прощаній,
 Рукопожатій, восклицаній,
 Изъ посѣтителей одинъ
 Какой-то строгій господинъ
 Къ нему приблизился.....«Я много
 «О васъ слышанъ», молвилъ онъ.
 А Николай ему поклонъ.
 —«Угодно вамъ со мной въ дорогу,
 Въ Санктпетербургъ, служить при мнѣ?»
 Все это было какъ во снѣ.

XXVII.

Но древнихъ изучалъ умерно
 И не вотще нашъ Николай.
 Они гласятъ: Лови проворно
 Улыбку счастья, иль прошай,
 Ужъ больше не придетъ. Учиво
 Его подарокъ прихотливый
 Онъ принялъ. Господинъ съ звѣздой
 Ему вручилъ тутъ адресъ свой,
 И ночь прощальную съ друзьями
 Герой не могъ отпировать,
 Онъ къ бабушкѣ застѣлъ писать:
 «Я долго не увижусь съ вами,

XXVIII.

Случалось, (заносясь отчасти)
 Невинный юноша мечталъ
 Что онъ постигъ людей, ихъ страсти,
 Загадку жизни разгадалъ;
 Пройдя вѣковъ и поколѣній
 Историю, онъ, какъ вѣкій гений,
 Ужъ зналъ, что въ будущемъ грозитъ —

Его ничто не удивить.
 Что-жь стало съ нимъ, когда явилась
 Жизнь съ скукой будничной своей,
 Разчетовъ, сметень, мелочей,
 Когда она въ графы сложилась
 Цифръ, справокъ, устарѣлыхъ словъ
 И несохладныхъ нумеровъ?

XXIX.

Долгъ человѣка объясняя,
 Въ расчетъ ихъ не взялъ Цицеронъ.....
 Случалось часто, разбирая
 Ихъ пыль, въ тяжелый полусонъ
 Герой нашъ погружался. Странно
 Все холодѣло въ немъ. Туманный
 Душа вопросъ себѣ дала:
 Ужели молодость прошла,
 Что въ немъ такъ чувства оупѣли
 И сталъ входить въ привычку трудъ?
 И эти жертвы всѣ ведутъ
 Ужель къ одной, одной лишь цѣли
 Хвалиться лишней пестротой
 На груди впалой и больной?.....

XXX.

Напрасно призывалъ онъ тѣни
 Своихъ отрадныхъ юныхъ грезъ,
 Бывалыхъ, свѣтлыхъ убѣдений,
 Благихъ даровъ благихъ небесъ;
 Что къ пользѣ общей все творится,
 Что онъ не для себя трудится, —
 Примѣры темные кругомъ
 Его разувѣряли въ томъ.
 Всѣ себялюбилъ кумиру
 Честь отдавали и поклонъ;
 Онъ чувствовалъ, что зараженъ
 И самъ болѣзнью общей міру,
 Что подгонялъ его труды
 Крикъ честолюбья и нужды.

XXXI.

Но онъ не сталъ бранить бесплодно
 Весь міръ, въ досадѣ на себя,
 И покорялся благородно,
 Порывовъ сердца не губя,
 Сокрывъ ихъ въ чистомъ убѣжденъи,
 Что воззоветъ ихъ въ то мгновенье,
 Когда для подвиговъ рука
 Всесильна будетъ и крѣпка.....
 Конечно, дѣтскимъ упованьемъ
 Уступку совѣсти своей
 Прикрылъ онъ, но утѣшась въ ней,
 Мирился онъ съ существованьемъ,
 Чтось какъ-нибудь гладить на свѣтъ:
 Жизнь впереди вся въ двадцать лѣтъ!

XXXII.

Его отъ горя не избавилъ
 И свѣтъ. Не дружно принять въ немъ,
 На основанъ древнихъ правилъ,
 Кто здѣсь живетъ однимъ перомъ!
 Хоть красота, образование,
 Приятный умъ безъ притязаній,
 Давали въ обществѣ права
 Герю нашему — молва
 Его не знала. Въ отдаленнѣ
 Поставленный существовать,
 Онъ роль Молчалина играть
 Не взялся. Много, безъ сомнѣнья
 Сгубилъ движеній юныхъ онъ,
 Но не былъ страненъ и смѣшонъ.

XXXIII.

Онъ понялъ, что судьба на долю
 Тяжелый путь ему дала,
 Что бѣдность силу, страсти, волю,
 И даже юность отняла;

Но гордый, не хотѣлъ теряться
 Въ толпѣ и жалко преклоняться,
 И принимать, какъ бы на смѣхъ,
 Лишь крошки бѣдныхъ утѣхъ.
 Онъ не набьется незнакомый
 Куда-нибудь на вечерокъ,
 Нѣтъ кресель—не поидеть въ раскѣ,
 А лучше проскучаетъ дома,
 Гдѣ строфы жаркія Гюго
 Развѣютъ горе отъ него.

XXXIV.

Во всемъ разборчивый, онъ мрачно
 Дни молодые проводилъ;
 Онъ бѣдно жилъ, за то изящно,
 И грустно тѣмъ доволенъ былъ.
 Любилъ-ли онъ? Въ томъ нѣтъ сомнѣнья,
 Но слезъ, страданій, утѣшенъ
 Не доверялъ онъ никому;
 Не звалъ онъ къ сердцу своему
 Друзей, не требовалъ участя,
 Услуги, помощи въ нуждѣ,
 Раздѣла въ тягостномъ трудѣ,
 Иль утѣшенія въ несчастіи;
 Трудясь и дѣйствуя вполнѣ,
 Душою жилъ онъ какъ во снѣ.

XXXV.

Прошло три года. Получаетъ
 Однажды съ почты онъ письмо
 Съ печатью черною. Читаетъ.
 Отъ Лизаньки сестры оно;
 Три мѣлко писанныхъ страницы.
 Покуда онъ служилъ въ столицѣ,
 Въ какой-то пансіонѣ она
 Была учиться отдава.
 Сестра печально извѣщала,

Что бабушки на свѣтѣ нѣтъ;
 Потомъ желанье и совѣтъ
 Она не смѣло выражала:
 —«Я здѣсь одна. Какъ жить одной?.....»
 «Ахъ еслибъ были вы со мной!

XXXVI.

«Я васъ отягощу собою;
 «Пріѣхать къ вамъ я не могу;
 «Здѣсь я хозяйства не устрою
 «И ничего не сберегу.
 «Когдабъ могли вы согласиться
 «Подъ кровъ родной переселиться!
 «Когда жъ отечество отъ васъ
 «Услугъ потребуетъ, у насъ
 «Въ уѣздномъ городѣ, конечно,
 «Найдется служба.»—Нашъ герой
 Измялъ письмо съ тоской нѣмой,
 Съ какой-то болию сердечной,
 На столъ своей головой упалъ,
 И самъ не зналъ о чемъ рыдалъ.

XXXVII.

На завтра онъ въ отставку подалъ,
 Къ сестрѣ пять строчекъ написалъ,
 Тамъ собрался, что нужно продалъ,
 И на почтовыхъ ускакалъ.....
 Мы видѣли его. Въ селеньи
 Звонъ колокольчика движенье
 Въ часъ непривычный пробудилъ
 И псовъ мохнатыхъ разъярилъ;
 Огни по окнамъ заходили.....
 Предъ домомъ, среди двора

Представь себя, что я даже и не видала ни одной коровки,—также все дома; часто балы бывают.... Папаша мой служить председателем; его вездѣ приглашаютъ, и ты не повѣришь, я почти ни одного дня не сижу дома, все танцую! Вчера я тоже была на балу, у откупщика, т. е., ма сѣге, ты не подумай, что его фамилія откупщикъ,—нѣтъ это только его такъ зовутъ, его фамилія Крушинчиковъ; онъ здѣшній богатый дворянинъ; сынъ у него служить въ военной службѣ; онъ мнѣ не нравится! хотя папа и папаша говорятъ, что онъ не дурень собой, но носъ у него такой большой, глаза.... однимъ словомъ не въ моемъ вкусѣ.... А какъ я была вчера мило одѣта, ма сѣге, прелесть! Ты вообрази себя: платье изъ бѣлаго муслина—а вапѣръ, шитое въ тамбуръ, съ тюникомъ тоже шитымъ, и на чаклѣ изъ бѣлагого пу-де-суа. — На груди у меня была бѣрта изъ широкихъ кружевъ и цвѣты, прелесть что за цвѣты,—изъ Москвы привезли. — На головѣ тоже цвѣты, а на шеѣ нитка жемчугу съ маленькимъ брилліантовымъ фермуарчикомъ.—Какъ это шло ко мнѣ, ты не можешь себя представить! На косу тоже мнѣ хотѣли было наколотъ жемчугъ, но это не идетъ; папаша сказала, что я еще слишкомъ молода, и мы поѣхали такъ.... Скажу тебѣ, что за мной много ухаживаютъ, особливо одинъ,—не скажу, чтобы дурень, такой gentil, и уменъ очень, даже батюшка говоритъ что очень-уменъ! За-тѣ остальные дрянъ! — Хоть папенка и хвалитъ еще одного помѣщика,—говорятъ очень-богатъ,—да у него такія манеры.... какъ, помнишь, къ намъ хотѣлъ опредѣлиться гувернеромъ, мы смѣялись еще, что все ногой шаркаетъ,—будто всякой разъ хочетъ раскланываться, на него очень-похожъ! и старикъ ужъ, и табакъ нюхаетъ, фи, какъ это гадко! Не понимаю, что имъ за удовольствіе нюхать табакъ!... Что касается до меня, то я ко всѣмъ очень-равнодушна, и если бы не тотъ, то и не смотрѣла бы со-всѣмъ на здѣшнихъ мужчинъ!

Здѣсь была Полина, такая гордая,—я къ ней не подошла, удивительно нужно!—Въ Собраніи на ней было много брилліантовъ, и ее называютъ богатой невѣстой! — да мнѣ что? Платьице на ней было бѣлое, простенькое, манти-

лія хороша, что правда, то правда,—очень-хороша! непре-мѣнно сошью себя такую же!—Пиши же ко мнѣ, Natalie, гдѣ вы больше живете, въ Петербургѣ ли, или съ папа, также въ провинціи, и правда ли, будто твой папа думаетъ совсѣмъ въ Петербургъ переѣхать? Напиши обо всѣмъ, или я подумаю, что и ты загордилась! Я страхъ какъ соскучилась, не получая отъ тебя ни строчки; думаю: здорова ли? Помнишь, какъ въ пансіонѣ мы клялись, что вѣчно не забудемъ другъ друга. Это было, кажется, вскорѣ послѣ того, какъ ты спасла меня отъ гнѣва мадамъ,—ты всегда была такая великодушная!

А что наша мадамъ? гдѣ она? видишься ли ты съ ней?—И теперь смѣюсь до слезъ, какъ вспомню, разъ будто нарочно крыса прибѣжала, и прямо къ мадамъ; — какъ она вскрикнула, бѣдная, чуть съ ума не сошла отъ испугу.—Мнѣ бы тогда очень досталось; madame подумала, что это я нарочно притащила крысу, чтобы ее испугать,—чуть передникъ съ меня не сняла, да ты выпросила! Ахъ, милая Наташа, когда-то я опять увижу тебя! — Сей часъ къ намъ принесли приглашеніе отъ.... право и сама не знаю, я такая шалуня, позабыла спросить; знаю только, что тамъ будутъ танцовать. Ахъ если бы папа поѣхалъ! И онъ тамъ будетъ....

Боже мой, чуть было не позабыла! Анета за мужъ вышла! Да какой у нея мужъ, ма сѣге! Вообрази себя, уродъ, просто уродъ! Ростомъ маленькой, самъ толстый, рябой — просто изъ рукъ вонъ! Никогда бы за такого не пошла! А она еще важничаетъ, представляетъ изъ себя даму! Уморительно!

Прощай, мой анге, Наташечка! Ты ужъ не собираешься-ли за мужъ выходить? Какъ я заболталась, уже шесть часовъ; пора одѣваться.—Прощай же, другъ мой, цѣлую тебя тысячу разъ, и прошу не забывать свою Катюшу.

Р. S. Увидишь Marie, скажи что я ей кланяюсь, и что Анета за мужъ вышла, только не говори, что мужъ ея уродъ! Еще не забудь пожалуйста сказать madame, если ее увидишь, что у ней остался мой узоръ, на которомъ вся азбука, такъ передала бы тебѣ, а ты мнѣ пришли!...

Да увѣдомь, какіе воротнички у васъ въ модѣ, и правда-ли, что дамы носятъ мужскіе галстуки.—Прощай, Наташа, пиши же ко мнѣ! Мы ѣдемъ, душечка, Natalie, мы сейчасъ ѣдемъ....

(Письмо, которое никогда не было отправлено Натальею Михайловною къ Катеринѣ Александровнѣ.)

«Ты бранишь меня, ma chère Катя, за то, что я не пишу къ тебѣ! Ты думаешь, что я завеселилась, закружилась и позабыла подругъ своихъ. Не грѣхъ-ли это тебѣ думать, Катенька? Развѣ я такая вѣтреница, что могу васъ забыть? Нѣтъ,—никогда не забуду я того времени, которое провела такъ спокойно, такъ счастливо!... Знаешь, мнѣ и теперь часто представляется, будто я въ пансіонѣ, будто съ вами,—даже иногда во снѣ вижу! И какъ я бываю довольна въ тотъ день, когда увижу во снѣ тебя, милая Катинь, будто и въ-самомъ-дѣлѣ тебя видѣла.—А что я не пишу къ тебѣ, то—какъ тебѣ сказать... нужно, чтобы я расказала всю жизнь мою, чтобы ты поняла отъ чего я не писала.... А что-жь, я сама не знаю, почему мнѣ хочется рассказывать; мнѣ кажется, что мнѣ будетъ легче, если я съ тобой подѣлюсь всѣмъ, что я перенесла.—Я знаю доброту твою, ты не станешь смѣяться надъ мною, милая Катенька, ты пожалѣешь свою подругу....

Но я не хочу, чтобы письмо мое произвело на тебя грустное впечатлѣніе, чтобы ты отказалась для меня отъ одного изъ своихъ удовольствій; нѣтъ, Катенька, веселись, другъ мой! Поѣзжай на балъ, танцуй, а послѣ прочитай мой рассказъ,—и не думай, что тутъ страдаетъ твоя подруга, когда-то любимая тобою, думай, что дѣло идетъ о посторонней, о чужой.... Даже сама я, когда вспоминаю жизнь свою, сомнѣваюсь, дѣйствительно ли все это было со мной, все это я перенесла, и у меня достало силъ перенести! — А теперь, что-жь, я привыкла къ своему положенію, помирилась съ нимъ, и мнѣ кажется, что въ немъ я нахожу и отраду и успокоеніе.—Поѣзжай же танцовать, Катенька, а

примись за письмо мое въ ту минуту, когда тебѣ будетъ больше нечего дѣлать, или когда особенно вспомнишь свою Наташу!

Начинаю съ той минуты, когда я просталась съ тобой. Намъ обѣимъ было тогда пятнадцать лѣтъ, мы обѣ должны были выйти изъ пансіона, обѣ были веселы.—Помнишь, какъ мы смѣялись, когда примѣривали первый разъ наши платья. Намъ казалось страннымъ, какъ на насъ, вмѣсто обыкновеннаго зеленого шерстянаго платьица, очутилось вдругъ лиловое, розовое, бѣлое, съ лентами, цвѣтами.... Какъ это радовало насъ тогда!... Помнишь, мнѣ всѣ завидовали, говорили: какая эта Natalie счастливая! И въ-самомъ-дѣлѣ, у меня было болѣе всѣхъ платьевъ! Онѣ цѣлы и до-сихъ-поръ; я ихъ не надѣвала....

Время къ выпуску приближалось; мы готовились къ экзамену, разучивали въ 8 рукъ симфонію на рояли, старались отличиться каждая своимъ искусствомъ.... Смѣюсь теперь, какъ вспомню, какъ мы хлопотали о томъ, кто изъ насъ будетъ играть соло, какъ интриговали немножко; и помнишь, мнѣ было обидно, когда Полина хотѣла меня перебить. Однако ей не удалось; соло играла я; сама начальница сказала, чтобы я играла. А какіе воздушные замки мы строили тогда! Какъ теперь помню, ты увѣряла меня, что на балахъ будешь танцовать только съ тѣми, кто въ бѣлыхъ мундирахъ;—и я не уступала тебѣ въ фантазии; я говорила, что когда буду выѣзжать, то буду непременно требовать, чтобы за нашей каретой лакеи ѣхали верхомъ.... Или, помнишь, какъ мы вздумали, чтобы намъ не разлучаться, то обѣимъ вытти за мужъ за одного....

За тобой пріѣхали.—Ты съ грустью посмотрѣла на старій возокъ, на лакея, не обшитаго басономъ, и позавидовала мнѣ;—ты сказала: Счастливица Наташа! Ты видѣла, что моя матушка пріѣзжала всегда къ намъ въ пансіонъ въ новомодной каретѣ, однимъ-словомъ, пріѣзжала такъ, какъ намъ всѣмъ тогда хотѣлось ѣздить. И ты думала о своей жизни въ провинціи, ты говорила: Natalie, забудетъ бѣдную провинціалку!

—А я развѣ не провинціалка? отвѣчала я.—Но при-

знаюся, я чувствовала свое превосходство; меня съ дѣтства окружали такими попеченіями, доставляли столько удовольствій, если не роскоши, что я дѣйствительно съ сожалѣніемъ смотрѣла на старый возокъ, обитый драдедамомъ и выкрашенный коричневою краскою, на стараго Максима, — ты видишь, я не забыла, что его звали Максимомъ, — въ длинномъ сюртукѣ, въ которомъ онъ путался, и въ бѣлыхъ перчаткахъ, которыми онъ боялся до чего-нибудь дотронуться.... Не скрою и того, что мнѣ показалась немножко странною и твоя тетюшка, которая за тобой тогда пріѣхала, — въ кисейномъ чепчикѣ, шерстяномъ капотѣ, и которая раскланялась съ нашимъ буфетчикомъ, думая, что онъ важный господинъ.... Я сравнивала этотъ возокъ, этого Максима, съ блестящимъ выѣздомъ моей маман, и признаюся, душевно сожалѣла о тебѣ; но въ утѣшеніе тебѣ сказала: А я развѣ не провинциалка?

— Какая разниа, отвѣчала ты сквозь слезы: твоя маман всегда въ Петербургѣ живетъ, а рара, — ты уговоришь и его, чтобы онъ въ Петербургъ пріѣхалъ! Ты веселиться будешь, а я бѣдная.... Ты плакала.

Мы старались утѣшить тебя; старушка, твоя тетюшка, показала намъ очень доброю и очень почтенною; она говорила тебѣ, какъ у нихъ весело, — и ты сама смѣялась, когда она называла тебя королевною, звѣздочкою, утѣрля, что ты лучше всѣхъ у нихъ будешь.... За эти рассказы ты помирилась и съ возкомъ, и съ длиннымъ сюртукомъ Максима, и съ шерстянымъ капотомъ самой тетюшки.... О. Катя, ты любишь лести!...

Ты уѣзжала. — Какъ мы прощались тогда! До-сихъ-поръ берегу твой листокъ, который ты написала мнѣ на память. — На этомъ листочкѣ твои слезы. Я не плакала, но мнѣ было такъ грустно, такъ грустно.... Не могу вспомнить этой минуты! Ты бросилась ко мнѣ на грудь, обняла меня, говорила, что вѣчно будешь любить меня, помнить. — Ты припомнила всѣ наши маленькія взаимныя одолженія, которыя и мнѣ случалось тебѣ оказывать, а я стояла точно деревянная! Ни слова, ни слезинки не вырвалось у меня изъ груди, а такъ тяжело было тогда, такъ давило.... Тетюшка твоя тоже обняла меня, тоже просила не за-

бывать, а я могла только сказать: — Прощай, Катя! И вдругъ залилась слезами.... Послѣ я не помню, что было со мною.... Когда я опомнилась, тебя уже не было, ты уѣхала къ роднымъ своимъ, на радость и счастье, и это была послѣдняя минута, въ которую мы видѣлись съ тобой....

За мною никто не пріѣзжалъ; это мнѣ казалось страннымъ, и въ пансіонѣ всѣ удивлялись такой неаккуратности; тѣмъ болѣе, что до-этихъ-поръ, какъ ты сама знаешь, ни одного дня, назначеннаго для свиданія, не проходило безъ того, чтобы меня кто-нибудь не навѣстилъ. — А тутъ будто всѣ въ воду канули, — никого!

Гардеробъ мой также не пополнялся. У меня были прекрасныя платья, дорогія вещи, а не было самыхъ простыхъ, самыхъ необходимыхъ принадлежностей; на-примѣръ, представь себѣ, у меня было только два носовыхъ платка, и то изъ тѣхъ, которые я носила еще въ пансіонѣ; у меня не было ни однихъ чулокъ, такъ что я принуждена была ходить въ пансіонскихъ. — Я замѣчала, что служу предметомъ общаго любопытства; всякая дѣлала свои догадки, почему за мною не пріѣзжаютъ; догадки эти оскорбляли меня. — Я написала къ матушкѣ; мнѣ принесли отвѣтъ, что моя добрая маман очень была больна, но когда узнала, что отецъ мой тоже очень-болень, приказала отвезти себя къ нему. Она оставила мнѣ письмо, и это письмо послѣ ея отъѣзда позабыли мнѣ доставить. Я не знала, что дѣлать мнѣ, тосковала такъ, что не умѣю рассказать.... Меня старались развлекать, и при этомъ случалъ я очень-обязана madame, такъ, что я раскаялась за мои шутки надъ ней; — право, Катя, она предобрая!...

Вечеромъ я сидѣла за роялемъ, и плакала, думая о томъ, что меня совсѣмъ забыли; вдругъ мнѣ говорятъ, что меня спрашиваетъ какая-то дама.

Меня будто кольнуло чѣмъ; — спрашиваю: не маманъ? Маленьку у насъ въ пансіонѣ всѣ знали. — Нѣтъ, чужая какая-то, отвѣчали мнѣ. Сердце мое сжалось отъ предчувствія; я пошла.

Въ приемной дѣйствительно сидѣла дама. Она была одѣта довольно порядочно, въ шелковомъ салонѣ и шляпкѣ;

но такая толстая, такая — мужикъ, что не умѣю тебѣ и сказать.

— Ну такъ и есть, такъ и есть,—сказала она, Наталья Михайловна! Я васъ съ перваго разу узнала! Вѣдь правду же говорятъ, что яблоко отъ яблонн не далеко падаетъ,—вы вылитая вашъ батюшка, право не лгу! Мы съ нимъ, сосѣди, самые близкіе, верстахъ въ полтора не больше!—Настасья Карповна....

— Здорова ли маменька? спросила я.

— Ну, вашу матушку я не знала совсѣмъ: вѣдь онѣ врозь съ вашимъ батюшкой то жили! Кто изъ нихъ виноватъ, кто правъ, не намъ судить! Да благоразумная дочь совсѣмъ и не должна судить поступковъ отца и матери! Пусть, а вашъ батюшка почтенный человѣкъ, очень-почтенный....

— Съ батюшкой вашимъ, продолжала Афимья Авдѣевна—такъ называли прѣхавшую за мной даму—мы вмѣстѣ росли; вотъ еще этакимъ его помню! Афимья Авдѣевна показала рукой на аршинъ отъ полу. Родители наши, дай Богъ имъ царствіе небесное, были тоже очень дружны; ничего что вашъ дѣдушка былъ богатъ; да и батюшка вашъ, дай Богъ ему здоровья, не оставляетъ моего Ивана Христофоровича. Ъхала я въ Петербургъ, опредѣлять моего Сенюшу,—вы знаете моего Сенюшу? Славный мальчикъ, выстригаетъ какъ!—У меня, видите, пять сыновей; одного зовутъ Пантелѣй..... Да,—что я стала говорить?..

— Вы начали говорить о папа..... сказала я сквозь слезы.

— Да, какъ я стала собираться, Настасья Карповна и просила меня взять васъ изъ пансіона и привезти къ нимъ, я, какъ видите, и заѣхала. Ну что, вѣдь вѣрно, сборы не долги у васъ,—такъ я заверну завтра, да помолясь и въ дорогу; а то мой Ваня соскучится, и то, шутка, почитай мѣсяцъ не видалъ, да и Настасья Карповна сомнѣваться станеть!

— Кто это Настасья Карповна?

— Да это, какъ бы вамъ сказать,—она изъ простыхъ, была, просто сказать — служанка, а теперь живетъ домоправительницей у вашего батюшки, да наряжается какъ! Вотъ этотъ салонъ, что на мнѣ видите, она мнѣ подарила,

и шляпку, — говорить старъ; а для меня такъ новешенекъ, вотъ—съ какъ! Ну, оно — разумѣется, все не по ней, но она хорошая, очень хорошая женщина, — я ей очень благодарна — не оставляетъ насъ! Ну такъ когда же прѣзжать—то за вами?

— Я готова, отвѣчала я, глотая слезы свои: — мнѣ только нужно башмаки купить, да чулокъ совсѣмъ нѣтъ!

— Ну ужъ, что касается до покупокъ, то мнѣ на этотъ счетъ приказанія никакого не отдали; — ужъ, дѣлать нечего, поѣзжайте въ чемъ есть; вѣрно, тамъ справятъ; а я, барышня, завтра заѣду; ужъ будьте покойны, мнѣ за дорогу вашу заплачено; вы и не увидите, какъ очутитесь у вашего батюшки.

Вотъ какая женщина прѣехала взять меня изъ пансіона.

На другой день къ крыльцу подѣхала простая рогоженная кибитка, на одной лошади; въ кибиткѣ было навалено множество узловъ, подушекъ, ящичковъ, сундуковъ; оттуда вылезла Афимья Авдѣевна, въ черномъ коленкоровомъ салонѣ на зайчьемъ мѣху, въ коричневомъ старомъ капорѣ.... Торопись, торопись сударыня, сказала мнѣ Афимья Авдѣевна; извончики не ждутъ, имъ нужно взять еще одну женщину, да выѣхать за—свѣтло! Я была уже готова,—меня провожать весь пансіонъ. — Ты тамъ увидишь твою маман, говорили онѣ; она выздоровѣетъ, и ты опять будешь щеголять и наряжаться..... Мы сѣли въ кибитку и поѣхали, и послѣ того я не видала никого изъ моихъ пансіонскихъ подругъ.

На дорогѣ мы взяли еще мѣщанку, которая отправлялась въ нашу сторону; она помѣстилась подлѣ кучера; и всю дорогу бранилась съ Афимьей Авдѣевной. На всякой стачіи былъ крикъ, споръ, брань; — кучера бранились, Афимья Авдѣевна бранилась тоже, хозяйева, у которыхъ мы останавливались, тоже бранились.....

Такъ прошло десять мучительныхъ для меня дней!

Впрочемъ нельзя сказать, чтобъ Афимья Авдѣевна не ухаживала за мной; она всегда смотрѣла, чтобы я была тепло одѣта, чтобы всякой день напоить меня чаемъ никакъ не меньше трехъ разъ. И когда бывало я не хочу, она всегда уговаривала: кушайте, барышня, не церемонь—

тесъ, кушайте! Вѣдь свое вы будете кушать; мнѣ заплачено.

Иногда, когда не бранилась съ мѣщанкой, она удостоивала меня своимъ разговоромъ. Постояннымъ предметомъ этого разговора была Настасья Карповна.—Халдейка такая, говорила Афимья Авдѣевна, а важничаетъ какъ!— Придешь къ ней, часа три настоишься прежде, чѣмъ увидишь! И все съ высоко, — мантилью надѣнетъ рублей въ пятьсотъ, а ты только глазами хлопай!..... Другой разъ, когда Афимья Авдѣевна была въ болѣе добромъ расположеніи духа, она говорила: ну чтожь, Богъ далъ счастье, какъ быть, теперь и въ славіи и въ богатствѣ,—а просто была служанка; сама помню, какъ на рѣку бѣгала; право не лгу, сама видѣла. Ты слушайся ее, барышня, уважай,—она женщина хорошая;—вотъ хоть бы мнѣ, ни съ того, ни съ сего, вдругъ вздумала салонъ подарить.....

Я молчала всю дорогу. И не плакала я,—мнѣ было такъ грустно,—не могу сказать, какъ мнѣ было грустно! Я будто угадывала, будто чувствовала.... И я тосковала, ужасно тосковала....

Наконецъ Афимья Авдѣевна сказала: Ну, скоро и дома будемъ. До Михайловки вашей, не больше какъ три версты осталось, а тамъ еще полторы версты—и моя Воронка....

Сердце мое сильно билось;—я боялась чего то, и вмѣстѣ хотѣла, чтобы скорѣе, скорѣе—хоть чѣмъ—нибудь бы кончить! Будто сквозь сонъ мнѣ помнился домъ нашъ.—Каменный, двухъ-этажный домъ, очень красивенькій, зеленые ставни, красная крыша, большой садъ, съ густыми деревьями, множество цвѣтовъ, въ сторонѣ оранжерея, и все это окруженное, можно сказать облитое зеленью, на горѣ, дѣлало премиленькій видъ.

Я съ матушкой переѣхала въ Петербургъ очень молодая; но будто теперь вижу,—на балконѣ стоитъ матушка и смотритъ въ поле; она ждетъ, когда пріѣдетъ мой отецъ. И бывало до поздней ночи стоитъ она, и смотритъ, и ждетъ, все напрасно, батюшка не пріѣзжалъ.... Она сой-детъ съ балкона; посмотритъ на меня, скажетъ: Что ты не ложишься спать, Наташа?

— Дожидаюсь тебя, маменька, говорила я.

Она брала меня къ себѣ на руки, цѣловала, — а глаза ея были полны слезъ....

Вотъ лѣсокъ, изъ-за котораго открывается домъ нашъ. Помню, въ этомъ лѣсу я заблудилась однажды.—Пошелъ дождь, я вся перемокла; меня долго искали, наконецъ наши полуживую отъ страха и холода.

Но что это? Вмѣсто веселенькаго домика съ зелеными ставнями и красной крышей, окруженнаго цвѣтами и зеленью, мнѣ представилось грязное, сѣрое, полуобрушенное зданіе, вокругъ котораго въ разныхъ мѣстахъ стояли огромныя пристройки, флигеля, больше самаго зданія. Зеленъ, окружающая нашъ домикъ, была вырублена, сирени и акаціи засохли, оранжерея стояла съ изломанными рамами; нѣкоторыя ставни у дома и у флигелей висѣли на одной петлѣ, качались отъ вѣтра;—стекла въ окнахъ мѣстами были выбиты; вездѣ слѣды опустошенія, безпорядка.... Дворъ, какъ я уже сказала, былъ весь заставленъ строениями, новыми, большими, но до такой степени не изящными, что казалось, будто онѣ нарочно поставлены тутъ, чтобъ загрязнить и безъ того уже грязную картину.

На дворѣ множество людей, лошадей, собакъ, но никто не замѣтилъ нашего пріѣзда.

Мы съ Афимьей Авдѣвной вошли на крыльцо. Нѣкоторыя ступеньки лѣстницы перекошились; вездѣ было пыльно, грязно,—мѣстами былъ набросанъ ельникъ.... Съ грустнымъ предчувствіемъ иду наверхъ, вхожу въ залу.... Дячекъ медленнымъ, ровнымъ, гробовымъ голосомъ читаетъ неалтырь по усоншей; стоятъ свѣчи передъ столомъ, а на столѣ—усоншая—моя маменька, моя родная маменька! Я вскрикнула и бросилась на грудь покойницы. Когда я немного пришла въ себя, меня потребовали къ папа.—Я хотѣла оправиться, но ко мнѣ торопливо пріѣзжала горничная, и объявила: Настасья Карповна, барышня, сердится, что долго не изволите идти.

Я наскоро отираю слезы, и иду за горничной.—Вхожу въ кабинетъ,—батюшки не было въ кабинетѣ. Не успѣла я осмотрѣть комнату, въ которой въ ужаснѣйшемъ безпо-

рядкѣ были набросаны охотничьи снаряды, дамскія принадлежности, образчики разнаго хлѣба, и стояли большія бутылки, болѣею частью пустыя,—входитъ дама.—Это была Настасья Карповна; я опишу тебѣ ее поподробнѣе.

Вообрази себѣ женщину высокаго роста, довольно стройную для ея лѣтъ.—ей тогда было около сорока—и довольно полную; волосы у ней были густые, черные, съ мелкой просѣдью; черные ей глаза, казалось, жгли меня изъ-подъ густыхъ, черныхъ же бровей! Батюшка, когда ему случалось уловить минуту ласки въ Настасьѣ Карповнѣ, всегда называлъ ее: моя чернобровая, моя черноглазая!... У Настасьи Карповны овальное лицо, очень нѣжнаго, молочнаго цвѣта; зубы ровные, правильные, улыбка довольно язвительная, — нѣсколько чуть замѣтныхъ морщинъ.... Впрочемъ, сказать по совѣсти, Настасья Карповна и до сихъ поръ была еще хороша; чтѣ жъ когда она была молодая.... Она явилась ко мнѣ въ полномъ дезабильѣ; безъ чепчика, въ блузѣ изъ темнаго ситцу, сверхъ которой была накинута дорогая турецкая шаль.

— Наконецъ-то, сударыня, вы рѣшились показаться намъ! Какимъ это счастьемъ мы удостоились? — Мы васъ ждали, не дождались; я всѣхъ дѣвокъ разослала, думала, что вы совѣмъ не удостоите показать намъ себя!... Гдѣ это вы изволили быть? Наряжаться изволили? Михайло Никитичъ! Михайло Никитичъ! Куда ты запропастился? Гей! дѣвка!

Явилась горничная.

— Попроси сюда Михайлу Никитича, скажи, что барышня прѣхала,—слышишь! Такъ и скажи, чтобы пожаловалъ сюда! Ступай! Да не перевери, скажи, что я зову!

Въ комнату вошелъ маленькій старичекъ, въ казимировомъ зеленомъ халатѣ, со слезами на глазахъ. Онъ на меня не обратилъ вниманія и прямо подошелъ къ Настасьѣ Карповнѣ.

— Я здѣсь, Настя,—ну—у!—здѣсь! Да ну—же! крикнулъ онъ—чтѣ такое?

Мое сердце вздрогнуло; я угадала, что передо мной стоитъ мой отецъ.

— Да вотъ, дочка твоя прѣхала, сказала Настасья Кар-

повна. Отецъ мой посмотрѣлъ на меня какъ-то безсознательно, потомъ обнялъ меня и поцѣловалъ въ лобъ.

Я была очень сконфужена, и не могла сказать ни слова. Вдругъ Настасья Карповна опустила внизъ свои рѣсеницы и сказала.

— И не стыдно это вамъ, сударь, принимать такъ вашу дочь? Ну посмотрите на себя, на чтѣ вы похожи? Халатъ изорванъ; ничего не дѣлаете съ утра до вечера. Къ вамъ дочь ваша прѣхала, ваша дочь! продолжала она, дѣлая удареніе на послѣднемъ словѣ. И Настасья Карповна придвинула батюшку ко мнѣ.

— А—а! Наташа, сказалъ отецъ: — ты, — ты! Поцѣлуй же меня, поцѣлуй!... И онъ меня обнялъ еще разъ....

Не знаю, чтѣ со мной дѣлалось; я едва могла его поцѣловать; голова у меня кружилась, мнѣ хотѣлось плакать.

— Чтѣ это съ вами? Дурнота чтѣ-ли напала? сказала Настасья Карповна.—Какая слабонервная! По матушкѣ пошла! Ту мы впрочемъ съ-тѣхъ-поръ не видали, какъ она уѣхала отъ Михайлы Никитича, заставивъ его подписать, что ей въ Петербургъ высылать деньги будетъ. Только умирать сюда прѣхала.

— Наташа, слезливо сказалъ мнѣ отецъ: поцѣлуй меня еще разъ.

Я готова была броситься къ нему на грудь; мнѣ было такъ жаль его; но Настасья Карповна меня остановила.

— Чтѣжь вы стоите, сударыня? сказала Настасья Карповна. Ступайте себѣ, ступайте! Вамъ тамъ отведена комната!....

Убитая, уничтоженная,—я безсознательно пошла въ залъ къ моей покойной матушкѣ; тамъ было отраднѣе мнѣ. Чтецъ тихо, уныло читалъ псалтырь, свѣчи горѣли, по временамъ вдругъ вспыхивая, и ярче освѣщая синеватое лицо покойницы. Я долго смотрѣла въ неподвижное лицо въ глаза, навсегда закрытые, на губы синія, мертвенныя, и думала: это лицо было полно дѣжнаго участія ко мнѣ; эти глаза смотрѣли на меня съ истинною любовію; эти губы цѣловали меня въ отвѣтъ на мой дѣтскій лепетъ.... И грустно мнѣ было, невыносимо грустно, Катенька,—но я не плакала,—я не могла плакать! Я не знаю, чтѣ со мною

было! Я тосковала, — и казалось, грудь славилась этой тоской, и слезы засохли въ глазахъ отъ полноты моего страданія... Я помню, что я улыбнулась даже, когда ко мнѣ подошла женщина, и стала меня уговаривать! Не знаю, почему то мнѣ показалась смѣшна эта женщина, съ слезами на глазахъ, въ рукахъ съ вытертою чашкою, и съ накинутаымъ на плечо полотенцемъ,—для того ли, чтобы было чѣмъ утирать слезы свои, или чашку для чая, — право не знаю... Я стояла подлѣ тѣла покойной, и безотчетно повторяла слова псалтыря, къ которымъ успѣвала прислушаться; чувства мои совершенно оцѣпенѣли; я не сознавала сама себя.

Иногда я слышала распоряженія, крикъ Настасьи Карповны, но ничего не понимала... Какъ было мучительно мое состояніе.—Ни мысли не было во мнѣ, ни слова, ни чувства,—а мнѣ хотѣлось,—всею душой моею, безмѣрно хотѣлось чувства, слезы,—чтобы я могла плакать по моей доброй маменькѣ...

Настасья Карповна велѣла мнѣ одѣться въ черное платье. Меня привели въ залъ.

Послѣ того я ничего не помню... Какъ мы пріѣхали въ церковь... Я была видѣ себя. И слезъ-то у бѣдной нѣтъ совсемъ! говорила Настасья Карповна.

Я развѣ виновата, что у меня не было слез!

Мы молились, — всѣ стали прощаться. Не помню, какъ оторвали меня отъ роднаго гроба, какъ я умоляла, чтобы еще одинъ разъ только, одинъ разъ поцѣловать ее... Потомъ стали стучать. Боже мой, будто стучали по моему сердцу, по самому сердцу... Потомъ вдругъ зацѣли,—и понесли ее отъ меня, понесли родную мою, навѣчно, навсегда... Я упала безъ чувствъ.

Съ этой минуты началась моя безутѣшная жизнь. Со смерти моей матери у меня нѣтъ ни одного свѣтлаго воспоминанія...

Ни ласковаго слова, ни привѣта не слыхала я, а сносила отъ другихъ только оскорбленіе!... И научилась я сносить оскорбленіе, поняла всю горечь униженія, и всю силу насмѣшки. — Ты меня не узнаешь теперь, Катенька, не узнаешь свою Наташу, то веселую, то задумчивую; не

услышишь ни шутки, ни смѣху,—не увидишь и слезы... Я разучилась шутить!... Ни радости, ни счастья, ни даже минутнаго увлеченія, не было во мнѣ послѣ смерти моей матери, точно будто все она унесла съ собою въ могилу; а была у меня только тоска на сердцѣ, да грусть, да холодъ ко всему, да горе,—жгучее горе!.....

... Какъ тихо у насъ теперь; точно будто всё замерло.—Не слышно, чтобы братъ хоть пошевелинулся, не слышно даже скрипа пера. Я пишу къ тебѣ и вспоминаю матушку, какъ она лежала передо мной, на столѣ,—съ блѣдными, синими губами... Темно, не могу больше писать, пойду, посмотрю, что дѣлаетъ братъ....

II.

Небольшая, чистенькая комната; стѣны оклеены сѣренькими обоями; мѣстами гравюры; коверъ на полу,—подержанный, но очень хорошій; по срединѣ комнаты большой письменный столъ краснаго дерева; въ углу бюро; по стѣнамъ кресла, обитыя зеленымъ барканомъ; на столѣ подсвѣчники изъ накладнаго серебра; у оконъ чистыя, кисейныя занавѣски, шелковымъ аграмантомъ прихваченныя къ бронзовой розеткѣ.

У письменнаго стола сидитъ молодой человѣкъ; онъ держитъ перо, передъ нимъ лежитъ листъ почтовой бумаги; но чернила на перѣ давно уже высохли, а молодой человѣкъ не собрался съ мыслями написать хоть одно слово.—Онъ музло смотритъ впередъ, и не думаетъ ни о чемъ; въ его лицѣ столько безжизненности, что въ его груди вы угадаете безнадежность.

Никита Михайловичъ, такъ звали молодаго человѣка, не дурень собой, только очень блѣденъ; но это не та блѣдность, которая сообщаетъ поэтической колоритъ молодому лицу, блѣдность извѣженности, если можно такъ выразить; нѣтъ, блѣдность Никиты Михайловича желтоватая, гру-

бая, указывала на материальный труд, на бессонные ночи, проведенные за этим трудом, на борьбу с самыми мелкими, ничтожными, подчас грязными столкновениями повседневной жизни.

На лицѣ Никиты Михайловича видны были страсти, но страсти не развиты, задушеныя сами собою, или вышними обстоятельствами, или сильной волей характера, который становился выше страстей.

Дверь кабинета слегка отворилась; въ дверяхъ показалась молодая дѣвушка; она взглянула на Никиту Михайловича, и опять неслышно скрылась, боясь пробудить своего брата отъ оцѣненія, въ которомъ тотъ находился.

Никита Михайловичъ не видалъ дѣвушки; онъ сидѣлъ и смотрѣлъ передъ собой, будто надѣялся въ воздухѣ встрѣтить что-нибудь, что бы дало исходъ его мысли.

Начинало темнѣть. Никита Михайловичъ сидѣлъ задумавшись; дѣвушка стояла подлѣ дверей, и безмолвно смотрѣла на брата.

Наконецъ стало совсѣмъ темно.—Никита Михайловичъ вдругъ ударилъ себя по головѣ, съ видомъ челоуѣка, которому внезапно пришла мысль, обмакнувъ перо въ чернильницу, хотѣлъ писать, и только тогда замѣтилъ, что уже ничего не видно.

— Огня! вскричалъ Никита Михайловичъ.

Дѣвушка невольно вздрогнула; потомъ нерѣшительно вошла въ кабинетъ.

Она была одѣта въ старое, шерстяное платье, темно-коричневого цвѣта, на плеча ея была накинута мантилька, тоже поношенная.

— Огня! повторилъ еще разъ Никита Михайловичъ.

— Братецъ, робко сказала дѣвушка, съ грустью смотря на него.

— Наташа, прикажи дать огня, сказалъ Никита Михайловичъ сухо и съ нетерпѣніемъ.

— Братецъ, повторила дѣвушка: нѣтъ ли у тебя сколько-нибудь мелочи, чтобы купить свѣчку?

Никита Михайловичъ поблѣднѣлъ. — Развѣ всѣ вышли? спросилъ онъ.

— Ужъ давно всѣ, милый братецъ;—брали въ лавочкѣ, да тамъ теперь въ долгъ не даютъ.

Никита Михайловичъ тихо опустил руки, и сказалъ: у меня ничего нѣтъ!... Потомъ вдругъ прибавилъ: но однако же мнѣ нужно свѣчку, смѣшно, что у меня нѣтъ огня, чтобы написать записку. Не дадутъ ли въ долгъ?

— Нѣтъ, братецъ, не дадутъ! Мы должны уже за два мѣсяца. Когда ты былъ болѣе, мы много въ долгъ брали! Я хотѣла послать Федотьевну, но она устала сегодня....

— Устала? Отчего она могла устать?

— Она мыла бѣлье....

Никита Михайловичъ что-то хотѣлъ сказать и сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе, но сестра предупредила его.

— Не намъ, братецъ, сказала она: она взяла на сторону.

— Она смѣетъ сказать, что устала, потому-что ей было угодно мыть чужое бѣлье на моей кухнѣ! сказалъ Никита Михайловичъ съ худо сдержаннымъ гнѣвомъ.

— Что же дѣлать, милый братецъ, отвѣчала дѣвушка: мы ей уже третій мѣсяцъ жалованья не платимъ, такъ она говоритъ, что ей нечѣмъ жить, что она тѣмъ и живетъ только, что на сторонѣ зарабатываетъ. Не сердись, братецъ; она говоритъ, что пожалуй и сойдетъ, только просить разсчитать ее; и всѣ вещи свои собрала было уже совсѣмъ; я наслуговорила!

Никита Михайловичъ блѣднѣлъ при этомъ разсказѣ.

— Но мнѣ нужно огня, рѣшительно сказалъ онъ. Завтра у меня будетъ Холодковъ, мнѣ нужны деньги!... Я хочу написать къ тому скрягѣ, для котораго я работалъ больше двухъ мѣсяцевъ, и не получилъ ни копѣйки!

— Не лучше ли тебѣ, милый братецъ, самому къ нему сходить?

— Не скажется дома, проворчалъ сквозь зубы Никита Михайловичъ, а на письмо, можетъ-быть, и отвѣтитъ, хоть сколько-нибудь пришлетъ! Я думалъ было просить Махова, да подумалъ.... однимъ словомъ, это неидетъ. Одно средство осталось. Заложить что-нибудь? Мелкихъ вещей нѣтъ, всѣ въ залогъ; развѣ зеркало?—узнаеть цѣлый домъ, толковать не оберешься.—а нужно, непременно нужно!

Наташа молчала; потомъ вдругъ она приподняла голову, взяла со стола маленькую коробочку, и сказала: Братецъ, тебѣ нужно большое письмо писать?

— Нѣтъ не очень большое, отвѣчалъ Никита Михайловичъ, не понимая вопроса сестры.

— Вотъ десять спичекъ, сказала Наташа, вынимая изъ коробочки спички. Напишешь ли ты, покуда я тебѣ ихъ буду держать?

— Десять спичекъ?

— Да, я буду держать ихъ одну за другою, покуда сгорятъ!

— А, въ-самомъ-дѣлѣ Наташа, сказалъ братъ: поддержи мнѣ, попробуемъ, я можетъ-быть и напишу! И онъ опустилъ перо въ чернила.

Наташа зажгла одну изъ спичекъ, и держала такъ, чтобы брату можно было писать. Ручка ея немножко дрожала; огонь жегъ ея пальчики, потому-что она старалась держать спичку какъ можно долѣе.... Когда же спичка сгорала, Наташа зажигала другую.

« Милостивый Государь! писалъ Никита Михайловичъ. — Вотъ уже почти два мѣсяца, какъ я прекратилъ занятія по вашей конторѣ, и не получилъ разчета за послѣдніе девять недѣль;—нѣсколько разъ заходилъ къ вамъ, но, къ несчастію, всякой разъ васъ не было дома. По этому рѣшаюсь безпокоить письмомъ, просить васъ, Милостивый Государь—доставить мнѣ то, что слѣдуетъ за трудъ мой, или сколько можно въ счетъ этихъ денегъ. Признаюсь, теперь поиздержался,—въ противномъ случаѣ, повѣрьте, не сталъ бы безпокоить васъ. Всегда готовый къ услугамъ.

Никита Понинскій.

Онъ завернулъ письмо, написалъ адресъ, запечаталъ. Наташа держала шестую спичку.—У насъ осталось еще четыре спички! сказала она весело.

— Ты обожгла себѣ руки, угрюмо замѣтилъ братъ.

Черезъ минуту Никита Михайловичъ позвонилъ.

Никто не являлся.

— Оедотьевна! крикнулъ Никита Михайловичъ.

Въ дверяхъ показалась старуха, повязанная платкомъ и бормотающая что то сквозь зубы.

— Одѣнься ко ты почище....

— Еще одѣваться то не во что!

— Какъ не во что? вспльчиво спросилъ Никита Михайловичъ. Передъ осенью я подарилъ тебѣ на салоппъ.

— Да вотъ ужъ три мѣсяца безъ жалованья живу, да и на харчи то ничего не даете, такъ что мнѣ въ салоппѣ то?

— Ну ступай какъ есть, подумавъ сказалъ Никита Михайловичъ: вотъ письмо....

— Не мое дѣло съ письмами ходить!

— Не твое дѣло! Ты смѣешь!... Губы Никиты Михайловича дрожали.

— Да что смѣть то, это дѣло лакейское; зачѣмъ Ильюшку отпустили? Онъ бы снесъ письмо, а меня въ кухарки нанимали. И такъ всякой день сапоги чищу; не мое дѣло....

— Братецъ! сказала Наташа, смотря на брата умоляющими глазами.

Никита Михайловичъ взглянулъ на сестру.

— Это вы все, сударыня, изволите баловать ихъ! Она вамъ смѣетъ сказать, что устала, потому-что мыла чужое бѣлье, а вы молчите! Вотъ она и ко мнѣ пришла со своими грубостями....

— Да что, жалованья вашего я только и видѣла за два мѣсяца, что впередъ дали!...

— Такъ что жъ, ты думаешь пропадутъ за мной твои деньги, что ли? Ну говори!

— А почему я знаю, пропадутъ ли; отдайте, такъ я тогда скажу, что онѣ не пропадутъ! отвѣчала испуганная старуха.

Никита Михайловичъ прошелся раза два по комнатѣ.

— Много ли тебѣ слѣдуетъ? спросилъ онъ тихо.

— Да сами изволите знать, за три мѣсяца—по 12 рубли, да тогда лакей былъ, а теперь бы и прибавить нужно,—ну да хоть свои то отдайте, да за харчи, вѣдь все свое ѣмъ!

— Хорошо! рѣшительно сказалъ Никита Михайловичъ, завтра принеси разсчетъ, и я тебя отпущу! А теперь сходи съ письмомъ, да еще—прибавилъ онъ нерѣшительно, — зайди въ лавочку и возьми свѣчку!

— Да чего ходить то, мимо лавочки пройти стыдно, всё глаза выкололи! И старого то не платите; даже пла-токъ рвутъ!... Фодотьевна захныкала.

— Молчи! закричалъ Никита Михайловичъ совершенно въ себя. Я сказалъ, что завтра тебя отпущу, а теперь ступай съ письмомъ! говорю тебѣ,—ступай!

Никита Михайловичъ втиснулъ ей письмо, и крѣпко сжалъ руку, чтобы она его не бросила.

Долго было слышно, что Фодотьевна выла, собираясь идти, и ворча что-то неласковое про своего барина.

— Экая жизнь, сказалъ Никита Михайловичъ въ отчаяніи: ни копѣйки!...

— Братецъ, спросила Наташа: не дойти ли мнѣ самой до магазина? Я тамъ отдамъ вышивку, и возьму сколько-нибудь денегъ впередъ?

— Вотъ еще, горячо и не вслушиваясь сказалъ Никита Михайловичъ: ты только и думаешь о магазинахъ и вышивкахъ! Видишь, что братъ разстроены, измучены, а она съ своимъ!—Кажется, сударыня, вамъ можно было бы дать брату покой!...

— Братецъ, я только....

— Ты только! Ну что только? Говори! Куда ты идти хотѣла? Видишь, брату свѣчки нѣтъ написать письмо; а она въ магазинъ!

У Наташи на глазахъ были слезы.

— Да о чемъ же плакать,—ну, говори, куда ты идти хотѣла?

— Братецъ, отвѣчала Наташа скрѣпя сердце: я вышивку хотѣла продать....

— Что вы этимъ хотите сказать, сударыня? перебилъ ее Никита Михайловичъ: уколоть что ли меня хотите? Работой вашей я живу, что ли? Уморилъ васъ съ голоду, замутилъ за работой?...

Наташа не слышно плакала.

Въ эту минуту, у дверей квартиры раздался звонокъ.

Въ кабинетъ показалась Фодотьевна, совѣмъ снаряженная, чтобы нести письмо.

— Къ вамъ офицеръ какой-то, сказала Фодотьевна.

— Дома нѣтъ, говорилъ Никита Михайловичъ.

— Я сказала, что дома! отвѣчала Фодотьевна: они идуть!

— Свѣчу, слышишь, стеариновую свѣчу! сказалъ Никита Михайловичъ.

— Ишь еще, стериновую, бормотала про себя Фодотьевна. Посидѣлъ-бы и съ сальной, да и той нѣтъ!... Фодотьевна ушла. Никита Михайловичъ стоялъ въ нерѣшимости: Наташа отирала слезы.

Въ комнату вошелъ Федоръ Васильевичъ.

— Я бы желалъ имѣть удовольствіе говорить съ Никитою Михайловичемъ Понинскимъ, сказалъ Федоръ Васильевичъ, стараясь присмотрѣться въ темнотѣ.

— Наташа, прикажи огня дать, сказалъ Никита Михайловичъ. Простите, я замечтался, и принимаю васъ въ темнотѣ. Пожалуйте вашу руку, я проведу васъ къ кресламъ!

Федоръ Васильевичъ усѣлся въ кресло; Наташа упорхнула изъ комнаты, побѣжала въ верхній этажъ, и робко позвонила. Вышелъ мальчикъ.

— Вызови пожалуйста мнѣ Ульяну, сказала Наташа: мнѣ нужно съ ней поговорить.

— Ульяна у барыни отвѣчалъ мальчикъ.

— Попроси, чтобы пришла какъ освободится; да что я прошу ее поскорѣ!...

Черезъ минуту Ульяна пришла.—Милая Ульянушка, сказала Наташа: Фодотьевны нѣтъ, я надѣюсь, что ты мнѣ послужишь, прошу тебя!

Ульяна была смирная и очень добрая женщина; она нѣсколько разъ услуживала Наташѣ, и теперь хоть пельзя было сказать, чтобы съ охотою, но не отказывалась услужить.

— Вотъ видишь, стыдливо говорила дѣвушка: братъ сегодня получилъ деньги, и нечаянно ихъ выронилъ; у насъ ничего не осталось, а къ намъ гость прѣхалъ, такъ я и прошу тебя, милая Ульяна, возьми эту подушку, снеси до магазина; тебѣ дадутъ что-нибудь впередъ, — или какъ-нибудь обдѣлай, только возьми фунтъ стеариновыхъ свѣчей.

Ульяна взяла подушку и ушла, а Наташа стала смотрѣть, можно ли гостя напоить чаемъ, въ случаѣ; если братъ потребуетъ....

Никита Михайловичъ между-тѣмъ сидѣлъ, какъ на игло-кахъ; онъ уже два раза звонилъ, чтобъ подавали огонь; Ое-доръ Васильевичъ обдумывалъ, что начать говорить.

— Я имѣлъ удовольствіе быть у васъ, но, къ несчастію, вы были нездоровы, сказалъ Оедоръ Васильевичъ.

Никита Михайловичъ поклонился.

— Вы занимаетесь повѣркою отчетовъ по частнымъ дѣ-ламъ, продолжалъ Оедоръ Васильевичъ:—миѣ говорили, что вы особенно способны разбирать счета самые запутанные; по этому я рѣшился васъ беспокоить, просить васъ. — Не правда ли, вы будете такъ добры, не откажете въ моей просьбѣ?

— Къ вашимъ услугамъ, отвѣчалъ Никита Михайловичъ.

Въ эту минуту Ульяна воротилась и принесла все, что бы-ло нужно Наташѣ. Отнеси, милая Ульяна! говорила Наташа, а то братъ на меня сердиться будетъ!—Онъ сталъ вespылчи-вый такой съ-тѣхъ-поръ, какъ потерялъ мѣсто, которое ему общали. Богъ дастъ другое найдемъ и тебя поблагодаримъ. Да еще уприси дворника, чтобъ онъ самоваръ поставилъ.

Дверь кабинета отворилась. Ульяна принесла двѣ стеари-новыя свѣчи, и поставила на столъ.

Оедоръ Васильевичъ оглядѣлъ комнату, и не нашелъ ниче-го такого, что-бы говорило ему о бѣдности хозяевъ.

— Можно ли миѣ будетъ просить васъ, заняться отчетами по моему имѣнію?

— Я занимаюсь болѣе коммерческими дѣлами, отвѣчалъ Никита Михайловичъ.

— Но вы, вѣрно, будете такъ снисходительны, что не от-кажете и миѣ, хотя мое дѣло не чисто коммерческое!

— Велико ли имѣніе? спросилъ Никита Михайловичъ.

— Я былъ доволенъ и своимъ имѣніемъ, а миѣ еще вдругъ досталось наслѣдство послѣ дялюшки. Я не знаю, какъ къ нему и приступить! Со всего я получаю тысячу до восемнад-цати серебромъ, а говорятъ, что долженъ получать гораздо болѣе; поэтому то я и рѣшился беспокоить васъ, если вы будете такъ добры, возьметесь просмотрѣть отчеты, и откро-венно сказать свое мнѣніе о управленіи моимъ имѣніемъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ Никита Михай-

ловичъ: только предупреждаю васъ, что я не большой хо-зяинъ.—У васъ съ собой бумаги?

— Нѣтъ, отвѣчалъ, Оедоръ Васильевичъ: я попрошу васъ ко миѣ захватить, вотъ адресъ!

Никита Михайловичъ взялъ адресъ.

— Что же касается до.... началъ говорить Оедоръ Ва-сильевичъ, нѣсколько смѣшавшись: я не хотѣлъ бы заставить васъ трудиться для меня безъ вознагражденія.

— Вы хотите сказать объ условіяхъ?...

— Нѣтъ, отвѣчалъ быстро Оедоръ Васильевичъ: по вамъ потребуются издержки на проѣзды, хлопоты, переписку. Вотъ покамѣтъ пятьсотъ рублей серебромъ,—послѣ мы со-считаемся.

Никита Михайловичъ покраснѣлъ; ему совѣстно было взять пятьсотъ рублей на мелкія издержки; но ему также слиш-комъ были нужны деньги, чтобъ отказываться.

— Къ чему такъ много, сказалъ Никита Михайловичъ: я возьму двѣсти рублей; а послѣ сообразно съ моимъ занятіями.

На другой день, часовъ около двухъ Никита Михайловичъ поѣхалъ къ Оедору Васильевичу, принять отъ него отчеты по имѣнію; а Наташа стала продолжать письмо къ своей сово-спитанницѣ и подругѣ.

«Я не могла вчера окончить письмо мое, милая Катенька, писала Наташа, и продолжаю сегодня. Остановилась я на томъ, какъ пріѣхала, нашла мать свою на столѣ, и послѣ-ла только на ея похороны.

До-сихъ-поръ, вотъ уже почти три года, миѣ страшно ста-новится, когда я вспомину эту минуту. Миѣ мерещится На-стасья Карповна, будто она не даетъ миѣ проститься съ мо-ей матерью.... Миѣ все думается, будто черезъ нее у меня не стало матери.—О, Катя, какъ я боюсь ее, и хоть давно уже не вижу, а все боюсь; миѣ страшно, когда я объ ней подумаю....

Послѣ похоронъ, я двѣ недѣли была больна. Во время бо-лѣзни миѣ представлялась матушка, будто она приходила ко

миѣ, будто говорила со мной, будто ласкала меня... За чѣмъ она не взяла меня къ себѣ?...

Только что я начала оправляться, какъ Настасья Карповна потребовала, чтобы я сходила внизъ обѣдать. Надобно тебѣ сказать, что въ нашемъ домѣ миѣ нашлась комнатка только на антресоляхъ.

Я спустилась внизъ.

За столъ сѣли не дождавшись меня; отецъ мой сидѣлъ въ креслахъ; онъ не замѣтилъ, что я пришла; подлѣ него сидѣла Настасья Карповна, подлѣ Настасьи Карповны — молодой человекъ, лѣтъ 16-ти, одѣтый по дѣтскому — въ курточкѣ, непричесанный и не вымытый порядочно; онъ развалился на стулѣ, облокотился на столъ, и странно смотрѣлъ въ глаза миѣ. Подлѣ него двѣ дѣвочки: одна лѣтъ 14-ти, другая 9-ти не болѣе. Эти послѣднія лица я первый разъ видѣла въ домѣ моего отца.

— За вами, сударыня, всегда надобно посылать по пяти разъ, сказала Настасья Карповна; потомъ улыбулась и прибавила. — Ахъ да, вы еще незнакомы съ дѣтьми моиими. Позвольте познакомиться... Вася, мой старшій сынъ, — а это мои дочери! Какъ у васъ въ Петербургѣ представляютъ то, я не умѣю! — Прошу познакомиться.

Отецъ мой молчалъ.

— Чего же вы стоите? замѣтила миѣ Настасья Карповна. Садитесь за столъ, вѣдь вы хозяйка, садитесь сюда! Извольте хозяйничать!

Настасья Карповна встала съ своего мѣста.

— Настя, куда же ты? спросилъ мой отецъ.

— Я здѣсь! отвѣчала Настасья Карповна, не бойсь, не убѣгу, не оставлю тебя! А пусть она хозяйничаетъ, — садитесь же сударыня, разливайте супъ!

Я сѣла на мѣсто Настасьи Карповны и сквозь слезы начала наливать супъ.

— Что такое вы положили вашему батюшкѣ? сказала Настасья Карповна, вынимая на вилкѣ кусокъ курицы изъ супа. — Кажется, можно было положить что-нибудь получше.

Я невольно заплакала, какъ ни старалась удерживать слезы свои.

— Какъ это чувствительно, какъ пѣжно! Заплакали! О чемъ, позвольте спросить? Зачѣмъ дѣло говорить, зачѣмъ не по вашему? Куда какъ горько!... Да полноте же плакать то, наливайте супу! Да не разливайте по скатерти. Что у васъ нѣтъ силы и ложку то держать?...

Вотъ, другъ мой, Катенька, какую жизнь я должна была вести.

Иногда Настасья Карповнѣ вдругъ приходило на мысль сердиться на меня, зачѣмъ я плачу по своей матери; иногда за чѣмъ дочери Настасьи Карповны меня не любить.

Я почти всегда молчала; и что миѣ было отвѣчать!

Настасья Карповна и на это сердилась.

Отца своего я видѣла очень рѣдко; онъ даже и не всегда обѣдалъ съ нами. Обыкновенно онъ заперся въ своемъ кабинетѣ. Что онъ дѣлалъ тамъ, — не знаю! Только Настасья Карповна умѣла съ нимъ обходиться; онъ ее боялся, она дѣлала изъ него что хотѣла....

Что тебѣ сказать еще? Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по окончаніи траура, меня одѣли, какъ невѣсту, надѣли цвѣты, и повезли смотрѣть на свадьбу моего отца съ его бывшей домоправительницей.

При выходѣ изъ моей комнаты, миѣ встрѣтился Вася; онъ поклонился миѣ и спросилъ:

— Вы теперь будете называть меня своимъ братцомъ, сестрица?

Приѣхали въ церковь. Настасья Карповна разрядилась въ золото, жемчугъ, брилліанты... Она надѣла на себя, кажется, цѣлый магазинъ. И все это удивительно къ ней не шло; она размахивала концами своего кружевного вуаля, оборачивала дорогіе браслеты, чтобы они лучше сверкали, кажется любовалась собой. Я невольно улыбулась, Катенька, хотя миѣ было очень скучно.... Сама не знаю, отъ чего когда стали ихъ вѣнчать, миѣ стало такъ грустно, что не умѣю сказать. Всѣ смотрѣли на меня, а это еще болѣе меня мучило.... Я молилась о магушкѣ! Глубоко, горько, — со слезами молилась я, и забыла обо всѣмъ, какъ вдругъ кто-то толкнулъ меня.

— Ступайте же поздравлять нашу маменьку, — всѣ поздра-

вляють! сказала мнѣ старшая изъ дочерей Настасьи Карповны.

Я едва могла сдѣлать нѣсколько шаговъ, и не могла сказать ни слова.

Вышли изъ церкви. Вдругъ, сквозь толпу гостей, которые окружали моего отца, пробрался молодой человекъ, и подошелъ къ нему.

— Позвольте, батюшка, и мнѣ пожелать вамъ счастья, сказалъ онъ.

Это былъ мой братъ; я его вовсе не узнала.

Ты помнишь, Катя, моего брата? Мы все его любили. Онъ приносилъ къ намъ книги, ноты, конфекты,—всегда былъ веселъ, шутливъ.... Помнишь ли его русые волосы, которые на вискахъ сами собою завивались въ природныя пучки... Помнишь ли его розовенькое, круглое личико, голубые глаза, тысячу анекдотовъ и шутокъ, которыми онъ бывало умѣетъ насъ разсмѣшить!

Помнишь, бывало, прїѣдетъ онъ къ намъ, мы все встрѣчаемъ его, — какъ было весело тогда! Мы были дѣти, братъ старше меня четырьмя годами, но, кажется, онъ былъ еще болѣе ребенкомъ, чѣмъ я.

Онъ бывало начнетъ рассказывать, мы смѣемся, а тата придетъ за нами, да и сама заслушается.... Помнишь, какъ мы провожали моего брата? Сколько мы ему надарили мячиковъ, сувенирчиковъ и всего, всего.—Я плакала, меня утѣшала матушка; а братъ подарилъ какую-то забавную куклу... Онъ уѣхалъ. Почти пять лѣтъ я его не видала! А теперь передъ батюшкою стоялъ молодой человекъ,—почти брюнетъ; въ немъ и узнать было нельзя нашего Никешу.... Лицо у него было блѣдное, исхудалое,—но выразительное и энергическое; на губахъ не было и тѣни улыбки, и вовсе не было, помнишь, той простодушной искренности, которая такъ забавляла насъ.—Теперь у него на губахъ была, скорѣе насмѣшка, но какая насмѣшка!... Глаза, которые въ дѣтствѣ у него были голубые, блестящіе, стали зеленоваты и тусклы, и такъ неподвижны, что я боялась взглянуть въ нихъ.

Братъ былъ въ сюртукъ, застегнутомъ до верху; шляпа его была обернута въ трауръ; наружно онъ старался

сохранить спокойствіе; но видно было, что онъ очень взволнованъ.

Когда братъ сталъ говорить, все умолкло.

—Отъ души желаю вамъ счастья, батюшка, сказалъ братъ. А вамъ, сударыня, продолжалъ онъ, обращаясь къ Настасьѣ Карповнѣ: вамъ, кажется, нечего желать—вы всего достигли.

Настасья Карповна взяла отца за руку и повела садиться въ карету.

Они уѣхали.

Братъ смотрѣлъ вслѣдъ уѣзжающей каретѣ; гости тоже развѣжались.—А гдѣ сестра? спросилъ братъ, оглядывая оставшихся. — Я бросилась къ нему на грудь.

— Пойдемъ молиться! сказалъ онъ. И мы вошли въ церковь.

Я была въ балльномъ платьѣ, съ цвѣтами, въ брилліантахъ. Братъ угрюмо посмотрѣлъ на меня.

— Сними цвѣты свои, сказалъ онъ. — Бѣдная дѣвушка. Въ жизни твоей будетъ немного цвѣтовъ!

Онъ обнялъ меня.... Я почувствовала теплоту въ груди своей, и заплакала, но отрадно заплакала; слезы не давили, не жгли меня...

Мы отслушали панихиду, и поѣхали домой; братъ пошелъ ко мнѣ въ комнату. — Ну, другъ мой, сказалъ онъ. Я думалъ прїѣхать во время, но не успѣлъ. До сихъ-поръ я проживалъ все, что матушка мнѣ давала, надѣлалъ даже долговъ; теперь надобно работать, да еще заплатить долги, — какъ быть, попробуемъ работать... Прощай, если я хоть немножко поправлюсь, я тебя навѣщу!.... И тѣмъ же вечеромъ онъ уѣхалъ.

Я не могу, не должна писать даже къ лучшей подругѣ моей, о томъ, что составляетъ наши семейныя отношенія. Если ты покажешь мое письмо кому-нибудь? Нѣтъ, ты не покажешь,—но если его увидятъ нечаянно?... Не вини же меня, милая Катенька, что я не отправлю къ тебѣ моего письма! Я не могу, что-же дѣлать, когда не могу! Ты будешь думать, что я живу весело,—что не пишу къ тебѣ изъ гордости.... Но если бы и такъ; я скажу на это, что я действительно горда,—но горда своимъ несчастіемъ...

И сказать ли тебѣ,—теперь мнѣ было бы не на что отправить къ тебѣ по почтѣ такую большую тетрадь! Но я буду писать къ тебѣ, Катенька; буду думать, что я тебѣ рассказываю; это будетъ утѣшеніемъ и отрадою въ моей одинокой жизни. Мнѣ кажется, что я говорю съ тобой, что слышу тебя, моя добрая, несравненная Катинь, шалуния наша, и забываюсь я, отдыхаю отъ всего, о чемъ тебѣ рассказываю. Мнѣ кажется, что по мѣрѣ того, какъ я передаю бумагѣ мои впечатлѣнія, въ душѣ моей становится свѣтлѣе, мысли принимаютъ болѣе правильное направленіе, въ сердцѣ снова начинаеть проявляться та тихая, спокойная грусть, въ минуты которой молишься невольно, тепло, со слезами молишься,—и надежда оживаетъ въ душѣ... Можетъ-быть, думаю я, мы увидимся, и тогда я.... итъ! и тогда я не отдамъ тебѣ письмо мое; не могу, Катинька, какъ хочешь не могу! Но пусть я думаю, будто говорю съ тобой. И такъ я продолжаю:

Вскорѣ послѣ свадьбы я замѣтила, что Настасья Карповна часто просила о чемъ-то папа, говорила о моемъ братѣ, о какихъ-то бумагахъ... Я тогда ничего не понимала. Настасья Карповна стала часто ѣздить по гостямъ. Отецъ мой тосковалъ когда ее не было, такъ онъ ее любилъ. Она выѣзжала безпрестанно, всѣ ее принимали. Отецъ мой былъ богатъ, и всѣ знали, что состояніе свое онъ укрѣпилъ на ея имя...

Вскорѣ же послѣ свадьбы папенька захворалъ; я за нимъ ухаживала. Онъ всё спрашивалъ меня, чтобъ я его за что-то простила.

— Папенька, добрый папенька, не беспокойтесь, сказала я:—мнѣ ничего не нужно!

— Ты такъ говоришь, Наташа, сказалъ онъ мнѣ: ты не знаешь....

Батюшка становился слабѣе со дня на день; замѣтно было что онъ таетъ, какъ свѣчка. Настасья Карповна все ѣздила по гостямъ; папа спрашивалъ ее почти каждую минуту,—ея не было. Разъ, я долго сидѣла подлѣ постели отца; было уже поздно, я пошла спать.

Не успѣла я лечь въ постель, какъ меня будятъ. Наталья

Михайловна, папенькѣ очень трудно, пожалуйста! Я наскоро одѣлась и бросилась внизъ.

Батюшка лежалъ въ томъ же положеніи, какъ я его оставила; правая рука была приподнята; онъ крестился и невнятно шепталъ что то.

Я подошла къ нему.

— Наташа, сказалъ онъ: я умираю!

— Папенька, другъ мой, говорила я, не помня себя.

— Молись за меня, Наташенька, молись, чтобы Богъ отпустилъ мнѣ грѣхи мои. — Много я виноватъ, много грѣшилъ. Молись же Наташа!

Въ эту ночь его не стало; я осталась круглой сиротой. Въ послѣднее время, я часто была съ отцемъ; я привыкла къ нему; онъ былъ добръ, очень былъ добръ, Катенька! Можетъ быть, потому-то Настасья Карповна и умѣла заставлять его дѣлать все, что хотѣла. Я бессознательно полюбила его, душевно, истинно, и онъ меня полюбилъ. Только въ ту минуту, какъ я его потеряла, я узнала всю силу любви моей къ отцу.... Милая Катенька, ты не повѣришь, какъ мнѣ было грустно! Я думала: Боже мой, неужели мнѣ суждено всегда терять то, что я люблю! Эта мысль дунила меня.... Знаешь, Катя, послѣ смерти моего отца я боюсь сознаться, что я люблю брата, что тебя люблю; я думаю, что только вы узнаете, сейчасъ же умрете, и виною этому будетъ моя любовь!

Настасья Карповна очень печалилась.

— Я ли тебя не любила, кричала она, не ухаживала за тобою, не берегла тебя!—Голубчикъ мой, на кого ты оставилъ меня?...

Входили гости; она со слезами бросалась къ нимъ на шею.

— Не стало нашего батюшки, кормильца нашего! говорила она. Одну меня беззащитную покинулъ, не взялъ меня съ собой.... И она задыхалась отъ рыданій. Гости, сочувствуя ея сильной горести укладывали ее въ постель. Точно! воды! кричала Настасья Карповна.—Подавали воду, уговаривали Настасью Карповну не огорчаться! Настасья Карповна не слушалась никакихъ доводовъ.

На другой день похоронъ, ко мнѣ опять явилась Афимя Авдѣевна, и объявила, что она отвозитъ въ Петербургъ сво-

несемъ удары судьбы.... Полно же, не плачь, шалунья; я тебя не видалъ почти два года, поцѣлуй меня!

Я крѣпко прижалась къ груди брата.

— Перестань, сказалъ братъ: намъ нельзя, не должно предаваться волненію чувствъ! Чтѣ за слезы? Слезами ничему не можешь—къ чему плакать?

Я старалась осушить слезы свои.

— Вотъ, мой другъ, продолжалъ братъ: я на первый же разъ сталъ бранить тебя. Но я долженъ сказать тебѣ: надобно владѣть своими ощущеніями; слезу свою надобно умѣть скрыть, глубоко затаить въ себѣ;—пускай не смѣются надъ твоимъ чувствомъ. Мы теперь въ положеніи, въ которомъ не должно давать простору своему чувству. Если дашь ему хоть немножко воли, оно убьетъ тебя! Намъ нѣтъ увлеченія, самозабвенія,—нѣтъ мечты.... Главное, умоляю тебя, не предавайся мечтамъ!... Дѣвушки любятъ волновать свою голову несбыточными надеждами, любятъ возносить мысль свою Богъ знаетъ къ какимъ странамъ, къ какимъ людямъ,—и эти страны и люди существуютъ только въ ихъ воображеніи.... Каково же потомъ разочарованіе ихъ, когда, послѣ идеаловъ, которыми онѣ себя окружали, вдругъ придется имъ спуститься въ нашу всененную, будничную жизнь, со всеми мелкими дрязгами всененныхъ заботъ; послѣ идеаловъ, обратиться къ счету изъ булочной.—Мудрено ли, что онѣ ходятъ какъ помѣшанныя?

Мнѣ пришли на память наши дѣтскія мечты, Катенька. Боже мой! куда онѣ улетѣли!

— Нѣтъ, братецъ, я не мечтательница! сказала я.

— И прекрасно. Какъ ни мечтай, а все придется воротиться къ жизни; такъ не лучше ли вовсе не выходить изъ той сферы, куда бросила насъ судьба.... Я тебѣ расскажу, мой другъ, свое положеніе, чтобъ ты видѣла, чего можешь требовать отъ брата....

— Я ничего не требую....

— Опять! Чтѣ ты хотѣла сказать этимъ? Оказать подвигъ самоотверженія, что ли?... Какъ не требуешь, когда ты умрешь съ голоду, если не будешь ѣсть только недѣлю; когда ты не можешь ходить безъ рубашки! Да и не одно это; можно насчитать очень много необходимыхъ требова-

ній! Вы все готовы на самоотверженія, на самопожертвованія, но ваша готовность простирается не долѣ одной минуты.—Побереги порывы свои для себя; а въ жизни рассчитывай,—какъ добрая ключница, все рассчитывай,—и улыбку и взглядъ, и издержку, а главное: слово! непремѣнно рассчитывай каждое слово!...

— Ты приучишь меня, къ этому, братецъ, сказала я задумчиво....

— Я и хочу тебя приучить; потому и начинаю съ положительнаго. — Въ продолженіе двухъ лѣтъ, послѣ смерти моей матери, я уплатилъ долги, которые надѣлалъ при ея жизни; теперь у меня нѣтъ ни копѣйки долгу. Получаю я трудовыя деньги за свою работу. Если я не буду вставать съ мѣста въ продолженіе 15 часовъ въ сутки, то въ продолженіе мѣсяца могу заработать около 80 рублей серебромъ.—Но это очень трудно, и мнѣ, какъ я ни стараюсь, рѣдко приходится болѣе 65-ти. Изъ нихъ 20 рублей серебромъ я плачу за квартиру и дрова, восемь употребляю на прислугу, и, взявъ круглымъ числомъ въ годъ, пять рублей на освѣщеніе; остается тридцать два рубль, которыми мы должны жить въ продолженіе мѣсяца и кормить кухарку и лакея.—Ты видишь, что мы должны быть акуратны;—нужно же при этомъ и одѣться какъ-нибудь!

— Братецъ, я все сдѣлаю, чтѣ ты мнѣ прикажешь, сказала я....

— Я тебѣ, мой другъ, не приказываю, а прошу тебя быть внимательнѣе къ самой-себѣ. Тебѣ будетъ скучно со мной, но чтѣ-жъ дѣлать, я не могу доставлять тебѣ развлеченій! Умѣй найти для себя занятіе, а впрочемъ я предоставляю тебя собственному произволу; я не могу работать и ухаживать за тобой! По этому-то, я и хочу тебя предостеречь отъ всехъ порывовъ молодости,—берегись ихъ, не слушай вздо-ру, которой можетъ-быть, и тебѣ придется услышать. Помни, что для другихъ есть и увлеченіе, есть минуты, когда онѣ могутъ забыть положительность для нѣжнаго чувства, когда онѣ могутъ развернуться, высказаться, позволить себѣ какую-нибудь прихоть! Для тебя нѣтъ такихъ минутъ, ты не принадлежишь себѣ! Ты не дура собой, Наташа; будь ты богата, залюбовалась бы твоими глазами, засмотрѣлась

бы на твой очеркъ лица, который напоминает мнѣ нашу добрую матушку; но — у тебя ничего нѣтъ! Тебѣ будутъ предпочитать дѣвушекъ, у которыхъ нѣтъ ни твоего взгляда, ни твоей нѣжности, ни твоихъ тоненькихъ губокъ, ни твоей улыбки, — но у которыхъ есть деньги! Понимаешь ли ты это слово, Наташа? Въ настоящее время онѣ могучій двигатель человѣческихъ стремленій, — и смѣшно огорчаться, зачѣмъ многіе предпочитаютъ ихъ красотѣ. Я все это говорю къ тому, чтобы ты не увлекалась, не забылась, не приняла бы свою фантазію за дѣйствительность, а напротивъ старалась бы помириться съ дѣйствительностію.

Я ничего не отвѣчала; каждое слово брата глубоко падало мнѣ на сердце.

— Ты, кажется, разсердилась на мои слова, Наташа? неужели ты хочешь, чтобы я говорилъ тебѣ только то, что тебѣ пріятно; слышалъ бы комплименты? Привыкай выслушивать горькую истину, привыкай ко всему, Наташа; тебѣ предстоитъ много, очень много.... Матушка наша была несчастлива въ замужствѣ, почему? потому-что она не умѣла принаровиться къ мужу, сродниться съ его понятіями, — однимъ-словомъ, не умѣла отстать отъ своего идеальнаго міра, который создала себѣ, бывши еще дѣвушкой; не умѣла помириться съ дѣйствительностію. Мы гордимся именемъ своей матери; никто такъ, какъ я, не можетъ знать чистоту ея правилъ, безукоризненности ея поведенія, и между тѣмъ взяла верхъ Настасья Карловна; а что этому виной? все порывы, все увлеченія, все таже идеальность, которыми она кружила себѣ голову до самой смерти. Я это говорю не къ тому, чтобы хотѣлъ судить поступки моей матери, но къ тому, чтобы ты взглянула сама на себя, и поставила себя на настоящую точку зрѣнія относительно своей жизни; чтобы ты умѣла выбрать именно ту положительную, существенную точку, съ которой жизнь не будетъ намъ казаться горькой. Приучи себя къ мысли: другія одѣваются роскошно, но имъ есть изъ чего одѣваться; другія блестятъ, онѣ могутъ блестятъ; другія чувствуютъ, наслаждаются, — онѣ могутъ чувствовать и наслаждаться, — онѣ имѣютъ свое положеніе въ свѣтѣ, въ обществѣ, а ты его не имѣешь, — и это въ порядкѣ вещей. Не-

льзя же всѣмъ блестятъ, — тогда и блескъ былъ бы не замѣтенъ!... Но я поговорю теперь о нашей жизни. Я работаю около 15 часовъ въ сутки; остальное время мнѣ нужно успокоиться, отдохнуть, и потому, другъ мой, ты хорошо понимаешь, что всякій шумъ, всякое малѣйшее движеніе беспокоитъ меня; если есть кто-нибудь въ комнатѣ, я не могу работать, и у меня не бываетъ никого, иначе какъ по дѣлу! Прошу и тебя, чтобы ты меня не беспокоила. Если ты мнѣ будешь мѣшать работать, то намъ обомимъ будетъ нечего ѣсть; если же ты станешь мѣшать мнѣ отдыхать, то я буду не въ состояніи работать, и окончательно истощу себя.... Ты только подумай, что будетъ, если я захвораю....

Я была убита этими словами брата; — я понимала справедливость ихъ, но вмѣстѣ не могла еще вполне понять, всей ихъ жестокой истины. Теперь, Катенька, какъ я ихъ понимаю!...

— Постарайся же, Наташа, тоже заняться чѣмъ-нибудь, чтобы не давать воли своей мечтѣ, а вмѣстѣ и мнѣ не мѣшать, и тогда, Богъ милостивъ, все пойдетъ хорошо.

— Милый братецъ, сказала я: я все сдѣлаю, отъ всего откажусь, но за чѣмъ ты такъ изнуряешь себя? Найдемъ маленькую комнату, отпустимъ лакея и кухарку, я сама тебѣ буду прислуживать, я буду всѣмъ довольна, милый братецъ!...

Братъ улыбнулся.

— И еще порывъ! Ты сказала не подумавъ, а просто, по движенію твоего сердца. Я вѣрю, что оно благородно!... Какъ-будто я для того нанимаю квартиру, держу людей, что мнѣ лѣнь вычистить самому фракъ, или поставить самоваръ. Мнѣ кажется, если бы было нужно, я бы не погѣнилъ и за дровами сходить; мнѣ бы еще это полезно было, — моционъ, а то сидишь, сидишь, насилу встанешь! Я нанимаю чистенькую квартиру, держу людей не для своего комфорта, другъ мой, а для того, чтобы поддержать свой кредитъ. Къ счастью, у меня была кое-какая мебель, — а то подумай, кто бы мнѣ довѣрилъ дѣла свои, еслибы я жилъ на чердакѣ, въ одной комнатѣ. Я долженъ скрывать бѣдность свою, для того, чтобы доставить себѣ возможность

когда-нибудь быть богатымъ. Отъ того и ты должна одѣваться какъ можно бережливо, но непременно прилично. Потеряешь кредитъ, тогда все потеряно, слѣдовательно, я долженъ скрывать то, что у меня ничего нѣтъ, долженъ подчасъ показывать даже и роскошь, — тяжело! да что-жъ дѣлать, когда это необходимо!... Однако прощай, расположись въ той комнатѣ, гдѣ была моя спальня, а спальню свою я сюда перенесу. Я и такъ потерялъ много времени, и теперь долженъ работать за двоихъ! Вотъ еще что, Наташа. Если мнѣ случится сказать тебѣ, что-нибудь жесткое, не сердись, прости человѣку, который всего себя посвящаетъ тебѣ, и который можетъ быть несправедливъ, потому-что невольно раздраженъ, невольно измученъ, — и слѣдовательно, бываетъ нетерпѣливъ. Ему такъ много приходится притворяться виѣ дома, что можно простить, если дома онъ выкажетъ свое нетерпѣніе. Прощай же, поцѣлуй меня, и постарайся не шумѣть, когда будешь устанавливать вещи.

Вотъ, Катенька, мой первый разговоръ съ братомъ; изъ него ты угадаешь всю мою настоящую жизнь... Братъ трудится, работаетъ, какъ ты не повѣришь; я не могла представить даже себѣ, что можно такъ работать. Онъ занятъ все время. Если выйдетъ обѣдать, то и тутъ не выпускаетъ изъ рукъ какихъ-нибудь счетовъ или книги; выѣзжаетъ только по дѣламъ. Впрочемъ хоть онъ никогда не пропускаетъ дѣлать визиты тѣмъ, которые ему могутъ быть полезны, но я не слыхала, чтобы онъ просилъ о чемъ-нибудь. У насъ бывають тоже гости только по дѣлу съ братомъ. Когда они у насъ бывають, то, вѣроятно, думаютъ, что мы вполне пользуемся довольствомъ, даже комфортомъ, о которомъ братъ удивительно любитъ рассуждать. Имъ подають все въ такомъ изобиліи, въ такомъ порядкѣ; все такъ чисто, даже богато, что никому и въ голову не можетъ придти, что наше богатство отъ нужды.

Что тебѣ сказать, Катенька, о самой-себѣ? Я, — видишь ли... но я вѣдь не отправлю къ тебѣ моего письма; его никто не увидитъ, а то я никогда бы не рѣшилась написать къ тебѣ это: я тоже почти всегда сижу за иглой. Ты не подумай, чтобы братъ этого требовалъ, — нѣтъ! онъ

никогда не обращаетъ вниманія на то, что я дѣлаю; но, знаешь, Катя, другой разъ, мнѣ совѣстно безпокоить брата, просить у него денегъ на мелочи, на чулки, на булавки, я стараюсь сама ихъ зарабатывать; да и скучно же сидѣть безъ дѣла! Кромѣ того, ты не повѣришь, какъ весело, когда у брата всѣ деньги выйдутъ, а другихъ онъ еще не получилъ, и онъ угрюмо думаетъ, какъ бы оборотиться до того времени, когда ихъ получить, я прихожу къ нему и говорю: братецъ, вотъ у меня есть... Онъ улыбнется, приласкаетъ меня, и — иногда поцалуетъ. Я бываю въ восторгѣ....

Итакъ, спокойствіе, трудъ, который становится утѣшеніемъ, когда къ нему привыкнешь, и рѣдко, очень рѣдко, куда-нибудь прогулка съ братомъ, вотъ вся моя жизнь. Я была бы, — не скажу счастлива, но довольна этою жизнью, если бы не видѣла брата безпрестанно въ заботѣ, — не въ трудѣ, Катенька, а въ заботѣ, чтобы былъ трудъ, которой бы обеспечивалъ наше существованіе; и если бы не видѣла его иногда въ нуждѣ, потому-что онъ не можетъ получить заработанныхъ имъ денегъ. Да еще, — я высказываю здѣсь всѣ мои мысли, — если бы онъ былъ хоть немножко повеселѣе, а то онъ всегда угрюмый такой, всегда молчитъ! Онъ меня любитъ очень, и очень нѣженъ со мной, но ему надобно простить его нетерпѣливость, иногда строгость.... Невольно скажешь что-нибудь, рѣзкое, когда отъ всѣхъ видишь только одну неприятели!... Иногда я вижу, что онъ разстроенъ, и не смѣю у него спросить, чѣмъ онъ разстроенъ; онъ не любитъ, чтобы его спрашивали; иногда я замѣчаю въ немъ особенное, лихорадочное расположеніе духа; тогда онъ на все сердится, все бранитъ.... Но подумай, теперь онъ живетъ тоже и для меня.

Въ одно утро, я сидѣла за пальцами, брата не было дома, и я не ждала его часовъ до трехъ; вдругъ онъ входитъ.

Я посмотрѣла на него; онъ былъ очень красенъ, и мнѣ показалось, что онъ очень усталъ; я поспѣшила ему придвинуть кресло. Онъ сѣлъ облокотился на мой маленькой рабочей столѣ, и не говорилъ ни слова.

Я притворилась, что работаю внимательно; братъ не любить, чтобы его разглядывали. Вдругъ, онъ поднялъ голову, и сказалъ весело: ну, другъ мой!... и ты за работой, брось свое вышиванье, сегодня намъ нужно быть веселымъ, довольнымъ, я скажу тебѣ радость!

Я оставила свою иглоку, взглянула на брата, и замѣтила, что онъ взволнованъ нѣсколько.

— Да, продолжалъ братъ: дѣйствительно радость. Намъ не будетъ нужды такъ утомлять себя, мы уже не будемъ такъ бѣдствовать, какъ бѣдствовали до-сихъ-поръ.— Миѣ мѣсто дають!

И братъ сталъ скоро ходить по комнатѣ, напѣвая, что-то.— Какъ-будто холодно, сказалъ онъ: вѣдь здѣсь топили?

— Какъ же, братецъ, теперь нельзя не топить!

— Я что-то озлябъ, продолжалъ братъ: а что, Наташа, каковъ у тебя братъ? Лучшей конторой управлять будетъ! А знаешь сколько жалованья? Двѣнадцать тысячъ въ годъ, душа моя, двѣнадцать тысячъ! Что? можно жить? Не правда ли?

И онъ весело отошелъ отъ меня, и сталъ смотрѣть на гравюру, висѣвшую на стѣнѣ.

— Да и работы-то совсѣмъ нѣтъ, сказалъ братъ, какъ бы говоря самъ съ собою; часа два въ день не больше; я могу сыскать еще себѣ занятіе. Только не буду ни за что работать этому жиду; работаешь, работаешь, а какъ доидетъ до расплаты, такъ и кланяйся; вотъ и теперь за нимъ слишкомъ за два мѣсяца.

Братъ опять сталъ ходить по комнатѣ скорыми шагами, иногда обращаясь ко миѣ, иногда разговаривая самъ съ собою. Видно было, что онъ очень доволенъ тѣмъ, что получаетъ мѣсто.

И я была очень рада этой новости. Братъ давно желалъ управлять какой-нибудь конторой. По-крайней-мѣрѣ, думала я, онъ сколько-нибудь себя успокоитъ!

— Мало этого, продолжалъ братъ: попросилъ, чтобы дали сколько-нибудь изъ жалованья впередъ, дають за полгода. Вѣдь это шесть тысячъ, Наташа, есть изъ чего тебѣ салонъ сшить!... Илья! вдругъ крикнулъ братъ. Илья пришелъ.

— На, возьми, сказалъ братъ, высшая изъ кошелька

последнюю мелочь: принеси миѣ бутылку вина. Миѣ что-то все холодно, какъ-будто озлябъ, дрожу весь, нужно согрѣться, сказалъ онъ, обратясь ко миѣ: а сегодня, для радости можно и промотаться, такъ ли, Наташа?

— Только бы ты здоровъ былъ, братецъ, отвѣчала я.

— Точно, душа моя, только бы былъ здоровъ; а то послѣдніе дни я чувствую себя какъ-то ослабѣлымъ; или хлопоты меня измучили.... Ну, да теперь все конечно! Богъ дастъ, все будетъ хорошо!... И ты тоже у меня исхудала совсѣмъ, моя милая, также все за работой; скучаешь, никакого развлечения нѣтъ, какъ получи деньги поѣдемъ въ театръ.

— Полно, милый братецъ, что тебѣ вздумалось, я весела и здорова, слава Богу!... Намъ не до театра!

— Отъ чего же, Наташа, сказалъ онъ: теперь, по милости Божіей, мы будемъ имѣть средства, и можемъ позволить себѣ какое-нибудь развлеченіе! Признаюсь, я чрезвычайно доволенъ!.... Однако, что Илья долго не несетъ вина; я дрожу, миѣ холодно очень, — кажется: квартира у насъ очень сыра.

— Что жъ дѣлать, братецъ, за эту цѣну мы другой не найдемъ!

— Ну Богъ съ ней, съ цѣной, здоровье дороже.... А намъ будетъ, кажется, можно....

— Когда же ты получишь это мѣсто, братецъ? спросила я у него.

— Завтра поѣду дѣла снимать! Имъ необходимо нужно скорѣе, иначе можетъ все придти въ беспорядокъ; потому-то они и стараются сдѣлать миѣ все, что можно, и только просятъ скорѣе!... Давно я не былъ такъ веселъ, Наташа! Думалъ ли я, начиная хлопотать, что кончится такимъ образомъ; я рассчитывалъ много-много третьяго помощника, а тутъ прямо управляющимъ!.. Браво, Никита Михайловичъ, ужъ можно сказать, что есть чему радоваться. Послѣднія слова братъ едва договорилъ, и приложилъ руку къ груди, какъ бы чувствуя боль подъ ложечкой.

Я замѣтила это; также замѣтила и то, что какъ онъ ни старался казаться веселымъ и согрѣться движеніемъ, онъ становился все блѣднѣе и блѣднѣе....

— Братецъ, не отдохнешь ли ты? сказала я: ты очень блѣденъ сегодня!

— Отъ радости! отвѣчалъ братъ: долго я ждалъ такого мѣстечка.... Въ это время вошелъ Илья. Вотъ и вино, ска- залъ братъ, выпью рюмку—все пройдетъ! И онъ налилъ се- бѣ рюмку вина и выпилъ.

Но блѣдность его не уменьшалась, и только на щекахъ начиналъ разыгрываться лиловый румянецъ; глаза сдѣла- лись мутны, губы рѣшительно посинѣли.

Братъ выпилъ другую рюмку вина.—Авось согрѣюсь, ска- залъ онъ, и хотѣлъ налить себѣ третью, но не могъ, кровь бросилась ему въ голову.

Онъ прилежъ на канapé, сказалъ, что ему дурно, что онъ пойдетъ отдохнуть, потомъ всталъ, сдѣлалъ нѣсколько не- вѣрныхъ шаговъ, но опять воротился, и почти упалъ на канapé. Къ вечеру онъ бредилъ въ горячкѣ!...

Болѣзнь брата для меня была новымъ, неожиданнымъ ударомъ. Я не знала, чтó дѣлать, за чтó приняться? Посы- лать за докторомъ, но чтó скажетъ братъ? Понравится ли ему? Да и кромѣ того у насъ не было ни копѣйки денегъ; нечѣмъ ни доктору платить, ни въ аптеку. Можно бы зало- жить нѣкоторыя мелкія вещи; братъ когда былъ въ нуждѣ, всегда ихъ закладывалъ, но я боялась, чтобы онъ не раз- сердился, и не знала, на чтó рѣшиться. Кромѣ того, часы у брата лежали на столѣ, а другія вещи были въ бюро, кото- рое я не смѣла открыть безъ него, да и ключъ былъ у не- го,—какъ же я достану ключъ, чтó онъ подумаетъ? А ему все было хуже и хуже....

Я стояла и плакала подлѣ его постели. Ну чтó, если онъ умретъ? думала я. Господи, Боже мой, защити меня отъ мысли этой! Чтó я буду? Боже мой, спаси меня! Пошли ему здоровье, пощади меня!... Братъ стоналъ.—Пить! гово- рилъ онъ, пить!... душно!

Я налила чаю, положила лимонъ и подала брату.

— Горько, очень горько, говорилъ онъ. Я положила са- хару какъ можно болѣе; онъ взялъ стаканъ и бросилъ его, упавъ на подушки.

Чтó мнѣ дѣлать, думала я, къ кому мнѣ обратиться? Я ни- кого не знаю. Боже, помоги мнѣ!

Наконецъ я рѣшилась, вынула изъ жилетнаго кармана брата ключъ, дрожа, отперла бюро, взяла вещи, послала Федотьевну заложить ихъ, а Илью привести доктора.

Братъ бредилъ, кричалъ, потомъ стоналъ тихо, вспоми- налъ нашу матушку, обо мнѣ говорилъ.... А я стояла передъ нимъ, и ждала съ трепетомъ, скоро ли прѣдетъ докторъ.

Мнѣ опять пришло на мысль, что онъ умретъ! Вѣдь все тѣ умирала, кого я любила! Какъ я терзалась этой мыслию, Боже мой, какъ она меня мучила!...

Въ эту минуту кто-то позвонилъ. Не докторъ ли? подума- ла я, и бросилась отворять двери.

Передо мной стоялъ офицеръ, въ каскѣ, въ шинели съ бо- бровымъ воротникомъ; только я отворила, какъ онъ вошелъ въ комнату.

— Мнѣ очень пріятно встрѣтить васъ, сударыня, сказалъ офицеръ: сама судьба послала мнѣ счастье, котораго я не смѣлъ надѣяться.

Я невольно отступила, покраснѣла и потупила глаза.

— Чтó вамъ угодно? спросила я завертываясь крѣпче въ свою старую мантилью.

Черезъ минуту я взглянула на него. Онъ не очень высо- каго, но однако выше средняго роста, довольно полный, съ овальнымъ лицомъ, глазами незначительными, какъ мнѣ по- казалось, можетъ-быть я его дурно разсмотрѣла, потому-что у насъ прихожая довольно темна, а время было къ вечеру.

Офицеръ сдѣлалъ шагъ ко мнѣ.

— Чтó вамъ угодно? спросила я, посмотрѣвъ на него при- стально.

— Я бы желалъ видѣть Никиту Михайловича, сказалъ офицеръ, смотря на меня и поправляя свои темные усы. На губахъ его замѣтна была улыбка, то будто добрая, внимательная ко мнѣ, то такая насмѣшливая, что я отъ нея кра- снѣла....

— Онъ боленъ, отвѣчала я: очень боленъ! Вы извините, онъ не можетъ принять! Вы видите, я всѣхъ людей разслала за докторомъ и въ аптеку,—извините меня.... проговорила я безотчетно, не зная, чтó говорю.

— Я доволенъ и тѣмъ, что видѣлъ сестрицу Никиты Ми- хайловича, не такъ ли? продолжалъ офицеръ, съ незамѣт-

нимъ отъѣикомъ проиіи. Вы будете такъ добры, что позволите мнѣ придти узнать о здоровьѣ Никиты Михайловича черезъ нѣсколько дней?

Въ эту минуту вошла Федотьевна; она нѣсколько минутъ смотрѣла въ изумленіи на меня и на офицера.

Онъ не уходилъ.—И такъ, я не смѣю беспокоить васъ Наталья Михайловна, сказалъ онъ: но прошу васъ передать вашему братцу мою карточку; я надѣюсь, что онъ скоро будетъ здоровъ, и тогда навѣститъ меня;—я прошу его по серьезному дѣлу!

Признаюсь, Катенька, я была очень довольна, что онъ это сказалъ; не знаю почему, я стала спокойнѣе; онъ приѣзжалъ къ брату по дѣлу,—тѣмъ лучше, не правда ли? Офицеръ подалъ карточку и раскланялся. Въ эту минуту вошелъ докторъ.

Я взглянула на карточку, на ней было написано: Федоръ Васильевичъ.

Мы съ докторомъ пошли къ брату....

Сама не знаю почему, но мнѣ кажется, будто я видѣла когда-то Федора Васильевича. Не могу припомнить только когда и гдѣ. Мнѣ бы хотѣлось однакоже вспомнить это. За чѣмъ? спросишь ты. И сама не знаю; мнѣ кажется, будто если я вспомню, то перестану думать о немъ, а я не хочу о немъ думать. Вотъ видишь ли, кажется мнѣ, будто разъ мы шли съ братомъ, будто братъ передъ этимъ особенно былъ въ духѣ, и говорилъ о томъ, что если его труды увѣнчаются успѣхомъ, и онъ приобрететъ себѣ состояніе, то никогда не забудетъ, что сестра его была ему помощью и успокоеніемъ. Я была тоже веселѣе обыкновеннаго,—я всегда бываю весела, когда братъ въ духѣ. Мы переходили черезъ улицу, и подходили къ самому тротуару, какъ въ это время подлѣ насъ, такъ близко, что я даже вздрогнула, проѣхала прекрасная пара лошадей, заложенныхъ въ легонькую новомодную колясочку, и остановилась подлѣ тротуара.

— Хорошо бы имѣть такую коляску? спросилъ шуточно братъ, обращаясь ко мнѣ.

Я взглянула внимательнѣе на коляску, и увидѣла офи-

цера, который хотѣлъ было садиться, но остановился и пристально посмотрѣлъ на меня.

Я опустила голову и покраснѣла. Офицеръ махнулъ кучеру; коляска поѣхала, а самъ онъ пошелъ пѣшкомъ, по дорогѣ съ нами, изрѣдко поглядывая на меня.

Я замѣтила тогда, что онъ недуренъ, что сложенъ онъ очень хорошо, и что въ его манерахъ, походкѣ пѣтъ ни жеманства, ни неловкости. Замѣтила я тогда также и его темные усы, которые онъ безпрестанно поправлялъ, замѣтила и насмѣшливую улыбку, но мнѣ показалась она тогда выразительнѣе. Не ужели это былъ Федоръ Васильевичъ?

За чѣмъ онъ приѣхалъ къ брату, какое у него дѣло? У брата до-сихъ-поръ никогда не было дѣла съ военными, да и какое у него можетъ быть дѣло?... Вотъ что я спрашивала у самой себя, и сердилась на себя, за чѣмъ это спрашиваю, но мысли мои приковывались къ модной коляскѣ, запряженной парой лошадей, и.... однимъ-словомъ, я очень досадуя на себя, за чѣмъ все это помню.

Братъ былъ боленъ. Прислали изъ конторы узнать о его здоровьѣ, и сказать, что если онъ нездоровъ, то они принуждены искать другаго на мѣсто управляющаго. Что было дѣлать?

Я пошла къ брату; онъ бредилъ, говорилъ, что когда поступитъ на мѣсто, то повезетъ меня въ театръ, будетъ доставлять удовольствія.... Слова его мучили меня еще болѣе;—онъ рвали мое сердце.

Брату было все хуже и хуже. Я ждала доктора, Илья ушелъ въ аптеку, Федотьевна тоже ушла.... Я была одна, совершенно одна.... Братъ стоналъ, кричалъ, мучился,—я не знала, что дѣлать, чѣмъ помочь? Я плакала только,—я умѣла только плакать....

Братъ находился между жизнью и смертію. Онъ пересталъ кричать, даже не стоналъ. Лицо его совершенно посинѣло, на губахъ была пѣна. Ахъ, какъ я страдала въ эту минуту. Я позабыла о себѣ. Что если онъ умретъ? Куда дѣваться мнѣ, что дѣлать,—куда я брошусь?...

Боже мой! Спаси бѣдную дѣвушку, которая прибѣгаетъ

къ Тебѣ. Ужъ лучше меня возьми, ужъ лучше на меня обрушь гнѣвъ Свой; но его, его....

Вошелъ докторъ; онъ долго, пристально смотрѣлъ на брата, потомъ далъ лекарство, и стоялъ, наблюдая малѣйшее дѣйствіе, какое лекарство произведетъ. Я не смѣла дышать въ эту минуту. Умоляющими глазами смотрѣла я на доктора, и ждала, что онъ скажетъ.

— Ну, слава Богу! сказалъ докторъ, все еще прислушиваясь къ дыханію больного. Онъ уснулъ, теперь, кажется, я могу отвѣчать за жизнь его!

Я готова была броситься къ ногамъ доктора....

Послѣ этого дня братъ сталъ примѣтно выздоравливать; но выздоровленіе это шло очень медленно. Его глубоко огорчило извѣстіе, что на его мѣсто назначенъ другой. Онъ такъ радовался этому мѣсту; видѣлъ въ немъ конецъ своего труженичества, а тутъ.... но онъ не жаловался, не досадовалъ.... Онъ молчалъ, и его молчаніе мучило меня.

Братъ не могъ еще работать, а у меня уже вышли всѣ деньги, которыя намъ дали подъ залогъ вещей. Сперва мы кое-какъ перебивались, забирали въ лавочкѣ, но и тамъ уже перестали намъ вѣрить. Что мы будемъ дѣлать?

Только что братъ немножко оправился, онъ поѣхалъ къ тѣмъ, для которыхъ работалъ до своей болѣзни; но они, думая, что онъ поступилъ на мѣсто, нашли уже себѣ другихъ. Одинъ купецъ не заплатилъ брату и тѣхъ денегъ, которыя онъ заработалъ, а намъ жить было не чѣмъ.

Больной, слабый братъ мой ходилъ каждый день, чтобы достать себѣ работу или денегъ, но не могъ достать ни откуда. Отпустили Илью, остались съ одной кухаркой, да и той было нечѣмъ платить жалованье. Все, что было, прожили, заложили что было можно; братъ заложилъ даже свои голландскія рубашки.... Уже двѣ недѣли не готовимъ кушанье, ѣдимъ что-нибудь, или пьемъ чай съ булками, покуда еще даютъ въ булочной.... Ѳедотьевна безпрестанно грубитъ, попрекаетъ, что ей не заплачено жалованье.... Не знаю, чѣмъ все это кончится.—Ахъ, Катя, какая ужасная жизнь!

Вчера братъ рѣшился снова написать купцу, который намъ еще не заплатилъ. Къ намъ сегодня долженъ былъ

Холодковъ прѣхать, такъ нужны деньги на разныя мелочи по хозяйству. Этотъ Холодковъ обѣщалъ достать брату работу. И повѣришь ли ты, Катя, у брата не было свѣчи, чтобы вечеромъ написать записку.

А въ это время, будто нарочно, Ѳедотьевна нагрубила брату, разсердила его, а послѣ вдругъ приходитъ и говорить, что прѣехалъ какой-то офицеръ.

А у насъ даже свѣчки не было!...

Я услышала звукъ шпоръ въ залѣ, и не знаю почему-то угадала, что это Ѳедоръ Васильевичъ.

Онъ вошелъ; нужно было подать огня; я чувствовала, что онъ тутъ, хотя и не видала его. Я убѣжала скорѣе къ себѣ. Достали огня; отнесли къ брату двѣ стеариновыя свѣчки.... Они сидѣли и говорили о дѣлахъ. Хотѣла бы я знать, какое у него дѣло къ брату, что ему нужно? Вѣрно дѣло денежное! Впрочемъ я очень рада, что у него есть дѣйствительно дѣло, а то.... Но что мнѣ за нужда вспоминать о немъ? Вотъ видишь, Катя, я однажды утромъ взглянула въ окно, смотрю—напротивъ стоитъ онъ, и смотритъ.... Я поскорѣе убѣжала, но онъ долго стоялъ и смотрѣлъ, и все время смотрѣлъ на окно, передъ которымъ я стояла... Что ему нужно отъ меня? Ахъ, Катя, не даромъ, первый разъ когда я его увидѣла, подумала, что онъ злой человѣкъ! Но Богъ съ нимъ! поскорѣе бы дѣло его кончилось,—сегодня братъ поѣхалъ къ нему....

III.

Ѳедоръ Васильевичъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и ждалъ Никиту Михайловича.

—Что если онъ не прѣдетъ, сказалъ себѣ Ѳедоръ Васильевичъ, съ улыбкой пересматривая груды плановъ, тетрадей и счетовъ, уложенныхъ на письменномъ столѣ. Досадно будетъ! А впрочемъ, можетъ-быть и къ лучшему! Не понимаю самъ, изъ-за чего я такъ хлопочу! Прѣдетъ — хорошо! Не прѣдетъ—для него же хуже!... Однако, кажется, если прѣхать, то пора бы! Опять за то же!... Не лучше ли образумиться, Ѳедоръ Васильевичъ, въ самомъ началѣ? Не лучше ли бросить задуманное?

Въ параллель этой мысли у Федора Васильевича была другая.—Она дѣйствительно хороша, думалъ онъ, она прекрасна! Что за тонкій, не уловимый очеркъ лица! Кажется, что линии этого очерка сливаются съ воздухомъ; но вмѣстѣ, онѣ такъ пластически хороши, такъ правильно прекрасны, и сама она — такъ *материально-воздушна* — какихъ словъ я не приберу, когда думаю о ней; — рѣшительно я готовъ полюбить ее до безумія.... Что за вздоръ! Ты ли это говоришь, Федоръ Васильевичъ? Есть отъ чего съ ума сходитъ. Встрѣтилась хорошенькая дѣвушка.... да если отъ каждой хорошенькой.... Развѣ доказательство, что въ человѣкѣ былъ умъ, когда онъ съ ума сошелъ?... Но она прекрасна, она идеальна!... Ну что-жъ — тѣмъ лучше! Надобно быть осторожнѣе, осмотрительнѣе, а не увлекаться, не пороть гладичи... А вѣдь хороша, что ни говори! Главное, что въ ея глазахъ столько выраженія, — терпѣть не могу глазъ безъ выраженія! — есть жизнь, энергія, характеръ! Она не похожа на этихъ дѣвушекъ, — смѣсь водицы, разведенной молочкомъ, которыя сегодня помѣшаны на полькѣ-мазуркѣ, завтра утромъ на модной мантильѣ, а къ вечеру бредить черными усами. Разумѣется, она не похожа и на тѣхъ, у которыхъ все остроуміе, все чувство вычитано изъ печатныхъ тирадъ... Нѣтъ, у ней есть душа, прекрасная Божья душа, а это, по моему, главное.... Она очень блѣдна; въ лицѣ ея есть даже синеватый отливъ, — ужъ не влюблена ли она? Нѣтъ! торопливо отвѣчалъ себѣ Федоръ Васильевичъ. Ее, просто, измучила жизнь, сухая, скучная... Мы заставимъ снова разыграться румянецъ на ея щечкахъ, опять вызовемъ улыбку на ея хорошенькія губки.... Только не торопись, Федоръ Васильевичъ, умѣй выждать, иначе все дѣло испортишь; разумѣется и не зѣвай, ну да зѣвать-то, кажется, я не привыкъ! Однако, что за вздоръ, я только о ней и думаю! Это глупо, смѣшно! Я не мальчикъ, который только и дѣла, что бредить своей обожаемой, да своей неземной.... Надобно быть положительнѣе! Когда нужно, тогда и думай, или лучше сказать обдумывай, а безпрестанно мечтать, — пожалуй, ты вздыхать еще начнешь, Федоръ Васильевичъ. На что это похоже?... А его все еще нѣтъ!...

Федоръ Васильевичъ ходилъ въ своемъ кабинетѣ. Сигара

въ зубахъ его гасла безпрестанно, потому-что онъ позабывалъ ее курить. Онъ садился, будто хотѣлъ заняться чѣмъ-нибудь, бралъ книгу, начиналъ читать, зѣвалъ на первой строчкѣ, бросалъ книгу, и снова ходилъ по комнатѣ.

Потомъ Федоръ Васильевичъ подходилъ къ туалетному столику, безотчетно бралъ какую-нибудь принадлежность, его, опять ставилъ ее на мѣсто, смотрѣлъ на часы, и опять начиналъ рассказывать большими шагами.

— Я бы хотѣлъ, чтобы она меня полюбила, разсуждалъ Федоръ Васильевичъ. Мнѣ кажется, что я отдохнулъ бы отъ этой скуки, отъ этого безконечнаго однообразія, — сегодня, какъ вчера, а завтра будетъ, какъ сегодня, — хоть кому наскучить! А тутъ полюбить меня милая дѣвушка, взглянетъ на меня съ чувствомъ, подаритъ меня и улыбкой и слезой....

У Наташи прекрасные глаза! Люблю я эти глаза задумчивые, глубокие.... Я думаю, сколько свѣту пролетѣть въ эти глаза любовь, сколько жизни придастъ она имъ!... А улыбка ея, прихотливая, павиная, соблазнительная.... Сколько нѣги придастъ страсть этой улыбкѣ!... Чудная дѣвушка! Да, теперь, прибавилъ онъ подумавъ: — а лѣтъ чрезъ пять.... Захочетъ она чепчикъ носить, выйдетъ за мужъ.... Если бы услышалъ меня теперь пріятель мой Павелъ, непременно бы сказалъ, что я говорю это нарочно для того, чтобы хвастать своими парадоксами.... Почему же нарочно? Стоить только взглянуть на иныхъ дѣвушекъ, которыя выходятъ за-мужъ, и спросить: чѣмъ они заняты? Своею будущею жизнью, скажете вы, — обязанностями, которыя принимаютъ на себя; полноте! Онѣ заняты своими нарядами, своими модными тряпками, и больше ничѣмъ! Какъ же онѣ выходятъ за-мужъ не для того только, чтобы носить чепчикъ? И главное, онѣ безпрестанно лепечутъ объ этихъ нарядахъ своему жениху; даже не могутъ понять, какъ это смѣшно, не могутъ видѣть, что это даже неприлично!... И Наташа точно такая же, какъ и всѣ! И она станетъ надобно дать своему будущему супругу то модной шляпкой, то билетомъ въ ложу, то какими-нибудь женскими бездѣлками.... А теперь она можетъ заставить забытья, увлечься.... Разумѣется не меня, — я не забудусь! не влюблюсь! будь она лучше всего, что только я воображаю себѣ, будь лучше

самой себя, я и тутъ не влюблюсь; я не вѣрю въ романическую любовь! То есть, пожалуй, не то, что не вѣрю, она, можетъ-быть, и существуетъ, да во мнѣ то не можетъ существовать! Поволочиться, сказалъ Федоръ Васильевичъ, лукаво улыбувшись: это другое дѣло, отъ этого я не прочь! Опять Павелъ непремѣнно бы сталъ увѣрять, что я нарочно прикидываюсь негодеемъ, нарочно притворяюсь, будто для меня и чувство вздоръ, и красота вздоръ, будто у меня страсть пощеголять, хоть на словахъ, парадоксами Ловеласа, Донъ-Жуана.... Богъ знаетъ, чего бы не наговорилъ онъ мнѣ! Ну, разумеется, я не Донъ-Жуанъ, не Ловеласъ, но почему же не ухаживать за хорошенькой дѣвухой?—По-крайней-мѣрѣ, занять чѣмъ-нибудь, есть цѣль... А Наташа очень хорошенькая....

— Да что жъ это я не могу мысли своей отвести отъ нея! Лучше подумать о томъ, что мнѣ говорить съ ея дорогимъ братцемъ! Пора бы кажется! Половина втораго, впрочемъ еще только половина втораго! Непремѣнно надобно, чтобы она меня замѣтила! Да она меня и такъ замѣтила, пари держу! Когда я первый разъ пришелъ къ нимъ, и нечаянно встрѣтилъ ее, она меня испугалась; это добрый знакъ! Послѣ, мнѣ помогъ случай,—Выхожу я отъ этого пустѣйшаго изъ моихъ знакомыхъ, который при всякомъ случаѣ не забываетъ мнѣ напомнить, что лошадь его завода два раза выиграла призъ, — смотрю, она у окна, я остановился, она сей часъ же пропала; я убѣжденъ, что она пропала именно отъ того, что увидѣла меня. Я еще посмотрѣлъ въ окно, сѣлъ въ коляску и уѣхалъ. Теперь, я думаю, она занята разрѣшеніемъ вопроса: зачѣмъ я стоялъ напротивъ ея окна. Этотъ вопросъ ее тревожитъ; пожалуй она ненавидитъ меня въ эту минуту; тѣмъ лучше, значить можетъ полюбить! А онъ все не ѣдетъ, досадно!... Мнѣ давно хотѣлось употребить досугъ свой на интригу подобнаго рода, интригу, въ которой бы участвовала душа, умъ, которая бы заняла меня, а Наташа можетъ занять; она такъ хороша, такъ идеальна.... Ну что-жъ, попробуемъ притвориться страстнымъ, влюбленнымъ; хоть оно мнѣ не къ лицу, да почему-же не притвориться? Попробуемъ вызвать со-

чувствіе въ ея сердцѣ.... А его все нѣтъ! Да что за нетерпѣніе такое, еще только два часа!

Въ кабинетъ вошелъ камердинеръ Федора Васильевича.

— Никита Михайловичъ Понинскій, сказалъ камердинеръ.

— Проси сюда! сказалъ Федоръ Васильевичъ, стараясь принять небрежное положеніе.

Никита Михайловичъ вошелъ.

Свободно, развязно вошелъ онъ, и тотчасъ какъ бы сконфузился взглянувъ на роскошную комнату, на богатство и удобство всего, чѣмъ окружалъ себя Федоръ Васильевичъ. Никита Михайловичъ чувствовалъ стѣсненіе въ своей груди; чувствовалъ, что это богатство, къ которому Никита Михайловичъ самъ имѣлъ время привыкнуть, теперь тягостно для него....

Никита Михайловичъ поклонился, стараясь въ своемъ привѣтствіи соединить и ловкость свѣтскаго обращенія, и невольную зависимость челоѣка, который ищетъ работы. Опытъ и навѣкъ Никиты Михайловича удерживать себя помогли ему,—и онъ умѣлъ слить эти двѣ противоположности, такъ что ни одна изъ нихъ не бросалась въ глаза, какъ что-то шероховатое, рѣзкое; онъ умѣлъ сохранить свое достоинство.

Федоръ Васильевичъ, въ свою очередь, обладалъ тѣмъ тактомъ, тѣмъ умѣньемъ держать себя въ затруднительныхъ положеніяхъ, какимъ можетъ обладать только челоѣкъ, привыкшій жить въ свѣтѣ. Онъ окружилъ Никиту Михайловича всею вѣжливостію, какою только могъ окружить его. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Федоръ Васильевичъ употребилъ всѣ усилія, чтобы не дать почувствовать Никитѣ Михайловичу свое превосходство; онъ старался возвысить его въ собственныхъ его глазахъ, старался увѣрить, что онъ необходимъ для Федора Васильевича.

Принялись за работу; хозяинъ всѣми мѣрами старался выказать, что онъ очень интересуется этими счетами и отчетами, Никита Михайловичъ разбиралъ ихъ какъ челоѣкъ опытный.

— Вы получаете шестдесятъ двѣ тысячи въ годъ съ вашего имѣнія? сказалъ Никита Михайловичъ, и подумалъ:

если бы имѣніе моего отца перешло ко мнѣ, я бы имѣлъ болѣе, чѣмъ вдвое, не считая того, что далъ бы въ приданое за сестрой.

— Кажется, шестьдесятъ двѣ, отвѣчалъ Федоръ Васильевичъ, смѣшавшись немного, — у него вышелъ изъ головы самый первый вопросъ, много ли онъ получаетъ дохода. — Я въ разное время получаю деньги, такъ, право, не упомню! А вотъ впрочемъ здѣсь записано все; вы видите, что я аккуратень, какъ Нѣмецъ!

Никита Михайловичъ углубился въ разсматриваніе счетовъ и различныя вычисленія; Федоръ Васильевичъ курить сигару; — наконецъ гость сказалъ:

— Въ настоящую минуту я ничего не могу вамъ сказать опредѣлительнаго, нужно все внимательно просмотрѣть, — и если вамъ угодно поручить мнѣ...

— Я объ этомъ прошу васъ убѣдительно, отвѣчалъ Федоръ Васильевичъ: — вы позволите заѣхать къ вамъ, узнать...

— Помилуйте, — мнѣ очень пріятно будетъ, отвѣчалъ Никита Михайловичъ: вы меня обяжете, особенно вечеромъ, по вечерамъ я всегда свободнѣ..... Съ этими словами Никита Михайловичъ собралъ бумаги, взялъ ихъ и раскладывался.

Федоръ Васильевичъ проводилъ его съ улыбкой.

На другой день, у Никиты Михайловича Федотьевны уже не было, а перебралась къ нему въ кухарки Ульяна; купецъ прислалъ деньги; Никита Михайловичъ выкупилъ часть заложенныхъ вещей, и нанялъ человѣка вмѣсто Ильюшки; былъ Холодковъ, и доставилъ Никитѣ Михайловичу еще выгодное занятіе; однимъ-словомъ, дѣла Никиты Михайловича начали приходить въ прежній порядокъ.

Вечеромъ подали чай въ гостиной, которая находилась между комнатами брата и сестры. Наташа сѣла къ круглому столу разливать чай; Никита Михайловичъ тоже усѣлся съ какой-то бумагой, чтобы даромъ не терять время. Пріѣхалъ Федоръ Васильевичъ.

Никита Михайловичъ встрѣтилъ его вѣжливой и пріятливой улыбкой, Наташа поблѣднѣла немощко, однако тоже пріятливо поклонилась.

Федоръ Васильевичъ показалъ видъ, что онъ не обращаетъ никакого вниманія на Наталью Михайловну; онъ прямо началъ съ Никитою Михайловичемъ разговоръ объ имѣніи, о счетахъ, о проектахъ улучшеній, какъ человѣкъ, который только этимъ и бредитъ, или какъ человѣкъ, который сегодня только что объ этомъ прочиталъ, и спѣшитъ высказаться, чтобы не позабыть прочитаннаго.

Никита Михайловичъ говорилъ объ отчетности въ имѣніи Федора Васильевича, Федоръ Васильевичъ слушалъ его будто боялся проронить хоть одно слово.

— Ахъ да, чуть было не позабылъ, — сказалъ Федоръ Васильевичъ: — вотъ бумага, мнѣ ее завтра нужно отправить! Не будете ли вы Никита Михайловичъ такъ добры, не свѣрите ли ее съ приложениями, которыя находятся у васъ.

Никита Михайловичъ почелъ себя обязаннымъ въ ту же секунду взять бумагу, и пошелъ съ нею въ кабинетъ дѣлать выправку.

Федоръ Васильевичъ и Наташа остались вдвоемъ. Наташа налила ему чашку чаю. — Вамъ угодно? робко спросила она.

Федоръ Васильевичъ поблагодарилъ и взялъ чай.

— Я сегодня такъ много читалъ и отъ того такъ усталъ, что чай для меня будетъ наслажденіемъ.

— Зачѣмъ же вы такъ много читаете? спросила съ едва замѣтной улыбкой Наташа.

— За тѣмъ, чтобы умѣть говорить о счетахъ! коротко и рѣзко отвѣчалъ Федоръ Васильевичъ, бросая на Наташу проницательный взглядъ.

Наташа вспыхнула и не нашла, что отвѣчать. Она поняла намекъ Федора Васильевича.

Федоръ Васильевичъ все еще на нее пристально смотрѣлъ.

Наташа встала и хотѣла уйти.

— Вы никогда не выѣзжали изъ Петербурга? спросилъ Федоръ Васильевичъ, стараясь какъ-нибудь держать Наталью Михайловну.

— Я жила два года въ деревнѣ съ отцемъ моимъ! отвѣчала Наташа.

— И вашъ батюшка?.....

— Умеръ!

— И матушка ваша тоже умерла? спросилъ Федоръ Васильевичъ.

— Да, и она умерла! задумчиво отвѣчала Наташа.

Ей стало грустно; она противъ воли вспомнила ту минуту, когда у нея не стало матери; потомъ дальнѣйшую свою жизнь.... Тяжело было это воспоминаніе!... Наташа задумалась, и слеза готова была показаться на ея рѣсницѣ..... Но она вспомнила слова брата: пускай не смѣются надъ слезой твоей! и старалась скрыть ее, проглотить ее, и снова хотѣла уйти.

— Не уходите, Наталья Михайловна! съ чувствомъ сказалъ Федоръ Васильевичъ. Я виноватъ передъ вами, разбудилъ ваши тяжелыя воспоминанія... Если вы уйдете теперь, въ васъ останется противъ меня горькое чувство..... Не уходите же, Наталья Михайловна, позвольте мнѣ разсѣять вашу грусть.

Наташа сдѣлала головкою отрицательный знакъ, какъ бы хотѣла сказать: — нѣтъ, я привыкла къ грусти!

— Вы помните вашу матушку? сказалъ Федоръ Васильевичъ: вы ее любили? Потомъ, будто про себя онъ прибавилъ: счастливица, она могла кого-нибудь любить!

Наташа внимательно посмотрѣла на Федора Васильевича, и спросила. А вы развѣ не любили вашей матушки?

— Нѣтъ, я никого и никогда не любилъ въ жизни, отвѣчалъ Федоръ Васильевичъ: а матери своей я не зналъ!

— Она умерла?

— Когда мнѣ еще двухъ лѣтъ не было! Да, продолжалъ Федоръ Васильевичъ, послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія, я не знаю, что такое любить кого-нибудь, а хотѣлъ бы... впрочемъ, сказать по совѣсти, и не хочу! Я не вѣрю въ любовь, въ эту пародію страсти, которая оканчивается всегда положительнымъ расчетомъ....

— Вы не знали вашей мамочки, сказала задумчиво Наташа: у васъ не было сестры?

— У меня никого не было! отвѣчалъ Федоръ Васильевичъ. Правда, былъ опекунъ, который очень баловалъ ме-

ня, потому-что я болѣе чѣмъ въ десять разъ его богаче, и его годовой доходъ болѣе нежели утроивался, когда я у него жилъ.... Но мнѣ скучна была и его угодливость, и его впередъ оплаченная записка. — Я одинъ въ цѣломъ мірѣ, и нѣтъ никого, кто бы подѣлился со мной чувствомъ... Можетъ-быть, потому-то я и не вѣрю въ чувство!... Федоръ Васильевичъ задумался.

Черезъ минуту онъ поднялъ голову, насмѣшливо улыбнулся и сказалъ полушутливо:

— Такъ-то я держу свое слово, разсѣять вашу грусть, Наталья Михайловна! Рассказываю о своей одинокой и безрадостной жизни. Да моя жизнь хоть на кого наведетъ хандру, а я говорю вамъ объ ней, когда вы и безъ того тронуты горькимъ воспоминаніемъ, которое я же имѣлъ неловкость вызвать. — Не слушайте меня! Вѣрьте вашей надеждѣ въ счастье, — я предрекаю вамъ всю радость въ мірѣ, которой вы стоите! Улыбнитесь же, Наталья Михайловна, отъ моего предвѣщанія, оно отъ души! сказалъ Федоръ Васильевичъ, страстными глазами смотря въ глаза дѣвушки.

Она опустила внизъ глаза свои, и робко проговорила: Благодарю васъ за предвѣщаніе, но.....

— Зачѣмъ это—по? Вы знаете, что оракулу надобно вѣрить безусловно; только тогда предвѣщанія сбываются.

—Благодарю васъ, Федоръ Васильевичъ, задумчиво сказала дѣвушка: если не за то, что вы такъ много общаете мнѣ вашимъ предсказаніемъ, такъ за то, что вы хотите разсѣять мою задумчивость... Впрочемъ, прибавила она, заставляя себя улыбнуться: не знаю почему я грустна сегодня; мнѣ бы хотѣлось сегодня быть веселой..

— Почему же сегодня? спросилъ Федоръ Васильевичъ, и взглянулъ на Наталью Михайловну съ невольнымъ выраженіемъ надежды и робкаго ожиданія.

— Сегодня братъ мой первый день совершенно здоровъ, строго и холодно отвѣчала Наташа.

— Счастливецъ, у него есть сестра, которая его любитъ! сказалъ Федоръ Васильевичъ.

— Сестра всегда любитъ брата, Федоръ Васильевичъ, от-

вѣчала Наташа. — Неужели вы готовы сомнѣваться и въ родственной любви? Полноте, зачѣмъ увѣрять, что вы даже и понять не можете, какъ другіе любить, и какъ любить другихъ! Зачѣмъ вы хотите показаться съ совершенною особенной стороны? Будто вы такъ несчастливы?....

— Напротивъ. Меня всѣ называютъ счастливецемъ! И чѣмъ же я могу быть несчастливъ? Я богатъ, независимъ, служба моя идетъ прекрасно.... Даже въ мелочахъ я счастливъ, — мнѣ всѣ завидуютъ! что же касается до того, что я самъ думаю, — то, право, не знаю, позавидоваль ли бы я себѣ.

— Чего же не достаетъ вамъ, если вы во всемъ счастливы... чего же вы хотите? спросила Наташа, обращая по временамъ на Федора Васильевича внимательный взглядъ.

— Чего я хочу, Наталья Михайловна? отвѣчалъ онъ съ энергіей; ему было досадно, что дѣвушка инстинктивно угадала противурѣчіе въ немъ самомъ: — я ничего не хочу!... Меня именно и убиваетъ это отсутствіе всякаго желанія, прибавилъ онъ апатически. — Я одинокъ; меня никогда никто не любилъ въ жизни, и я никого тоже не любилъ! Я никому ничѣмъ не жертвовалъ, никто ничѣмъ не пожертвуетъ и мнѣ! Чѣмъ же я связанъ съ этимъ свѣтомъ? Ровно ничѣмъ! Не зная, что такое привязанность, что такое чувство, что такое любовь, натурально, что я не вѣрю имъ! Я смѣюсь надъ всякой привязанностію, надъ всякимъ чувствомъ. Въ этихъ словахъ вся моя пустая жизнь! Иногда мнѣ кажется, что жизнь бы свою я отдалъ за минуту истиннаго чувства, которую раздѣлили бы со мной другъ, сестра, невѣста; жизнь бы отдалъ за то, чтобы имѣть возможность вспомнить чью-нибудь любовь. Но потомъ мнѣ самому становится смѣшна моя мечтательность; я смѣюсь надъ собой, и думаю: не готовъ ли я отдать жизнь свою за нѣчто небывалое, за пародію на что-то неземное, за болѣзненное состояніе мечтателей, которые произвели цѣлый міръ изъ грезъ, существовавшихъ только въ ихъ воображеніи. — И я не вѣрю ничему, смѣюсь! потому-что мнѣ не остается ничего больше, какъ только смѣяться. Но, можетъ-быть вы мнѣ не повѣрите, а я говорю отъ души, — мое сомнѣніе, моя насмѣшка оскорбляютъ меня самого.... Вы не пойме-

те никогда этого положенія, Наталья Михайловна, да и дай Богъ, чтобы вы его никогда не поняли! Вы не поймете всей жгучей боли, которую чувствую я въ ту минуту, когда моя невольная насмѣшка разрушаетъ во мнѣ самою вѣру во все, что есть прекраснаго въ жизни. — Кажется, Богъ бы знаетъ что даять, чтобы, вмѣсто этой убійственной насмѣшки, явилась слеза, которая бы меня успокоила!...

Наташа безотчетно увлекалась словами Федора Васильевича; они врѣзывались ей въ сердце. — Глазки ея горѣли; черты лица, противъ воли, выражали участіе. — Она оперлась на столъ, и задумчиво, безмолвно, съ полнымъ одушевленіемъ прилущивалась къ каждому слову Федора Васильевича. При послѣднихъ словахъ его, она невольно опустила свою руку, невольно отбросила свои локоны. Лицо ея приняло выраженіе грусти, сочувствія.... Передъ Наташей востокрела минута ея жизни; горькая минута! когда она стояла передъ гробомъ матери. — Тогда и въ ней замерли всѣ чувства; ни слова, ни слезы она не нашла въ груди своей, чтобы уронить ихъ передъ родимымъ прахомъ.... Наташа помнитъ ту боль на сердцѣ, ту невыносимую тоску, которая терзала ее тогда; она помнитъ улыбку свою, грустную улыбку отчаянія. Теперь передъ ней человекъ, который тоже молится о чувствѣ, который, окруженный всѣмъ матеріальнымъ довольствомъ, счастливецъ въ глазахъ другихъ, стонетъ подъ бременемъ ужаснаго, безпощаднаго состоянія безчувственности. Наташа счастливае его; она знала любовь матери; у ней есть братъ; — у него никогда никого не было; онъ не зналъ никакой любви! У него въ груди только холодъ ко всему, вѣчный холодъ!... И ни отрады, ни спокойствія, ни радости нѣтъ ему въ жизни, потому-что нѣтъ у него чувства! Только одну сторону жизни дала ему испытать судьба, дала ему одинъ взглядъ на жизнь, — этотъ взглядъ насмѣшка, равно тяжелая, какъ для тѣхъ, на кого она падаетъ, такъ и для него самаго....

Наташа поняла всю безотрадность, всю мѹку подобнаго состоянія; она будто вдохновеніемъ почувствовала всю искренность невольнаго признанія Федора Васильевича, естественнаго порыва требовать чьей-нибудь любви, чьего-ни-

будь чувства.... И она встала и торопливо ушла из комнаты.

Федоръ Васильевичъ страстными глазами смотрѣлъ ей вслѣдъ.

Передъ нимъ еще мелькалъ образъ дѣвушки, увлекательной, прекрасной; она, въ его воображеніи, стояла еще передъ нимъ, со слезинкой на рѣсницѣхъ, съ энергическимъ взглядомъ восторженнаго участія; она рисовалась въ умѣ Федора Васильевича пластически, рельефно, со всею красотою своихъ формъ, магнетическою силою наивнаго взгляда, возвышенною прелестью своего увлеченія.... Вотъ ей черное платье, такъ легко, такъ нѣжно перехваченное лентой, обрисовывавшее всю античную роскошь, всю пластичность ея красоты; ея локоны падаютъ на это платье, и обрамляютъ милую голову.... А сколько прелести въ этомъ нѣжномъ взглядѣ ея бархатныхъ глазъ, сколько въ этомъ взглядѣ энергіи, чувства, вдохновенія.

Федоръ Васильевичъ готовъ былъ удержать, остановить, вызвать магическимъ словомъ своей любви и своего чувства то милое видѣніе, которое рисовалось передъ нимъ.

Но черезъ минуту мысли его приняли другое направленіе.

— Что жъ тутъ чуднаго? сказалъ онъ себѣ. — Дѣвушка увлеклась, — понятная вещь, я наговорилъ ей вздору, она заслушалась, — вотъ и все. Вещь, кажется, очень обыкновенная, даже избитая.... А стоило бы записать слова мои, да пересказать потомъ хоть моею насмѣшливой кузинѣ; то-то бы хохотала она, если бы узнала, что ея вѣтренный поклонникъ разыгрываетъ роль романическаго героя и поретъ дичь о грусти, о сочувствіи.... Впрочемъ, все это хорошо, что я говорилъ о чувствѣ; все это очень хорошо, потому-что прилично, истинно по донъ-жуановски! Нужно было ее увлечь, непременно было нужно, и я сдѣлалъ свое дѣло. Самъ не знаю какъ, — только дѣло сдѣлалось, стало быть это хорошо! Вѣдь я, разумѣется, не чувствую того, что говорилъ, вѣдь я не мучусь отъ того, что никто не вздыхаетъ со мной о счастливой Аркадіи?—Да и что за *чувствительности* такія.... Мнѣ хотѣлось ее позабавить, увлечь.... Ну и прекрасно! А самому увлекаться не чѣмъ и не зачѣмъ!

Вѣдь еще не Богъ знаетъ что — надѣть черное платье-потому-что оно идетъ къ блѣдному личику; распустить локоны, потому-что они дѣйствительно хороши; взглянуть съ чувствомъ, потому-что чувство еще не успѣло выпариться, а тутъ еще оно кстати было подогрѣто байроновскою тирадой.... А вѣдь она очень хороша! вдругъ сказалъ себѣ Федоръ Васильевичъ.—Ну да! потому то я и ухаживаю, что она хороша, иначе бы и хлопотать не стоило?... Глупая однакоже вещь ухаживать за дѣвченкой, это совсѣмъ не въ моихъ правилахъ. Ну, да здѣсь совсѣмъ другія отношенія, здѣсь можно.... Павелъ непременно бы сказалъ, что я стараюсь притвориться негодяемъ, представить изъ себя Ловеласа.... По его мнѣнію непременно должно бы предложить и руку и сердце.... Еще не прикажете ли чего-нибудь?... Да что это я все о ней думаю? Ну что-жъ, я занятъ интригой, потому и думаю, а то, право, мнѣ все-равно,—она ли, другая ли.... Меня подстрекаетъ мое самолюбіе, и больше ничего?

Во время этого разсужденія Федора Васильевича съ самимъ собой, вошелъ Никита Михайловичъ съ бумагой.

— Здѣсь необходимы поправки, Федоръ Васильевичъ, сказалъ онъ, и указалъ ихъ на поляхъ.... Федоръ Васильевичъ не слышалъ и не видалъ Никиты Михайловича; онъ вполне увлекся своею мыслию....

— И больше ничего, какъ самолюбіе! какое тутъ чувство! сказалъ про себя Федоръ Васильевичъ.

— Вы замечались, Федоръ Васильевичъ, сказалъ Никита Михайловичъ съ улыбкой.

— Ахъ извините, я точно замечался или, лучше сказать, задремалъ. Ну что вы нашли?

Никита Михайловичъ сталъ указывать Федору Васильевичу на свои замѣтки. Тотъ слушалъ очень разсѣянно. Послѣ пришла Наташа; говорили ни о чемъ; Наташа впрочемъ была довольно весела, или умѣла показаться веселой.—Федоръ Васильевичъ былъ очень разсѣянъ. Наконецъ и онъ развеселился, сталъ шутить; Наташа играла на фортепiano. Никита Михайловичъ высчитывалъ выгоды отъ разныхъ коммерческихъ предпріятій; вечеръ прошелъ совершенно незамѣтно.—Наташа ушла, гость опять задумался.—Было уже

поздно, Федоръ Васильевичъ взглянулъ на часы. Перваго двадцать пять минутъ,—пора ѣхать!

— Душевно благодаренъ вамъ, Никита Михайловичъ, за ваше безпокойство; надѣюсь завтра съ вами увидѣться, а теперь позволите просить извиненія. Съ этимъ словомъ Федоръ Васильевичъ безотчетно опустился опять въ кресло и задумался.

Никита Михайловичъ посмотрѣлъ на Федора Васильевича серьезно..

— Не влюблены ли вы, Федоръ Васильевичъ, спросилъ онъ съ самой любезной улыбкой, или не собираетесь ли жениться?

Федоръ Васильевичъ внутренно вздрогнулъ, но постарался не дать замѣтить, что эти слова сколько-нибудь до него относятся. — Что касается до любви, сказалъ онъ, то на этотъ счетъ я, кажется, могу быть спокойнымъ. Мое сердце такъ устроено, что я люблю всѣхъ и не люблю никого! Да и подумайте, стоить ли любить?

— Если вы любите, отвѣчалъ Никита Михайловичъ, очень тонко улыбаясь: стало-быть находите, что стоить!

— Э, полноте Никита Михайловичъ, я человѣкъ положительный, люблю смотрѣть на вещи съ моей точки зрѣнія! Впрочемъ надо знать, что понимать подъ словомъ любовь? Если, какъ увѣряютъ нѣкоторые, это какое-то непонятное влеченіе, то, право, по моему лучше заняться чѣмъ-нибудь другимъ! Я тоже думаю, что любовь влеченіе, да только совершенно земное.... Встрѣчаешь въ обществѣ молодую женщину; она хороша, всѣ за ней ухаживаютъ; она васъ отличила въ числѣ ея окружающихъ, это вамъ льститъ. Вамъ разумѣется мало ли что придетъ въ голову. Вы надѣетесь; молодость предъявляетъ свои права; вотъ вы и влюблены.—Понятно, очень понятно, что въ васъ бываетъ нѣкотораго рода лихорадочное состояніе и нѣкотораго рода сомнѣніе, борьба, но все это приходитъ отъ чувства совершенно земнаго, не такъ ли?... Ухаживаешь за молодой женщиной, стараешься поймать ея слабую сторону; тутъ занято ваше воображеніе, занять вашъ умъ; вы изыскиваете всѣ средства успѣть, и—если удалось, —

вы успѣваете; если нѣтъ,—то дѣло кончается объясненіями, клятвами.—Вотъ вамъ и вся любовь!

— Не спорю! сказала Никита Михайловичъ серьезно: но для меня, человѣка занятаго дѣломъ, любовь представляется вдали, какъ нѣчто увлекательное,—можетъ-быть потому-что мнѣ нѣкогда любить. Но признаюсь, что мысль о любви составляетъ мою надежду въ будущемъ, мою опору въ трудахъ, задушевную мечту мою! Мнѣ часто приходится въ голову: я теперь тружусь, работаю, но, можетъ-быть, за всѣ труды мои, за мои лишенія, въ награду встрѣчу я любовь въ чистомъ и прекрасномъ сердцѣ дѣвушки, и—если Богъ благословитъ мой трудъ, я, въ свою очередь, предложу ей свое сердце, которое не зная ее, постоянно билось сильнѣе при мысли, что когда-нибудь ее узнаетъ.—Опять повторю, что, можетъ-быть, я такъ думаю потому, что не избалованъ любовью.

Федоръ Васильевичъ сталъ говорить о любви еще странно.

— Такъ не думаете ли вы жениться? спросилъ Никита Михайловичъ.

— Отъ чего же? Я не прочь, отвѣчалъ Федоръ Васильевичъ. Если бы мнѣ встрѣтилась приличная партія.... Разумѣется первое, чтобъ она была со связями, съ положеніемъ въ свѣтѣ, и была бы богата, чтобы я могъ поддерживать связи жены и свое знакомство, не разстроивая своего состоянія.— А для этого много нужно, очень много! Намъ нужно жить хорошо, принимать многихъ,—только такую жизнь можно добиться чего-нибудь! Въ Петербургѣ содержаніе дома на приличную ногу стоить дорого, а вы знаете, что я не такъ богатъ, чтобы могъ жениться, не взявъ приданаго.

— Въ этомъ мы съ вами не сойдемся, Федоръ Васильевичъ. Мнѣ кажется, все зависитъ отъ искусства жить!

— Вполнѣ согласенъ, что отъ искусства,—но ужъ чего нельзя, такъ нельзя! Пожалуй можно уѣхать въ деревню,—но кто какъ ни говори, что деревня рай, какъ не толкуй о семейномъ счастьи, а все наскучитъ жить въ деревнѣ и ворковать вдвоемъ съ женой,—захочется развлеченій, и честолюбіе начнетъ мучить, и самолюбіе,—и мало ли

еще что; и какъ посмотришь лѣтъ черезъ пять—воркующіе голубки съ утра до ночи бранятся отъ скуки. Я заболтался впрочемъ, сказалъ Федоръ Васильевичъ, забывая, что вамъ время дорого. Вы будете такъ добры, что завтра заѣдете ко мнѣ? Вы обяжете меня.

Федоръ Васильевичъ распрощался.

На другой день у него былъ опять Никита Михайловичъ; говорили о дѣлахъ. Гость предлагалъ разныя улучшения, которыя дѣйствительно могли увеличить доходъ съ имѣнія Федора Васильевича, и между прочимъ, на землѣ, не приносящей Федору Васильевичу никакого дохода, Никита Михайловичъ предложилъ устроить заводъ.—Онъ рассчитывалъ, что отъ этого доходъ съ имѣнія возвысится до ста тысячъ ассигнаціями.

Федоръ Васильевичъ былъ очень разсѣянъ, однако сумѣлъ притвориться, что мысль о заводѣ вполне его интересуетъ; онъ тоже рассчитывалъ выгоду, уговорилъ Никиту Михайловича взяться за это дѣло, предложилъ ему довольно порядочное жалованье, и десять процентовъ чистой прибыли.—Никита Михайловичъ былъ очень доволенъ.

— Вотъ хорошо, думалъ Федоръ Васильевичъ, когда Никита Михайловичъ уѣхалъ: я боялся издержекъ по этой интригѣ, а она мнѣ принесетъ еще выгоду.—Вотъ какъ надобно обдѣлывать свои дѣла, а не раззоряться на танцовщицъ!

Никита Михайловичъ пріѣхалъ домой, и приказалъ позвать къ себѣ сестру.

— Послушай, Наташа, сказалъ Никита Михайловичъ, когда она пришла: Федоръ Васильевичъ мнѣ человѣкъ нужный; отъ него я на первый разъ получилъ двѣ тысячи серебромъ жалованья, да еще десятый процентъ отъ чистой выгоды. Это будетъ гораздо болѣе, чѣмъ втрое противъ того, что я могъ до-сихъ-поръ зарабатывать. Работы будетъ много, да что жъ дѣлать, совѣстно же деньги даромъ брать, надобно, чтобы я ему доставилъ дѣйствительную выгоду, тогда онъ будетъ охотно платить мнѣ жалованье.—Такъ ты видишь, что онъ намъ очень нужный человѣкъ! Прошу же тебя, моя милая хозяйка, быть къ нему повнимательнѣе! Вчера я ушелъ дѣлать справку и

оставилъ тебя съ нимъ, а ты тоже ушла! Этоу жъ чрезъ-чуръ по пансіонски, это не прилично, не хорошо! Вѣдь не боялась же ты съ нимъ остаться, и я надѣюсь что онъ не сказалъ тебѣ ничего не приличнаго, не оскорбилъ тебя?

Наташа молчала.

— Если онъ тебя оскорбилъ, то ты должна сказать объ этомъ брату, продолжалъ Никита Михайловичъ: мое дѣло отвѣчать на всякую дерзость, тебѣ сказанную.

— Онъ ничего не сказалъ мнѣ, отвѣчала Наташа, раскраснѣвшись. Я ушла только на минуту....

— Я только хотѣлъ сказать это для будущаго; онъ, вѣроятно, часто къ намъ будетъ заѣзжать; онъ очень интересуется заводомъ; такъ ты, если даже случится и безъ меня, умѣй его принять,—отвѣчай вѣжливостію на вѣжливость. Не сердись на меня за мое замѣчаніе, вѣдь ты у меня хозяйка. Я теперь займусь составленіемъ смѣты для устройства завода, и напишу нужныя бумаги! Да прикажи приготовить закусь что-нибудь!

Наташа хотѣла уйти.

— Да вотъ еще что, Наташа, сказалъ Никита Михайловичъ: можетъ-быть Федоръ Васильевичъ какъ-нибудь скажетъ тебѣ комплиментъ, или намекъ сдѣлаетъ, что-нибудь такое,—въ этомъ родѣ,—ты понимаешь меня? Не увлекайся, прошу тебя.—Есть люди, мой другъ, которые цѣлую свѣту говорятъ комплименты и цѣлый свѣтъ увѣряютъ, что они въ него влюблены; смѣшно же имъ вѣрить! Федоръ Васильевичъ впрочемъ человѣкъ холодный, положительный, чисто матеріальный... Вотъ что касается до завода, то,—хоть и тутъ онъ тоже дѣла не понимаетъ, но, по-крайней-мѣрѣ, интересуется имъ; что же касается до нѣжностей, то это не по его части! Женитьба для него тотъ же заводъ, только бы больше доходу давала. Такъ ты, Наташа, пожалуста, не слушай вздору и не думай о вздорѣ. Впрочемъ ты у меня такъ благоразумна, что я вполне въ тебѣ увѣренъ. Больше ничего! Прикажи же давать завтракать.

Федоръ Васильевичъ въ этотъ день былъ очень не въ духѣ. Онъ былъ блѣденъ; можно было подуматъ, не боленъ ли онъ? Совсѣмъ на себя не похожъ былъ

Федоръ Васильевичъ. Куда дѣвались его спокойствіе, его холодность, его насмѣшливость,—куда дѣвался его богатырскій аппетитъ, которымъ бывало онъ хвасталъ. Въ этотъ день онъ не завтракалъ, и забылъ совсѣмъ, что обѣдать пора. Камердинеръ два раза уже показывалъ свой носъ изъ-за дверей, чтобы доложить, что кушать подано, но не смѣлъ войти, видя своего барина, съ самымъ трагическимъ видомъ расхаживающаго по кабинету.

Федоръ Васильевичъ бѣсился на себя. — Ну къ чему мнѣ приходитъ въ голову этотъ вздоръ! говорилъ онъ. А воображеніе,—будто нарочно, чтобы отплатить Федору Васильевичу за то, что онъ всегда смѣялся надъ нимъ,—представляетъ ему хорошенькую Наташу,—рисуетъ передъ нимъ съ удивительною отчетливостію красоту формъ дѣвушки, прелесть ея взгляда.—И Наташа, возсозданная воображеніемъ Федора Васильевича, стоитъ передъ нимъ, на него смотритъ, съ нимъ говоритъ,—мерещится въ глазахъ его, точно тѣнь слѣдитъ за нимъ.... Не правда ли, что воображеніе нарочно сердило Федора Васильевича? И сердился онъ, очень сердился. — Но черезъ минуту забывалъ сердиться, и опять начиналъ думать о той же Наташѣ, и бросался на кушетку, не зная самъ, что дѣлать; то ломалъ что-нибудь отъ скуки, то начиналъ расхаживать чуть не бѣгомъ изъ комнаты въ комнату.

— Вотъ смѣялся надъ дураками, говорилъ Федоръ Васильевичъ: хохоталъ надъ поклонниками, вальхателями, а самъ теперь лучше всѣхъ разыгрываю роль дурака! Что я въ-самомъ-дѣлѣ, влюбился что ли? Пристало ли это мнѣ?... Да и во что влюбиться то? Другое дѣло знаменитость какая-нибудь, а то простая дѣвушка.... Что за сумасшествіе.

Федоръ Васильевичъ схватилъ со стола дорогой флаконъ и бросилъ его объ полъ, чтобъ надъ чѣмъ-нибудь выместить свою досаду.

— Это еще что за новость! вскричалъ онъ. Это что за выходка? Не стоить ли меня въ-самомъ-дѣлѣ въ сумасшедшій домъ посадить.... Думать только объ ней.... какъ у ней падаютъ волосы.... А въ-самомъ-дѣлѣ какъ они выются, будто сами собой; что за чудные волосы! И эта головка, хорошенькая, идеальная, кажется картинкой, вставленной

въ живую раму изъ локоновъ.... И онъ задумался. Образъ дѣвушки рисовался передъ нимъ, кидался ему въ глаза, какъ вчера была она въ черномъ платьѣ, съ распущенными локонами, и взглядомъ, полнымъ огня и вдохновенія. Федоръ Васильевичъ готовъ былъ схватить это видѣніе, такъ оно ярко представлялось въ его глазахъ. Онъ закрылъ глаза.

— Брошу все, уйду, сказалъ онъ, и началъ шагать во всю мочь богатырскую изъ кабинета въ гостиную, изъ гостиной въ пріемную....

— Вотъ вздоръ, за чѣмъ уѣзжать? Я хочу, чтобы она меня любила!... И она меня полюбитъ! Ровко, стыдливо скажетъ она, что любитъ меня! Потомъ взглянетъ на меня ибжно, страстно.... Я расцѣлую ея глазки, хорошенькіе миленькіе глазки, ея шейку, родимое пятнышко на шейкѣ; она будетъ просить меня, умолять.... Это будетъ первый, незнаемый ею трепетъ чувства, это будетъ первый лепетъ любви.... Я взгляну въ ея глаза, они горятъ, они сожгутъ меня, я, кажется, умру отъ восторга!...

— Что за дичь! вдругъ вскричалъ Федоръ Васильевичъ, въ ту минуту, какъ воображеніе рисовало ему картину любви.... И онъ сложилъ пальцы своихъ рукъ, опустил ихъ, и стоялъ.... точно въ такомъ же положеніи, въ какомъ бываетъ сердобольная гувернантка, когда она увидитъ своего воспитанника, въ сотый разъ возобновляющаго свои шалости, не смотря на многочисленныя увѣщанія, на все краснорѣчіе гувернантки, которое пошло на вѣтеръ.

Федоръ Васильевичъ стоялъ также, какъ эта гувернантка, потряхивая своей головой, и съ удивленнымъ видомъ замѣчая, что даже грозный взглядъ его не дѣйствуетъ на него самага.—Вотъ хохотали бы надо мной, если бы меня услышали, сказалъ Федоръ Васильевичъ: да и самъ я хохочу надъ собой! Нельзя не смѣяться. И Федоръ Васильевичъ вдругъ схватилъ себя за волосы.

И точно смѣшино было отчаяніе Федора Васильевича. Смѣшино было взглянуть на его кисло-сладкую фигуру, на его глаза, съ которыми онъ, казалось, не зналъ куда дѣваться, потому-что передъ нимъ ему мерещилась Наташа.

— Пойми, Федоръ Васильевичъ, говорилъ онъ самому се-

бъ: тебѣ говорятъ толкомъ! Слышишь! русскимъ языкомъ тебѣ говорятъ! Она очень хороша, понимаешь, съ тобою соглашаются, но съ ума-то сходить не отъ чего! Положимъ, она тебя полюбитъ! Ну, что-жъ, она полюбитъ тебя, какъ новую игрушку, полюбитъ потому-что она не играла еще въ любовь! А ты, фалалей, началъ толковать о чувствѣ, о неземномъ вдохновеніи, Богъ знаетъ еще о чемъ! На да положимъ, что есть и чувство, и неземное вдохновеніе, и — симпатія душъ что ли? Изъ чего же все-таки бѣситься тутъ? Зачѣмъ изъ себя выходить? Ну, умѣй обворожить, обольстить своимъ умомъ, своею ловкостію, заставь ее забытья, очаруй, увлеку ее, и тогда наслаждайся жизнію, а мечтать о формахъ, да о волосахъ, да о ручкѣ маленькой, нѣжной, да о сладкомъ воркованіи!... Когда она меня полюбитъ, то первое чувство, которое у ней скажется въ груди, которое потомъ захочетъ высказаться, первое признаніе этого чувства, первый лепетъ его, не будетъ ли тоже, что воркованіе голубя?

Федоръ Васильевичъ вдругъ ударилъ себя по лбу.—Этого не доставало! вскрикнулъ онъ. Только не доставало голубка, и тотъ явился на сцену. Не покажутся-ли въ слѣдъ за голубкомъ нѣжная свирѣль, тѣнистая роща, и даже барашекъ.... Барашекъ!

И Федоръ Васильевичъ съ бѣшенствомъ рванулся съ мѣста, ударилъ ногой въ двери и очутился въ столовой.

Столъ былъ накрытъ; камердинеръ давно хлопалъ глазами, ожидая, что наконецъ Федоръ Васильевичъ вспомнитъ, что онъ не обѣдалъ; и только что Федоръ Васильевичъ, вошелъ въ комнату, какъ онъ позвонилъ; обѣдъ явился на столъ.

Федоръ Васильевичъ осмотрѣлся.—Что жъ я до-сихъ-поръ не обѣдаю, подумалъ онъ: или любовь апетитъ отбила! Какой вздоръ? Я просто дурачусь! Не въ самомъ-же дѣлѣ я влюбленъ? Такъ вотъ на зло же, я буду ѣсть, за двоихъ буду ѣсть!.. Съэтими мыслями Федоръ Васильевичъ усѣлся за столъ.

— Скорѣе! крикнулъ онъ, не видя, что передъ нимъ стоитъ чудеснѣйшій майонезъ, и что принесли супъ, который камердинеръ поставилъ уже на столъ, зная, по

опыту, что хорошее блюдо его баринъ всегда очень скоро уничтожаетъ.

Федоръ Васильевичъ, въ разсѣянности, не замѣчая самъ, что дѣлаетъ, взялъ суповую ложку и налилъ горячаго супу прямо въ блюдо майонеза.

— Что это такое? вскричалъ онъ, замѣтивъ свою ошибку, и съ досады толкнулъ суповую чашу; та полетѣла на полъ, и разбилась въ дребезги, а супъ озеромъ разлился по паркету.

Камердинеръ изумленными глазами смотрѣлъ на Федора Васильевича. Тотъ слова не могъ выговорить отъ досады.

— Подавай скорѣе, сказалъ онъ наконецъ. Ему подали соусъ и жаркое.

Федоръ Васильевичъ далъ себѣ слово непремѣнно все съѣсть.—Вѣдь я общалъ ѣсть за двоихъ, сказалъ онъ, и принялся за соусъ.

Надъ каждой ложкой Федоръ Васильевичъ задумывался, обливалъ себѣ платье, или вдругъ начиналъ торопиться, кашлялъ, обжигалъ губы и сердился на самого себя.—Потомъ онъ принялся за жареныхъ рябчиковъ. Ёсть ему вовсе не хотѣлось; но онъ далъ себѣ слово непремѣнно все съѣсть.—Не любовь же у меня апетитъ отбила, говорилъ онъ, и ѣлъ, пыхѣлъ, давился каждымъ кускомъ, а все ѣлъ... Подали желе, онъ и желе сталъ ѣсть вмѣстѣ съ рябчикомъ....

— Да что-жъ я не пью? спросилъ онъ у себя, налилъ стаканъ вина, и позабылъ выпить....

— Нѣтъ, думалъ онъ: это изъ рукъ вонъ! Я, просто, сошелъ съ ума. Поѣду куда-нибудь, нужно разсѣяться! Да куда? Теперь еще рано, семь часовъ, куда теперь поѣдешь? Куда-нибудь! Хотя по улицѣ буду ѣздить! Развѣ къ.... ни за что! Къ ней тоже ни за что не поѣду, сказалъ онъ твердо; потомъ приказалъ заложить коляску, и опять принялся за жаркое, которое, не смотря на всѣ усилія его—рѣшительно не ѣлось.

Принесли кофе. Федоръ Васильевичъ имѣлъ обыкновеніе самъ варить кофе, и теперь ему подали прекрасный, серебряный кофейникъ, подали спиртъ; онъ сталъ наливать спиртъ, обжегся, зажегъ скатерть. Ему стало совѣстно

смотреть на людей своих.—За кого принимают они меня теперь? подумал он: за сумасшедшаго.... Коляску! Скорѣе!

— Куда прикажете? спросил кучеръ, когда Федоръ Васильевичъ усѣлся въ коляску.

— Куда-нибудь, отвѣчалъ тотъ, и сталъ говорить: направо, налево, и самъ не зная какъ, очутился у подъѣзда Никиты Михайловича. Онъ велѣлъ остановиться. Потомъ сказалъ: ни за что! пошелъ дальше, поѣзжай — хоть къ Валевской.... Кучеръ ударилъ, и коляска уѣхала. Федоръ Васильевичъ, долго оглядывался на домъ, въ которомъ жила Наташа.

Наташа его видѣла.—Что это значитъ? думала она.... И она долго смотрѣла на уѣзжающую коляску, видѣла, что и онъ долго смотрѣлъ назадъ.—Неужели?... спросила она себя: нѣтъ, братецъ говорилъ мнѣ, что онъ холодный человекъ!

Задумалась Наташа передъ своею мыслию, которая вдругъ, мгновенно, будто изъ подъ-земли выросла, явилась передъ ея глазами.—Она боялась своей мысли, но все еще смотрѣла на улицу, и думала, не увидитъ ли еще разъ коляску Федора Васильевича.... Онъ вошелъ между тѣмъ въ приемную Валевской, молодой свѣтской дамы, кухни Федора Васильевича, въ семьмъ колѣнѣ.

— А! это вы, мой вѣтренный поклонникъ, сказала Валевская, привѣтливо встрѣчая Федора Васильевича. Наконецъ то вспомнили обо мнѣ! Боже мой, какимъ Манфредомъ вы смотрите, кузень, не больны ли вы?

Федору Васильевичу было очень досадно это замѣчаніе молодой дамы.—На лбу написано, что дуракъ, подумалъ онъ; потомъ засмѣялся и сказалъ себѣ: посмотримъ, что-то она скажетъ!

— Нѣтъ, моя прекрасная кузина, я здоровъ, но лучше если бы я былъ болѣнъ!—Посмѣйтесь надо мной, кузина, я влюбленъ....

— Вы влюблены, весело отвѣчала Валевская: это новость, это очень мило!

— Почему же? спросилъ Федоръ Васильевичъ, усаживаясь на табуретъ подлѣ Валевской: вы мнѣ не вѣрите?

И ему стало грустно, досадно на себя, зачѣмъ онъ сталъ говорить о любви своей.—Но вмѣстѣ, съ тѣмъ, онъ самъ не зналъ почему, ему приятно было говорить о любви.

— Я думаю, трудно и повѣрить, сказала смѣясь Валевская.—Вы влюблены? Въ кого же? Ужъ не въ меня ли?

— Нѣтъ, кузина, теперь не въ васъ!

Валевская не переставала смѣяться.—Вы шутите, по скажите же имя той счастливцы, въ которую вы влюблены?

— Это тайна! задумчиво отвѣчалъ Федоръ Васильевичъ.

— Боже мой, какъ это страшно! Я очень люблю тайны! Но если я угадаю, тогда вы скажете?

— Вамъ нельзя угадать!

— Наина Р....

— Вы хотите спросить, не влюбленъ ли я въ корсетъ Надины,—пощадите! Я увѣренъ, что онъ очень хорошъ!

— Какъ вы злы! Ну такъ вы, вѣрно, любите нашу неизмѣнную покорительницу молодежи В.?

Федоръ Васильевичъ только пожалъ плечами.

— А знаю! Васъ прельстила та пріѣзжая молодая дама. Не знаю откуда она вдругъ явилась. Полина, кажется, ее зовутъ,—она, говорятъ, очень богата.

— Я не такъ бѣденъ, чтобы любить ея богатство!

— Такъ кого же вы любите?

— Я вамъ говорилъ, чтобы вы смѣялись,—смѣйтесь же, я люблю дѣвушку совершенно неизвѣстную, очень миленькую впрочемъ....

— Дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, не правда ли? Бѣденькій, мнѣ жаль васъ!... Чего вы не выдумаете наконецъ? Ужъ не такъ ли вы влюблены въ нее, какъ были влюблены въ меня?

— А что-жъ, право, кузина, я васъ любилъ истинно, да и теперь не шучу!

— Какъ серьезно вы это говорите! Полноте, мы съ вами старые знакомые, и намъ не должно обманывать другъ друга. Вы не можете любить!

— Я и самъ тоже думаю! наивно отвѣчалъ Федоръ Васильевичъ, но послѣ прибавилъ: однако что же дѣлать, когда я дѣйствительно люблю!

— Вы притворяетесь! И къ вамъ совѣтъ это не идетъ.

— Точно я притворюсь, подумалъ Оедоръ Васильевичъ: не влюбился же я въ-самомъ-дѣлѣ, это смѣшно! Я, просто, притворюсь....

Повторяя въ умѣ своею это слово, онъ раскланялся съ Валевакской, и поѣхалъ къ Никитѣ Михайловичу!

— Вѣдь я притворюсь вздыхателемъ, думалъ онъ, а вздыхатели должны стараться каждый день видѣть предметъ своего вздыханія....

Послѣ этого Оедоръ Васильевичъ бывалъ каждый день у Никиты Михайловича; ему, то нужно было узнать о заводѣ, то сообщить новыя предположенія,—предлогамъ конца не было. Вѣдь я притворюсь, повторялъ онъ: я просто хочу увлечь ее, хочу, чтобы она меня полюбила! А если иногда кажется, будто я говорю съ чувствомъ, отъ души, — такъ вѣдь нельзя же, надобно ее увѣрить, будто я дѣйствительно чувствую, иначе она будетъ только бояться меня.... Я хорошо притворюсь, вотъ и все тутъ!... И Оедоръ Васильевичъ ѣздилъ все чаще и чаще....

— Она прекрасная дѣвушка, думалъ онъ.... Неужели она меня любитъ?—Смѣшное предположеніе!... Она еще не любить меня, но я задѣлъ уже ее за чувствительную струну; она увѣрена въ моей любви къ ней, и думаетъ: я покорила этого насмѣшника, этого сердцеѣда;—покуда она только смѣется надо мной, но подожди: въ свою очередь, и мы будемъ смѣяться.... А все—таки она чудная дѣвушка! Братецъ ея конечно нѣсколько медвѣдь, смотритъ изъ подлбья, едва отвѣчаетъ.... Однако онъ мнѣ доставилъ хорошій доходъ. Я хотѣлъ было предложить ему прибавку жалованья, но онъ сухо отказался.... Чудная дѣвушка. Желалъ бы я знать, что она обо мнѣ думаетъ! Я думаю у ней въ маленькой головкѣ хаосъ вопросовъ о томъ, что такое я. Думаетъ, что я въ нее влюбился,—что я смѣюсь надъ нею; потомъ опять думаетъ, что я ее до безумія люблю.... Когда она замечается, то представляетъ меня рыцаремъ чести и любви, а себя прекрасною принцессою, для освобожденія которой рыцарь рѣшается на всѣ подвиги, сражается на турнирахъ, побѣждаетъ чудовищъ, и наконецъ принцесса, въ награду за подвиги рыцаря, даритъ его своей маленькой ручкой, и соединяетъ съ нимъ судьбу свою. — И они оба

счастливы, оба довольны, и оканчиваютъ свои поэтическія выходы самымъ прозаическимъ образомъ. И Наташа, я думаю, представляетъ себѣ, какъ привести дѣло къ извѣстному, благополучному окончанію.... Ошибаетесь, миленькая, мы не хотимъ такого счастья.... Да, очень бы я хотѣлъ узнать, что она обо мнѣ думаетъ?....

IV.

«Знаешь что, милая Катя,—писала Наташа своей подругѣ, хотя письмо ея давно уже превратилось въ журналъ, въ которой она записывала свои мысли и чувства, и который не думала посылать Катеринѣ Александровнѣ:—у него нѣтъ никакого дѣла къ брату! Онъ нарочно выдумалъ, будто у него есть дѣло,—я угадала это съ перваго разу;—не знаю почему, но я прямо угадала, что Оедоръ Васильевичъ нарочно выдумалъ дѣло, чтобы бывать у насъ! Впрочемъ, онъ назначилъ брату большое жалованье, я увѣрена, что братъ заслужилъ это жалованье, и потому молчу, — да и кромѣ того, Катенька, намъ безъ него было бы не чѣмъ жить.... Мнѣ страшно становится, когда я подумаю, что мы теперь совершенно зависимъ отъ него. Не знаю почему, мнѣ это больно!... Вчера онъ первый разъ говорилъ со мной,—мнѣ кажется, что онъ нарочно привезъ брату какую-то бумагу, чтобы остаться со мной вдвоемъ.

Я разливала чай, и хотѣла уйти, когда ушелъ братъ, однако не ушла.... Онъ рассказывалъ мнѣ свою прошлую жизнь, говорилъ, что съ дѣтства не помнитъ ни отца, ни матери, что у него ни сестры не было, ни брата, и что никто никогда не любилъ его въ жизни.... Почему—то мнѣ было жаль его, Катенька! Почему—то мнѣ тяжело было его горе!... Онъ говорилъ, что всѣ его называютъ счастливецомъ, но что это счастье, одинокое, холодное, тяжело ему, что онъ никогда бы не позавидовалъ такому счастью.... Право не знаю, что онъ еще говорилъ, только онъ самъ увлекался своимъ воспоминаніемъ, чувствомъ, и—знаешь Катя, улыбка его, которой я такъ боялась, показалась мнѣ въ эту минуту горькой улыбкой... Не знаю отъ чего, Ка-

тенька, но мнѣ такъ было больно отъ его словъ, такое участіе возбуждали они во мнѣ, что я сама за него страдала...

Онъ шутилъ, предрекалъ мнѣ счастливую жизнь, исполненіе всѣхъ надеждъ, всѣхъ желаній, — зачѣмъ?... Нѣтъ, Катенька, желаю ему всевозможнаго счастья, а мнѣ?... Скажу тебѣ, Катя, что иногда я думаю, будто первый разъ, какъ я почувствую себя совершенно счастливою, я умру! Странно, но мнѣ кажется, что это непременно должно случиться... А впрочемъ, что-жъ такое, если я умру?...

Но мнѣ не хочется умереть, Катенька,—не потому чтобы я боялась смерти, нѣтъ!—вѣдь надобно же когда-нибудь;—но я думаю: за что же мнѣ умереть, когда я такъ мало еще жила, когда я даже не знаю, что хорошаго въ жизни, но я чувствую есть въ ней что-то, что манитъ меня, радуется меня въ будущемъ. Мнѣ кажется непременно должно быть что-нибудь такое,—не правда ли?

Вотъ я и замечталась, а братъ всегда говоритъ, чтобы я не мечтала; можетъ-быть и правъ онъ, потому-что мечтой можно обмануть себя только на минуту!...

Когда братъ пріѣхалъ отъ Федора Васильевича, онъ позвалъ меня, и сказалъ, что Федоръ Васильевичъ далъ ему занятіе, и что, можетъ-быть, самъ часто будетъ къ намъ пріѣзжать.—Послѣ онъ прибавилъ, что Федоръ Васильевичъ человекъ холодный, положительный, и потому, чтобы я не слушала его, если онъ вздумаетъ мнѣ говорить что-нибудь лестное для меня. Я слушала брата, молчала и думала:—отъ чего мнѣ приходитъ въ голову, что Федоръ Васильевичъ добръе, благороднѣе, чѣмъ кажется, чѣмъ говорилъ мнѣ про него братъ. Я думаю, Катенька, что онъ нарочно притворяется холоднымъ, насмѣшливымъ. Впрочемъ, для меня все равно, лучше или хуже Федоръ Васильевичъ того, чѣмъ онъ представляется съ перваго взгляда.

Когда онъ вчера говорилъ, я смотрѣла на него внимательно. Онъ не дуракъ, Катенька! Во-первыхъ, онъ очень строенъ, во-вторыхъ, лицо его очень выразительно,—нельзя сказать, что особенно правильно, но умное лицо; въ глазахъ его сверкаетъ насмѣшка, къ которой онъ привыкъ, а иногда и непритворное чувство, участіе.... Цвѣтъ лица у него очень хорошъ, усы темно-каштановые съ золотымъ

отливомъ, опущены къ низу, и выются. Они очень идутъ къ нему. Волосы у него тоже темно-каштановые, какъ и усы, и онъ носитъ ихъ очень короткіе, но это ничего,—къ нему идутъ такіе волосы, потому-что его лицо, какъ я уже говорила, чрезвычайно выразительно.... Ты не повѣришь, милая Катя, какъ къ нему идутъ эпюлеты,—ты бы стала съ нимъ танцевать, шалунья, онъ бы поправился тебѣ, непременно бы поправился...

Въ разговорѣ со мной Федоръ Васильевичъ былъ очень почтителенъ, вѣжливъ, но.... Я почему то была не спокойна, когда говорила съ нимъ. Право, сама не знаю отъ чего,—но я была въ волненіи. Можетъ-быть потому, что я въ это время вспомнила и свою матушку, и всю жизнь свою, свою горькую жизнь....

Сегодня вечеромъ онъ подѣхалъ къ нашему крыльцу; я, признаюсь, думала, что онъ пріѣдетъ, и потому одѣлась получше, — однако вдругъ онъ поѣхалъ назадъ. Это что значитъ? Правда, онъ пріѣхалъ въ такое время, когда братъ отдыхаетъ, но онъ все-таки могъ войти.... Ты не подумай, Катенька, чтобы я бы хотѣла видѣть его,—для меня все-равно! Братъ самъ велѣлъ мнѣ, чтобы я къ нему выходила, а то удивительно нуженъ мнѣ какой-нибудь Федоръ Васильевичъ!

Не успѣла я дописать послѣднихъ словъ, — онъ опять пріѣхалъ къ намъ. Какъ онъ былъ блѣденъ, Катенька, ты не повѣришь.—Что съ вами, спросила я: вы такъ блѣдны? Ничего, отвѣчалъ онъ, и хотѣлъ смѣяться надъ чѣмъ то, но не могъ.... У него есть что то задумчивое на сердцѣ, не знаю, почему я это думаю, можетъ-быть я ошибаюсь, но мнѣ такъ кажется.... Впрочемъ это вздоръ, ты не слушай меня, Катенька, я сама не знаю, что говорю.... Онъ былъ очень задумчивъ, и очень робокъ; когда увидѣлъ, что я въ новомъ платьѣ, то хотѣлъ сказать мнѣ какой-то комплиментъ, но комплиментъ у него вышелъ пресловккій; онъ очень разбѣялъ, Катенька! Не знаю, почему называютъ его насмѣшливымъ; почему говорятъ, что онъ вообще очень любезнаго и веселаго характера, говорятъ, что въ каждомъ словѣ и пріемѣ его есть пѣкотораго рода рѣзкость, — мнѣ онъ, напротивъ, кажется такимъ тихимъ, робкимъ....

другим? Зачѣмъ, не только скрывать свой поступокъ, но еще хвастать, если не преступленіемъ, то во всякомъ случаѣ непростительною жестокостію? Вѣдь я говорила, Катенька, что онъ странный человѣкъ!...

Федоръ Васильевичъ бываетъ у насъ теперь каждый день и очень неохотно уходитъ, видно ему не скучно у насъ. Иногда бываетъ онъ шутивъ, веселъ. Сколько въ немъ ума, Катенька, сколько соли въ его шуткахъ; иногда онъ невольно заставляетъ смѣяться.... Потомъ, вдругъ замолчить, задумается и глядитъ на меня. Ахъ, Катя, какъ онъ на меня глядитъ! Я всегда краснѣю отъ его взгляда.... Сама не знаю, отъ чего я краснѣю отъ чего я всегда бываю въ волненіи, когда остаюсь съ нимъ; мнѣ бываетъ неловко какъ-то, я бываю глупа очень, не умѣю ни отвѣчать, ни говорить,—путаюсь въ словахъ, будто вовсе говорить не умѣю!.... Иногда мнѣ приходятъ въ голову Богъ знаетъ какія мысли. Иногда вдругъ явится какое-нибудь воспоминаніе, и я увлекусь, забудусь.... Словомъ, при немъ я всегда бываю виѣ себя! Послѣ я вспоминаю, зачѣмъ я то сказала, того не сказала, сержусь на себя, но дѣла уже нельзя поправить.... Ты не подумай однако, Катенька, что мнѣ непріятно бывать съ нимъ — напротивъ! Но мнѣ такъ тяжело, и, право, хоть я, кажется, уже не дитя, а готова заплакать Богъ знаетъ о чемъ....

Сегодня Федоръ Васильевичъ пріѣхалъ къ намъ такимъ грустнымъ, задумчивымъ, разсѣяннымъ, что будь кто-нибудь другой такъ разсѣянъ, я непременно бы расхохоталась, какъ нерѣдко теперь смѣюсь; но надъ нимъ я не могла смѣяться. Мнѣ бы хотѣлось его утѣшить, раздѣлить съ нимъ его горе; хотѣлось, чтобы онъ надѣялся на будущее.... Я, разумѣется, не сказала этого, а право не знаю, почему я этого не сказала.... Онъ взглянулъ на меня, будто хотѣлъ видѣть меня насквозь, — и мнѣ не ловко было, мнѣ было больно! Я чувствовала, что кровь бросается мнѣ въ голову, чувствовала, что сердце въ груди сильно бьется, я дрожала, какъ въ лихорадкѣ... Не знаю отъ чего, Катенька, только я очень боюсь Федора Васильевича...

Братъ что-то все не вдухъ; ты не повѣришь, Катя, какъ

это мучитъ меня! Я бы жизнь свою отдала, чтобы онъ былъ въ духѣ. Онъ подозрительно смотритъ на Федора Васильевича, и сердится—Боже мой, развѣ я виновата, что Федоръ Васильевичъ бываетъ у насъ?

Федоръ Васильевичъ предложилъ брату прибавить жалованья, — братъ ему дѣйствительно доставилъ значительную выгоду. Братъ отказался въ довольно оскорбительныхъ выраженіяхъ. Онъ отвѣчалъ, что его занятія больше не стоятъ, и что Федоръ Васильевичъ напрасно почитаетъ его такимъ нищимъ, что рѣшается предлагать подарки. Федоръ Васильевичъ вспыхнулъ и взглянулъ на меня; я смотрѣла на него умоляющими глазами, и онъ не сказалъ ни слова.

Федоръ Васильевичъ становится все грустнѣе, угрюмѣе, задумчивѣе, я тоже каждый день плачу, сама не зная о чемъ. Мнѣ что-то больно, что-то тошно, Катя, голова моя горитъ, кружится; я чувствую, что я нездорова, что меня мучитъ бессонница, что меня волнуетъ что-то, — бросаю то въ жаръ, то въ холодъ.... Съ Федоромъ Васильевичемъ я боюсь говорить, братъ сердится; Федоръ Васильевичъ тоже такой задумчивый, грустный, блѣдный. Видно, что онъ тоже тоскуетъ.... Я сама не знаю, что сомной...

Какой ужасный характеръ у него, Катенька, какая настойчивость! Я писала къ тебѣ мое длинное письмо, которое ты не увидишь покуда я жива, и которое, можетъ-быть, послѣ моей смерти, напомнитъ тебѣ твою пансіонскую подругу и покажетъ, что хоть я и не отправляла письма, но всегда тебя любила и помнила. Я писала къ тебѣ; онъ вошелъ. Вы сочиняете? спросилъ онъ взглядывая очень подозрительно на письмо.

— Да, письмо къ моей подругѣ по пансіону, отвѣчала я, стараясь разсѣять его мысли.

— Желалъ бы я знать эти тайны, которыя довѣряются только подругамъ, сказалъ онъ. Въ эту минуту я почувствовала всю силу его ироніи, которую умѣлъ онъ придать своимъ словамъ, голосомъ, взглядомъ, выраженіемъ....

— Здѣсь нѣтъ никакихъ тайнъ, отвѣчала я.

— Я вамъ докажу, что есть. Если я подойду къ вамъ на одинъ шагъ, вы непременно закроете письмо! сказалъ

онъ. Глаза его сверкали, и онъ дѣйствительно сдѣлалъ шагъ, какъ бы желая взглянуть на письмо.

И точно, я инстинктивно закрыла письмо. Подумай, Катя, а вѣдь сейчасъ только писала о немъ.

Не умѣю рассказать тебѣ, что съ нимъ сдѣлалось; я думала, что онъ упадетъ въ обморокъ.

Онъ поблѣднѣлъ; губы его задрожали, онъ сжалъ ручку кресель; думаю, что ему стоило большихъ усилій, чтобы не взломать ихъ.

Я испугалась.

— Это письмо... сказалъ онъ, задыхаясь: это письмо не къ подругѣ!

— Къ кому же? спросила я, обиженная его замѣчаніемъ.

— Если къ подругѣ, скоро сказалъ Федоръ Васильевичъ, покажите начало? Федоръ Васильевичъ, кажется, готовъ былъ выхватить у меня письмо.

Я сама упряма; не покажу же! думала я; мнѣ было досадно, что онъ сомнѣвается въ моихъ словахъ.

— Зачѣмъ вамъ? спросила я.

— И точно, зачѣмъ мнѣ? Какое я имѣю право васъ спрашивать, — я сумашедшій! Къ кому бы вы ни писали мнѣ все-равно! И онъ засмѣялся горькимъ, оскорбительнымъ смѣхомъ. — Простите меня, Наталья Михайловна.

Онъ опустился на стулъ и почти не помнилъ самъ себя.

Мнѣ стало его жаль; не понимаю, отъ чего я не могла выдержать! Когда я увидѣла его блѣдныя губы, взглянула на его глаза, полные отчаянія, сама не знаю, что сдѣлалось со мной! Невольно, безотчетно я схватила первый листъ письма, но счастію онъ былъ тутъ, — и подала Федору Васильевичу.

Онъ взглянулъ на первыя строки и молчалъ нѣсколько минутъ; потомъ сказалъ: простите ли вы сумасшедшаго, Наталья Михайловна? и онъ улыбулся уже покойно.... И онъ сталъ меня умолять, чтобы я его простила... Какъ онъ умолялъ меня!...

... Катя, милая Катя! Пожалѣй обо мнѣ! Я не знаю, что со мной сдѣлалось! Не знаю, я ли пишу къ тебѣ, — твоя Nathalie, или другая заступила мое мѣсто? Жива ли я еще, милая Катя?... Голова моя кружится, кровь кипитъ,

въ глазахъ темно, что я? гдѣ я?—Научи меня, Катенька, что дѣлать? Я люблю его, безмѣрно, безпредѣльно люблю; онъ для меня все въ мірѣ, я живу для него!...

Я забыла и матушку, которая меня такъ любила, забыла и брата, я все забыла!... Катя, милая Катя, я съ ума сошла,—пожалѣй обо мнѣ!...

И онъ меня любить, также любитъ, какъ я люблю; я вижу въ глазахъ его, въ словѣ, въ мысли, вездѣ любовь его ко мнѣ. Онъ самъ не вѣритъ себѣ, что любитъ, боится подумать... и я не вѣрила себѣ, но что же дѣлать, когда полюбила. И онъ любитъ!... Ахъ, Катя, какъ я счастлива!... Нѣтъ! Счастіе не для меня, моя Катенька. Я никогда не скажу ему, что люблю, никогда, — ни за что въ мірѣ! Послушай! Однажды къ намъ входитъ Федоръ Васильевичъ. Я была одна. Онъ былъ въ особенно насмѣшливомъ расположеніи духа; онъ сталъ смѣяться и надъ грязью, потому-что на улицѣ было дѣйствительно грязно, и надъ пѣшеходами, которые проходили мимо нашихъ оконъ, и—это его любимыи конекъ, Катенька,—надъ женщинами. Чувства дѣвушки, жизнь женщины, занятія ихъ,—все онъ разбиралъ, надо всемъ смѣялся. Я отвѣчала, какъ умѣла, защищая и себя и всѣхъ дѣвушекъ отъ его нападеній.

Вдругъ онъ сказалъ мнѣ:

— Наталья Михайловна, я говорю правду; если я захочу, у меня непременно будетъ хорошенькая жена!

— Вы такъ утвердительно говорите это! сказала я. Мнѣ были такъ досадны слова его, что я покраснѣла.

— И не только хорошенькая, продолжалъ онъ, будто ему весело было меня мучить; не удивительно найти хорошенькую куклу,—но я могу жениться на дѣвушкѣ съ чувствомъ, съ душой, съ умомъ — на красавицѣ въ полномъ смыслѣ этого слова. Я говорю это такъ утвердительно!

Федоръ Васильевичъ сказалъ это такъ спокойно, что будто это въ-самомъ-дѣлѣ непременно должно было случиться.

— Почему же вы въ этомъ увѣрены? спросила я. Ты не повѣришь, Катя, какъ меня обижало каждое его слово; не повѣришь, что я въ эту минуту перенесла, что перечувствовала...

— Почему? спрашиваете вы, отвѣчалъ онъ, да потому, что по словамъ вашего брата, продавши свое имѣніе, я всегда могу получить за него милліонъ....

Я невольно вскочила со стула...—Вы видите, продолжалъ Федоръ Васильевичъ, какъ будто онъ говорилъ что—нибудь очень обыкновенное: что хоть я не такъ богатъ, чтобы могъ себя назвать богачомъ вполне, однакожъ....

— И вы надѣетесь купить себѣ невѣсту милліономъ? спросила я въ волненіи. У меня слезы были на глазахъ, Катенька, когда я говорила это! Я была виѣ себя! Меня такъ укололо слово милліонъ, такъ оскорбило, что я готова была презирать въ эту минуту Федора Васильевича.

— Оно не то, что купить, отвѣчалъ Федоръ Васильевичъ, раздумывая: впрочемъ, если хотите... Я могу встрѣтить дѣвушку, бѣдную, которая мнѣ понравится, и дѣвушку—какъ я уже говорилъ вамъ, съ умомъ, съ душой, съ чувствомъ,— дѣвушку увлекательную, которая стоитъ любви, стоитъ обожанія,—и она за меня выйдетъ, хотя бы вовсе не любила меня, собственно потому выйдетъ, что у меня есть милліонъ.

И Федоръ Васильевичъ смотрѣлъ на меня насмѣшливо, и иронически улыбался.

Мнѣ стало холодно отъ этой улыбки, меня язвило каждое слово его, и я не знала, что отвѣчать... Въ груди своей я чувствовала оскорбленіе, презрѣніе ко мнѣ, брошенное мнѣ человѣкомъ, котораго я любила. Боже мой, за что онъ меня хотѣлъ оскорбить, что я ему сдѣлала? Что онъ хотѣлъ сказать этими ужасными словами: у меня есть милліонъ!

Катенька, милая Катенька, развѣ можно купить милліонномъ любовью?... А развѣ у дѣвушки чувство нѣтъ? Развѣ она не дорожитъ собой, развѣ она не можетъ ни любить, ни ненавидѣть, иначе какъ за деньги? Развѣ не можетъ она презирать, Катенька? Развѣ только продаютъ себя, когда выходятъ за-мужъ?

Мнѣ бы хотѣлось спросить это у Федора Васильевича; мнѣ бы хотѣлось ему высказать, что тотъ, кто покупаетъ чужое чувство, стоитъ такого же презрѣнія, какъ и та, которая его продаетъ. Притворяется ли она въ дружбѣ, въ

любви ли обманываетъ, она равно стоитъ презрѣнія! Но тотъ, кто знаетъ, что его нелюбятъ, что ненавидятъ его, и кто говоритъ: будь моею, я могу купить тебя!... чего тотъ стоитъ?...

А если его любятъ, не за золото его, но за него самого, за его душу.... нѣтъ, не такъ, не за душу, а за все любить, даже за его недостатки; неужели онъ скажетъ, что эта любовь куплена имъ его деньгами... Боже мой, да зачѣмъ же покупать, когда ему и такъ отдаются, всею душою, всѣмъ сердцемъ всѣмъ желаніемъ....

А если онъ скажетъ, что онъ купилъ это сердце, купилъ душу, что ему отвѣтитъ дѣвушка? Какимъ чувствомъ будутъ полны слова ея?...

Вотъ что-бы хотѣла я отвѣчать ему, Катенька; но я не могла! Мысли тѣснились въ головѣ моей; я горѣла отъ стыда, отъ негодованія, и—молчала.

— А мужчины, сказала наконецъ я, совсѣмъ не думая, что говорю: развѣ не женятся они на дурныхъ собою, только богатыхъ?

— Мужчины, сказалъ онъ: это совсѣмъ другое дѣло! Они женятся на дурныхъ собою, но во-первыхъ, это не такъ связываетъ ихъ, какъ женщину.... Во-вторыхъ, женщина, на взглядъ дурная, бываетъ хороша своею прелестью, своимъ милымъ кокетствомъ,—характеромъ, талантами, однимъ словомъ, чѣмъ бы то ни было, но она насъ увлекаетъ.... А главное, ни одна безобразная женщина, какъ бы она богата ни была, не можетъ сказать, что она непременно найдетъ себѣ мужа, не только что красавца, — красавца пожалуй она еще и найдетъ, — но чтобы у ея мужа былъ умъ, душа, чувство, это наврядъ ли, и даже можно сказать утвердительно, что нѣтъ! Въ этомъ-то и разность между мужчиной и женщиной....

Федоръ Васильевичъ помолчалъ нѣсколько минутъ, и потомъ сталъ говорить почти про себя:

— Впрочемъ я не знаю, должно ли винить за это женщинъ. Онѣ такъ созданы! Въ тяжелую минуту жизни, онѣ могутъ утѣшиться игрушкой; могутъ хладнокровно затанцевать свою страсть, потому-что эта страсть виѣ условій ихъ быта. Онѣ такъ созданы, что могутъ не любя ласкаться,—лас-

кать даже того, кто возбуждаетъ въ нихъ отвращеніе. Это въ ихъ природѣ, и зависитъ отъ ихъ природы, ихъ физической природы!...

— Какъ, вскрикнула я невольно: вы думаете, что женщина не любитъ, а только ласкаетъ, и даже не страдаетъ, притворяясь, что любитъ тѣхъ, которые ей кажутся отвратительными?

— Вы сердитесь, Наталья Михайловна, сказалъ онъ: это лучшее доказательство, что мои замѣчанія вѣрны. Посмотрите только, какая стая дѣвушекъ окружаетъ богатаго жениха; взгляните, сколько стариковъ, уже отжившихъ свой вѣкъ, женятся на молоденькихъ и хорошенькихъ дѣвушкахъ. Выходить ли замужъ столько старухъ? И что-жъ вы думаете:—эти дѣвушки, которыя съ дѣтства думали имѣть своимъ мужемъ идеальное существо, въ родѣ принца Джальмы, и выходя замужъ, разумѣется на перекоръ своему чувству, за шестидесятилѣтняго старика,—очень любить мужей своихъ, или, по-крайней-мѣрѣ, очень искусно показывать, что ихъ любить. Какъ онѣ нѣжны съ ними, угодили, покорны,—особенно въ то время, когда нужно платить по счетамъ въ магазины, или абонироваться на ложу.... Мужчине же, если онъ и обманетъ себя ложнымъ расчетомъ, женится на старухѣ, то сейчасъ же почувствуетъ, что онъ обманулся; сейчасъ же почувствуетъ, что онъ не можетъ ей угождать, не можетъ покорить себя ея безобразію.... Вотъ и разниа между мужчиною и женщиною. Но дѣло не въ томъ. Пускай онѣ притворяются, выпрашиваютъ у мужей больше нарядовъ, больше тряпокъ,—но любятъ ли онѣ хоть когда-нибудь, вотъ вопросъ?

И онъ взглянулъ на меня, будто я должна была отвѣчать на этотъ вопросъ, положилъ локоть свой на спинку кресель, оперся на него, задумался, и ждалъ, что я буду говорить.

Я молчала. Что мнѣ было отвѣчать ему? Невольно краснѣла я передъ его взглядомъ, обращеннымъ на меня въ эту минуту, будто съ укоромъ въ холодности.

Онъ тоже молчалъ; наконецъ я сказала:

— Федоръ Васильевичъ, послушайте, если несчастныя обстоятельства, случай, или даже, какъ вы говорите, при-

рода,—чаще заставляютъ дѣвушку покориться чужой волѣ; то неужели отъ этого дѣвушка меньше чувствуетъ, неужели отъ этого она можетъ меньше любить?... А если есть какое-нибудь чувство въ женщинѣ, то какъ же вы купите это чувство? Развѣ чувство можно купить? Вы купите только притворство, а не чувство, которое женщина счумѣетъ скрыть; но тогда чувство это — будетъ страданіе, ужасное страданіе.

Въ ту минуту, какъ я говорила это, Катенька, мнѣ представлялся каждый изъ невольныхъ порывовъ нашей мечты, нашей радости, нашего чувства, которыми мы утѣшаемъ себя, даже обманываемъ.... А онъ не вѣритъ въ чувство!... Мнѣ представлялась моя невольная, безотчетная любовь къ нему, представлялась его любовь ко мнѣ, истинная любовь, Катенька,—я вѣрю въ его любовь! Всякое его слово, даже язвительное слово сомнѣнія, посвящено любви ко мнѣ. Представлялось мнѣ и то, что долженъ былъ перенести, перечувствовать, онъ со своимъ богатствомъ, со своимъ невѣрующимъ, но въ тоже время благороднымъ и любящимъ сердцемъ. И я угадала, я поняла его сомнѣніе; угадала его желаніе любви за самого себя, а не за богатство, которое у него есть; угадала его желаніе чувства, а не покупной привязанности.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ я убѣдилась, что никогда онъ не повѣритъ чужому чувству; онъ не въ силахъ вѣрить ему.... Богъ знаетъ, Катя, мнѣ кажется, что я понимаю, все это понимаю, только не умѣю выразить. Я думала: онъ не вѣритъ чужому чувству, потому-что не вѣритъ своему....

Потомъ я прибавила, обращаясь къ нему:

— Развѣ дѣвушка не можетъ любить?

— Я не вѣрю въ любовь! отвѣчалъ Федоръ Васильевичъ.

Да! онъ не вѣритъ! Онъ думаетъ, что можетъ купить любовь своимъ миллиономъ.... Вотъ почему, Катенька, ни словомъ, ни взглядомъ, ни звукомъ голоса, я не должна показать, что люблю его.... А я его люблю, безмѣрно, больше жизни своей—люблю!

Но онъ не вызоветъ моего признанія своимъ невѣрующимъ чувствомъ; я не измѣню себя! Я должна себя побѣдить, меня понуждаетъ къ тому моя гордость, чувство

своего достоинства! Пускай я буду страдать, пусть онъ укоряетъ меня въ холодности, но пусть же и не смѣется онъ надъ моимъ невольнымъ чувствомъ, пусть оно не вызоветъ у него улыбку сомнѣнія, и онъ не скажетъ, что купилъ любовь мою....

О! онъ увидитъ, какъ бываетъ сильна твердая воля дѣвушки! Онъ узнаетъ, что слабой дѣвухкѣ Богъ далъ одну силу—переносить и скрывать свои страданія,—скрывать слезу свою, чтобы не смѣялись надъ этой слезой. У меня достанетъ силы.... Я слышу его голосъ, — онъ къ намъ прѣхалъ! Я должна говорить съ нимъ, должна его слушать. О Боже! пошли мнѣ силу, чтобы ни звукомъ голоса, ни взглядомъ, ни волненіемъ души, я не высказала того, что чувствую.... Я въ волненіи, я сама не своя, однако выхожу къ нему. Господи, дай мнѣ силы сохранить себя отъ чувства тревожнаго, отъ чувства, которое я и благословляю, и которымъ страдаю въ одно и тоже время.

Но я хочу ему нравиться. Я хочу, чтобы онъ не стыдился, что выбралъ меня передъ всѣми, кого онъ могъ любить.... Я надѣну черное платье. Первый разъ онъ меня видѣлъ въ черномъ платьѣ, и полюбилъ меня.... Я напоми- ну ему эту первую минуту нашего свиданія. Я опущу локоны, онъ хвалилъ ихъ, онъ ихъ любитъ. Я надѣну легкую мантилью, которая не закрывала бы меня; золотую пряжку надѣну на черный поясъ, чтобы онъ однимъ взглядомъ могъ оцѣнить, какъ тонка моя талія. Я надѣну бархатный башмачекъ,—помнишь Катя, мнѣ всѣ завидовали въ пансіонѣ, что у меня маленькая ножка. И я выду къ нему, притворюсь наивной, веселой, легкомысленной, пусть не подумаетъ онъ, что я о немъ думаю, пусть не подумаетъ, что я думаю о его милліонѣ!...

Но я боюсь, Боже мой, чего я боюсь?

Онъ проводилъ брата, спрашиваетъ меня,—иду?... Катенька, милая Катенька! пожалѣй обо мнѣ, помолись за меня!...»

Наташа оставила перо, торопливо распустила свои локоны, надѣла другое платье, взглянула въ зеркало.... Гла-

за ея были увлажнены слезой; она отерла слезы свои, старалась улыбнуться, качнула головкой, и локоны ея заковылялись.... Она надѣла на кушакъ пряжку, — едва не охватила таліи своими маленькими ручками, и невольно любовалась собой въ зеркалѣ, какъ тонка, какъ стройна была она.

— Я должна быть веселой, наивной! сказала Наташа. И съ этой мыслью вошла къ Федору Васильевичу..

Онъ ходилъ по залѣ, и въ нетерпѣніи стучалъ саблей.... Видѣ не влюбился же я въ нее, говорилъ самъ себѣ Федоръ Васильевичъ. Я притворюсь, разумѣется, только притворюсь, страстнымъ, влюбленнымъ,—а она меня любитъ, милая дѣвушка, это я вижу! Ну что-жъ,—слѣдовательно пора! рѣшительно пора! Чего же я думаю? Чего же я боюсь! Я нынче сталъ такъ не ловокъ, такъ глупъ, что себя не узнаю!... Только и дѣла, что вздыхаю, вмѣсто того, чтобы пользоваться случаемъ; вмѣсто того, чтобы дѣло дѣлать, стараться уловить минуту благоприятную, я строю себѣ воздушные замки, пускаю мыльные пузыри.... Однимъ словомъ, Богъ знаетъ что такое дѣлаю. Но сегодня, непременно сегодня!... Она выйдетъ ко мнѣ, въ ея глазкахъ видна будетъ любовь, ея грудь будетъ подниматься отъ страсти. Возбудить эту страсть, развить ее въ ту минуту, какъ я буду говорить съ ней,—мое дѣло! Она теперь вполне сформировалась, поспѣла, какъ персикъ, развѣла, какъ розантъ,—тутъ-то и сорвать розантъ, тутъ-то и съѣсть персикъ.... Она выйдетъ ко мнѣ, робко и страстно посмотритъ на меня, а я—объясненіе! и кончено. Она признается, что меня любитъ, прижметъ къ груди моеи, а я буду цѣловать ея маленькую, крошечную ручку, ея губки, тоненькія, хорошенькія.... Опять замечтался, какъ дуракъ, не могу выгнать себя отъ проклятой страсти заговариваться, когда думаю о ней....

Наташа вошла робко, опустивъ внизъ свои длинныя рѣсницы, и покраснѣвшій отъ взгляда Федора Васильевича.

Но черезъ нѣсколько минутъ она улыбнулась, и подумала: я должна показаться ему веселой, холодной, кокетливой. И она весело взглянула на Федора Васильевича.

Трудно было уловить какое-нибудь горе или чувство въ

ясныхъ, хотя за нѣсколько минутъ передъ этимъ полныхъ слезами глазахъ дѣвушки.

— Здравствуйте, Федоръ Васильевичъ, сказала Наташа: я очень рада, что вы сегодня пріѣхали. Представьте, еще вчера я приготовила ваши книги, и совсѣмъ забыла вамъ ихъ отдать. Садитесь!

Федора Васильевича очень поразила живость Натальи Михайловны, онъ подумалъ: Сегодня она такъ весела! Чтѣ бы это такое было?...

Федоръ Васильевичъ поклонился и проворчалъ что-то сквозь зубы. У него на умѣ были совсѣмъ не книги; онъ думалъ, что Наташѣ будетъ неловко съ нимъ, что она будетъ порываться уйти, что она грустна будетъ; а она весела, какъ бабочка, смотритъ на него, какъ дитя, и усаживаетъ его съ собою на диванъ.

— Вы еще не пили кофе? спросила Наташа. Она знала что Федоръ Васильевичъ, по старинному обычаю, по утрамъ пилъ чай, а кофе за завтракомъ. Еще, кажется, рано! Вы любите кофе? сказала она. Хотите ли я сварю вамъ?

— А вы умѣете варить кофе? спросилъ онъ съ нѣкотораго рода досадою и насмѣшкой.

— Да! отвѣчала Наташа совершенно наивно: братъ очень любить, когда я ему сама готовлю что-нибудь, и я, чтобы ему угодить, выучилась варить кофе!... О чемъ же вы задумались? проговорила она, заставляя себя прямо взглянуть въ угрюмые глаза его.

— Она сегодня совсѣмъ другая, подумалъ Федоръ Васильевичъ. И ему было досадно, обидно, хоть онъ не зналъ отъ чего.

— Вы, Наталья Михайловна, сегодня очень веселы! сказали онъ иронически.

— Да, я весела сегодня, отвѣчала Наташа, затаивая вздохъ въ груди своей: во-первыхъ потому, что братъ мнѣ сказалъ, что его дѣла идутъ хорошо; впрочемъ и не потому даже; иногда бываетъ мнѣ безотчетно весело, или безотчетно грустна; сегодня мнѣ безотчетно весело!... Взгляните, какой прекрасный день, сказала Наташа: скоро весна будетъ, Федоръ Васильевичъ, а я люблю весну!

— Отъ чего же вы любите весну?

— Весной все какъ-то радостнѣе; да и мнѣ веселѣе весной! Братъ ходитъ иногда гулять со мной! Знаете что, угворите брата, чтобы онъ нынче пошелъ со мной въ Лѣтній-садъ?

— Кофе, Лѣтній-садъ.... Не будетъ ли еще новаго платья? Тогда, въ своихъ словахъ вы соберете представителей всѣхъ занятій, всѣхъ первыхъ добродѣтелей современныхъ женщинъ.... насмѣшливо замѣтилъ Федоръ Васильевичъ.

— Какія же тутъ добродѣтели?

— Какія, сказалъ онъ, будто удивляясь вопросу Наташи: хозяйство, разсѣянность и наряды,—чѣмъ же болѣе занимаются женщины? У насъ есть хозяйки, продолжалъ Федоръ Васильевичъ, довольно приторно улыбаясь: есть свѣтскія женщины, есть кокетки..... Наши женщины хотятъ быть всѣмъ этимъ, только, къ-счастью, въ это время забываютъ одно: быть женщинами....

— Вы смѣетесь, Федоръ Васильевичъ, отвѣчала Наташа, сама также засмѣявшись. Будто оттого, что мы мы ходимъ гулять въ Лѣтній-садъ, варимъ кофе, и примѣриваемъ платья, такъ мы ужъ и не женщины?.... Вотъ я такъ же очень люблю новыя платья.

— Нѣтъ, сказалъ Федоръ Васильевичъ, стараясь сохранить всю язвительность сарказма: не то, что онъ тогда не женщины; онъ, напротивъ, въ эти то минуты болѣе женщины, чѣмъ когда-нибудь! Но онъ забываютъ, что мы бы хотѣли въ женахъ нашихъ видѣть не кухарокъ, не ключницъ,—и не львицъ, занятыхъ только впечатлѣніями, которыя онъ на другихъ производитъ. — Разумѣется, мы не хотѣли бы въ нихъ видѣть и куколъ, занятыхъ только тряпками..... Но когда же, помидуйте, тутъ думать о чувствѣ, обязанностяхъ, о мужѣ, о дѣтяхъ, — гарета давно ждетъ, надо въ магазины, выбирать наряды, пора ѣхать съ визитами, въ театръ, на гулянье — хоть въ Лѣтній-садъ пожалуй; тамъ тогъ-то будетъ, его непременно нужно видѣть! Или пора на балъ.... куда-нибудь, только бы не сидѣть дома, съ мужемъ..... А если и останется свободная минута, то надобно приготовиться, одѣться, примѣрить, —

нужно такому-то вскружить голову!... На балъ женщины собираются, какъ на приступъ....

— Не знаю! отвѣчала Наташа, слегка вздохнувъ: я не ѣзжала на балы, а думаю тамъ очень весело! Мнѣ бы хотѣлось когда-нибудь....

— Такъ вотъ вамъ другой идеалъ женщины, продолжалъ Фѳдоръ Васильевичъ, не зная на чемъ выместить свою досаду: жена сама варить кофе, сама стряпаетъ на кухнѣ, сама крахмалить бѣлье; когда же тутъ быть съ мужемъ? Габеръ-супъ убѣжить! Когда заняться дѣтьми? Котлеты пережарятся! За-то мужъ можетъ быть увѣренъ, что ему не подадутъ пережаренныхъ котлетъ!....

— Ну что-жь, все же значить она любить своего мужа! А знаете, Фѳдоръ Васильевичъ, мнѣ весной братецъ всегда дарить нѣсколько птичекъ, — и теперь, я думаю, скоро подарить!

— Зачѣмъ вамъ ихъ?

— Я ихъ выпускаю на волю! Какъ это весело. Я всегда возьму ихъ за попки, птичка испугается, затрепещетъ,—думаетъ, Богъ знаетъ что хотять съ ней сдѣлать,— я вдругъ отпущу! Какъ она обрадуется, бѣдная, — полетитъ, закружится, сама себя не вѣритъ, что она на волѣ...

Фѳдора Васильевича почему-то оскорбилъ этотъ наивный разсказъ Наташи. Ему были досадны ея веселость, игривость; онѣ казались ему насмѣшкой, казались не совместными съ возможностью чувства. Она меня не любить, — подумалъ онъ, и его уколола мысль эта, онъ поблѣднѣлъ, — ему было обидно, грустно.... Онъ такъ любилъ ее, такъ глубоко любилъ, — хоть и отвергалъ въ душѣ своей возможность безпредѣльной и глубокой любви....

— И вы любуетесь, радуетесь, — когда дарите свободу птичкѣ.... вѣдь себя сказалъ Фѳдоръ Васильевичъ! Это совершенно вѣрно! Отъ чего жь?.... вы возвратили птичкѣ свободу, вы правы!.... Что вамъ за дѣло до другихъ, которые жили вами, надѣялись на васъ, все въ мирѣ забывали для васъ.... въ васъ видѣли жизнь свою, свое счастье.... Что вамъ за дѣло до нихъ! Пусть хоть умираютъ они, хоть сходятъ съ ума, — вамъ что за дѣло? Вы выпустили на волю птичку....

Наташа невольно вздрогнула отъ словъ Фѳдора Васильевича; онѣ тронули ея душу, ея чувство.... Но Наташа побѣдила себя; она отвѣчала съ улыбкой:

— Боже мой, какую ужасною вы меня представляете! Отъ меня до-сихъ-поръ никто съ ума еще не сходилъ! Почему же не сдѣлать мнѣ добро, которое я могу?...

На Фѳдора Васильевича нашла минута увлечения.

— Наталья Михайловна, сказалъ онъ: если вы не хотите понять меня, если вы не хотите видѣть, что есть человекъ, который сходитъ съ ума отъ васъ, который живетъ вами, то что мнѣ сказать вамъ?.... Не смѣйтесь! Я самъ надъ собой смѣюсь, — но.... Если въ васъ нѣтъ сочувствія, зачѣмъ же смѣяться надъ чувствомъ?

Наташа задумалась; она готова была умолять его простить ея улыбку; готова была высказать всю силу своего чувства, и подумала: онъ меня любить, безмѣрно любить,— но.... И она глубоко вздохнула.

— Вы жалѣете обо-мнѣ? спросилъ онъ.

Наташа чувствовала, что у нея слезы выступаютъ на рѣсницахъ, что она не въ состояннн выдержать роли; она собрала послѣдннн усилнн своей энергнн,—взглянула на окно, потомъ на стѣну, уронила слезу и потомъ, стараясь не смотрѣть на Фѳдора Васильевича, съ усилннмъ проговорила:

— О чемъ мнѣ жалѣть?

— Боже мой! сказалъ онъ съ непритворнымъ чувствомъ глубокаго огорченнн: вы, кажется, дали себя слово надомной смѣяться!.... Но послушайте: съ первой минуты, какъ я васъ увидѣлъ; съ перваго взгляда,—ни мой умъ, ни душа моя, ни чувство не принадлежали уже мнѣ, они были ваши, Наталья Михайловна!.... потому-что я весь вашъ! Я сошелъ съ ума! Я, — который смѣялся надъ любовью, надъ влюбленными, — хохоталъ до упаду надъ нѣжностями, вздыханннми, — я влюбленъ до безумнн, до самозабвеннн.... И вы смѣетесь надо-мною!.... — Такъ всегда бываетъ впрочемъ: встрѣтивъ любовь жгучую, пламенную, сумасшедшую — хохочутъ надъ этой страстнн, и займутся птичкой, кофе, косыночкой.... Боже мой, да что же мнѣ дѣлать, говорите, что мнѣ дѣлать?

Наташа глотала свои слезы, но чувствовала, что онѣ дуть ея, что онѣ вырываются, и глаза ея невольно наполнились слезами. Она бросилась въ свою комнату, там упала въ кресла, и залилась слезами.

Федоръ Васильевичъ всталъ, изумленный, обезумленный. Его поразили поступокъ Наташи. Какъ, въ ту минуту, когда онъ, казалось, себя бы отдалъ, собой бы пожертвовалъ за одинъ легкій знакъ ея вниманія, она убѣжала отъ него! Да что жъ послѣ того она? Гдѣ же въ ней душа, которую любилъ Федоръ Васильевичъ болѣе, чѣмъ ея формы. Федоръ Васильевичъ безсознательно смотрѣлъ на дверь, за которую Наташа скрылась, и не могъ ни думать, ни говорить.

Потомъ, совершенно отуманенный, и не понимая себя, Федоръ Васильевичъ нетвердыми шагами подошелъ къ двери, отворилъ ее и вошелъ въ комнату Наташи... Наташа плакала. Онъ подошелъ къ ней, взялъ обѣ руки ея, крѣпко прижалъ ихъ къ своимъ губамъ, горячо поцѣловалъ, и сказалъ съ чувствомъ истинной любви и увлеченія: Наташа, ты меня любишь!....

Федоръ Васильевичъ страстно цѣловалъ маленькія ручки дѣвочки.

— Оставьте меня! пролепетала она.

— Наташа, — сказалъ Федоръ Васильевичъ, будто этого слова было довольно, чтобы выразить все въ мірѣ, весь восторгъ, всю любовь его. Ты любишь меня, Наташа? спросилъ онъ еще разъ.

Она не отвѣчала; она чувствовала, что ея головка кружилась, что кровь у нея приливала къ сердцу; въ душѣ своей она ощущала непонятное, болѣзненное страданіе, но страданіе увлекающее.... Она молчала.

— Одно слово, милый ангелъ мой, только одно, ты видишь, — я готовъ плакать, я, мужчина.... Голова моя горитъ.... Я съ ума сошелъ.... Скажи мнѣ только одно слово!.....

Онъ опустился на колѣни передъ креслами, на которыхъ сидѣла Наташа, и цѣловалъ ея руки.

Она молча склонилась головкою на плечо его.

— Наташа, повторилъ Федоръ Васильевичъ: ты любишь меня?

— Къ чему сомнѣніе? прошептала она: твое сомнѣніе убьетъ меня, убьетъ твою Наташу....

Она замолчала; въ ея словахъ было столько любви, столько страстной преданности, столько самоотверженія, что страшно становилось за эту дѣвочку... Черезъ секунду она прибавила, будто было недовольно того, что она сказала: — Да, мой Федоръ, я люблю тебя, какъ ты меня любишь!

Федоръ Васильевичъ былъ вѣ себя. Онъ крѣпко прижалъ Наташу къ своей груди, и страстно поцѣловалъ ея щеку.

Наташа вздрогнула; она мгновенно поблѣла; глазки ея помутнились.... Но она рѣшительно оттолкнула отъ себя Федора Васильевича, и сказала:

— Что вы дѣлаете? Оставьте меня, и она встала съ кресла, на которыхъ сидѣла. Мнѣ душно! я въ лихорадкѣ, оставьте меня.

Федоръ Васильевичъ не могъ оторваться отъ хорошенькой ручки.

Наташа вышла въ залъ.

— Оставьте меня, продолжала она: умоляю васъ! Отдайте мнѣ назадъ мое слово! Я не могу любить!

— Наташа, моя Наташа, — говорилъ Федоръ Васильевичъ, если бы ты знала, какъ я тебя люблю!

— Нѣтъ, отвѣчала Наташа, съ выраженіемъ глубокой грусти: — я не должна, я не могу любить! Я не люблю васъ, я васъ боюсь!.... Вѣдь вы сами же говорили, что дѣвочки не могутъ любить, и я не могу!.... Оставьте меня, — я шутила, я смѣялась.... вѣдь вы же говорили, что женщины всегда шутятъ, — оставьте меня!

Федоръ Васильевичъ мало-по-малу опускалъ ея руки и смотрѣлъ ей въ глаза.

— Нѣтъ, ты не шутила, вѣдь ты любишь меня?

— Уходите, уходите, Боже мой, говорила Наташа, вырывая свои ручки изъ рукъ Федора Васильевича: — сейчасъ придетъ братъ. — Я не могу васъ любить, я вамъ говорю, что я смѣялась надъ вами....

Федоръ Васильевичъ глядѣлъ на нее; глаза его были пол-

ны отчаянія. Ты хочешь, чтобы я съ ума сошелъ, сказалъ онъ.

— Миѣ какое дѣло, Боже мой, какое миѣ дѣло! говорила Наташа, истерически ломая себѣ руки: оставьте меня!

— Боже мой, говорилъ Федоръ Васильевичъ въ отчаяніи; она убьетъ меня!—Зачѣмъ я полюбилъ ее.... Наташа, милая Наташа, пожалѣй обо мнѣ!.....

Наташа молчала.

Онъ долго и пристально смотрѣлъ на нее, потомъ сказалъ съ видомъ холоднаго отчаянія: простите, меня Наталья Михайловна, за поцѣлуй, который я похитилъ у васъ противъ вашей воли. Но вы были такъ хороши тогда!... Простите меня! за этотъ поцѣлуй я заплачу счастьемъ всей моей жизни!.... Федоръ Васильевичъ былъ очень блѣденъ.

Наташа только плакала въ отвѣтъ.

Онъ хотѣлъ идти; но вдругъ бросилъ свою шляпу, сѣлъ подлѣ Наташи, насильно взялъ ея руку, и сказалъ:

— Бѣдная дѣвушка, — она такъ привыкла страдать, что и въ любви видитъ только одно страданіе....

Эти слова, сказанныя отъ всей полноты глубокаго чувства, тронули сердце Наташи. Она, видѣ себя, почти безъ чувствъ, упала на грудь Федора Васильевича.

— Ты любишь меня, Наташа? спросилъ онъ чуть не въ сотый разъ, весь преданный чувству и увлеченію.

— Люблю, противъ воли люблю! чуть слышно отвѣчала Наташа.

Оба молчали. Она сидѣла подлѣ него, положивъ свою голову на его грудь; онъ обнималъ талию дѣвушки, и цѣловалъ ея локоны.

— Наташа, сказалъ онъ, цѣлуя въ сотый разъ ея руку: ты не смѣешься надо мной?

Она подняла свои сверкающіе слезами глаза, посмотрѣла на Федора Васильевича, и ничего не сказала.

— Наташа, милая Наташа, повторялъ онъ: еслибъ я зналъ, что ты искренно, глубоко любишь меня?

— Развѣ можно тебя не любить? тихо и съ убѣжденіемъ отвѣчала она.

— Чудная дѣвушка, говорилъ онъ: въ тебѣ есть душа,

чувство, ты не похожа на другихъ!—Не правда ли, моя милая? ты меня научишь любить.

— Я твоя!

— А если ты смѣешься надо мной? Если ты меня не любишь,—что тогда? Боже мой, тогда что будетъ?...

Наташа молчала, съ грустью смотря на Федора Васильевича; она видѣла въ выраженіи лица борьбу души его.

— Я съ ума схожу отъ этой мысли, Наташа! Я ничему не вѣрю, — не вѣрю даже себѣ!... Боже мой!!!... Но вѣдь ты меня любишь, не правда ли?—вѣдь ты любишь меня?

Въ словахъ его слышалось вся глубина отчаянія; все могущество сомнѣнія, которое терзало его душу.

— Ты миѣ не вѣришь? спросила она, съ невыразимымъ отъѣнкомъ полной, бессознательной преданности, съ чувствомъ страдательнаго ожиданія.

— Увѣрь меня, увѣрь! сказалъ онъ, со всею силою своей сомнѣвающейся, невѣрующей нѣжности.... Спаси меня, научи меня вѣрить.

— Чѣмъ же миѣ увѣрить тебя? сказала дѣвушка, ясными и чистыми глазами смотря въ лицо Федора Васильевича.—У сердца есть свой взглядъ и свой голосъ; если оно тебѣ ничего не говоритъ, то чѣмъ же я увѣрю тебя?

Федоръ Васильевичъ смотрѣлъ въ глаза Наташи, съ выраженіемъ страсти человѣка, который любить до безумія.

— Наташа, прошептала, онъ бессознательно; — поцѣлуй меня!

И онъ страстно сжималъ въ своихъ рукахъ ручку Наташи.—Дай миѣ поцѣловать глазки твои, прибавилъ онъ.

— Нѣтъ! стыдливо и робко отвѣчала дѣвушка, между тѣмъ какъ щеки ея горѣли, грудь невольно волновалась: зачѣмъ, оставь меня! Я тебя люблю, но оставь же меня.

Въ звукѣ голоса, въ словахъ Наташи, въ ея робкомъ, стыдливомъ взглядѣ, слышалась вся ея любовь, вся ея страсть, безнадежная, безотчетная, страдательная.

Но она постаралась освободиться отъ Федора Васильевича, который хотѣлъ притянуть ее къ себѣ.

— Оставь меня, шептала дѣвушка, съ мольбою взглядывая на него.

Онъ вспыхнулъ. — Его сомнѣніе, его иронія мгновенно

имъ овладѣли; отвѣтъ Наташи ему показался жеманствомъ, рассчитанною холодностію. Онъ судорожно сжалъ ручку кресель, будто хотѣлъ на нихъ выместить силу своего гнѣва.

— Такъ вотъ любовь твоя, Наташа! сказалъ онъ съ ѣдкою и желчью: вотъ какъ доказываютъ любовь! А я, сумасшедшій, думалъ, — самому смѣшно! — думалъ, что меня любятъ истинно, что для меня готовы пожертвовать чѣмъ-нибудь!

Онъ поблѣднѣлъ и весь дрожалъ передъ своимъ сомнѣніемъ, горечью, передъ своей ироніей. Меня цѣловать, продолжалъ онъ не помня себя, какъ куклу, которую бросать завтра, какъ игрушку, а я... плачь же теперь, какъ ребенокъ, который увидѣлъ что, его прекрасные замки, его воздушные сады, — все онъ видѣлъ во снѣ....

И у Федора Васильевича въ-самомъ-дѣлѣ слеза готова была показаться на рѣсенищѣ.

Наташа испугалась этого лихорадочнаго чувства, этой смертельной блѣдности, этой слезы....

— Чтѣ съ тобой? успокойся, милый мой.

— О, я очень спокоенъ, смѣю увѣрить васъ! — отчего мнѣ беспокоиться?... Я встрѣтилъ дѣвушку, мнѣ она показалась совершенствомъ, идеаломъ, а не дѣвушкой, которая старается заманить къ себѣ въ сѣти богатаго жениха....

— Федоръ, лепетала Наташа: я люблю тебя, а ты меня оскорбляешь? Чтѣ я тебѣ сдѣлала?...

— Ровно ничего! Мнѣ показалось, что я встрѣтилъ отрадное явленіе, — существо, способное оцѣнить мою преданность, мою глубокую любовь, существо, которое укрѣпитъ ее силою своей любви; и я полюбилъ это существо со всею безуміемъ страсти, со всею преданностію увлеченія, — полюбилъ, какъ человѣкъ, который никогда, никого въ мірѣ не любилъ.... Я не зналъ ни отца ни матери, въ ней одной, въ ея тепломъ чувствѣ, думалъ я сыскать себѣ отца и мать; въ ея любви ко мнѣ думалъ найти сестру, друга, невѣсту, жену.... И чтѣ же? — Эта истинная любовь, эта безконечная преданность, эта безумная страсть улетѣла, упорхнула мгновенно, испарилась передъ однимъ словомъ, которое я смѣлъ сказать въ порывѣ своего чувства, — и

вмѣсто идеальнаго существа, очутилась передо мною чопорная барышня, очень искусно разыгрывающая свою роль съ выгоднымъ, женихомъ! И послѣ этого мнѣ скажутъ, что я не правъ, когда говорю, что дѣвушки не любятъ, — что онѣ выходятъ только за мужъ, составляютъ партіи, по возможности выгодныя, — А я, дуракъ, семнадцатилѣтній мальчикъ, вздумалъ говорить о чувствѣ, о любви, о преданности, — когда у нашихъ скромницъ въ головѣ только платъ съ померанцовыми цвѣтами....

— Федоръ, чтѣ ты говоришь? Ты оскорбляешь меня каждаымъ словомъ своимъ, жестоко оскорбляешь, — не грѣхъ ли тебѣ?... Наташа снова положила голову свою на плечо его. — Развѣ я виновата, продолжала она: я боюсь, сама не знаю чего боюсь.... Я люблю тебя, Федоръ, но — оставь меня! Я тебя прошу, я тебя умоляю!...

Въ голосѣ Наташи, въ ея взглядѣ было столько робкой, любящей мольбы, столько безотчетнаго страданія страсти, что Федоръ Васильевичъ забылъ все, чтѣ за минуту говорилъ передъ этимъ; онъ обнялъ трепещущую дѣвушку.

Наташа нѣсколько секундъ молчала, будто подавленная силою своего внутренняго ощущенія. — Будто она сказала, съ невыразимымъ отгѣнкомъ искренней сердечной мысли:

— Уйди же, мой Федоръ, умоляю тебя, — если ты меня уважаешь хоть сколько-нибудь, докажи хоть этимъ, что ты любишь меня.

— Одинъ поцѣлуй, — на прощанье, — сказалъ онъ.

— Нѣтъ, я прошу! Ты знаешь, что я не въ силахъ противиться тебѣ, — но ты не повѣришь, какъ меня жгутъ твои поцѣлуи.... Вотъ тебѣ моя рука, прощай. — Не смѣйся, не грѣхъ ли тебѣ смѣяться, когда я плачу, — оставь меня!

Федоръ Васильевичъ опять поблѣднѣлъ; опять сомнѣніе его взволновало. — Онъ схватилъ ея руку и цѣловалъ ее.

— Докажи же и ты, что хоть сколько-нибудь меня-любишь,

— Нѣтъ, отвѣчала она съ судорожнымъ трепетомъ, складывая на груди руки!... уйди, мой милый, прошу тебя! И Наташа съ мольбой смотрѣла въ его глаза.

Этотъ взглядъ робкій, томный, и вмѣстѣ нѣжный, любя-

щій освѣтилъ хаосъ мыслей Федора Васильевича, послалъ ему лучъ надежды, придавъ ему спокойствіе внутренняго счастья.

— Да! я уйду! говорилъ онъ: ты меня любишь, — А завтра, завтра, не такъ ли, не правда ли, завтра?...

— Да, да, завтра!... прощай, сейчасъ пріѣдетъ братъ, уѣзжай же!

Федоръ Васильевичъ совершенно не помнилъ; какъ онъ вышелъ, сѣлъ въ коляску, — и черезъ нѣсколько секундъ коляска скрылась изъ глазъ Наташи. А онъ долго еще смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ она стояла у окна; ему казалось, что онъ ее еще видитъ сквозь двойныя рамы, хоть давно уже нельзя было отличить и маленькаго деревяннаго домика, въ которомъ жила Наташа.

А щечки Наташи горѣли, сердце сильно билось. И она тоже долго смотрѣла влѣдъ за уѣхавшей коляской.

Никита Михайловичъ пріѣхалъ домой.

Онъ вошелъ; зѣвнулъ раза два, какъ человѣкъ, который всю ночь просидѣлъ за работой, — вытянулся, изогнулся, или, какъ говорятъ, потянулся, и спросилъ:

— Что, Наташа, Федоръ Васильевичъ развѣ меня не дождался?

— Нѣтъ, братецъ, отвѣчала Наташа, можетъ-быть, онъ послѣ пріѣдетъ!...

— Ну Богъ съ нимъ, надоѣлъ, какъ горькая рѣдка; только что выгодно, а то смотрѣть на него не могу! Наташа, распорядись-ка закуской, милая!...

Наташа пошла отдать приказанія Улянѣ.

— Бѣдная дѣвушка, думалъ Никита Михайловичъ, въ эти лѣта она должна во всемъ себѣ отказывать. Чувство просится наружу, а она должна убивать чувство свое матеріальнымъ трудомъ. Я подозреваю.... Онъ постоянно старался говорить съ ней! Надобно прекратить это! Лучше умереть съ голоду, чѣмъ позволить смѣяться надъ спокойствіемъ сестры, чѣмъ позволить ей, капля по каплѣ, вливаться въ себя обольстительный ядъ. Онъ не можетъ оцѣнить ее; онъ не пойметъ теплоты ея чувства, ея задушевной преданности.... Онъ будетъ смотрѣть на это дѣло со стороны матеріальнаго расчета.... Я долженъ сохранить спокойствіе мо-

ей сестры, долженъ беречь ее, какъ встарину говорили, отъ дурнаго глаза, а у Федора Васильевича дурной глазъ....

И онъ пошелъ въ кабинетъ и сталъ писать.

Наташа съ безпокойствомъ слѣдила за движеніями брата; она видѣла, что онъ завернулъ въ пакетъ письмо, запечаталъ его, взялъ шляпу и одѣлся....

— Ты вся дрожишь, ты въ лихорадкѣ, сказалъ Никита Михайловичъ, проходя мимо сестры. Ты больна, Наташа, — успокойся другъ мой, ложись въ постель, отдохни!...

Взглядъ, брошенный Наташею на адресъ письма, удостовѣрилъ ее, что письмо было къ Федору Васильевичу.

— Онъ завтра пріѣдетъ, думала Наташа. Но я не выйду къ нему, ни за что не выйду! Я скажу, что меня дома нѣтъ, — что я больна.... Да я и въ-самомъ-дѣлѣ больна.... И точно жемчужные зубки Наташи стучали отъ лихорадочной дрожи. Я очень больна, думала Наташа: я не могу.... я ни за что не выйду!...

V.

Федоръ Васильевичъ, пріѣхавъ отъ Никиты Михайловича, былъ вполне счастливъ. Ему было весело, хорошо! Божій міръ казался ему лучше, прекраснѣе, свѣтлѣе, чѣмъ онъ былъ до-тѣхъ-поръ; петербургскій воздухъ казался ему ароматнымъ; всѣ лица, которыя мелькали передъ глазами, когда онъ ѣхалъ, казались добрыми, благородными, всѣ женщины прекрасными, граціозными.... На душѣ у него было весело, ясно.

Въ груди, въ сердцѣ Федоръ Васильевичъ чувствовалъ то нѣжное, сладкое ощущеніе, которое его волновало, когда онъ былъ съ Наташей, когда ее слушалъ, увлекался ею, и онъ все въ мірѣ забывалъ для Наташи, и даже не сердился на себя, за то, что для нея забываетъ въ мірѣ.

Онъ пріѣхалъ домой и приказалъ говорить всѣмъ безъ исключенія, что его нѣтъ дома. Ему отраднo было оставаться одному, думать о ней, вспоминать каждое слово ея, угадывать мысль и любовь ея къ нему въ каждомъ движеніи.... И не бранилъ себя Федоръ Васильевичъ, не смѣялся надъ собой,

что и онъ мечтаетъ, что и онъ записался въ рядъ вздыхателей—нѣтъ! Ему было такъ весело; мечты такъ увлекали его;—онъ былъ такъ доволенъ собою, такъ счастливъ, душевно счастливъ,—что ему и въ голову не приходило разбирать свои отношенія, свою страсть, или требовать у себя отчета въ стремленіяхъ своихъ.... Ни сомнѣніе въ любви Наташи, ни даже посторонняя идея, не приходили ему въ голову; онъ думалъ о Наташѣ, только о Наташѣ;—она была все для него въ эту минуту, и всего себя онъ отдавалъ ей.

Такъ прошло полчаса.

....Милая дѣвушка, думалъ Федоръ Васильевичъ: она хотѣла притвориться холодной, равнодушной, нечувствительной.... Я чуть съ ума не сошелъ отъ ея притворства, мнѣ такъ грустно, такъ досадно было.... Но за то я оцѣнилъ, сколько энергіи, сколько силы въ ея душѣ, сколько чувства.... А какая она хорошенькая! Чтѣ за идеальная головка! Чтѣ за взглядъ очаровательный! Сколько въ ней гордости, наивной, приличной, благородной гордости!... А ея слова отчаянія.... Сколько любви было въ этихъ словахъ. Она меня любитъ, она меня страстно любитъ!...

Въ эту минуту невольный вопросъ сомнѣнія вдругъ явился, выросъ въ головѣ Федора Васильевича.

— Страстно.... сказалъ онъ: то есть какъ же это страстно?—до самозабвенія, до увлеченія, до самопожертвованія? Замѣть, что она тебѣ, Федоръ Васильевичъ, не подарила ни одного поцѣлуя!... Гдѣ же тутъ страсть до самозабвенія, до увлеченія, — страсть, которая собою жертвуетъ для другаго.... Но она меня любитъ. Это видно въ каждомъ словѣ ея, въ каждомъ взглядѣ.... Такъ! но какъ же она любитъ?—какъ всѣ дѣвушки любятъ своихъ жениховъ! Оно и понятно: какъ не любить имъ какъ не радоваться, что поймали наконецъ человѣка, который на себѣ будетъ выносить всю ихъ мелочность, всю ихъ ничтожность, собою будетъ закрывать всѣ ихъ дурачества!... А я толкую о страсти, о увлеченіи.... Все это такой вздоръ, о которомъ не слѣдуетъ и думать!... Да вѣдь и я въ нее не влюбленъ до страсти, до увлеченія, хоть до такого увлеченія, чтобы на ней жениться! Правда, что я больше ни о чемъ не могу думать,—

что ни сна, ни аппетита нѣтъ; но это понятно! Я занять интригой, я взволнованъ, наконецъ, я не старикъ еще!... Меня, по-неволѣ, радуетъ собственная глупость, собственное увлеченіе. Чтѣ-жъ тутъ удивительнаго? Она милая дѣвушка, увлекла меня,—но гдѣ же тутъ страсть?...

....Я на ней не женюсь, — я не могу жениться на ней! Она мнѣ не партія!... У ней ни состоянія нѣтъ, ни имени, ни связей,—чѣмъ я могу оправдать свою женитьбу въ глазахъ свѣта? Впрочемъ въ глазахъ свѣта я и не хочу ничѣмъ оправдывать, но въ глазахъ людей порядочныхъ, солидныхъ. Скажу съ ума сошелъ, влюбился,—но вѣдь сумасшедшихъ сажаютъ на цѣпь!... Стало-быть я не влюбленъ въ нее до самозабвенія!... А если и не влюбленъ, — и не могу быть влюбленнымъ до такого сумасшествія, почему же я хочу себя увѣрить, что она меня такъ любитъ, зачѣмъ я требую такой любви?... Она любитъ меня, какъ перваго человѣка, который ей попался;—ей, наконецъ, льститъ, что я ею занимаюсь,—но высокога, идеальнаго тутъ ровно ничего нѣтъ, да я не долженъ и требовать! Ей, просто, хочется за мужъ, потому-что ей восемнадцать лѣтъ, скоро девятнадцать будетъ,—а въ эти лѣта дѣвушка особенно способна вѣрить всему, чтѣ ей говоришь, вотъ и все.... И мнѣ она повѣритъ, забудется, непременно забудется.... У меня достанетъ энергіи вскружить ея хорошенькую головку.... Завтра, непременно, заставлю дивно хороша, когда въ тоже время и плачетъ и смѣется! Въ ея улыбка есть неземная доброта, есть чтѣ-то притягивающее, чарующее,—въ слезѣ есть безконечно прекрасное чувство, есть любовь, — есть теплое, задушевное выраженіе ея мысли. И я никогда не разстанусь съ тобой, моя милая, моя несравненная, никогда не отдамъ тебя.... Чтѣ мнѣ до другихъ? Я буду счастливъ,—а тамъ чтѣ скажутъ, я смѣюсь надъ этимъ. Ты моя будешь, и мнѣ больше ничего не нужно,—ничего! Съ тобою счастье мое полнѣе, безъ тебя—я не могу жить!

— Она должна доказать, что любитъ меня, что для меня забываетъ всѣ отношенія, всѣ приличія, которыя такъ пугаютъ женщинъ, и на которыя женщины умѣютъ всегда опираться. Должна доказать, что она забываетъ весь міръ

для меня, что она мнѣ всею жертвуетъ,—всею, чѣмъ только можетъ дѣвушка пожертвовать для любви... безъ разчета, безъ надежды; она должна отдаться мнѣ, безъ границъ, безъ воли... должна забыться для меня. Тогда, я могу жениться на ней; я, по-крайней-мѣрѣ, буду увѣренъ, что моя жертва будетъ отвѣтъ на ея безознательную жертву.... Но развѣ я могу такъ мало уважать будущую жену мою, мою будущую подругу, что предложу ей быть прежде моею любовницей?...

Федоръ Васильевичъ самъ вздрогнулъ отъ новаго прилива противурѣчащихъ мыслей, противоположныхъ ощущеній, которыя волновали его. Онъ не зналъ, что дѣлать, чему вѣрить, что любить въ своей Наташѣ, — чего отъ нея требовать? Требовать ли ея наивной, робкой, но вмѣстѣ и гордой, энергической страсти; или требовать ея забывчивой, страстной, любящей уступчивости.... Федоръ Васильевичъ колебался; онъ то благоговѣлъ передъ мыслию объ обязанностяхъ будущей жены своей, то тосковалъ подъ бременемъ темнаго, тяжелаго сомнѣнія....

Самое убійственное сомнѣние давило все мысли Федора Васильевича, наложило свою печать на каждое изъ его чувствъ. И это сомнѣние его убивало; онъ самъ не зналъ, что ему дѣлать съ своимъ сомнѣниемъ.

Всю ночь Федоръ Васильевичъ не спалъ; онъ не могъ отвести своей мысли отъ безпрестаннаго повторенія себѣ одного и того же: она должна доказать мнѣ силу своей любви, только тогда я могу на ней жениться, — только тогда я буду увѣренъ....

На другой день ему подали письмо отъ Никиты Михайловича.

Никита Михайловичъ писалъ, что, по непредвидимымъ обстоятельствамъ, онъ отказывается отъ занятій по имѣнью и по заводу Федора Васильевича, почему и проситъ его подождать у себя около часу по-полудни, когда онъ привезетъ къ нему все отчеты и бумаги.

— Онъ хочетъ ее у меня вырвать, горячо сказалъ Федоръ Васильевичъ: онъ подозреваетъ, можетъ-быть узналъ, но это ему не удастся.... Въ головѣ его сверкнула мысль, онъ сейчасъ позвонилъ.

— Когда придетъ сюда Никита Михайловичъ, сказать онъ человѣку: сказать, что я сію минуту буду дома, и просить подождать въ столовой,—и тотчасъ же доложить мнѣ, — слышишь! Да нанять сію секунду карету, чтобы она стояла у подъѣзда.

Только что Никита Михайловичъ приѣхалъ, Федоръ Васильевичъ въ наемной каретѣ поѣхалъ къ нему.—Пусть дожидается, думалъ онъ: въ это время все будетъ кончено.

Наташа сидѣла подлѣ окна и съ нетерпѣніемъ ждала Федора Васильевича. Она говорила себѣ: Онъ не придетъ!—потомъ повторяла: а если придетъ, я все-равно не выйду, пусть лучше не приѣзжаетъ. Между-тѣмъ она не отходила отъ окна.

Наташа была очень блѣдна, глазки ея были красны отъ слезъ, потому-что она почти всю ночь плакала; губки горѣли, сама она дрожала, дыханіе ея было не ровно, тяжело, пульсъ бился ускоренно.—Видно было, что она очень больна, но она не отходила отъ окна, смотрѣла на улицу, и ждала Федора Васильевича.

День былъ холодный, сырой, и, не смотря на весну,—падалъ мокроватый снѣгъ, а вѣтеръ чрезвычайно удачно выворачивалъ мужскіе зонтики.

Федоръ Васильевичъ, думая о Наташѣ, подѣхалъ къ дому Никиты Михайловича.—Она видѣла, какъ онъ выходилъ изъ кареты, сильно вздрогнула, ручки ея опустились, въ колѣнахъ она почувствовала слабость; но вдругъ съ какою то лихорадочною энергіею бросилась къ себѣ въ комнату; тамъ была Ульяна.

— Милая Ульянушка, сказала Наташа: приѣхалъ Федоръ Васильевичъ, скажи что меня дома нѣтъ, скажи, что я больна, раздѣта, не могу принять,—что хочешь скажи, только я не могу его видѣть, никакъ не могу!

— Что съ вами, сударыня, спросила Ульяна: посиѣли такъ, и впрямь вы не здоровы?

— Да, я больна, скажи ему это Ульяна.

Ульяна ушла.

Наташа заперла свою комнату на ключъ, будто боялась, что Федоръ Васильевичъ войдетъ насильно, и легла въ по-

стель; но и тут не могла успокоиться. Не зная, что дѣлаетъ, она раздѣлась совѣтъ, сняла даже чулочки, и улеглась, крѣпко заворачиваясь въ одѣяло, такъ что если бы Федоръ Васильевичъ могъ видѣть черезъ двѣ стѣны, такъ и тутъ бы увидѣлъ, что она точно больна. Наташа лежала въ постели, и съ невольною дрожью прислушивалась къ тому, что Федоръ Васильевичъ будетъ говорить.

Онъ вошелъ на лѣстницу, позвонилъ. Вышелъ отворять Иванъ.—Дома Никита Михайловичъ? съ улыбкой спросилъ Федоръ Васильевичъ.

— Никакъ-съ нѣтъ, дома-съ нѣтъ! отвѣчалъ Иванъ, низко кланяясь, потому-что Федоръ Васильевичъ былъ вообще очень щедръ съ людьми Никиты Михайловича.

— А Наталья Михайловна?

Наташа все слышала сквозь нетолстую перегородку; сердце у ней въ эту минуту, какъ говорятъ, *ёкнуло*; она ждала, что скажетъ Иванъ.

— Барышня-съ дома! Пожалуйте-съ! проговорилъ Иванъ, второй разъ низко кланяясь.

Наташа крѣпко прижалась къ подушкѣ, будто эта подушка могла ее спасти отъ самой себя. Головка ея кружилась, она вся горѣла; лицо ея покрылось невольнымъ потомъ. Наташѣ было душно.

Федоръ Васильевичъ вошелъ въ двери.—Здорова Наталья Михайловна? спросилъ онъ у Ивана.

— Слава Богу-съ! здорова! отвѣчалъ Иванъ, кланяясь еще ниже, потому-что почувствовалъ въ рукѣ своей крупную серебряную монету.

Федоръ Васильевичъ думалъ:—не утерпѣть, добѣжить до харчевни,—останется одна Ульяна, ту тоже надо выпроводить, послать за чѣмъ-нибудь....

Съ этими мыслями онъ снялъ шинель, немножко оправился, и хотѣлъ войти; ему заступила дорогу Ульяна,—«Никого дома нѣтъ!» сказала она.

Федоръ Васильевичъ вспыхнулъ.

— Какъ нѣтъ дома! вскричалъ онъ. А Наталья Михайловна?

— Тоже нѣтъ дома!

— Ты съ ума сошла; мнѣ сейчасъ Иванъ сказать, что она дома.

Федоръ Васильевичъ рѣшительно былъ внѣ себя отъ бѣшенства. Это насмѣшка, думалъ онъ!... Мнѣ Иванъ сейчасъ говорилъ.... повторилъ онъ.

— Да онъ не такъ здоровы-съ, отвѣчала Ульяна, въ постелѣ лежать, никого не могутъ принять!...

— Полно такъ ли? прибавилъ Федоръ Васильевичъ, угрозя пальцемъ.—Доложи, что я прошу позволенія ее видѣть!

— Не смѣю беспокоить, онъ въ постелѣ лежать!...

— Да какъ же сію секунду мнѣ Иванъ говорилъ, что она здорова! Хорошо! прекрасно!... Скажи же своей барышнѣ, что я—она можетъ быть въ этомъ совершенно увѣрена—не буду никогда ее беспокоить! Она не увидитъ меня, больше. И не помня себя онъ, бросился вонъ!...

— Шинель забыли, Федоръ Васильевичъ! забыли шинель! кричала Ульяна, и побѣжала догонять его.

Наташа слышала послѣднія слова его. Она вся горѣла, пульсы сильно стучали у нея въ вискахъ, жилки ея, казалось, готовы были лопнуть, потъ лился струей.... Лихорадочно нагнула Наташа на шею большой платокъ, безсознательно повернула ключъ, и совершенно не помня себя, въ однихъ туфляхъ, безъ чулокъ, покрытая только платкомъ, выбѣжала въ переднюю;—дверь отворена, никого нѣтъ! Наташа на крыльцо.

— Федоръ Васильевичъ! шептала Наташа. Но его уже не было. Ульяна не могла догнать его съ шинелью, и зашла въ мелочную лавочку потолковать о новостяхъ; Иванъ, еще прежде, чѣмъ ушелъ гость, пошелъ пропивать данный ему цѣлковый, Наташа одна стояла на лѣстницѣ своего одноэтажнаго, маленькаго домика.

Вѣтеръ разгуживалъ по снѣгамъ, поднимая изъ угловъ кучи сметенной пыли, и запоя мокрымъ снѣгомъ деревянныя ступени лѣстницы; въ снѣгахъ было сыро, холодно, грязно....

Но Наташа ничего не чувствовала; придерживаясь озябшею ручкою за деревянныя перила, она хотѣла было сой-

ти вниз, но не могла, и опустилась на колѣна на первой ступенькѣ. Вѣтеръ дулъ ей въ лицо, въ грудь. Наташа шептала: Федоръ, мой Федоръ!...

А онъ въ это время бѣсился въ своей каретѣ. Онъ и не замѣтилъ, что уѣхалъ безъ шинели.—Пусть, она обманется въ своихъ разсчетахъ! думалъ онъ. Ясно, что она не больна, что она просто, не хотѣла меня видѣть. Послѣ того я знать ее не хочу!... Забду куда-нибудь; надобно успокоиться, надобно дать себѣ отдыхъ.... Федоръ Васильевичъ велѣлъ ѣхать къ Валевской, потомъ опять было повернуть, но подумалъ: или я боюсь куда-нибудь заѣхать, или она меня до того съ ума свела, что я уже ни съ кѣмъ и говорить не могу—вздоръ!... Онъ вышелъ изъ кареты и скоро вѣбжалъ по лѣстницѣ.

— Что съ вами, кузень? спросила Валевская, взглянувъ на отчаянную фигуру Федора Васильевича.

— Не спрашивайте меня, кузина, не спрашивайте! Я вамъ говорилъ, что я боленъ, что я влюбленъ!...

— Вы съ ума сошли, сказала Валевская, и засмѣялась, показывая два ряда жемчужныхъ зубовъ.

— Да, я дѣйствительно сошелъ съ ума, смиренно отвѣчалъ Федоръ Васильевичъ.

— Впрочемъ, ничего! Эта блѣдность, этотъ мафредовскій видъ, очень идутъ къ вамъ, сказала Валевская.

— Не шутите, кузина; уѣбрю васъ, я сумасшедшій!

— Хотите, я васъ вылечу, спросила Валевская, съ улыбкой посмотрѣвъ дѣйствительно на довольно-интересную фюзіонію Федора Васильевича.

— Вы бы обязали меня! отвѣчалъ онъ.

— Хорошо! Вы видите, мой насмѣшливый обожатель, какъ я добра, беру съ васъ лечить; только съ тѣмъ, чтобы слушать меня.

— Развѣ можно не слушать васъ!... Что же вы прикажете мнѣ дѣлать?

— Во-первыхъ, садитесь ко мнѣ поближе.

Валевская указала Федору Васильевичу на кресло подлѣ нея. Онъ сѣлъ, и сказалъ: только предупреждаю васъ, кузина, что я сегодня очень глухъ.

— Хорошо! Теперь скажите, въ кого вы влюбились!

— Ея имя? спросилъ Федоръ Васильевичъ, нѣсколько колеблясь.

— Нѣтъ, до ея имени нѣтъ нужды! Хороша ли она?

— Какъ—не знаю кто.

— Прекрасно! Какія у ней глаза? спросила Валевская, глядя на Федора Васильевича своими черненькими, пламенными глазами.

— Темносиііе, сказалъ онъ: или лучше сказать темно-голубые.

— А вы любите голубые глаза? спросила Валевская, то поднимая, то опускавая внизъ свои рѣсницы.

— Люблю! отвѣчалъ онъ.

— Только голубые?... И Валевская смотрѣла на него съ такимъ выраженіемъ кокетливости, огня, что Федоръ Васильевичъ невольно опустилъ внизъ свои рѣсницы.

— Ну, этого нельзя сказать, отвѣчалъ онъ, улыбувшись. Вы, кузина, сегодня чудно хороши.

Валевская была молодая дама, у нея были черные волосы, черные глаза, ослѣнительная бѣлизна кожи, маленькая, нѣжненькая ручка, и кокетливая граціозность въ каждомъ движеніи.

— У нея хорошенькая рука? спросила Валевская, нарочно, подъ предлогомъ поправить волосы, приподнимая свою руку, такъ что эта ручка у Федора Васильевича сверкала въ глазахъ.

— Очень хороша кузина, такая же, какъ у васъ!

— А у меня хороши руки? спросила Валевская, засмѣявшись.

— Вы обворожительны, кузина, сказалъ Федоръ Васильевичъ.

— Теперь отъ рукъ перейдемъ къ другому, сказала Валевская.—Вы влюблены въ ея глаза?

— Съ вами, кузина, нельзя быть влюбленнымъ ни въ чьи глаза, отвѣчалъ Федоръ Васильевичъ, развеселившись немного.

— Вы засмѣялись, добрый знакъ; значитъ вы начинаете выздоравливать!... Вы у меня обѣдаете?

Федоръ Васильевичъ остался; — потомъ вдругъ вспомнилъ, что его ждетъ Никита Михайловичъ; онъ послалъ до-

мой сказать, что его задержали, что онъ не будетъ, и проситъ Никиту Михайловича его извинить.

Но Никита Михайловичъ давно уже его не дожидался.

Ему показалось обидно дожидаться въ то время; какъ, отказываясь отъ дѣлъ, онъ еще наканунѣ писалъ что будетъ, и просилъ подождать. Зная, что Ѳедоръ Васильевичъ ничѣмъ не занятъ по службѣ, онъ думалъ встрѣтить въ немъ больше вниманія.

Посланный отъ Ѳедора Васильевича еще не приходилъ, а Никита Михайловичъ, разсерженный какъ нельзя болѣе, вернулся домой.

Никита Михайловичъ вошелъ на лѣстницу и наткнулся на Наташу, лежавшую неподвижно на холодной лѣстницѣ.

— Кто тутъ? спросилъ онъ, поднимая сестру свою, и невольно вскрикнулъ: сестра! Наташа, ты? И въ такомъ положеніи,—что это значитъ?

Наташа не могла сказать ни слова.

Никита Михайловичъ привелъ ее въ комнату, посадилъ подлѣ себя.

— Что съ тобой спросилъ онъ, съ удивленіемъ всматриваясь въ синюю и большое лицо сестры. Наташа дрожала, зубы ея стучали одинъ о другой; она была въ лихорадкѣ, глаза ея неестественно сверкали, грудь поднималась.

— Ты больна, Наташа, сказалъ Никита Михайловичъ: отчего? что сдѣлалось? спросилъ онъ съ нетерпѣніемъ. — Говори же!

Наташа плакала....

— Боже мой, вскрикнулъ Никита Михайловичъ съ досадою: что за слезы? Вѣдь ты не дитя, Наташа! Говори, о чемъ ты плачешь?

Наташа прижала свою голову къ груди брата и молчала, стараясь проглотить слезы, стараясь задушить ихъ.

— Это изъ рукъ вонъ! вскричалъ Никита Михайловичъ, выходя изъ себя. — Иванъ! кто тамъ!... Я, Наталья Михайловна, стараюсь доказать вамъ, что стою вашей долбренности, и теперь, въ эту минуту, бросаю все, оставляю работу, которая насъ обезпечила, чтобы только вы были покойны! Я думаю лучше умереть съ голоду,—лучше я пойду въ поденщики, куда угодно пойду, только бы

васъ не подвергать разнымъ толкамъ и пересудамъ,— да насмѣшкѣ и волокитству.... А ты не хочешь довѣрить брату даже причудъ своихъ, даже капризовъ....

— Милый братецъ, едва въ силахъ была пролепетать Наташа.

— Да что тутъ такое было безъ меня? Иванъ! крикнулъ опять Никита Михайловичъ съ досадою.

Въ дверяхъ показалась полу-пьяная фигура Ивана.

— Кто здѣсь былъ? спросилъ у него Никита Михайловичъ.

— Кто былъ-съ? никто-съ не былъ! Али, точно-съ, кажись, что Ѳедоръ Васильевичъ были-съ!...

— Ѳедоръ Васильевичъ! съ удивленіемъ повторилъ Никита Михайловичъ: когда я именно писалъ, чтобы онъ не прѣзжалъ,—что это значитъ?

— Не знаю-съ, а кажись, что были, я такъ и говорю, я говорю, что были.... болталъ Иванъ.

Никита Михайловичъ нахмурилъ брови....—Наташа, что это значитъ?

Наташа, вся синѣлая, обезсиленная, дрожащая, снова упала на грудь брата.

— Братецъ, милый братецъ, вскрикнула она первически, и ея крикъ былъ вопль растерзаннаго сердца, братецъ — я люблю его!... И она прижалась къ брату, будто испугалась сама того, что сказала.

— Ты любишь! горячо спросилъ Никита Михайловичъ. Онъ невольно вздрогнулъ, и готовъ былъ оттолкнуть отъ себя Наташу. Но потомъ ему стало жаль ее, и онъ сказалъ съ иѣжностью: ты любишь, бѣдная.... Онъ прижалъ ее къ своей груди, — и продолжалъ грустно: я тебя предупреждалъ, что онъ человекъ холодный, что его нельзя любить.... Постарайся забыть его, — подумай; въ ту минуту, какъ ты плачешь, дрожишь, больна отъ любви къ нему, онъ, можетъ-быть, смѣется, и не думаетъ о тебѣ.... Онъ слишкомъ самолюбивъ, слишкомъ занятъ собой, своимъ богатствомъ, своимъ свѣтскимъ значеніемъ, чтобы ему о тебѣ думать;—въ его глазахъ мы люди, которымъ онъ можетъ только платить.... Успокойся, Наташа, отдохни! Ты больна, моя милая,—не послать ли за докторомъ?

Наташа отрицательно покачала головой; потомъ собравъ послѣднія силы, отвѣчала брату.

— Онъ любить меня, братецъ, любить! я увѣрена въ любви его, но... да, братецъ, прибавила она потомъ съ глубокимъ вздохомъ: ты правъ, я не должна его любить! Прости меня! Но онъ меня любить, повторила она съ убѣжденіемъ.

— Нѣтъ, Наташа, я виноватъ! Виновъ во всемъ одного себя! Мнѣ не должно было допускать его быть у насъ такъ часто, особливо когда ты одна. Я слишкомъ понадѣялся на твою благоразуміе, я виноватъ!... Говорилъ онъ тебѣ о любви своей?

Наташа покраснѣла и сказала:

— Братецъ, онъ поцѣловалъ меня вчера.

— И.... и не больше? спросилъ Никита Михайловичъ, блѣднѣя и пронизительно взглядывая на сестру.

Наташа откинула назадъ свои волосы и взглянула прямо въ лицо брату. — Что же больше? спросила она съ полнымъ сознаніемъ своей невинности.

— Я виноватъ, моя Наташенька, одинъ я, успокойся! Что же касается до его любви къ тебѣ, не вѣрь ей, мой другъ! Ты думаешь, что онъ груститъ о тебѣ, какъ ты грустишь, и плачетъ, какъ ты плачешь. Полно! повѣрь, что онъ и не думаетъ о тебѣ.

— Нѣтъ, истерически отвѣчала Наташа: онъ меня любитъ! И теперь онъ, вѣрно, тоже тоскуетъ,—увѣрю тебя!... Онъ только не можетъ рѣшиться....

— Въ этомъ легко удостовѣриться.... Улыбна! крикнулъ Никита Михайловичъ.

— Попроси дворника, сказалъ Никита Михайловичъ Улыбнѣ, чтобы онъ сходилъ къ Федору Васильевичу, — я ему дамъ за труды; скажи, чтобы онъ просилъ Федора Васильевича ко мнѣ, и прибавилъ бы, что Наталья Михайловна отъ себя тоже приказала просить! Слышишь? Ступай!

— Ты вся въ огнѣ и дрожишь, Наташа, успокойся, ложись въ постель!...

Наташа дѣйствительно то горѣла, то чувствовала ознобъ.— Она не могла больше сказать ни одного слова, и опустилась въ кресла. Черезъ нѣсколько времени вошелъ дворникъ.

— Ну что? спросилъ Никита Михайловичъ.

— Ихъ дома нѣтъ! Нарочно присылали, чтобы вы ихъ не дожидались; они остались кушать у своей кузины!...

Наташа упала въ обморокъ на грудь брата.

— Безсовѣстный! сказалъ Никита Михайловичъ, отпоясь на рукахъ свою сестру въ ея комнату!...

Федоръ Васильевичъ пріѣхалъ домой поздно вечеромъ; ему сказали, что присылали Никита Михайловичъ, и что Наталья Михайловна особенно приказала просить.... Наташа! вскричалъ онъ: Боже мой, и я не тамъ, не подлѣ нея!... Коляску! коляску!...

— Ужъ теперь поздно, Федоръ Васильевичъ, замѣтилъ камердинеръ: я думаю, что Никита Михайловичъ легли почитать.

— Поздно, спросилъ онъ: который час?

— Четверть втораго! отвѣчалъ камердинеръ, показывая свои часы барину.

Федоръ Васильевичъ стоялъ минуту въ задумчивости.

— Да, теперь поздно, нельзя! — Вездѣ приличія!... Но завтра, завтра!...

Федоръ Васильевичъ всю ночь ходилъ изъ угла въ уголъ.

Чуть свѣтъ онъ былъ у Никиты Михайловича.

Никита Михайловичъ тоже не спалъ всю ночь, у постели больной сестры; пріѣхалъ докторъ, — маленькій старичекъ, съ густыми сѣдыми волосами до самыхъ плечъ. Изъ-подъ сѣдыхъ бровей съ сверкающими глазами докторъ взглянулъ на большую своимъ взглядомъ, пронизательнымъ до того что, казалось, могъ видѣть ее насквозь, взглянулъ и молча покачалъ головой.

— Что, докторъ? спросилъ Никита Михайловичъ, съ напряженіемъ голоса и болью въ груди отъ ожиданія.

— Никто, какъ Богъ, сказалъ докторъ: но не обнадеживай васъ... У нея простудная горячка и воспаленіе въ мозгу. Докторъ прописалъ рецептъ и уѣхалъ.

Федоръ Васильевичъ пріѣхалъ, хотѣлъ позвонить, но дверь была отворена; онъ вошелъ.

Въ залѣ его встрѣтилъ Никита Михайловичъ.

Хозяинъ вспыхнулъ, увидѣвъ гостя.

Федоръ Васильевичъ стоялъ блѣдный, съ посинѣлыми губами, и дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

— Вы, вѣроятно, сдѣлали честь намъ своимъ посѣщеніемъ, чтобы посмѣяться надъ нами, сказалъ Никита Михайловичъ.

Федоръ Васильевичъ перебилъ его, и сказалъ откровенно, благородно:

— Никита Михайловичъ простите меня! Я ее люблю!... Я прѣхалъ просить руки сестры вашей,—руки Наташи.... Не откажите мнѣ, не убейте меня! — отдайте мнѣ Наташу.... Безъ нея я не могу жить!... Умоляю васъ!...

Никита Михайловичъ стоялъ нѣсколько секундъ безмолвно. Онъ никакъ не ожидалъ этого предложенія, и не зналъ, какъ его принять.—Не шутить ли онъ? Или, можетъ-быть, онъ говорить это въ порывѣ восторженности.

— Вы не соглашаетесь, съ отчаяніемъ сказалъ Федоръ Васильевичъ:—вы мнѣ не вѣрите! Боже мой! чѣмъ доказать вамъ мою искренность? Я ее люблю больше всего на свѣтѣ. Отдайте мнѣ ее, —она моя невѣста, отдайте мнѣ мою Наташу!...

— Возьмите, —отвѣчалъ Никита Михайловичъ съ горькимъ сарказмомъ:—полюбуйтесь ею!

И онъ отворилъ двери въ спальню Наташи.

Наташа заснула въ эту минуту; одна ручка ея, открытая до локтя, упала съ кровати и опустилась внизъ, другая лежала надъ ея головой.

Сонъ ея былъ безпокоенъ; Наташа бредила: ты любишь?—говорила она: нѣтъ, ты не любишь, ты не уважаешь меня... И она начинала судорожно повторять любимое ею имя; потомъ вдругъ вздрагивала, или металась, будучи не въ состояніи выносить мучительную, агучую боль горячки.

Волосы ея были въ беспорядкѣ; грудь поднималась отъ неровнаго горячаго дыханія; жилки на открытой ручкѣ то сильно билась, то замирали.

— Наташа, Наташа, другъ мой! вскричалъ Федоръ Васильевичъ, бросился къ ней и упалъ на колѣни передъ ея постелью.

Никита Михайловичъ подошелъ къ нему.

— Вы мнѣ отдасте ее? говорилъ Федоръ Васильевичъ нервно, раздражительно:—Никита Михайловичъ, братъ мой,

вы отдасте мнѣ ее?... Видите я на колѣняхъ прошу у васъ,—отдайте мнѣ мою невѣсту.

— Если она будетъ жива! сухо отвѣчалъ Никита Михайловичъ.

— Она будетъ жива, для моего счастья, для любви моей.

— Я люблю, чтожь дѣлать мнѣ? Я люблю!... шептала Наташа въ бреду; потомъ вдругъ закричала: жгетъ! жгетъ! О, какое мученіе! Федоръ, ты мучишь меня!...

— Наташа, съ отчаяніемъ говорилъ Федоръ Васильевичъ, прислушиваясь къ тяжелому дыханію больной.

— Докторовъ, докторовъ! вдругъ вскричалъ онъ, и разослалъ за всѣми докторами, про которыхъ когда-нибудь слышалъ.

Наташѣ было все хуже и хуже; она бредила: такъ ты меня любишь,—милый Федоръ?... Оставь меня! Я не хочу, ты не уважаешь меня! оставь же, — у меня братъ есть, — ты смѣешься, злой человѣкъ,... а какъ я люблю тебя!... Нѣтъ, не уходи, я люблю тебя, я боюсь тебя! Боже мой, какъ горитъ! горитъ!...

Федоръ Васильевичъ рвалъ на себя волосы; Никита Михайловичъ хладнокровно, но съ глубокой грустью смотрѣлъ на сестру свою. Онъ любилъ Наташу; она была утѣшительницею въ его трудовой, горькой жизни, и теперь... Онъ съ невольнымъ чувствомъ злобы смотрѣлъ на Федора Васильевича; но потомъ думалъ: онъ невиноватъ, онъ любитъ ее больше, чѣмъ я люблю, онъ страдаетъ ея болѣзнію.... Она могла бы быть теперь счастлива.

А Наташѣ было все хуже и хуже; все искусство докторовъ не могло спасти бѣдную; она очень страдала.

Однимъ утромъ, послѣ мучительной агоніи, послѣ жестокихъ припадковъ болѣзни, она опомнилась. Первые слова ея были слова любви къ Федору Васильевичу.—Она нисколько не удивилась, что онъ былъ тутъ, будто это было въ порядкѣ вещей, будто онъ былъ уже объявленъ женихомъ ея.

— Я твоя, Федоръ, твоя,—говорила Наташа: мой другъ, не оставь же меня! Не забудь — я люблю тебя, безумно люблю!...

— Наташа, не вѣста моя!... бормоталъ Ѳеодоръ Васильевичъ, страстно цѣлуя руку дѣвушки.

— А какъ я буду любить тебя, мой Ѳеодоръ! Какъ я буду любить!... И она замолчала, будто истомленная усилившемъ сказать нѣсколько словъ. Потомъ она сказала съ невыразимою нѣжностью:

— А если я умру, ты будешь жалѣть обо мнѣ?

Ѳеодоръ Васильевичъ смотрѣлъ на нее помѣшанными глазами.

— Чтѣ-то Катя теперь, сказала Наташа, думая вслухъ: чтѣ-то она? Хотѣла бы я съ ней хоть разъ увидѣться.... Братецъ, если я умру,—въ ящикѣ туалета лежитъ нѣсколько исписанныхъ листовъ бумаги,—я писала ихъ къ Катѣ,—отправь ихъ, братецъ!... Пускай она знаетъ, что я ее очень любила;—она милая дѣвушка, мы были очень дружны,—пусть и она пожалѣетъ обо мнѣ!...

У Никиты Михайловича не достало духу сказать ничего въ утѣшеніе сестры.

— Ахъ, я бы хотѣла выздоровѣть, сказала Наташа, взглянувъ на Ѳеодора Васильевича.

А онъ не могъ ни говорить, ни двигаться, на лицѣ его выражалась все глубина его любви и грусти.

Ѳеодору Васильевичу принесли письмо, сказали: нужно. Онъ безсознательно распечаталъ письмо, вынулъ розовую записочку, и не читая, выронилъ изъ рукъ, не обращая на нее никакого вниманія. Онъ смотрѣлъ на Наташу.

Никитѣ Михайловичу почти въ тоже время принесли также письмо съ почты.—Это къ тебѣ, Наташа, отъ Катеньки, сказалъ онъ.

— Прочитай братецъ вслухъ; я не могу читать, а отъ него у меня нѣтъ тайнъ, сказала Наташа, подавая Ѳеодору Васильевичу обѣ руки свои.

Онъ горячо, страстно, забывая себя, цѣловалъ исхудалыя ручки дѣвушки.

Никита Михайловичъ читалъ письмо. Наташа слушала.

«Милая Наташа, писала Катенька:—ты не отвѣчала мнѣ, Богъ съ тобой. Впрочемъ, можетъ-быть, ты и не получала моихъ писемъ, я не знала хорошо твоего адреса; только недавно я узнала, что ты живешь въ Петербургѣ, у брата,

и пишу.—Не ужели ты забыла меня, Наташа? Спѣшу тебѣ увѣдомить, что я выхожу за мужъ.—Степанъ Васильевичъ, мой женихъ, человекъ очень хорошій, папà его очень хвалить;—мнѣ казалось, что онъ немощко, какъ бы сказать, страненъ,—всѣ погой шаркаетъ, но за то онъ очень богатъ. Разумѣется онъ не молодецъ, но подумай, что у него больше двухъ тысячъ душъ, и я надѣюсь, что онъ въ Петербургъ поѣдетъ, и Полина не будетъ передо мной гордиться, что у нея одинъ браслетъ стѣитъ тысячу рублей.... Да и кромѣ того надобно же о себѣ подумать;—намъ съ тобой скоро девятнадцать лѣтъ, мнѣтъ двадцать, пожалуй старой дѣвой назовутъ! У него есть сынъ отъ первой жены, да мнѣ чтѣ,—у сына есть свое состояніе. Степанъ Васильевичъ былъ женатъ на богатой.... Теперь я въ большихъ хлопотахъ, шьютъ приданое;—Степанъ Васильевичъ хочетъ, чтобы все хорошо было,—никакъ не хуже, чѣмъ у Полины; пускай она хвастается своимъ княземъ,—я знаю навѣрно, что они получаютъ не больше тридцати тысячъ.... Я очень рада, что буду богаче.... Ты не повѣришь, мон ange, какъ мнѣ теперь весело,—танцуемъ каждый день; все мнѣ завидуютъ, все говорятъ: счастливица, — стараются разстроить нашу свадьбу, но Степанъ Васильевичъ очень любитъ меня, и свадьба будетъ лѣтомъ непременно. Увѣдомь, въ чемъ ты совѣтуешь мнѣ вѣнчаться, и какіе цвѣты надѣть? Одни ли померанцы, или можно прибавить и другихъ, да чтѣ лучше заказать,—бриллиантовый ли уборъ, или золотой съ жемчужомъ; также посоветуй на счетъ платьевъ! Для выѣзда я хочу шить розовое и голубое, хорошо ли это? потомъ три бархатныхъ, потомъ такое же, какъ у тебя, пу-де-суа, да лѣтнихъ нужно платья четыре сдѣлать. Здѣсь есть премиленькія матеріи, только не знаю, чтѣ выбрать! Увѣдомь, гдѣ ты заказываешь бѣлье? Хотя папа и увѣряетъ, что это лишнее, но Степанъ Васильевичъ непременно хочетъ, чтобы у меня было прекрасное бѣлье, и я очень рада,—у Полины бѣлье было превосходное.... Женихъ мой недавно подарилъ мнѣ шаль,—предѣсть! Ахъ мой ange, ты не повѣришь, какъ я счастлива!... Много бы нужно къ тебѣ писать, но онъ пріѣхалъ, бѣгу! Вѣрно, онъ чтѣ-нибудь мнѣ еще привезъ, онъ почти никогда не пріѣзжаетъ безъ того, чтобы не привезти чего-ни-

будь; нужно его встрѣтить. Прощай! Увѣдомь меня, о чемъ я просила, и не забудь свою

Катишь.

Когда Никита Михайловичъ окончилъ письмо, Наташа нѣсколько секундъ молчала; она задумалась; потомъ вздохнула и сказала: Нѣтъ, братецъ, не посылай моихъ писемъ къ Катенькѣ, она не пойметъ ихъ; она другая стала, или, можетъ-быть, я стала другая!... И она еще разъ глубоко вздохнула. Федоръ, другъ мой, ты одинъ поймешь меня!...

Федоръ Васильевичъ цѣловалъ ея руки.

— Катенька будетъ теперь богата,—сказала Наташа: она будетъ блестять,—она всегда любила блескъ;—я бѣдна, но, другъ мой, ты не разлюбишь меня за то, что я бѣдна? Скажи, ты не разлюбишь меня? Вѣдь я тебя люблю, а не богатство твое; ничѣмъ не дари меня—я тебя прошу!... Женить Катеньку богаты, и она богата будетъ, но—другъ мой, ни души, ни любви не купишь миллиономъ....

Съ этимъ словомъ Наташа хотѣла приподняться на подушкѣ, хотѣла еще что-то сказать, но не могла.—Головка ея упала на плечо, и она, обезсиленная, изнуренная, закрыла глаза свои, будучи не въ состояніи переносить денной свѣтъ.

Никита Михайловичъ опустилъ сторуи.

Наташа слабѣла съ минуты на минуту; горячка замѣнилась въ ней совершеннымъ истощеніемъ физическихъ силъ, она таила; казалась, было видно, какъ съ каждымъ вздохомъ улетала ея жизнь.

Никита Михайловичъ и Федоръ Васильевичъ оба ловили малѣйшее ея движеніе, малѣйшее слово; они прислушивались къ каждому дыханію больной.

Вдругъ Наташа поднялась, сказала нѣсколько словъ о счастьи, которое ее ожидаетъ, когда она выйдетъ замужъ.

Федоръ Васильевичъ плакалъ, какъ ребенокъ.

— Я бѣдна, Федоръ, говорила она: но любви нельзя купить....

Никитѣ Михайловичу сказали, что его спрашиваетъ какой-то чиновникъ. Наташа спросила священника, и не отпустила отъ себя Федора Васильевича.

Никита Михайловичъ вышелъ къ пріѣхавшему чиновнику. Предъ нимъ стоялъ молодой человекъ, очень прилично одѣтый.

— Имѣю удовольствіе говорить съ Никитою Михайловичемъ Понинскимъ? спросилъ чиновникъ.

Никита Михайловичъ поклонился.

— Я пріѣхалъ съ очень приятнымъ для васъ извѣстіемъ! Вашъ батюшка передалъ имѣніе своей второй супругѣ. Въ слѣдствіе прошенія вашего производилось дѣло, изъ котораго видно, что онъ передалъ имѣніе родовое и безъ соблюденія нѣкоторыхъ формъ, условно необходимыхъ для точной передачи имущества; вмѣстѣ съ тѣмъ нашлись доказательства, что передаточный актъ подписанъ вашимъ батюшкою недобровольно, по этому законъ находитъ таковую передачу недействительною, и присуждаетъ возвратитъ вамъ это имѣніе, за исключеніемъ законной части, которая остается во владѣніи вашей мачихи, почему и предписываютъ ввести васъ во владѣніе.

Никита Михайловичъ не нашелся, что отвѣчать на это извѣстіе; онъ только пожалъ руку чиновнику, и какъ сумасшедшій бросился къ сестрѣ.

— Наташа, милая Наташа,—мы теперь богаты; имѣніе нашего батюшки наше; мы можемъ теперь богачами называться. Выздоровливай, Наташа!

Наташа совершенно ослабѣла; священникъ благословилъ ее; она едва могла перекреститься.

Потомъ она обратилась къ брату.—Мы богаты, братецъ, я рада, я очень рада!... Слышишь, Федоръ я богата. Теперь ты повѣришь мнѣ, что я люблю тебя, Федоръ, а не миллионъ твой, не такъ ли? Теперь ты долженъ мнѣ повѣрить!... Любви ничѣмъ нельзя купить!

Федоръ Васильевичъ не могъ говорить; онъ задыхался отъ горести.

Наташа сдѣлала нѣсколько судорожныхъ движеній, ножки ея охолодѣли.... она кончалась.

— Федоръ, мой Федоръ, ты любишь меня? шептала Наташа.... вѣрь любви, мой милый!... вѣрь и моей любви!...

Губки Наташи немножко перекосились; она какъ бы улыбулась довольно весело, и сказала чуть слышно:

— Прощай, братецъ, милый братецъ, — прости Федоръ, прощай мой другъ, — мой Федоръ.... Не забудь меня!... Боже мой, я любила тебя, Федоръ, вѣрь мнѣ, — вѣрь! кто сомнѣвается, тотъ не можетъ любить!...

....Прощай! Я любила тебя.... И слова ея замерли съ послѣднимъ вздохомъ ея.

Никита Михайловичъ упалъ на грудь сестры.

— Моя Наташа, — вскричалъ Федоръ Васильевичъ; невеста моя, другъ мой, я вѣрю, я люблю тебя! Боже мой, да что же ты молчишь?

— Возьмите ее себѣ, Федоръ Васильевичъ! говорилъ Никита Михайловичъ, въ порывѣ безотрадной горести: она теперь ваша!

— Боже мой, говорилъ Федоръ Васильевичъ: хоть одну минуту!... Наташа, скажи мнѣ, ты любила меня; — что же ты не отвѣчаешь? Я плачу, молюсь.... Что съ ней. — Дайте мнѣ умереть вмѣстѣ съ нею!... Она не отвѣчаетъ, молчитъ! Господи!...

Федоръ Васильевичъ упалъ передъ тѣломъ на колѣни и безумно рыдалъ, не помня себя. — Я опять одинъ, въ цѣломъ мѣрѣ одинъ! вскричалъ онъ. Я никогда не услышу ни твоего слова, ни твоего привѣта! Боже мой, Боже мой!...

Безсознательно взялъ онъ руку Наташи, и двигалъ ея, будто хотѣлъ разбудить спящую, потомъ онъ приложилъ ее къ губамъ, и сталъ горячо цѣловать — ручка леденѣла у его губъ.

— Она умерла! вскричалъ Федоръ Васильевичъ. Не я ли убилъ ее своимъ сомнѣніемъ?...

Въ эту минуту взглядъ его упалъ на розовую записочку, которую передъ этимъ онъ бросилъ не читая.

Тамъ было написано лаконически:

«Мой вѣтранный поклонникъ, вѣрно, не забудетъ, что сегодня послѣдній маскарадъ, и что его ждетъ извѣстная ему маска.»

ПЕТРЪ СУХОНИНЪ.

ДОМОРОЩЕННЫЙ ПОЭТЪ.

(ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Въ нашъ анти-поэтический вѣкъ, когда очень умные люди считаютъ поэзію занятіемъ, много что бесполезнымъ, если еще не болѣе, и рѣшительно не понимаютъ, какъ можно — не говоримъ уже восхищаться стихами, но даже просто читать ихъ, — въ это тяжелое для поэтовъ время, — смѣшно и вовсе некстати говорить объ этомъ классѣ двурукихъ (bimanés), который, вѣроятно, будетъ вскорѣ такъ же рѣдко попадаться на земномъ шарѣ, какъ мамонтъ и ихтиозаурусъ. Не смотря на это всеобщее равнодушіе къ поэзи, и даже именно по причинѣ этого равнодушія, мы хотимъ обратить вниманіе читателей на одинъ изъ видовъ этого существа, которое называютъ *поэтомъ*. Мы дѣлаемъ это еще болѣе потому, что, сколько намъ кажется, этотъ видъ, не упоминаемый ни въ одной риторикѣ, былъ совершенно упущенъ изъ виду писателями риторикъ и физиологіей. Въ-самомъ-дѣлѣ, мы встрѣчаемъ описанія поэта восторженнаго, сатирическаго, элегическаго, комическаго, бейрошическаго, народнаго, воевильнаго, поэта à la Пушкинъ, à la Бенедиктовъ, à la Лермонтовъ, наконецъ поэта ни на кого и ни на-что не похожаго; между тѣмъ никто не упоминалъ о поэтѣ, изученіе котораго еще любопытнѣе, который не похожъ ни на одного изъ своихъ собратій, однимъ, словомъ, о поэтѣ *доморощенномъ*. Мы рѣшаемся пополнить этотъ пропускъ въ монографіи поэтовъ, и представить читателямъ

физиологическій и характеристическій очеркъ доморощеннаго поэта, объяснивъ его болѣе собственными произведеніями, нежели разсужденіями объ немъ.

Доморощеннаго поэта не должно сравнивать съ поэтомъ домашнимъ. Между этими двумя видами существуетъ большая разница. Домашній поэтъ принадлежитъ къ одному изъ вышеприведенныхъ нами ряждовъ, и называется домашнимъ, только въ отношеніи къ какому-нибудь кругу или семейству, гдѣ онъ принятъ какъ свой человѣкъ и бываетъ какъ у себя дома. Домашняго поэта обыкновенно считаютъ гениемъ въ своемъ кружку, его превозносятъ, имъ гордятся; но онъ пишетъ во всѣхъ родахъ, или въ одномъ, ему свойственномъ родѣ, и если иногда сочиняетъ посланія и мадригалы къ лицамъ изъ его кружка, то дѣлаетъ это вовсе не какъ должную дань, а скорѣе изъ снисхожденія, и тѣ, кого онъ обезсмертитъ въ своихъ стихотвореніяхъ, считаютъ это особенною честью. Вообще домашній поэтъ въ своемъ кругу играетъ главную роль, и кругъ этотъ существуетъ для него, а не онъ для этого круга.

Доморощенный поэтъ напротивъ возникаетъ изъ среды какого-нибудь одного семейства, совершенно неожиданно, и появленіе его кажется страннымъ даже тѣмъ, которые знали его издѣтства. Особымъ почетомъ онъ никогда и нигдѣ не пользуется: Способность его писать стихи извиняютъ, но не гордятся ею. Сначала даже онъ подвергается гоненіямъ и насмѣшкамъ за то, что пишетъ стишки, покажется какой-нибудь человѣкъ со смысломъ или пользующійся довѣріемъ не найдетъ стишки доморощеннаго поэта очень недурными, особенно если принять въ соображеніе его воспитаніе, болѣею частью весьма не блистательное, и образованность очень ограниченную, при совершенномъ недостаткѣ начитанности. Тогда и родственники доморощеннаго поэта начинаютъ сознаваться въ его существованіи, разсказывать объ немъ своимъ знакомымъ, и даже показывать его произведенія, извиняя ихъ всевозможными средствами, и говоря: конечно, это слабо, неотдѣлано, не соблюдены многія правила; но подумайте, что это написано самоучкою, что человѣкъ этотъ ничего не читалъ, ничего не знаетъ, не имѣетъ никакого образованія. И знакомые съ участіемъ качаютъ головою, и отбѣчаютъ:—

Скажите пожалуста!... Это очень, очень недурно! Особенно для него! Все-таки пріятно имѣть такое дарованіе, все-таки человѣкъ хоть что-нибудь дѣлаетъ. И бѣдный доморощенный поэтъ, слыша такіе отзывы, и краснѣетъ и благодаритъ и радуется, и очень доволенъ тѣмъ, что находятъ недурными его стихи, позабывъ, что для того, чтобы нашли ихъ недурными, снисходительные родственники выставили его совершеннымъ невѣждою.

Доморощенный поэтъ пишетъ всегда въ одномъ родѣ: онъ воспѣваетъ событія и лица своего домашняго круга; кромѣ этого онъ ничего не можетъ, да и не хочетъ знать; всѣ интересы его заключаются въ томъ свѣтѣ, гдѣ онъ живетъ; это его маленькій міръ, вселенная, за предѣлами которой онъ ничего не подозреваетъ. Если ему прикажутъ взять сюжетъ, не похожій на тѣ, которые онъ обыкновенно описываетъ, то онъ приходитъ въ ужасное затрудненіе, и изъ вынужденнаго произведенія выходитъ чистый вздоръ. За то въ своей сферѣ онъ часто возвышается до юмору. Доморощенный поэтъ болѣею частью какой-нибудь бѣдный, дальній родственникъ въ томъ кругу, къ которому онъ принадлежитъ и куда онъ является по всемъ праздникамъ, и въ особенности домашнимъ, пообѣдать и прислужить кому будетъ нужно; съ нимъ не церемонятся, и часто заставляютъ его дѣлать вещи, несвойственныя званію его, какъ поэта. Но онъ нисколько не обижается этимъ, и исполняетъ все, что бы отъ него ни потребовали. Въ тѣ минуты, когда онъ никому не нуженъ, доморощенный поэтъ занимается писаньемъ и переписываньемъ своихъ стиховъ. Онъ не знаетъ никакихъ правилъ просодіи, но стихи у него выходятъ правильны, потому-что у него есть музыкальное ухо. Разумѣется, что стихи его, описывающія происшествія изъ домашняго быта, не могутъ быть интересны для массы читающей публики. Не смотря на это, для полноты нашего физиологическаго очерка, чтобы еще яснѣе обрисовать этотъ замѣчательный типъ, мы приведемъ нѣкоторыя изъ произведеній доморощеннаго поэта.

На Новыхъ-мѣстахъ, гдѣ жила родня его, случился пожаръ; вотъ какъ поэтъ описываетъ это несчастіе;

Расскажу я вамъ въ стихахъ,
Какъ большой случился страхъ,
Всѣхъ несчастіе постигло,
Отъ огня что разъ погибло.

Что спаслось и что сгорѣло:
Тутъ плохое было дѣло; —
Жалко мнѣ тѣхъ бѣдниковъ,
Вдовъ, сиротъ и стариковъ.

И въ сосѣднихъ тамъ домахъ,
Всѣ кричали: ахъ, ахъ, ахъ!
Гдѣ опасно, не опасно,
Выбирались понапрасно.

А любезный нашъ сосѣдь, —
Ему вовсе дѣла нѣтъ,
Ходить съ трубкою въ зубахъ,
И не молвить даже: ахъ!

Лишь хотѣлъ онъ собираться,
Вкругъ пожара прогуляться,
Вдругъ поднялся въ домѣ крикъ,
Что горитъ у нихъ сѣнякъ.

Тутъ ужъ не лизать мутовку,
Схватиться и за голову;
И жена оторопѣла,
Ахнула, на стульѣ сѣла.

Но сказать мы можемъ смѣло,
Принялся сосѣдь за дѣло:
Онъ догадивъ былъ и ловокъ,
Принести велѣлъ верѣвокъ.

Пальцы стоя полизалъ,
И постель тотчасъ связалъ;
Послѣ снялъ и зеркала,
Ихъ оставилъ у стола.

Со столовъ снялъ двѣ салфетки,
Завязалъ въ нихъ птицу въ нѣвѣтъ,
Началъ свертывать и чашки
Въ полотенца и рубашки.

Со стола согналъ онъ кошку,
Объ полъ брякнулъ купидонку,
Тутъ въ женѣ онъ побѣждалъ,
Чуть въ порогѣ не упалъ.

На него жена вспылала,
Чуть его не разбранила;
Чтожъ, бѣда не велика,
Что пугнули старика.

Онъ пошелъ опять назадъ,
Полобравши свой халатъ,
Завернулъ въ свой уголокъ,
Взялъ и скрипку и смычекъ.

Слышутъ въ комнатѣ угольной
Затянулъ квартетъ амольный;
Тутъ жена къ нему вскочила,
Скрипку чуть не раскромсала.

Хоть кого такъ это взбѣситъ, —
Вѣчно старый куражеситъ!
Правда онъ-таки трухнулъ,
Скрипку тотчасъ завернулъ.

Ставить сталъ цѣфты въ корзину,
Морщась потираетъ спину.
Вотъ ужъ выдался денекъ!
Взялъ корзину, поволокъ.

Прихватилъ еще нашъ модникъ,
Кочергу и сковородникъ,
Это все на дворъ выносить,
Присмотрѣть дѣвчонку проситъ.

Слышит сверху голос важный:
У окна герой отважный
Самъ гитару вытиралъ
Итальянецъ Витиларъ.

— Что куда ты, братъ, собрался?
Иль пожара испугался,
Вѣдь не то, чтобы у бѣга
И отъ насъ еще далеко.

— На грѣхъ мастера вѣдь нѣтъ,
Говоритъ старикъ въ отвѣтъ;
Поневожъ оробѣешь,
Какъ ни гроша не имѣешь.

— Ну, ну полно притворяться!
Сталъ сосѣдъ надъ нимъ смѣяться,
И пока болтали валдоръ
Дровни вѣхали на дворъ.

Всѣ скорѣи засуетились
На возы переносились;
Уложили, увязали,
А что можно въ руки вяли.

— Ну, пошелъ пора, пора,
Поскорѣе со двора!
«Что-же баринъ, какъ цѣной?
Этотъ случай дорогой».

«Ужъ того нашъ братъ и ждетъ,
Гдѣ несчастіе придетъ.»

— Что дерешь ты слишкомъ глотку?
Трехъ-рублевикъ, да на водку.

«Это право вѣдь накладно!
Дѣлать нечего! ужъ ладно.»
Мужики перекрестились;
Съ мѣста тронуться рѣшились.

Мужъ впередъ шелъ съ образами,
Шла кухарка за возами,
Но какъ кой-что набрала,
То впередъ ужъ подрала.

Я бы самъ никакъ не зналъ,
Мнѣ тамъ дворникъ разсказалъ;
Я писалъ не на заказъ,
Лишь бы мнѣ потѣшить васъ.

Какъ видите, происшествіе это весьма обыкновенное, вседневное: старикъ на пожаръ потерялъ голову, засуетился, разбилъ что-то, его разбранили—и онъ пошелъ играть на скрипкѣ,—и все тутъ. Впрочемъ богатыхъ сюжетовъ и не требуютъ отъ доморощенного поэта. Если бы онъ описывалъ великосвятскіе салоны или гуманные предметы, онъ не былъ бы доморощеннымъ поэтомъ. У него все просто и безискусственное, все натурально; поддѣлаться подъ тонъ его стихотвореній очень трудно, потому-что искусственные — онъ будутъ тривіальны. Подражая, трудно сохранить середину между простодушіемъ и пошлостью. Много есть въ этихъ стихахъ такого, что возбудитъ невольную улыбку, но естественность выкупааетъ недостатки ихъ. Мы увѣрены, что читатели наши не будутъ нисколько сомнѣваться въ подлинности приводимыхъ нами стихотвореній.

Вотъ другой эскизъ, описывающій одинъ изъ тѣхъ баловъ, которые бывають иногда въ мелкихъ кружкахъ небогатыхъ частей Петербурга.

Нашъ пріятель какъ-то разъ
Угостить собрался насъ.

Онъ сзывалъ своихъ друзей,
Съ сотню добрую гостей;
Тутъ ужъ онъ не поскупился,
Цѣлый домъ занять рѣшился.
Обо-всемъ самъ хлопоталъ,
Ровно двѣ ночи не спалъ,

И со свѣтомъ поднялся
 Самъ устройствомъ занялся.
 Мальчишкамъ пошли приназы,
 Эй! оставить чуръ проказы,
 Въ городъ вы стрѣлой летите,
 Тамъ провизіи купите.
 Черноглазова Петрушку
 Взять послалъ сельдей кадушку,
 Эй Андрюшка, хватъ лихой,
 Ты пошелъ за калбасой.
 Сенька, что разинулъ пасть,
 Мнѣ купи теленка часть,
 Еще дыню, да арбузъ;
 Ну, бери скорѣй картузъ.
 И бѣгомъ всѣ побѣжали,
 Только пятки засверкали,
 Самъ не сталъ богаты онъ вздоровъ,
 Полетѣлъ собирать танцоровъ,
 Музыкантовъ шугу патовъ —
 Онъ и самъ большой знатокъ,
 Такъ ужъ знаетъ гдѣ набрать,
 Чтобъ ушей не стали драть.
 И провѣдавъ про пирушку,
 Про арбузъ, сельдей кадушку,
 И что будутъ музыканты,
 Появились въ гости франты:
 Были тутъ и иностранцы,
 Турки, Греки и Голландцы,
 И такого я народу
 Рѣдко видывалъ гдѣ съ роду.
 Къ вечеру такъ набралось:
 Жаль мнѣ быть не удалось!
 Мнѣ рассказывалъ пріятель
 Стороны той обыватель,
 Что хояинъ былъ съ запасомъ:
 Вечеръ весь понѣлъ онъ квасомъ.
 И сказать мы можемъ смѣло
 Для друзей пошло все въ дѣло.
 Ту бесѣду удалую
 Угощавъ на прощалую:
 Точно въ маслѣ сырѣ катаяся —
 Только въ карты проиграйся.

Танцовать пошли безъ шутки:
 Заигралъ Кузьма на дуки.
 Первымъ былъ французскій танецъ:
 Въ первой парѣ сталъ Голландецъ.
 Во вторыхъ была мазурка:
 Танцовали Шведъ и Турка.
 Тутъ какой-то вадумалъ бѣсъ,
 Чтобъ съиграли полонезъ.
 Дѣло впрочемъ шло къ развязкѣ,
 Прекратились эти пляски.
 —Пожалуйте, господа,
 Закусите какъ всегда.
 Стали водку подносить,
 Стали къ ужину просить.
 Громко музыка играла;
 Публика пошла изъ зала:
 Былъ въ столовой столъ накрытъ,
 Прежде всѣхъ за столъ сѣлъ жилъ,
 А потомъ кто-гдѣ успѣлъ,
 Хоть на кончикѣ да сѣлъ.
 Ужинъ весь прошелъ прекрасно,
 Лгать ужъ нечего напрасно,
 И послѣднее лишь блюдо
 Было что-то очень худо.
 Страхъ, не вкусно, хотъ красиво,
 Это подлинно ужъ диво,
 И хояинъ огорчился,
 Всталъ со стула не простился.
 Конченъ балъ и концы въ воду.
 Я писалъ не для доходу,
 Но для дружескаго круга
 Вздоръ маралъ въ часы досуга.

Доморощенный поэтъ описываетъ впрочемъ не одни комическія приключенія. У его родственниковъ умираетъ ребенокъ, и поэтъ тотчасъ же описываетъ это происшествіе. Стихи его, правда, не совсѣмъ гармонируютъ съ предметомъ, ими описываемымъ, но замѣчательны именно по этой примѣси безыскусственной простоты къ самому печальному слу-

чаю. Онъ описываетъ впрочемъ не самую смерть, а мелочныя, житейскія хлопоты, которыя слѣдуютъ за этою минутою.

—
 Катя только лишь скончалась,
 Бабушка тутъ заметалась;
 Боже! кончились всё мужи.
 И взяла икону въ руки,
 Катю ей благословила,
 Руки ей крестомъ сложила,
 Плача съѣла на кровать,
 Стала горе горевать:
 — Катя то была трехъ лѣтъ,
 Встанетъ завсегда чуть свѣтъ,
 • Бабушка, пора вставать,
 • Дѣдушкѣ чай наливать. .
 Жизни я своей не рада!
 Ты мнѣ вся была отрада,
 Отжила я красны дни,
 Чтѣ мнѣ будетъ отъ родни!
 Скажутъ, ты же уморила,
 Послѣ бани простудила. .
 И на горестъ эту глядя,
 Обезумѣлъ Катинъ дядя;
 Сбросилъ съ горести своей фракъ,
 Носомъ сунулся въ тюякъ,
 Всѣ коробки покидалъ,
 Во всю спальню зарыдалъ,
 И потомъ когда навылся,
 Въ кухню онъ пошелъ умылся,
 И сказалъ тамъ, словъ не тратя:
 • Прости ангелъ, наша Катя;
 Наша жизнь вся въ рупѣ Божей!

И объ насъ потомъ поплачутъ,
 Въ шесть досокъ когда упрячутъ;
 Правда вѣхать всѣмъ, безъ спору,
 Жаль къ Смоленскому собору,
 Чтѣ же дѣлать — Божья власть
 Въ землю всѣхъ придется склать!

Ужъ такой для всѣхъ удѣлъ;
 Такъ ужъ Богъ кончатъ вѣдѣлъ,
 И за всѣ мірскія штуки
 Кончимъ жизнь, намъ свяжутъ руки. •
 Вася въ утреннемъ нарядѣ
 Побѣжалъ рыдая къ дядѣ;
 На глаза надѣлъ фуражку,
 Полѣтелъ стрѣлой на Пряжку.
 Дома бабушка осталась,
 Катю мыть она собиралась,
 Слышитъ колокольчикъ, день!
 Агаа, слышишь! все здѣсь кинь,
 Кто тамъ? — Я-то-съ Карлъ Кузьмичъ!
 Въ спальню входитъ точно сынъ!
 • Какъ мусье вамъ доложить?
 Приказала долго жить!
 • Удивляй я, какъ такъ мощна! . . .
 Ви мадамъ не астарошна,
 А больна была опасна
 Блиско ви кодитъ напрасна! . . .
 — И мусье, мнѣ все равно!
 Умереть пора давно,
 Съ ней судьба насъ разлучила,
 Не страшна теперь могила.
 • Ну, адые, прощай мадамъ.
 Я желай здоровья вамъ! •

Вотъ вся серія событій, которыя описываетъ доморощен-
 ный поэтъ. Изъ тетради стиховъ его, довольно большой, мы
 выбрали три стихотворенія, ясно обозначающія характеръ и
 свойство доморощенной поэзии. Остальныя воспѣтыя собы-
 тія все въ такомъ же родѣ. Боясь утомить вниманіе читате-
 лей, мы не выписываемъ другихъ произведеній, между кото-
 рыми есть впрочемъ много замѣчательнаго, и особенно одно
 довольно длинное описаніе поѣздки на дачу, куда пригласилъ
 семейство доморощенного поэта какой-то господинъ,
 а самъ уехалъ въ этотъ же день, заставивъ своихъ гостей по
 неволѣ гулять на дачѣ цѣлый вечеръ, и потомъ отправиться
 на тощакъ домой, какъ говоритъ поэтъ:

Будто сдѣлалъ невзначай! . . .
 За дзвухами примѣчай.

Мы одни пошли гулять,
 Чтобы время доконать;
 Время шло ужь близко къ ночи,
 Намъ гулять не стало мочи.
 Позабылъ нашъ Ваня честь,
 И кричить: хочу я ѣсть!
 Онъ браниться сталъ безбожно:
 Развѣ въ гости звать такъ можно?
 Насъ Андрей ужь угостилъ,
 Въ комнату къ нему впустилъ,
 Мы на лѣстницу втащились,
 Всѣ на стулья повалились:
 Ради Бога, другъ Андрей,
 Душу намъ ты отогрѣй и проч.

Ирѣдка только, по случаю совершеннаго отсутствія какихъ бы то ни было семейныхъ событій, годныхъ для описанія, доморощенный поэтъ пробуетъ свое поэтическое дарованіе въ какомъ нибудь-другомъ родѣ. Тогда онъ обыкновенно пишетъ сказки, въ родѣ извѣстныхъ поддѣлокъ подъ произведенія народной поэзіи; пишетъ четырехстопнымъ хореемъ, который гораздо употребительнѣе въ русской поэзіи, чѣмъ четырехстопный ямбъ, хотя преимущество послѣдняго было доказываемо Пушкинымъ. Въ сказкахъ этихъ описываются извѣстныя похожденія Ивана Царевича, Семи Симеоновъ, Иванушки дурака, Царевны Недотыки. Доморощенный поэтъ поддѣлывается даже подъ слогъ русской при сказки, отличающейся обыкновенно подборомъ кудреватыхъ фразъ, накиданныхъ въ строку, безо всякаго видимаго соотношенія между этими фразами.

Вотъ какъ напримѣръ начинается онъ свою присказку:

Ужъ какъ въ нѣкоторомъ царствѣ,
 Въ непокрытомъ государствѣ,
 Диво дивное случилось,
 Расскажу, что приключилось:
 Какъ въ китѣ ершъ зародился,
 Какъ онъ съ облака свалился,
 Какъ за синими морями
 Онъ обѣлся сухарями,

Какъ на щукѣ ершъ женился
 Какъ онъ пилъ и веселился,
 Какъ внесли имъ сына—рана,
 Тутъ пошла такая драка,
 Такъ, что ершъ ушелъ безъ фрака!

Чѣмъ хуже эта стихотворная дребедень приказокъ Конька-
 Горбунка, бывшихъ нѣкогда въ такой славъ, какъ:

Тарарали, тарара,
 Вышли кони со двора и т. д.

Наконецъ дарованіе доморощеннаго поэта проявляется во всемъ блескъ въ поздравительныхъ, иманинныхъ и другихъ подобныхъ этому стихотвореніяхъ. На всѣ праздники онъ неизбѣжно и неминуемо составляетъ куплеты или пѣсни. Для примѣра представимъ только одно подобное стихотвореніе на день рожденія одного холостяка въ семействѣ. Оно даже вовсе не поздравительное, но поздравленія въ стихахъ до того уже приторны и вѣсмы извѣстны, что мы нарочно выбрали такое, которое вовсе не похоже на обыкновенныя стихотворенія этого рода.

Съ двадцати не больше лѣтъ
 Я задумывалъ жениться,
 И искалъ Лизетъ, Анетъ,
 Чтобы любить и полюбиться.

Богъ не привелъ,
 Все случилось не такъ,
 Я назадь домой побрелъ,
 И остался холостякъ.

—
 Не прошло потомъ пять лѣтъ,
 Мнѣ случилось влюбиться,—
 На любовь — отвѣту нѣтъ,
 И никакъ не могъ жениться.
 Богъ не привелъ и проч.

На тридцатомъ я году
 Въ сѣти новыя попался,
 По пути любви иду,
 Но далеко ужъ забрался. —
 Богъ не привелъ и проч.

—
 Теперь десять ровно лѣтъ,
 Когда сорокъ мнѣ пробило,
 Я любви увидѣлъ свѣтъ,
 Дѣло къ свадьбѣ подходило. —
 Богъ не привелъ и проч.

—
 Мнѣ сосватали невѣсту,
 Черезъ десять также лѣтъ,
 Пожилаю, шла бы къ мѣсту, —
 Но разладъ — и свадьбы нѣтъ!
 Богъ не привелъ и проч.

—
 Въ шестьдесятъ лѣтъ негодится
 Сватать дѣвушекъ или вдовъ,
 Намъ труднѣе расплатиться,
 Чѣмъ открыть свою любовь...
 Вадоръ! не женись
 Я до самого конца,
 Хоть дугою изогнусь,
 Буду корчить молодца!

Если, познакоившись съ какимъ-нибудь семействомъ, вы будете приглашены провести вечеръ въ кругу домашнихъ, среди родни и старыхъ пріятелей вашихъ новыхъ знакомыхъ, и если въ этомъ кругу вы встрѣтите человека немолодыхъ лѣтъ, не вмѣшивающагося въ общій разговоръ, сидящаго поодаль, вѣчно улыбающагося и поспѣшно вскакивающаго со стула при каждомъ словѣ хозяйки, похожемъ на приказаніе — не смѣйтесь надъ этимъ скромнымъ, молчаливымъ, по видимому загнаннымъ и оттого униженно-услужливымъ чело-вѣкомъ, напротивъ осмотрите его пристальнѣе, не осуждая его, а скорее пожалѣвши объ немъ, потому что это — *доморо-щениный поэтъ*.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ЛАКИРОВАННЫЕ САПОЖКИ

САНДРИЛЬОНЫ.

—
 ПОВѢСТЬ ШАРЛЯ ДЕЛИ.

—
 I.

«Пошли намъ, Боже, насущный хлѣбъ! оставь намъ нашу лю-
 бовь, наши тихія слезы и ежедневныя радости! Да исполнится
 «молитва моя! Аминь!...»

Такова была простая и трогательная молитва, которою добрый
 и веселый Стернъ встрѣчалъ, каждое утро, первый лучъ восхо-
 дящаго солнца.

Счастливыи Юрикъ! сколько разъ завидовалъ я твоему без-
 заботному характеру, твоей неизмѣнной веселости!... Странствую-
 щій рыцарь забавнаго, всегда на сѣдлѣ твоего несравненнаго
 Пегаса, котораго твоя неистощимая фантазія уносила далеко, да-
 леко, никогда не встрѣчалъ ты на своемъ цвѣтущемъ пути ску-
 ки, никогда не замѣчалъ или не имѣлъ времени замѣтить этого

Вѣчнаго Жида, странствующаго повсюду. О! какъ далеко оставилъ ты за собою, на грязномъ пути, этого безсильнаго и слабога старца!... Ты всегда такой живой, такой проворный, такъ молодой!...

Какъ мало нужно было тебѣ для развлечения: шумъ вѣтра, журчаніе воды, облако, плывущее на сводѣ небесномъ, летящая птица, плачущій или смѣющійся странникъ, карета, собака, словомъ все, чтѣ бросаетъ хотя нѣсколько тѣни и производитъ хотя малѣйшій шумъ, все оставляло впечатлѣніе въ твоёмъ жаждущемъ и любопытномъ умѣ.

А сердце твое?... Много ли нужно было, чтобы его тронуть? Самая малость вызывала изъ глазъ твоихъ тихія слезы, о которыхъ ты просилъ Бога, въ утренней молитвѣ. Печаль перваго встрѣчнаго, малѣйшее горе, малѣйшее несчастіе, непредвидѣнное или предусмотрѣнное, кусокъ рубища, остатки развалинъ, визгъ животнаго, шумъ деревьевъ, трескъ камней подъ колесами тяжелыхъ экипажей, тысячи различныхъ звуковъ, все говорило душѣ твоей, полной любви ко всему міру: «Я страдаю!»

А поэтическая твоя голова?... Все раждало въ ней мечты. Испытующій взоръ твой проникалъ пространства, птицею перелеталъ преграды и стѣны; гений твой возвышалъ, облагораживалъ все, къ чему ни прикасался; все говорило съ тобою, все улыбалось тебѣ; не было ни одной тучки на этомъ безграничномъ пространствѣ, гдѣ играли твои страсти съ твоими капризами, какъ птички, упоенныя свободой!...

Да, Стернъ, ты былъ счастливѣйшій изъ людей и поэтовъ!... Но откуда приходило къ тебѣ это счастье? Скажи мнѣ, добрый Юрикъ. Не покровительствовалъ ли тебѣ какой-нибудь добрый гений?... Не делѣла ли тебя въ дѣтскомъ возрастѣ какая-нибудь благодѣтельная фея?... О, это несомнѣнно!... Фея эта, была ли она дитя воздуха, земли или воды, гномъ ли, удница или сальфида, она подарила тебѣ эту беззаботность, эту простодушную веселость. Она полюбила тебя, эта невидимая покровительница, да и кто не любилъ тебя, Юрикъ!... Она покинула свою пещеру, свой цвѣтокъ или свое облако, чтобы поселиться въ твоёмъ сердцѣ. Это она доставляла тебѣ волшебныя зрѣлища, научала тебя все понимать и все видѣть, убаюкивала тебя золотыми

мечтами, какъ днемъ, такъ и ночью; и наконецъ, однимъ прикосновеніемъ своего розоваго пальчика къ твоимъ рѣсницамъ или губамъ, она заставляла тебя плакать или смѣяться!

Но ты, Юрикъ, былъ не болѣе, какъ человѣкъ, а твоя фея безсмертна. Ты мирно спишь подъ мраморомъ Кембриджа, а твоя бѣдная, неутѣшенная вдова блуждаетъ по землѣ, безъ цѣли, съ того самого дня, когда смерть твоя выгнала ее изъ любимаго жилища. Она летаетъ, нища сердца, достойнаго тебя; и увы! съ того времени, какъ жилище ея разрушено, она не имѣетъ пристанища, гдѣ бы укрыть свое тѣло, которое, можетъ-быть, обратилось въ вѣтерокъ, звѣзду или благоуханіе...

Только иногда, во время усталости или бури, она избираетъ одного изъ насъ, и поселяетъ въ груди нашей, утѣшаетъ и развлекаетъ насъ. Счастливы эти дни!... Тогда увлекаютъ насъ причуды, поэзія наводняетъ нашу душу, и мы дѣлаемся Юриками, но Юриками только на нѣсколько часовъ, быстрыхъ, скоротечныхъ, о которыхъ мы вспоминаемъ какъ о дняхъ дѣтства... При первомъ лучѣ восходящаго солнца фея оставляетъ насъ, удивленныхъ, упоенныхъ, ослѣпленныхъ, съ сладкою гармоніею въ ухахъ и неяснымъ сіяніемъ предъ глазами...

Мѣсяцъ тому назадъ, я удостоился ея посѣщенія. Да, клянусь вамъ, я былъ Юрикомъ на четверть сутокъ!

II.

Это была одна изъ тѣхъ бурь, которыя у насъ такъ часты въ знойномъ іюлѣ. Мнѣ было душно и тяжело.

— Прочь все! вскричалъ я: труды, интересъ, заботы!

Я взялъ шляпу, трость, и спустился съ своего подоблачнаго жилища, не зная, куда направить свою лѣнность и праздность.

Безъ сомнѣнія, фея Юрика слышала мою вспышку; эта вспышка, вѣроятно, ей пришлось по сердцу, потому что я почувствовалъ, какъ вдохнулъ въ себя эту фею, съ первымъ глоткомъ воздуха, расширившаго грудь мою, на порогѣ дома.

Вдругъ я почувствовалъ себя веселѣе, бодрѣе; какое-то сладостное чувство проникло все мое существо; грудь казалась мнѣ клѣткою, въ которой пѣло и порхало множество прекрасныхъ

птицъ. Невѣдомый источникъ орошалъ мои влажныя вѣки, и тысячи радостныхъ улыбокъ блуждали на моихъ устахъ.

Между тѣмъ дождь полилъ крупными каплями. Я обратилъ вокругъ себя любопытный взглядъ. Улица была почти пуста, и буря только что очистила пыльную мостовую. Благодарю тебя, дождь!... ты разгоняешь грязными потоками этихъ разодѣтыхъ и завитыхъ франтовъ, этихъ ничтожныхъ, надутыхъ лѣнтыевъ, весь этотъ корсетный и перчаточный мѣръ, который съ такою важностію разгуливаетъ по бульвару. Ты собираешь подъ широкими воротами разнообразныя и смѣшныя роуты, гдѣ посѣителямъ тѣсно и душно, и гдѣ они смотрятъ постоянно на небо, подобно барабанамъ, загнаннымъ наводненіемъ полей подъ тѣнъ деревьевъ. Тутъ камзолъ толкаетъ фракъ; ситецъ спорить съ шелкомъ; шумъ какъ въ торговой банѣ, удивительная пестрота! Всѣ состоянія, всѣ сословія здѣсь смѣшиваются.... и кому же? капли воды обязаны мы этимъ, хотя только до конца дождя. Здѣсь одни нетерпѣливы, сердятся, ворчатъ, другіе болтаютъ, шумятъ, смѣются. Тутъ вы найдете и ибжнхъ существъ, боащихся сырости, и бѣдниковъ, которые опасаются за свою единственную одежду. Какой говоръ, какой шумъ! Сколько любви, сколько дружбы раждается подъ темными корридорами. Приходятъ по одному, а выходятъ по двое.... Все это одушевлено, весело!...

На улицѣ почти никого. Только кое-гдѣ по тротуару мелькаютъ зонтики, представляя хозяевъ своихъ въ какомъ то смѣшномъ видѣ. Но мнѣ болѣе нравятся неустрашимые, которые гордо и смѣло идутъ подъ открытымъ водопадомъ неба. Дождь дѣлаетъ ихъ блуждающими резервуарами; около нихъ дождь падаетъ вдвойнѣ. На нихъ образуются вездѣ желобки, по которымъ струится вода; съ концевъ пальцевъ, волосъ, рѣсницъ, подбородка, носа, словомъ, отовсюду падаютъ капли воды. Мокрыя и сплюснутыя шляпы этихъ людей опустили поля и, кажется, очень горько плачутъ о своемъ несчастіи. Эти люди очень похожи на пуделей, выходящихъ изъ воды, или, еще лучше, на олицетвореніе какого-нибудь источника, который ищетъ свою потерянную урну. Чтѣ можетъ забавить и смѣшить этого? Право, мы должны быть благодарны дождю.

Я былъ на этой точкѣ размысливѣй, когда сталъ примѣчать,

что нахожусь въ подобныхъ же мокрыхъ обстоятельствахъ, и что самъ очень похожъ на тритона Версальскаго сада, во-время высокой воды.

Но для меня это было все-равно.... Фея Юрика была со мною; она развеселила и согрѣвала меня. Если бы даже случилось наводненіе, я и тогда не очень бы сердился, а это былъ не болѣе какъ проливной дождь, наводнившій улицы Парижа. Я похожъ былъ на плователя, скитающагося для открытія новой земли. Трость моя, по качеству камышевая, также вѣнчала права жаловаться; она была въ своей родинѣ, въ своей сферѣ; буюсь объ закладъ, что она росла въ это время, подъ тонкимъ слоемъ лаку — въ Лоретской улицѣ, потому что я шелъ тогда по этой улицѣ.

Уже нѣсколько времени примѣчалъ я, что около меня кокетливо мелькали затѣйливыя зонтики различныхъ цвѣтовъ; словомъ, предъ моими глазами разыгрывался цѣлый балетъ зонтиковъ. Это заставило меня улыбнуться. Я заглядывалъ подъ эти шелковыя крыши: тамъ рисовались гибкія таліи, ножки созданныя, кажется, только для качучи и болеро.

На этихъ пожкахъ, на этихъ таліяхъ, на всемъ, читалъ я надпись: Лоретская улица — гинекей женщины Монмартрскаго предместья!... Тысячи будуаровъ, тысячи одалисокъ, обезумѣвшихъ отъ удовольствія и беззаботной жизни!... городъ, заключающій тысячи домовъ новыхъ и красивыхъ, которыхъ всѣ окна и балконы покрыты цвѣтами и толпами дѣвицъ и дамъ, въ развѣвающихся пенуарахъ.

Тутъ фея Юрика пріятно меня удивила! Она сбросила съ домовъ черепичныя крыши.... Я сталъ видѣть все сквозь двери и стѣны; благодаря ея волшебному жезлу, все превратилось въ дымку и стекло.... Все оживилось; все, чтѣ до того молчало, заговорило передо мною! Альковы, диваны, письменные столики были открыты; и увы! нѣрѣдко послѣдніе служили предисловіемъ первымъ.

Я увидѣлъ, что на концѣ улицы остановилась богатая и красивая карета; изъ нея вышелъ старикъ, одинъ изъ тѣхъ стариковъ, которые, вмѣсто почтенія, внушаютъ отвращеніе. Онъ входилъ въ послѣдній домъ на лѣвой сторонѣ. На балконѣ этого дома, съ улыбкою

на устах стояла облокотившись очаровательная блондинка; впаду на тротуару, запылавшись, въ отчаяннн, какъ сумасшедшнй, бѣжалъ молодой человекъ!... Онъ держалъ въ рукѣ распечатанное письмо, и слезы градомъ катились по лицу его, смѣшиваясь съ каплями дождя и пота, отъ быстрого бѣга. Бѣдный молодой человекъ!... Не знаю, отъ чего сердце мое сжалось при видѣ его печали. Старикъ бросилъ алчный и торжествующнй взглядъ на молодую дѣвушку; въ свою очередь молодой человекъ поглядѣлъ на нее умоляющимъ и исполненнымъ любви взоромъ: и оба открылись въ разныя двери. Дѣвушка покраснѣла и исчезла съ балкона... Я остановился передъ домомъ. Черезъ минуту вышелъ оттуда молодой человекъ, грустный, одинокий, уничтоженный; онъ судорожно сжималъ въ дрожащей рукѣ своей письмо. Въ тоже время старикъ, кашляя, показалея на балконѣ; за нимъ виднѣлась бѣлая тѣнь, на которой, мнѣ казалось, блестяли алмазы. Я все поналя: слеза выкатилась у меня изъ глазъ; но тутъ фея шепнула мнѣ: «Взгляни съ высоты на Парижъ, онъ просушивается на солнцѣ, подобно чешуйчатому змѣю, по временамъ выходящему изъ воды на берега Нила или Арканзаса.»

III.

Я отправился къ Монмартру.

На каждомъ шагу была драма, на каждомъ шагу комедия.

Здѣсь какой-то нищнй, котораго сама буря не могла выпгнать изъ его укромнаго уголка, постоянно протягивалъ умоляющую руку, и только дождь обильно наполнялъ ее влажною своею милостынею. Тамъ, на тротуарѣ, гризетка съ печальнымъ личкомъ была застигнута на пути къ балу. Буря разрушила надежду вечерняго удовольствнй; ситцевое платье ея было смато, платье, которое она цѣлое утро гладила на своемъ чердакѣ. Тутъ, ребятишки съ голыми ногами бродили по потокамъ грязной воды. Далѣе, порывы вѣтра заворачивали зонтики бѣдныхъ путешественниковъ наподобне воронокъ. Быстрые экипажи метали изъподъ колесъ своихъ фонтаны грязи, вмѣсто огненныхъ искръ. По временамъ, на вершинѣ омнибуса возвышалась желѣзная досочка съ печальнымъ объявленнємъ, на которомъ какая-нибудь

обманутая въ надеждѣ и запылавшаяся Аталанта читала ужасное слово: *Полонъ!* Во время бури Парижъ имѣеть особенно оригинальный видъ; и въ этотъ день, благодаря моей благотельной феѣ, онъ представлялъ мнѣ множество разнообразныхъ картинъ и новыхъ впечатлѣннй.

Наконецъ добрался я до Пигальской заставы.

Эта часть города довольно оригинальна: здѣсь смѣшенне развалившихся домовъ и неоконченныхъ зданнй. Есть улицы, въ которыхъ одна сторона совершенно застроена зданнями, тогда какъ другая представляетъ безплодныя и голыя поля, гдѣ камни и песокъ составляютъ единственное произрастенне. Тамъ и самъ видны пустые погреба и ямы, приготовленные для фундаментовъ, неизвѣстно почему оставленные, — и все это превращено предшествовавшей бурей въ огромные пруды. Наконецъ, посреди этого хламу, этой Помпеи, вполннцу разрытой, возвышаются кое-гдѣ богатыя виллы, удивляющнся своимъ страннымъ сосѣдямъ.

Я остановился предъ однимъ изъ тѣхъ прекрасныхъ зданнй, которыя когда-нибудь изъ нашего стараго Парижа образуютъ новую Флоренщю. Задумчиво разсматривалъ я арабески балкона, легкаго и прозрачнаго, какъ брабантскнй кружева. Обернувшись, я увидѣлъ прямо противъ меня ветхнй домишка, который, казалось, дѣлалъ гримасы своему гордому сосѣду. Къ склонившемуся дому этому пристроена была лавка изъ разетрескавшихся и источенныхъ червями досокъ, гдѣ работалъ, напѣвая что-то, бѣдный чеботарь.

Это пѣнне заставило меня обернуться.

Прекрасный домъ былъ еще передо мною; однакоже, благодаря моему веселому расположенню въ этотъ день, я смотрѣлъ съ улыбкою Юрика и на эту полуразвалившуюся хижину, лавочку и на чеботаря!... Первые двѣ ничѣмъ особеннымъ не отличались. Но чеботарь!... Сколько доброты и простодушнй было въ немъ!... Лицо его было почти черно, глаза имѣли какое то особенное выраженне, зубы бѣлы и блестящи. Сѣдые и густые волосы тысячами кудрей падали съ высокаго лба. Рукава рубашки необыкновенной чистоты были засучены по самыя локти и предъ-

ставляли глазамъ мускулистыя и смуглыя руки, мѣстами покрытыя варомъ. Таковъ былъ наружный видъ чеботаря.

Дождь уже пересталъ идти. Старикъ снялъ очки свои, поглядѣлъ на небо, и отошелъ въ глубину лавочки. Какое-то неопредѣленное любопытство удерживало меня на мѣстѣ; я продолжалъ смотрѣть, что онъ дѣлаетъ. Вскорѣ чеботарь снова показался, держа въ рукѣ что-то блестящее, что онъ съ особеннымъ тщаніемъ чистилъ. Я удивился: это была пара лакированныхъ сапоговъ! Лакированные сапоги въ этой закопченной лавчкѣ! сапоги, сдѣлавшіе бы честь любому магазину Севъ-Жерменскаго предместья. Старикъ вышелъ изъ лавки, и повѣсилъ ихъ на гвоздь, вбитый въ деревянную крышу.

Сапоги висѣли передо мною, и какое то инстинктивное чувство побуждало меня рассмотреть ихъ внимательно. Любопытство мое возрастало каждую минуту. Сапоги были удивительно малы и шиты чрезвычайно красиво. Они бы, кажется, удобно могли помѣститься и танцовать въ туфлѣ короля карликовъ, и навѣрно бы затмили красотой своею извѣстный башмачекъ Сандрильоны. Любопытный, изумленный, приведенный въ замѣшательство, взоръ мой перебѣгалъ отъ голенища къ головкѣ, отъ головки къ голенищу! Голенище было какъ бы выточено изъ коралла, головка блескомъ своимъ превосходила зеркало; діаметръ подъема, казалось, былъ неболѣе діаметра птичьяго горла. Но что могло сравниться съ кокетливымъ и граціознымъ каблучкомъ?... Въ немъ бы споткнулся и самъ удивительный Лозень на пескахъ Триопо-на. Что могло быть граціознѣе художческаго сгиба ноги.... для котораго мѣрка, казалось, была снята съ ноги Венеры, вышедшей изъ океана. Подошва не покрыла бы собою и одного листочка желтой лиліи, такъ она была узка. А носки!... не круглые, не острые, не угловатые.... особеннаго, чуднаго, невиданнаго, художческаго абриса!... что-то въ родѣ клинчика книжала, вспка лебедя, головки ужа. Въ цѣломъ, сапожки эти представляли что-то граціозное, кокетливое, фантастическое. Словомъ, это было: капризъ, фантазія, невозможность; потому что одна большая палець мужнины съ трудомъ помѣстится бы въ этихъ сапожкахъ; — никогда милая нога молодой дѣвушки или розовая

ножка дитяти не въ состояніи была бы [носить ихъ, такъ они были малы!

Какъ подъ навѣсомъ такой лавчкѣ могли висѣть такіе сапожки?... Вотъ что возбуждало во мнѣ нетерпѣливое любопытство. Чеботарь не достоинъ былъ владѣть такимъ сокровищемъ. Былъ ли въ состояніи онъ оцѣнить это совершенство искусства, могъ ли исполнѣ понять его красоту и достоинство?... Это невѣроятно!..

Однакожь сапоги висѣли тутъ.

Между тѣмъ, во второй разъ протянулась рука и повѣсила карточку надъ сафьянными голенищами сапоговъ.

Я быстро прочелъ крупную надпись:

ЛАКИРОВАННЫЕ САПОЖКИ САНДРИЛЬОНЫ.

IV.

Я бы все отдалъ, отдалъ бы даже тогдашнее мое веселое расположение духа, что бы поднять уголь завѣсы, называемой тайною; потому-что здѣсь должна была скрываться тайна, я былъ въ томъ увѣренъ. На подошвахъ видѣлись царапины, а это доказывало, что въ сапогахъ когда-то ходили по мостовой. Но кто же носилъ ихъ?... Вѣдь не одни же они прогуливались по тротуару?... Мысли мои переходили отъ фантастическаго къ глупому!... Тайна эта разжигала мое любопытство, возраставшее съ минуты на минуту, какъ приливъ моря. Подобно сѣнкеу передъ Эдипомъ, висѣли передо мною эти сапоги и какъ будто бы насмѣшливо шептали: Угадай, если можешь! — Спроси! шептала моя фея, безъ сомнѣнія забавлявшаяся моимъ недоумѣніемъ.

— Спросимъ!... отвѣчалъ я ей, сдѣлавъ шагъ къ лавчкѣ.

Рѣшившись на это, надобно было сыскать средство начать разговоръ. Чеботарь, правда, имѣлъ добрую и привѣтливую фізіономію. Сначала даже ободрительно посмотрѣлъ онъ на меня, но потомъ, не обращая вниманія на мое присутствіе, принялся опять за свою работу. Начало разговора очень затрудняло меня; вопросъ былъ весьма страненъ и неумѣстенъ! Старикъ очень легко могъ принять меня за полицейскаго агента. Короче, мнѣ нуженъ былъ предлогъ, и я не находилъ его.

Случай помогъ мнѣ. Чеботарь вытащилъ изъ стараго башмака

черную и коротенькую трубку, которую туго набилъ, прижимая табакъ большимъ пальцемъ. Потомъ раздался трескъ зажигаемой о деревянной ставень спички, и густые клубы табачнаго дыму повесились въ обрадованное мое лицо.

Предлогъ былъ найденъ; я вынулъ изъ кармана сигару, и не твердымъ шагомъ отправился къ дверямъ лавочки.

— Прекрасна братская фамильярность курильщиковъ, подумалъ я... она будетъ причиною, что я услышу, вѣроятно, удивительную исторію.

Я не успѣлъ еще ничего сказать, какъ уже старикъ учтиво протянулъ мнѣ свою трубку.

Сигара была зажжена, и я разсыпался въ благодарности; но проклятый вопросъ ускользнулъ отъ меня, и я остановился. Какъ снова начать разговоръ? Въ этомъ-то и было все затрудненіе. Еще секунда, и счастливый случай исчезъ бы навсегда.

— Ахъ! вскричалъ я, покраснѣвъ немного отъ жи, сигара у меня погасла!

Во второй разъ старикъ протянулъ мнѣ свою трубку.

Нечего было терять времени. Возвращая трубку, я сдѣлалъ ему нѣсколько вопросовъ объ этой части города, о ея жителяхъ, о ихъ житьѣ-бытьѣ. Нѣтъ отвѣта! Значитъ тактика была не хороша; нужно было выиграть время и придумать другой планъ. Я спросилъ огня въ третій разъ, и въ третій разъ данъ былъ мнѣ огонь, но все-таки я не услышалъ ни одного слова отъ курильщика.

— Можетъ-быть это глухо-нѣмой? — подумалъ я съ испугомъ. Попробуемъ еще.

— Послушайте, сказалъ я ему, у васъ виситъ тамъ славная пара сапоговъ?...

Тогда я услышалъ отвѣтъ.

Старикъ повернулъ голову къ сапогамъ, и бросилъ на нихъ взглядъ печали и сожалѣнія. Потомъ онъ повернулся ко мнѣ. Я трепеталъ. Онъ началъ говорить:

— Милостивый государь! сказалъ онъ голосомъ, который показался мнѣ насмѣшливымъ и даже дерзкимъ: ваша сигара, кажется, очень трудно закуривается!

Досада придала мнѣ бодрости, и я прямо сказалъ, что же-

хотѣлъ бы знать исторію этихъ сапоговъ, которая должна быть занимательна.

При этой просьбѣ, лицо чеботаря опечалилось; какая-то грусть выражалась въ его отвѣтъ:

— Вы угадали, сударь, эти несчастные сапожки не для того были сдѣланы, чтобы украшать мою бѣдную лавку. Ихъ подосва прикасалась когда-то къ коврамъ богатыхъ залъ. Ножи, носившія ихъ уже, теперь не существуютъ! Я полюбилъ васъ, сударь, за то, что вы обратили на нихъ вниманіе, за то, что вы предчувствовали занимательную и печальную исторію. Никола, вѣдь я не рассказывалъ ее, вамъ же намѣренъ теперь рассказать. Войдите въ мой домишка, если видъ бѣдности не пугаетъ васъ, и вы все узнаете. Это воспоминаніе будетъ мнѣ стѣнать, правда, нѣсколькихъ слезъ, но я увѣренъ, что вы не станете смѣяться надъ чувствительностію бѣднаго старика.

Эти слова въ устахъ простаго чеботаря удивили меня, и когда я теперь вспоминаю ихъ, мнѣ кажется, что мое тогдашнее расположение духа придавало всему поэтической отбѣнокъ; что фея Юрика все представляла мнѣ сквозь радужную призму. Всѣ происшествія того дня носятъ на себѣ отпечатокъ этого счастливаго расположенія. И я описываю все случившееся, такъ, какъ оно осталось у меня въ памяти.

Произнеся свои простыя, но трогательныя слова, старикъ отворилъ мнѣ двери своей лачужки. Я вошелъ. Передняя часть ея была открыта, сзади небольшая стѣна; вообще лавочка эта весьма походила на шалашъ, которому не позавидовалъ бы и бѣдный дикарь. Въ глубинѣ стояла ветхая кровать, покрытая одѣяломъ, когда то голубаго цвѣта, посрединѣ возвышалась чугунная печка, въ которой, въ глиняномъ горшкѣ, приготовлялся ужинъ. На всѣхъ стѣнахъ симметрически развѣшана была старая обувь, какъ трофеи какихъ-нибудь побѣдоносныхъ войскъ; на полу лежали кучи сапоговъ, башмаковъ и различной кожи; онѣ разбросаны были весьма живописно, какъ дѣпи Альпійскихъ и Перенейскихъ горъ.

— Вы мнѣ позволите продолжать работу? сказалъ мнѣ чеботарь, подвигая скамейку, на которую я машинально опустился, не отвѣчая ни слова. Любопытство и удивленіе оковали языкъ

мой. Хозяинъ же, взявъ свою колодку, дратву и пѣтягъ, началъ разсказъ съ важною Эней, описывающаго царя Дидонѣ включенія своихъ путешествій.

Все это мнѣ представляется теперь не ясно, въ туманѣ, какъ воспоминанія давно прошедшаго сна... Мнѣ помнится, что добрый старикъ разсказывалъ обѣщанную исторію слѣдующими словами или, по крайней-мѣрѣ, похоже на это.

V.

«Лавочка моя не всегда находилась на этой сторонѣ улицы; еще вѣскольکو мѣсяцевъ тому назадъ, она была пристроена къ стѣнѣ противоположнаго, красиваго дома. Нашли, что я безобразилъ своимъ сосѣдствомъ этотъ домъ, и хозяинъ выпроводилъ меня сюда. Домъ, около котораго я теперь пристроенъ, худо покровительствуетъ моей лачужкѣ, колеблющейся при малѣйшемъ вѣтрѣ. Каждая буря ее потрясаетъ; наконецъ придетъ одна изъ нихъ, и далеко разнесетъ ветхія эти дощечки. Да вотъ и сегодншная буря угрожала ужаснымъ кораблекрушеніемъ моему ветхому пристанищу.

На той сторонѣ я былъ спокойнѣе и безопаснѣе. Въ то время во второмъ этажѣ, балкову котораго вы еще недавно удивлялись, жилъ молодой человекъ, проводившій веселую и шумную жизнь. Въ дни, а нерѣдко и самыя ночи, раздавался тамъ веселый шумъ и пѣніе; по временамъ слышны были свѣжіе и смѣющіеся голоса молодыхъ дѣвушекъ нашего квартала. Весь этотъ шумъ, все это движеніе развеселяло меня. Я всегда любилъ смотрѣть на веселую жизнь молодыхъ людей, а тѣмъ болѣе на хорошенькія личики молодыхъ женщинъ. Судите сами, былъ ли я счастливъ! Я ихъ видѣлъ всякое утро; всякій вечеръ новыя лица мелькали мимо меня.

Насталъ однакожъ день, когда все это, какъ-бы дѣйствіемъ волшебнаго жезла, исчезло. Самъ молодой человекъ сталъ показываться весьма рѣдко. Я долго думалъ, чтобы это значило! и узналъ наконецъ отъ привратника (чего не узнаешь отъ этихъ кумавьковъ!) причину такой быстрой перемены. Во первыхъ, огромное состояніе было прожито, и чтобы наполнить эту бездон-

ную бочку Данандъ, ожидали изъ Америки наслѣдства богатаго дяди; во-вторыхъ, къ тому примѣшалась страстная любовь, изгнавшая шумъ и смѣхъ. Молодой человекъ часто запирался въ своихъ комнатахъ; часто любопытный привратникъ видѣлъ, что онъ по нѣскольکو часовъ проводилъ за письмами. Только перо влюбленныхъ способно къ такой неутомимости! Однажды даже поручено было привратнику отнести записку на городскую почту, но адресъ мало говорилъ въ пользу нашего любопытства; слѣдующія слова были на конвертѣ: Дѣвицѣ Розѣ, — отдать по востребованію.

Такъ прошелъ мѣсяць.

Однажды вечеромъ сидѣлъ я съ трубкою въ зубахъ передъ своею лавкою, какъ вдругъ остановилась карета передъ воротами нашего дома. Шторы были опущены. Дверцы отворились, молодой человекъ выскочилъ, быстро откинулъ онъ подножку и протянулъ руку молодой дѣвушкѣ, выпрыгнувшей весьма легко и граціозно. Лицо ея было закрыто вуалемъ, и только можно было замѣтить ея тонкій и красивый станъ; она проскользнула въ дверь.

— Ага! сказалъ я самъ себѣ, птички прилетѣли въ свое гнѣздо!

Любопытство мое было не менѣе любопытства привратника. Однакожъ мы оба не надѣялись узнать что-либо. Ни молодой человекъ, ни дѣвушка не выходили. Комнаты ихъ были заперты, какъ рѣшетка какого-нибудь монастыря. Никто не входилъ туда, развѣ только въ переднюю, и то чтобы принести двумъ заключеннымъ самое необходимое: съѣстные припасы и новыя цвѣты. Присылались только письма, да посылки, и привосившіе ихъ тотчасъ же уходили. Во все это время занавѣсъ балкона не поднимался. Любовники скрывали свое счастье и свою любовь отъ нескромныхъ взоровъ.

Привратникъ былъ очень недоволенъ.

Наконецъ, какъ-то вечеромъ я увидѣлъ, что молодой человекъ вышелъ изъ дому. Я таращилъ глаза свои, какъ только могъ.... напрасный трудъ, незнакомки не было съ нимъ! Однако же влюбленный былъ не одинъ.... маленькій мужчина, почти мальчикъ, вышелъ вмѣстѣ съ нимъ, онъ опирался на руку молодаго чело-

вѣка. Оба шли такъ близко около меня, что я невольно отступилъ, невольно опустилъ глаза свои внизъ; и тогда-то я увидѣлъ въ первый разъ эти бѣдные, маленькіе сапоги, которые, кажется, улыбаясь теперь слушаютъ меня.

Вы не повѣрите, что происходило во мнѣ при этомъ видѣ. Вы еще не знаете меня, не знаете исторіи моей жизни, которую рассказывать вамъ было-бы неумѣстно и слишкомъ долго. Знайте только, и вѣрьте мнѣ, сударь, что я не былъ рожденъ для состоянія, въ которомъ вы теперь меня видите. Судьба всѣми располагаетъ! Впрочемъ, все это нейдетъ къ моему разсказу. Знайте, что когда-то и я, какъ артистъ, любилъ все, что прекрасно, граціозно, изящно. Потомъ уже, когда я сдѣлался сапожникомъ, любовь эта перешла въ манію къ одной только части человѣческаго тѣла, а именно къ той, для которой я теперь тружусь ежедневно. Да, сударь, искусство можетъ быть не только въ изваяніи статуи, но и въ кроеніи кожи. Ни одинъ мужчина, ни одна женщина не проходятъ мимо меня, чтобы я не обратилъ вниманія на ихъ ноги. Когда случай заноситъ меня въ богатые кварталы Парижа, по цѣлымъ часамъ остаюсь я предъ пышными магазинами модныхъ товарищей... Смѣйтесь, сколько хотите, этой глупости, но она меня преслѣдуетъ и только одна улаживаетъ мое жалкое существованіе. Природа одарила меня артистическимъ инстинктомъ, и этотъ заснувшій инстинктъ пробуждается иногда въ сердцахъ бѣднаго и жалкаго чеботаря!

Судите сами, сударь, что испыталъ я въ тотъ вечеръ! Это было удивленіе, восторгъ, который объемлетъ все существо ваше при видѣ картины Рафаэля или статуи Кановы. Короче вы видѣли эти сапоги... вы ихъ видите еще теперь... Вы испытали и еще испытываете на себѣ прелесть ихъ очарованія!

До самой глубокой ночи я ждалъ возвращенія молодыхъ людей. Около утра они возвратились. Къ несчастію небо было покрыто густыми тучами, и почти ничего нельзя было разглядѣть. Печальный и угрюмый возвратился я въ свое жилище.

Черезъ три дня вечеромъ, молодой человѣкъ вышелъ опять; но на этотъ разъ дѣвушка была съ нимъ. Привратникъ провожалъ ихъ до порога съ презвизкими покловами. Злой черберъ искалъ

случая увидѣть таинственное лицо, но оно было закрыто густымъ и длиннымъ вуалемъ. Я уже сказалъ вамъ, что былъ столь-же любопытенъ, какъ и мой привратникъ, но и мнѣ, какъ ему, не удалось увидѣть лица незнакомки. Это была молодая дѣвушка съ узкою и гибкою талиєю. Она, казалось, не шла, а скользила по землѣ. Тонкое тѣло ея колебалось, подобно листочку въ тихую погоду. Все въ ней было изящество, все очарованіе! Я очень сожалѣлъ, что ко всему этому не могъ видѣть ея лица... Вы угадаете, безъ сомнѣнія, къ чему я обратился?... Я опустилъ глаза. Но тотчасъ невольно сдѣлалъ знакъ удивленія!..

Только эти ножки въ состояніи были носить лакированные сапожки, видѣнные мною три дня тому назадъ!..

И такъ мальчикъ и молодая дѣвушка были одно и тоже существо!

VI.

Любовники уже менѣе боялись; каждый день они выходили; каждый день я видѣлъ то маленькіе черные полусапожки, то лакированные сапоги, сапоги, которые уже никогда не будутъ ходить по этой мостовой! Это была для меня восхитительная минута! Я привыкъ смотрѣть то на тѣ, то на другіе. Однакожъ сапоги имѣли преимущество, и именно потому праву, что я ихъ прежде увидѣлъ; они составляли мою первую, мою искреннюю любовь!

Не смотря на все это, я бы не оставилъ безъ вниманія и лица Розы (такъ называлась молодая дѣвушка), но всякій разъ, когда она была въ платьѣ своего пола, вуаль былъ опущенъ; въ платьѣ же мужчины, она закрывала почти все лицо батистовымъ платкомъ, когда мимо кого-нибудь проходила. Все равно!.. я видѣлъ ея милыя ножки, а для меня и этого уже было довольно.

Эта привязанность, это малодушіе въ мои лѣта, заставляли меня забыть мое собственное несчастіе; потому-что я былъ тогда въ печальномъ положеніи. Хозяинъ дома непрерывно понуждалъ меня выѣхать оттуда. Такой родъ ссылки убивалъ меня; пятнадцать лѣтъ я жилъ на этомъ мѣстѣ, пятнадцать лѣтъ высокая

стѣна защищала меня отъ вѣтра и солнца. Наконецъ должно было уступить. Привратникъ, сосѣд мой, пришелъ объявить, что держать меня уже не намѣрены болѣе ни одного дня. Я былъ въ отчаяніи; тогда этотъ вѣстникъ печальнаго объявленія прибавилъ:

— Не одинъ ты принужденъ выѣзжать отсюда сегодня!

— Какъ такъ?.. спросилъ я.

— Во-второмъ этажѣ сегодня также стоны и слезы.

— У Розы?... вскричалъ я.

— Да, пріятель, отвѣчалъ мнѣ привратникъ: пришло письмо изъ колоній. Влюбленный долженъ ѣхать въ ту сторону, и дѣвица Роза остается здѣсь. Сегодня прощаніе и отъѣзд!

— Бѣдное дитя! прошепталъ я. Зачѣмъ мнѣ теперь жаловаться на судьбу, когда есть люди, можетъ-быть, несчастіе меня!...

Перезѣзд мой былъ непродолжителенъ. Въ тотъ же вечеръ лавочка моя была здѣсь, гдѣ вы ее теперь видите. Едва привелъ я у себя на новосельи все въ порядокъ, какъ подъѣхала карета къ противоположному дому. Я видѣлъ, какъ вынесли чемоданы и какъ потомъ молодой человѣкъ бросился въ карету, — карета покатилась.

— Бѣдный молодой человѣкъ!.. Онъ плакалъ, сударь; да, горько плакалъ!.. Долго еще, высунувшись въ дверцы кареты, рукою посыпалъ онъ прощальные знаки.

Я взглянулъ на балконъ. Роза была тамъ. Несчастная Роза!...

Еще въ первый разъ я могъ ее вполнѣ видѣть, вполнѣ удивляться ей... О, сударь, что за удивительное личико! оно было необыкновенно блѣдо и нѣжно; маленький ротикъ былъ подобенъ полураспустившейся розѣ; голубые глаза блестѣли сквозь слезы, въ которыхъ омывались золотые локоны ея волосъ. Очаровательная дѣвушка!...

Полулежа на перилахъ балкона, она махала платкомъ въ ту сторону, куда быстро удалась карета.

Вдругъ она вскрикнула раздрающимъ голосомъ!.. Карета скрылась за угломъ.

До полуночи стояла она на балконѣ, неподвижная, грустная, устремивъ свои влажные и безнадежные взоры на горизонтъ.

Пока она была на балконѣ, я тоже не трогался съ мѣста, и

только тогда побрѣлъ въ свою лавочку, когда бѣлый пенъуаръ, какъ тѣнь какого-нибудь блуждающаго и оплакиваемаго призрака, исчезъ съ балкона.

VII.

Проходили дни, проходили мѣсяцы, прошелъ наконецъ и годъ. Насталъ тотъ вечеръ, въ который, годъ тому назадъ, уѣхалъ молодой человѣкъ. Роза стояла одна на своемъ балконѣ, я сидѣлъ одинъ въ своей лавочкѣ.

Но я былъ все тотъ же старикъ, исчезло лишь нѣсколько черныхъ волосъ, да прибавилось нѣсколько сѣдыхъ. А Роза!.. О, это уже не была та цвѣтущая дѣвушка съ свѣжимъ и бѣлымъ личкомъ, съ веселою улыбкою, съ голубыми очаровательными глазами!.. Я видѣлъ, какъ съ каждымъ часомъ вянулъ и сохъ прелестный цвѣтокъ; и вотъ онъ, поблекшій, безъ листьевъ, тихо склонился къ землѣ... Какъ страдала эта бѣдная, покинутая дѣвушка!.. Съ безпокойствомъ и участіемъ слѣдилъ я за всѣми ея муками, за ея долгимъ томленіемъ. Я видѣлъ, какъ бѣлое лицо ея дѣлалось все блѣднѣе и блѣднѣе, видѣлъ, какъ темнѣла синева подъ ея потухшими и безнадежными глазами, какъ слеза за слезой углубляла впаляя щеки; каждый вечеръ я читалъ на лицѣ ея исторію дня, каждое утро — исторію ночи. Недовольный такимъ нѣмымъ языкомъ, я часто распрашивалъ сосѣда моего — привратника... Отъ молодаго человѣка не было ни одного письма въ теченіе цѣлаго года! Что могло быть тому причиною? — кораблекрушеніе?.. или забвеніе?.. На кого, на что было жаловаться? на не постоянство ли людей, или на волны морскія?.. Но между тѣмъ Роза все чахла и чахла, а я любилъ ее такъ, какъ только отецъ можетъ любить дочь свою.

И еще это было не все — приближалось новое несчастіе!.. За квартиру уже два срока не платили; хозяинъ начиналъ поговаривать о полиціи и описи имущества. — Что будетъ съ бѣднымъ ребенкомъ? Я былъ единственный ея другъ, другъ незнаемый, бѣдный, который ничѣмъ не могъ помочь ей. А между-тѣмъ положеніе ея становилось хуже и хуже... О, сударь, чего стоило ей это тяжелое одиночество!.. Съ каждымъ днемъ она становилась старѣе, каждый

день ей стоялъ цѣлаго года! И въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ, сударь, — дѣвушка, молоденькая, шестнадцати лѣтъ, должна была жить одна, совершенно одна! въ шестнадцать лѣтъ, когда удовольствія и любовь также необходимы, какъ хлѣбъ и воздухъ! И это было еще не все; бѣда, которая должна была убить, похитить ее у меня, приближалась.

Первые шесть мѣсяцевъ она никуда не выходила, потомъ стала изрѣдка и не надолго куда-то отлучаться. Отлучки становились чаще. Это меня радовало. Однажды замѣтилъ я, что подъ шалью у нея былъ узелокъ; черезъ часъ она воротилась, и узелка уже не было съ нею. Въ послѣдствіи я часто сталъ замѣчать тоже самое. Куда она ходила? Я не могъ догадаться. Привратникъ, прежде доставлявшій ей все нужное, отказался болѣе вѣрить въ долгъ. Можетъ-быть, она выходила каждый день для покушки себѣ припасовъ! Но зачѣмъ же этотъ узелъ при ея выходѣ изъ дому, котораго никогда не было при ея возвращеніи? Я не зналъ, что думать. Иногда приходила мнѣ мысль слѣдить за нею, но я всякій разъ отвергалъ ее. Между-тѣмъ дни текли быстро, и одна бѣда шла за другою: нетерпѣніе хозяйки увеличивалось, молодой человекъ не возвращался, болѣзнь Розы усиливалась, а съ тѣмъ вмѣстѣ и мое отчаяніе, котораго никто не замѣчалъ, ни даже сама Роза.

Однажды утромъ, сидя за своею работою, я съ удивленіемъ увидѣлъ, что Роза выходитъ изъ дому раньше обыкновеннаго. Едва пробило семь часовъ. Что заставило ее выдти такъ рано? Большой узелъ видѣлся изъ-подъ бахрамы ея шали. Вмѣсто того, чтобы идти, какъ прежде, по троттуару, она перешла улицу, и шла прямо къ моей лавочкѣ. Мнѣ казалось, что это сонъ.... Но нѣтъ, она шла ко мнѣ. Я былъ внѣ себя, и дрожалъ, какъ двадцати-лѣтній юноша, при первомъ свиданіи. Она сама!... какое-то робкое волненіе заставляло трепетать ея сердце; потому-что я видѣлъ, какъ щеки ея покрывались румянцемъ, по мѣрѣ того, какъ она подходила. Наконецъ она подошла сюда, къ этой маленькой двери, и не говоря ни слова, подала мнѣ зеленую ботинку, которая была разорвана. Я понялъ замѣшательство бѣдной дѣвушки, и чтобы не заставить ее выговорить то, что привело ее ко мнѣ, поспѣшилъ отвѣчать, защищаясь :

— Черезъ часъ.... будетъ готово.

— Хорошо! прошептала она.... Благодарю!

И она ушла, бросивъ быстрый взглядъ вокругъ себя, боясь быть замѣченною.

Я же стоялъ нѣсколько минутъ неподвижный и обрадованный, держа въ рукѣ зеленую ботинку.

Наконецъ-то въ рукахъ моихъ была та обувь, въ которой гнѣдилась ея удивительная пожка!... Я щупалъ, переворачивалъ эту крошечную ботинку и смотрѣлъ на нее съ такимъ же удивленіемъ и любовью, какъ сказочный герой, нашедшій драгоценный башмачекъ Сандрильоны. Не стану говорить вамъ, съ какими заботами, съ какимъ тщаніемъ и удовольствіемъ принялся я за новую работу, потому-что рассказать все это было бы невозможно; я употребилъ все свое искусство, и не прошло часа, какъ ботинка была совершенно новою. Самый опытный глазъ не могъ бы замѣтить никакой поправки; я починалъ ее во сто разъ лучше, нежели самая искусная мастерица чинить разорванныя блонды, и смотрѣлъ на свою работу весело и гордо.

Ожидать ли мнѣ было, пока она придетъ за ботинкою или самому снести ее?... Побывать въ жилищѣ Розы было для меня большимъ счастіемъ!... Но я боялся быть нескромнымъ! и при томъ.... я не звалъ, воротилась ли она....

Между-тѣмъ Роза опять прошла мимо меня и торопливо сказала: «Не приносите теперь.... а черезъ два часа!...» и быстро исчезла въ противоположномъ домѣ. Черезъ два часа!... подумалъ я печально.... зачѣмъ же эта отерочка? Можетъ-быть у ней нѣтъ денегъ!... въ такомъ случаѣ я побѣгу къ ней.... Но нѣтъ, она ожидаетъ меня только черезъ два часа.... а потому нужно исполнить ея волю.... Подождемъ!

Однако же мнѣ было велѣно придти.... И такъ я увижу жилище, которое долго украшалось любовью, и которое послѣ разлуки, въ теченіе года, сдѣлалось тюрьмою обширною, жестокою, невыносимою.

Вы не поймете, что я тогда чувствовалъ, не поймете моей радости, моего нетерпѣнія. Въ исходѣ девятого часа Роза вышла опять изъ дому, съ тѣмъ же самымъ узломъ, который былъ съ нею рано утромъ....

Прошло минутъ сорокъ... я считалъ ихъ бѣніемъ моего сердца!.. Наконецъ она возвратилась — но ушла уже не было.

— Пойдемте!.. сказала она мнѣ съ ласковымъ и граціознымъ жестомъ.

Я побѣжалъ за нею и ни на шагъ не отставалъ отъ молодой и легкой дѣвушки, хотя она неслась по лѣстницѣ, какъ быстроногая серна. Мы вошли во второй этажъ.... Тутъ-то забилось мое старое сердце!.. Мы прошли нѣсколько комнатъ. Казалось они уже давно были необитаемы — но чисты и убраны, какъ фламандская кухня.

Меня радовало это; я зналъ, что Роза уже давно единственная хозяйка въ этихъ покояхъ.

Наконецъ дошли до спальни.... Я вошелъ въ нее съ нерѣшительностію, съ почтениемъ, кланяясь низко, такъ низко, какъ никогда никому не кланялся. Окна спальни выходили на тотъ самый балконъ, съ котораго Роза въ послѣдній разъ видѣла любимца своего сердца и на которомъ она въ первый разъ представилась глазамъ моимъ трогательною, прелестною, въ своей тоскѣ и безнадежности.

Въ этой-то комнатѣ, еще полной воспоминаній о минувшемъ счастьи, проводила Роза все свое время.

Не было ничего милѣе, прелестнѣе этого убѣжища бѣдной покинутой дѣвушки!..

Она сбросила шаль на кушетку, и чтобъ не заставить меня дожидаться, стала тотчасъ же искать денегъ въ своемъ ридикюльѣ. Добрая дѣвушка!.. Она торопливо выдернула носовой платокъ; при этомъ выпало и покатилося по столу нѣсколько мелкихъ монетъ.... потомъ упала бумага, сѣровая, въ-четверо сложенная, толстая, чрезъ которую однакожъ можно было усмотрѣть графы и крупныя буквы.

Роза покраснѣла и поспѣшно спрятала ее въ ридикюль.

Напрасно! Я уже понималъ исторію узла, который она каждый разъ выносила, и который ни разу не возвращался съ нею домой.

Я съ горестію узнавалъ одну изъ тѣхъ бумагъ, которыя намъ, бѣднымъ людямъ, слыхомъ хорошо знакомы.

То была росписка изъ Mont de Piété! *

* Мѣсто въ Парижѣ, гдѣ бѣдные закладываютъ свои вещи.

VIII.

Какъ глубоко поразило меня такое печальное открытіе! Я любилъ отеческою любовью это доброе и милое созданіе.... Отчего?... почему?... не знаю.... но Роза сдѣлалась необходимою для моего существованія. Мысль о ней улаживала мою старость; воспоминаніе о ней было постояннымъ спутникомъ моихъ работъ. При взглядѣ на нее сердце мое радовалось. Я плакалъ, когда она плакала; я улыбался, когда на губахъ ея была улыбка.... улыбка рѣдкая, какъ ясный лучъ солнца въ январѣ мѣсяцѣ!

Да, я не сказалъ вамъ: она часто по вечерамъ играла на фортепіано, а иногда даже и пѣла. Я слушалъ ее по цѣлымъ часамъ; слушалъ долго, долго, и тогда, когда уже переставали раздаваться ея очаровательный голосъ и безнадежные звуки инструмента. Я слушалъ ее съ тѣмъ счастливымъ и наивнымъ восторгомъ, съ которымъ ремесленники восхищаются талантами своихъ дочерей и сыновей, которыхъ сами не понимаютъ.

Между тѣмъ Роза часто приходила въ мою лавочку. Видно было, что она прибѣгала ко мнѣ только тогда, когда изнашивала до крайности всю обувь своихъ маленькихъ пожекъ. То были починки почти невозможныя, съ которыми однакожъ я справлялся, употребляя на это много времени и много старанія. День, въ который я относилъ ей работу, былъ для меня праздникомъ. Время отъ времени дарила она меня нѣсколькими ласковыми словами; за каждое изъ этихъ словъ я готовъ былъ платить мѣсяцами моей жизни!

Хвалить дипломатію нѣкоторыхъ европейскихъ кабинетовъ! О, эта дипломатія ничто въ сравненіи съ тою, какую я употреблялъ, чтобъ увѣрить Розу, что я не люблю получать деньги по мелочи.

— Вы окажете мнѣ большую услугу, говорилъ я, если будете отдавать деньги изрѣдка.... я человѣкъ безпорядочный; я все пропиваю; пожалуйста, я прошу васъ, не давайте мнѣ денегъ!

Да, сударь, я говорилъ ей это; я, который никогда не пилъ ничего, кромѣ воды.

Однажды понесъ я къ ней пару ботинокъ, которыя поправить

было въ состояніи только мое искусство и стараніе. Я позвонилъ — не было отвѣта. Двѣ или три слѣдующія попытки имѣли тотъ же результатъ. Однакожъ я былъ увѣренъ, что она дома. Пробую повернуть ручку замка — дверь отворилась. Прохожу всѣ комнаты, нарочно шумя у каждой двери — никто не показывается, все тихо, мертво. Наконецъ дохожу до спальни.

— Войдите, произнесъ слабый и болѣзненный голосъ.

Я однимъ скачкомъ очутился въ комнатѣ; печальное предчувствіе сжало мое сердце....

Роза лежала въ своей чистенькой постели.... ея блѣдность ужаснула меня!... Казалось, смерть уже дотронулась до ея бѣлаго молодого чела.

— Извините, проштала она, извините! Вотъ уже двое сутокъ, какъ я нездорова и не встаю съ кровати.... Вы подумаете, что я лѣплюсь....

Въ этотъ разъ бесѣда наша была продолжительна и одушевлена. Волею или неволею, а Роза должна была сдѣлать меня своимъ повѣреннымъ и управителемъ. Мы положили, что она останется въ постели, а я буду доставать все для нея нужное; и въ тотъ же самый день я вступилъ въ свою должность. Какое невыразимое удовольствіе чувствовалъ я, заставляя платить ее только часть того, что стоили вещи, необходимыя для поддержанія ея здоровья. Часто доставлялъ я ей такимъ образомъ и плоды, и цвѣты, и лакомства, о которыхъ, безъ сомнѣнія, бѣдная больная не смѣла сама просить.

Когда она въ первый разъ назвала меня своимъ другомъ — мнѣ казалось, что я сойду съ ума!

О, да! я былъ ея другомъ! тому свидѣтелями моя тоска и опасенія, которыя столь же быстро возрастали, какъ и ужасный недугъ, томившій несчастную дѣвушку.

Въ одно утро привратникъ сказалъ мнѣ:

— Хозяинъ сердится; дѣвицѣ Розѣ нужно идти въ больницу!...

— Въ больницу!... вскричалъ я съ ужасомъ. Ей! въ больницу! и я бросился на лѣстницу. Это было очень къ стати, потому что хозяинъ былъ уже въ передней Розы.

— Ни шагу дальше!... сказалъ я ему съ презрѣніемъ. Въ васъ

нѣтъ нисколько жалости.... Я знаю, что всѣ просьбы были бы напрасны, а потому.... извольте.... я за нее заплачу.

Странный человекъ! Онъ только засмѣялся мнѣ подъ-нось вмѣсто отвѣта.

— Я говорю серьезно! вскричалъ я такимъ тономъ, который тотчасъ прервалъ его насмѣшливую веселость. Подождите только двѣ минуты, я сейчасъ ворочусь.

Я побѣжалъ въ свою лавку. Подъ изголовьемъ постели хранилась тогда у меня фаянсовая денежная кружка, въ которую въ теченіе 15 лѣтъ я вкладывалъ то, что успѣвалъ сэкономить каждую недѣлю. Однимъ ударомъ кружка была разбита.

Сокровище мое простиралось до шести сотъ франковъ. Шестьсотъ франковъ! Ими можно было только заплатить за квартиру!... А прочее все?... Лекарства дороги!... Я печально посмотрѣлъ на мою лачужку.... Въ ней едва доставало мѣста для меня одного?... Только въ тотъ день, сударь, горько пожалѣлъ я, что не былъ богатъ. Что же дѣлать!... сказалъ я самъ себѣ вздыхая: хозяинъ долженъ удовольствоваться половиною.

Трудно было съ нимъ поладить, однакожъ я поладилъ, и съ торжествомъ вошелъ къ моей Розѣ.

— Что тамъ такое было? спросила она.

— Ничего!... отвѣчалъ я равнодушно. Хозяинъ хотѣлъ навѣстить васъ.... но я думалъ, что вамъ будетъ это неприятно, и потому не пустилъ его.

— Благодарю, другъ мой, проштала она съ такою улыбкою, которая въ тысячу разъ была дороже моей фаянсовой кружки.

Божусь вамъ, сударь, что никогда она не узнала бы отъ меня о моемъ поступкѣ, каковъ бы онъ ни былъ; но мнѣ нужно было воротиться въ мою лавочку, я долженъ былъ работать для нея же; а во-время моего отсутствія, по милости болтливаго привратника, ей стало извѣстнымъ все, что происходило утромъ.

— Я все знаю!... сказала она мнѣ вечеромъ.

Слова эти были произнесены такимъ голосомъ, что онъ еще до-сихъ-поръ звучитъ въ ухахъ моихъ и отзывается въ сердцѣ.

— Что вы хотите сказать? спросилъ я краснѣя.

— Полно, полно, не притворяйтесь! подойдите ближе ко мнѣ, чтобы я могла поблагодарить васъ.

Нельзя было долѣе скрываться, и я отвѣчалъ ей:

— Не станемъ говорить теперь объ этомъ!... когда-нибудь — послѣ! Берегите только себя, прошу васъ, и не стыдитесь принимать услуги отъ бѣднаго чеботаря!...

Говоря это, я подошелъ къ кушеткѣ. Тутъ Роза вдругъ подилась, схватила мою руку и... поцѣловала ее!...

— Да, сударь!... она поцѣловала!... Ея алыя и тонкія губки коснулись этой черной и косматой руки, этой руки, которая пахнетъ кожей и перемарана варомъ.... эту самую руку поцѣловала бѣдная Роза.

Произнося слова эти, добрый старикъ громко рыдалъ.

Да и мнѣ уже не нужно было фен Стерна, чтобъ заставить меня плакать: слезы мои текли струею.

Я, въ свою очередь, съ жаромъ сжалъ смуглую руку старика, которую онъ съ гордостью показывалъ, и сказалъ отъ глубины сердца:

— Вы рѣдкій, добрѣйшій человѣкъ!...

IX.

За тѣмъ слѣдовало долгое молчаніе.

Въ лавкѣ было все тихо, лишь слышенъ былъ шумъ нашего взволнованнаго дыханія. Мы долго не могли начать снова нашего разговора. Душевное волненіе насъ подавляло.

Въ это время по троттуару торопливо прошелъ какой-то чело-вѣкъ. Онъ былъ въ дорожномъ платьѣ и покрытъ густымъ сло-емъ пыли.

Я видѣлъ, какъ онъ вбѣжалъ въ дверь противоположнаго дома. Но все это было такъ быстро, что я не успѣлъ ничего сообра-зить. Между-тѣмъ старикъ утеръ слезы, и сталъ продолжать свой трогательный разсказъ.

X.

Съ того времени я получилъ право входить къ Розѣ, когда мнѣ вздумается. Не было болѣе препятствій моему дружбѣ! Я могъ бередь, лелѣять, утѣшать мою бѣдную больную. Печальная и ко

всему равнодушная — она все отдавала на мой произволъ. Я былъ полнымъ самовластнымъ господиномъ въ ея маленькой комнат-кѣ. Иногда я употреблялъ во зло свою власть; насильно застав-ляя больную принимать всѣ тѣ заботы, всѣ предосторожности, которыхъ требовало ея драгоценное слабое здоровье.

И она дѣлала все, что я хотѣлъ; повиновалась мнѣ, какъ дитя повинуется матери въ часы своего страданія. Но увы! не смо-тря на всю мою нѣжность и внимательность, не смотря на ея милую покорность — она погибала, она угасала со дня на день. Похудѣвшее лицо ея сдѣлалось такъ нѣжно и такъ прозрачно, что, казалось, разобьется въ дребезги отъ малѣйшаго при-косновенія, отъ самаго легкаго жеста. Я дрожалъ, когда она опи-ралась на свою тонкую, полупрозрачную руку. Блѣдность и синева набрасывали мрачное покрывало на матовую бѣлизну ея кожи, ко-гда то свѣжей и розовой. Бѣлокурые ея волосы уже не свивались въ роскошныя кудри; они печально и угрюмо тесьмами падали съ ея лилейнаго чела. А ротикъ! ея маленький ротикъ!... едва рас-пустившійся цвѣтокъ!... Онъ походилъ на тѣ цвѣтныя почки, которыя рѣзвая рука дитяти срываетъ со стебля и безжалостно бросаетъ на землю. Сорванный цвѣтокъ умираетъ прежде, неже-ли начнетъ жить, и скоро исчезаетъ между засохшими листьями, сдѣлавшись, какъ они, желтымъ и помертвѣлымъ. Я не въ со-стояніи вамъ выразить того, что было въ ея блуждающихъ, по-дутоткрытыхъ глазахъ, — то былъ какой-то тихій свѣтъ, свѣтъ влажный, задумчивый! Казалось, она уже видѣла сквозь про-зрачныя свои вѣки страну неба, свою истинную и единствен-ную отчизну.... Она умирала, сударь! она умирала!... и ей едва было 17 лѣтъ. То была тихая и безмятежная агонія, которая продолжалась около цѣлаго мѣсяца, и которая однакожь не уби-ла меня вмѣстѣ съ Розою.

Я обратился къ медикамъ; но ихъ не скоро дозовешься; нѣ-сколько дней прошло въ тщетныхъ просьбахъ. Медицина нынче походить у насъ, въ Парижѣ, на ремесло, на промыселъ.... Я долго тогда бѣгалъ. Наконецъ пріѣхалъ одинъ изъ докторовъ въ великолѣпномъ экипажѣ. Жива ли еще больная? былъ первый вопросъ его. Къ счастью, Роза жила во второмъ этажѣ — докторъ удостоилъ взойти.

Больная содрогнулась отъ его взгляда. То былъ человѣкъ суровый и холодный. Посѣщеніе его было коротко, безъ всякой пользы, и послѣ того мы его уже не видали.

Потомъ прѣзжали еще два. Одинъ изъ нихъ громко и хладнокровно высказалъ мнѣніе свое, произнесъ приговоръ смерти. То былъ ужасный ударъ для молодой дѣвушки.

Съ другимъ было еще хуже. Это былъ толстый, красный весельчакъ. Онъ предлагалъ больной вопросы, которые въ послѣдній разъ вызвали краску на ея алебастровыя щеки. Я выпроводилъ его за двери. Роза поблагодарила меня, сказавши съ горькою улыбкою:

— Не нужно больше докторовъ, прошу васъ!... наука ихъ безсилна, я не могу больше смотрѣть на нихъ.

Я думалъ тоже самое. Здѣсь болѣзнь гнѣздилась въ сердцахъ — и только Богъ могъ спасти мою бѣдную Розу.

Въ тотъ же вечеръ я побѣжалъ въ церковь Лоретской Божьей Матери, ближайшую къ моей лавочкѣ. Уже давно не былъ я въ Божьемъ храмѣ. Многолюдна и разодѣта была толпа въ этотъ вечеръ. Ряды экипажей заграждали входъ. Я долженъ былъ сдѣлать тысячу обходовъ около нихъ, чтобы добраться до дверей. Здѣсь я упалъ на колѣни и долго молился за Розу.

XI.

И такъ я оставался одинъ у Розы, и одинъ спасъ-бы ее, если бы могъ быть безпрестанно съ нею; но мнѣ нужно было работать. Болѣзнь продолжалась; я видѣлъ, что съ каждымъ днемъ истощались мои средства; моя дѣятельность должна была вознаграждать ихъ по возможности. — Въ этомъ заключалось все наше будущее.

По этому я распредѣлялъ свое время такъ, чтобы у меня не пропадало ни одной минуты.

Я вставалъ съ восходомъ солнца, и работалъ до 9-ти часовъ безъ отдыха. — Прежде этотъ часъ я употреблялъ для завтрака, теперь же занимался хозяйствомъ, и исполнялъ маленькія порученія моей дочери. Этимъ милымъ именемъ называлъ я ее только мысленно, не смѣя произнести его вслухъ передъ нею, боясь

ее оскорбить! Въ 10-ть часовъ я опять принимался за свою работу, и работалъ до 3-хъ; въ это время прежде я обѣдалъ, а теперь уходилъ къ своей больной и утѣшалъ ее. Наконецъ въ 4 часа возвращался въ свою лавку, и оставлялъ ее только тогда, когда темнота ночи препятствовала моимъ занятіямъ.

Но когда жъ я ѣлъ? спросите вы меня. Ахъ, Боже мой! — ѣлъ за работой! — Да и чтѣ я ѣлъ? Кусокъ хлѣба со стаканомъ воды. Мнѣ нужно было беречь время и деньги. И признаюсь, во всю мою жизнь я не ѣдалъ такъ вкусно.

Вечера я проводилъ у изголовья Розы, и оставался подлѣ нея до-тѣхъ-поръ, пока она не засыпала; тогда на ципочкахъ уходилъ я въ залу, и ложился у порога, чтобы проснуться при малѣйшемъ шумѣ.

Часто толковали мы далеко за полночь. Больная страдала жестоко, и мало спала. Болтливость моя ее развеселяла. Она говорила, что, слушая меня, забывала свои страданія. Судите же сами, сколько ломалъ я себѣ голову, чтобы придумать, каждый вечеръ, какую-нибудь новую исторію для разсказа.

Она хотѣла знать для чего и почему я любилъ ее; привязанность моя казалась ей трудною загадкою. — Я разсказалъ ей все такъ же чистосердечно, какъ и вамъ. — Въ началѣ разсказа она улыбалась; но я не могъ кончить его: она заплакала. Добрая, милая дѣвушка! — Когда волненіе ея немного утихло, она привлекла меня къ себѣ и хотѣла, чтобы я поцѣловалъ ее въ лобъ; но я не смѣлъ. Она стала увѣрять, что это облегчитъ ея страданія, и я... поцѣловалъ ее.

Нѣтъ нужды разсказывать вамъ того неизяснимаго чувства, которое переполнило тогда мое сердце.

Потомъ указала она мнѣ на высокой шкафъ краснаго дерева, и просила взглянуть на послѣднюю полку. Я повиновался. Шкафъ былъ пустъ. Я увидѣлъ въ немъ только пару лакированныхъ сапожковъ, монхъ старыхъ знакомцевъ.

При взглядѣ на нихъ невольно вырвался крикъ изъ груди моей.

— Дарю вамъ ихъ, сказала мнѣ Роза, радуясь, что можетъ дать мнѣ хоть что-нибудь.

— Мнѣ!... вскричалъ я голосомъ, ясно выразившимъ, что не вѣрю такому счастью.

— Да, тебѣ, повторила она съ большею силою. Тебѣ, мой другъ, мой отецъ! — Это одно, что у меня осталось; это все мое наследство, а вѣдь ты мой единственный наследникъ! Не прерывай меня.... Знаю напередъ, что ты мнѣ скажешь. Но это моя воля, и ты сдѣлаешь мнѣ большое удовольствіе, если примешь то, что одушевляетъ тебя старика художника. Мало того, я хочу больше.... Слушай: можетъ-быть, мы скоро разлучимся, и ты останешься одинокъ и бѣденъ.... Ну — не плачь же, а не то и я заплачу....

Слезы, готовые брызнуть изъ глазъ моихъ, были удержаны какъ бы волшебною силою.

Роза продолжала:

— Я хочу, чтобы ты повѣсилъ ихъ въ своей лавочкѣ, съ надписью: *Сапожки Сандрильоны*, въ память того, что ты когда-то по этимъ сапожкамъ называлъ меня Сандрильоною.... Слышишь ли, другъ мой?... Я хочу этого!...

Я хотѣлъ говорить, отвѣчать.... но не могъ, — я былъ такъ встревоженъ, такъ полонъ благодарности!... Я хотѣлъ благодарить, утѣшать, уговаривать ее, чтобы она не думала объ этой разлукѣ, которая меня ужасала!...

Роза прибавила:

— Ни слова, прошу тебя!... Унеси ихъ сегодня же вечеромъ; я чувствую, что голова моя тяжела и вѣки опускаются.... Мнѣ хочется спать. Прощай, мой другъ!... До завтра!

При этихъ словахъ глаза ея сомкнулись и голова утонула въ подушкахъ.

Я прижалъ къ губамъ своимъ ея ослабѣвшую, протянутую ко мнѣ руку; потомъ осторожно схватилъ концами пальцевъ крошечные сапожки и выбѣжалъ въ залу, удерживая дыханіе, боясь сдѣлать малѣйшій шумъ.

Цѣлую ночь я не могъ заснуть.... сапожки были мои, были предомною!...

Съ первыми лучами солнца я унесъ ихъ въ мою лавку, и спряталъ подъ голубое одеяло моей кровати.

Скупецъ не берегъ бы такъ своихъ сокровищъ!

Да, сударь, и если вы видите ихъ здѣсь на показъ всѣмъ, то это только потому, что такъ хотѣла Роза.... безъ этого никогда, ни

что глаза, кромѣ моихъ, не смотрѣлись бы въ ихъ блестящую поверхность.

ХІІ.

Такъ прожили мы двѣ томительныхъ недѣли. Болѣзнь дѣлала ужасные успѣхи. Каждый разъ, при моемъ утреннемъ посѣщеніи, я былъ поражаемъ сильною переменною въ Розѣ. Прошла веселость, прошли тихіе и долгіе разговоры. Меня угнетали горести и безнадежность. Однакожъ, приближаясь къ больной, я всегда старался придать лицу своему веселость и улыбку. Всѣми силами старался я скрыть отъ нее мою печаль и мой страхъ, и вселять въ нее надежду, которая далеко была отъ моего собственного сердца.

Съ каждою ночью глубже и глубже впадали ея мнѣе голубые глазки. Взглядъ ея походилъ уже на звѣзду, блѣднѣющую при первыхъ лучахъ солнца. Худоба и блѣдность придавали ей видъ привидѣнія. Роза, моя бѣдная Роза, была уже не что иное, какъ неосвязаемая тѣнь, готовая исчезнуть навсегда; только тѣло ея оставалось на землѣ, душа уже улетала въ свою родину, къ ангеламъ, которые являлись ей въ грезахъ и призывали ее въ небо.

Однажды ночью послышался мнѣ какой-то шумъ — какъ будто бы дверь въ спальнѣ съ осторожностію отворялась. Шумъ этотъ сталъ повторяться каждую ночь. Я осмотрѣлъ стѣну; она вся была штучная, столярной работы, но не было ни какой пружины, ни одной щели. Вѣрно это чудилое мнѣ, думалъ я. Однакожъ въ одну ночь вдругъ разбудилъ меня сильный стукъ, какъ-бы отъ паденія на полъ тяжелаго тѣла. Въ этотъ разъ уже не было обмана, я очень хорошо слышалъ. Не медля вскочилъ я и отворилъ дверь.

При свѣтѣ ночной лампы можно было кое-какъ рассмотреть происходившее въ комнатѣ....

Что-то бѣлое видѣлось на полу. Я вздрогнулъ: то была Роза; она лежала въ обморокѣ. Въ то же время замѣтилъ я, что одна изъ вставокъ штучной стѣны была нѣсколько отодвинута; я отодвинулъ ее дальше: открылось небольшое пустое пространство, въ глубинѣ котораго висѣлъ портретъ молодого человека; я узналъ въ немъ того, кого оплакивала Роза.

Нѣтъ сомнѣнія, что отсюда происходилъ тотъ шумъ, который часто слышался мнѣ ночью. Больная вставала по ночамъ, чтобъ любоваться на лицо любимого человѣка. Въ этотъ разъ силы ей измѣнили: она упала, отпирая потаенную дверь.

Неосторожное, безразсудное дитя!

— Прости меня! прошептала она пришедши въ чувство: прости, мой другъ! Въ этомъ было мое единственное счастье, и я не хотѣла, чтобъ кто нибудь, чтобъ даже ты любовался этимъ завѣтнымъ лицомъ.

Ужъ какой я ей выговоръ сдѣлалъ!...

Она должна была дать мнѣ слово, что не будетъ больше вставать ночью. Она дала его съ условіемъ, чтобъ я помѣстилъ портретъ предъ нею. Онъ былъ поставленъ у ней въ ногахъ на кровати, и съ тѣхъ-поръ она не сводила съ него глазъ.

XIII.

Прошло 18 мѣсяцевъ съ-тѣхъ-поръ, какъ молодой человѣкъ уѣхалъ!...

Отъ него не было ни одного письма!

И ни одна душа не посѣтила Розу!

Это забвеніе, это одиночество было для меня неизяснимо, ужасно!

Однакожъ она должна же имѣть родителей, родственниковъ.... Невозможно, чтобы она была совершенно одинока въ мірѣ, совершенно безъ родныхъ.... Можетъ-быть, она не смѣла обратиться къ тѣмъ, которые имѣли право на нее сердиться?... Въ такомъ случаѣ я бы самъ побѣжалъ къ нимъ... побѣжалъ бы съ радостію, чтобъ доставить ей покровительство болѣе надежное, нежели мое. Правда, я гордился своею помощію, но счастье и спасеніе Розы было для меня дороже всего!

Нѣсколько разъ собирался я поговорить съ нею объ этомъ, но боязнѣ быть нескромнымъ всегда останавливала меня.

Безъ сомнѣнія, Роза угадала наконецъ мысль мою, потому что однажды вечеромъ она сама рассказала мнѣ всю исторію своихъ 17 лѣтъ, безъ всякой съ моей стороны просьбы.

Исторія эта походила на исторію многихъ молодыхъ дѣвушекъ.

Сирота почти отъ самой колыбели, она была прирѣтна и воспитана дальними родственниками отца. Рождественники эти сами имѣли дѣтей, которые, разумеется, всегда и во всемъ предпочитались бѣдной сироткѣ; отъ этого рождались разныя непріятности, которыя всегда падали на нее и ни на одну минуту не давали ей покоя. Позже, когда подросла, она стала чувствовать, какъ горекъ чужой хлѣбъ!... Постоянные лзвительные упреки, постоянное униженіе! Тщетно старалась работою заплатить она за тотъ уголокъ, который занимала въ этомъ домѣ. Никогда не слыхала она дружескаго голоса. За то первыя слова любви привели въ упоеніе ея юное сердце, которому до тѣхъ-поръ были незнакомы подобныя звуки. У нея была чистая, невинная душа, но жестокое обращеніе, непрерывныя оскорбленія заставили ее наконецъ убѣжать изъ этого дома, сдѣлавшагося ей несноснымъ. Любовь ожидала ее за порогомъ.

Какъ счастлива была она въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ! Возлюбленный обожалъ ее!

До побѣга вся бесѣда ихъ заключалась только въ томъ, что они каждый вечеръ мѣнялись черезъ заборъ букетами розъ; послѣ побѣга она сама приняла названіе этого цвѣтка, чтобъ лучше скрыться отъ преслѣдованій. — Напрасный трудъ! — Родственники и не думали искать ее, напротивъ радовались, что избавились отъ чужаго дитяти. — Однакожъ, какъ заботилась она о томъ, чтобъ не быть узнаною! Никто, кромѣ возлюбленнаго, не зналъ настоящаго ея имени; всѣ называли ее Розою. Такъ жили они нѣсколько мѣсяцевъ весело и счастливо, пока не насталъ роковой день разлуки; съ этого пагубнаго дня счастье и здоровье начали покидать ее....

Таковъ былъ искренній разсказъ Розы; онъ меня тронулъ. Меня однакожъ поразило то, что Роза въ разсказѣ своемъ ни разу не назвала ни своей фамиліи, ни фамиліи родственниковъ, которыхъ она, впрочемъ, нисколько не осуждала.

Я спросилъ ее, отчего она не назвала никого по имени.

— Оттого, отвѣчала она съ улыбкою (и это была послѣдняя улыбка, которую я видѣлъ на ея губахъ), — оттого, что я хорошо тебя знаю... Видишь ли... другъ мой!... Если бъ тебѣ извѣстно была фамилія нѣкоторыхъ лицъ, ты непремѣнно сталъ бы искать

ихъ, а я не хочу этого!... Они много сдѣлали мнѣ зла! Они думали и говорили ужасныя вещи обо мнѣ, послѣ того какъ я ихъ оставила!... Но и въ 17 лѣтъ можно имѣть гордость!... Зачѣмъ просить у нихъ милости, которой, будь увѣренъ, они никогда не окажутъ?

— Пусть такъ, сказала я ей: но нельзя ли поискать помощи съ другой стороны?... Вѣдь у него были друзья, добрые, молодые люди; не доставятъ ли они намъ какихъ нибудь средствъ или, еще лучше, какихъ нибудь извѣстій?...

Это, казалось мнѣ, былъ самый лучший способъ заставить ее согласиться. Но я обманулся. Она печально покачала головою и отвѣчала:

— Напрасная надежда, мой второй другъ! напрасная надежда! Я никогда не видѣла ни одного изъ его товарищей. Самъ онъ для меня одной отказался отъ всякаго общества. Съ того дня, какъ я предалась ему, мы составляли другъ для друга весь міръ. Такова была наша любовь! Онъ разстался со своимъ прошедшимъ, и мы должны были жить только вдвоемъ, одни, вмѣстѣ, всегда вмѣстѣ, другъ для друга, одинъ жизнью другаго; все остальное на землѣ было для насъ чуждо. Его голосъ отражался въ моемъ, какъ мой отражался въ его, — для насъ не существовало *я* и *мое*; у насъ только было мое и наше. Таковы были законы нашей любви; онъ самъ того хотѣлъ, и я съ радостію ему повиновалась. Я не знала, не любила никого въ свѣтѣ, кромѣ его. Но онъ — онъ приносилъ мнѣ жертву! У него были друзья, свои удовольствія и свои привычки. Шумъ свѣта, разнообразіе лицъ и разговоровъ, все это плѣвило его слухъ и зрѣніе; но онъ видѣлъ только меня, онъ слышалъ только свою Розу. Онъ не хотѣлъ, чтобы голосъ мой слышалъ чье-нибудь чужое ухо, чтобы чужой взоръ останавливался на лицѣ моемъ; и я увѣрена, что онъ ревновалъ бы меня даже и къ тебѣ. И такъ, другъ мой, ты видишь, что по его отъѣздѣ, разставшись съ нимъ, я не знаю никого въ свѣтѣ!...

— Въ такомъ случаѣ, вскричала я невольно, тѣмъ болѣе не протестительно съ его стороны — оставить, бросить тебя одну, и не написать ни одного слова дружбы и утѣшенія!

При этомъ обвиненіи умирающая дѣвушка поднялась съ постели, гордая и блѣдная, какъ мраморная статуя. Молнія пробѣ-

жала по ея одушевленнымъ глазамъ. Она была прекрасна въ своемъ гнѣвѣ, съ своею увѣренностію и любовью!

— Клевета! вскричала она сердитымъ и дрожащимъ голосомъ: ты лжешь, лжешь! Чтобъ онъ меня позабылъ!... никогда!... Если онъ оставилъ меня одну — то это такъ должно быть! Все, что онъ дѣлаетъ — хорошо!... Онъ не забылъ меня!... Онъ возвратится!... Я чувствую, что онъ ѣдетъ. Не было писемъ!... Онъ не дошел, потому что потонули!... можетъ-быть онъ самъ схороненъ на днѣ моря!... Да! я часто вижу его во снѣ; онъ зоветъ меня, онъ простираетъ ко мнѣ руки!... Онъ ждетъ меня тамъ, высоко, а я... жду его здѣсь!... Но мы будемъ вмѣстѣ — на землѣ или на небѣ!...

Такое усиліе, такой восторженный бредъ истошили слабую дѣвушку. Она опустилась на свою страдальческую постель, блѣдная, неподвижная, безъ голоса.

Я думалъ, что убилъ ее, и упалъ лицомъ на землю, громко рыдая...

Когда она пришла въ чувство, я умолялъ ее о прошеніи, не смѣя взглянуть на нее.

— Ты долженъ простить меня! произнесла она томнымъ и слабѣющимъ голосомъ. Я обидѣла тебя!... Не должно сомнѣваться въ немъ... У него доброе и благородное сердце. Божусь тебѣ, онъ не забылъ меня! Я хочу, чтобъ и ты любилъ и уважалъ его. Согласенъ ли ты на это? другъ мой, прошу тебя, скажи, что и ты любишь его и вѣришь ему.

Она просила меня, сударь!... и я говорилъ все, что она хотѣла.

— Вотъ онъ!... прибавила она, указывая на стоявшій въ ногахъ ея портретъ молодого человѣка... она ласкала его пѣрнымъ и выразительнымъ взоромъ. Посмотри же на него!... Похожъ ли онъ на человѣка, способнаго обманывать и забывать обѣщанное?...

И Роза долго, долго не сводила глазъ съ драгоцѣннаго изображенія; наконецъ усталость побѣдила ее, она склонилась на подушки и сказала голосомъ тихимъ мелодическимъ, какъ послѣдняя пѣснь лебеда:

— Не правда ли, Жоржъ, вѣдь ты все еще любишь меня?

XIV.

Бѣдная дѣвушка такъ заботилась обо мнѣ старикѣ, такъ уважала всѣ мои желанія, всѣ мои причуды, что на другой же день, какъ только я пришелъ къ ней, она сказала :

— Другъ мой, я всю ночь думала о томъ, о чемъ ты просилъ меня вчера, и, кажется, нашла, чѣмъ успокоить тебя.

— Лучше было бы спать, а не утруждать напрасно твою болѣзную головку, отвѣчалъ я тономъ кроткаго упрека. Сопъ такъ облегчаетъ тебя!... Не хорошо, что ты забываешь совѣты мои, не хорошо!... Но я все прощаю и готовъ выслушать. Ну, посмотришь, что жъ ты придумала?...

— Вотъ что... сказала она : къ родственникамъ, у которыхъ я воспитывалась, приходилъ нѣсколько разъ одинъ старинный другъ моей матери, старикъ тоже добрый, хотя и не такъ какъ ты. Онъ былъ влюбленъ въ мою мать до ея замужства. Мать предпочла ему отца моего, но тѣмъ не лишилась его привязанности; благородный человѣкъ подавилъ въ себѣ ревность, и сдѣлался ея другомъ, не могли быть мужемъ. Мать моя умерла, и привязанность его перешла ко мнѣ — это было мое единственное наслѣдство. Ахъ, зачѣмъ не позволяли ему взять меня!... У меня былъ бы отецъ! Меня взяли къ себѣ мои родственники, чтобъ похвастать своимъ великодушiемъ. Ихъ великодушiе мнѣ дорого стоило. Часто слышала я, какъ добрый старикъ выговаривалъ имъ за меня. «Чужiе, сказалъ онъ однажды, гораздо сострадательнѣе къ бѣднымъ сиротамъ, нежели родственники. Родные, если нуждаются въ нихъ, если родство стѣбитъ имъ хоть нѣсколько копѣекъ, дѣлаются врагами, самыми жестокими, самыми безчеловѣчными!» Говоря это, онъ ласкалъ и утѣшалъ меня. Все это было еще въ дни моего дѣтства. Въ одинъ вечеръ наконецъ ему отказали отъ дому за его смѣлую откровенность. Я плакала, когда онъ уѣзжалъ въ послѣднiй разъ!... Только отъ него я слышала дружескiй голосъ. «Прощай, дитя мое! сказалъ онъ съ чувствомъ: прощай, моя Роза-блондиночка...» такъ называлъ онъ меня всегда. Потомъ онъ прибавилъ съ особеннымъ выраженiемъ: «Если когда-нибудь ты будешь въ несчастiи, то обратись ко мнѣ, я приму тебя, какъ родную дочь!... Слышишь-ли, дитя мое? повторилъ онъ еще. Не забывай никогда того,

что я говорю тебѣ теперь!... Прощай!...» И съ тѣхъ-поръ я никогда не видала добраго старика....

Роза въ изнеможенiи остановилась на минуту.

— Только одно, одно слово! вскричалъ я!... Скажи только, гдѣ могу я найти этого благороднаго человѣка?...

— Да, я ужъ долго думала объ этомъ!... отвѣчала она, стараясь улыбнуться. Я долго припоминала его фамилiю и адресъ!... Посуди самъ... вѣдь этому уже лѣтъ восемь!... почти половина моей жизни. Я долго думала, наконецъ!...

— Наконецъ? спросилъ я съ опасенiемъ.

— Наконецъ я все припомнила и адресъ и фамилiю!

Сударь! вы не повѣрите! не смотря на мои 50 лѣтъ, я прыгалъ отъ радости.... Еслибъ при этомъ былъ кто-нибудь постороннiй, — онъ посмѣялся бы надо мною. Что дѣлать? Я былъ счастливъ, я обезумѣлъ!

Однакожъ Роза не довѣрила мнѣ своего настоящаго имени. Я долженъ былъ только напомнить старику его Розу-блондиночку.

Мнѣ было не много обидно, что она имѣетъ отъ меня секреты. Она это очень хорошо понимала, плутовка, и все-таки ничего не говорила. Гордость ея не позволяла даже и того, чтобъ послѣ ея смерти, я просилъ у кого-нибудь изъ родныхъ денегъ на могильный камень.

Между-тѣмъ, я побѣжалъ въ назначенный домъ. Я перегонялъ экипажи, спорилъ съ ними въ скорости; такъ оживились и помолодѣли мои старыя ноги!

Дорога моя была направлена къ Сентъ-Жерменскому предмѣстью. Я перешелъ скорѣ Сену, и не медля ни минуты пустился по широкимъ улицамъ этого обширнаго квартала.

— Ну, ну, впередъ! говорилъ я самъ себѣ задыхающимся голосомъ. Собери свои силы, старый курьеръ! Если порученiе будетъ успѣшно, — ты поѣдешь назадъ въ каретѣ.

Но, увы! курьеръ воротился домой пѣшкомъ. Высокия двери отеля были обтянуты трауромъ.

Боже мой, Боже! Мнѣ не нужно было отвѣта рыдающаго слуги, чтобъ убѣдиться въ печальной истинѣ. Одно изъ тѣхъ предчувствiй, которыя никогда не обманываютъ, сжало мнѣ сердце.

Единственный другъ, отъ котораго умирающая могла ждать помощи, умеръ въ прошедшую ночь.

Я возвращался съ поникшею головою; по той же самой дорогѣ, по которой, нѣсколько минутъ тому назадъ, бѣжалъ съ такимъ восторгомъ, съ такими радостными надеждами.

— Нужно немного потерпѣть! сказалъ я, входя въ комнату больной: онъ уѣхалъ за городъ на нѣсколько дней.

Добрая Роза! она показала какъ-будто вѣрить моей лжи, какъ-будто не замѣтила моей печали и моего отчаянія!

XV.

Что остается мнѣ еще досказать вамъ?... Вы, вѣрно, сами все угадали!... Ни словами, ни слезами не выскажешь всего, что было!... Одно только сердце можетъ это чувствовать и рассказать вполне. Ужасное воспоминаніе!... Воображеніе рисуетъ какіе-то неясные, смѣшанные образы предъ глазами тѣхъ, кто токуетъ и плачетъ... Я еще теперь вижу предо мною эту агонію!... она тутъ, предъ моими глазами!... Я здарошу!... но рассказать не могу вамъ; скажу только два слова: она умерла!...

Она умерла, сударь, умерла!... Ничто не могло спасти ее... Одинъ случай могъ бы сдѣлать это, но онъ пришелъ уже поздно! Да, сударь, послушайте, что было, и посудите сами!

Насталъ послѣдній часъ; я побѣжалъ за священникомъ. Достойный старикъ пошелъ тотчасъ же со мною къ больной. Дошедши до дверей, я пустилъ его одного въ комнату. Меня подавляло отчаяніе, голова моя кружилась; еслибъ не перила, я покатила бы по лѣстницѣ. Въ это время нѣсколько словъ, произнесенныхъ подлѣ меня, привлекли мое вниманіе.

Смутно повелъ я глазами: у лѣстницы стоялъ привратникъ и почтальонъ.

Почтальонъ произнесъ имя женщины.

— Опять! вскричалъ привратникъ, это уже десятое. Не знаю такой!... И опять изъ колоній?

— Изъ колоній!

Они говорили про письмо, которое почтальонъ держалъ въ рукѣ, и которое привратникъ не хотѣлъ принять.

Я истинникомъ поваялъ истину, съ радостнымъ крикомъ бросился къ письму, и въ одну секунду былъ у дверей спальни.

Священникъ уже благословлялъ Розу.

Я показался на порогѣ, и громко, сквозь слезы, прочелъ имя, написанное на конвертѣ.

Роза быстро повернула ко мнѣ голову.

То было ея имя!

Жоржъ десять разъ писалъ ей, адресуя на ея настоящее имя, имя никому неизвѣстное.

Десять разъ приходили счастье и жизнь съ этимъ письмомъ!...

Десять разъ рука глупаго привратника отталкивала то и другое!...

Вотъ судьба!...

Между-тѣмъ Роза впила въ угасающимъ взоромъ въ письмо это, столь долго ожидаемое, которое я держалъ въ рукахъ, какъ знамя побѣды. Я подошелъ къ ней и съ восторгомъ положилъ талисманъ на край кровати.

Всѣ мои надежды ожили! Я думалъ, что она спасена!

Она быстро схватила письмо, прижала его къ сердцу, и потомъ хотѣла сломить печать. Но сургуль не повиновался ея ослабѣвшимъ, дрожащимъ пальцамъ. У нея уже не доставало силы разломить его!

Я поваялъ нѣмую и умоляющую просьбу....

Конвертъ упалъ на полъ....

Я развернулъ письмо... и на первой страницѣ успѣлъ прочесть радостные слова:

«Я возвращаюсь богатый, и люблю тебя больше, чѣмъ когда-нибудь....»

Нѣтъ сомнѣнія! Я принесъ съ этимъ письмомъ спасеніе и новую жизнь моей дочери!

И я снова положилъ письмо въ ея руки. Онѣ дрожали. Какою-то высшею силою она приподнялась немного на постели. Лицо ея сіяло небесною радостію.

Долго не сводила она своихъ потухшихъ глазъ съ первыхъ строчекъ.... Она была неподвижна, поражена!... Только вѣки ея двигались и выражали петербургскія и удивленіе! Раздражающія мухи сморщили лобъ ея и вызвали лихорадочный румянецъ на щеки. Можно было видѣть судорожное дыханіе по движенію ея ноздрей и синихъ губъ.

Между-тѣмъ зрѣніе ея истощилось отъ чрезмѣрнаго напряженія. Увы! она уже не могла дочитать драгоценныхъ строкъ...

Несчастная дѣвушка!... Смерть не оставила ей и этого послѣдняго утѣшенія... Казалось, все то, что она не успѣла выплакать, вдругъ выразилось на лицѣ ея. Въ глазахъ ея еще были слезы!... во уже не свѣтился въ нихъ прежній огонь!... Никогда ни какое мученіе, ни какая горестъ не были такъ ужасны, какъ послѣднее мученіе, какъ послѣдняя горестъ моей бѣдной Розы.

Наконецъ глухой крикъ вырвался изъ груди ея.... руки судорожно затряслись.... тѣло согнулось назадъ.... Я чувствовалъ, что она упадетъ.... бросился къ ней и принявъ ее на свою рыдающую грудь.

Я стоялъ съ нею неподвижно; я боялся потрясти свѣтильникъ, чтобъ не потушить угасающее пламя.

Мнѣ казалось, что она уже умерла.

Можетъ-быть, дѣйствительно она была мертва.... Но вдругъ быстрая искра сверкнула въ ея глазахъ; такъ иногда зажженный алкоголь, потухая, вспыхиваетъ послѣднимъ бѣглымъ пламенемъ. Уста ея раскрылись, съ тѣмъ, чтобы никогда не закрываться. Этотъ взоръ, этотъ вздохъ обращены были къ портрету. Душа ея отлетѣла, сказавъ своей любви послѣднее: прости! Ея послѣдній вздохъ былъ послѣднимъ поцѣлуемъ!

На мою долю досталось пожатіе руки, едва замѣтное; но оно заставило меня вздрогнуть, и я хорошо его понялъ. Роза говорила мнѣ :

— До скорого свиданія, мой старый другъ!...

XVI.

Долго держалъ я мертвую дѣвку на рукахъ своихъ, которая, казалось, охладѣвала вмѣстѣ съ нею. Я слышалъ, какъ утихало въ агоніи ея предсмертное храпѣніе, какъ переставало биться сердце; я чувствовалъ, какъ мало по-малу охладѣвалъ трупъ; наконецъ ледяной его холодъ заставилъ меня вздрогнуть.

Все было кончено! Я тихо положилъ на подушку милую головку, которая безжизненно висѣла, качаясь за плечомъ моимъ.... Наклонившись на постель, безмолвный, неподвижный, сталъ я разсматривать мою Розу.

Смерть не обезобразила лица ея. Она какъ-будто спала. Я сомкнулъ ей полураскрытыя вѣки. Они походили тогда на голубую, прозрачную дымку, чрезъ которую, казалось, глаза ея еще смотрѣли на меня.

Потомъ я опустился въ близъ стоящаго кресла, и устремилъ свой тусклый и мрачный взоръ на эти тонкія формы, которыя едва поднимали простыню, ихъ покрывавшую, и которымъ погребальный свѣтъ восковыхъ свѣчей придавалъ, сквозь вечерній сумракъ, какую-то мрачную и подвижную драпировку.

Такъ провелъ я всю ночь, безъ мыслей, безъ слезъ. Я не могъ плакать!...

На улицѣ раздался громкій смѣхъ и послышалось веселое пѣніе!...

Тогда только почувствовалъ я, что живъ еще. Сердце мое сжалось. Я взглянулъ на постель съ простодушнымъ и глухимъ безпокойствомъ.

Нѣтъ, какіе бы звуки не раздавались тогда, — они не разбудили бы Розы!...

Я не хотѣлъ, чтобъ чьи-нибудь руки, кромѣ моихъ похоронили ее.

Она была легка и гибка, какъ полотно. Дрожь пробѣжала по мнѣ, при взглядѣ на ея исхудалыя, мраморныя плечи! Когда же я увидѣлъ ея крошечныя ножки, блѣдныя, съ синими жилками, о!... какъ горько, горько я улыбнулся; — и тутъ горючія слезы брызнули наконецъ изъ глазъ моихъ. Обѣ ножки помѣшались въ одной моей рукѣ.... Я поспѣшилъ поцѣловать ихъ дрожащими губами, прежде чѣмъ обернулъ ихъ саваномъ....

Мои руки положили Розу въ гробъ. Въ немъ схоронилъ я вмѣстѣ съ нею всѣ надежды, всѣ радости моихъ сѣдыхъ волосъ; но заколотить ее въ эти шесть досокъ — у меня не доставало силы!... Чобъ я самъ заперъ мою Розу въ этотъ узкій и душный ящикъ!... Никогда!... Гробъ заколотили другіе, а я заткнулъ себѣ уши, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Напрасно! — каждый ударъ молотка повторялся эхомъ въ груди моей. При каждомъ ударѣ казалось мнѣ, что гвозди входили въ мое тѣло. Когда гробъ заколотили, я печально взглянулъ на пустую и смятую постель, и видѣ себя упавъ на гробъ, отнявшій у меня все; на него излилъ я всю свою горестъ.

Я хотѣлъ разломать его; я рыдалъ, я обезумѣлъ!...

Стукъ подѣхавшаго экипажа образумилъ меня.

То были дроги, на которыхъ хоронятъ бѣдныхъ; они оставились у подвѣзда.

Я оттолкнулъ людей, которые торопились отнять у меня мое

сокровище, и самъ, на своихъ дряхлыхъ плечахъ, понесъ дорожную ношу, которую нѣсколько футовъ земли должны были скрыть отъ меня навсегда.

Я шелъ тихо, осторожно, боясь потревожить покойницу.

Гробъ скользнулъ по дрогамъ; они съ шумомъ повертели и угрюмо потянулись съ своею жертвою обычнымъ путемъ.

Я шелъ сзади, закрывши лицо свое тѣмъ платкомъ, которымъ въ послѣдній разъ утиралъ глаза Розы.

Ее везъ теперь самый простой и грубый экипажъ, устроенный для бѣдныхъ. Я одинъ провожалъ ее съ непокрытою головою, въ той самой смиренной одеждѣ, которую и теперь ношу.

Однакожъ все умолкало и смирялось на пути простаго и одинокаго поѣзда. Толпа съ почтеніемъ разступалась, чтобъ дать дорогу умершей молодой дѣвушкѣ и старику, который въ слезахъ провожалъ ее.

Сколько богатыхъ и пышныхъ похоронъ позавидовали бы этому трогательному сочувствію! Народъ, руководимый тайнымъ инстинктомъ, не всѣмъ равно сочувствуетъ.

Такъ достигли мы до Монмартрскаго кладбища; и вскорѣ увидѣлъ я мрачную могилу; вокругъ ея не тѣснилась многолюдная толпа: стоялъ только священникъ, исповѣдывавшій покойную, да я.

Гробъ опустили на веревкахъ въ могилу; веревки были выдернуты назадъ, во съ ними не воротилась моя Роза.

Я побрелъ домой безмолвный и покорный Промыслу.

Я былъ уничтоженъ! Безъ мыслей, безъ воли, инстинктивно пришелъ я въ свою лавочку. Я ничего не видѣлъ и не слышалъ; и между-тѣмъ, не смотря на это безуміе, это отчаяніе — кто-то шепталъ мнѣ въ глубинѣ моего растерзаннаго сердца:

— Розѣ нужны памятникъ и цвѣты!

Увы! хозяинъ дома велѣлъ все продать. Законъ оставляетъ бѣдняку постель, на которой онъ могъ бы преклонить свою голову; а зтогъ человѣкъ! — онъ не хотѣлъ мнѣ уступить даже и кровати, на которой умерла бѣдная дѣвушка!

Богъ наказалъ его! Прошло три мѣсяца съ-тѣхъ-поръ, и вотъ вы видите: ставни этого дома заперты, въ немъ никто не живетъ....

Но у меня осталось нѣсколько экю и тѣ средства, которыя доставляла моя работа; я сталъ работать тремя часами долѣе.

Къ несчастію, мраморъ стоитъ дорого, а кожа мало приноситъ доходовъ.

И теперь моя Роза, моя милая Роза спитъ подъ чернымъ деревяннымъ крестомъ, подъ сѣбно тѣхъ цвѣтовъ, отъ которыхъ она получила свое имя и красоту.

Вотъ, сударь, все, что я могъ рассказать вамъ. Вы знаете теперь исторію этихъ бѣдныхъ сапоговъ; я утѣшаюсь ими воспоминаніемъ прошедшее.

Къ счастью, я старъ, и, можетъ быть, не далеко уже тотъ день, въ которой я соединюсь съ моею Розою.

Каждый вечеръ хожу я на Монмартрское кладбище, и говорю себѣ:

— Еще однимъ днемъ ближе къ свиданію!

Вотъ, сударь, вся моя жизнь, всѣ мои надежды!...

XVII.

Такъ окончилъ старикъ разсказъ свой.

Онъ остаовлялся истощенный и взволнованный.

Нерѣдко рыданія прерывали разсказъ его; тогда я молчалъ въ печальномъ ожиданіи. Его безмолвіе было также трогательно, какъ простъ и правдивъ разсказъ, каждое слово котораго было показано растерзаннымъ сердцемъ.

Волненіе души моей почти равнялось его горести. Я любилъ Розу и также горько оплакивалъ ее, какъ и онъ! Старикъ сожалѣлъ о потерѣ своей любимой дочери, а я о томъ, что не зналъ этой милой и очаровательной дѣвушки.

Печально и задумчиво молчали мы.

Наконецъ, какъ-бы по сочувствію, въ одно время взглянули оба на лакированные сапожки, на зеркалъ которыхъ заходящее солнце отражало свои блестящіе и красивые лучи; потомъ посмотрѣли на балконъ, заколоченныя ставни котораго возбуждали въ душѣ что-то грустное и меланхолическое.

Вдругъ рѣшетчатые ставни съ силою отворились; въ высококомъ и темномъ окнѣ показался молодой человѣкъ.

Я его узналъ тотчасъ. Это былъ тотъ самый незнакомецъ въ запыленномъ и измятомъ платьѣ, который, не болѣе получаса тому назадъ, пробѣжалъ по тротуару и скрылся въ противоположный домъ.

Въ то же время старикъ вскрикнулъ.

— Что такое?... спросилъ я его съ безпокойнымъ любопытствомъ.

— Это онъ, произнесъ старикъ глухимъ голосомъ.

— Жоржъ! вскричалъ я изумленный и испуганный...

Старикъ отвѣчалъ мнѣ взоромъ. Я его помялъ; это былъ несчастный обожатель Розы.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вбѣжалъ въ лавочку.

Безъ сомнѣнія, онъ хотѣлъ все узнать; я видѣлъ его отчаяніе, его признательность къ доброму старику, покровителю его милой Розы, потерянной имъ навсегда. Его горестъ была ужасна и наводила страхъ. То онъ былъ неподвиженъ, какъ оцѣпенѣлый, то судорожно сжималъ въ своихъ объятіяхъ чеботаря, старавшагося его утѣшить. Наконецъ, слезы брызнули изъ глазъ молодаго человѣка и облегчили нѣсколько задыхающуюся и растерзанную грудь его. Мало-по-малу онъ успокоился и внятно произнесъ глухимъ и умоляющимъ голосомъ:

— Гдѣ она?... скажите мнѣ, гдѣ она?...

— Пойдемте, пойдемте!... отвѣчалъ старикъ, увлекая молодаго человѣка изъ своей лавочки. Возьмите мою руку!... обопритесь на меня.... Вотъ уже солнце закатилось, и настала тотъ часъ, въ который я обыкновенно хожу поливать мои розы.

XVII.

Задумчивый и одинокій стоялъ я посреди улицы, и долго смотрѣлъ, какъ они удалялись. Долженъ ли я былъ слѣдовать за ними?... Я не смѣлъ этого сдѣлать; истинная горестъ не любитъ свидѣтелей. И что же такое былъ для нихъ я?... незнакомецъ любопытный прохожіи, совершенно не знавшій Розы!...

Послѣ нѣсколькихъ минутъ нерѣшимости, я побрелъ домой.

Я опять проходилъ по Лоретской улицѣ, поутру казавшейся мнѣ веселою и забавною.

Теперь я былъ озабоченъ и печаленъ.

Отчего же?

Оттого, что не было уже бури, что ночь приближалась и что фея Стерна отлетѣла отъ меня съ послѣднимъ лучомъ заходящаго солнца.

==

ФУШЕ И ЕГО ПОЛИЦІЯ.

(Разсказъ Маріи Эваръ.)

Богачи во Франціи съ незапамятныхъ временъ старались попасть въ общество важныхъ государственныхъ лицъ и посѣщали министерскіе кабинеты. Это самое вѣрное средство въ точности узнать происшествія, могущія имѣть вліяніе на народное богатство и на возвышеніе и паденіе денежнаго курса. Въ нашъ вѣкъ банкиры охотно дѣлаются депутатами, чтобы имѣть легкій доступъ къ тайнамъ: займовъ, желѣзныхъ дорогъ, пароходства; все это принадлежитъ къ ихъ сферѣ, всѣмъ они занимаются. Во время Французской Имперіи банкиры посѣщали министровъ для полученія первыхъ извѣстій изъ арміи, и хлопотали о подрядахъ, какъ нынѣ хлопочутъ о желѣзныхъ дорогахъ. Хотя милость и покровительство военнаго министра, казалось, должны были имѣть сильнѣйшій вѣсъ, не смотря на то существовало лицо, милости котораго добивались еще съ большимъ стараніемъ. Это была скрытая и таинственная, но сильная милость, которою никто не хвастался: этотъ человѣкъ былъ Фуше, министръ полиціи.

Въ то время жилъ въ Парижѣ банкиръ, извѣстный по предпримчивости, смѣлости оборотовъ и по несмѣтному богатству. Мы не выйдемъ всего его имени, потому что подробности нашего разсказа были и должны остаться тайною.

Г. Матіе Л... былъ членомъ Консерваторіи, какъ Фуше, и другомъ его дѣтства. Не имѣя положительнаго политическаго мнѣнія, и занимаясь единственно биржевыми дѣлами, Матіе,

благодаря кредиту сильного друга своего, незамѣтно скоплялъ сокровище, и отъ времени до времени посѣщать министра полиціи. Фуше любилъ его; они вмѣстѣ вспоминали лѣта дѣтства, общія ихъ надежды на будущее, въ дѣйствительности превзошедшія ихъ ожиданіе. Матіе ничего ни просилъ ни для себя, ни для другихъ, не говорилъ ни слова, имѣющаго отношеніе къ государственнымъ дѣламъ; было ли то равнодушіе къ политическимъ дѣламъ, совершенная беззаботность, или расчетъ, но онъ обходился съ Фуше, какъ обошелся бы съ незначительнымъ человѣкомъ или пріятелемъ дѣтства. Матіе былъ большой любитель оперы; имѣлъ всегда знакомство съ одною или двумя дѣвцами, которыхъ тогда называли, и нынѣ еще называютъ, хористками.

Изъ оперы банкиръ охотно отправлялся въ театръ Gaité, рассказывалъ другу своему министру полиціи, — о подвигахъ Гг. Тотена и Френе, о любовныхъ приключеніяхъ дѣвицъ Сопіе, Милліеръ, о роскоши дѣвицъ Амелии, Аглаи, очень миленькихъ хористокъ, раззорявшихъ въ то время молодыхъ знатныхъ людей, которымъ удалось не попасть въ конскрипцію. Во всякомъ случаѣ Фуше цинталъ полную довѣренность къ финансовому искусству своего друга, и зналъ его богатство, ни минутой не задумываясь, довѣрилъ ему большую часть своего имущества. Въ одинъ прекрасный день, Матіе заѣхалъ къ пріятелю своему, нѣсколькими минутами прежде начатія биржеваго сѣзда, и по обыкновенію вошелъ прямо въ кабинетъ къ министру.

— Не прерывай своихъ занятій, другъ мой, сказалъ онъ, входя въ комнату: я пришелъ только, чтобы предупредить тебя, что сегодня вечеромъ буду обѣдать у тебя; сегодня вѣдь пятница?

— Да.

— По пятницамъ ты дома, я этимъ воспользуюсь.

— Мнѣ никакъ нельзя сегодня, отвѣчалъ Фуше: черезъ два часа я ѣду въ Сен-Клу, и не знаю, гдѣ и когда буду обѣдать.

— Тѣмъ хуже! сказалъ банкиръ.

— Тѣмъ хуже? спросилъ Фуше: тебя Матіе, тревожитъ какая-то забота. Говори, другъ мой, я могу посвятить твоему обществу все время до отъзда моего въ Сен-Клу; пожертвуй для меня твоей биржей, и объяснись.

Банкиръ повѣсилъ шляпу на спинку креселъ, и сѣлъ.

— Это бездѣлица, сказалъ онъ: я далъ отставку маленькой Ирмѣ, и хочу жениться.

— А! а!

— Да, я влюбился въ дочь Г. Жерве, торговца въ улицѣ Сентъ-Дени, и рѣшился жениться на ней.

— Г. Жерве, сказалъ Фуше, стараясь что-то припомнить: я не знаю этого имени.

— Надѣюсь... въ улицѣ Сентъ-Дени ты никогда не бываешь.

— Очень рѣдко... А дѣвушка хороша собою?

— Какъ нельзя больше. Я въ жизни не видѣлъ прелестнѣйшаго существа.— По этому я въ нее сильно влюбился.

— Богата она? спросилъ Фуше.

— Ни гроша.

— Эхъ, братецъ! сказалъ Фуше: такъ развѣ нѣтъ другаго средства?..

На этотъ слишкомъ ясный вопросъ, хотя министръ полиціи и не окончилъ его, Матіе отвѣтилъ, какъ человѣкъ, знающій власть денегъ:

— При помощи денегъ и времени все возможно, сказалъ онъ: но мнѣ бы сначала нужно было обогатить все семейство; это было бы слишкомъ дорого и тянулось бы долго. Я разсчиталъ, что женитьба — экономія карману и времени.

— Это правда, сказалъ Фуше.

— Потомъ, продолжалъ Матіе: мнѣ надоѣла холостая жизнь; довольно пожилъ я холостякомъ; нѣтъ у меня ни хозяйства, ни прислуги, которая обкрадывала бы меня....

— Справедливо, сказалъ Фуше.

— А! ты это знаешь, другъ мой?

— Безъ сомнѣнія, я почти все знаю, прибавилъ небрежно Фуше.

— Но, продолжалъ банкиръ: хотя люди мои честны, вмѣстѣ съ тѣмъ они не имѣютъ ко мнѣ привязанности: они безпорядочны, беспечны и расточительны.

— Ты правъ, Матіе.

— Жена прекратитъ эти безпорядки.

— Конечно.

— И къ тому же, сказалъ банкиръ: я благодарю небо, что влюбился въ бѣдную дѣвушку.— Если бы Адель была богата, то я пропалъ бы.

— Ее зовутъ Аделью?

— Аделью Жерве.— Если бы Адель имѣла приданое, она сдѣлалась бы въ супружествѣ моимъ господиномъ.— Сила обыкновенно на сторонѣ денегъ.

— Конечно, добрый мой Матіе, сказалъ Фуше, убѣжденный въ истинѣ, что въ золотѣ заключается все могущество.... Кстати который тебѣ годъ?

— Ты знаешь, пятьдесятъ лѣтъ.

— Прекрасный возрастъ. Ты могъ бы еще однако подождать.

Говоря это, Фуше говорилъ откровенно свои мысли, и доказалъ это позже, женившись въ старости, на очень молодой дѣвушкѣ.

— Но отчего, спросилъ онъ: не смотря на то, что все устраивается по твоему желанію и что, вѣроятно, Жерве не отказываетъ тебѣ въ рукѣ дочери, отчего, говорю я, ты кажешься такъ озабоченнымъ? Развѣ Адель не хочетъ выйти за тебя?

— Напротивъ, она въ восторгѣ отъ меня; я дѣйствую въ деликатнымъ образомъ, и что ни говори, а мои пятьдесятъ лѣтъ ее не испугали... Помнишь ли ты начало моей связи съ Ирмой, танцовщицей моей?

— Не очень ясно...

— Я видѣлъ ее на сценѣ въ балетѣ *Ленхель*; тотчасъ по окончаніи пьесы я отправился къ ней въ ложу и сдѣлалъ предложеніе; но, сказалъ я ей, вы, милая, свободны въ выборѣ. Если я не правлюсь вамъ, то скажите, и я заплачу вамъ за откровенность тысячу червонцевъ. Точно также я поступилъ и съ Аделью. «Хотите ли вы выйти за меня?» сказалъ я ей. Если вы любите какого-нибудь молодого человѣка въ сосѣдствѣ, то я даю вамъ приданое, если же нѣтъ, — то будьте моею женою. Она приняла послѣднее предложеніе, и то, что ты почелъ безпокойствомъ, не что иное, какъ тревожное состояніе, общее всѣмъ влюбленнымъ людямъ.

Фуше поздравилъ друга своего, и обѣщалъ присутствовать на его свадьбѣ. Онъ постигалъ тайную мысль банкира. Матіе Л... былъ влюбленъ, но любовь не мѣшала ему вѣрно рассчитывать. Женясь на бѣдной дѣвушкѣ, онъ оставался ея господиномъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ привязывалъ къ себѣ жену узамн, которыя, по его мнѣнію, были самыми крѣпкими, т. е., интересомъ. Разсчетъ этотъ долженъ былъ удался, такъ какъ разводъ въ то время былъ очень обыкновенною вещью.

Между тѣмъ сватовство банкира привело въ тревогу маленькое хозяйство торговца улицы Сень-Дени. Родители Адели всегда мало обращали вниманія на красоту дочери; теперь же они поняли, что пара хорошенькихъ глазокъ также приданое, по этому и дѣйствовали согласно съ этимъ открытіемъ. Дѣ-

вушка, спавшая до-тѣхъ-поръ въ какой то каморкѣ, получила лучшую комнату въ домѣ; ей возобновили гардеробъ, дали особеннаго парикмахера; ей запретили заниматься маленькими хозяйственными дѣлами, которыя дотошъ составляли ея заботу; ей нужно было беречь ручки. Кромѣ того ее осыпали комплиментами, совѣтами, и бѣдная должна была цѣлый день быть какъ на часахъ, потому-что банкиръ могъ ежеминутно войти въ комнату.

— Будь любезна, говорилъ ей: будь скромна съ г. Матіе Л... внимательна; обращай на него твои миленькіе глазки, какъ ты дѣлала это въ прошедшемъ году съ сыномъ нашего сосѣда, уѣхавшимъ въ армію; улыбайся съ граціей, чтобы видѣли жемчужные зубки. Не позволяй себѣ слишкомъ много лстить, говорила мать; подобныя вольности вредятъ дѣвушкамъ, въ послѣдствіи, въ мнѣніи мужа.

Адели не трудно было слѣдовать этимъ совѣтамъ; хотя она не была влюблена въ банкира, тѣмъ не менѣе онъ ей нравился, и въ особенности пріятной показалась ей перемѣна, происшедшая во всемъ ее окружающемъ. Матіе ходилъ за нею, какъ за ребенкомъ, холилъ ее и нѣжничалъ съ нею. Отецъ былъ внѣ себя отъ удовольствія, мать обходилась съ нею, какъ съ важной дамой, подруги напѣвали ей о счастіи, которое ей предстояло, о нарядахъ, кашемирахъ, алмазахъ и экипажѣ. Таково было вступленіе въ тайны женитьбы дѣвицы Адели Жерве, которая вскорѣ сдѣлалась Г-жею Матіе Л... и вступила въ управленіе и пользованіе всѣми преимуществами, принадлежащими богатству.

Молодой женщиной все казалося сномъ; она воображала, что благотворительная фея превратила всѣ ея окружающіе предметы въ золото, а простые камешки, которыми она играла нѣкогда, обратились въ алмазы.

Фуше представилъ семейству Жерве въ качествѣ лучшаго друга молодого мужа, и онъ принялъ участіе въ свадебномъ пирѣ. Онъ въ обхожденіи и разговорахъ былъ простъ и веселъ, но такъ какъ ему было трудно скрыть знаніе свое, то за столомъ онъ забавлялся страхомъ и удивленіемъ Жерве, рассказывая доброму торговцу, въ какой кофейной и съ кѣмъ онъ каждый вечеръ играетъ въ домино, напоминая ему, къ какой партіи онъ принадлежалъ десять лѣтъ тому назадъ, и какой клубъ посѣщалъ тогда всего чаще. Фуше наклонился къ уху почтенной супруги Жерве, и шепнулъ ей имя молодого и хорошенькаго санъ-кюотта, танцовавшаго обворожительно кар-

маньолу (танецъ во-время Французской Республики) и который нѣкогда воочился за нею и приводилъ въ опасность ея добродѣтель. При этихъ откровенностяхъ супруги съ ужасомъ смотрѣли другъ на друга, и дрожали при мысли о могущественномъ другѣ ихъ зятя.

— Ба! ба! сказалъ Фуше, чтобы ихъ успокоить: полиція все знаетъ, но она хранить тайны и покровительствуетъ честнымъ людямъ.

— Фуше, настоящій демонъ, думалъ Матіе, прислушиваясь къ разговорю и не высказывая этого.

Молодая супруга ничего не слышала и не видѣла; она занималась своими уборами и брилліантами, отчасти также и приближающейся минутой, въ которую ей нужно было разстаться съ матерью и соединиться съ супругомъ. Все происходило какъ нельзя лучше; Фуше былъ занятателенъ, супругъ предупредителенъ, гости веселы, и министръ полиціи удался именно въ ту минуту, когда мнѣніе, которое онъ далъ о собѣ добрымъ людямъ, достигло высшей степени.

Новое хозяйство шло, повидимому, благополучно. Матіе обожала жену свою, и она, казалось, очень его любила, не смотря на различіе возрастовъ; но ни онъ, ни она объ этомъ не думали.—Г. Матіе легко несть на себѣ супружескія оковы, не чувствуя ихъ тяжести. Въ теченіе перваго года одно только обстоятельство напомнило ему, что онъ женился на молодой дѣвушкѣ безъ состоянія и что вступилъ въ связь съ бѣднымъ семействомъ: тещъ занялъ у него деньги.—Г. Жерве потерялъ значительная суммы, благодаря банкротству нѣсколькихъ торговыхъ домовъ; ему понадобилось до тридцати тысячъ франковъ. Сумма довольно большая, не смотря на то банкиръ охотно далъ ее тещу, зная напередъ, что никогда не получитъ денегъ этихъ обратно.

— Два года тому назадъ, говорилъ онъ: Ирма, танцовщица моя, заставляла меня дѣлать дурачества, которыя мнѣ стоили гораздо дороже. Если я не помогу этому бѣдняку Жерве, онъ, чего добраго, обанкрутится, чѣмъ было бы весьма вредно, не для моего кредита конечно, но для моей репутаціи.

Жерве долженъ былъ выдать въ замінь свидѣтельство въ полученіи денегъ. Матіе бросилъ его въ уголъ кассы, куда онъ имѣлъ обыкновеніе класть не надежныя векселя. Г-жа Матіе не обратила вниманія на это происшествіе. Но окружающей ее роскоши, по немедленному исполненію малѣйшихъ ея прихотей, она, не безъ основанія, судила, что богатство мужа ея неисчер-

паемо; къ тому же, упоенная новымъ своимъ положеніемъ, она рѣдко посѣщала домикъ улицы Сень Дени. Жена банкира красивѣла, входя въ лавочку отца своего, темнаго торговца.

Г. Матіе принималъ гостей, имѣлъ открытій столъ, давалъ пиры; знаменитости Имперіи собирались у него, и согласно съ его желаніемъ, жена играла роль хозяйки. Ходъ дѣлъ банкира отъ этого нисколько не пострадалъ; онъ также, какъ и прежде отправлялся въ свою контору, на биржу и въ оперу, гдѣ конечно не искалъ, какъ прежде бывало, танцовщицъ, но какого-нибудь негоціанта, видѣшагося съ нимъ на биржѣ, и отъ котораго ему нужно было получить какое-нибудь свѣдѣніе по торговымъ дѣламъ. По этому онъ видѣлъ очень рѣдко жену свою, которая, съ своей стороны, завела новыя знакомства, должна была принимать и отдавать визиты, и которая, подъ опасеніемъ видѣть у себя пустую гостиную, должна была принимать приглашенія. Матіе находилъ это очень естественнымъ; онъ любилъ жену свою, но мужъ не селадонъ; дѣловой человекъ не можетъ проводить жизнь у ногъ жены своей.

Бракъ не былъ для него могилою любви, но освободилъ его отъ ежеминутныхъ любовныхъ вздоховъ, отъ ежедневнаго ухаживанія. Матіе далъ женѣ своей хорошо устроенное хозяйство, роскошно убранный домъ, экипажъ, алмазы, и не морщась платилъ счеты швен и молистки. Есть люди, которые внезапно дѣлаются стариками; пятидесяти лѣтъ они были молодцами, пятидесяти двухъ они уже старцы. Природа этимъ способомъ наказываетъ ихъ за злоупотребленіе юношескихъ силъ. Банкиръ былъ изъ числа этихъ людей; здоровье, бывшее ему до того времени вѣрнымъ и неизмѣннымъ провожатымъ, слѣзлось непостояннымъ гостемъ. Онъ не говорилъ уже, что питаетъ сильную любовь къ женѣ своей, но просто сильную дружбу, и онъ не ошибался; эта снисходительная дружба простила разсѣянность молодой супруги и привязанность къ удовольствіямъ свѣта, въ который онъ самъ ее ввелъ.

— Она поступаетъ какъ слѣдуетъ, думалъ онъ: она забавляется, она еще такъ молода; къ тому-же она очень кстати ѣздитъ за меня къ министрамъ и моимъ сотоварищамъ, однимъ словомъ, повсюду, куда бы мнѣ самому слѣдовало ѣздить... Между тѣмъ, какъ она забавляется за меня, я работаю за нее, увеличиваю мое состояніе, и жена въ тоже время любитъ меня.

Банкиръ старѣлся, г-жа Матіе, съ своей стороны, съ каждымъ днемъ молодѣла, то есть изъ дѣтства она переходила къ бѣдѣющей и цвѣтущей юности; со дня замужства она вы-

росла, грудь ея получила большее развитіе, круглая талія выпрямилась, и во взорѣ ея, до того времени полномъ нѣги, загорѣлось какое-то новое пламя, придававшее взору смѣлость и блескъ.—Въ теченіе года Адель Жерве, молоденькая дѣвушка, превратилась въ прекрасную даму, общество которой считалось большою честью, умъ и красота которой сдѣлались пословицей.

Адела, не замѣтивъ переменъ въ расположеніи духа мужа ея, ощущала сама какія-то новыя чувствованія, какія-то безотчетныя желанія; она чувствовала между-тѣмъ, что ее манили въ шумный свѣтскій кругъ не одни удовольствія свѣта, но что къ привлекательности бала присоединилось и тайное удовольствіе удалиться отъ мужа. Хотя она почти была свободна, и хотя никакой надзоръ не былъ поставленъ для наблюденія за ея поведеніемъ, не смотря на то, она спрашивала себя часто, что-бы она сдѣлала два года тому назадъ, если-бы образъ мыслей ея былъ тотъ-же, какъ въ эту минуту. — Безъ сомнѣнія, мужъ ее обогатилъ, но и только! И тысяча другихъ людей, моложе, красивѣе его, и быть-можетъ, выше поставленныя въ свѣтѣ, могли бы тоже сдѣлать.—Она со всѣхъ сторонъ слышала, что г. Матіе Л... долженъ считать себя счастливымъ, имѣя такую прелестную жену, но рой обожателей остерегался сказать, что дочь бѣднаго торговца могла благодарить небо, давшее ей супруга—миллионера.—Такимъ образомъ она мало-по-малу забывала, что была всѣмъ обязана человѣку, взявшему ее изъ ничтожества, изъ нищеты, чтобы соединить ея красоту съ блескомъ довольства и роскоши; она забывала даже, что вышла добровольно за г. Матіе, который въ великодушіи своемъ предлагалъ ей даже приданое, въ случаѣ, если-бы она ему отказала.

Между-тѣмъ банкиръ, занимаясь своими дѣлами и ведя правильный образъ жизни, какъ это слѣдуетъ женатому человѣку, не забывалъ однако друга своего Фуше.—Министръ не имѣлъ обыкновенія дѣлать визиты: когда Матіе былъ холостымъ, Фуше посѣщалъ его рѣдко, но еще рѣже, когда онъ женился; и довольствовался только тѣмъ, что отъ времени до времени посмалъ карточки къ г-жѣ Матіе Л...

— Жена твоя сегодня дома обѣдаетъ? спросилъ однажды министръ друга своего.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Матіе: она обѣдаетъ у одной изъ своихъ пріятельницъ, а я черезъ четверть часа ѣду на дачу свою въ Виль-Давре, куда и она завтра пріѣдетъ.

— Обѣдай со мною, сказалъ Фуше: мы будемъ одни.

Банкиръ согласился, не заставляя себя просить два раза. Обѣдъ прошелъ въ обоюдныхъ признаніяхъ.—Когда прислуга удалялась, и разговоръ могъ сдѣлаться болѣе откровеннымъ, Фуше, обратившись къ банкиру, спросилъ:

— Скажи, другъ мой, какъ чувствуешь ты себя въ хозяйственномъ быту?

— Прекрасно! отвѣчалъ Матіе: я живу очень хорошо съ женою, которая, кажется, мною довольна.—Она тиха, добра, безъ претензій, однимъ словомъ, это кладъ.—Для полнаго счастья намъ недостаетъ только ребенка.

— Услышавъ это желаніе, министръ взглянулъ такъ странно на своего друга, что если бы тотъ увидѣлъ въ эту минуту лицо Фуше, безъ сомнѣнія, почувствовалъ бы что-то похожее на безпокойство.—Министръ тотчасъ же продолжалъ:

— Не всѣ мужья, любезный Матіе, счастливы; я расскажу тебѣ происшествіе, которое совершается теперь же и которое заставитъ тебя призадуматься...

— Меня?

— Всѣхъ тѣхъ, которые, какъ ты, женаты.

— Я очень хорошо знаю, любезный другъ, сказалъ Матіе, нагнувшись къ министру и трепая его рукой по плечу, что ты могъ бы, благодаря полиціи, быть, еслибы хотѣлъ, злѣйшимъ лзыкомъ въ Парижѣ.

— Ты правъ, Матіе.

— Рассказывай же, сказалъ банкиръ, усѣвшись въ кресла, и опершись локтемъ на столъ, чтобы спокойно и удобно слушать.

— Мы живемъ въ шкѣ чудесъ, сказалъ Фуше, придавъ голосу своему легкое выраженіе министерской важности.—Великій человѣкъ, который правитъ нынѣ судьбами и летитъ отъ побѣды къ побѣдѣ, влечетъ за собою прекраснѣйшую часть народонаселенія... Я хочу сказать, другъ мой, что красивѣйшіе молодые люди находятся теперь въ войскѣ.

— Правда, Фуше.

— Я не спорю, продолжалъ министръ, что кривые, горбатыя, больные и старыя могутъ быть также страстны, какъ и подиручникъ драгунскій или гусарскій; но они имѣютъ менѣе удачь, что конечно успокоиваетъ мужей. Знаешь ли ты Г.Эмилъ де Кардене?

— Нисколько, отвѣчалъ Матіе.

— Это молодой человѣкъ изъ Ванден, который началъ свое военное поприще на поляхъ Вандейскихъ, стрѣляя въ респу-

бликанцевъ. Когда же онъ увидѣлъ, что синемафтанники сильнѣе, то разсудилъ, что рискуетъ своей будущностью и отцовскимъ наслѣдствомъ, продолжая какъ началъ, и по этому добровольно перешелъ къ намъ и вступилъ въ службу въ нашу армію.

— Де Кардене?

— Точно такъ; я видѣлъ его—премилый человѣкъ; гусарскій мундиръ идетъ къ нему какъ нельзя лучше.—Представь себѣ, любезный Матіе, красиваго молодаго человѣка, двадцати лѣтъ, съ яркими глазами; цвѣтъ лица его ослѣпительной бѣлизны, черные и кудрявые волосы, какъ у принца Мюрата, храбръ...

— Какъ принцъ Мюрата? сказалъ банкиръ.

— Да, почти.—Открытое и смѣлое лицо его нравится съ перваго раза; его обожаютъ въ полку; но онъ теперь не въ полку, онъ въ Парижѣ.

— Такъ что-же? спросилъ банкиръ.

— По этому, продолжалъ Фуше: онъ заставляетъ любить себя и въ Парижѣ, не гусаровъ конечно, а хорошенькихъ женщинъ двора и города.

— Ты чрезъ полицію знаешь всѣ эти подробности? спросилъ банкиръ.

— Полиція знаетъ все, отвѣчалъ Фуше: но слушай меня, не прерывай. Де Кардене, соскучившись порхать отъ одной красавицы къ другой, а быть-можетъ, и повинуваясь внушенію глубокой страсти, кажется, хочетъ сдѣлаться постояннымъ. Ему еще нѣсколько мѣсяцевъ остается до отъѣзда въ полкъ; и съ нѣкотораго времени онъ пренебрегаетъ всѣми своими побѣдами, единственно чтобы привязаться къ одной очень хорошенькой женщинѣ, имѣющей мужа, котораго ты знаешь.

— Котораго я знаю? спросилъ Матіе: вѣрно кто-нибудь изъ моихъ товарищей, банкировъ?

— Именно.

Банкиръ отъ всего сердца сталъ смѣяться надъ несчастнымъ, который такъ дорого платилъ за обладаніе хорошенькой женою, и хотѣлъ знать его имя.

— Ты узнаешь его, сказалъ Фуше. Я не очень вѣрю глубокимъ страстямъ, въ особенности молодыхъ, богатыхъ и красивыхъ людей; я вѣрю только легкимъ, скоропреходящимъ капризамъ, которые также легко могутъ быть остановлены; глубокая любовь проникаетъ больше въ сердца несчастныхъ уродовъ, меланхоликовъ и бѣдняковъ; это для нихъ придаточная

болѣзнь къ существующимъ уже. Ты видишь, другъ мой, что мой образъ мыслей весьма утѣшителенъ для мужей.

— А жена что же? спросилъ Матіе.

— Жена, отвѣчалъ Фуше рѣшительно, до-сихъ-поръ чиста и безпорочна. Такъ какъ она молода, хороша и богата, то, по моему мнѣнію, ей нельзя подвергнуться непобѣдимой страсти, и мужъ можетъ еще все поправить, если онъ только сегодня не побѣдетъ почевать въ Виль-Д'Авре.

— А! дѣло вдетъ о моей женѣ?

Министръ отвѣчалъ только взглядомъ, и выпилъ стоявшее передъ нимъ шампанское.

— Я буду почевать дома, сказалъ Матіе.

И друзья заговорили о другихъ предметахъ.

Де Кардене въ интригѣ своей находился въ томъ самомъ положеніи, какъ сказалъ министръ полиціи; онъ видѣлся съ женою банкира на базѣ у императрицы, гдѣ съ г-жею Матіе Л... танцевалъ менуэтъ, танецъ, забытый въ нашъ вѣкъ, но бывшій тогда еще въ модѣ.—Танцоръ успѣлъ показать своей дамѣ грацію своихъ движеній и особенную ловкость, съ которою совершалъ три поклона. За менуэтомъ танцовали кадрилъ, вольность которой легко позволяетъ сдѣлать любовное признаніе; а за послѣднимъ вальсомъ молодые люди были уже почти одного образа мыслей. Самые зрители танцевъ поощряли, сами того не зная, рождающуюся любовь.

— Какой прекрасный кавалеръ! говорили окружающіе: какая прелестная дама! Чудная пара! Они, кажется, сотворены другъ для друга!

Быль апрѣль мѣсяцъ, и хотя балы еще не совсѣмъ прекратились, тѣмъ не менѣе прекрасные дни приближались, и благотворная весна дѣлалась ощутительною.—Де-Кардене вскорѣ узналъ домъ, которые посѣщала г-жа Л..., и получилъ самъ доступъ въ нихъ. — Наканунъ того дня, когда Фуше далъ банкиру дружескій совѣтъ, должествующій его удержатъ отъ поѣздки въ Виль-Д'Авре, г-жа Л... встрѣтилась съ молодымъ офицеромъ на вечерѣ у сенатора С..., и здѣсь то де Кардене узналъ, что будетъ лишень на нѣсколько дней счастья видѣть ту, которую онъ любилъ, такъ какъ г-жа Л... должна была провести недѣлю въ Виль-Д'Авре.

Это извѣстіе заставило его поблѣднѣть; онъ не зналъ, будетъ ли въ состояніи жить, не вида прелестныхъ глазъ, которыми онъ плѣнился. Конечно и то правда, что положеніе это могло быть нѣсколько смягчено: Виль-Д'Авре находится въ

двух шагахъ отъ Парижа, и было очень вѣроятно, что банкиръ не проведетъ дня безъ того, чтобы не съѣздить въ городъ. Наконецъ, Матіе долженъ былъ ѣхать прежде жены своей въ Виль-Д'Авре, и это счастливое обстоятельство служило де Кардене прекрасной отговоркой, чтобы быть принятымъ женой банкира. Ему нужно было столько ей сообщить, переговорить о многомъ, что онъ не могъ сказать среди бала, на которомъ за всѣми присматриваютъ, ко всѣму прислушиваются, и гдѣ разговоры не могутъ быть совершенно тайными.

— Адель, говорилъ онъ молодой женщинѣ, потому-что чувствительному любовнику весьма неприятно называть любимую имъ женщину именемъ ея мужа, и де-Кардене позволялъ себѣ называть г-жу Матіе ея собственнымъ именемъ: Адель, вы свободны и повелительница въ домѣ, ваша горничная вамъ предана, швейцаръ не вмѣшивается въ дѣла ваши; если вы питаете состраданіе ко мнѣ, если неограниченная преданность можетъ тронуть сердце ваше, то не откажите мнѣ въ бездѣльцѣ, о которой я васъ прошу.

Г-жа Матіе потупила взоръ и не отвѣчала; это означало согласіе на свиданіе, послѣдствія котораго легко можно было предвидѣть, если взять въ соображеніе, что де-Кардене, имѣя въ виду сообщить молодой дамѣ весьма тайныя вещи, долженъ былъ явиться къ ней, когда уже вечеръ кончается. Жена банкира заглупала въ себѣ, безъ сомнѣнія, сознаніе важности шага, на который она рѣшилась, или, быть-можетъ, увлеченная горячностью юности, она не предвидѣла этой важности.

Де-Кардене рассчитывалъ вѣрнѣе; онъ зналъ, что женщина, принимающая молодого человѣка въ полночь, платитъ за этотъ необдуманный поступокъ своимъ паденіемъ, и надѣялся записать имя г-жи Матіе Л... въ списокъ многочисленныхъ побѣдъ своихъ. Для этого ему не слѣдовало ее видѣть до часа свиданія, чтобы запоздалыя угрызенія совѣсти не помѣшали ему; а вмѣстѣ съ тѣмъ нужно было привлечь на свою сторону и Викторину, горничную жены банкира.

Викторина, маленькая, смугленькая, двадцатилѣтняя дѣвушка, съ плутовскимъ личикомъ и вздернутымъ носикомъ, должна была понять все съ перваго слова и быть неравнодушной при видѣ десятка червонцевъ; но горничная могла быть уже прежде подкуплена банкиромъ мужемъ, и въ этомъ-то слѣдовало удостовѣриться. — Де-Кардене воспользовался часомъ отсутствія банкира и жены его, чтобы пріѣхать къ нимъ въ домъ и поговорить съ Викторинной. Дѣло устроилось пре-

восходно; горничная была дѣвушка сговорчивая, которая, по образу мыслей и по темпераменту, сжалась надъ молодыми людьми, обращавшимися къ ней, особенно если они были этого достойны, по своей красотѣ и щедрости; де Кардене соединялъ оба эти условія, и дѣло было улажено. — Гусару нужно было сообщить г-жѣ Матіе Л... весьма тайныя обстоятельства, и по этому ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало мѣшать ихъ разговору. Викторина обѣщала сторожить въ комнатѣ, находящейся подлѣ будуара, и удалая всѣхъ постороннихъ, которые бы вздумали помѣшать свиданію.

По этому все казалось благоприятствовало де Кардене: мужъ на дачѣ, горничная подкуплена, и сама г-жа Матіе Л... совершенно расположена слушать тайныя признанія. Это было весьма обыкновенный случай въ глазахъ молодого гусарскаго офицера. Въ Парижѣ, въ провинціяхъ, въ Италиі, въ Германіи, онъ испытывалъ, какъ при его появленіи исчезала супружеская вѣрность, и оставляла мѣсто тѣмъ слабостямъ, которыя наказываются гражданскими законами. Не имѣвъ случая испытать силу законовъ, которые въ то время были весьма снисходительны къ военнымъ, онъ часто имѣлъ дѣло съ разгнѣванными мужьями, и всегда хладнокровіе и мужество спасали его. По этому должно было предполагать, что онъ и къ предстоящему свиданію шель съ гордою безпечною, свойственною человѣку, избалованному побѣдами; но на этотъ разъ произошло иначе. Жена банкира соединяла въ глазахъ де Кардене нѣсколько видовъ прелестей: она была чудной красоты, и живость Француженки въ ней была умѣрена чѣмъ-то сентиментальнымъ и какою-то мечтательностью, которая однако не переходила природныхъ границъ, и нисколько не походила на безотчетную наивность нѣкоторыхъ Нѣмокъ; по его мнѣнію, она обладала истинною чувствительностью, похожею однако на горячіе порывы Итальянокъ. Онъ любилъ ее, таково было, по-крайней-мѣрѣ, ощущеніе, овладѣвавшее имъ при мысли объ Адели, и тогда онъ упрекалъ солнце, за то, что оно медленно совершаетъ свой ежедневный путь.

Старый мужъ, банкиръ, г. Матіе, нисколько не входилъ въ расчеты де Кардене: это былъ человѣкъ, созданный для денегъ, который каждый вечеръ оставлялъ сердце свое въ сундукѣ, и который оживалъ только при видѣ своихъ червонцевъ, какъ цѣтокъ, тщательно закрывающей вечеромъ свою чашечку, скрывающейся между окружающими его растеніями, и начинающей только тогда жить, когда на другой день солнце его со-

грѣтъ. Г. Матіе имѣлъ жену, точно также, какъ имѣлъ ча-сы, для украшенія гостиной; ему слѣдовало скоро умереть, и тогда должны были настать дни, сотканые изъ золота и бархата, и любовники могли любить другъ друга безъ заботъ и безъ тайны. Только развѣ пуля могла прервать этотъ романъ; все остальное было утверждено судьбою, и ожидало только для окончательнаго утвержденія улыбки молодой женщины.

День прошелъ, почъ настала, и въ полночь де Кардене нахо-дился уже у воротъ банкрнскаго дома. Викторина сдержала бо-лѣе, чѣмъ общала: ворота были едва притворены, и офицеру надобно было только дотронуться, чтобы войти. Онъ вошелъ на дворъ, прошелъ мимо швейцара, который показалъ видъ, будто его не замѣчаетъ, и на лѣстницѣ встрѣтилъ Викторину. Горничная взяла его за руку, и повела по потаенной лѣст-ницѣ, которую онъ еще не зналъ. Лѣстница вела въ перед-нюю, изъ передней шла дверь въ будуаръ г-жи Л... Въ этотъ вечеръ передняя была великолѣпно освѣщена, и на двухъ эта-жеркахъ стояли вазы съ цвѣтами. Викторина вошла первая, держа де Кардене за руку. Едва успѣла она войти на послѣд-нюю ступень лѣстницы, какъ вдругъ вскрикнула и выпустила руку молодого человека; этотъ бросился впередъ, полагая безъ сомнѣнія, что какой-нибудь непредвидѣнный случай испугалъ г-жу Л... и вдругъ очутился лицомъ къ лицу съ банкиромъ. Де Кардене нисколько не сконфузился; онъ вѣжливо поклонился, и обратясь къ Викторинѣ, сказалъ твердымъ голосомъ:

— Госпожа ваша дома?...

— Выйди, Викторина, сказалъ въ свою очередь г. Матіе.

И видя, что горничная пошла къ дверямъ будуара:

— Не туда! продолжалъ онъ.

Горничная пошла къ маленькой лѣстницѣ, и исчезла.

Банкиръ придвинулъ стулъ, и предложилъ молодому офице-ру сѣсть.

— Извините меня, что принимаю васъ въ передней, но то, что мнѣ нужно сказать вамъ, не позволяете намъ идти далѣе.

— Виновать, сказалъ, де Кардене, я явился, чтобы предста-виться г-жѣ Л... и потому не понимаю.

— Зачѣмъ я позволяю себѣ остановить васъ здѣсь?... Правда, вы меня не знаете. Я хозяинъ этого дома, я г. Матіе Л..., мужъ г-жи Л....

— Очень радъ познакомиться, сказалъ де Кардене. Прошу покорно извинить, если до-сихъ-поръ не просилъ, чтобы меня вамъ представили. Но вы всегда въ своей конторѣ....

— И сегодня, придя такъ поздно, вы надѣялись меня встрѣ-тить?

— Точно такъ.

— Не правда, вы думали, что я въ Виль-Д'Авре.

Видя, что его пѣймали, офицеръ сморщилъ брови и съ не-терпѣніемъ спросилъ:

— Что же вамъ угодно?...

Матіе не далъ ему времени кончить и продолжалъ:

— Я даже ждалъ васъ. Я всегда зналъ и, надѣюсь, что всег-да буду знать, что происходитъ у меня въ домѣ.... еще разъ повторяю вамъ, что я васъ ждалъ. Горничная, которая васъ привела сюда, и которая, какъ кажется, вамъ предана и моей женѣ, послушна только мнѣ одному, точно такъ и всѣ осталь-ные люди.

— Мнѣ не нужно ни чьей преданности, закричалъ де-Кар-дене, чтобы сдѣлать простой визитъ.

— Это было бы справедливо, отвѣчалъ банкиръ: если бы вы, вмѣсто того, чтобы идти къ будуару, пошли прямо въ пріем-ную гостиную, если бы, чтобы посѣтить меня, вы не избрали минуты, въ которую уже всѣ гости, дѣлающіе мнѣ честь по-сѣщеніемъ жены моей, не удалились, и наконецъ, прибавилъ онъ, вынимая спокойно часы изъ кармана, если бы теперь не было три четверти перваго, къ тому мнѣ кажется еще, что часы мои отстаютъ.

— Но зачѣмъ же я, по вашему мнѣнію, здѣсь? спросилъ офи-церъ.

— О! воскликнулъ съ жаромъ Матіе: я этого не знаю, и признаюсь, что никакъ не могу отгадать; я только знаю, что васъ привели сюда не по ошибкѣ и не по легкомыслію, а вамъ въ свою очередь нужно знать разъ навсегда, что я, тѣмъ или другимъ способомъ, всегда узнаю, что происходитъ у меня въ домѣ, какъ я уже имѣлъ честь вамъ докладывать.

— До этого дня, де-Кардене имѣлъ всегда дѣло съ разгнѣ-ванными мужьями, которые напали на него съ бѣшенствомъ, угрозами и ругательствами, и противопоставляя дерзость гнѣву и силу упрекамъ и жалобамъ, онъ наводилъ страхъ на супру-говъ, которыхъ оскорблялъ. Спокойствіе Матіе ужаснуло его въ свою очередь; онъ подумалъ, что, быть-можетъ, Викторина измѣнила ему, что онъ окруженъ прислугой, готовой явиться на зовъ господина, чтобы отместить за него, и обойтись съ офицеромъ униженнымъ образомъ, могущимъ гласностью обезчестить его навсегда; онъ не думалъ болѣе о любви своей;

не хотѣлъ болѣе спорить съ Матіе; напротивъ того говорилъ себѣ, что банкиръ чрезвычайно богатъ, и что богатство тоже власть. Г. Матіе другъ министровъ, онъ могъ пожаловаться, и красивый гусаръ могъ потерять свое мѣсто. Между-тѣмъ, какъ онъ размышлялъ объ этомъ, банкиръ продолжалъ:

— Я не хочу знать, не есть ли ваше присутствіе въ поздней часъ ночи слѣдствіе назначеннаго свиданія...

— Никогда.

— Или же, продолжалъ Матіе: надобно приписать его только жару крови молодого человѣка, который считаетъ все позволеннымъ, и который самъ очень хорошо знаетъ, что гораздо легче войти въ дамскій будуаръ, чѣмъ на крѣпостныхъ стѣны....

— Господинъ банкиръ! вскричалъ де-Кардене.

— Да, это гораздо легче и совсѣмъ не такъ опасно, особенно если полагаешь, что мужъ ночуетъ въ Виль-Д'Авре, и если горничная ведетъ васъ за руку....

— Берегитесь, вы будете отвѣчать за слова ваши....

— Потерпите немного, продолжалъ банкиръ: дайте мнѣ кончить. Нѣтъ, я не думаю, чтобы присутствіе ваше здѣсь было слѣдствіемъ назначеннаго свиданія; не съ вами я намѣренъ разобратъ вопросъ этотъ, если только найду необходимымъ разобратъ его.... Хорошо ли я васъ понялъ? Вы хотите, чтобы я отвѣчалъ вамъ и далъ удовлетвореніе за обиду? за какую обиду?... Не угодно ли вамъ сказать, за что мнѣ дать вамъ удовлетвореніе?... Посмотрите же на меня, я старъ, я легко могъ бы быть отцомъ человѣка постарше васъ.... я никогда не бралъ въ руки шпаги, а вы всегда съ оружіемъ въ рукахъ. Такъ вы хотите меня убить?... Боже мой! Вы сильны, здоровы и, безъ сомнѣнія, вооружены! Я слабъ, хилъ и безоруженъ... я уступлю силѣ.... Идите, вотъ комната жены моей; но какъ присутствіе ваше у г-жи Матіе въ этотъ часъ ночи можетъ мнѣ казаться страннымъ, то я между-тѣмъ пойду къ одному изъ моихъ пріятелей—правовѣду.... полицейскому комиссару, наугадъ... чтобы узнать, что слѣдуетъ дѣлать въ подобномъ случаѣ.

Г. Матіе говорилъ все время неизмѣннымъ тихимъ и добродушнымъ голосомъ. Онъ спокойно сидѣлъ передъ молодымъ офицеромъ, и окончивши эти слова, всталъ:

— Идите, сказалъ онъ: вотъ дорога въ будуаръ.

И въ тоже время онъ всталъ къ стѣнѣ, какъ будто желая дать мѣсто офицеру.

Чѣмъ спокойнѣе казался банкиръ, чѣмъ тише произносилъ онъ рѣчи, тѣмъ болѣе боялся де-Кардене конца объясненія, начавшагося такимъ умѣреннымъ образомъ. Де-Кардене былъ смѣлъ въ бою, плененъ, чтобы отвѣчать на угрозы, но онъ не имѣлъ присутствія духа и того необходимаго искусства, чтобы обратить споръ въ свою пользу. Къ тому же онъ былъ виноватъ, и боялся, чтобы нестатіи сказанное слово не пробудило скрытый гнѣвъ банкира, что уже разъ случилось въ этотъ вечеръ, потому-что, когда онъ началъ говорить о поединкѣ, то глаза г. Матіе заблестѣли зловѣщимъ огнемъ; онъ всталъ въ свою очередь и началъ задомъ отступать къ дверямъ передней:

— Если бы я зналъ, сказалъ онъ, что посѣщеніе мое будетъ непріятно супругѣ вашей, я конечно....

— Кто вамъ сказалъ, что посѣщеніе ваше ей не нравится? Я не говорилъ этого, я ничего не знаю.... я говорилъ только за себя, что нахожу его немного страннымъ.... Идите, повторяю я, идите.

— Нѣтъ! отвѣчалъ офицеръ, который дошелъ наконецъ до дверей.

— Очень хорошо, сказалъ г. Матіе: да, еще одно слово, я предупреждаю васъ, что завтра намѣренъ переночевать въ Виль-Д'Авре, если вы полагаете нужнымъ возвратиться сюда, то навѣрное меня не застанете.

— Этого еще не доставало, говорилъ сходя съ лѣстницы де-Кардене, онъ смѣется надо мною.

— На дворѣ онъ встрѣтился съ Викторинной, которая должна была для того, чтобы понасть въ свою комнату, пройти спальню госпожи, и не смѣла предпринять этого опаснаго путешествія.

— А! ты здѣсь, сказалъ онъ ей, довольный тѣмъ, что напелъ надъ кѣмъ выместить свое дурное расположеніе духа. Такъ это ты, несчастная, продала тайну госпожи твоей г. Матіе? Я не говорю о себѣ, у котораго ты взяла нѣсколько золотыхъ монетъ, это бездѣлица, но Адель, Адель, которую ты подвергаешь гнѣву, и быть-можетъ еще большому со стороны мужа!

Первое и конечно убѣдительнѣйшее доказательство женщины, это слезы, которыя они проливаютъ во всякое время: Викторина зарыдала.

— Чтобы я измѣнила своей госпожѣ, не вѣрьте этому, я никогда не могла сдѣлать этого.

— Кто же предувѣдомилъ г. Матіе? спросилъ молодой человекъ: отчего онъ ждалъ меня? Онъ не знаетъ меня, никогда не видѣлъ и не слышалъ даже, какъ меня зовутъ.

Викторина подумала нѣсколько минутъ.

— Я знаю! это полиція измѣнила вашей тайнѣ, сказала горничная.

— Какъ, полиція?

— Да, г. Матіе Л... друженъ съ министромъ полиціи; Фуше его товарищъ, пріятель, и они видятся ежедневно.

Де-Кардене не любилъ полиціи, но имѣлъ, какъ и всѣ въ тогдѣшнее время, полную вѣру въ чрезвычайную ея власть. Существовала тогда, какъ говорили, кромѣ гражданской полиціи, еще военная, которая имѣла надзоръ надъ всѣми войсками и наблюдала за всѣми офицерами.

— Полиція, полиція! повторялъ де-Кардене: я никому не говорилъ о связи моей съ г-жею Матіе, никому; никто изъ моихъ знакомыхъ и товарищей не знаетъ объ ней; мнѣ слѣдовательно, не могли измѣнить.

— О, напротивъ! сказала Викторина.

Викторина, какъ мы уже сказали, была очень хорошенькая дѣвушка, и была, какъ можно предполагать, по примѣру госпожи ея, не равнодушна къ любви красиваго молодаго человека.

— У тебя есть любовникъ, Викторина, сказалъ де-Кардене: ты рассказала ему нашу связь, а онъ выдалъ насъ.

Горничная потупила голову, потому-ли, что упрекъ былъ основателемъ, потому ли что она скорѣе хотѣла быть обвиненною въ болтливости и легкомысліи, чѣмъ въ измѣнѣ.

При этомъ полупризнаніи, де-Кардене былъ дѣйствительно встревоженъ.

Викторина разболтала любовнику; этотъ слуга тайной полиціи выдалъ его; по этому было вѣроятно, что сообщники Фуше ждали его у воротъ, чтобы схватить его.

— Увидимъ, сказалъ онъ.

И бросился къ дверямъ, навѣрное не зная, проведетъ ли ночь въ своей постели.

Между тѣмъ г. Матіе вошелъ въ спальню жены.

Г-жа Л... лежала въ постели, но не спала.—Судя по взятому богатому одѣялу, мужъ легко заключилъ, что жена его нѣсколько разъ вставала, чтобы прислушиваться къ разговору въ передней, между банкиромъ и де-Кардене.

Лампа, въ алебастровомъ колпакѣ, освѣщала спальню, и г-жа

Л... опершился локтемъ на подушку, склонявъ на руку голову съ лицомъ вполонину покрытымъ разсыпанными черными локонами, походила, въ бѣлой какъ снѣгъ постели, на извѣстную картину, которая имѣла такой большой народный успѣхъ, что ее можно было видѣть у всѣхъ привратниковъ: «Раскалнне». Другой рукой она перелистывала или, по-крайней-мѣрѣ, показывала влдъ, будто перелистываетъ страницы романа.

— Приходъ мой васъ удивляетъ, сказала ей банкиръ, не перемѣняя ни на минуту спокойнаго голоса, которымъ онъ все время разговаривалъ съ де-Кардене. Мнѣ бы слѣдовало быть теперь въ моей постели въ Виль-Д'Авре, куда я и васъ ждалъ къ завтрашнему утру.

— Куда и мнѣ слѣдовало пріѣхать завтра, сказала г-жа Матіе дрожащимъ голосомъ, и уронила на полъ книжку, которую держала не твердою рукою.

Г. Матіе поднялъ книгу и положилъ ее учтиво на ночной столикъ.

— Я обѣдалъ у Фуше, продолжалъ онъ съ намѣреніемъ: я у него я получилъ извѣстіе, заставившее меня отстаться въ Парижъ.... коммерческое извѣстіе; купеческій домъ Р... прекратить платежи свои... если это окажется справедливымъ, то я теряю сто тысячъ червонцовъ... но не безпокойтесь, я довольно богатъ, чтобы перенести эту потерю.

Последнія эти слова были произнесены съ такимъ легкимъ выраженіемъ ироніи, что г-жѣ Л... было невозможно вѣрить истинѣ словъ банкира.

— Но, продолжалъ Матіе, упирався на подножіе постели жены: я напрасно говорю съ вами о дѣлахъ моихъ; есть много другихъ предметовъ, о которыхъ можно говорить съ хорошенькой женщиной: есть люди, которые бы, вѣроятно, счумбли лучше провести время, чѣмъ я,—какъ вы думаете?.. Помните ли вы, Адель, продолжалъ онъ послѣ краткаго молчанія, какъ вы любили меня въ первое время нашего супружества? Прежде чѣмъ я женился, я спрашивалъ у сердца вашего, спросилъ у васъ: не любите ли вы кого-нибудь, и въ такомъ случаѣ я бы далъ вамъ приданное и соединилъ бы васъ съ любимымъ человекомъ. Я не скрылъ отъ васъ моихъ головъ, я колебался, и въ самой нерѣшительности вы же были руководителемъ моимъ; все это потому, что я не хотѣлъ играть роль стараго мужа, котораго проводить молодая жена. У меня много занятій, Адель, которыя отнимаютъ все мое время и которыя не позволяютъ мнѣ присматривать за вами, слѣдить за всѣми поступками ваши-

ми: необходимо, чтобы я могъ положиться на жену свою. Что вы скажете на это, Адель?

— О да, вы правы, вы правы!

— Что касается до меня, продолжалъ банкиръ: то вы знали мое страсть къ вамъ, когда я женился. Страсть эта не уменьшилась, она не горяча, и не безумна, она согласна съ моимъ характеромъ и лѣтами, двѣ вещи, которыхъ я отъ васъ не скрывалъ; не тотъ же ли я и теперь, какимъ былъ тогда? Мои заботы, мои ласки къ вамъ всё тѣже, какъ и прежде; я думаю даже, если справлюсь по книгамъ, что расходы для васъ съ каждымъ годомъ увеличиваются.... Говорите, любезная Адель, будьте откровенны, вы меня болѣе не любите? Сдѣлалась ли вамъ связь наша несносною? Я сейчасъ подучилъ визитъ, представляющій меня бояться этого... визитъ былъ назначенъ вамъ.—Одинъ молодой офицеръ, г. де-Кардене, у котораго прелестные глаза, граціозная талія, прекрасныя манеры: онъ, кажется, очень любезенъ.—Онъ явился послѣ полуночи, въ надеждѣ, вѣроятно, поговорить съ вами до зари, и не желая, чтобы я зналъ о томъ, что онъ намѣренъ былъ сообщить вамъ...

— Г. Matiel.. г. Matiel.. воскликнула молодая женщина, встревоженная хладнокровіемъ мужа, также какъ и де-Кардене.

— Я предполагаю, продолжалъ банкиръ: что вы знали о его приходѣ и что ваше мнѣніе касательно этого поздняго визита несогласно съ моимъ.—Мнѣ кажется, что такіе разговоры, и въ такое время, приличны только между мужемъ и женою.—Я сказалъ это г. де-Кардене; я говорилъ ему даже о полицейскомъ комиссарѣ, который раздѣляетъ мое мнѣніе; вамъ же я скажу болѣе....

— Что же такое? сказала молодая женщина, будучи не въ состояніи скрывать своей ужась.

— О! Адель, не бѣдѣйте такъ; я напомишу только вамъ, что у меня есть племянникъ, сынъ брата моего Адріана, очень милый молодой человекъ, не имѣющій состоянія и котораго я нѣжно люблю. Адрианъ, вѣроятно, одного мнѣнія со мной.—Подумайте же о томъ, любезная Адель, что я очень богатъ и что Богъ намъ не далъ дѣтой... Но оставимъ племянника, а поговоримъ обо мнѣ. Я не хочу лишить васъ общества, которое можетъ быть для васъ пріятнымъ.—Вы должны пользоваться свободою, въ какой бы часъ то ни было. Я не понимаю, какъ можно дѣлать женщину несчастною, и если общество де Кардене вамъ необходимо, то скажите мнѣ откровенно. Мы такъ счастливы, живя во Франціи, управляемой великимъ государемъ и хорошими зако-

нами; вспомните, что узы, насъ связывающія, не вѣчны: существуетъ законъ, покровительствующій нашему спокойствію, нашему обоюдному удовольствію; можно прибѣгнуть къ нему.

— Что хотите вы сказать?

— Мой добрый другъ, я хочу поговорить съ вами о разводѣ.—Если мы прибѣгнемъ къ этому закону, то получимъ свободу и право вступить въ новый бракъ, такъ напримѣръ вы тогда можете выйти за де-Кардене.—Въ такомъ случаѣ я буду принужденъ поговорить съ вами о дѣлахъ чисто матеріальныхъ.

— Я не понимаю васъ.

— Это очень просто: когда мужъ разводится съ женою, то онъ, само-собою разумѣется, выдаетъ женѣ то, что получилъ отъ нее, а вы знаете, любезная Адель, что у васъ не было приданаго. Правда, законъ въ такомъ случаѣ клонится въ пользу жены, которая оставляетъ богатаго мужа: мужъ обязанъ платить ей годовой пенсіонъ; обыкновенно это бываетъ бездѣлица; я предполагаю однако, что пенсіонъ этотъ дойдетъ до шести тыщячъ франковъ.... У меня въ лицѣ, милый другъ, лежатъ векселя на имя вашего батюшки, въ тридцать тыщячъ франковъ, я вамъ ихъ вручу, это будетъ пенсіонъ вашъ за пять лѣтъ. Я знаю, любезный другъ, что шесть тыщячъ франковъ въ годъ для васъ будетъ мало. — Такъ напримѣръ я зачиталъ счетъ швен вашей, доходящій до пятнадцати тыщячъ франковъ; ваша модистка стала мнѣ въ нынѣшній годъ до десяти тыщячъ франковъ.—Вы имѣете особенный экипажъ; я рассчитался съ каретникомъ, и нашелъ счетъ его довольно значительнымъ.—Вы любите очень этотъ домъ; дача моя въ Виль-д'Авре по вашему вкусу. Но откровенно говоря, я не могу лишить себя всего этого въ пользу де-Кардене.... Быть-можетъ, онъ дастъ вамъ болѣе.... Подумайте же. Съ одной стороны, я не хочу быть обманутымъ, съ другой, кажется, что любовь, которую вы питали ко мнѣ, прошла; посоветуйтесь же съ собой, милый другъ.—Можетъ-быть, вамъ тяжело рѣшить не въ мою пользу при мнѣ, и сказать мнѣ прямо въ лицо, что вы не любите меня; я распорядился такъ, чтобы избавить васъ отъ этой неприятности; я предупредилъ де-Кардене, что почую завтра въ Виль-д'Авре; если вы его примете, дѣло рѣшено.... Вспомните, что вы свободны, что узы, насъ связывающія, не вѣчны; что они могутъ быть разорваны, или если хотите развязаны.... Прощайте, Адель, покойной ночи.

Послѣ этого г. Matie поклонился учтиво своей женѣ, пошелъ въ свою спальню и легъ спокойно въ постель.

Едва банкиръ вышелъ, какъ Викторина, ожидавшая его уходя, вошла въ слезахъ въ комнату своей госпожи. — Она была знакома г-жею съ Л... съ дѣтства, и Адель знала Викторину съ хорошей стороны.

— Представьте себѣ, сказала Викторина, бросившись на колѣни передъ госпожей и взявъ одну руку ея, которую оросила своими слезами: онъ думаетъ, что я вамъ измѣнила.

— Кто? Мужъ мой?

— Нѣтъ, г. де-Кардене.

— Г. де-Кардене, не знаетъ, что онъ говоритъ, отвѣчала г-жа Л... Но какимъ-образомъ могъ мужъ мой узнать, что молодой человѣкъ этотъ долженъ былъ посѣтить меня сегодня вечеромъ? потому-что сама ты знаешь, дѣло шло только о простомъ визитѣ, и мужъ мой не имѣетъ права мнѣ дѣлать упрёка.

— Безъ сомнѣнія.

— Я люблю мужа, Викторина, онъ добръ, питаетъ ко мнѣ большую дружбу, даже любовь, какъ онъ охъ говоритъ; онъ напомнилъ мнѣ первый годъ нашего супружества, я была тронута... Я думаю, что если бы онъ посмотрѣлъ на меня немного поближе, я бы бросилась къ нему на шею... Молодой человѣкъ этотъ поставилъ меня въ странное положеніе... Но я повторяю еще разъ, кто могъ увѣдомить мужа моего?

Викторина оперлась на постель, и нагнувшись къ госпожѣ, такъ что могла приложить ротъ свой къ уху молодой женщины, прошептала ей одно слово:

— Полиція.

— Неужели! вскричала Адель, падаю на подушку.

— Кто же вначѣ?

Тогда г-жа Л... подумала нѣсколько минутъ, и вспомнила, что, дѣйствительно, мужъ ея былъ друженъ съ человѣкомъ, который, казалось, все зналъ, что происходило и что говорилось въ Парижѣ. — Фуше, который видѣлъ сквозь стѣны, у котораго обѣдалъ банкиръ наканунѣ, Фуше, который въ день свадьбы удивилъ ея родителей рассказомъ ихъ тайныхъ и забытыхъ приключеній. — Молодая женщина поняла, что такъ какъ мужъ ея былъ друженъ съ человѣкомъ, столь дальновиднымъ, какъ министръ полиціи, то она имѣла менѣе свободы, чѣмъ молодая Испанка, находившаяся подъ надзоромъ неумолимой дуэньи, что Фуше стоглазый аргусъ, который изъ участія къ другу своему Матіе будетъ отнынѣ слѣдить за всѣми ея шагами, читать всѣ ея письма и отгадывать мысли.

Къ тому же мужъ не скрывалъ этого отъ нея. Я обѣдалъ у Фуше, сказалъ онъ, и узналъ у него новость, которая заставила меня остаться въ Парижѣ. — Нельзя было яснѣе выразиться. — Г. Матіе изъявилъ свое намѣреніе; онъ говорилъ о разводѣ, а съ разводомъ была соединена потеря довольно важнаго мѣста въ обществѣ, потеря алмазовъ, экипажа, нарядовъ, чести, которую можно считать за что-нибудь, потому-что разводъ часто бываетъ послѣдствіемъ вины, а въ этомъ случаѣ г-жа Л... была бы виновною. Разводъ означалъ возвращеніе къ ея отцу, въ маленькую лавку улицы Сень-Дени, или бракъ съ подпрапорщикомъ, однимъ словомъ, — нищету.

Эти весьма справедливыя размышленія заключали въ себѣ очень мало утѣшительнаго для г. де-Кардене: прелестныя черты и шегольская талія молодого офицера терли много въ сравненіи съ великолѣпной гостиной и экипажемъ; по этому-то г-жа Л... сказала, обратившись къ горничной:

— Послушай, Викторина! надѣюсь, что если бы г. де-Кардене явилась вновь, ты скажешь ему, что я не принимаю.

— Бѣдный молодой человѣкъ, думала Викторина, которая въ любовныхъ шашняхъ своихъ имѣла болѣе смѣлости, чѣмъ госпожа, вѣроятно, потому, что меньшимъ рисковала.

На другое утро г-жа Л... пошла очень рано въ комнату мужа, блѣдная, съ потупленными глазами, намѣреваясь доказать горе свое печалью и разстроеннымъ лицомъ. — Г. Матіе не было дома. Нужно же было однако сказать банкиру, что его любили, и главное, что его не обманули. Присутствіе де-Кардене въ домѣ былъ проступокъ, не имѣвшій неприятныхъ послѣдствій; молодая женщина была виновата, что заснула на краю пропасти; она, вѣроятно, проснулась бы прежде, чѣмъ упала въ нее: вотъ въ чемъ необходимо было увѣрить г. Матіе. Во всякомъ случаѣ слѣдовало молить его о прощеніи, и клясться въ вѣчной любви. — Отсутствіе банкира безпокоило молодую женщину, которая боялась выйти изъ комнаты, чтобы ее не упрекнули въ желаніи видѣться съ г. де-Кардене. Такъ она ждала цѣлый день. — Въ четыре часа по-полудни Викторина принесла ей письмо.

«Я сдѣлалъ вчера непростительную ошибку, писалъ ей молодой офицеръ, которую можно извинить однимъ незнаніемъ «часы, когда я хотѣлъ представиться вамъ. — Я надѣялся, что «успѣю сегодня доказать вамъ мое уваженіе и сожалѣніе; но «приказъ военнаго министра велитъ мнѣ тотчасъ вѣхать въ «походъ.»

«Имѣю честь быть и проч.»

Взявши это письмо, молодая женщина велѣла заложить коляску, и помчалась въ Виль-д'Авре. Она увидѣла Матіе въ саду, гдѣ онъ гулялъ и съ наслажденіемъ втягивалъ въ себя ароматическій воздухъ цвѣтовъ.

— А! это вы милый другъ, сказалъ ей банкиръ: я не ожидалъ васъ; неужели вы такъ любезны, что будете обѣдать со мною?

Г-жа Л... отвѣчала тѣмъ, что бросилась въ объятія мужа, и не говоря ни слова о де-Кардене, подала банкиру письмо, которое получила за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ.

— Все это ничего не значить, сказалъ Матіе, возвращая ей по прочтеніи письмо. Я и вы, Адель, знаемъ истину, и вы имѣете доказательства, что я буду всегда знать ее. По этому надобно поступить по совѣсти, и принять окончательное рѣшеніе. Я явился вчера во-время: если бы случайно меня предувѣдомили получасомъ позже, то, вѣроятно, я не прелоставилъ бы вамъ выбора между мною и тѣмъ господиномъ, какъ я это сдѣлалъ... Къ тому же, я хочу быть любимымъ, это моя слабая сторона; подумайте еще хорошенько.

Г-жа Л... уже рѣшилась. Она со слезами на глазахъ просила мужа о прощеніи, и клялась ему въ вѣчной любви.

Нѣсколько дней послѣ домашней размолвки этой, Матіе посѣтилъ друга своего, министра полиціи.

— Ну, что, любезный Матіе, сказалъ Фуше: что новенькаго у тебя?

— Къ счастью, ничего, отвѣчалъ банкиръ; и въ добавокъ офицеръ этотъ далеко; приказъ военного министра велѣлъ ему въ ту же минуту выѣхать изъ Парижа... Знаешь ли ты, что г. де-Кардене очень красивый мужчина?

— Я говорилъ тебѣ: не правъ ли я былъ?

— Да, да, говорилъ банкиръ: и у меня въ душѣ самое нехристіанское желаніе, чтобы онъ нашелъ смерть героевъ, подъ французскими знаменами; я былъ бы сердечно радъ этому.

— Ба! сказалъ Фуше: за однимъ можетъ явиться другой...

— Нѣтъ! воскликнулъ Матіе, съ тою увѣренностью, которая составляетъ характеристическую черту мужей: онъ слишкомъ боится.

— Кто онъ?

— Жена моя и Викторина, ея горничная; онъ знаютъ, что полиція за ними присматриваетъ, и что начиная съ моласки до послѣдняго Оверница, входящаго въ домъ мой, всѣ находятъ

ся подъ надзоромъ полиціи. Я самъ буду покоенъ, пока ты занимаешь это мѣсто, потому-что я знаю, что тебѣ все извѣстно, и ты меня любишь; что моя честь тебѣ также дорога, какъ и твоя собственная; да другъ мой, все это я знаю, и благодарю тебя. Правда, продолжалъ банкиръ, который чувствовалъ потребность излить свои мысли: правда, что я, быть-можетъ, долженъ приписать только богатству моему раскаяніе и любовь, которыя мнѣ показали; быть-можетъ, мой сундукъ и роскошь, въ немъ заключающаяся, заставляютъ меня предпочесть офицеру.... По-крайней-мѣрѣ, другъ мой, это меня вознаграждаетъ за труды, съ которыми я накопилъ богатство, и вознаграждаетъ меня за заботы, которыхъ мнѣ стоить Адель: это вознагражденіе доставитъ мнѣ счастье... деньги мое имущество... и наконецъ, я люблю жену свою, и былъ бы въ отчаяніи, если бы зналъ, что она находится въ объятіяхъ г. де-Кардене.

— Такъ ты любишь жену свою?

— Гораздо больше, другъ мой, чѣмъ сознаюсь въ этомъ.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Фуше: необходимо поговорить съ тобой откровенно. Я другъ твой, какъ ты сказалъ, и долженъ тебѣ дать средства сохранить предметъ твоей любви. Разсчитывай на твое богатство, увеличивай его, чтобы удовлетворять имъ всѣ выдумки жены твоей, такъ, чтобы г-жа Матіе убѣдилась въ томъ, что безъ тебя она не могла бы удовлетворять эти капризы, что безъ тебя не могла бы существовать, — больше ничего не нужно. Средство это прекрасно, и въ наши лѣта нужно имъ довольствоваться. Не уничтожай также у жены твоей и у Викторины благодѣтельную боязнь, но и не разсчитывай на полицію.

— Отчего же нѣтъ?

— Потому, любезный другъ, что ты обманулся-бы, полагаясь въ супружескихъ дѣлахъ твоихъ на такую союзницу.

— Какъ такъ? сказалъ Матіе; вѣдь ты же меня навелъ тогда на это открытіе; ты мнѣ назвалъ де-Кардене, ты назначилъ часъ и день ихъ свиданія, и все случилось точно такъ, какъ ты сказалъ.

— Случай, другъ мой, случай.

— Случай?

— Да, ни одинъ изъ моихъ агентовъ не знаетъ г. де-Кардене и не подходилъ къ твоей женѣ.

— Такъ это Викторина все разболтала?

— Сколько я знаю, бѣдная дѣвушка не открывала рта. По-

торяю тебѣ, что полиція не имѣетъ никакой пользы знать, что происходитъ у тебя, и не вмешивается въ твои дѣла.

— Между тѣмъ ты былъ такъ хорошо увѣдомленъ?

— Да, потому что я гадалщикъ и волшебникъ такой же, какъ и всѣ смертные. Вотъ какъ произошло это очень простое открытіе: я зналъ г. де-Кардене; онъ былъ даже представленъ мнѣ, и зимою танцевалъ въ моихъ салонахъ. Наканунѣ того дня, какъ ты хотѣлъ обѣдать у меня, былъ вечеръ у сенатора С....

— Жена моя была тамъ, сказалъ банкиръ.

— И я также, другъ мой; но ты знаешь, что С.... причисленъ къ государственному совѣту, и откровенно говоря, я отправился на его приглашеніе, скорѣе для того, чтобы поговорить о дѣлахъ съ хозяиномъ, чѣмъ воспользоваться удовольствіями его собранія. Между тѣмъ, выходя изъ кабинета С... я хотѣлъ явиться на минуту въ салонъ, желая изъяснить свое почтеніе г-жѣ С.... Минута моего входа была худо выбрана: мадамъ Браншо пѣла, и вѣсть съ Лансомъ обращала на себя общее вниманіе; къ тому же салонъ былъ полонъ, и мнѣ было бы трудно дойти въ эту минуту до хозяйки дома. По этому я проскользнулъ за толпой, которая слушала обоихъ артистовъ, и достигъ до амбразуры окна, гдѣ и остановился. Я былъ закрытъ занавѣской, и передо мной сидѣли въ креслахъ двѣ особы, которыя предавались удовольствію очень вѣснаго разговора. Я хотѣлъ удалиться, потому что, по чести, не люблю подслушивать, особенно не важныя вещи, какъ вдругъ услышалъ твое имя. Я услышалъ, что ты на другой день ѣдешь въ Вилл-д'Авре. Тогда я выдвинулъ немного голову за занавѣску, и узналъ твою жену съ де-Кардене. Молодой человекъ молилъ о милости быть принятымъ во время твоего отсутствія; жена твоя отказала.

— Она отказала? спросалъ Матіе.

— На отрѣзъ; но я знаю цѣну этихъ отказовъ, продолжалъ Фуше: я знаю, что они значатъ. Я тихонько удалился, убѣжденный, что свиданіе условлено или, по крайней мѣрѣ, что оно состоится.

— Она отказала? повторилъ Матіе.

— Я тебя увѣряю, что да, но молодые люди настоящаго вѣка, такъ смѣлы, что я былъ убѣжденъ въ томъ, что де-Кардене долженъ былъ явиться къ тебѣ въ полночь, несмотря на нежеланіе жены твоей; это было очень опасно, другъ мой, потому что случайно часто входитъ въ половину нашихъ проступковъ.

— Гмъ, гмъ, пробормоталъ Матіе, сквозь зубы: и ты мнѣ не даль знать объ этомъ.

— Напротивъ, я намѣревался въ тотъ самый день, какъ ты пришелъ ко мнѣ, послать тебѣ анонимную записку, которая увѣдомила бы тебя обо всемъ. Мнѣ казалось приличіе поступить такимъ образомъ, чѣмъ сообщить тебѣ обстоятельство это прямо, потому что есть мужья, которые имѣютъ слабость сердиться на тѣхъ, которые ихъ увѣдомляютъ о подобныхъ вещахъ.

— Я не принадлежу къ числу этихъ мужей.

— Я это вижу, но не могъ отгадать этого съ перваго раза. Когда я тебя увидѣлъ, то ни минуты не колебался. Изъ этого ты видишь, продолжалъ Фуше, что все это слѣдала случай. Если бы я тебя не любилъ, то, навѣрное, остерегался бы помѣшать любви г. де-Кардене. Я имѣю привычку оставлять въ покоѣ слабыхъ женщинъ и молодыхъ влюбленныхъ людей....

Г. Матіе воспользовался урокомъ: онъ составилъ самъ полицію въ своемъ домѣ и пренебрегалъ немного коммерческими дѣлами, чтобы болѣе заняться женой....

ЧЕТЫРЕ РОЗЫ.

Повѣсть Анабля Леметра.

I.

ИМЯНИНЫ КЛАВДІЯ.

Во первыхъ эти *четыре розы*,— были не цвѣтки, хотя любезники города Провена и называли ихъ букетомъ цвѣтовъ, а это были три дѣвушки и одна женщина.

Изъ трехъ дѣвушекъ одна была почтенная дѣва—старая, безобразная и злая. Ее звали *Желтою-Розою*. Двухъ хорошенькихъ ея племянницъ называли, по цвѣту лица,—одну *Красною-Розою*, а другую *Бѣлою-Розою*. Старую дѣву называли еще иначе, но за глаза; въ глаза одинъ братъ ея, котораго она въ отищенье за это называла *Бонапартистомъ*, поражала ее иногда, въ сердитый часъ, ужаснымъ названіемъ *старый шиповникъ*.

Четвертая роза—была жена нотариуса. Маленькая, свѣжая, живая, нѣсколько дородная,—и остряки того квартала называли ее *Двойною-Розою*.

Всѣ эти четыре Розы жили въ одномъ домѣ. *Желтая и Кра-*

сная Розы жили въ нижнемъ этажѣ, со своимъ братомъ и отцемъ. *Бѣлая Роза*, съ отцемъ своимъ, жила подъ крышею. Прочіе этажи были заняты офицеромъ уланскаго полка, стоявшаго въ городѣ, нотариусомъ и женою его, Двойною-Розою, и двумя писцами этого нотариуса, котораго контора помѣщалась въ первомъ этажѣ, окнами въ садъ. Въ концѣ сада была коюшня, или сарай, надъ которымъ устроенъ павильонъ. Въ этомъ павильонѣ было два окна, одно въ садъ, а другое на узенькую, немощенную улицу. Самый же сарай имѣлъ выходъ въ эту улицу.—Эти подробности покажутся очень скучными, но просимъ читателей вспомнить о нихъ въ свое время.

Въ домѣ было много слугъ и служанокъ,—но для разсказа нашего нужна будетъ только одна Бабетта, рыжая и красивая Шампенуазка.

Если теперь читатель удивится, что такъ много сошлось розъ въ одной повѣсти, и будетъ упрекать за это автора, то извиненіемъ ему послужитъ то, что дѣйствіе происходитъ въ городѣ Провенѣ, который еще со временъ третьяго крестоваго похода славился красотой своихъ розъ, и о которомъ одинъ изъ новѣйшихъ поэтовъ сказалъ:

Filles et fleurs—à Provins tout est rose. *
(Въ Провенѣ—все розы:—и дѣвушки и цвѣты).

А какъ разсказъ нашъ—настоящая исторія, то мы и выставимъ поскорѣе всѣхъ дѣйствующихъ лицъ.

Во вторникъ, ввечеру, 6-го іюня 1839 года, весь квартетъ нашихъ Розъ, разодѣтыхъ въ лучшее свое платье, со свѣчею въ одной рукѣ и съ букетомъ цвѣтовъ въ другой, шель потихоньку вверхъ по-лѣстницѣ своего дома, сопровождаемый всѣми жильцами, военными и гражданскими. Достигнувъ верхняго этажа, остановились онѣ передъ небольшою желтою дверью, чтобъ отдохнуть и дать время остальной свитѣ взобраться на верхъ.

Но въ ту самую минуту, какъ уланскій офицеръ становился на послѣднюю ступеньку, сабля его зацѣпила за ноги, и ударилась объ желѣзныя перилы лѣстницы.

— Кто тамъ? вскричалъ сильный голосъ за дверью.

Всѣ пришедшіе захохотали;—дверь съ шумомъ отворилась, и на порогѣ показался высокій, пожилой мужчина, съ военною

* Гежезинъ Моро, умершій отъ бѣдности въ госпиталѣ.

фуражкой, которую онъ при видѣ посѣтителей тотчасъ же снималъ.

— «Что это значитъ? сказалъ онъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Да, бишь! — Наступилъ день св. Клавдія. — Я имянникъ....»

Вдругъ увидѣлъ онъ жену нотариуса.

— «Ахъ! и вы! Извините! я васъ не замѣтилъ....»

— «Развѣ я не дочь стараго гвардейца?»—отвѣчала она, подставляя старому солдату щеку, которую тотъ поцѣловалъ.

— «Теперь чья очередь? спросилъ Клавдій:—подходите.

— «По порядку, я должна была начать,—сказала Желтая-Роза съ нѣкоторою досадою:—но какъ ужъ порядокъ нарушенъ, то я довольствуюсь и вторымъ мѣстомъ.—Вотъ вамъ, Клавдій, мой букетъ. — Пусть онъ вамъ хоть разъ въ годъ напомнитъ....»

— «Что тутъ за фразы,—весело отвѣчалъ Клавдій, прерывая ее.—Обними меня, сестра;—это лучше всѣхъ рѣчей. Можетъ-быть тебѣ хотѣлось бы, чтобы тебя всякой день цѣловалъ кто-нибудь такъ, какъ я теперь.... Ну, ну! молчу!.. Вы что покрасивѣе? Ну, подходите! Племянница, Красная-Роза! твоя очередь.... Подай свои щечки, которыя я такъ люблю....»

— «Повторяйте же мнѣ это всякой день, дядинька,—сказала Роза, покрасивѣе.

— «Изволь, душечка!—Лишь бы только ты и моя Бѣлая-Роза—были всегда такъ близки ко мнѣ».

Тутъ старый солдатъ взялъ за руки дочь свою и племянницу, —и поцѣловалъ ихъ обѣихъ.

— «Любите другъ друга, мои милыя, продолжалъ онъ: потому-что когда меня не будетъ.... Да, бишь! У васъ еще останется отецъ Розы.... Да гдѣ же Доминикъ?»

— «Я здѣсь, братецъ, я здѣсь!»—вскричалъ низенькій, толстый и краснолицый мужчина съ посѣдѣвшими волосами, который до тѣхъ-поръ прятался за всѣхъ: я дождался, чтобы ты обо мнѣ вспомнилъ.

— «Вспомнилъ!.. Ты знаешь, что я и безъ того всегда о тебѣ помню, — отвѣчалъ Клавдій такимъ голосомъ, который заставилъ вздрогнуть всѣхъ женщинъ.

И однако же, онъ съ нѣжностію обнялъ брата.

— «Послушай, братецъ!—съ робостію сказалъ Доминикъ:—мы оба старѣемся подъ одною кровлею, а сходимся едвали два, или три раза въ годъ.... А наши дочери.... видишь ли, какъ онѣ любятъ другъ друга.... Переѣзжай опять ко мнѣ жить. Перестань на меня сердиться.

— «Доминикъ! печально отвѣчалъ солдатъ, качая головою.—Ты знаешь, что я тебѣ сказалъ. Это невозможно. Перестанемъ говорить объ этомъ.

— «Напротивъ, братецъ, лучше поговоримъ объ этомъ, — рѣзкимъ голосомъ сказала тетка Роза.—Пора все это кончить. И такъ ужъ сколько дѣтъ надъ нами всѣ смѣялись....»

— «Эхъ, милая сестрица! Это не твое дѣло....»

— «Какъ не мое? Вѣдь всякій разъ, когда я иду съ обѣими племянницами, около меня безпрестанно шушукуютъ, называютъ то Доминика, то тебя. Только и разговоры, что про васъ....»

— «Ну, что жъ? Пусть ихъ говорятъ.... А тебѣ развѣ завидно, Желтая моя Роза?»

Слово *желтая* всегда производило свой эффектъ надъ старою дѣвою. Это было тоже, что огонь, поднесенный къ пороку.

— «Надъ сестрою, которая хочетъ возстановить доброе согласіе между братьями, не должно смѣяться, — сказала она язвительно.

— «Перестань, сестра,—прервалъ ее Доминикъ.—Ты видишь, что Клавдій непоколебимъ на этотъ счетъ.... У него доброе сердце, но дурная голова.

— «Да вѣдь онъ, неправъ,—продолжала разсерженная дѣва. Сулъ оправдалъ насъ и ввелъ во владѣніе.... Да и за кого онъ вступается? Кто эти Дури? Якобинцы, нищѣ....»

Одинъ изъ писцевъ нотариуса сдѣлалъ быстрое движеніе, но старый Клавдій движеніемъ руки остановилъ его порывъ и съ гнѣвомъ сказалъ сестрѣ:

— «Замолчи, Роза!

— «Что тутъ молчать! продолжала она.—И ты самъ защищаешь этихъ людей потому только, что былъ солдатомъ этого похитителя....»

— «Проклятый старый шипо....»

Маленькая ручка Бллой-Розы, положенная на уста Клавдіи преградила выходъ всего слова,—но это не спасло Желтой-Розы отъ всеобщаго смѣха, который самымъ гомерическимъ образомъ раздался во всемъ собраніи. Бѣдная дѣва принуждена была скрыться за прочихъ гостей.

— «Сдѣлайте милость, извините, скажите Клавдіи, обратясь къ гостямъ, которые не принадлежали къ его семейству.—Извините за эту домашнюю сцену. Мы съ братомъ вотъ уже почти десять лѣтъ въ ссорѣ, и если я проживу еще столько же, то и ссора столько же продолжится.

Нотариусъ, какъ по внушенію жены своей, такъ и по любви къ миру, подошелъ къ старому солдату, пожалъ его руку и началъ самый незначущій разговоръ о имянинахъ и имянинникахъ, а потомъ быстро перешелъ къ знаменитымъ сраженіямъ во времена имперіи. Уланскій офицеръ присталъ къ нему,—и *старый воркунъ* сдѣлался веселѣе. Онъ хотѣлъ уже пуститься въ рассказы объ этомъ незабвенномъ времени, во вдругъ взглянулъ на молодого писца, который только что хотѣлъ было отвѣчать Розѣ, и сказалъ ему:

— «Надѣюсь, племянникъ, что ты не расскажешь этого отцу своему. Это слишкомъ бы огорчило добраго малаго. Притомъ же, вѣдь ты у меня въ гостяхъ, у стараго Дарсе, у вѣрнаго друга Дуріи.

— «Кто-то стучитъ въ двери,—прервала его жена нотариуса, и побѣжала отпирать.

Это были четыре, или пять паръ молодыхъ дѣвушекъ съ молодыми мужчинами, вооруженными букетами цвѣтовъ и бутылками коньяку. Они пришли признать имянины Клавдіи. Позади ихъ шелъ музыкантъ.

Въ одну минуту стулья и кресла усталились къ стѣнкѣ, а по угламъ помѣстились игорные столы.

Едва начались танцы и игра, какъ отворились шкафы и представили зрителямъ пріятное зрѣлище разнаго пирожнаго и закусокъ.

Оставимъ же этихъ добрыхъ людей прыгать и играть, кому какъ угодно, и постараемся вкратцѣ рассказать, въ слѣдующей главѣ, причину этой маленькой домашней ссоры.

II.

НОТАРИУСЪ И ОРЛОНОСЕЦЪ :

Никогда еще дѣти одного отца и одной матери не имѣли между собою такъ мало сходства, какъ братья Дарсе. У одного, ни лѣта, ни раны не огняли еще силу характера и энергію возвышенныхъ натуръ; у другаго же, напротивъ того, рожденнаго слабымъ и безобразнымъ, лѣта прибавили еще тяжести и слабости. Поприще ихъ жизни было тоже различно. Клавдіи, старшій, былъ храбрымъ солдатомъ Майнцской арміи, когда разилась французская революція. Однажды осматривалъ ихъ комиссаръ Конвента, и взглянувъ на него, закричалъ, чтобъ онъ вышелъ изъ рядовъ и вымылъ себѣ лицо, потому-что оно въ грязи.

— «Гражданинъ представитель, смѣло закричалъ ему Клавдіи въ отвѣтъ:—еслибъ ты посмотрѣлъ на меня такъ же близко, какъ я сейчасъ смотрѣлъ въ лицо неприятелю, то увидѣлъ бы, что у меня начинаютъ расти усы и борода,—и они-то тебѣ показали за грязь».

Во всю свою жизнь Клавдіи сохранилъ свою гордость. Это-то и помѣшало ему добиться важныхъ чиновъ. Въ 1814 году, при возвращеніи Бурбоновъ, онъ былъ только простымъ поручикомъ — орлоносцемъ императорской гвардіи. Но какъ его все любили и уважали, то совершенно отъ него зависѣло остаться на службѣ.—Надобно было однако носить другое знамя и дать другую присягу,—и Клавдіи предпочелъ подать въ отставку.

Доминикъ Дарсе, младшій братъ, выбралъ себѣ лучшую дорогу въ жизни. Будучи сперва незначущимъ писаремъ волостнаго правленія, онъ постепенно проходилъ званія секретаря мера, разсылщика областной комиссіи и наконецъ экзекутора. Но чѣмъ больше имѣешь, тѣмъ больше хочется. Еслибъ у Доминика и не было такого расположенія, то сестра его, Роза Дарсе, viuишида бы ему подобныя мысли.

* Porte-aigle, тоже, что прапорщикъ.

Действительно, эта хитрая дѣвушка, скрывавшая очень искусно полъ маскою скромности и благочестія ненасытимуую жадность къ деньгамъ и безграничное тщеславіе, умѣла, около 1814 года, женить Доминика на молодой дѣвухѣ, которой приданое, присоединенное къ тому, что самъ Доминикъ успѣлъ накопить и что присылалъ ему повременамъ братъ Клавдій изъ арміи, на содержаніе своего семейства, — помогали ему купить контору королевскаго нотаріуса. Мало-по-малу состояніе его улучшилось, потому-что онъ умѣлъ пользоваться всеми возможными случаями. Въ 1830 году, полъ предлогомъ преданности своей къ законной династіи, продалъ онъ свою нотаріальную контору за сто тысячъ франковъ. И это почти было за бездѣнокъ, — но на это были также выды. Купила ее какой-то молодой человекъ, который, ятобъ жениться на дочери генерала-милліонера имѣлъ надобность представить въ обезпеченіе приданого какое-нибудь состояніе и званіе. — А какъ г. Дюранъ, при изученіи правъ въ Парижѣ, гораздо больше занимался своими удовольствіями, нежели юриспруденціею, то при вступленіи его въ новое званіе оказалось, что онъ ни теоріи, ни практики, нужныхъ нотаріусу, — не знаетъ. Доминикъ же былъ извѣстенъ своею практическою опытностію и трудолюбіемъ. А потому Дюранъ и просилъ его управлять конторою по прежнему, какъ хозяинъ. Это обстоятельство дало Доминику возможность пускать свои деньги въ ростъ за самые выгодные проценты.

Воротился и Клавдій Дарсе изъ арміи, — и уже два года жилъ у брата. Будучи слишкомъ честенъ и добродушенъ, тобъ подозрѣвать настоящей источникъ богатства своего брата, онъ проживалъ у него и пользовался его благосостояніемъ. Одно незначущее обстоятельство пробудило его отъ безпечности. Жена Доминика родила, — и могла имѣть дѣтей и на будущее время. Деликатность Клавдія вдругъ пробудилась. Онъ вспомнилъ, что живетъ на счетъ брата.

Сдѣлавъ свой бюджетъ, состоящій весь изъ націона почетнаго легіона, онъ однажды за завтракомъ объявилъ всему семейству, что соскучился въ городѣ и что намѣренъ переѣхать жить въ деревню — Виллане, въ двухъ миляхъ отъ Провена, у одного знакомаго фермера, у котораго взялся смотрѣть за полевыми работами.

— «Я уѣзжаю завтра, — сказалъ онъ въ видѣ заключенія.

Доминикъ, не смотря на всѣ свои житейскія слабости, любилъ и почиталъ своего брата. Будучи самъ и не очень

искреннимъ и не слишкомъ честнымъ, онъ именно эти-то качества и обожалъ въ Клавдіи. Будучи жаднымъ эгоистомъ, Доминикъ гордился безукоризненностію, которою пользовался братъ его во всемъ городѣ. Это была странная аномалія! Доминикъ, который цѣлый вѣкъ не уважалъ общественнаго мнѣнія, дрожалъ, какъ дитя, при одной мысли, что онъ можетъ потерять уваженіе брата.

Изумленный, испуганный при извѣстіи, что Клавдій выѣзжаетъ изъ его дома, Доминикъ уже думалъ, что братъ узналъ всю его жизнь.

Роза Дарсе, никогда неимѣвшая большой привязанности къ старшему своему брату, чувствовала однако, что всеобщее мнѣніе о его честности много значитъ для прикрытія неоступковъ младшаго, въ которыхъ и она всегда участвовала. Она тотчасъ же угадала причину его отъѣзда, и глядя на него пристально, спросила у него насмѣшливымъ голосомъ:

— А что тебя, братецъ, побудило къ этому странному намѣренію?

— Мой полковникъ бывало отвѣчалъ на это: — «А вотъ та и причина, что такъ хочу.»

— А я такъ думаю, что есть другая, и ты въ ней долженъ сознаться. Гордость твоя не допускаетъ тебя жить долѣе на счетъ твоего брата.

— Если такъ, то, пожалуй, ты права и не права, отвѣчалъ Клавдій — Вотъ въ чемъ дѣло. У Доминика родилась дочь. Ей падобно купить приданое, а какъ я ее и дядя и крестный отецъ, то хочу, тобъ къ свадьбѣ ея могъ накопить порядочный подарокъ. Для этого — то я и уговорился съ Жюльеномъ, тобъ онъ далъ мнѣ мѣсто и занятія на фермѣ Виллане.

Во время этого разговора сестры съ братомъ, Доминикъ позвонилъ и приказалъ вошедшему писцу принести что-то. Тотъ вскорѣ принесъ огромную кипу бумагъ, которую Доминикъ и разложилъ по-столу.

— Въ такомъ случаѣ, любезный Клавдій, сказалъ онъ брату: я долженъ тебѣ представить мои счета.

— Счета чего?

— Тѣхъ денегъ, которые ты мнѣ присылалъ изъ арміи. Я отдавалъ ихъ въ проценты, — и это составило...

— Послушай, братъ,—прервалъ его Клавдій:—я вѣдь не рекнуть,—я не знаю и не помню, сколько я тебѣ присылалъ денегъ,—но ужь, вѣрно, не столько, чтобъ написать такую гучу бумагъ, какую ты тутъ выставилъ на смотръ.—И такъ говори просто и коротко: сколько я тебѣ долженъ?

— Ты ошибаешься, не ты мнѣ, а я тебѣ долженъ,—и если намѣренъ съѣхать, то долженъ прослушать мои счета и принять слѣдующіи деньги....

Клавдій задумался, налилъ себѣ рюмку вина и вскричалъ:

— Да здравствуетъ императоръ!

Это было всегдашнее его прибѣжище, когда нечего было говорить.

Съ-тѣхъ-поръ онъ уже не упоминалъ о томъ, чтобъ съѣзжать. Доминикъ и сестра увѣрили его, что онъ имъ не только не въ тягость, но еще имѣеть право требовать отъ нихъ возвращенія денегъ. И у дурныхъ людей бывають хорошія черты!

Сестра Роза, интриги которой были всегда такъ полезны Доминику, обдумывала уже нѣсколько лѣтъ планъ, въ которомъ Клавдій игралъ важную роль. Ей было тогда, то есть въ 1819 году, тридцать пять лѣтъ, изъ которыхъ она, по обыкновенію вѣхъ состарѣвшихся дѣвъ, убавляла пять, или шесть, и потому почитала себя зрѣлою невѣстою. Ей хотѣлось выйти замужъ, и женихъ, который у нея былъ въ виду, былъ нѣкто Дурій, высокой и красивый мужчина, ремесломъ кожевникъ, не имѣвшій никакого состоянія, но бывший уже первымъ прикащикомъ на большой кожевенной фабрикѣ. Онъ былъ почти одинаковыхъ лѣтъ съ Розою—и могъ, по ея мнѣнію, быть—и хорошимъ мужемъ, и трудолюбивымъ кожевнымъ мастеромъ. Но у него на рукахъ была младшая сестра,—и онъ какъ-то проговорился, что не прежде самъ женится, какъ выдастъ замужъ сестру.—Слѣдственно Роза и думала, что если бы братецъ Клавдій рѣшился жениться на сестрѣ Дурія, то послѣдній, вѣрно, догадался бы потомъ, что для него нѣтъ лучшей и выгоднѣйшей партіи, какъ Роза Дарсе, которой порядочное приданое поможетъ ему завести самому кожевную фабрику.

Все это было прекрасно придумано, но планъ удался только половиною. Клавдій дѣйствительно женился на дочери Дурія, но самъ-то Дурій женился не на Розѣ, а на дочери того фаб-

риканта, у котораго жилъ. Хуже же всего при этомъ было то, что Роза, не зная еще намѣренія Дурія жениться на другой, поручила одной кумушкѣ предложить ему себя въ невѣсты, а тотъ очень откровенно и простошдно отвѣчалъ:

— Нѣтъ, она такая злая. Притомъ же я давно люблю другую.

Женившись, Дурій сдѣлался мастеромъ, но какъ онъ приданого взялъ за женою очень мало, то дѣла его и не могли идти такъ успѣшно.

Женитьба заставляетъ многое забыть,—но холостяки и старыя дѣвы помнятъ все. Роза Дарсе во всю свою жизнь помнила стыдъ этой неудачи. Она возненавидѣла сестру Дурія, которую сама же выдала за брата своего Клавдія,—и надобно было имѣть всю осторожность и добродѣтель этой женщины, чтобъ злой языкъ оскорбленной мегеры не обезславилъ ее, не оклеветалъ и не лишилъ добраго имени.

Съ-тѣхъ-поръ протекло восемнадцать лѣтъ, и братья Дарсе оба овдовѣли. У каждаго было по одной дочери. *Красной-Розы*—дочери нотаріуса было девятнадцать лѣтъ. *Бллой-Розы*—дочери Клавдія—не было еще и семнадцати.

Но я обѣщалъ разсказать, за чѣмъ братья поссорились.

Когда Доминикъ продалъ Дюрану свою потаріальную контору, то занялся отдачею своихъ денегъ въ ростъ. Между его должниками былъ и тотъ Дурій, котораго Желтая Роза прочла себѣ нѣкогда въ женихи.

Передъ самую польскую революцію, Дурій, по примѣру многихъ негодяевъ, увлекся духомъ спекуляцій. Когда же настала кризисъ, то надобно было занимать—съ значительными процентами, надѣясь потомъ на дѣятельность и экономію.—Къ несчастью, панической страхъ, объявшій тогда торговлю, продолжался долго. Наступили сроки платежей, и Дурій объявленъ былъ несостоятельнымъ и оставилъ все свое имѣніе въ рукахъ займодавцевъ.

Старый Клавдій, узнавъ о разстроенныхъ дѣлахъ Дурія, за-благовременно просилъ Доминика помочъ бѣдному кожевнику, который имъ родня и который кормитъ множество рабочихъ.... Но Доминикъ отозвался, что не въ состояніи ничего сдѣлать, и что если даже отсрочить собственные свои векселя на Дурія, то

прочіе заимодавцы все-таки оберутъ у него все. Клавдій былъ въ отчаяніи.

Каково же было его удивленіе, когда черезъ три мѣсяца потомъ,—и онъ, и весь городъ узнали чрезъ судебныя газеты, что Доминикъ былъ не только главнымъ, но почти единственнымъ кредиторомъ несчастнаго Дурі. Скупость Доминника и мстительность Желтой-Розы рѣшили его погубель.

Тогда повязка упала съ глазъ Клавдія. Онъ узналъ всю жизнь Доминика. Послѣ жаркаго объясненія, всѣ сношенія прекратились съ этого дня между обоими братьями. Не смотря на всѣ просьбы и убѣжденія Доминика, Клавдій сталъ жить отдѣльнымъ хозяйствомъ, переѣхалъ подъ крышу,—и то единственно потому, чтобы не лишиться дочери своей подруги дѣтства, Красной-Розы, которую онъ и самъ любилъ, какъ собственную свою дочь. Все, что Доминикъ успѣлъ выпросить, было то, чтобы пять разъ въ годъ сходиться имъ вмѣстѣ, именно: въ день рожденія дочерей, въ именины Клавдія, въ Рождество и Новый-годъ.

Напрасно Доминикъ старался, подъ видомъ составленія прежнихъ счетовъ, заставить Клавдія принять нѣкоторую сумму денегъ, могущую обезпечить его существованіе, благородный старикъ былъ непоколебимъ. Онъ отказался, объявивъ, что ему довольно пенсіона за крестъ и другаго пенсіона, который послѣ июльской революціи дали всей старой гвардіи Наполеона.

— Нѣтъ! говорилъ онъ: я не могу принять никакихъ денегъ. Тутъ есть и неправедныя деньги!

Клавдій настоялъ даже, чтобы въ день Св. Мартина, когда платятъ за наемъ квартиру, Доминикъ получалъ и съ него за комнату подъ крышею.

Но теперь уже доходовъ стараго гвардейскаго орлоносца было недостаточно, чтобы пользоваться всѣми пріятными бездѣлицами, къ которымъ онъ привыкъ, живя съ братомъ. Доминикъ, съ тою нѣжною деликатностію сердца, которая есть и въ порочныхъ душахъ, условился тихонько съ дочерью Клавдія, чтобы доставлять брату своему всѣ средства жить точно также, какъ прежде. Благодаря всегдашней безпечности стараго солдата и непреодолимому его отвращенію отъ всякихъ денежныхъ расчетовъ, онъ не замѣтилъ этой хитрости. Во все время военной и гражданской своей жизни, онъ поручалъ брату управленіе своими деньгами. Когда же женился, то вѣ-

рилъ это своей женѣ (что очень бѣсило сестру Розу); наконецъ, когда овдовѣлъ, то предоставилъ всѣ хозяйственныя распоряженія своей дочери. Такимъ образомъ Доминикъ каждогодно получалъ очень серьезно деньги за наемъ отъ брата, и выдавалъ ему квитанцію, — а черезъ часть потомъ возвращалъ ихъ дочери его, — и Клавдій твердо увѣренъ былъ, что 775-ти франковъ, получаемыхъ имъ, совершенно достаточно на все. Такъ, что онъ часто, послѣ какого-нибудь семейнаго праздника, или обѣда, даннаго старому товарищу, съ милою наивностію говаривалъ дочери:

— Ну, Розочка! на этой недѣлѣ надобно быть бережливѣй, чтобы воротить сегодняшній расхоль.

Тетка—Роза, или Желтая-роза, хотя и не любила Клавдія, но все возможное употребляла, чтобы помирить его съ Доминикомъ. Но какъ Клавдій увѣренъ былъ, что сестра его дѣятельно участвовала въ погубленіи Дурі, то и отвергалъ постоянно всѣ попытки ея, — и ея вмѣшательство всякой разъ еще болѣе растревало ссору.

Впрочемъ, Клавдій самъ душевно жалѣлъ объ этой враждѣ съ братомъ. Онъ даже съ самаго начала предлагалъ ему мировую, на условіяхъ, которыя ему казались честными и справедливыми. Онъ требовалъ только, чтобы Доминикъ возвратилъ Дурі все, что взялъ у него лишняго противу дѣйствительной суммы, данной ему взаймы. Доминикъ, разумѣется, отказался. Клавдій предложилъ потомъ и другія условія, а именно: чтобы Доминикъ выдалъ свою дочь за сына Дурі... Но и къ этому браку представилось много затрудненій. Во-первыхъ, Красная-Роза была богатая невѣста, а сынъ Дурі — бѣдный писецъ, а во-вторыхъ, по всему казалось, что эти молодые люди не могутъ терпѣть другъ друга... Вотъ и теперь, въ эту самую минуту они танцуютъ *vis-à-vis*—и не смотрятъ другъ на друга...

Такимъ образомъ, мы опять кое-какъ довели свой рассказъ до бала, даннаго въ комнатѣ Клавдія, подъ крышею, въ день его именинъ. Теперь будемъ продолжать его безъ остановки и не оглядываясь.

III.

ТРИ ЛЮБОВНЫЯ ЗАПИСКИ.

Три Розы танцовали, а четвертая (Желтая)—то же почти участвовала въ кадрили, потому что безпрестанно стояла позади

дочери Доминика. Въ числѣ танцующихъ мужчинъ были два писца нотариуса и уланской офицеръ.

Тетка-Роза, лишенная удовольствія танцовъ, должна была употребить свои глаза и уши на другія занятія. Наблюденіе за ближнимъ всегда составляетъ полезный предметъ изученія и развлеченія. А потому-то наша старуха и обратила зоркіе свои глаза на уланскаго офицера.

Едва капитанъ Шашю, не смотря на всю свою осторожность и искусство, — протанцовалъ первую фигуру кадрили, какъ уже Желтая-Роза догадалась, кому принадлежит маленькая записочка безъ подписи, числа и адреса, которую ей отдала Бабетта, нашедшая ее, — какъ она увѣряла, случайно подъ горшкомъ, стоявшимъ на окнѣ маленькаго павильона.

Довольная своею догадкою, тетка-Роза, обратила все вниманіе на г-жу Дюранъ (Двойную-Розу), которая танцевала *à-vis-à-vis* капитана.

Казалось, что г-жа Дюранъ была или очень осторожна, или очень наивна, потому-что капитанъ напрасно истощалъ всѣ стрѣлы своихъ пламенныхъ взоровъ и самыхъ нѣжныхъ улыбокъ, напрасно пожималъ ей руку и нашептывалъ на-ухо самыя страстныя фразы, Двойная-Роза ничего не понимала, или не хотѣла понять. Прекрасное лицо ея, одушевленное танцевальнымъ искусствомъ, выражало одинаковую ласковость ко всѣмъ. Капитанъ и Желтая-Роза, — оба съ досадою успили свое вниманіе, надѣясь, что антракты танцевъ представятъ имъ какой-нибудь случай къ благопріятнѣйшему объясненію. Оба ошиблись въ расчетѣ. По тонкости ли расчета, или по своеправію, г-жа Дюранъ постоянно во всѣ промежутки садилась къ мужу, чтобы слѣдить за партіею брелана между имъ, Клавдіемъ и Домникомъ.... Вдругъ при одномъ *chassez-croisez* Желтая-Роза замѣтила какіе-то знаки между г-жею Дюранъ и Бѣлою-Розою, которая въ это самое время танцевала съ капитаномъ. И минутой спустя, старуха къ величайшему удивленію, услышала вскозь слова младшей своей племянницы, говорившей капитану: «завтра ввечеру..... восемь часовъ... окно павильона..... одна...»

Офицеръ поклонился и отошелъ.

— Наконецъ! сказала торжествующая тетка, если мнѣ ниче-го не удалось подкараулить у г-жи Дюранъ, то я открыла другую интригу этой притворщицы!...

Потомъ начала она придумывать, какое бы средство върѣе всего употребить, чтобъ дознаться, гдѣ мѣсто свиданія Бѣлой-Розы... Если въ самомъ павильонѣ, то что лучше, рассказать ли объ этомъ? или пойти туда самой, чтобъ все открыть и изобличить ненавистную дѣвчонку.... Дочь Клавдія вѣдь тоже дочь Дурри... слѣдственно, погубить ее всего върѣе и пріятнѣе....

Въ эту самую минуту знакомый голосъ прервалъ нить размышленій ея... Это была другая, любимая ея племянница, Красная-Роза, которая въ десяти шагахъ отъ нея танцевала съ Адрианомъ де-Салисомъ, другимъ писцомъ нотариуса, молодымъ человѣкомъ, очень хорошей фамиліи, богатымъ, хотя немного взбалмошнымъ.

— Вотъ, подумала тетка: какого мужа я желала бы моей Розочкѣ... Однако она что-то съ живостію говоритъ съ нимъ!... Да! и отвѣчаетъ очень сухо....

— Да ужъ я вамъ сказала, говорила Красная-Роза Адриану, что не возьму вашей записки.

— Сдѣлайте милость возьмите....

— Тысячу разъ повторяю вамъ, что нѣтъ!

— Я не смѣю больше просить, сказалъ съ досадою Адрианъ, и откланявшись, всунулъ себѣ записку за перчатку — когда же кадрили кончился, то отвелъ Красную-Розу на мѣсто, дерзкій юноша успѣлъ бросить записку на ея кресла, — а Роза, не замѣтивъ этого, сѣла. Послѣ чего Адрианъ, подъ предлогомъ головной боли, искорѣ ушелъ.

Желтая-Роза не потеряла ни одного слова, ни одного жеста изъ всей этой сцены. Когда племянница ея встала, тетка подошла къ ней, чтобъ поправить платье, и незамѣтно подхватила записку.

Не прежде, какъ въ два часа ночи Клавдіи приказалъ играть *grandfather*, роль хореографическаго винегрета, гдѣ всѣ фигуры бальныхъ танцевъ перемѣшаны. Послѣдняя состоитъ въ томъ, что мужчины и дамы, одѣвшись уже совсѣмъ, чтобъ домою идти, подходятъ съ церемоніею къ хозяину, и прощаются.

Порядокъ фигуръ этого танца не обозначенъ напередъ, и зависитъ отъ каприза танцующихъ. Въ этомъ-то и состоитъ вся прелесть танцевъ, — и молодые люди пользуются этою суматохою, какъ нельзя лучше. Но зоркіе глаза Желтой-Розы успѣли и тутъ замѣтить, что Бѣлая-Роза, которая еще недавно назначала свиданіе уланскому офицеру, нашла средство всунуть ка-

кую-то записку скромному Шарлю Дурри, который быстро спрятал ее, поцеловавъ у Бѣлой-Розы ручку такъ громко, что *Красная-Роза* оттого покраснѣла какъ маковъ цвѣтъ.

— Глупецъ! радуйся! проворчала сквозь зубы тетка. Я обнаружу передъ всѣми ея штуки.

Черезъ часъ послѣ бала Клавдія, весь домъ уже спалъ. Только въ комнатѣ Желтой-Розы горѣла еще свѣчка. Вскорѣ и тетка, и свѣчка отправились въ верхній этажъ, и остановились передъ комнатою Бабетты, этой веселой, живой и толстой Шампенуазки. Тетка отворила дверь и вошла.

— Бабетта! — сказала она ей: завтра надобно тебѣ встать пораньше.

— Слушаю, сударыня.

— Прежде всего войдешь ты въ комнату писцовъ г. Дюрана, но такъ, чтобы не разбудить ихъ.

— Да вѣдь я хожу туда только перестилать ихъ постели, такъ какъ же?....

— Все равно. Для уборки войдешь и другой разъ. Я тебя замѣчала тамъ и въ другіе часы.... И такъ, ты войдешь туда пораньше, возьмешь ихъ платье и почиштишь его.

— Слушаю, сударыня.

— Въ лѣвомъ карманѣ г. Дурри есть маленькая, сложенная записка: ты ее возьмешь и принесешь ко мнѣ.

— Я?

— Да! что жъ тутъ мудренаго?

— А что потомъ скажетъ г. Дурри?

— Все равно; дѣлай, что я приказываю. Притомъ же, кто ему скажетъ, что ты взяла записку? А если онъ тебя и будетъ спрашивать, то отвѣчай ему точно также, какъ иногда мнѣ отвѣчаешь, когда тебѣ надобно что-нибудь солгать.

— Слушаю, сударыня. Я все буду отвѣчать ему: не знаю! и не видала, сударь.

— Хорошо! и при этомъ ты засмѣешься глупымъ своимъ смѣхомъ, такъ онъ и повѣритъ. Впрочемъ, дѣлай какъ хочешь, только помни, что я тебя прогону изъ дома, если хоть что-нибудь замѣтятъ. Если же ты будешь ловка и скромна, то къ Рождеству подарю тебѣ новое красное платье, понимаешь?

— Слушаю, сударыня....

Но Желтая-Роза, не дожидаясь отвѣта Бабетты, пошла опять со свѣчкою внизъ въ свою комнату. Черезъ четверть часа и эта свѣчка погасла.

IV.

БРАТЪ И СЕСТРА.

На другое утро, около восьми часовъ, когда Доминикъ, уже нѣсколько опоздавшій, собрался итти внизъ въ контору, Желтая-Роза явилась къ нему. Взглянувъ на нее, онъ тотчасъ же замѣтилъ необыкновенную важность и серьезность, выразившіяся на лицѣ ея. Это былъ дурной знакъ. Онъ взглянулъ сперва на дверь, потомъ на часы, какъ бы спрашивая себя: много ли онъ можетъ посвятить на предстоящій разговоръ? и какой бы предлогъ онъ могъ придумать, чтобы избѣжать его?

Тетка Роза быстро подвинула два стула, и сядя на одинъ, сказала ему:

— Можетъ-быть, разговоръ нашъ будетъ продолжителенъ, — такъ лучше сядь, братецъ.

Эксъ-нотариусъ отодвинулъ стулъ и взялъ шляпу.

— Сегодня торговый день, сказалъ онъ, и въ контору много придетъ народа. Ты вѣдь это знаешь, такъ лучше поговоримъ послѣ.

— Невозможно. Дѣло самое важное. Вотъ возьми и прочти.

Она ему подала незапечатанную записку. Доминикъ быстро пробѣжалъ первыя строки, и возвращая письмо сказалъ:

— Что намъ до этого за дѣло. Самъ Дюранъ долженъ смотрѣть за женою своею.

— Какъ что за дѣло? Но дочь твоя безирестанно бываетъ у Дюрановъ.

— Какая же въ этомъ бѣда?... Г-жа Дюранъ хорошо воспитанная женщина....

— Да! но принимаетъ любовныя объясненія отъ уланскихъ офицеровъ.

— А! это отъ офицера! Ну, такъ въ будущемъ мѣсяцъ срокъ его квартиры—и ему можно отказать.... Но какимъ образомъ письмо это попало въ твои руки, милая сестрица?—съ лукавымъ смѣхомъ спросилъ Доминикъ.

— Это я тебѣ послѣ разскажу, что же касается до уланскаго офицера, то надобно его сбрызнуть руками какъ можно скорѣе, если ты не хочешь, чтобы съ Клавдіемъ случилось несчастіе.

— Что ты хочешь сказать? вскричалъ Доминикъ.

— О! я знала, что имя Клавдія встревожитъ тебя,—и однакоже не дальше, какъ вчера, онъ обошелся съ тобою какъ съ....

— Полно, полно! прервалъ ее Доминикъ. — Ты большая охотница напоминать о неприятностяхъ.... Ну, какое имѣетъ отношеніе этотъ уланъ съ моимъ братомъ?

— У него любовная интрига съ его дочерью.

— Опять ты что-нибудь выдумала на бѣдную дѣвушку!—Ты, Роза, презлая женщина.

— Злая, или нѣтъ,—но я утверждаю, что ваша Бѣлая-Роза, какъ вы ее называете, назначила капитану сегодня ввечеру свиданіе подъ окномъ павильона.

— Тебѣ кто-нибудь сочинилъ сказку, а ты и повѣрила.

— Нѣтъ! я сама слышала это, своими ушами, прошедшую ночь на балѣ, въ то время, какъ эта дѣвчонка танцевала съ капитаномъ. Впрочемъ, я очень мало забочусь о ней. Пусть она погибнетъ. Она дочь Дурі,—и ты знаешь, что я ее терпѣть не могу. Но ты позволилъ, чтобы она была неразлучною подругою нашей Розы,—а эту дѣвушку я сама воспитала и внушила ей такія правила....

— Конечно!—Но племянница моя тоже добрая и скромная дѣвушка, и я хочу, чтобы она была неразлучна съ моею дочерью, покуда которая-нибудь выйдетъ замужъ.

— Этого не будетъ, и не можетъ быть.

— Какъ не будетъ! Почему?

— Потому-что у твоей племянницы любовныя интриги.

— Ты лжешь, Роза. — А если она и любитъ капитана, то онъ, разумѣется, на ней женится. Я ей дамъ такое приданое, которое полюбитъ улану.

— Капитанъ не возьметъ ее — а въ доказательство — вотъ прочти это второе письмо,—и суди самъ.

Это была та самая записка, которую Бѣлая-Роза отдала на балѣ Шарлю Дурі, при послѣдней фигурѣ гротесктера, и кото-

рую Бабетта похитила у него по приказанію теткн.—Едва Доминикъ успѣлъ прочесть нѣсколько строкъ, какъ поблѣднѣлъ и выронилъ письмо изъ рукъ.

— Бѣдный Клавдіи!—вскричалъ онъ печально.

— И къ кому писано это письмо! взгляни!

— Негодный Дурі!...

— А! наконецъ ты со мною согласенъ! Много же стоило труда, чтобы убѣдить тебя въ истинѣ.—Не смотря на всю злость отца его противу тебя, ты былъ всегда ласковъ къ сыну, который на меня и на тебя всегда звѣрѣть смотрѣлъ....

— Я любилъ и уважалъ сына, потому-что онъ въ конторѣ всегда былъ усерденъ и трудолюбивъ....

— А между-тѣмъ онъ воспользовался довѣренностію этого Донъ-Кихота Клавдія, чтобы обомлестить дочь его.

— Можно все еще поправить. Любовь этихъ дѣтей, вѣрно, такъ невинна, какъ они сами. Можно обвѣнчать ихъ...

— Съ кѣмъ же? съ уланомъ, или съ кузеномъ?..

— Какая ты злая, сестра!

— Пусть такъ!—Но отвѣчай мнѣ....

— Два свиданія въ одинъ вечеръ!... Да это невозможно.

— Напротивъ! между каждымъ свиданіемъ есть часъ промежутка. Этого довольно для такой дѣвчонки, какъ дочь Дурі.

Доминикъ погружился въ глубокую задумчивость. Въ узкой головѣ своей прискивалъ онъ средство отвратить ударъ, угрожающій Клавдію.

Но Желтая Роза не кончила.

— У меня есть еще третье письмо,—сказала она,—но оно совсѣмъ въ другомъ родѣ. Хотя тотъ, кто написалъ его, поступилъ очень неприлично и неосторожно,—но ты, вѣрно, вмѣстѣ со мною порадуешься, что у дочери твоей такой прекрасный женихъ.

— Я тебя не понимаю. Объясни.

— Въ эту ночь Адрианъ де-Салисъ танцевалъ съ твоею дочерью; я стояла позади ее, какъ и всегда. Не смотря на всю трудность схватить смыслъ фразъ, которыя говорятъ во время фигуръ кадрили, я повяла однако, что Адрианъ убѣждалъ Розу

принять отъ него что-то. Роза съ величайшею учтивостию и приличіемъ отказала ему рѣшительно,—и прекрасно сдѣлала, потому-что хотя Адрианъ хорошей фамиліи и богатъ....

— Докончи, пожалуйста; что такое?

— Вида непреодолимый отказъ Розы, Адрианъ рѣшился на поступокъ, который я очень осуждаю, потому-что онъ могъ повредить доброму имени твоей дочери.... При послѣней фигурѣ онъ подбросилъ письмо на стулъ, на который Роза сѣла. Она не замѣтила,—а я подхватила записку,—и одна ее только и видѣла. Вотъ она.

— Однако?... сказалъ экск-нотариусъ: — онъ начинаетъ про-сто: *Роза!* Это ужъ черезъ-чуръ фамильярно, — и даже на-гло.

— Ну, это пылкой молодой человѣкъ....

— Но вѣдь ты видишь, что онъ требуетъ свиданія.... и что за фразы!... какъ это все легкомысленно.... Пѣтъ, я пожалуюсь Г. Дюрану.

— Не дѣлай этого пожалуйста. Вспомни, что это славный же-нихъ.

— Но развѣ этакъ сватаются?

— Но вѣдь Роза не читала письма. Надобно бы было на-чать это дѣло дипломатическимъ образомъ....

Глаза Доминика заблестали отъ удовольствія.

— Оно конечно хорошо бы! — сказалъ онъ.... но это такъ трудно....

— Я берусь за все. Я цѣлую ночь обдумывала это дѣло.... Только съ твоею племянницею надобно развязаться.... Надобно непременно разлучить ее съ нашею Розочкою....

— А Клавій?... Развѣ можно сказать ему объ этомъ?

— Ты опять его трусишь!...

Въ эту минуту писецъ доложилъ Доминику, что множество людей давно уже ждутъ его въ конторѣ.

— Роза! — сказалъ Доминикъ уходя:—мы ужъ посоветуемся объ этомъ дѣлѣ. До-тѣхъ-поръ не предпринимай ничего; я тебѣ запрещаю.

V.

СВИДАНІЯ.

Читатели, вѣрно, помнятъ, что въ концѣ сада былъ сарай, а надъ сараемъ павильонъ съ двумя окнами, одно въ саль, а другое въ маленькую улицу, куда отпирался и сарай. Входъ же въ павильонъ былъ изъ сада, по прямой и открытой лѣсенкѣ, вдоль стѣнъ сарая.

Около восьми часовъ вечера, въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда вечерняя темнота мало-по-малу гасила послѣдніе лучи дневнаго свѣта, всѣ три Розы, погулявъ по саду нѣсколько времени, направили вдругъ шаги свои къ сараю.—*Двойная-Роза* тихонько отперла дверь небольшимъ ключомъ, который у нея былъ. Потомъ, высунувъ голову на маленькую улицу, осторожно кого-то окликнула. Ей также тихо отвѣчали. Тутъ, оглянувшись еще разъ, чтобъ посмотреть, не подглядываетъ ли кто за нею, г-жа Дюранъ вышла изъ сарая въ сопровожденіи Красной-Розы.

Бѣлая Роза заперла за ними дверь, но такъ, чтобы она легко могла отпереться. Послѣ этого она пошла сама по лѣстницѣ въ павильонъ выставивъ впередъ руки, чтобъ не удариться обо что-нибудь, потому-что въ это время сдѣлалось уже совершенно темно.—Вдругъ она испустила крикъ ужаса. Кто-то обхватилъ ее станъ обѣими руками и шепнулъ ей на-ухо:

— Не пугайтесь, Роза! Это я! Адрианъ де-Салисъ.

— Ахъ! какъ же вы меня испугали! — сказала она. Но что вы тутъ дѣлаете.

— Развѣ вы не знаете, милая Роза?

— Нисколько!... Да перестаньте.... Ну, если кто-нибудь придетъ....

Голосъ молодаго человѣка задрожалъ.

— Послушайте, Роза,—умоляю васъ.... я васъ люблю.... обо-жаю.

Вѣрно Адрианъ слишкомъ сильно сжалъ ее руку, потому-что она съ гнѣвомъ закричала:

— Оставьте меня... я закричу.... я никогда не ожидала этого отъ васъ.... Помогите!

По лестницѣ послышалась чья-то твердая и быстрая походка, и новое дѣйствующее лицо явилось на сценѣ.

— Кто тутъ! — сказалъ пришедшій.

— Ахъ! это вы, капитанъ! — вскричала Бѣлая-Роза, бросаясь къ нему. — Спасите меня.

— Какъ! это вы, Роза? — сказалъ уланъ.... Но вы дрожите....

— Да! я испугалась.... уйдите, ради Бога....

— Вы сейчасъ звали на помощь.... я слышалъ чьи-то шаги, — сказалъ онъ, — и загородилъ выходъ. — Это мы сейчасъ узнаемъ.... я могу и освѣтить сцену....

Тутъ, какъ любитель куренія табаку, онъ вынулъ фосфорную спичку, она вспыхнула — и огонь ея обнаружилъ присутствіе Адріана, прижавшагося въ уголь.

Самъ уланъ смутился. Первою мыслию его было то, что онъ, можетъ-быть, помѣшалъ любовному свиданію. А потому, послѣ минутнаго молчанія, онъ сказалъ:

— Извините меня, если....

— Г. капитанъ! — сказалъ Адріанъ, прерывая его, — мы наѣдемся на вашу честность и молчаніе....

— Я слишкомъ уважаю вашего батюшку, — печально отвѣчалъ капитанъ, продолжая обращаться къ Розѣ; и вѣрно не рѣшусь нанести ему неудовольствія.... открывъ то, что нечаянный случай....

— О Боже мой! — прервала его Роза, заливаясь слезами. — Я не знаю, что вы думаете.... Но мнѣ не къ чему себя упрекать.... Г. де Салисъ можетъ подтвердить вамъ....

— Но всѣ эти подробности не касаются до капитана, — сказалъ Адріанъ.

— Извините, Г. де Салисъ. — Дѣвида Дарсе звала на помощь.... Значитъ она тутъ встрѣтилась съ вами нечаянно, — и вы, можетъ-быть, оскорбиди ее.... Но вотъ сюда идуть.... это Г. Доминикъ Дарсе съ своею сестрою.

— Боже мой! Дядюшка и тетюшка!

— Пустьте меня, капитанъ, ради Бога.

— Нѣтъ, молодой человекъ! Вы должны, или сейчасъ просить руки ея, или объяснять семейству, какъ вы сюда попали....

— Я завтра поутру дамъ вамъ на это отвѣтъ, капитанъ.... Съ этими словами Адріанъ проскользнулъ въ двери и исчезъ.

Оставшіеся замолчали. Вдругъ Роза опомнилась.

— Но вы, капитанъ!... уйдите, ради Бога, уйдите отсюда. — вскричала она съ ужасомъ. Что скажете тетинька!

— Вы правы! — Притомъ же теперь восемь часовъ, а вы знаете....

Тутъ онъ однимъ прыжкомъ очутился у двери, и быстро сошелъ на цыпочкахъ. Въ ту самую минуту, какъ онъ затворялъ за собою дверь сарая, ведущую въ маленькую улицу Доминикъ и сестра его, начали всходить по лестницѣ въ павильонъ.

Но Желтая Роза видѣла капитана; его эполеты и шпоры измѣнили ему, и въ темнотѣ она показала брату еще издали на убѣгающаго улана.

— Что, сударыня! — вскричала старая мегера, увидя Розу. — Не хотите ли отпереться въ своей любовной патристикѣ? Кажется, мы все видѣли. — А вы, сударь, — продолжала она, обратясь къ Доминику: еще ли вы не убѣдитесь, что этой дѣвчонкѣ нельзя жить вмѣстѣ съ вашею дочерью. Я сейчасъ же пойду къ Клавдию, — и пусть онъ самъ рѣшитъ.

— О, ради Бога, тетенька! — вскричала Роза: — не огорчайте папеньку!...

— Нѣтъ! надобно, чтобы онъ узналъ все.

— Нѣтъ ли другаго средства уладить это дѣло? — робко спросилъ Доминикъ.

— Вы, дядишка, всегда были такъ добры ко мнѣ, — сказала Роза Доминику. — Неужели вы можете почитать меня виновною?

— Я бы очень желалъ, чтобы ты была невинна, но что ты можешь отвѣчать твоей теткѣ?

— Да, да! послушаемъ. Чѣмъ-то ты оправдаешься, что ночью, одна, очутилась здѣсь съ офицеромъ? Ужъ конечно не случаемъ, потому-что свиданіе было еще условлено вчера вечеромъ на балѣ. Даже Шарль Дурй, не смотря на нѣжные упреки, выраженные во вчерашнемъ письмѣ, отданномъ на балу, не повѣритъ теперь тебѣ.... Однакоже, гдѣ же этотъ милый Дурй? Вѣдь онъ, вѣрно, ждетъ тебя?

— Тетенька! вы ошибаетесь....

— Такъ скажи сама, — отвѣчалъ ей Доминикъ: ты ли писала письмо, и твоя ли это рука?

Тысяча противурѣчащихъ волненій изобразилось въ эту минуту на лицѣ молодой дѣвушки. — Два раза подходила она къ дядѣ, чтобъ говорить, но, какъ бы удержанная невидимою силою, она два раза удалялась, не сказавъ ни слова.

Тетка же, чтобъ довершить пораженіе бѣдной дѣвушки, начала опять выводить всѣ свои доводы и доказательства, которыя кончила тѣмъ, что объявила ей свой приговоръ, рѣшительный и непремѣнный.

— Роза! — сказала она. — Надобно оставить нашъ домъ....

Рѣчь ея была вдругъ прервана разговоромъ двухъ мужскихъ голосовъ, изъ которыхъ одинъ за что-то сердился, а другой былъ холоденъ и твердъ. Въ павильонѣ замолчали, чтобъ вслушаться въ этотъ разговоръ.

— Я вамъ говорю, сударь, что присутствіе ваше здѣсь не-извинительно....

— А я вамъ повторю, капитанъ, что ваши слова не выведутъ меня изъ должнаго благоумія. Мы оба должны теперь щадить доброе имя женщины....

— Эхъ, сударь! избавьте меня отъ вашихъ совѣтовъ, — и поберегите ихъ для Розы Дарсе....

— Ни слова, капитанъ! Настъ могутъ услышать.

— Чтѣ-жъ? Доминикъ дастъ вамъ хорошее приданое, а вамъ вѣдь только это и надобно....

— Наглець!...

Въ эту минуту разговоръ этотъ былъ прерванъ двумя женщинами, которыя, кажется, бросились между двумя ссорющими-ся. Тетка тотчасъ же узнала серебристый голосъ своей любимой племянницы, Красной-Розы.

Доминикъ отперъ окно павильона на улицу и закричалъ.

— Роза это ты?

Красная Роза не смѣла отвѣчать. Г-жа Дюранъ тотчасъ же нашлась.

— Ахъ, г. Дарсе! — сказала она самымъ спокойнымъ голосомъ. — Какъ кстати вы пришли! Помогите намъ. — Вотъ ужъ

съ четверть часа эти господа нарочно, чтобъ напугать насъ, спорятъ между собою. Сойдите пожалуста со свѣчею....

Не понимая еще въ чемъ дѣло, Доминикъ машинально повиновался, и вскорѣ привелъ въ павильонъ дочь свою, г-жу Дюранъ, капитана Шаню и Шарля Дурі.

— Милая тетинька! — сказала г-жа Дюранъ, привыкнувъ уже къ этому названію, которое давалъ ей весь домъ: Помогите мнѣ уговорить этихъ господъ, — и поговорите съ ними серьезно. Г. Доминикъ, какъ скромный и умный человекъ, вѣрно, будетъ намъ содѣйствовать и не измѣнитъ намъ.

Всѣ съ недоумѣніемъ взглянули другъ на друга. Кромѣ молодыхъ дѣвушекъ, прижавшихся другъ къ другу и потупившихъ головы, никто не зналъ, чтѣ хочетъ сказать г-жа Дюранъ.

— Хотя все это дѣло кажется запутаннымъ, — но оно очень просто. Я, кажется, больше всѣхъ тутъ виновата, и должна передъ всѣми признаться въ своей винѣ. (Тутъ она бросила взглядъ на капитана и на Дурі, — и тѣ поняли, что имъ нечего бояться ея открытія). Вы знаете, г. Доминикъ, что я очень веселаго и откровеннаго нрава. Особливо со всѣми живущими въ этомъ домѣ я привыкла обращаться какъ родная сестра.... Вотъ капитанъ Шаню, какъ военный и пылкій молодой человекъ, и вздумалъ говорить мнѣ разныя нѣжности, комплименты и объясненія. Я расхохоталась.... Г. Шаню смелъ, вѣрно, что кто смѣется, тотъ соглашается, и потому рѣшился письмен-но повторить мнѣ то, чтѣ говорилъ словесно.... Тутъ я поняла всю мою неосторожность, и хотѣла поправить дѣло тѣмъ, чтобъ возвратитъ ему легкомысленное письмо, прочтя при этомъ маленькое наставленіе. А чтобъ имѣть больше присутствія духа при этомъ свиданіи, я взяла съ собою вашу дочь, милую Розу, которой это тоже могло пригодиться.... Видите ли теперь въ чемъ дѣло....

— Очень вижу, — отвѣчалъ Доминикъ: но какимъ же образомъ между вами очутился г. Дурі?

— Это еще проще, — сказалъ капитанъ. — Онѣ взяли его съ собою, чтобъ ночью было не страшно. Признаюсь, я во всемъ виновата. Даже теперь, когда г-жа Дюранъ хотѣла мнѣ возвратитъ мое письмо, я, какъ школьникъ, обидѣлся, не хотѣлъ брать его, и грозилъ продолжать мои глупыя любовныя объясненія. Тутъ явился г. Дурі, и хотѣлъ образумить меня, но я

отвѣчалъ ему грубо и вспылчиво. — Теперь, прибавилъ онъ, подходя къ Шарлю: я вполне чувствую свою вину и признаю васъ самымъ благороднымъ человѣкомъ.

Онъ подошелъ къ нему и протянулъ ему руку.

— И я съ моей стороны тоже, — отвѣчалъ Дурі.

— Все это очень хорошо и ясно, — сказалъ Доминикъ. — Вы помирились, вы успокоились, это прекрасно, я очень радъ. Но одинъ изъ васъ произнесъ имя, которое требуетъ объясненія. Вы въ ссорѣ своей назвали Розу Дарсе, и я, какъ отецъ и дядя, прошу васъ объявить мнѣ: о которой именно шла рѣчь? Капитанъ и Шарль смутились оба при этомъ вопросѣ.

— Особенно прошу я васъ объ этомъ, капитанъ, — продолжалъ Доминикъ съ вѣжливой важностію и чувствомъ. — Вы, какъ товарищъ и сослуживецъ благороднаго моего брата, должны чувствовать, что или онъ, или я — готовы потерять свою дочь....

Чувство истинны и благородства вспыхнули въ груди капитана. Онъ вскочилъ, и протянувъ руку къ молодымъ дѣвушкамъ, хотѣлъ что-то сказать, но слова замерли на губахъ его, потому что въ эту самую минуту Красная-Роза увала въ обморокъ.

Тетка со страхомъ бросилась къ ней.

— Милый другъ мой! — вскричала она: — я увѣрена, что ты невинна. Дочь Доминика не можетъ сдѣлать проступка.

— Капитанъ! — печально сказалъ Доминикъ. — Когда мы пришли сюда, то вы едва успѣли уйти. Какъ же послѣ этого вы дружески протянули руку г. Дурі!

— Я васъ не понимаю, — отвѣчалъ Шаню.

— Вѣдь это были вы, капитанъ?

— Почему вы это думаете?

— Мы видѣли эпюлеты, слышали звукъ шпюръ, — и нашли здѣсь дочь Клавдія.

— Какъ! — вскричалъ капитанъ. — Все на нее! Это ужасно! — Г. Дарсе! — продолжалъ онъ: — я прошу у васъ четверть часа срока, чтобъ отвѣчать на вашъ вопросъ.

Съ этимъ словомъ онъ, какъ сумасшедшій, бросился по лѣстницѣ — и исчезъ.

Доминикъ едва замѣтилъ его уходъ. Что ему было до дочери Клавдія, когда его собственная Розочка, опомнившись послѣ обмо-

рока, бросилась вся въ слезахъ къ нему на шею. По всему видно было, что и она хотѣла что-то сказать, но рыданія не позволяли ей выговорить ни одного слова. Около нея заботились и отецъ и тетка. Г-жа Дюранъ и Шарль Дурі часто со страхомъ переглядывались въ это время. Бѣлая-Роза одна была спокойна, — какъ ея совѣсть. Она видѣла, что на нее готова обрушиться гроза, — и покорилась своей участи. Теперь чувствовалъ, что гроза эта, можетъ-быть, и минуетъ ее, она спокойно выжидала окончанія. Быстрый уходъ и печальная встрѣча съ Адрианомъ внушали ей какую-то неопредѣленную, почти несбыточную надежду.... Вдругъ слова тетки напомнили ей о всей несправедливости ея положенія.

— Перестань же, Розочка, — говорила она Красной-Розѣ: — успокойся. Отецъ твой не обвиняетъ тебя. Теперь мы все знаемъ, что Клавдіева Роза писала это письмо.

— Папенька! — сказала наконецъ Красная-Роза, всхлипывая: — сестра невинна....

— Надѣюсь, что невинна! — вскричалъ вошедшій въ эту минуту капитанъ, приведшій съ собою Адриана де Салуса. — И вотъ Адрианъ лучше всѣхъ засвидѣтельствуетъ это.

— Г. Дарсе! — сказалъ Адрианъ, подойдя къ Доминику: — позвольте мнѣ прежде всего извиниться передъ вашею прелестною племянницею въ легкомысленномъ моемъ поступкѣ, сейчасъ, при нечаянной съ нею встрѣчѣ. Но я такъ высоко уважаю ея добродѣтель, что почелъ бы себя самымъ счастливымъ человѣкомъ, еслибъ она позволила мнѣ просить васъ быть моимъ ходатаемъ предъ ея родителемъ, чтобъ исхоратайствовать ея руку. — Скажите, прелестная Роза, простите ли вы мнѣ и позволите ли надѣяться на счастье, котораго я испрашиваю.

— Прекрасно, молодой человѣкъ! — вскричалъ капитанъ. — Вотъ какъ благородный человѣкъ долженъ поправлять свою легкомысленность. — И теперь, вмѣсто того, чтобъ намъ рѣзаться, позвольте мнѣ быть вашимъ шаферомъ.

— Согласенъ, капитанъ! — отвѣчалъ Адрианъ.

— Надобно сперва знать, — проворчала тетка сквозь зубы: — что на это скажетъ Г. Шарль Дурі!

— Это, сударыня, — сказалъ Шарль, быстро подходя къ ней и пристально глядя ей въ глаза: — то, что у меня сегодня поутру украли письмо изъ кармана, — и письмо это у васъ, отдайте мнѣ его....

— Я передала, сударь, письмо это г. Доминику Дарсе, брату Клавдія. Не угодно ли вамъ спросить у него?

— Ха! ха! ха! — потъ забавная комедія! — вскричала вдругъ г-жа Дюранъ, — и схвативъ за руки Доминика утащила его почти насильно въ уголъ комнаты. Подите сюда; — я вамъ расскажу всю эту шутку....

Шарль Дурі и тетка остались другъ противъ друга въ угрожающемъ положеніи, ожидая развязки.

Вдругъ изъ сада послышался шумъ голосовъ, и вскорѣ явились на сценѣ еще три дѣйствующія лица. Это былъ самъ нотариусъ Дюранъ и старшій Клавдіи, отыскивающіе, одинъ — жену свою, а другой дочь. Передъ ними шла Бабетта со свѣчею. Толстая Шампенеуазка, увидя множество народа, догадалась тотчасъ же по лицамъ, что дѣло идетъ о письмахъ, и что, слѣдственно, при угрожающей ей видимой опасности, лучше всего уйти поскорѣе. — Уже, поставя свѣчу, она спускалась тихо по лѣстницѣ, какъ г-жа Дюранъ, увидя это, позвала ее, — и сказала:

— Бабетта! Капитанъ конечно властенъ писать письма къ кому угодно, но госпожѣ твоей конечно не угодно, чтобъ ты ихъ получала. И потому, она поручила мнѣ объявить тебѣ, что съ нынѣшняго дня ты уже не въ службѣ у нея.

— Вотъ прекрасно! — сказала Бабетта съ нѣкоторою дерзостію: — да вѣдь письма эти не ко мнѣ. Г-жа Дарсе очень хорошо знаетъ объ этомъ...

— Но г-жа Дарсе, — отвѣчала г-жа Дюранъ пристально глядя на тетку: — вѣрно, не приказывали тебѣ принимать ихъ?...

— Спросите у нея; я дѣлала только то, что она мнѣ приказывала...

— Замолчи, негодная, — рѣзко вскричала Желтая-Роза.

— Я вѣдь говорила тебѣ, — продолжала г-жа Дюранъ сладкимъ голосомъ: — что г-жа Дарсе не могла тебѣ давать такихъ приказаній. — Стушай же съ Богомъ и приготовь свой счетъ.

— Да что-жь это? — Развѣ не она велѣла мнѣ вынуть у г. Дурі письмо изъ кармана?

— О! это заранѣе условлено между г-жею Дарсе и г. Шарлемъ.

— Условлено? Вотъ мило!...

Рѣчь ея прекратилась, потому-что по знаку г-жи Дюранъ, капитанъ взялъ Бабетту подъ руку, повернулъ ее и сказалъ не-ласковымъ голосомъ:

— Сказано, — и сдѣлано! Скорымъ шагомъ, маршъ, маршъ! Бѣдная дѣвка быстро спустилась по лѣстницѣ, боясь, чтобъ капитанъ не спустилъ ее самъ.

— Что тутъ у васъ за перестрѣлка? — спросилъ наконецъ Клавдіи. — Я стою ужъ съ четверть часа, и ничего не понимаю. У всѣхъ у васъ такіа странныя лица. Да растолкуйте пожалуста.

— Все это, любезный Клавдіи, сюрпризъ, который тебѣ приготовили.

— Сюрпризъ, что выгнали Бабетту? — Ну, это еще не важность, хоть ей давно по дѣломъ.

— Совсѣмъ не то. — Не правдали, ты давно хотѣлъ, чтобъ племянникъ твой Дурі нашелъ себѣ хорошую жену? Ну, такъ я отыскала ее, я выдаю за него мою Розочку.

— Послушай, Доминикъ! если это шутка, то ты знаешь, что до нихъ я не охотникъ.

— Г. Дарсе! — сказала г-жа Дюранъ самымъ ласковымъ голосомъ: — вѣрьте въ полной мѣрѣ вашему братцу. Только васъ ждали, чтобъ кончить это дѣло. — Не удивляйтесь и вы, милая тетенька, — прибавила она, обращаясь къ остолбенѣвшей Желтой-Розы. Вотъ и мужъ мой нарочно пришелъ сюда, чтобъ написать контрактъ.

Старая дѣва хотѣла уже отвѣчать что-то злое и рѣзкое, но въ это время старшій Клавдіи съ отверзетыми объятіями подошелъ къ Доминику и вскричалъ:

— Братъ мой! Доминикъ! обними меня.

— Это еще не все! — сказалъ Доминикъ, обнимая его. — Тутъ есть дѣло и лично для тебя.

Вотъ Адрианъ де Сались, сынъ заслуженнаго генерала, котораго ты хорошо знаешь. — Онъ сейчасъ только поручилъ мнѣ просить у тебя руки твоей дочери.

— Если дочь моя согласна, — отвѣчалъ Клавдіи: — протягивая Адриану руку, — то съ моей стороны я очень радъ. — Послушай Доминикъ, — продолжалъ онъ, обратясь къ брату, — я вижу, что наша Желтая-Роза права, — и что въ нашей съ тобою ссорѣ я виноватъ, обними же меня, — и чтобъ все было навсегда забыто.

— А я напишу сей часъ же два свадебные контракта, ска- залъ Дюранъ.

— А я буду шаферомъ на этой двойной свадьбѣ....

Объ свадьбы действительно вскорѣ были отпразднованы,—и увы! одной изъ Розъ не было на нихъ. Тетка не участвовала при этихъ празднествахъ,—и вотъ по какому случаю.

Бабетта не могла простить ей, что она съ такимъ эгоизмомъ пожертвовала ею, и даже не дала новаго краснаго платья, которое обѣщала за письмо Дурй. А потому, попросивъ одного изъ своихъ знакомыхъ писцовъ, написать ей все это дѣло обстоятельно, и приложивъ нужные документы, послала къ Клавдію. — Тотъ пришелъ въ бѣшенство, видя, что старая дѣва только изъ того и хлопотала, чтобъ погубить его дочь. Въ первую минуту онъ хотѣлъ просто побить ее... Но удержанный окружающими, онъ смягчился и выдумалъ престранное мщеніе. Вездѣ на всѣхъ стѣнахъ, на всѣхъ дверяхъ, на всѣхъ окнахъ написалъ онъ французское названіе *старого шиповника*, котораго старуха всегда такъ боялась,—и эта мѣра совершенно убila ее.

Черезъ недѣлю вступила она въ Сенъ-Киріазской монастырь.

Съ тѣхъ-поръ букетъ Розъ чрезвычайно расплодился,—и всѣ дѣвушки, происшедшія отъ этихъ двухъ браковъ, получали при крещеніи тоже имя Розы, такъ что стихъ поэта сдѣлался совершенно справедливымъ:

Filles et fleurs—à Provins tout est roses,

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ПОСЛѢДНЯЯ ОТКРЫТІЯ ВЪ АСТРОНОМІИ.*

До сихъ-поръ законъ всемірнаго тяготѣнія былъ примѣняемъ къ опредѣленію движенія всѣхъ небесныхъ тѣлъ до крайнихъ границъ, куда наблюденія могутъ достигнуть. Каждое открытіе подтверждало этотъ законъ во всемъ пространствѣ нашей конечной системы, и указывало намъ, что онъ можетъ быть примѣненъ даже къ отдаленнѣйшимъ предѣламъ неба. Съ тѣхъ-поръ, какъ планета Нептунъ найдена почти на томъ самомъ мѣстѣ, которое ей назначено было теорією, законъ тяготѣнія получилъ новое развитіе: онъ сдѣлался средствомъ къ дальнѣйшимъ открытіямъ. Гений Ньютона, которому удивлялись уже въ продолженіе двухъ столѣтій, приобрѣлъ еще новый блескъ,—а математики-астрономы, успѣвшіе, независимо одна отъ другаго, примѣнить такъ искусно законъ, открытый Ньютономъ, приобрѣли величайшую славу. Открытіе невидимаго небеснаго тѣла, расширяющаго предѣлы нашей планетной системы втрое противу прежняго, и исполненное

* Составлено изъ книгъ: *Exposé de la découverte de la planète Neptune*, par J. Adams. — *Transactions of the Astronomical Society*. — *Découverte de quatre nouvelles planètes telescopiques*. — *Results of astronomical observations, etc.* — *Resultats des observations astronomiques, faites au Cap de Bonne-Espérance pendant les années 1834, 35, 36, 37 et 38*, par Herschel. — *Die Central-Sonne*, von Mädler.

только посредством умозаключений, служить лучшим доказательством блистательнаго состоянія науки въ новѣйшія времена, подтверждая очевиднымъ образомъ неопровержимость математики и всемірнаго закона, управляющаго небесными тѣлами.

Въ древности знали пять главныхъ планетъ. Онѣ открыты были по движеніямъ своимъ, отличающимъ ихъ отъ неподвижныхъ звѣздъ. По этому-то и дали имъ названіе *блуждающихъ*. (*Planis — скитающийся, блуждающій*). Но чтобы перейти отъ этихъ первоначальныхъ свѣдѣній къ познанію истиннаго устройства міровой системы, нужны были многія столѣтія. Галилей, устроивъ свою подзорную трубу, открылъ новый періодъ для астрономіи. Съ тѣхъ-поръ началась эпоха открытій, которыя, развиваясь въ продолженіе почти трехъ вѣковъ, обнаружили намъ существованіе новыхъ двадцати-восьми міровъ въ нашей системѣ, и указали на безчисленныя солнца, совершающія свои движенія, далеко за предѣлами ея, въ глубинѣ небесъ. Глубина эта такая, что зритель, перенесенный туда, видѣлъ бы наше солнце со всеми его блистательными спутниками млечнаго пути, въ видѣ неопредѣленнаго, *туманнаго облака*. Какой удивительный результатъ отъ случайнаго соединенія двухъ стеколъ! Нуженъ былъ весь гений Галилея, чтобы понять всю важность открытія, которое тысячи другихъ людей почли бы недостойнымъ своего вниманія.

Обративъ трубу свою на небо, Галилей прежде всего усмотрѣлъ четырехъ спутниковъ Юпитера. Уменьшенія диска Венеры (фазисы) служили ему подтвержденіемъ составленной имъ плена системы міра. Нѣкоторыя свѣтящіяся точки, усмотрѣнныя имъ за предѣлами освѣщенной части луны, открыли ему существованіе и высоту горъ нашего спутника. Пятна, найденныя имъ на дискѣ солнца, обнаружили ему обращеніе этого свѣтла на своей оси. Онъ могъ понять также, что видъ Сатурна представляетъ какую-то особенность, — но сила трубы его была недостаточна, чтобы ясно отличить кольцо; это открытіе, какъ равно и одного спутника этой планеты, было предоставлено Гюйгенсу, при пособіи уже сильнѣйшаго инструмента.

Такимъ образомъ число спутниковъ равнялось тогда извѣстному

му числу планетъ. Гюйгенсъ заключалъ изъ того, что гармонія системы была совершенная, — и что, слѣдовательно, не откроютъ уже болѣе спутниковъ. Однакоже Кассини не замедлилъ доказать, что у Сатурна ихъ еще четыре.

Прошло много лѣтъ, прежде нежели открыли новыя свѣтила. Но многочисленныя наблюденія Тихобраге, въ особенности обращенныя къ планетѣ Марсъ, приготовили законъ Кеплера объ эллиптическомъ движеніи. Открытіе этого закона составляетъ одну изъ замѣчательнѣйшихъ эпохъ въ астрономіи. Ньютонъ почерпнулъ въ немъ всѣ данныя, которыя ему были нужны для основанія теоріи всемірнаго тяготѣнія, — одного изъ важнѣйшихъ изобрѣтеній человѣческаго ума.

Съ этой минуты астрономы посвящали свои наблюденія точному опредѣленію относительныхъ массъ планетъ и элементовъ ихъ орбитъ. По этому составлены таблицы ихъ движеній. Исчисленія этихъ таблицъ составили огромный трудъ, который провѣдены только съ помощію самаго высокаго и глубокаго математическаго анализа. Этотъ трудъ совершенъ нѣсколькими первоклассныхъ французскихъ математиковъ. Онъ основанъ на законахъ тяготѣнія, по которому солнце и планеты притягиваютъ себя взаимно въ прямой пропорціи своихъ массъ и обратной квадратовъ своихъ разстояній.

Вообразимъ себѣ солнце, перенесенное на то самое мѣсто, которое занимаетъ земля, такъ чтобы центръ его совпадалъ съ центромъ земли: — тогда поверхность солнца будетъ простираться почти до орбиты луны. Потому-то притяженія этого огромнаго тѣла и достаточно, чтобы удержать планеты въ эллиптическихъ ихъ орбитахъ, еслибъ взаимная притягательная сила каждой планеты не нарушала правильности этихъ орбитъ. Эта неправильность (пертурбація) весьма незначительна въ сравненіи съ обширностію орбитъ — и бываетъ двоякая. Одна зависитъ отъ относительнаго положенія орбитъ, и начиная съ нуля, увеличивается до извѣстной степени эксцентрицитета; потомъ опять уменьшается и возвращается къ своимъ прежнимъ положеніямъ. Неправильности эти бываютъ періодическія и непродолжительныя. Иныя оканчиваются въ нѣсколько мѣсяцевъ; другія совре-

шаются въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и вѣковъ. Онѣ, то приближаютъ планету къ солнцу, то удаляютъ ее отъ него. Но подвергаясь этимъ измѣненіямъ въ площади своей орбиты, планеты претерпѣваютъ еще другія, заставляющія ихъ, то подниматься выше, то опускаться ниже орбитъ, смотря по положенію свѣтила, производящихъ эти измѣненія. — Хотя второй родъ измѣненій, претерпѣваемыхъ планетными орбитами, происходитъ также по причинѣ притягательной силы, — но относительно положенія тѣла, производящихъ это возмущеніе, не имѣетъ никакого на это вліянія. Онѣ зависятъ только отъ положенія орбитъ, которыхъ видъ и мѣсто, занимаемое въ пространствѣ, претерпѣваютъ небольшія измѣненія въ продолженіе огромныхъ періодовъ времени. Эти то измѣненія называются вѣковыми. Аномалии эти вознаграждаются, когда орбиты возвращаются въ первобытное свое положеніе. Движеніе планетъ при этомъ двоякомъ измѣненіи можетъ сравнено быть съ теченіемъ тѣла, обтекающаго по эллипсису и претерпѣвающаго небольшія временныя уклоненія, то въ одну, то въ другую сторону, — тогда какъ самый эллипсисъ безпрестанно, но медленно измѣняется въ своемъ видѣ и положеніи.

Астрономы составили для каждой изъ главныхъ планетъ таблицы, заключающія въ себѣ возмущенія, производимыя одними планетами надъ другими. По этимъ таблицамъ можно указать въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій то мѣсто, на которомъ будутъ планеты, или гдѣ были въ предыдущія времена, въ данную эпоху. Очевидно, что если какое-нибудь постороннее тѣло произведетъ измѣненіе въ ихъ движеніяхъ, то таблицы не представляютъ уже болѣе истиннаго положенія планетъ.

Этому-то обстоятельству обязаны открытіемъ Нептуна, которое мы постараемся объяснить.

Со временъ Кассини не было открыто ни одного новаго небеснаго тѣла въ нашей солнечной системѣ, до-тѣхъ-поръ, какъ сирь Вильямъ Гершель построилъ свой знаменитый телескопъ. Этотъ испанскій инструментъ позволилъ ему глубже проникнуть въ неизмѣримыя пространства мірозанія, которыя прежде не доступны были людскому взору. Обладая высокимъ гениемъ, рѣдкимъ постоянствомъ и проницательнымъ философическимъ умомъ,

Гершель первый обозрѣлъ все мірозаніе и понялъ все величіе этого созданія въ отдаленнѣйшихъ его предѣлахъ. Онъ открылъ двухъ спутниковъ Сатурна.

Въ то время, какъ онъ въ Батѣ наблюдалъ, 13 марта 1781 года, созвѣздіе Блинецовъ, онъ замѣтилъ, что одна звѣзда была болѣе другихъ и не такъ свѣтла. Черезъ два дня потомъ, она перемѣнила свое мѣсто, — и онъ подумалъ, что это комета, но вскорѣ узналъ однако, что открылъ новую планету.

Покуда это открытіе обращало на себя всеобщее вниманіе, сирь Вильямъ Гершель убѣдился, что планета его сопровождаетъ шестью спутниками. Сперва думали, что Уранъ совершаетъ свое теченіе по параболической орбитѣ; но членъ Парижской Академіи Наукъ, Саронъ, нашель, что орбита его ближе подходитъ къ кругу, и что обтеченіе его совершается *въ восемьдесятъ два года*. Однакоже годъ спустя, Лалаандъ, посредствомъ вновь изобрѣтенной имъ методы, исчислилъ, что орбита новой планеты эллиптическая, — и Пове составилъ первыя таблицы ея движенія. Съ теперешними астрономическими средствами эллиптическая орбита Урана была бы исчислена черезъ нѣсколько дней послѣ открытія планеты, и съ весьма малыми ошибками. Но въ 1790 году, французская Академія Наукъ предложила премію для исчисления возмущеній Урана.

Сравнивая съ имѣвшимися тогда каталогами звѣздъ тѣ мѣста которыя должна была занимать эта планета въ разныя предыдущія эпохи, узнали, что Фламстедъ наблюдалъ ее въ 1690 году, а Лемевъ въ 1750. Эти астрономы записали ее какъ звѣзду, въ 19-ти различныхъ положеніяхъ, вовсе не подозревая, чтобы это была планета, хотя дискъ ея и былъ довольно замѣтенъ. Трубы, которыя они употребляли, вѣроятно, были слишкомъ слабы, чтобы можно было замѣтить это. Деламбръ примѣнилъ теорію Лапласа при составленіи таблицъ Урана. Въ продолженіе трехъ лѣтъ невѣрность оказалась только на 7".

Вскорѣ однакоже эта невѣрность возрасла, — и надобно было составлять новыя таблицы. Буваръ предпринялъ эту работу, которую и обнародовалъ въ 1821 году. Онъ основывался въ ней не только на наблюденіяхъ, собранныхъ со времени открытія планеты, но и на предыдущихъ наблюденіяхъ. При всемъ томъ,

самъ Буваръ находилъ, что Уранъ находится не точно на тѣхъ мѣстахъ, какія обозначены въ его таблицахъ, — и когда онъ разсматривалъ всѣ возмущенія прочихъ планетъ, извѣстныхъ дотогѣ, ему пришло на мысль, что невѣрности, замѣчаемыя въ ходѣ Урана, происходятъ отъ какого-нибудь свѣтила, находящагося далѣе Урана и производящаго возмущенія этой планеты.

Открытие Нептуна оправдало извѣстные слова Кембеля: «Мы всегда угадываемъ будущія событія по предшествующей имъ тѣни.» Разность между настоящимъ мѣстомъ Урана и назначеннымъ въ таблицахъ дотогѣ усилась, что съ 1833 до 1837 года разстояніе это разнествовало противу таблицъ на цѣлое пространство, отдѣляющее луну отъ земли, то есть около 24,000 миль, — а въ 1841 невѣрность въ геоцентрической долготѣ простиралась на 96'. Увеличеніе этихъ измѣненій было медленно и постоянно, — и какъ кругообращеніе Урана совершается въ 82 года, то заключили, что возмущенія эти производятся другою планетою, которою орбита еще отдаленнѣе.

Такимъ-образомъ, всѣ единогласно начали предполагать существованіе планеты далѣе Урана. По-крайней-мѣрѣ шесть астрономовъ объявили объ этомъ. — Вдругъ Леверрье въ Парижѣ, и Адамсъ въ Кембриджѣ, предприняли, не сообщивъ другъ другу, трудную и небывалую задачу: ниспровергнуть всеобщую теорію. Въмѣсто того, чтобъ по извѣстной планетѣ опредѣлять возмущенія, производимыя ею надъ другою, хотѣли по измѣненіямъ, претерпѣваемымъ Ураномъ въ данное время, отыскать на небѣ мѣсто неизвѣстной планеты, производящей эти возмущенія, исчислить ея массу, форму и мѣсто ея орбиты.

Съ 1841 года, Адамсъ, молодой воспитанникъ Кембриджскаго Коллегиума, объявилъ о намѣреніи своемъ рѣшить эту задачу; — но покуда онъ не имѣлъ академическаго званія, ему нельзя было приступить къ этому. Въ 1843 году попытался онъ назначить мѣсто неизвѣстному свѣтилу, по орбитѣ, имѣющей двойной радіусъ противу средняго разстоянія Урана отъ солнца, на основаніи эмпирическаго закона, вымышленнаго Тициусомъ и обнародованнаго Боде. Эта попытка дала такой удачный результатъ, что Адамсъ просилъ королевскую обсерваторію въ Гриничѣ о точнѣйшемъ сообщеніи ему наблюденій Урана, по которымъ

онъ уже окончательно и назначилъ мѣсто неизвѣстной планеты.

Въ 1845 году опредѣлилъ онъ форму и положеніе орбиты ея, исчислилъ періодъ ея обращенія съ такою точностію, что сообщилъ кембриджскому и гриничскому астрономамъ, что 1-го октября 1846 года средняя долгота этой планеты будетъ 323° 2' — и просилъ ихъ отыскать ее. Онъ исчислилъ сверхъ того, что масса ея должна быть вътрое болѣе Урана, что, слѣдственно, она должна имѣть блескъ звѣзды 9-й величины — и легко видна въ трубы.

По несчастію, астрономы эти стали искать планету уже восемь мѣсяцевъ спустя, — тогда какъ берлинскій астрономъ Галле отыскалъ уже ее, по просьбѣ Леверрье, на томъ самомъ мѣстѣ, которое онъ указалъ ему. Тогда, дѣйствительно, англійскіе астрономы признали, что исчисленія Адамса совершенно вѣрны, и что оба мѣста, назначенныя обоими геометрами, чрезвычайно мало между собою разнятся.

Очень жаль, что Англія потеряла честь такого открытія, которому нѣтъ ничего подобнаго въ новѣйшія времена и которое вполне принадлежитъ Леверрье, потому что онъ первый объявилъ о немъ. Но Адамсу принадлежитъ заслуга, что онъ рѣше другіхъ предпринялъ рѣшеніе задачи, — и равная честь въ самомъ открытіи.

Изысканія Леверрье были глубоки и трудны. Онъ подвергъ новымъ исчисленіямъ возмущенія, претерпѣваемыя Ураномъ отъ Юпитера и Сатурна, — и въ запискѣ, напечатанной 10 ноября 1845 года, въ отчетахъ (comptes rendus) Парижской Академіи Наукъ, доказалъ, что возмущенія эти не могутъ происходить ни отъ той, ни отъ другой изъ этихъ планетъ. Онъ доказалъ также, что они не могутъ быть слѣдствіемъ ни столкновенія съ кометою, ни сопротивленія зѣира, что, слѣдственно, причина должна быть въ дѣйствіи неизвѣстнаго небеснаго тѣла, имѣющаго достаточную массу для производства этихъ неровностей въ продолженіе долгихъ періодовъ времени, что тѣло это должно обращаться далеко за орбитою Урана, иначе оно производило бы возмущенія надъ Сатурномъ.

Трудно передать читателямъ вѣрную идею о способѣ разрѣшенія этой трудной задачи, представившейся въ первый еще разъ.

Форма и положеніе каждой планетной орбиты зависятъ отъ шести количествъ, называемыхъ *элементами орбиты*. Четыре изъ нихъ опредѣляютъ форму орбиты, а два остальныхъ — положеніе ея въ отношеніи площади эклиптики. — Элементы Нептуна были всё неизвѣстны, а Урана изменены дѣйствіемъ Нептуна: вотъ въ чемъ состояло затрудненіе. Слѣдовательно должно было отыскать двѣнадцать элементовъ. Впрочемъ, надобно замѣтить, что невѣрности Урана въ широтѣ были очень незначущи, по причинѣ небольшого склоненія его орбиты къ площади эклиптики, которое только въ $46' 28'' 4$. — Изъ этого заключили, что склоненіе орбиты неизвѣстной планеты не можетъ быть велико. По этому предположили сперва, что какъ Уранъ, такъ и неизвѣстная планета обращаются по площади эклиптики. Это уменьшило число неизвѣстныхъ элементовъ — до восьми.

Не зная ничего, ни о массѣ Нептуна, ни о формѣ его орбиты, надобно было обозначить ихъ примѣрно. Такимъ образомъ, по закону Боде, большая полу-ось этой орбиты, равная среднему разстоянію свѣтила отъ солнца, предположена была вдвое противу Урана. Этимъ число неизвѣстныхъ элементовъ уменьшалось до семи.

Мѣсто какой-нибудь планеты по орбитѣ своей въ данную минуту опредѣляется посредствомъ трехъ координатъ, — а именно: ея радиуса — вектора, то есть разстоянія ея отъ солнца въ данное время; широтою ея, то есть угломъ орбиты съ эклиптикою; наконецъ долготою, то есть угловымъ разстояніемъ, отдѣляющимъ ее отъ весенней равноденственной точки, если смотрѣть на нее изъ центра солнца, и считать по площади эклиптики, что обыкновенно называется долготою данной эпохи. Эти числа представляютъ аналитическія количества, дающія элементы орбиты, за вычетомъ возмущеній.

Но когда разчитываютъ возмущенія, производимыя другою планетою, то надобно знать массы обѣихъ тѣлъ и элементы ихъ орбитъ. Координаты заключаютъ въ себѣ время, въ видѣ произвольныхъ чиселъ, — и когда всё прочія числа извѣстны, то опредѣляютъ то мѣсто на небѣ, которое занимаетъ возмущаемая планета, въ данное время, прошедшее, настоящее, или будущее.

Прежде всего нужно было знать координату долготы. Срав-

нивъ это количество съ множествомъ имѣющихся цифръ долготы по наблюденіямъ надъ Ураномъ, можно было получить рядъ уравненій, изъ которыхъ извлечены были элементы орбиты Урана. Въ остаткѣ были отношенія между массою Нептуна и тремя неизвѣстными элементами его орбиты. Два изъ нихъ, масса и средняя долгота, должно было назначить произвольно, чтобъ найти и прочіе. Это было исполнено посредствомъ слишкомъ сложныхъ методовъ, чтобы можно было ихъ привести въ журнальной статьѣ, но было сдѣлано такъ искусно, что Леверрье, видя, что возмущенія Урана объясняются движеніями Нептуна по той орбитѣ, которую онъ опредѣлилъ, — не колебался долѣе, и объявилъ, что 1 го января 1847 года гелиоцентрическая долгота неизвѣстной планеты будетъ $= 325^\circ$. Мѣсто и разстояніе планеты были потомъ исчислены уже съ большою точностію; всё элементы ея были опредѣлены, — и оказались очень мало различующимися съ полученными Адамсомъ.

Считая примѣрно среднее разстояніе планеты отъ солнца, время обращенія ея около орбиты получено около 200 лѣтъ. Это основано было на законѣ Кеплера, по которому квадраты временъ обращенія планетъ пропорціональны съ кубами среднихъ ихъ разстояній. Это же исчисленіе опредѣляло массу Нептуна въ нѣсколько разъ болѣе земной. Изъ этого Леверрье заключилъ, что видимый діаметръ планеты долженъ быть въ $3'' 3$. Наблюденія доказали потомъ, что онъ въ $2'' 8$. Эта близкость очень замѣчательна, если вникнуть въ трудности задачи, въ неопредѣлительность данныхъ и незначительность возмущеній.

Эти прекрасные результаты были обнародованы 31 августа 1846 года въ *Comptes rendus*; — а мѣсяць спустя, 23 сентября, планета усмотрена Галлемъ въ Берлинѣ. Леверрье получилъ отъ своихъ соотечественниковъ всё почести, имъ заслуженныя. Парижская Академія дала новой планетѣ названіе Нептуна, — и какъ обыкновенно ихъ представляютъ какимъ-нибудь знакомъ, то назначили первую букву имени знаменитаго геометра съ изображеніемъ звезды, какъ сдѣлано было въкогда для Гершелевой планеты (H—со звездой).

Европейскіе и американскіе астрономы наблюдали элементы орбиты новой планеты. Одна изъ странностей этого открытія

состоить въ томъ, что исчисленные элементы, которые теперь оказались не совсѣмъ вѣрными, могли объяснить возмущенія Урана съ такою точностію въ продолженіе ста пятидесяти лѣтъ, и указать въ точности на то мѣсто, гдѣ ее искали въ данное время.

Теперь извѣстно, что періодъ обращенія Нептуна продолжается сто шестьдесятъ шесть лѣтъ и что среднее его разстояніе составляетъ тридцать радиусовъ земной орбиты, вмѣсто тридцати восьми. Такимъ образомъ, законъ Бодэ, которымъ Гг. Леверрье и Адамсъ руководствовались при отысканіи Нептуна, не вѣренъ въ отношеніи къ этой планетѣ.

Діаметръ вновь открытой планеты составляетъ 43,000 милл. Слѣдственно, толщина ея въ двѣсти разъ больше земли. Ее можно видѣть посредствомъ телескоповъ средней силы. Движеніе ея теперь возвратное. Средняя скорость движенія ея равна 12,000 милл въ часъ — въ шесть разъ медленнѣе земли. Находясь на крайней извѣстной границѣ нашей системы и будучи удалена отъ солнца на 3000 милліоновъ милл, она можетъ только получать $\frac{1}{1300}$ часть свѣта и теплоты, даруемыхъ землѣ главнымъ свѣтломъ. Этотъ недостатокъ замѣчается нѣкоторымъ образомъ спутниками планеты: ихъ теперь открыли два. Сверхъ того, она снабжена, какъ Сатурнъ, кольцомъ, котораго діаметръ содержится къ діаметру планеты какъ 3 : 2, слѣдственно = 64,500 миллямъ. Ширина кольца неизвѣстна.

Ходъ кометъ доказываетъ, что притягательная сила солнца простирается еще на двадцать разъ далѣе орбиты Нептуна. Слѣдственно, могутъ еще существовать планеты отдаленнѣе этой. Ихъ можно бы было открыть по возмущеніямъ, производимымъ одною надъ другою. Если онѣ значительной величины и слѣдуютъ нѣкоторымъ образомъ закону Бодэ, то, можетъ быть, ихъ усмотрятъ посредствомъ телескоповъ, — и границы нашей солнечной системы могутъ еще отдалиться на нѣсколько милліоновъ милл.

Законъ Бодэ, о которомъ мы упоминали нѣсколько разъ, не доказывается и не подтверждается никакими физическими причинами. Его нельзя подвергнуть исчисленію какъ огромный фактъ всемірнаго тяготѣнія, къ которому онъ и не принадлежитъ. Это

просто результатъ наблюденій, эмпирической законъ, пронесенный изъ опытовъ. Вотъ въ чемъ онъ состоитъ:

Если произвольно обозначить разстояніе Меркурія отъ солнца цифрою 4, — то разстояніе Венеры будетъ около 7, то есть $4+3=7$.

Сохранивъ 4 основною цифрою, придаютъ къ ней удвоенное произведеніе цифры 3, означающей разстояніе между двумя первыми планетами. Отъ этого произойдетъ $4+(2 \times 3)=10$, — и эта цифра представитъ разстояніе земли отъ солнца. — Прибавляя такимъ образомъ 4 къ удвоенной суммѣ предвѣдущихъ разстояній (то есть 6×2 , 12×2 , 24×2 , 48×2 в т. д.) составится слѣдующая таблица разстояній планетъ отъ солнца:

Меркурій	4	= 4
Венера	$4+3$	= 7
Земля	$4+(3 \times 2)$	= 10
Марсъ	$4+(3 \times 2^2)$	= 16
Церера, представляющая среднее разстояніе всѣхъ астероидовъ	$4+(3 \times 2^3)$	= 28
Юпитерь	$4+(3 \times 2^4)$	= 52
Сатурнъ	$4+(3 \times 2^5)$	= 100
Уранъ	$4+(3 \times 2^6)$	= 196
Нептунъ	$4+(3 \times 2^7)$	= 588
Дальнѣйшая умозрительная планета	$4+(3 \times 2^8)$	= 772 *

Еще Кеплеръ замѣтилъ, что разстояніе между Марсомъ и Венерою слишкомъ велико, — и возвѣстилъ, что нѣкогда откроютъ между ними планету. Когда Вильямъ Гершель открылъ Урана, котораго разстояніе подходило подъ законъ Бодэ, то баронъ Цахъ объявилъ, что планета между Юпитеремъ и Марсомъ должна

* Зная законъ Бодэ, гораздо легче составить эту таблицу, — а именно: если первое разстояніе (отъ солнца до Меркурія) = 4, а второе (до Венеры) = 7, то для составленія цифры слѣдующаго разстоянія, надобно удвоить имѣющееся уже количество и изъ произведенія вычесть цифру 4. Такъ послѣ 7, составится $7 \times 2 = 14$, а съ вычетомъ 4 равно 10-ти. Послѣ 10 ($10 \times 2 = 20$, а вычетъ 4) будетъ 16. Послѣ 16 ($16 \times 2 = 32$, вычетъ 4) = 28. Послѣ 28 ($28 \times 2 = 56$, а за вычетомъ 4) = 52, — и такъ далѣе.

имѣть періодъ обращенія въ 4 года и 9 мѣсяцевъ, что очень мало разнится съ періодомъ обращенія нѣкоторыхъ изъ планетъ, занимающихъ этотъ интервалъ. Хотя эмпирической законъ Боде и не имѣетъ строгой точности, но онъ послужилъ однако же къ открытію цѣлой семьи телескопическихъ планетъ. Въ довѣренности своей къ этому закону, нѣсколько германскихъ астрономовъ согласились искать дополнительную планету. — Но вмѣсто одной, найдено десять планетъ, вращающихся между Марсомъ и Юпитеромъ, — и именно на предсказанномъ разстояніи.

Первый день нынѣшняго столѣтія ознаменовался открытіемъ первой изъ этихъ планетъ. Палермскій астрономъ Пиацци занимался составленіемъ каталога звѣздъ. Онъ замѣтилъ, что одна изъ разсматриваемыхъ имъ въ ту минуту имѣла собственное движеніе. Болѣзнь, овладѣвшая имъ, воспрепятствовала ему докончить *третье* свое наблюденіе, — а когда онъ выздоровѣлъ, то планета была погружена въ лучахъ солнца. Какъ она была очень мала, то онъ напрасно проискалъ ее весь 1801 годъ. Наконецъ Чаха и Ольберсъ усмотрѣли ее въ Бременѣ 31 мая 1802 года, посредствомъ эллиптической орбиты, исчисленной Бауссомъ, по наблюденіямъ Пиацци. Она названа была *Церерою*.

Въ то время какъ Ольберсъ занимался наблюденіями за *Церерою* въ созвѣздіи *Дѣвы*, онъ увидѣлъ маленькую, неизвѣстную звѣзду, которой замѣтное собственное движеніе доказало ему, что это еще новая планета. Она была названа *Палладою*. Какъ оба эти свѣтила описывали эллипсы въ одинаковомъ разстояніи отъ солнца, и какъ оба находились въ созвѣздіи *Дѣвы*, когда *Цереру* опять нашли, то астрономъ думалъ, что планеты эти составляютъ отломки одной большой планеты, разрушенной какимъ нибудь внутреннимъ переворотомъ, и что можетъ быть есть еще другіе такіе же обломки. Кромѣ того, Ольберсъ замѣтилъ, что пресѣченіе обѣихъ орбитъ, т. е. линія узловъ, проходитъ чрезъ созвѣздія *Дѣвы* и *Кита*, противулежащаго первой, — и заключилъ, что взрывъ долженъ былъ произойти въ одномъ изъ этихъ созвѣздіи, и что по закону планетныхъ движеній, обломки должны, послѣ каждаго обтеченія по орбитѣ, возвращаться на ту точку, гдѣ произошелъ взрывъ. Слѣдственно, — если еще есть обломки, то ихъ надобно отыскивать въ сѣверной части *Дѣвы*, или въ западной *Кита*.

Около двухъ лѣтъ спустя, 1 сентября 1804 года, г. Гардингъ, въ *Лилянталѣ*, близъ Бремена, открылъ *Юнону*, обращающуюся на такомъ же разстояніи отъ солнца и по орбитѣ, которой площадь проходитъ почти по узламъ двухъ первыхъ планетъ. Тогда Ольберсъ принялся за строгое изслѣдованіе всѣхъ маленькихъ звѣздъ того же созвѣздія, — и 29 марта 1807 года нашелъ *Весту*, именно тамъ, гдѣ ожидалъ увидѣть ее.

Прошло много лѣтъ — и ничего не прибавилось къ этимъ любопытнымъ открытіямъ, — какъ вдругъ произошло новое приращеніе. Генке, въ *Дризевѣ* (въ Пруссіи), началъ снова въ 1845 году отыскивать эти маленькія планеты въ той же полосѣ неба. Къ концу года, онъ открылъ *Астрею*, совершающую свое обтеченіе вокругъ солнца въ томъ же почти разстояніи, какъ и другія, по орбитѣ, которой площадь проходила по тѣмъ же узламъ, въ продолженіе 4 лѣтъ и 49 дней, — что оправдывало предсказаніе барона Чаха.

Вскорѣ потомъ Генке нашелъ еще обломокъ, которому далъ имя *Гебы*. Она похожа на звѣзду 9 величины. Періодъ обращенія ея 3630 дней.

Г. Гиндъ, астрономъ Регентъ-Парка, предпринялъ систематическій обзоръ звѣздной полосы, въ которой движутся эти атомы и не замедлилъ открыть еще двѣ планеты: *Ириду* (13 августа 1847 года) и *Флору* (18 октября того же года). Блескъ *Ириды* равенъ звѣздѣ 8 й или 9-й величины, — и періодъ обтеченія своего совершаетъ она въ 4 года 59 дней. Періодъ *Флоры* короче всѣхъ прочихъ. Онъ составляетъ 3 года съ четвертью.

Наконецъ въ май 1848 года открыта еще телескопическая планета, названная *Метисъ*, — въ томъ же почти разстояніи отъ солнца, какъ *Ирида* (2,3851 принимая за единицу разстояніе земли отъ солнца). Сидерическое обращеніе *Метиса* = 1345,85 днямъ. Въ заключеніе, 13-го мая 1849 года открыта послѣдняя телескопическая планета *Гиганъ*, которой среднее разстояніе отъ солнца = 3,2662; сидерическое обращеніе = 2156,1 дней; средняя долгота = 211° 3' 42"; долгота восходящаго узла = 286° 34' 21"; наклоненіе пути къ эклиптикѣ = 3° 46' 6".

Такимъ образомъ можно объяснить, какъ иногда исчезаютъ звѣзды. Ихъ наблюдаютъ сперва, какъ неподвижныя звѣзды, а

потомъ, когда ихъ отыскиваютъ, онѣ уже переѣхали свое мѣсто по собственному движенію. Всѣ эти наблюденія чрезвычайно полезны исчисленію орбитъ, какъ мы уже говорили объ Уранѣ.

Число извѣстныхъ теперь планетъ состоитъ изъ *восемнадцати*; онѣ обращаются вокругъ солнца въ слѣдующемъ порядкѣ: Меркурій, Венера, Земля, Марсъ, Флора, Веста, Ирида, Метисъ, Геба, Астрея, Юнона, Церера, Паллада, Гигел, Юпитеръ, Сатурнъ, Уранъ, Нептунъ.

Вѣроятно откроютъ еще планеты отдаленнѣе Нептуна, и найдутъ еще обломки между Марсомъ и Юпитеромъ. Если десять астероидъ дѣйствительно составляютъ обломки одной большой планеты, то очень можетъ быть, что это событіе было не единственное примѣръ въ лѣтописяхъ мірозданія. Мирады метеоровъ, встрѣчаемыхъ землею 12 августа и 14 ноября и воспламеняющихся отъ тренія, когда они проникаютъ въ нашу атмосферу, составляютъ, вѣроятно, множество маленькихъ планетныхъ тѣлъ, обращающихся около солнца. Можно представить себѣ, что происхожденіе этихъ метеоровъ точно такое же, какъ и маленькихъ планетъ, только сила взрыва, раздробившаго первоначальную массу на такія маленькія части, должна быть гораздо сильнѣе. Впрочемъ, падали иногда аэролиты значительной величины. Въ 1780 году видѣли одинъ въ четверть мили діаметра.

Незначущее наклоненіе большихъ планетъ къ эклиптикѣ весьма облегчаетъ исчисленіе движенія этихъ свѣтилъ. Въ этомъ отношеніи, Нептунъ не разнится отъ другихъ, потому что наклоненіе его = $4^{\circ} 16'$. Но орбиты десяти астероидъ имѣютъ гораздо болѣе наклоненіе. Паллада наклонена на 35° ; Флора, Ирида, Астрея, у которыхъ самое меньшее наклоненіе, составляютъ однакоже съ эклиптикою болѣе 5° . Эта разность зависитъ отъ скорости движенія, даннаго имъ въ минуту взрыва и отъ силы возмущеній, производимыхъ одною надъ другою, когда онѣ были такъ близки другъ къ другу, что форма ихъ имѣла значительное вліяніе на дѣйствіе взаимнаго притяженія.

По причинѣ большаго разстоянія планетъ между собою, онѣ взаимно притягиваютъ другъ друга, какъ бы массы ихъ были сосредоточены въ одну точку, составляющую центръ ихъ тяжести. Юпитеръ и Сатурнъ повинуются этому же закону, то есть,

сила притяженія этихъ планетъ со всѣми спутниками такова, какъ будто бы онѣ всѣ вмѣстѣ были слиты въ одну точку. Но когда тѣла очень близки одно къ другому, какъ напримѣръ земля и луна, то форма ихъ имѣетъ большое вліяніе на способъ ихъ притяженія.

Прочность солнечной системы вполне доказана Лагранжемъ и Лапласомъ на счетъ большихъ планетъ. Астероиды не были тогда еще открыты. Лагранжъ обсуждалъ однакоже этотъ вопросъ съ общей точки зрѣнія. Онъ доказалъ, что если планетная система состоитъ изъ неравныхъ массъ, то совокупность большихъ поддержитъ прочность въ формѣ и положеніи ихъ орбитъ, тогда какъ меньшія массы могутъ претерпѣть неограниченныя измѣненія.

Леверрье примѣнилъ эти общія правила къ нашей солнечной системѣ, и нашелъ, что орбиты большихъ планетъ постоянно сохраняютъ свою неизмѣняемость въ формѣ и положеніи. Онѣ подвержены переѣхамъ, совершающимся въ весьма продолжительное время, но періодически будутъ всегда возвращаться къ прежнимъ положеніямъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній. Онъ однако же призналъ существованіе измѣняющагося пространства на разстояніи отъ солнца въ 1,977 радіуса земной орбиты. Это почти та полоса, въ которой движутся десять астероидовъ. Слѣдственно, форма ихъ орбитъ, вѣроятно, подвергнута безчисленнымъ измѣненіямъ, доказываемымъ большимъ наклоненіемъ ихъ площадей. Теперешнее состояніе не можетъ дать вѣрнаго понятія о силѣ и направленіи того взрыва, который разсѣялъ ихъ, если правда, что онѣ составляли первоначально одну массу.

Возмущенія, производимыя ими одна надъ другими, вѣроятно, весьма значительны. Орбиты Ириды и Весты такъ облизжены, что среднее ихъ разстояніе отъ солнца можетъ измѣняемо быть взаимнымъ ихъ притяженіемъ. Тоже самое можно сказать о Церерѣ и Палладѣ. Наклоненія орбитъ Астреи, Ириды и Флоры очень мало разнятся.

Эти планетные атомы не имѣютъ ни какого вліянія на движеніе большихъ планетъ. Діаметръ Юпитера = 87,000 миль, тогда какъ Паллады, ближайшей къ нему планеты (до открытія Гигей) составляетъ только 79 миль, то есть семью милими болѣе раз-

стоянія Лондона отъ Дувра. Съ другой стороны этихъ маленькихъ планетъ, Марсъ имѣетъ 41,000 миль въ діаметръ, а земля 80,000 миль. Слѣдственно, вся группа телескопическихъ планетъ чрезвычайно слаба въ сравненіи съ ближайшими планетами.

Леверье нашелъ еще одну полосу измѣняемости, а именно между Венерою и солнцемъ, въ которой Меркурій совершаетъ свое обращеніе. Орбита этой планеты наклонена къ эклиптикѣ около 7°, что превосходитъ наклоненіе орбитъ всѣхъ большихъ планетъ. А какъ постоянство системы зависитъ отъ мѣньшаго эксцентриситета и наклоненія орбитъ, и какъ законъ движенія одинаковъ для всѣхъ планетъ, то нѣтъ сомнѣнія, что орбита Нептуна столь же неизмѣнна, какъ всѣхъ прочихъ большихъ планетъ. Но она должна претерпѣвать отъ неровностей, причиняемыхъ ей въ продолженіе большаго періода времени вліяніемъ Урана. Одна изъ этихъ неровностей совершенно особеннаго свойства, и будетъ зависеть отъ продолженія его обращенія около солнца, которое почти вдвое противъ Урана. Эта неровность точно такого же рода, какъ періодическія возмущенія 1-го, 2 и 3 спутниковъ Юпитера, которыя зависятъ отъ нѣкотораго измѣряемаго отношенія между среднимъ числомъ ихъ движеній и среднею долготою.

Адамсъ исчислилъ уже, что Нептунъ производитъ въ движеніяхъ Урана возмущенія, которыхъ періодъ продолжается 6800 лѣтъ.

Въ чрезвычайныхъ успѣхахъ, сдѣланныхъ астрономіею въ послѣдніе два года, чисто-аналитическая часть шла наравнѣ съ практическою, совершенно въ другомъ отношеніи, нежели открытіе Адамса и Леверье, Гансенъ открылъ двѣ неровности въ теченіи луны: одна продолжается 239 лѣтъ, а другая 273 года. Это открытіе вполне подтверждаетъ точность таблицъ, составленныхъ съ такими трудами для нашего спутника.

Опредѣленіе пути планеты, притягиваемой солнцемъ и претерпѣвающей возмущеніе отъ движенія другой планеты, составляетъ одну изъ труднѣйшихъ задачъ, надъ которыми трудится человѣческій умъ. Ньютонъ, Лагранжъ, Лапласъ и другіе великіе геометры посвящали свое дарованіе на рѣшеніе этой задачи. Они успѣли въ этомъ только въ отношеніи тѣхъ планетъ, которыя были тогда извѣстны, которыя совершаютъ свое теченіе почти по кру-

товыми орбитами и имѣютъ малое наклоненіе къ эклиптикѣ. Когда эксцентриситетъ и наклоненіе орбиты больше, то имѣющіяся формулы не вѣрны. Цифры, выражающія координаты этихъ тѣлъ, дѣлаются сложными и даже перестаютъ годиться къ исчисленію, когда ихъ хотятъ примѣнить къ кометамъ и телескопическимъ планетамъ.

Это затрудненіе было побѣждено ученымъ анализомъ Либбека, который имѣлъ славу окончательно утвердить теорію планетныхъ движеній. Эта теорія ежедневно становится важнѣе, по случаю новооткрытыхъ планетъ и тѣхъ, которыя будутъ еще открыты на будущее время; но въ особенности для кометъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ уже извѣстно, возвращаются по истеченіи опредѣленнаго времени: возмущенія этихъ кометъ съ болѣею точностію опредѣляютъ массу планетъ, не имѣющихъ спутниковъ. Онѣ дадутъ также вѣрнѣйшія понятія о всемірномъ пространствѣ, и въ особенности о вліяніи зюбра, замедляющаго ходъ ихъ.

Около солнца вращаются шесть кометъ, съ кратковременнымъ періодомъ обращенія. Комета Энке, которой возмущенія дали средство опредѣлить съ болѣею точностію массу Меркурія. Она употребляетъ 1204 дня на свое обращеніе. При всякомъ возвращеніи, періодъ этотъ уменьшается отъ сопротивленія зюбра, задерживающаго быстроту кометы. Отъ этого, разстояніе ея отъ солнца убавляется и время обращенія сокращается.

Прежде этого факта почитали пространство пустою. Но существованіе зюбрной жидкости подтвердилось подобнымъ же явленіемъ (сокращеніемъ орбиты) и съ кометою Біелы, совершающею свое обращеніе въ шесть и три четверти лѣтъ.

Впрочемъ сокращеніе орбиты этой кометы, обтекающей между землею и Юпитеромъ, составляетъ только половину сокращенія кометы Энке, совершающей свое обращеніе между Палладою и Меркуріемъ. Слѣдственно, густота зюбра увеличивается по мѣрѣ приближенія къ солнцу. Современемъ, притягательная сила Юпитера, производящая такъ много возмущеній, измѣнитъ орбиты этихъ кометъ.

Въ 1846 году комета Біелы явилась двойнѣ, къ великому удивленію наблюдателей. Чтѣ за причина была этого раздѣленія?

Никто не провникъ этой тайны. Какъ бы то ни было, но свѣтлѣ-близнецы совершали путь свой вмѣстѣ, съ параллельно направле-нными хвостами и съ ядрами, соединенными свѣтящимся полукру-гомъ. Ядра эти раздѣлены были пространствомъ немного менѣе двухъ третей лунной орбиты, то есть около 158,000 миль*. Но-вое ядро показалось сперва туманнымъ; но вскорѣ поперечникъ его и блескъ до того усилились, что оно сравнилось съ перво-начальнымъ ядромъ, а потомъ и превзошло его въ блескъ на цѣ-лую треть. Сверхъ того въ центрѣ его была свѣтящаяся точка, на подобіе брилліанта, которой блескъ по временамъ усиливался, но послѣ она слѣдалась почти темною. Убѣдились, что время обра-щения этой новой подруги превышало прежнюю комету восемью днями. Это означаетъ, что онѣ совершенно отдѣляются.

Въ ноябрѣ 1843 г. Г. Фе (Faue) открылъ комету, которой періодъ обращенія около восьми лѣтъ. Ее приняли за ту, ко-торую Лекселль видѣлъ въ 1770 году и періодъ которой опредѣ-лилъ въ пять съ половиною лѣтъ. Но Леверрье доказалъ не-справедливость этой догадки. Изъ всѣхъ тѣлъ солнечной системы, комета Лекселля наиболѣе претерпѣла измѣненій въ ходѣ притя-гательнымъ вліяніемъ Юпитера. Потому-то орбита ея нѣсколько разъ и измѣнялась. До 1770 года, комета эта была невидима,—но притягательная сила Юпитера представила ее глазамъ зем-ныхъ жителей. Потомъ эта же сила, дѣйствуя въ противномъ направленіи, снова измѣнила ее орбиту, такъ что она уже не возвращалась въ нашу систему. Слѣдственно, ее и нельзя вклю-чить въ списокъ кометъ съ кратковременными періодами.

Брорсенъ, въ Килѣ, открылъ, 26 февраля 1846 года, комету, которой періодъ обращенія составляетъ немного болѣе пяти съ половиною лѣтъ, и которая вѣроятно столько же претерпѣла из-мѣненій, какъ и комета Лекселля. Въ томъ же году, 20 мая, подошла она къ Юпитеру такъ близко, какъ спутникъ его. При этомъ приближеніи, притягательная сила Юпитера была въ де-сять разъ сильнѣе солнечной, и орбита кометы должна была, слѣдственно, претерпѣть значительное измѣненіе.

Другая періодическая комета, открытая въ Римѣ 28 августа

* Не надобно забывать, что во всей этой статьѣ слово *миль* озна-чаетъ англійскую, какъ во всѣхъ сочиненіяхъ Гершеля.

1844 года аббатомъ Вико, будетъ также, вѣроятно, совращена съ пути своего по той же причинѣ. Открытая въ Неаполѣ, 26 июня 1846 года Петерсомъ, она вѣроятно, возвратится къ своему пери-гелію въ 1862 году, потому что періодъ обращенія ея состав-ляетъ 16 лѣтъ. Впрочемъ, элементы орбиты ея не въ точности еще опредѣлены.

Притягательная сила Юпитера привела въ нашу систему ко-меты Лекселля, Фе и Вико. Леверрье исчислилъ, что послѣд-нія двѣ пробыли въ ней болѣе столѣтія; что въ это время онѣ довольно близко подходили къ землѣ, но не были съ нею замѣ-ченными. Теперь этого уже не можетъ случиться, потому что множество наблюдателей безпрестанно караулятъ кометы и всѣ небесныя явленія.

Есть еще шесть кометъ съ длинными періодами обращенія, возврата которыхъ можно ожидать. Послѣ обращенія въ 76 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ, знаменитая комета Галле возвратилась къ свое-му перигелію въ срокъ, предназначенный исчисленіями. Это было великое торжество для астрономівъ, тѣмъ болѣе важное, что тогда еще не знали Нептуна, и масса Урана была еще не опредѣлена.

Комета, открытая Ольберсомъ въ 1815 году, движется по орби-тѣ не столь огромной, какъ Галлеева, потому-что возвращается въ нашу систему черезъ 74 года.

Четвертая комета съ длиннымъ періодомъ обращенія, открытая аббатомъ Вико въ 1846 году, имѣетъ конечно эллиптическую ор-биту. И однако исчисленія дали ей отъ 55 до 99 лѣтъ.

Двѣ кометы, которыя наблюдалъ Брорсенъ, вѣроятно, воз-вратятся къ своему перигелію, одна черезъ пять сотъ лѣтъ, дру-гая черезъ двадцать восемь. На счетъ вѣрности послѣдней есть еще сомнѣнія. Комета 1596 года такъ похожа на ту, которую видѣли въ юнѣ 1845, что Арсетъ думалъ, что это одно и то же небесное тѣло, совершающее вокругъ солнца обтеченіе въ 249 лѣтъ. Если исчисленія Аргеландера вѣрны, то орбита великой кометы 1811 года самая огромная, и періодъ ея составляетъ 3066 лѣтъ.

Комета 1262 года кажется таже, которая была видима въ 1556 году, слѣдственно ее можно ожидать въ нынѣшнемъ году. Въ первое появленіе она была наблюдаема въ Китаѣ. Въ Китай-

своей исторіи, сказано о ней, какъ о чудѣ. Длина хвоста ея превосходила 100°.

Въ Вѣкъ видѣли второе ея появленіе въ царствованіе Карла V. На этотъ разъ, потеряла она уже часть своего великолѣпія. Можетъ-быть, при будущемъ появленіи, блескъ ея совершенно пропадетъ, но произойдетъ ли это появленіе? Кто знаетъ, какимъ измѣненіямъ можетъ подвергнуться блуждающее тѣло, удаляющееся отъ солнца на двойное разстояніе противу Пептуна? Возмущенія кометъ откроютъ будущимъ поколѣніямъ существованіе небесныхъ тѣлъ, недоступныхъ человѣческому зрѣнію въ глубинѣ пространства, отдѣляющаго солнце отъ прочихъ звѣздъ. Изъ всѣхъ кометъ съ длинными періодами обращеній, одна Галлеева достаточно извѣстна по своему кругообращенію и могла бы доставить намъ нѣкоторыя объ этомъ свѣдѣнія, — но ея удаленіе въ глубинѣ пространства не столь велико.

Наблюденія Галлеевой кометы составляютъ одну изъ самыхъ занимательныхъ частей превосходнаго творенія сэра Джона Гершеля, о туманныхъ звѣздахъ австралянаго полушарія. Когда въ 1837 году 28 октября, увидѣлъ онъ эту комету съ обсерваторіи Мыса-Доброй-Надежды, то она была похожа на звѣзду 3-й величины, едва имѣвшую хвостъ. Но ввечеру 29 числа она вдругъ преобразилась самымъ страннымъ образомъ: маленькое и блистательное, сильно сгущенное ядро ея было украшено узенькимъ полумѣсяцемъ, обращеннымъ къ солнцу, издающимъ туманный блескъ и образующимъ дугу въ 90°, котораго вогнутая сторона была обращена къ солнцу, а выпуклая къ ядру кометы. Съ этой минуты она была похожа на всѣ подобнаго рода тѣла. Когда же прошла перигелій, то съ нею совершился удивительный переворотъ. Ядро ея, рѣзко обрисовавшееся, похоже было, по словамъ Гершеля, на Аргантову лампу, прикрытую матовымъ стекломъ. Внутри видно было что-то блестящее, представляющее въ миниатюрѣ фигуру кометы, имѣющей ядро, средину ядра и хвостъ, который еще блестяще ядра. Все это было обвито волоками, которые, какъ обыкновенно, сливались съ хвостомъ.

Множество звѣздъ всѣхъ величинъ видны были по временамъ сквозь голову кометы, иныя даже близъ средины ядра. Нельзя

было ни разу убѣдиться, чтобъ свѣтъ ихъ исчезъ при прохожденіи ядра.

Самая замѣчательная особенность этой кометы состояла въ удивительной быстротѣ, съ которою размѣры ея увеличивались. Января 25 числа 1838 года, голова, не считая волосъ, увеличилась какъ 5 : 6; черезъ 24 часа объемъ ея былъ уже вдвое. Кажется, видно было глазами, какъ она выросла. При этомъ увеличеніи, формы сохраняли свои отношенія. 28 числа волоса исчезли самымъ удивительнымъ образомъ. Остались только небольшіе хвостики, или слѣды, неправильные и туманные, расходившіеся около головы. Ядро перестало быть туманнымъ; это была свѣтлая, рѣзкая точка, похожая на спутниковъ Юпитера, окруженныхъ свѣтящимся туманомъ. — «Я не сомнѣваюсь, говоритъ Джонъ Гершель, что комета совершенно превратилась въ пары отъ солнечнаго жара, и разсѣялась прозрачными испареніями; теперь же быстро начинаютъ сгущаться и собираться около ядра.»

Кажется невозможно объяснить одною силою притяженія форму головы кометы, развитіе хвоста и пространство, занимаемое этими хвостами, когда до перигелія, онъ постоянно обращенъ къ сторонѣ, противуположной солнцу. Черезъ пять дней послѣ перехода перигелія, комета 1680 года имѣла хвостъ, далеко простирившійся за орбиту земли. Въ этотъ короткій промежутокъ направленіе его доходило до 150°. Эти явленія обозначаютъ взаимное дѣйствіе притяженія и отталкиванія. — «Если предположить, говорятъ Джонъ Гершель, что матерія хвоста, въ одно время, отталкивается солнцемъ и притягивается ядромъ, то затрудненія исчезнутъ.»

Если, вмѣстѣ съ Гершелемъ, предположить гипотезу, что солнце снабжено огромнымъ количествомъ электричества, что весьма вѣроятно, то при прохожденіи кометы черезъ перигелій, въ то время, какъ вещество ея прекращается въ пары, произойдетъ отдѣленіе двухъ электричествъ: ядро сдѣлается отрицательнымъ, а хвостъ положительнымъ. Тогда солнечное электричество будетъ управлять движеніями хвоста, и какъ тѣло положительно-наэлектризованное будетъ дѣйствовать на непроводящее тѣло, наполненное положительнымъ электричествомъ въ одномъ концѣ, а

отрицательнымъ въ другомъ. Превосходство электрической силы надъ притягательною сильно подкрѣпляетъ эту гипотезу.

Раздвоеніе кометы Біелы, вѣроятно, основано на отталкивающей силѣ, превзошедшей силу притяженія туманной массы. Это странное событіе общааетъ наблюдателямъ любопытные факты при возвращеніи этого свѣтила. Дѣйствительно, мы, кажется, скоро откроемъ какую нибудь важную тайну о свойствахъ зенра въ отдаленныхъ пространствахъ. Эти свѣдѣнія будутъ намъ сообщены кометами, ежегодно приходящими изъ этихъ странъ. Астрономы, столь бдительно наблюдающіе движенія кометъ и физическое устройство, угадаютъ подробности ихъ состоянія.

Нѣкоторыя кометы движутся очевидно по эллиптическимъ орбитамъ, но элементы ихъ слишкомъ мало еще извѣстны, чтобы навѣрное знать о продолжительности ихъ теченія. Прекрасная комета 1843 года, вѣроятно, возвратится къ своему перигелию черезъ 175 лѣтъ и 127 дней. По исчисленію г. Богуславскаго она съ 74 года отъ Р. Х. совершила уже тридцать обтеченій, и всякій разъ была видна только послѣ прохожденія чрезъ перигелий. Говорятъ, что при последнемъ своемъ прохожденіи черезъ этотъ пунктъ, она коснулась солнечной поверхности, или по крайней мѣрѣ, чрезвычайно близко къ ней подходила; почему быстрота движенія ея и была до 414 миль въ секунду. Но если величина ея орбиты простирается до 5316 милліоновъ миль, то есть, около тройнаго разстоянія Нептуна отъ солнца, то по исчисленію Богуславскаго, она въ аэліи будетъ проходить по 7 ми футовъ въ секунду, и этой скорости достаточно, чтобы привести ее обратно къ солнцу черезъ 1990 лѣтъ. До прохожденія черезъ перигелий, ея хвоста не было замѣтно, но послѣ этого, хвостъ развился въ полтора часа времени на 1826 милліоновъ миль. Эта немовѣрная скорость расширенія необъяснима. Она обнаруживаетъ отталкивающую силу огромнаго размѣра, происшедшую отъ приближенія кометы къ солнцу. Тогда-то образуются хвосты и происходятъ удивительныя и везанныя перемѣны въ головахъ этихъ чудесныхъ тѣлъ, столь разнообразныхъ по своему виду и огромнымъ орбитамъ. Блескъ этой кометы былъ такъ силенъ, что она была видна въ продолженіе цѣлаго дня.

Другая комета, открытая Гиндомъ, 11 февраля 1847 года, хотя

и малаго размѣра, но была во сто разъ блистательнѣе звѣзды 4 й величины, — и ее можно было видѣть въ 10° отъ солнца.

По исчисленію г. Араго, около семи милліоновъ кометъ посѣщаютъ нашу систему. Послѣ этого легко понять, отчего ежегодно открываютъ ихъ такъ много, хотя большая часть ихъ телескопическія. Въ 1846 году усмотрѣны были въ телескопъ разомъ *два*, хотя онѣ и были весьма удалены одна отъ другой и не составляли кометныхъ близнецовъ, какъ Біела, которой двойственность составляетъ единственный примѣръ.

Знаменитое семейство Гершелей, положило печать своего гениа на всѣ вѣтви Астрономіи. Но если въ особенности какая-либо часть принадлежала имъ спеціально, то конечно часть неподвижныхъ звѣздъ и туманностей. Открытія сира Виліама извѣстны всей Европѣ. Онъ передалъ наследство славы своей сыну.

Наблюденія послѣдняго представляютъ нашимъ взорамъ великолѣпнѣйшую картину описаніемъ южнаго полушарія, котораго нѣкоторыя части были намъ совершенно неизвѣстны. Можетъ быть трудъ сира Джона Гершеля слишкомъ глубоко ученъ, чтобы быть понятнымъ для всехъ; но нѣкоторыя части его сочиненія могутъ съ удовольствіемъ быть прочтены и не посвященными въ таинства науки. Если эта книга драгоценна для современныхъ астрономовъ, то она будетъ еще важнѣе для будущихъ наблюдателей. Дѣйствительно, она послужитъ имъ точкою опоры для усмотрѣнія перемѣтъ, могущихъ произойти въ глубочайшихъ безднахъ неба. По причинѣ огромныхъ разстояній надобно, чтобы нѣсколько земныхъ поколѣній исчезло прежде, нежели перемѣны эти сдѣлаются чувствительными. Этотъ обзоръ южнаго небеснаго полушарія ознаменованъ тѣмъ же гениемъ и постоянствомъ, съ какими былъ составленъ такой же обзоръ сѣвернаго полушарія. Этотъ трудъ тѣмъ болѣе имѣетъ права на наше удивленіе и нашу благодарность, что требовалъ продолжительнаго путешествія и цѣлыхъ годовъ бдительности. — Цѣлю всего этого была любовь къ наукѣ. Въ теченіе четырехъ лѣтъ путешествія, сиръ Джонъ Гершель посвящалъ ночи свои наблюденіямъ, а дни исчисленіямъ и разнымъ работамъ. Онъ однакоже находилъ

время для обширной переписки съ учеными всѣхъ частей свѣта и къ содѣйствию въ распространѣніи умственного и нравственнаго развитія колоній. Издержки всѣ производилъ онъ на свой счетъ, отказавшись отъ предложеній герцога Нортумберленда, боясь тѣмъ-вибудь стѣснить свою независимость. Онъ даже отказался отъ предложеннаго ему корабля, для возвращенія въ Европу. За то, по возвращеніи своемъ, онъ съ удовольствіемъ принялъ предложеніе того же герцога, чтобъ напечатать свое сочиненіе на его счетъ. Восемь лѣтъ употребилъ онъ по возвращеніи своемъ, чтобъ привести въ порядокъ составленныя имъ записки. Это время покажется многимъ очень продолжительнымъ,—по онъ въ теченіе его производилъ наблюденія на магнитной обсерваторіи и напечаталъ біографіи Бейля и Бесселя. Конечно, очень жаль, что онъ для облегченія труда своего не взялъ себѣ въ помощь хорошаго алгебраиста, тѣмъ болѣе, что онъ самъ сознается въ своей неспособности къ сложнымъ исчисленіямъ. Но не жаль, что онъ, подобно отцу своему, самъ работаетъ при устройствѣ своихъ инструментовъ, потому что никто лучше не можетъ открыть и поправить всѣхъ недостатковъ въ инструментѣ, какъ такой мастеръ. Онъ въ состояніи придумать средства, какія и въ голову не войдутъ обыкновенному оптику. Притомъ же, независимость ученаго отъ множества другихъ механиковъ весьма пріятна.

Почерпавъ изъ этого сочиненія нѣкоторыя любопытныя мѣста.

Въ огромныхъ интервалахъ, отдѣляющихъ неподвижныя звѣзды одну отъ другой, глазъ земнаго зрителя, вспомошествоемый инструментами, открываетъ множество предметовъ, находящихся еще гораздо въ большемъ отдаленіи. Это какія-то бѣловатыя облака различныхъ формъ и размѣровъ. Въ иныхъ не видно ничего особеннаго; въ другихъ можно отличить скопленіе звѣздъ; наконецъ иныя совершенно состоятъ изъ однихъ звѣздъ.

Млечный путь состоитъ изъ мириадъ звѣздъ, которыхъ ослабѣшіе и слившіеся лучи дали это названіе этой огромной полосѣ свѣтила. Тоже можно сказать и о многихъ туманныхъ пятнахъ. Число тѣхъ, которыя разрѣшаются на звѣзды, тѣмъ болѣе увеличивается, тѣмъ сильнѣе инструменты, употребляемые для раз-

сматриванія ихъ. Сиръ Вилліамъ Гершель полагалъ, что ни одно туманное пятно не противустанетъ этому разрѣшенію, и телескопъ лорда Росса недавно доказалъ астрономамъ, что мнѣніе это было справедливо. — Не должно утверждать однако, что вовсе нѣтъ туманныхъ пятенъ, собственно такъ называемыхъ.

Знали только 96 туманныхъ пятенъ, изъ коихъ нѣкоторыя были разсматриваемы до сира Вилліама Гершеля. вспомошествоемый сильнымъ своимъ телескопомъ, этотъ искусный наблюдатель опредѣлилъ и изучилъ свойство 2500 туманныхъ пятенъ въ сѣверномъ полушаріи. Сестра сира Вилліама, Каролина Гершель (недавно скончавшаяся посреди почестей), исчислила положеніе ихъ и составила таблицы ихъ прямыхъ восхожденій. Сиръ Джонъ увеличилъ это число еще восемью-стами, и въ прекрасномъ сочиненіи своемъ, недавно напечатанномъ, опредѣлилъ положеніе 2400 туманныхъ пятенъ, изъ которыхъ 500 совершенно новыхъ. Гравюры, по рисункамъ его, представляютъ все, что есть замѣчательнаго въ южномъ полушаріи, такъ что будущіе астрономы могутъ видѣть всѣ измѣненія, которыя произойдутъ въ положеніи, въ степени сгущенія и формѣ массъ, которыхъ вещество такъ мало намъ извѣстно.

Дѣйствительно, туманныя пятна безчисленны, и формы ихъ до чрезвычайности разнообразны. Ихъ можно однакоже раздѣлить на два отличительные класса. Одни изъ нихъ составляютъ родъ плоскостей большихъ размѣровъ, которыхъ форма своеюправно измѣняется до безконечности. Иногда они похожи на фантастическія облака, блистающія въ нѣкоторыхъ частяхъ, темныя въ другихъ, разбрасывающія иногда въ пространство длиныя отъ себя вѣтви, или представляющія видъ легкихъ свѣжныхъ хлопьевъ, разносимыхъ вѣтромъ. Иныя же представляютъ любопытнѣйшее зрѣлище. Большая часть изъ нихъ разрѣшаются скопленіемъ звѣздъ, тогда какъ другія не покоряются этому, вѣроятно, по слишкомъ большой своей отдаленности. Но таково бы было зрѣлище, представляемое намъ млечнымъ путемъ, еслибъ онъ былъ видимъ гораздо далѣе теперешняго.

Во второмъ отдѣлѣ, туманныя пятна гораздо меньше. Форма ихъ болѣе правильная, хотя и разнообразная. Они находятся въ самыхъ отдаленныхъ предѣлахъ неба, или занимаютъ одно большое пространство, далеко отъ млечнаго пути. Нѣкоторыя изъ

нихъ такъ отдалены, что глазъ едва замѣчаетъ ихъ существованіе. Одни кажется, соединяются со звѣздами, которыя сжаты внутри ихъ; другія же, какъ кометы, снабжены волосами и хвостами. Есть и кольцеобразныя. Они круглы, или похожи на огромное плоское кольцо, видимое со стороны и содержащее внутри чечевицеобразную форму.

Звѣзды туманности разнятся отъ послѣднихъ, и представляютъ любопытный предметъ для наблюденія. Онѣ состоятъ изъ звѣздъ, окруженныхъ туманно-свѣтящеюся атмосферою, неспособною разрѣшиться на звѣзды. Однѣ круглы, другія овалны, нныя же тянутся прямою линіею. Планетныя туманности очерчены опредѣленнымъ дискомъ и однообразнымъ свѣтомъ, какой издаютъ планеты. Но этого рода туманности состоятъ изъ шаровиднаго наслоенія звѣздъ, такимъ-образомъ расположенныхъ, что нижніе слои плотнѣе, нежели вышніе. Близъ центра принимаютъ онѣ болѣе сферическую форму. Звѣзды же, занимающія центръ, такъ многочисленны, что издаютъ сильнѣйшій блескъ. Нѣкоторыя изъ этихъ группъ, видимая поверхность которыхъ не составляетъ и десятой части диска луны, заключаютъ въ себѣ до 20,000 звѣздъ, а иногда нѣтъ возможности и приблизительно ихъ сосчитать.

Нельзя предположить, чтобъ эти системы могли держаться въ небесныхъ пространствахъ, еслибъ онѣ были неподвижны. Звѣзды, составляющія ихъ, не могли бы сохранить относительное свое положеніе, еслибъ не имѣли движенія. Но если онѣ подвержены общимъ законамъ притяженія, то сложность ихъ движеній и возмущеній должна превосходить всякое воображеніе.

По наблюденіямъ сэра Джона Гершеля, по-крайней-мѣрѣ, девять-десятихъ туманныхъ пятенъ имѣютъ круглую, или сферондальную форму, со всемъ разнообразіемъ овалности и центрального сгущенія. Многія изъ нихъ разрѣшены телескопами въ мелкія звѣзды; прочія же, по сходству своему и нестротѣ объясняютъ тоже самое, если наши инструменты современемъ усилятся. Онѣ противятся этому до-сихъ-поръ только по малой величинѣ и скопленію звѣздъ: онѣ туманы оптически, а не физически.

Свойство разрѣшаться на звѣзды, кажется, принадлежить туманнымъ пятнамъ, неотдалающимся отъ сферической формы, то-

гда какъ эллиптическія, хотя они обширнѣе и свѣтлѣе, представляютъ больше трудностей. Шаровидныя группы совершенно отличны отъ звѣздныхъ купъ, которыя не имѣютъ опредѣленной формы. Это просто собраніе звѣздъ, болѣе или менѣе многочисленное: ихъ считаютъ иногда по вѣсколку тысячъ. Эти неправильныя купы окружены иногда болѣе бѣдными полосами. Можно подумать, что въ продолженіе вѣковъ звѣзды соединились около одного общаго центра.

Млечный путь окружаетъ небо какъ обширный поясъ, котораго средину составляетъ *Галактическій кругъ* (*галаксъ*, или *гала* по гречески молоко. Млечный путь назывался прежде *Галаксіемъ*). Онъ страннымъ образомъ раздѣляетъ туманныя пятна на два полушарія. Третъ ихъ собрана на широкой, неправильной площади, занимающей около восьмой части небснаго пространства. Вся она въ сѣверномъ полушаріи, гдѣ захватываетъ созвѣздія *Малаго льва* и *Льва*, тѣло, голову и переднія ноги *Большой Медвѣдицы*, тѣло *Жирафа*, оконечность хвоста *Дракона*, *Гонимыхъ собакъ*, *волосъ Береники*, выдававшуюся ногу *Тельца*, наконецъ голову, крылья и плечи *Дѣвы*, которыя наиболѣе ими богаты. — Потомъ слѣдуетъ полоса, менѣе обильная туманностями. Совершенно отдѣльная отъ прежней, она занимаетъ тѣло и крылья *Пегаса*, *Рыбы* и всю *Андромеду*. Кромѣ того, массы туманностей разсыяны по разнымъ мѣстамъ.

Если вообразить себѣ млечный путь лежащимъ на горизонтѣ, то можно себѣ составить ясную идею о распредѣленіи туманныхъ пятенъ. Тогда площадь этихъ туманностей будетъ простираться надъ головою зрителя, спускаясь во все стороны, а особливо къ сѣверному полюсу. Самая богатая и густая полоса, въ *Дѣвѣ*, была бы на вершинѣ 12 час. и 47 мин. прямого восхожденія и въ 64° отъ сѣвернаго полюса.

Кромѣ *облаковъ Магеллана*, царствуетъ на южномъ полушаріи большое однообразіе въ распредѣленіи туманностей. Тамъ есть площади, наполненныя ими, и пространства совершенно пустыя. Южный полюсъ находится въ одной подобной пустотѣ. Въ полуградусѣ отъ него есть одно туманное пятно. Къ югу, эта полоса пустоты простирается почти на 15° со всехъ сторонъ. На окраинѣ этой полосы находится *маленькое облако* въ совершенномъ

удивленіи, тогда какъ *большое облако* связано съ полосой, покрытою туманными пятнами, отдѣляющеюся вдоль *Дорады*, черезъ часть созвѣдія *Часовъ*, *Эридана*, *Печи*, потомъ пресѣкая когти и тѣло *Кита*, простирается до экватора, гдѣ смѣшивается съ туманностию, находящеюся въ созвѣдіи *Рыбъ*.

Самая отличительная черта южнаго полушарія — это роскошь, съ которою разбѣяны тамъ великолѣпныя купы шаровидныхъ туманностей, которыя удобно разрѣшаются на звѣзды. Онѣ находятся въ *Южной Коронѣ*, на тѣлѣ и головѣ *Стрѣльца*, въ хвостѣ *Скорпіона*, въ части *Телескопа* и *Алтара*. Тутъ, на пространствѣ въ 18° полуноперечника сближены тридцать прекраснѣйшихъ предметовъ для наблюдений. Млечный путь пресѣкаетъ по срединѣ эту круглую площадь, и увеличиваетъ ея блескъ и занимательность. Сиръ Джонъ Гершель открылъ, что млечный путь соединяется тутъ съ этими шаровидными купами звѣздъ.

Вообще туманности раздѣляются на двѣ полосы, отдѣльныя и отличныя, разрѣзаемыя млечнымъ путемъ.

Оба облака весьма замѣчательны въ южномъ полушаріи. Это двѣ туманныя площади, видимыя простыми глазами. Свѣтъ ихъ почти равенъ прекраснѣйшимъ частямъ млечнаго пути. Лунный свѣтъ совершенно помрачаетъ *меньшее* облако и дѣлаетъ едва видимымъ *большое*. Они не имѣютъ никакой связи, ни между собою, ни съ млечнымъ путемъ. Внутреннее ихъ устройство тоже самое, но *большое* гораздо значительнѣе. Оно состоитъ изъ широкихъ полосъ и площадей, которыхъ окранны худо обозначены туманною матеріею, не разрѣшающеюся на звѣзды, тогда какъ прочія части чрезвычайно разнообразны, переходя отъ совершенной неразрѣшимости до яснаго раздѣленія на звѣзды, которыми отличается млечный путь.

Встрѣчаются также собственно такъ называемыя туманности правильной и не правильной формы, шаровидныя группы, отчасти разрѣшающіяся на звѣзды; потомъ еще другія группы отдѣльныя и столь близко сплотившіяся, что ихъ можно назвать *звѣздными купами*.

Между послѣдними, та, которая извѣстна подъ названіемъ 30-й звѣзды *Дорады* (Лакайя), слишкомъ замѣчательна, чтобы умолчать о ней. Она находится въ *большомъ облакѣ*. Объемъ ея

значителенъ. Она состоитъ изъ собранія почти круглыхъ колець, соединяющихся въ центрѣ. Въ этой срединѣ, или очень близко къ ней, есть темное отверстіе. Ни что не можетъ сравниться съ этимъ облакомъ по числу и разнообразію предметовъ для наблюдений. На пространствѣ не болѣе какъ 42 квадратныхъ градусахъ, сиръ Джонъ Гершель опредѣлялъ положеніе 278 туманныхъ и звѣздныхъ купъ.

Даже въ самой густой части туманнаго слоя въ созвѣдіи *Дьвы*, или въ *Волосахъ Береники* нѣтъ ничего подобнаго. По этой смѣси звѣздъ и неразрѣшимыхъ туманностей, которыя посредствомъ сильныхъ инструментовъ тоже превратились бы въ звѣзды, очевидно, что эти облака могутъ быть почтены отдѣльными системами мірозданія, не имѣющими никакого сходства съ нашею.

Въ южномъ небесномъ полушаріи есть туманности втораго ряда, которыхъ формы и свойства тоже удивительны. Звѣздныя купы тамъ многочисленны и блистательны. Въ каталогѣ сира Джона Гершеля ихъ показано *сто тридцать одна*. Двѣ изъ нихъ великолѣпнѣе прочихъ. Находящаяся въ *Кентаврѣ* превосходитъ все, что есть богатаго и великолѣпнаго на небѣ. Форма ея совершенно сферическая, а площадь въ четверть квадратнаго градуса. Звѣзды въ ней дѣйствительно безчисленны, и чѣмъ ближе къ центру, тѣмъ плотнѣе. Можно себя вообразить, какъ онѣ малы и удалены, когда всѣ вмѣстѣ издаютъ для простаго глаза свѣтъ, равный звѣздѣ 4-й величины. Она отличается отъ всѣхъ купъ темнымъ отверстіемъ посрединѣ и звѣзднымъ мостомъ, соединяющимъ это отверстіе. Это соединеніе производитъ удивительное зрѣлище по отбѣнку отъ темнаго пространства.

Звѣздная группа Лакайя, 47-я въ *Туканѣ*, тоже замѣчательна. Находясь въ весьма темной части неба, она совершенно отдѣльна, хотя и не въ далекѣ отъ *малаго облака*. Звѣзды 4-й величины, чрезвычайно многочисленныя и тѣсно сплоченныя, расположены въ четыре яруса. Центрѣ отличается розовымъ свѣтомъ, прекрасно отбѣняющимся отъ окружающаго бѣлаго.

Много другихъ звѣздныхъ группъ тоже очень красивы. Въ одной изъ нихъ скоплены звѣзды двухъ величинъ, изъ которыхъ большія всѣ розоваго цвѣта. — Другая, тоже прекрасной наружности, состоитъ изъ звѣздъ 11 и 15 величинъ, сгруппированныхъ

въ видѣ прозрачной оболочки. — Надобно полагать, что эти звѣзды имѣютъ свое собственное движеніе.

Нѣкоторыя группы отдѣляются отъ блистательнаго млечнаго пути, служащаго имъ основаніемъ. Въ центрѣ онѣ чрезвычайно блестящи. Другія, весьма отдаленныя, представляютъ пеструю поверхность. Въ нѣкоторыхъ группахъ едва можно разсмотрѣть звѣзды; малость ихъ такова, что это одна звѣздная пыль.

Въ этомъ родѣ туманностей сирѣ Джонъ Гершель полагаетъ, что эллиптическая форма ихъ производитъ затрудненіе къ разсматриванію звѣздъ. Дѣйствительно, онѣ почти не находилъ ни одной эллиптической купы, которая бы разрѣшалась на звѣзды подѣ дѣйствіемъ двадцати-футоваго рефлектора, тогда какъ шаровидныя купы все легко разрѣшались. Большая туманность *Андромеды* и первая 5-го класса Вилліама Гершеля, открытая миссъ Каролиною Гершель, противились до-сихъ-поръ всеѣмъ инструментамъ, направленнымъ на нихъ. Большой телескопъ Лорда Росса, который такъ прославляютъ, дозволяетъ только проникнуть нѣсколько далѣе прежняго въ пространство небесъ. Но туманное пятно въ *Оріонѣ* и множество другихъ не повинуются его могуществу.

Группы, или звѣздныя купы, тѣсно сплоченныя между собою, безъ правильныхъ границъ, безъ порядка въ сближеніи; истинно безчисленны. Иныя изъ нихъ великолѣпны. Окружающая созвѣдіе *Креста*, хотя состоитъ только изъ 110 звѣздъ, кажется представляеть прекраснѣйшее бриллиантовое украшеніе. Звѣзды ея имѣютъ разноцвѣтные отливы, свѣтлозеленый, темносиній и красный.

Южное полушаріе изобильно также планетными туманностями. Окраины ихъ вообще ясно опредѣлены и свѣтъ ихъ однообразенъ, какъ блескъ планеты. Онѣ окружены звѣздами, составляющими какъ будто-бы свиту спутниковъ. Иногда эти туманности находятся посреди звѣздной группы, отъ которой весьма рѣзко отличаются. Три изъ нихъ совершенно синяго цвѣта, одна свѣтлозеленаго, еще двѣ прекраснаго голубаго. Очерки этихъ туманностей иногда совершенно круглыя, иногда же нѣсколько эллиптическія.

Туманныя звѣзды чрезвычайно рѣдки на всемъ пространствѣ

неба. Открыто однакоже двѣ такихъ, въ южномъ полушаріи. Онѣ названы такимъ-образомъ потому, что окружены легкою туманною атмосферою, которой видъ весьма красавъ.

Попадаются часто въ обоихъ полушаріяхъ *двойныя туманности*, обширныя, слабосвѣтящіяся, прикасающіяся другъ къ другу и даже покрывающія одна другую. Вѣроятно, онѣ совершаютъ обращеніе одна около другой, какъ двойныя звѣзды, съ которыми много имѣютъ сходства. Будущія наблюденія рѣшатъ это сходство.

Южное небо представляетъ двойную группу шаровидныхъ туманностей небольшого размѣра, отдѣленныхъ между собою узкимъ пространствомъ. Вотъ что говорить о нихъ Джонъ Гершель:

«Это скопленіе естественно рождаеть идею шаровидной группы, обращающейся около весьма плоской сферонидальной купы, по площади своего экватора. Это обращеніе производится по орбитѣ, которая, если составляетъ эллипсисъ и если на нее смотрѣть съ бока (какъ въ центральной туманности), то должна имѣть діаметръ нѣсколько болѣе, нежели вчетверо противу послѣдней. Это, конечно, очень удивительно, но возможно».

Есть немного примѣровъ, что посреди туманности находится звѣзда. — Что же касается до кометныхъ туманностей, то онѣ не рѣдки, но кольцеобразныхъ мало. Въ каждомъ полушаріи ихъ по двѣ. Вѣроятно, это только прозрачная, свѣтящаяся оболочка, которой края свѣтлѣе отъ дѣйствія истеченія свѣта (projection). Однакоже, одна изъ нихъ, находящаяся въ сѣверномъ полушаріи, рѣшительно кольцеобразная. Діаметръ ея долженъ быть въ 1300 разъ болѣе земной орбиты, если она отъ насъ въ такомъ же разстояніи, какъ 61-я *Лебеда*. Эта величина вполне можетъ возбудить удивленіе. — Сверхъ-того, открыли три другія кольцеобразныя туманности: двѣ на сѣверѣ, третью на югѣ.

Не говоря о звѣздныхъ купахъ и скопленіи плотно стѣсненныхъ звѣздъ, о туманностяхъ, разлагающихся на звѣзды, — все прочія разсѣянныя звѣзды, какъ видимыя простыми глазами, такъ и въ телескопы, принадлежатъ къ млечному пути. Этотъ обширный поясъ, обхватывающій все небо, состоитъ изъ нѣсколько плоскаго слоя звѣздъ. Въ очеркѣ своемъ раздѣляется онъ на два рукава, которые, будучи, въ свою очередь, разорваны

и раздѣлены, раскидываютъ изрѣдко вѣтви въ пространство. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ глубина млечнаго пути неизслѣдима для лучшихъ телескоповъ. Въ другихъ, кажется, можно видѣть сквозь него, даже по направленію его площади. — Наша солнечная система составляетъ незамѣтную часть млечнаго пути, находясь въ эксцентрическомъ положеніи и близъ той точки, гдѣ слой звѣздъ раздѣляется на два рукава.

Въ южномъ полушаріи великолѣпнѣе млечнаго пути является во всей своей красотѣ. Пройдя созвѣздіе *Единорога*, онъ широкъ, цѣль, однообразенъ, до тропика, гдѣ раздѣляется на нѣсколько вѣтвей, которыя соединяются въ созвѣздіи *Корабля*. Здѣсь онъ дѣлается уже, блистательнѣе и изобильнѣе великолѣпными подробностями. Начиная съ созвѣздія *Корабля*, онъ снова расширяется, и на юго-западѣ отъ *Креста* образуетъ обширную, овальную пустоту, грушеобразную и весьма-темнаго цвѣта. Это замѣчательнѣйшая темная площадь южнаго полушарія, прозванная первыми мореходцами *угольными мшиками* и которыхъ такъ много между α *Кентавра* и *Антаромъ*. Недолжно однакожъ думать, чтобъ эти темныя площади не имѣли телескопическихъ звѣздъ. Но этотъ темный цвѣтъ, столь рѣзкій, происходитъ отъ сильнаго блеска прилегающихъ частей млечнаго пути: это быстрый переходъ отъ свѣта къ темнотѣ.

Послѣ этой темной пустоты, млечный путь дѣлается опять широкимъ, и остается такимъ до α *Кентавра*. Тутъ онъ раздѣляется на два рукава, которые соединяются у созвѣздія *Лебедя*, но мѣстами эти рукава соединяются узкими звѣздными мостами. Сѣверная часть часто перерѣзывается свѣтящимися частями, послѣ которыхъ слѣдуютъ темныя интервалы, въ свою очередь пересѣкаемые многочисленными свѣтящимися мостами. Въ *Скорпионѣ* и въ части *Стрѣльца*, млечный путь состоитъ изъ свѣтящихся облаковъ съ опредѣленными окраинами, переходящими въ звѣздныя купы. Звѣзды сплочены тамъ, какъ песокъ, который еще въ кучѣ. Темныя интервалы раздѣляютъ иногда эти блистательныя скопленія звѣздъ. Разбросанныя съ самою роскошною безчисленностію, отъ 14 до 20 величины, онѣ наконецъ ослабѣваютъ до туманности. Мелкость звѣздъ непостижима, и всякая попытка къ исчисленію ихъ невозможна. Это миллионъ миллио-

новъ, — и каждая изъ нихъ солнце, около котораго вращаются міры, подобныя нашей системѣ.

Южный поясъ млечнаго пути не прерывается; онъ сохраняетъ свой блескъ и содержитъ въ себѣ прекраснѣйшія группы. Одна изъ нихъ близъ γ *Стрѣльца* особенно замѣчательна обширностію и сближеніемъ звѣздъ, составляющихъ ее. Онѣ такъ многочисленны въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, что невозможно-исчислить ихъ. По самому умѣренному примѣрному вычисленію, ихъ въ этой группѣ болѣе 100,000.

Двѣ другія группы выдаются въ видѣ мысовъ между созвѣздіями *Щита* и *Змѣеносца*. Блескъ ихъ составляетъ рѣзкую противоположность съ темною пустотою, раздѣляющею два ряда звѣздъ.

Устройство млечнаго пути чрезвычайно многосложно и великолѣпно въ тѣлѣ и хвостѣ *Скорпиона* въ рукѣ и лукѣ *Стрѣльца* и въ ближайшей ногѣ *Змѣеносца*. Ни одна полоса неба не представляетъ столь замѣчательныхъ и великолѣпныхъ предметовъ, по своему соединенію и по виду млечнаго пути. Вместе съ созвѣздіями *Скорпиона* и *Стрѣльца*, млечный путь пресѣкаетъ великолѣпное скопленіе тридцати шаровидныхъ звѣздныхъ купъ, о которыхъ мы говорили выше. Всѣ онѣ находятся въ звѣздной полосѣ; ни одной нѣтъ въ темныхъ пространствахъ. Тамъ же находятся и двѣ кольцеобразныя туманности: одна, которыя существуютъ въ южномъ полушаріи.

Большая туманность, окружающая *Корабль Арго*, слишкомъ замѣчательна, чтобъ не обратить нашего вниманія. Она находится въ той части млечнаго пути, которая проходитъ между *Кентавромъ* и *Кораблемъ*, посреди одной изъ богатѣйшихъ и блистательнѣйшихъ купъ. Сиръ Джонъ Гершель говоритъ о ней слѣдующее:

«Никакое описаніе не можетъ передать своихъ правыхъ формъ, быстрыхъ измѣненій, представляемыхъ различными вѣтвями и многочисленными частями этой туманности. Также трудно передать вполне впечатлѣніе, производимое красотой этого высокаго зрѣлища. Сперва встрѣчаешь купу безчисленныхъ звѣздъ; потомъ туманность развивается постепенно, — и безъ особеннаго восторга нельзя, въ тихую, свѣтлую ночь, разсматривать часть южнаго неба между 7 и 13 часами прямаго восхожденія и 146°

и 149° градусами полярнаго разстоянія. Разнообразность предметов и блистательное богатство картинъ не допускаютъ зрителя оставаться хладнокровнымъ.»

Нѣсколько прекрасныхъ двойныхъ звѣздъ, равно и роскошныхъ звѣздныхъ купъ находятся также въ этой полосѣ. Подобно разноцвѣтной группѣ, которую мы описали около звѣзды *η Крепта*, и большой планетной туманности со звѣздою въ видѣ спутника, есть еще звѣзда прекраснаго синяго цвѣта, и наконецъ самая звѣзда *η Корабля* представляетъ увлекательнѣйшій примѣръ измѣняющейся звѣзды.

Уже неоднократно въ прошедшихъ столѣтіяхъ видѣли появленіе звѣздъ весьма блистательныхъ, которыя потомъ исчезли. Однажды вечеромъ, Кеплеръ, выходя изъ своей обсерваторіи, увидѣлъ крестьянъ, съ удивленіемъ разсматривающихъ блистательную звѣзду — и въ такой полосѣ неба, которую онъ недавно наблюдалъ, не найдя въ ней ничего особеннаго. Это свѣтло, столь быстро появившееся, видимо было только годъ (1604).

Всѣ временныя звѣзды, о которыхъ упоминали до-сихъ-поръ, уже погасли. При внимательномъ же наблюденіи измѣняющихся звѣздъ, усмотрѣно, что онѣ до нѣкоторой степени слѣдуютъ періодическому и правильному порядку въ своемъ помраченіи и блескѣ. Но тутъ мы видимъ звѣзду (*η Корабля*), измѣняющуюся порывами и самымъ удивительнымъ образомъ, безъ опредѣленныхъ періодовъ и постепенностей. Какая можетъ быть причина этого внезапнаго блеска и быстрого помраченія? Чтò думать о возможности существованія живыхъ существъ въ подобной системѣ? Какую идею составить себѣ о благосостояніи этихъ существъ, получающихъ свѣтъ и теплоту столь быстро измѣняющимся способомъ?

Блескъ этой звѣзды дѣйствительно измѣнился съ 1677 года. Будучи сперва 4-й величины, она послѣ нѣкоторыхъ колебаній, сравнилась блескомъ съ Сиріусомъ, потомъ потемнѣла, съ безпрестанными измѣненіями.

Туманность, окружающая эту звѣзду, не разрѣшается на звѣзды въ нѣкоторыхъ частяхъ, какъ и туманность Оріона, даже посредствомъ телескопа-рефлектора въ 20 футовъ. Слѣдовательно, она не имѣетъ ничего общаго съ млечнымъ путемъ, который

пересѣкаетъ ее, — и вѣроятно, какъ туманность Оріона, отстоитъ отъ млечнаго пути на огромнѣйшее разстояніе. Джонъ Гершель представилъ рисунокъ этой удивительной туманности. Онъ отиѣтилъ въ ней мѣсто, гдѣ на пространствѣ квадратнаго градуса видны до 1400 звѣздъ.

Джонъ Гершель замѣтилъ къ южному полушарію слѣды нѣкоторыхъ отдаленныхъ вѣтвей млечнаго пути, или независимыхъ системъ мірозданія, имѣющихъ сходство съ подобными вѣтвями. Слѣды эти состоятъ въ однообразныхъ и отдѣльныхъ блестящихъ точкахъ, усматриваемыхъ на небѣ. Онѣ слишкомъ малы, чтобъ повѣрить, что глазъ видитъ ихъ отдѣльно, и слишкомъ многочисленны, чтобы ихъ можно было счесть. Въ минуту наблюденія Джонъ Гершель былъ всегда увѣренъ въ дѣйствительности явленія, которое видимо было вдали отъ млечнаго пути и всякой туманности, или звѣздныхъ купъ, но сколько разъ онъ ни повторялъ свой опытъ, убѣжденіе его подтверждалось, хотя въ столѣ сомнительныхъ наблюденій онъ и боялся оптическаго обмана. Тогда, какъ небо было въ нпыхъ мѣстахъ совершенно темно, въ другихъ оказывались признаки свѣта, Мѣста, гдѣ Джонъ Гершель нашелъ эти особенности, отмѣчены имъ на картахъ, для наблюденія будущихъ астрономовъ.

Звѣздная система мірозданія съ млечнымъ путемъ и всѣми разсѣянными звѣздами, совершенно отдѣльна отъ системы туманностей, хотя послѣдняя окружаетъ первую и можетъ быть нѣкоторымъ образомъ соединена съ нею.

Способъ, которымъ считаютъ количество звѣздъ, состоятъ въ томъ, чтобъ счесть тѣ, которыя видны въ объемѣ телескопа, въ опредѣленное прямыми восхожденіями и полярнымъ отстояніемъ время. Такимъ образомъ Вилліамъ Гершель въ сѣверномъ полушаріи, а сынъ его въ южномъ, сосчитали число звѣздъ, видимыхъ въ 20-ти-футовой телескопъ. Они нашли, что число ихъ превосходитъ пять съ половиною милліоновъ. Этотъ счетъ конечно весьма недостаточенъ для тѣхъ частей млечнаго пути, гдѣ звѣзды такъ плотно соединены, что не позволяютъ произвести этого исчисленія.

Есть много темныхъ пространствъ, гдѣ нѣтъ звѣздъ. Но ничто такъ не поражаетъ, какъ постепенное и быстрое увеличеніе

блеска звѣздъ при приближеніи къ обѣмъ сторонамъ млечнаго пути. Если къ безчисленной массѣ звѣздъ млечнаго пути прибавить тѣ, которыя въ туманностяхъ разрѣшаются телескопами на звѣзды, то можно сказать, что ихъ дѣйствительно невозможно сосчитать.

Въ этомъ множествѣ звѣздъ замѣчаютъ большое число такихъ, которыя, будучи для простыхъ глазъ одинаки, въ самомъ дѣлѣ двойныя. По огромной отдаленности ихъ, кажутся онѣ такъ близки одна къ другой, что надобно чрезвычайно сильныя телескопы, чтобы ихъ отдѣлить. Прибавимъ еще, что нужна твердая рука и опытный глазъ, чтобы измѣрить ихъ раздѣленіе и угловое движеніе. Мы говоримъ *движеніе*, потому что многія эти звѣзды четыри обращаются около одной точки, составляющей конечно центръ ихъ притяженія, и образуютъ множество двойныхъ системъ.

Сиръ Вилліамъ Гершель, отецъ звѣздной астрономіи, первый открылъ обращеніе двойныхъ системъ, изучая нѣкоторыя группы, и между прочимъ *Кастора*, котораго онъ наблюдалъ двадцать пять лѣтъ. Съ этой замѣчательной эпохи, наблюденія эти были продолжаемы съ удвоеннымъ усердіемъ. Сиръ Джонъ Гершель и Джемсъ Соутъ опредѣлили вмѣстѣ, въ сѣверномъ полушаріи, относительныя разстоянія и углы положеній нѣсколькихъ тысячъ двойныхъ звѣздъ. Изъ этихъ трудовъ оказывается, что въ Европѣ 6,000 двойныхъ звѣздъ были измѣрены микрометромъ.

Многіе астрономы напечатали каталоги двойныхъ звѣздъ въ южномъ полушаріи. Сиръ Джонъ Гершель много содѣйствовалъ этимъ трудамъ во время пребыванія своего на Мысѣ Доброй Надежды. Эта часть астрономіи была только второстепенною при путешествіи его. Главною его цѣлію было наблюденіе надъ туманностями. И однако же у него есть каталогъ 2196 двойныхъ звѣздъ, содержащій также списокъ 1081 микрометрическихъ измѣреній. Вообще, кажется, что въ южномъ полушаріи двойныя звѣзды не такъ многочисленны какъ въ сѣверномъ, особливо въ загропической полосѣ, въ послѣднихъ шести часахъ прямого восхожденія.

Савари первый опредѣлилъ элементы эллиптической орбиты двойной звѣзды. Другія орбиты были исчислены Джономъ Гер-

шелемъ и другими астрономами. Какъ движенія этихъ звѣздъ совершаются по эллиптическимъ путямъ, точно такимъ же образомъ, какъ движенія нашихъ планетъ, съ тою разницею, что эксцентритеты гораздо разнообразнѣе, то очевидно, и это весьма важный фактъ, — что законъ притягательной силы управляетъ движеніями даже въ отдаленнѣйшихъ пространствахъ неба. Время обтеченія этихъ двойныхъ звѣздъ гораздо короче, нежели можно предполагать по огромнымъ ихъ разстояніямъ, — слѣдственно, движенія ихъ должны быть очень быстрыя. Кратчайшій періодъ составляетъ 17 лѣтъ; должайшій (65-я звѣзда въ созвѣздіи *Рыбы*) = 3077 лѣтъ.

Ни одна изъ системъ двойныхъ звѣздъ не привлекала столько вниманія, какъ звѣзда γ въ *Дельтѣ*. Обѣ звѣзды, составляющія эту систему, почти равной величины. Въ началѣ и въ срединѣ прошедшаго столѣтія, разстояніе между ними было столь велико, что онѣ записаны въ каталогѣ Мейера, какъ двѣ отдѣльныя звѣзды. Съ тѣхъ-поръ онѣ стали сближаться, такъ что въ январѣ 1836 года одна изъ нихъ закрыла другую. Это рѣдкое явленіе усмотрѣно было капитаномъ Смитомъ съ Бедфордской обсерваторіи, и сиромъ Джономъ Гершелемъ съ Мыса Доброй-Надежды. Съ того времени, эти двѣ звѣзды снова разстались, чтобы начать новое обтеченіе.

Удивительная точность въ измѣреніяхъ движеній двойныхъ звѣздъ, искусство при опредѣленіи ихъ орбитъ, наиболѣе обнаружены при γ *Дельтѣ*. Каждый изъ отличныхъ астрономовъ исчислялъ съ своей стороны орбиты ихъ, — и сиръ Джонъ Гершель пашель что періодъ обращенія этой системы = 182 годамъ, а капитанъ Смитъ представилъ исчисленіе въ 180 лѣтъ.

Замѣчаніе одною звѣздою другой, какое замѣчено въ γ *Дельтѣ*, не составляетъ впрочемъ единственнаго примѣра. Вилліамъ Гершель видѣлъ уже это явленіе въ ϵ *Геркулеса*, въ 1782 году. Съ тѣхъ-поръ эта звѣзда совершила уже нѣсколько обтеченій.

Нѣкоторыя изъ системъ двойныхъ звѣздъ южнаго полушарія обтекаютъ свои орбиты чрезвычайно быстро. Такъ напримѣръ 70-я звѣзда въ *Дукланѣ*, λ въ *Эриданѣ*, η въ *Туканѣ*, ϕ въ *Гидрѣ* и γ въ *Кентаврѣ*, которой годовое движеніе по орбитѣ = 5°, 400.

Изъ всѣхъ двойныхъ звѣздъ, α *Кентавра* самая красивая. Обѣ

звѣзды ярко-краснаго цвѣта, и общій ихъ блескъ превосходитъ, или равняется *Арктусу*. Орбита этой системы обширнѣе Урана. Сверхъ-того, эта чета звѣздъ имѣетъ еще отдѣльное собственное движеніе въ пространствѣ въ 3",50 въ годъ. Паралаксъ ея найденъ Гондерсономъ равнымъ одной секундѣ. Слѣдственно, по исчисленію найдено, что это самая ближайшая къ намъ звѣзда, и отстоитъ отъ насъ на 200,000 разъ далѣе солнца.

Много сходства между звѣздами α *Кентавра* и 61-ю *Лебеда*. Здѣсь тоже обѣ звѣзды красныя, равной величины и сильной быстроты. Обѣ системы имѣютъ обширныя угловые движенія, и паралаксъ ихъ можно было исчислить. Г. Бессель нашель, что 61 звѣзда *Лебеда* имѣетъ паралаксъ, равный одной трети секунды, что даетъ разстояніе въ 589,200 разъ далѣе нежели солнце отъ земли.

Звѣзда α *Лиры* еще отдаленнѣе. Струве исчислилъ ея паралаксъ, и нашель, что она отдаленнѣе отъ насъ въ 789,000 разъ, нежели солнце.

Новѣйшія изслѣдованія Петерса представили измѣренія разстояній 45-ти двойныхъ системъ. Семь изъ нихъ опредѣлены съ нѣкоторою степенью достовѣрности. Предполагая, что видимая величина звѣздъ зависитъ отъ ихъ разстояній, и допуская, что всѣ онѣ одинаковаго объема, Аргеландеръ нашель, что малѣйшая изъ звѣздъ, видимыхъ въ 20-ти-футовомъ рефлекторѣ Гершеля, на 228 разъ отдаленнѣе, нежели звѣзды первой величины. Основываясь на довольно точномъ опредѣленіи 85-ти неподвижныхъ звѣздъ, Петерсъ исчислилъ, что ближайшая изъ нихъ находится отъ насъ въ такомъ отдаленіи, что свѣтъ, пробѣгающій по 95-ти тысячамъ миль въ секунду, употребитъ 15-ть съ половиною лѣтъ для достиженія до земли. (Извѣстно, что свѣтъ достигаетъ къ намъ отъ солнца въ 8' 13". Слѣдственно, онъ дѣлаетъ 79,572 лѣтъ въ секунду; круглымъ же числомъ 80,000). Этотъ астрономъ исчислилъ, что малѣйшая изъ звѣздъ, видимыхъ въ 20-ти-футовой рефлекторѣ, можетъ-быть, погасла уже 3541 годъ тому назадъ, — а мы еще не знаемъ этого.

Огромныя бездны, отдѣляющія нашу систему отъ неподвижныхъ звѣздъ и самыя звѣзды, конечно, устроены мудростію Творца, чтобъ поддержать прочность совокупности мірозданія.

Въ нашей солнечной системѣ разстояніе, отдѣляющее планеты одна отъ другой и отъ солнца, не дозволяетъ, чтобъ возмущенія, производимыя одними надъ другими, переходили за извѣстные предѣлы.

Звѣзды, считаемыя ближайшими къ солнцу, вѣроятно, расположены въ большой полосѣ, пересекающей млечный путь между созвѣздія *Арго* и α *Креста* и содержащей въ себѣ блестящія звѣзды *Оріона*, *Сириуса*, *Арго*, *Креста*, *Кентавра*, *Волка*, *Скорпіона*. Осъ этой полосы образуетъ уголъ въ 20°, со среднею линіею млечнаго пути.

Сомнительно, чтобъ были звѣзды дѣйствительно неподвижныя, столь велико число тѣхъ, которыя имѣютъ собственное движеніе*. Вѣроятнѣе, что онѣ кажутся намъ неподвижными, потому-что такъ отдалены отъ насъ, и надобны слишкомъ точныя наблюденія, чтобъ отличить движенія ихъ съ тѣмъ, которое совершаетъ вся наша солнечная система, приближающаяся къ созвѣздію *Геркулеса*.

Это послѣднее движеніе замѣчено было еще Вилліамомъ Гершелемъ, — и послѣдующія наблюденія знаменитѣйшихъ астрономовъ подтвердили его по исчисленіямъ въ сѣверномъ полушаріи, а Галловой достигъ того-же результата наблюденіями въ южномъ полушаріи. Общее заключеніе состояло въ томъ, что солнце приближается къ созвѣздію *Геркулеса* со скоростью 400,000 миль въ день, — что почти равняется его радіусу.

По исчисленіямъ Бесселя, масса двойной звѣзды 61 го *Лебеда* равна половинѣ солнца. Продолжительность обтѣненія нѣкоторыхъ двойныхъ звѣздъ исчислена посредствомъ періодическаго измѣненія ихъ свѣта. Сверхъ того, В. Гершель замѣтилъ, что и между отдѣльными звѣздами, изъ тридцати всегда одна измѣняетъ свой блескъ. Вотъ почему исторія астрономіи можетъ представить столько примѣровъ измѣняющихся звѣздъ, — и почему Джонъ Гершель рѣшился составить систематическій каталогъ звѣздъ по относительному ихъ блеску. Въ этомъ каталогѣ слѣдуютъ онѣ по

* Сочиненіе Гершеля вышло еще до знаменитаго открытія центрального солнца Г. Медлеромъ; но изъ этихъ словъ видно уже, что и онъ предвидѣлъ общее движеніе всѣхъ звѣздъ около одного центрального тѣла.

величинъ своей, отъ блистательнѣйшей до самой малой, — такъ-что всякая переменна, которая случится, тотчасъ же будетъ видима. Это свѣтоизмѣненіе дало поводъ Джону Гершелю составить слѣдующее заключеніе:

«Важнѣйша физическая тайна земли обнаруживается въ этомъ свѣтоизмѣненіи звѣздъ. Геологическія изслѣдованія убѣждаютъ насъ, что на землѣ происходили важныя перевероты отъ различной температуры нашей планеты. Иначе я не могу понять, чтобы въ сѣверныхъ странахъ могли находить остатки тропическихъ растений, а чтобы другія, пользующіяся теперь благопривольнымъ климатомъ, были покрыты льдами. Переменны эти не могли произойти отъ мѣстнаго распредѣленія водъ и твердой земли, какъ думаетъ Лейбъ. Не выходя изъ аналогіи, представляющей намъ свѣтоизмѣненіемъ звѣздъ, мы можемъ понять, что медленныя, вѣковыя измѣненія теплоты и свѣта, доставляемыхъ намъ солнцемъ, совершавшіяся въ нѣкоторомъ порядкѣ, могли произвести всѣ геологическія переменны нашего земнаго шара. Если эта причина не имѣетъ фактическаго авторитета, то ее можно допустить, какъ возможную гипотезу.

Вообразимъ, что солнце есть неподвижная звѣзда, что сила лучей ея измѣнялась въ первыя геологическія времена; что вліяніе это было прогрессивно, постоянно, или отступательно, смотря по слѣдамъ, оставшимся въ земныхъ слояхъ, и великой астрономъ приметъ наше предположеніе, какъ возможное и сообразное съ здравымъ разсудкомъ. Эта гипотеза вѣроятнѣе той, по которой хотять, чтобы солнце первоначально проходило по такимъ пространствамъ неба, которыя были изобильны близкими звѣздами, и лучи ихъ усилили температуру земли нашей.»

Мы ничего не знаемъ о настоящемъ веществѣ, составляющемъ лучи солнца и прочіихъ звѣздъ. Оно можетъ состоять изъ различныхъ электрическихъ токовъ, разплавляющихся по космическимъ законамъ въ пространствахъ небесъ, — и когда онѣ въ верхнихъ слояхъ атмосферъ этихъ звѣздъ встрѣчаютъ матерію, удобную для произведенія электрическаго свѣта (фосфоричности), то дѣлаютъ ее свѣтящеюся, точно такъ, какъ наша земная атмосфера становится таковою подъ вліяніемъ земныхъ электрическихъ токовъ. Или причина этихъ лучей состоитъ изъ дѣйствительнаго

горѣнія, совершающагося въ высшихъ слояхъ звѣздныхъ атмосферъ, и элементы котораго, сперва соединенные, потомъ расторгнутые, безпрестанно возвращаются къ горѣнію, посредствомъ жизненныхъ силъ, чрезвычайно энергическихъ, находящихся на поверхности звѣздъ. Такъ на поверхности земной, процессы растительности отдѣляетъ элементы угольной кислоты, какъ произведеніе горѣнія, и возвращаетъ ихъ опять процессу горѣнія.

На поверхности солнца происходятъ огромныя переменны. Свѣтящіяся массы жидкости, плавающей въ его атмосферѣ, волнуются въ странныхъ движеніяхъ. Въ иные годы онѣ совершенно спокойны; въ другіе же, онѣ сильно волнуются и составляютъ огромныя пустоты, которыя мы называемъ пятнами, и которыя никогда не случаются у полюсовъ, и рѣдко въ экваторіальной полосѣ. Большею частію проходятъ онѣ въ двухъ полосахъ, прилежащихъ къ экватору на 35° съ обѣихъ сторонъ. Это сходствуетъ съ обращеніемъ солнца на осн. Сиръ Джонъ Гершель приписываетъ происхожденіе этихъ пятенъ встрѣчѣ токовъ, измѣняемыхъ, если не порождаемыхъ, обращеніемъ солнца на осн. Онъ переноситъ на это свѣтло сходство, видимое нами на землѣ между суточнымъ ея обращеніемъ и пассатными вѣтрами.

Страшныя и красивыя пятна видны на солнцѣ въ концѣ 1836 и въ началѣ 1837. Джонъ Гершель измѣрилъ одно, бывшее 29 марта. Оно занимало (считая и полутѣнь свою) 3,780,000,000 квадратныхъ миль. Темное пространство, показавшееся 26 мая, могло пропустить въ свое отверстіе всю землю, оставя по тысячѣ миль между ею и краями бездны. Нѣтъ сомнѣнія, что столь большія черемъны на поверхности солнца имѣютъ вліяніе на земную температуру.

Докторъ Воластонъ, по сдѣланнымъ опытамъ, пашель, что свѣтъ звѣзды *α* въ *Лирѣ* въ пять съ половиною разъ сильнѣе солнца. Сиріусъ, котораго параллаксъ нечувствителенъ и котораго удаленности слѣдственно нельзя исчислить, въ девять разъ блистательнѣе *α* въ *Лирѣ* и во сто разъ сильнѣе солнца. Слѣдственно, если бы эта звѣзда вдругъ перенесена была на то мѣсто, гдѣ земля, то поверхность ея простиралась бы въ двѣсти разъ далѣе лунной орбиты.

Сиріусъ — одна звѣзда, которой измѣненія цвѣта извѣстны. Во

времена Птолемея была она красного цвета; теперь она блѣе всехъ на небѣ. Иногда цвѣтъ звѣздъ представляетъ самыя красивыя измѣненія, причина которыхъ неизвѣстна. Нѣтъ ни одной отдельной звѣзды синяго цвѣта. Желтыхъ и красныхъ много. Въ двойныхъ звѣздахъ самая меньшая обыкновенно синяго цвѣта, ярко-краснаго, или зеленого. Большею частію цвѣтъ составляетъ неотъемлемую принадлежность звѣздъ; иногда же онъ дѣйствіе оптической рефракціи.

* Мы рекомендуемъ читателямъ для этого книгу капитана Смита: *Cycle of celestial objects*. Въ ней множество изысканій объ исторіи древней астрономіи и новѣйшія открытія въ солнечной и звѣздныхъ системахъ.

Здѣсь кончается сочиненіе Гершеля. Послѣ него сдѣланы слѣдующія открытія:

Голландскій математикъ Дейнсе исчислилъ орбиту кометы, открытой въ 1846 году аббатомъ Вико, и получилъ результатъ семнадцать два года и девять мѣсяцевъ.

Гиндъ въ Лондонѣ и Кола въ Пармѣ нашли комету Энке на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ее ожидали.

Линдъ и Аргеландеръ дѣлали наблюденія надъ новыми измѣняющимися звѣздами. Замѣчательнѣйшая была въ Змѣносцѣ, съ яркимъ свѣтомъ, который измѣняется въ красный, желтый, синий, зеленый, и съ быстрымъ собственнымъ движеніемъ.

Лассель, любитель астрономіи и ливерпульскій негодіантъ открылъ 8-го спутника Сатурна. Онъ же открылъ спутника Нептуна и кольцо его.

Наконецъ Аргеландеръ, видя всѣ собственныя движенія звѣздъ, возымѣлъ мысль, что все звездное небо обращается вокругъ одного центрального солнца, и указалъ ему мѣсто въ созвѣздіи *Персея*.

Но дерптскій профессоръ Медлеръ уже давно слѣдилъ за этою великою тайною мірозданія, и вдругъ издалъ знаменитую свою брошюру: *Die Centralsonne*, гдѣ утвердительно изложилъ всю систему обращенія звезднаго неба около одного центрального солнца, находящагося въ созвѣздіи Плеядъ.

Эта брошюра была въ свое время переведена вкратцѣ въ *Млм* 1 и 2 Литературной Газеты 1847 года, и наша читающая публика, вѣрно, помнитъ это гениальное открытіе, котораго сущность состоитъ въ слѣдующемъ:

Пространство небесъ, занимаемое млечнымъ путемъ, почитаетъ Г. Медлеръ плоскостію, на которой основана вся наша міровая система. Въ этой плоскости помѣщается онъ центръ, или фокусъ всехъ звездныхъ системъ. Этою плоскостію можно описать большой кругъ, который будетъ однако же соответствовать географическому положенію млечнаго пути, отстоящаго при меридіанѣ весенняго равноденствія на 36° отъ сѣвернаго полюса, а на противоположной сторонѣ при меридіанѣ осенняго равноденствія только на $26\frac{1}{2}^\circ$ отъ южнаго полюса. Очевидно, что изъ изъ двухъ половинъ, на которыя млечный путь дѣлитъ небо, меньшая со стороны весенняго равноденствія и для насъ отдаленнѣйшая. Наше солнце находится не на той плоскости, а на сторонѣ *большой* половины: слѣдственно, пунктъ центрального тѣла долженъ быть въ *меньшей*.

Долго слѣдилъ Медлеръ за собственнымъ движеніемъ всехъ звѣздъ, и ни одна не соответствовала условіямъ центрального солнца. Наконецъ остановился онъ на созвѣздіи Плеядъ. Тутъ всѣ наблюденія и исчисленія доказали, что около *Альционы* совершаются всѣ движенія видимыхъ звѣздъ, а потому и призналъ что:

«Группа Плеядъ есть центральная группа всей видимой нами части мірозданія, то есть всехъ звѣздъ и млечнаго пути, до отдаленнѣйшихъ его предѣловъ, а *Альциона* та отдельная звѣзда этой группы, которая, по всемъ вѣроятіямъ, служитъ *центральнымъ солнцемъ* всему этому звездному міру.»

Для исчисленія разстоянія нашего солнца отъ группы Плеядъ, Г. Медлеръ употребилъ извѣстную 61 ю звѣзду *Лебедя*. Принявъ паралаксъ ея, исчисленный Бесселемъ за $0,3483$, найдемъ, что паралаксъ Альционы = $0,006097$, то есть отдаленіе ея отъ насъ равно $34.000.000$ разстояній нашихъ отъ солнца, и лучъ этой звѣзды употребляетъ 537 лѣтъ для достиженія до насъ.

Сообразивъ теперь угловое движеніе нашего солнца, равное

0,0712, найдемъ мы, что время обтеченія его по своей орбитѣ около Альціоны составлетъ 18.200,000 лѣтъ.

Теперь если радіусомъ-векторомъ солнечной орбиты описать кругъ около Альціоны, и взять въ основаніе вышепоказанныя діаметры для исчисленія массы всѣхъ солнць, лежащихъ внутри этого круга, то M (масса этихъ солнць) = 117,400,000, считая массу нашего солнца за единицу.

А какъ годовое движеніе нашей солнечной системы = 1,48, то есть по 8 географическихъ миль въ 1 секунду. Восходящій же узелъ солнечнаго пути находится на эклиптикѣ = $236^{\circ} 58'$ долготы, то при продолженіи того же средняго движенія нашего солнца, она вступитъ въ эту точку въ 154,500 году нашего теперешняго лѣтосчисленія. При чемъ склоненіе солнечной орбиты къ эклиптикѣ = 84° .

Раздвоеніе млечнаго пути, начиная съ Зѣбеносца за южный полюсъ, объясняется теперь тоже положеніемъ нашимъ къ центральному солнцу. Срединна нераздвоенной части лежитъ въ той точкѣ, гдѣ ее прѣсѣкаетъ нормальная линія, протянутая отъ Альціоны. По всему вѣроятію, этотъ звѣздный поясъ состоитъ изъ двухъ концентрическихъ широкихъ колець, которыя въ отдаленнѣйшемъ для насъ мѣстѣ перспективно совпадаютъ и покрываютъ другъ друга. Въ противоположной же сторонѣ, которая къ намъ ближе, составляютъ достаточный уголъ, чтобъ казаться намъ раздвоенными.

Но, какъ съ одной стороны, млечный путь не составляетъ границы мірозданія, хотя онъ и имѣетъ видимый промежутокъ между собою и всѣми группами прочихъ звѣздъ, а съ другой, около группы Плеядъ есть беззвѣздная пустота, то Медлеръ и полагаетъ все строеніе нашей части мірозданія въ слѣдующемъ порядкѣ:

Срединна обозначена богатымъ слоемъ звѣздъ, какъ въ группахъ, такъ и отдѣльныхъ. Около этого слоя есть значительный промежутокъ пустоты, около которой кольцеобразной, густой слой звѣздъ. Далѣе кругомъ еще поясъ пустоты, или по-краиней-мѣрѣ, очень бѣдный звѣздами, и такъ далѣе еще нѣсколько кольцеобразныхъ слоевъ звѣздъ, изъ которыхъ два послѣдніе составляютъ то, что мы называемъ млечнымъ путемъ. Между всѣми

этими слоями есть отдѣльныя звѣзды и цѣлыя группы, составляющія какъ бы мосты между ними.

Вотъ важное открытіе Медлера, который проситъ всѣхъ занимающихся астрономіею, чтобъ они обратили свое вниманіе на наблюденія, могущія чѣмъ-либо объяснить, или дополнить его открытіе. Наши отдаленные потомки будутъ счастливѣе насъ. Они будутъ имѣть всѣ наблюденія прошедшихъ вѣковъ и усовершенствованные инструменты. Они увидятъ другое устройство созвѣздій, происшедшее отъ движенія нашего солнца около Альціоны и рѣшатъ тогда многіе вопросы, которые намъ теперь кажутся неразрѣшимыми.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ СЕЛЬДИ.

Въ прежнее время всѣ науки были сестрами и даже близнецами, но литература и науки составляли отдѣльный міръ. Теперь все измѣнилось. Вотъ уже полвѣка, какъ наука заплатила богатыми матеріальными благодѣяніями, служившими къ увеличенію комфорта, за уваженіе, которое масса публики питала къ ея великолѣпнымъ теоріямъ и отвѣченностямъ, вѣря имъ на слово. Сдѣлавшись популярною, она возвысилась въ глазахъ толпы; но въ то же время присвоила себѣ ея потребности, обратилась къ самымъ обыкновеннымъ предметамъ, подвергнула своимъ изслѣдованіямъ предметы изъ домашняго обихода. Естественно, что похвалы и удивленіе массы относятся по преимуществу къ тѣмъ отраслямъ науки, которыя удовлетворяютъ современнымъ потребностямъ, и по этому нисколько не удивительно, что вѣкоторыя ученые, увлекшись этими похвалами, обратили всѣ свои изысканія въ эту сторону.

Когда Гальвани заставлялъ скакать мертвыхъ лягушекъ, дѣйствуя на нихъ мускулы электрическимъ токомъ, наука была еще очень далека отъ предположеній, что явится Вольта со своимъ столбомъ и чудесными дѣйствіями этой машины. Самъ Вольта, изобрѣтая ее, не думалъ, какую пользу принесетъ она въ гальванопластику. Приверженцы полезныхъ наукъ пожали бы плечами при опытахъ флорентинскаго доктора. «Къ чему все это послужитъ?» спросили бы они. Теперь же всѣ видятъ пользу отъ примѣненій этого изобрѣтенія къ электрическому телеграфу и золоченію посредствомъ гальванопластики. Безумные удивляются красотѣ дерева, и хотѣли раздавить сѣмя, изъ котораго оно выросло!

При раздѣленіи наукъ больше всѣхъ пострадала — зоологія. Ботаника претерпѣла гораздо меньше. Отчего же произошла такая разница между двумя науками, которыя сходны между собою во всѣхъ отношеніяхъ, и цѣль которыхъ состоитъ въ изученіи проявленій жизни? Единственно отъ различнаго времени, въ которое произошли эти науки. Въ самыя отдаленныя времена, медицина брала изъ растительнаго царства большую часть своихъ лекарствъ. Даже дикарямъ Австраліи извѣстны лечебныя свойства нѣкоторыхъ травъ. Почти у всѣхъ образованныхъ народовъ учреждены ботаническія сады. Даже земледѣіе составляетъ исключительное искусство воздѣлывать питательныя растенія. Произведенія растительнаго царства составляютъ предметъ обширной торговли, и по этому практическая польза науки о растеніяхъ сдѣлалась своею, несомнѣнною; ботаника вошла въ составъ *полезныхъ наукъ*.

Въ зоологіи же вѣтъ никакой прямой пользы. Она произошла позже, и потому долгое время занималась только классификаціею безчисленныхъ существъ, составлявшихъ ея царство: работа огромная и трудная, потому что животныхъ нельзя положить въ гербарій, какъ растенія, и потому изучать на свободѣ, въ своемъ кабинетѣ. Зоологическія коллекціи, достойныя этого названія, составились не болѣе двухъ вѣковъ тому назадъ. Первый звѣривецъ во Франціи учредился во время Конвента, и основателемъ его долженъ почитаться Жофруа Сентъ-Илеръ. Масса публики не привыкла почитать важнымъ изученіе науки о животныхъ, и вѣвѣжды смотрѣли на звѣринцы, какъ на любопытное зрѣлище, а не на полезный урокъ. Между тѣмъ эта наука, точно также какъ ботаника, важна для торговли, промышленности, земледѣлія, для всѣхъ интересовъ государствъ. Примѣры очень многочисленны и извѣстны всѣмъ. Если между столькими полезными животными, мы выбрали предметомъ нашихъ изслѣдованій сельдь, то потому что на эту маленькую рыбку очень мало обращали вниманія среди другихъ представителей воднаго царства, извѣстныхъ своею величиною, силою и пользою.

Сельдь принадлежитъ къ большой породѣ рыбъ, свойства которыхъ были давно извѣстны натуралистамъ Греціи и Рима. Аристотель оставилъ намъ подробности объ желѣзницѣ (*оризца*), сар-

делахъ и колосаянкѣ (*Colias, Colitis*), на которыхъ онъ смотритъ, какъ на три возраста Фалерской *ануа*; онъ же пишетъ объ анчоусахъ (*Eucinostomus, Eucostomus*), которые, по его мнѣнію, происходятъ отъ *ануа* въ Аонскомъ портѣ. Въ его время, также какъ и теперь, солили всѣ эти роды рыбъ, для того, чтобы сохранить ихъ. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ комедіи Аристофана восклицаетъ: «Несчастный, я окунулся въ разсолъ тонкохвостокъ!» (*trichides*). Въ другомъ мѣстѣ поэтъ говоритъ, что тонкохвостокъ приготовлял для продовольствія флота. Атеней и Страбонъ наблюдали въ Нилѣ привычки переселенія желѣзницъ, и во время египетской экспедиціи, Жофруа Сентъ-Илеръ подтвердилъ эти наблюденія. Впрочемъ, справедливыя извѣстія тѣхъ временъ часто смѣшаны съ нелѣпыми ошибками. Напримеръ, Калисоенъ, говоря объ желѣзницѣ и называя ее *clupea*, предполагаетъ, что въ ея головѣ, находятъ камешекъ съ крупицку соли, который вымечиваетъ лихорадки, когда его прикладываютъ при закатѣ луны къ лѣвой сторонѣ тѣла. Тотъ же авторъ прибавляетъ, что *клупеа* бѣла, когда прибавляется луна, и дѣлается черна, когда луна убавляется. Эта же рыба, по преданіямъ древнихъ, достигая предѣловъ, когда окончивается ростъ ея, умираетъ, оттого, что кости ея, продолжая расти, выходятъ наружу, разрѣзывая ея тѣло. Эту послѣднюю сказку легко объяснить. Желѣзница идетъ вверхъ по рѣкамъ, чтобы метать икру, и постепенное развитіе ялицъ дѣлаетъ ее каждый день толще. Когда же она окончить выкладку ялицъ, то впадаетъ въ чрезвычайную слабость и теченіе несетъ ее на боку, какъ мертвую. Рыбаки, которые ловятъ ее въ этомъ жалкомъ состояніи, замѣчаютъ, что безчисленныя кости этой рыбы выступаютъ наружу, сверхъ тѣла. Вотъ отчего произошла странная сказка, которая, подобно многимъ преданіямъ древнихъ, заключаетъ въ себѣ частичку истины, только дурно изслѣдованной.

Общій характеръ этой породы рыбъ состоитъ въ огромной пользѣ, которую онъ приносятъ. Только тѣло колосаянки, водящейся въ индѣйскихъ моряхъ, ядовито, и кто употребитъ его въ пищу, тотъ иногда умираетъ, послѣ сильной рвоты, но это только одно исключеніе; всѣ же прочія *клупеиды* составляютъ здоровую и вкусную пищу. Между европейскими породами этого

класса рыбъ, мы обратимъ вниманіе на желѣзницу, сардель, анчоусъ и собственную сельдь.

Желѣзница (*alaua vulgaris*) прекрасная рыба, которая иногда достигаетъ трехъ футовъ длины и имѣетъ больше четырехъ фунтовъ вѣсу. Хотя она обыкновенно живетъ въ соленой водѣ, но выпускаетъ икру въ рѣчной водѣ, какъ осось. Она водится во всѣхъ нашихъ моряхъ, но весною собирается у устьевъ рѣкъ, которыя впадаютъ въ Средиземное море и въ Океанъ. Она идетъ большими массами вверхъ по теченію Волги, Нила, Тибра, Гаронны, Луары и Рейна. Прежде въ одной Сенѣ ловили до 13 или 14 тысячъ желѣзницъ, но это число значительно уменьшилось съ тѣхъ-поръ, какъ въ этой рѣкѣ начали мыть шерсть.

Авоинъ говоритъ, что въ первыхъ вѣкахъ нашей эры эту рыбу употребляли въ пищу только простолюдины (*Stridentesque focus opsonia plebis alausas*). Арабы, напротивъ, очень ее любятъ, сушатъ и ѣдятъ съ финиками. Желѣзницы имѣютъ весьма тонкій слухъ, боятся грома, и, говорятъ, чувствительны къ музыкѣ. Ронделе, натуралистъ XVI вѣка, увѣряетъ, что эти рыбы съ поспѣшностью выплываютъ на поверхность воды, при звукахъ лютни, и что по этому рыбаки Средиземнаго моря берутъ съ собою музыкантовъ, когда ѣдутъ на ловлю. Вѣроятно только, что эта музыка скорѣе разгонитъ всѣхъ рыбъ, а не привлечетъ ихъ въ сѣти.

Желѣзница, несмотря на свою величину, все таки не такъ полезна человѣку, какъ принадлежащая къ этому же семейству сардель (*alaua pilchardus*). Она водится во всемъ Средиземномъ морѣ и въ Океанѣ, до высоты Шотландіи. Каждый годъ она оставляетъ глубину моря и подходитъ къ берегамъ, чтобы метать икру. Въ это время всѣ береговые народы пользуются легкою и обильною ловлею.

Средиземное море, кажется, настоящее, отечество анчоуса (*ep-gaulis vulgaris*). Его ловятъ въ эпоху метанія икры безчисленными массами. Въ Океанѣ онъ попадаетъ рѣже. Греки и Римляне употребляли его для приготовленія *гарума*, странной и отвратительной приправы, которая еще сохранилась у нѣкоторыхъ

восточныхъ народовъ*. Колосянка Средиземнаго моря (*meletta mediterranea*) ловится на югѣ Франціи, въ одно время съ анчоусами, и соленая употребляется въ пищу простымъ народомъ. Можно назвать еще этой породы знаменитую рыбу *white-bait* (*gogenia alba*), которую очень любятъ лондонскіе жители; *sardinella aurita*, которой много въ Средиземномъ морѣ и особенно у береговъ Алжиріи, гдѣ она можетъ сдѣлаться предметомъ выгодной торговли; *clupeonia jussieni*, которая не такъ вѣжна, какъ сардель, но могла бы доставить большую выгоду Иль-де-Франсу, гдѣ она водится во множествѣ, еслибы жители умѣли ее готовить. Въ моряхъ Малабара находится *sardinella Nehowii*, которая очень вкусна, и каждый годъ приближается къ берегу въ такомъ множествѣ, что жители употребляютъ ее для упаво-живанія рисовыхъ и кокосовыхъ плантацій.

Между сельдями (*clupea*) есть много породъ тоже очень полезныхъ. Селедка Чернаго моря, (*clupea pontica*), которую вѣтеръ мриадами выбрасываетъ на берега Крыма, ждетъ только нѣкоторыхъ усовершенствованій въ приготовленіи, чтобы получить важность въ торговлѣ. Сельдь Палласова (*clupea Pallasii*) составляетъ у Камчадаловъ единственное пропитаніе для зимы. Нью-йоркская селедка (*clupea elongata*) и нѣкоторыя другія породы въ Америкѣ приносятъ жителямъ такую же пользу, какъ намъ обыкновенная сельдь (*clupea harengus*). Но все-таки ни одна порода не можетъ равняться въ пользѣ съ этою послѣднею. Цѣлыя народонаселенія пускаются каждый годъ въ море за мирными его обитателями. Изъ самаго дальняго фюрда Норвегій, изъ каждой маленькой гавани Нормандіи выходятъ безчисленные эскадры легкихъ лодокъ съ рыбаками норвежскими, шведскими, датскими, германскими, голландскими, шотландскими, англійскими, ирланд-

* *Garum* былъ родъ соуса или приправы, которую Римляне въ эпоху паденія до-того любили, что покупали ее на вѣсъ золота. Марціалъ заставляетъ говорить одну женщину:

Nobile nunc sitio luxuriosa garum.

Garum была просто образующаяся жидкость при разложеніи разныхъ животныхъ, *varies putrescentium*. Эту жидкость смѣшивали съ солью, лавровыми листьями и проч. Самый лучший *garum* дѣлался изъ макреля, анчоуса и даже изъ кузнечиковъ.

скими и французскими, которыя торопятся на добычу въ то самое время, какъ настоящіе флоты изъ кораблей отправляются на ту же ловлю до острововъ Зеланда и Исландіи.

Судя по пользѣ этой рыбы, можно подумать, что она была давно уже известна; напротивъ, ее часто смѣшивали съ другими породами, и теперь еще анатомія селедки не совсѣмъ приведена въ ясность.

Свѣжая сельдь очень красивая рыба сѣро-зеленаго цвѣта съ серебрястыми боками и животомъ. Голова у нея маленькая, глаза большіе, ротъ небольшой, спина гладкая и круглая, животъ нѣсколько зубчатый. Вотъ общія примѣты всѣхъ родовъ сельдей, только величина ихъ мѣняется. У береговъ Франціи сельди бываютъ длиною въ 27 сантиметровъ, а въ сѣверныхъ моряхъ ловятъ ихъ длиною до 38 сантиметровъ.

Обыкновенная сельдь принадлежитъ исключительно Сѣверному океану. Вездѣ у нея привычки морской рыбы, и она рѣдко плыветъ вверхъ по теченію нѣкоторыхъ большихъ рѣкъ. Напримеръ въ 1695 году стадо сельдей, пригнанное, можетъ быть, приливомъ, приплыло въ Темзу до Лондона, такъ, что ихъ брали тысячами, просто ведрами, но этотъ случай принадлежитъ къ исключеніямъ.

Говорили, что сельдь засыпаетъ въ ту минуту, когда ее вынимаютъ изъ воды, и если ее тотчасъ же броситъ въ воду, то она уже не оживаетъ. *As dead as a herring*, говорятъ Англичане, и эта народная поговорка получила высокое ученое значеніе съ-тѣх-поръ, какъ Лепедасъ объяснилъ эту скорую смерть сельди величюю отвертій ея жабръ. Впрочемъ, и это предположеніе преувеличено. Въѣ воды сельдь засыпаетъ совсѣмъ не скорѣе другой рыбы, и если рыбаки вѣрятъ въ это, то единственно потому, что въ этой ловлѣ рыбы сами давятся петлями сѣти, и когда ихъ вынимаютъ изъ воды, то почти всѣ онѣ уже мертвы.

Другое ложное мнѣніе, вкоренившееся между рыбаками и подтвержденное нѣкоторыми натуралистами, состоитъ въ томъ, что будто-бы сельдь питается одной чистой водою и сѣрой жидкой тинью, наполняющей обыкновенно ея внутренности послѣ смерти. Чрезвычайная дѣятельность пищеваренія, замѣчательная у всѣхъ рыбъ, можетъ объяснить это ошибочное мнѣніе. Въ самомъ

же дѣлъ, при тщательномъ наблюдѣніи, можно замѣтить во внутренности селедки рыбы лица, даже селедочную икру, остатки маленькихъ рыбокъ и раковъ. Фабриціусъ, знаменитый датскій натуралистъ, открылъ даже у береговъ Норвегіи родъ рака, котораго называлъ *селедочнымъ ракомъ*. Это маленькое животное водится тамъ въ такомъ множествѣ, что лѣтомъ стѣитъ только зачерпнуть морской воды, чтобъ поймать ихъ тысячи. Штрѣмъ говорить, что сельди очень любятъ этихъ раковъ, и плаваютъ за ними вездѣ, куда заноситъ ихъ вѣтеръ и приливъ. Кажется однако, что эта пища имѣетъ вредное вліяніе на рыбу, которая ее употребляютъ. Увѣряютъ, что селедки, пойманныя въ это время, очень скоро гниютъ и что мясо ихъ дѣлается ядовитымъ и производитъ множество болѣзней.

Случается, что сельди, которыя съ незапамятныхъ временъ всегда водились въ одномъ мѣстѣ, вдругъ исчезли, и разорили этимъ жителей цѣлыхъ селеній. На этотъ случай существуетъ также множество предразсудковъ. Шотландскіе горцы думаютъ, что если женщина изъ Скея (Skey) перейдетъ черезъ воду на другой берегъ острова, то всѣ сельди удалятся изъ этого мѣста. Историкъ XVI вѣка рассказываютъ исторію необыкновенной сельди, явленіе которой предсказывало несчастіе и удаленіе сельдей отъ береговъ Швеціи. 21-го ноября, 1587 года, поймали въ Норвежскомъ морѣ двѣ сельди, на бокахъ у которыхъ были какъ будто вытиснены готическія буквы. Эти рыбы были привезены въ Копенгагенъ, и поднесены королю Фридриху II. Монархъ, удивленный этимъ, созвалъ ученыхъ, которые изъяснили знаки слѣдующимъ образомъ: *Вы не будете больше ловить сельдей, также какъ и другіе народы.* Король не удовольствовался этимъ объясненіемъ, и совѣтовался со знаменитыми учеными Германіи. Одинъ французскій математикъ, жившій въ то время въ Копенгагенѣ, издалъ толстую книгу, чтобы доказать, что знаки на чудесныхъ сельдяхъ были начальныя буквы нѣсколькихъ словъ. Другой ученый прочиталъ въ нихъ предсказаніе разрушенія всей Европы. Эти споры возобновились въ XVII вѣкѣ. Въ 1622 году цюрихскій профессоръ теологій, Эглингъ, напечаталъ особое толкованіе, по случаю сельди съ таинственными знаками, пойманной 21 мая 1596

года, на берегахъ Помераніи, и которая была очень похожа на знаменитыхъ копенгагенскихъ селедокъ.

Въ морѣ есть глубокія равнины, гдѣ почти нечувствительны перемены атмосферы, и куда не достигаютъ самыя сильныя бури. Въ этихъ неприступныхъ мѣстахъ скрываются, въ извѣстное время, сельди и другія рыбы, и выходятъ оттуда, когда истиннѣе въспросвѣденія заставляютъ ихъ отыскивать неглубокія воды, согрѣваемые солнцемъ. Побуждаемая тѣмъ же истиннѣе или подражаемъ, замѣченнымъ во всѣхъ рыбахъ, сельди выходятъ изъ своего убѣжища густыми массами. Вотъ отчего происходитъ ихъ внезапное явленіе въ мѣстахъ, гдѣ накануне не было ни одной рыбы. Ошибочно также думаютъ, что сельди всѣ вдругъ покидаютъ наши моря. Въ Голландіи, Бельгіи и Нормандіи ловятъ сельдей въ продолженіе цѣлаго года, что не согласно съ предпологаемыми путешествіями этихъ рыбъ. Старые рыбаки увѣряютъ, что если бы сѣти ихъ могли достигнуть до глубины, то они во всякое время ловили бы множество сельдей. Впрочемъ говорятъ, что сѣти скользятъ по нимъ и не могутъ захватить ни одной рыбы.

Можетъ-быть, это послѣднее мнѣніе преувеличено, но все-таки оно вѣроятно. Даже во время плаванія число сельдей такъ велико, что даже вѣрныя свѣдѣнія кажутся невозможными. Въ скандинавскихъ сагахъ сохранены воспоминанія о многихъ необыкновенныхъ ловляхъ. Олай-Магнусъ говоритъ, что сельди иногда такъ тѣснятся къ берегу, что пища, брошенная въ нихъ, выкалалась прямо. Въ 1781 году эти рыбы приплыли близъ Буское, у береговъ Готенбурга, въ такомъ множествѣ, что ихъ брали руками. Въ 1781 году въ Лохъ-Уриѣ наловлено въ 50 дней сельдей на 56,000 фун. стер. (1,400,000 фр.) Въ 1774 году, на берегахъ Фейфа, рыбаки забросили сѣти въ одинъ разъ, и вытащили пятдесятъ тысячъ сельдей. Когда массы этихъ рыбъ вступаютъ въ заливъ, то они почти наполняютъ его, и передніе ряды, толкаемые задними, выбрасываются на берегъ и покрываютъ его виѣстѣ съ другими рыбами, увлеченными общимъ движеніемъ.

Тысячи большихъ рыбъ слѣдуютъ за сельдами и пожираютъ ихъ безчисленное множество. Человѣкъ присоединился къ этимъ

природнымъ непріателямъ сельдей, и истребляетъ ихъ сотнями тысячъ, но порода ихъ не уменьшается, и всякій годъ съ глубины Океана поднимаются такіе же безчисленные легионы сельдей. Вѣроятно, эта порода обладаетъ въ высшей степени силою произведенія себѣ подобныхъ, что объясняется ея плодородіемъ и привычками. Въ Ламаншѣ сельди-самки имѣютъ среднимъ числомъ отъ двадцати девяти до тридцати тысячъ яицъ. У большихъ сѣверныхъ сельдей бываетъ ихъ до шестидесяти тысячъ. Притомъ же самокъ вдвое больше, чѣмъ самцевъ. Побуждаемая тѣмъ же инстинктомъ, онѣ вмѣстѣ отправляются въ мелкія мѣста, и только что самка освобождается отъ тысячи зародышей, какъ самый близкій отъ нея самецъ оплодотворяетъ ихъ своимъ сѣмянемъ.

Капитанъ Биллингсъ наблюдалъ сельдей во время замѣчательнаго дѣйствія, которое обезпечиваетъ существованіе этой рыбы на вѣчныя времена. Въ іюлѣ мѣсяцѣ, онѣ стояли на якорѣ въ одной изъ гаваней Камчатки, и замѣтили, что нѣсколько сельдей, плавая, дѣлаютъ правильные круги шести футовъ въ діаметрѣ. Въ серединѣ каждаго круга одна сельдь стояла неподвижно, и скоро окружающія ея травы покрылись яркимъ желтымъ цвѣтомъ. При морскомъ отливѣ весь берегъ, растенія, камни и песокъ, все было покрыто на подпойма икрою, на которую съ жадностью бросились собаки, ласточки и вороны. Бываетъ еще много подобныхъ случаевъ истребленія селедочной икры. Изъ того же, что спасается отъ всѣхъ бѣдъ, рождаются маленькія рыбки, которыя проводятъ первую молодость въ мѣстѣ своего рожденія, потомъ удаляются въ глубины моря, гдѣ остаются до тѣхъ-поръ, пока ихъ не выгонитъ на поверхность моря инстинктъ воспроизводительности.

Ни одинъ изъ греческихъ и римскихъ писателей не говоритъ о сельдяхъ. Живя на берегу Средиземнаго моря и наблюдая только за произведеніями этого моря, они не могли ничего знать о жителяхъ Сѣвернаго океана. Только въ среднихъ вѣкахъ можно найти историческія свѣдѣнія о рыбахъ, которыя теперь извѣстны цѣлому свѣту.

Если въ наше время доказали, что не Голландцы изобрѣли искусство солить сельдей, то должно сознаться, что никто лучше

ихъ не пользуется этою отраслюю торговли и промышленности. Въ 1416 году Беукелингсъ своимъ новымъ способомъ укладки (package) произвелъ переворотъ въ искусствѣ сохраненія сельдей. Превосходство этого способа было такъ велико передъ другими народами, что всѣ прочія ловли упали, и Голландія овладѣла монополією этой важной торговли. И когда Беукелингсъ умеръ, благодарное отечество воздвигнуло ему памятникъ, который находится въ большомъ уваженіи у Голлаццевъ, и на которомъ въ 1556 году Карлъ Пятый и сестра его, королева Венгерская, раздѣлили между собою соленую сельдь и пили за память простаго рыбака.

Эта честь была нисколько не преувеличена, потому что изобрѣтеніе Беукелингса сдѣлало изъ бѣднаго народа могущественную націю. Ободренные успѣхомъ новаго открытія, голландскіе рыбаки увеличили свои заведенія въ Сканіи, и направляли свои флотилии до восточныхъ береговъ Британскихъ острововъ, особенно близъ Ярмута, гдѣ и теперь ловятъ большое количество сельдей. Въ концѣ XV вѣка 600—700 рыболовныхъ судовъ, называемыхъ *бюйзали*, дѣлали до трехъ путешествій въ годъ, и привозили каждый столько рыбы, что продавали всю ловлю за 1,470,000 золотыхъ флориновъ (около 30,870,000 рублей ассигнаціями.) Распространяя свою торговлю, Голландцы почувствовали необходимость защищать ее. Въ 1547 году только одинъ городъ Энкгуйзенъ, гдѣ жили лучшіе продавцы сельдей, вооружилъ восемь кораблей, чтобъ охранять свои барки и наблюдать за ними. Черезъ шесть лѣтъ тотъ же городъ высылалъ двадцать кораблей, которые содержались на счетъ рыбаковъ и должны были при случаѣ защищать сто-сорокъ судовъ, посланныхъ за сельдами. Это цвѣтущее состояніе торговли продолжалось болѣе вѣка. Въ 1603 году сумма за вывозъ сельдей дошла до 43,397,500 рублей ассигнаціями. Въ 1615 году изъ голландскихъ гаваней вышло 2,000 бюйзовъ съ 37,000 рыбаковъ. Черезъ три года число судовъ возвысилось до 3,000, а число рыбаковъ до 50,000. Кромѣ того, 9,000 разныхъ судовъ съ 150,000 человекъ охраняли ловлю и служили для перевоза или продажи рыбъ. Въ эту эпоху Голландцы снабжали солеными сельдами всѣ четыре части свѣта. Во время войнъ съ Людовикомъ XIV, Голландцы претерпѣли боль-

шое несчастіе: въ 1703 году французская эскадра истребила совершенно ихъ рыболовную флотилію. Другіе народы воспользовались этимъ случаемъ, чтобы возвысить свою собственную торговлю. Притомъ же въ это самое время шведскія ловли начали также процвѣтать, что совершенно разорило Голландцевъ. Въ 1814 году для ловли сельдей выѣзжали только 106 судовъ; въ 1823 число ихъ опять увеличилось до 128; но въ 1833 году не вышло изъ голландскихъ гаваней ни одной буйзы, а только 49 маленькихъ лодокъ, назначенныхъ для береговой ловли. Послѣ этого, кажется, кончилисъ несчастные дни для ловли, потому что въ 1836 году, Голландія отправила 117 буйзовъ на лѣтнюю ловлю; зимняя ловля въ Зюдерзее приняла тоже большіе размѣры. Голландія обязана однимъ сельдымъ тѣмъ, что въ XVI вѣкѣ играла важную роль и приобрѣла богатые колоніи. Ни голландское графство, ни соединенныя провинціи не могли поддержать поселеній на Мысѣ Доброй Надежды и въ тропическихъ странахъ, если бы національныя рыбныя ловли не предложили необходимыхъ суммъ для устройства, поддержанія и защиты новозужденныхъ конторъ. Въ самомъ дѣлѣ, море гораздо богаче награждаетъ успія людей, чѣмъ земля. И это очень понятно. Тотъ, кто требуетъ у моря пропитанія или богатства, не обязанъ ни покупать мѣсто, ни воздѣлывать его, ни заготовлять сѣмяна, какъ земледѣлецъ; онъ только покупаетъ снаряды для ловли, которые далеко не такъ дороги, какъ земледѣльческія орудія.

Способъ добыванія селедочнаго масла очень простъ. Эту рыбу варятъ пять или шесть часовъ въ большихъ мѣдныхъ котлахъ, и мѣшаютъ въ нихъ до-тѣхъ-поръ, пока сельди обратятся въ родъ тѣста. Тогда тушатъ огонь, прибавляютъ въ котелъ холодной воды, и даютъ остыть три или четыре часа. Потомъ снимаютъ масло, которое всплываетъ наверхъ, процѣживаютъ его и вливаютъ въ бочки. Если рыбы варились очень долго, то масло это бываетъ сѣраго цвѣта, если же мало, то оно бѣло, прозрачно и твердо, какъ оливковое въ холодное время. Въ этомъ видѣ Камчадалы его очень любятъ, употребляютъ какъ любимую пищу, и съ удовольствіемъ принимаютъ какъ дорогой подарокъ. Въ Швеціи, селедочная масса, остающаяся послѣ снятія масла, считается лучшимъ одобреніемъ земли, и мы совершенно соглас-

ны съ этимъ. Она должна быть также полезна, какъ знаменитый гуано, за которымъ цѣлые флоты отправляются въ Америку; по то, что накопилось цѣлыми вѣками, скоро можетъ истощиться. Остатки же сельдей, состоя изъ азотныхъ частей и заключаая въ себѣ фосфоръ въ разныхъ видахъ, могутъ быть очень полезны для питанія растеній, и особенно для хлѣба. Чтобы дѣлать этотъ остатокъ годнымъ къ употребленію, надобно сохранять его съ нѣкоторыми предосторожностями, потому что онъ скоро портится и составляющія его органическія части приходятъ въ броженіе. Одно средство, чтобы превратить этотъ остатокъ въ предметъ годный для торговли — это высушить его.

Многіе рыбаки жалуются, что сельди ловятся все меньше и меньше у береговъ Ламанша, но и изъ исторіи шведскихъ ловлей видно, что появленіе этихъ рыбъ очень неправильно и что они часто надолго оставляютъ мѣсто, въ которомъ водились во множествѣ. Когда вѣрили въ путешествія сельдей, то говорили, что массы этихъ рыбъ приняли другое направленіе, теперь же надобно искать другой причины для объясненія этого страннаго случая.

Извѣстно, что всѣ скандинавскіе берега изрѣты узкими и глубокими заливами, и когда стадо сельдей входило въ одинъ изъ нихъ, то входъ въ заливъ заграживали огромными сѣтями и такимъ образомъ брали *всѣхъ* рыбъ, попавшихся въ западню. Этимъ легкимъ способомъ Шведы получали до 400,000 бочекъ сельдей; по это чрезвычайное истребленіе животныхъ, которые подходятъ къ землѣ только для того, чтобы метать икру, не могло быть продолжительнымъ. Шведская ловля тоже упала послѣ необыкновеннаго процвѣтанія. Очень легко было поддержать эту ловлю въ колоссальныхъ размѣрахъ, если бы обезпечили воспроизведеніе сельдей. Искусственное оплодотвореніе, употребляемое въ маленькихъ садкахъ, можно было прижить къ большимъ размѣрамъ, и ово, вѣроятно, имѣло бы желаемый успѣхъ, или остановило бы, по крайней мѣрѣ, окончательное истребленіе этой породы. Стоитъ только смѣшать въ извѣстной пропорціи яйца самокъ съ молсками самцевъ, потомъ положить ихъ въ маленькую закрытую бухту, гдѣ строго запретить ловить рыбу. Яйца, оживленные плодотворнымъ элементомъ, дадутъ плодъ, — и маленькія сельди

будутъ плавать вдоль берега, чтобъ отыскивать пищу. Если каждая самка имѣетъ тридцать тысячъ яицъ, и если предполагать, что только треть дѣлается рыбами, то изъ каждой тысячи самокъ, назначенныхъ для этого, вышло бы десять милліоновъ маленькихъ сельдей, которыя, достигнувъ совершеннаго возраста, представили бы собою до десяти тысячъ боченковъ или тринадцать милліоновъ килограммовъ рыбы.

Франклинь съ большою предосторожною перенесъ въ Американскій заливъ семелочную икру, оплодотворенную натуральнымъ образомъ, и сельди развелись въ мѣстѣ, гдѣ ихъ прежде никогда не было. По этому очень возможно разводить почти вездѣ эту рыбу. Трудно только различить оплодотворенныя яйца отъ простыхъ, и потому гораздо удобнѣе и вѣрнѣе прибѣгнуть къ искусственному оплодотворенію.

Мы сказали, что можно *слыть рыбу, какъ хлебъ*, и повторяемъ, что должно *засыпать море*. Эта идея покажется невозможною съ перваго взгляда, но отчего же, то, что удалось въ маломъ видѣ, не удастся въ большомъ? Безпредѣльность равнинъ моря не должна мѣшать этому, и искусственное оплодотвореніе нѣсколькихъ милліоновъ рыбъ не будетъ нисколько удивительнѣе электрическаго телеграфа, дѣйствующаго на разстояніи десяти тысячъ миль. Притомъ же осуществленіе этой мысли принесетъ большую пользу и очащавитъ многихъ, стало бытъ, стоить подумать объ этомъ, особенно когда нѣсколько опытовъ ручаються за успѣхъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

МНЕМОНИКА — ПО МЕТОДЪ РЕВЕНТЛОВА, для облегченія памяти при заучиваніи чиселъ въ исторіи, статистикѣ, законопядній, химіи и другихъ наукахъ. С. Петербургъ. Въ типографіи Праца, 1850. — Въ 12-ю долю, 122 стр.

Есть книги чисто-ученыя, которыя пишутся только для людей, занимающихся отдѣльно какою-нибудь отраслю человѣческихъ знаній. Есть учено-популярныя, гдѣ таинства науки передаются всему читающему и любознательному сословію, въ формахъ и выраженіяхъ, приспособленныхъ къ понятіямъ каждаго. Есть также книги учено-беллетрическія, гдѣ авторы говорятъ о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ, и которыя назначены только для того, чтобъ забавлять и занимать людей, ищущихъ развлеченія, а не полезныхъ свѣдѣній. Недавно, правда, вздумали и романы дѣлать *философическими* и даже *физиологическими*, но масса читателей, для которыхъ подобныя книги пишутся, вовсе не хлопочетъ о томъ, чтобъ отыскивать въ нихъ глубокія тайны новѣйшихъ Гегелей, и только не многіе адепты потирають руки отъ удовольствія, когда удается имъ прочитати повѣсть, въ которой есть *интересная для нихъ мысль*, а занимательности — ни искры. Есть потомъ книги *техническія* для ремеслъ, фабрикъ, промышленности, земледѣлія и торговли. Есть наконецъ *спекулативныя* книги, которыя пишутся только для того, чтобъ заглавиемъ приманить любопытныхъ и распродать изданіе. Этихъ книгъ, кажется, всего больше во всякой литературѣ. Въ заклю-

ченіе могли бы мы назвать еще разрядъ книгъ, которыя печатаются только для удовлетворенія авторскаго самолюбія. Видѣть свое имя въ печати такъ важно и пріятно для иныхъ, что они вовсе не думаютъ ни о продажѣ книгъ, ни объ удовольствіи читателей. Гордые слова: *anch' io son pittore!* мечтаются ихъ воображенію;—а до прочаго имъ и дѣла нѣтъ

На-дняхъ прочли мы новую русскую книгу подъ названіемъ *Мнемоника*—и задумались надъ нею: къ которому разряду ее причислить?—Слово *мнемоника*, по греческому своему происхожденію (наука памяти), имѣетъ ученую претензію. Это роль науки, неприятой еще въ число ни учебныхъ, ни ученыхъ предметовъ,—и какъ авторъ въ титулѣ же книги объясняетъ въ чемъ дѣло, говоря, что это наука для облегченія памяти при заучиваніи чиселъ въ исторіи, статистикѣ, законовѣдѣніи, химіи и другихъ наукахъ,—то мы чрезвычайно благодарны ему за это опредѣленіе. Читатель тотчасъ видитъ, что ему предлагаютъ средство, чтобы затверживать числа.

На чтѣ это?—спросятъ, можетъ-быть, иные (и даже многіе). Если во вседневныхъ разговорахъ рѣчь дойдетъ до исторіи (а это не такъ часто случается),—то конечно очень пріятно удивить своихъ слушателей, сказавъ имъ, въ которомъ году, мѣсяцѣ и котораго числа случилось такое-то событіе. Но чтобы для этого сталъ кто-нибудь заниматься страннымъ переложеніемъ чиселъ въ буквы, дабы, затвердивъ ихъ, имѣть потомъ возможность блеснуть своею памятью въ кругу друзей, — едва ли это возможно и нужно!

Къ счастью, составитель книги (г. Чумиковъ) въ предисловіи отъ себя вполне объясняетъ и это недоумѣніе. Онъ воспитатель въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Ему попалась въ руки книга Реветлова о мнемоникѣ. Онъ почелъ обязанностію испытать (или, пожалуй, какъ авторъ выражается — *изпытать*, хотя это слово происходящее отъ *висти*, *извѣстіе* — и не выражаетъ *опыта*) на самомъ себѣ. Этотъ способъ облегченія памяти удовлетворилъ его. Онъ приложилъ его къ преподаванію исторіи,—и въ двѣнадцать уроковъ дошелъ до того, что ученики съ легкостію удерживали въ памяти важнѣйшія хронологическія числа изъ всей исторіи.

Теперь мы понимаемъ цѣль и пользу книги. Она составлена для школы, — и болѣе для наставниковъ, потому—что ученику некогда составлять таблицы мнемоники; у него, кромѣ исторіи, есть и другіе уроки, которые могутъ для будущаго обществен-

наго его поприща привести гораздо больше пользы, нежели изученіе цифръ хронологіи. — Очень жаль, что это предисловіе неизвѣстно тому, кто хочетъ купить книгу. Иной воображаетъ, что покупаетъ ученую книгу,—а получаетъ дѣтско-учебную.

Но какъ всё мы въ свое время учились *чему-нибудь и какъ-нибудь*—по словамъ Пушкина,—и какъ теперь наши дѣти пользуются благодѣтельнымъ образованіемъ подъ надзоромъ и пожеланіемъ мудраго Правительства, то всякая метода, могущая облегчить, ускорить срокъ ученическаго состоянія, должна быть пріятна и заслуживать особенное вниманіе каждаго. Въ этомъ-то отношеніи, почитаемъ мы обязанностію, не только въ подробности разобрать методу Реветлова, но и всё системы мнемоники.

Напрасно г. Чумиковъ въ предисловіи своемъ говоритъ, что онъ ненамѣренъ доказывать пользы и возможности мнемоники, потому-что кто сомнѣвается въ нихъ, того нельзя убѣдить словами. Это вступленіе несправедливо. Тѣмъ-то именно людямъ и надобно доказывать, кто сомнѣвается.—Доказательства, убѣжденія тутъ тѣмъ нужнѣе, что самъ авторъ полагаетъ нужнымъ доказывать *возможность* той науки, о которой намѣренъ разсуждать.

Съ нашей стороны, взявшись за разборъ системы Реветлова и самой мнемоники, мы хотимъ обратиться прежде къ источнику, и въ *науку о памяти* разсмотрѣть во-первыхъ: чтѣ такое *память*?

Греческая мифологія говоритъ, что *музы* были дочери *Мнемозины*. Въ простонародномъ языкѣ это значитъ, что всё *науки* обязаны своимъ происхожденіемъ *памяти*. Это глубокомысленное опредѣленіе обнаруживаетъ, что безъ памяти не было бы образованія и высокаго значенія слова *человѣкъ*. На памяти основаны, слѣдственно, важныя наши преимущества. Посредствомъ пяти чувствъ получаемъ мы наши впечатлѣнія; посредствомъ понятія составляемъ себѣ идеи; посредствомъ разсудка обсужаемъ всё мысли и предметы; посредствомъ воли рѣшаемъ на дѣйствія. Впечатлѣнія наши соединяются между собою, идеи совокупаются, сужденія составляютъ безпрерывную цѣпь, дѣйствія воли слѣдуютъ постепенно одно за другимъ. Впечатлѣніе каждой минуты не только возбуждаетъ сходственный съ нимъ прежнія впечатлѣнія, одна идея напоминаетъ другую, сходную съ нею, одно сужденіе приводитъ на память

другое, одно дѣйствіе воли побуждаетъ къ такимъ же ; но понятіе о какомъ-нибудь предметѣ приводитъ насъ къ понятіямъ о другомъ, и заставляетъ насъ пройти цѣлый рядъ идей, которыя, по видимому, не имѣли никакой предварительной связи. Эта отвлеченность, эта аналогія, существующая между одинаковыми или разными способностями души, — составляетъ то, что мы называемъ *памятью*. Источникъ ея состоитъ въ тѣхъ впечатлѣніяхъ, или понятіяхъ, которыя, по сущности вещей, или идей, имѣютъ между собою сходство. Уму могутъ представиться вдругъ двѣ идеи, какъ взору два предмета, — и понятіе наше тотчасъ же соображаетъ ихъ сходство. Представится третья идея, или предметъ, — и мы составляемъ новую связь съ прежними. Эта послѣдовательность соотношеній и сходствъ производится — то воображеніемъ, то простыми чувствами, смотря по тому: сложный ли предметъ, или простой. Но какимъ бы образомъ это не совершалось, соотношеніе идей уже остается въ умѣ, и какъ скоро возобновится впечатлѣніе объ одной, то необходимо возбудится воспоминаніе о другой. Эта другая побуждаетъ третью, третья четвертую, — и такъ далѣе. Слѣдственно, нравственные причины памяти основаны на правилахъ, по которымъ составляется соотношеніе нашихъ, идей, — а отсюда уже протекаетъ познаніе и опытность въ отношеніи всѣхъ внѣшнихъ предметовъ, самосознаніе въ нашихъ мысляхъ и дѣйствіяхъ, единство и соотношеніе нашего физическаго существованія съ моральнымъ.

Платонъ полагалъ, что физическая причина памяти состоитъ въ мозговомъ веществѣ, которое онъ сравниваетъ съ мягкимъ воскомъ, легко воспринимающимъ и сохраняющимъ впечатлѣнія.

Декартъ, Мальбраншъ и Локкъ утверждали, что память зависитъ отъ слѣдовъ, оставаемыхъ въ мозговыхъ органахъ живящимъ началомъ, животнымъ духомъ (*esprits animaux*), пребывающимъ, по ихъ мнѣнію, въ крови.

Новѣйшіе физиологи полагаютъ, что въ отдѣльной части мозга, гдѣ находится пребываніе памяти, есть тысячи самыхъ мелкихъ нервъ, которыхъ потрясеніе, какъ фортепьянныхъ клавишъ, заставляетъ отъ одной сообщаться всѣмъ другимъ, находящимся въ соотношеніи.

Всѣ эти опредѣленія и объясненія не что иное, какъ гипотезы. Опытъ доказываетъ, что качество памяти зависитъ отъ качества органа и что дѣйствія производятся посредствомъ

нервъ. Когда мы въ первый разъ получаемъ какое-нибудь впечатлѣніе, или идею, то видимъ тотъ предметъ, который ихъ производитъ. Но когда *вспоминаемъ*, то предметъ уже въ отсутствіи. Слѣдственно, чтобы какое-нибудь воспоминаніе было возможно, надобно, чтобы предварительно умъ получилъ идею о предметѣ. Потомъ надобно, чтобы эта идея была не всегда присутствующею въ умѣ, а нѣсколько времени отсутствующею. Тогда, при дѣйствіи воли, память обнаруживаетъ идею, первоначально полученную и потомъ забытую.

Большая часть философовъ отыскивала рѣшенія двухъ вопросовъ: 1-е что дѣлается съ приобретеннымъ познаніемъ, или идеею, когда ихъ забудешь, — и 2-е какимъ именно образомъ совершается механизмъ воспоминанія? — Первый вопросъ слишкомъ страненъ по своей утонченности (*Spitzfindigkeit*). Не то ли же самое, если бы спросили: что дѣлается со звукомъ, когда перестаютъ ударять въ клавишу и откуда онъ опять является, когда бьютъ по струнѣ.

По второму же вопросу философы Шотландской школы отличаютъ слѣдующее: «Если мы въ данную минуту вспоминаемъ себѣ такую-то идею, а не другую, — то это не дѣло случая: есть причина, есть опредѣлительное обстоятельство, которыя заставляютъ эту идею являться преимущественнѣе противу прочихъ. Часто, посредствомъ способности сужденія, мы замѣчаемъ нѣкоторое сходство между идеею, которую вдругъ вспомнили, и тою, которою мы умственно занимались въ ту минуту. Слѣдственно, идея, возобновленная воспоминаніемъ въ данное время, не кака-нибудь неопредѣленная, а сходная съ тою, которая занимаетъ насъ въ настоящее время. То есть, причина воспоминанія основана на соотношеніи идей. Мы не всегда понимаемъ это соотношеніе. — но оно существуетъ. Безъ способности соединять наши идеи одну съ другою — не существовало бы и *памяти*. Самое составленіе этой связи — есть дѣло памяти, — а не впечатлѣній. — Физиологическія же условия памяти, вѣроятно, основаны на дѣятельности нервной системы въ мозговыхъ частяхъ.

Относительная память къ каждому изъ нашихъ пяти чувствъ весьма разнообразна. Воспоминанія о звукахъ самая памятливая для насъ. Посредствомъ этой способности воспоминанія дѣти учатся говорить, — и голосъ передаетъ всѣ звуки инструментамъ. Животныя, лишеныя дара слова, имѣютъ весьма ограниченную память. Впрочемъ, живость и вѣрность воспоминаній

часто зависят отъ особеннаго нашего вниманія и пристрастія къ нѣмымъ предметамъ и идеямъ.

Различное происхожденіе нашихъ идей производить и различное отправленіе въ способностяхъ *памяти*. Во-первыхъ, мы замѣчаемъ, что воспоминанія наши бываютъ страдательны (пассивны), а иногда дѣйствительны (активны), смотря по самосознанію идей, или безотчетности ихъ.

Страдательная или отрицательная память происходитъ отъ внезапныхъ соотношеній, неволью образующихся между нашими чувствами. Этотъ родъ памяти имѣютъ и животныя. Дѣйствительная или положительная память—относится къ внѣшнему міру и къ предметамъ, соображаемымъ нашими идеями.

Еще лучшее и дѣлвѣйшее подраздѣленіе памяти можно слѣдовать слѣдующее: одну, по предметамъ, подлежащимъ нашимъ чувствамъ, назовемъ: *мѣстной памятью чувствъ*, а другую, относящуюся къ общимъ и отвлеченнымъ нашимъ идеямъ, — *памятью разсудка*.

Первая изъ нихъ преобладаетъ въ челоуѣкѣ во-время его дѣтства и юныхъ лѣтъ, и основана на различномъ сочетаніи чувственныхъ идей времени, мѣста, послѣдовательности дѣйствій, сходствъ, симметріи, соотношеній, порядка, распредѣленія и т. п.

Вторая принадлежитъ зрѣлому возрасту, и объемлетъ уже идеи, основанныя не на чувствахъ, а на соотношеніяхъ, которыми глубоко проникнуты наши идеи и которыя составляютъ между ними существенную связь.

Мѣстная память передаетъ воспоминанію предметы съ естественными или искусственными ихъ соотношеніями, въ томъ видѣ, какъ получила ихъ, то есть почти также, какъ зеркало передаетъ отражаемый предметъ. При этомъ вообще замѣчено, что результатъ этихъ воспоминаній составляетъ только изъ матеріаловъ смѣшанныхъ, безъ связи и полезнаго примѣненія, — и что тѣ, которые въ особенности одарены этимъ родомъ памяти, вообще очень мало имѣютъ умственныхъ способностей. Гельвеційскаго сказыль, что память болѣе вредна, нежели полезна уму. — Но это можно отнести только къ мѣстной памяти молодыхъ лѣтъ. Та же память, которая воспроизводитъ обработанныя и обдуманная идеи, составляетъ самую счастливую способность ума, обнаруживающую большую интеллектуальную силу.

Главные качества памяти — обширность, вѣрность, точность и быстрота. Способъ къ пріобрѣтенію этихъ качествъ всегда сообразенъ съ идеями и впечатлѣніями, которыя надобно вспоминать. Музыкантъ, поэтъ, физикъ, философъ, натуралистъ, историкъ, — должны почерпать свои справки изъ внѣшняго міра — *и мѣстная память* имъ необходима. Но какъ послѣ этихъ мѣстныхъ справокъ нужно имъ производить сужденія, принадлежащія къ внутреннему и отвлеченному міру, — и какъ произведенія ихъ обсужденія наиболѣе зависятъ отъ формы, придаваемой предметамъ впечатлѣніями и воображеніемъ, — то мѣстная память и должна у нихъ повиноваться умственной, — и обширность первой будетъ имѣть только ту цѣну, какую ей придастъ вторая.

Свойства первой (мѣстной) памяти послужили къ изобрѣтенію мнимои науки *мнемоники* или *искусственной памяти*, которая воспроизводитъ воспоминаніе мѣстъ, предметовъ, именъ, текстовъ, событій, фразъ — посредствомъ звуковъ, цвѣтовъ, изображеній, буквъ, стиховъ, знаковъ, рисунковъ и т. п. — Опытомъ признано, что эти средства очень полезны въ искусствахъ и естественныхъ наукахъ. Но въ отвлеченныхъ и глубокихъ наукахъ существующіе предметы и факты подчиняются произведеніямъ мышленія и общихъ идей, и здѣсь мнемоника не только не помогаетъ памяти, но еще мѣшаетъ ей ложными сходствами. Тутъ память укрѣпляется порядкомъ, расположеніемъ и формою, которыя мы даемъ умственному нашему труду; только ими сохраняется прочное воспоминаніе нашихъ обдуманыхъ идей. И потому, въ наукахъ и во всѣхъ умственныхъ трудахъ нужнѣе всего составлять записки, экстракты, отмѣтки, разборы, заключенія.

Слѣдственно, если нужно, съ одной стороны, въ молодыхъ лѣтахъ развивать способности памяти, то польза умственныхъ способностей требуетъ, чтобы не усиливать и не утомлять ея дѣйствій, а сохранять въ естественномъ положеніи, иначе можно ослабить ее и даже вовсе *уничтожить*.

Какъ не вспомнить при этомъ опредѣленія памяти одного стариннаго русскаго писателя, Нахимова, котораго имя такъ мало извѣстно, но котораго дарованіе видно въ каждой строчкѣ оставленныхъ имъ сочиненій:

«Память возобновляетъ въ душѣ нашей предметы, когда-либо на чувства наши дѣйствовавшіе. Память творитъ прошедшее настоящимъ, предметъ отдаленный — присутствующимъ. Мозгъ

нашъ, имѣя сообщеніе съ органами чувствъ, приводится во время дѣйствія на нихъ какого-либо предмета въ нѣкоторое опредѣленное сотрясеніе. Въ такое же точно состояніе можетъ опъ приходиться и послѣ, побуждаемый дѣйствіемъ одной воли. Пребываніе памяти въ мозгу доказывается тѣмъ, что малѣйшее въ немъ поврежденіе ослабляетъ ее, а иногда и совсѣмъ уничтожаетъ, между-тѣмъ какъ самое лишеніе другихъ частей тѣла не препятствуетъ ея дѣйствіямъ. Спросить: гдѣ же понятія наши, когда мы ими не занимаемся? Ихъ нѣтъ нигдѣ, какъ звуковъ голоса нашего, когда мы молчимъ.»

Вотъ главныя опредѣленія физиологической нашей способности, называемой памятью, и мнимой науки, названной *мнемонию* или *мнемотехникою*. Мы сообщили все нужное о первой, примемъ за обзоръ второй.

Цицеронъ и Квинтиліанъ приписываютъ изобрѣтеніе мнемоники Симоиду, жившему за 535 лѣтъ до Р. Х. Метода ея состояла (какъ и всѣ послѣдующія) въ сочетаніи идей, — то-есть: чтобы отвѣченныя идеи, которыя трудно удержать, воспроизводимы были въ памяти посредствомъ всеневныхъ предметовъ, видимыхъ глазами, какъ-то: дома, публичнаго зданія, улицы, картины. Эта система, называемая *топологическою*, составляетъ основу всѣхъ системъ, какія съ тѣхъ-поръ выдуманы, чтобъ облегчить дѣйствіе памяти, давъ ей опредѣленныя основанія.

Школа Пифагора почитала *мнемонику* необходимою частію воспитанія. Аристотель написалъ спеціальную книгу о *мнемотехникѣ*, а во времена Цицерона нѣкто Метродатъ далъ этому искусству систематическую форму науки.

Схоластики составляли мнемотехническія таблицы, и книга Раймонда Люлля: *О великомъ искусствѣ* содержитъ въ себѣ синоптическія таблицы поэзіи и филологій.

Въ XVI столѣтіи, Сиръ Томасъ Бредвардейнъ, канцлеръ Оксфордскаго университета и духовникъ Эдуарда III, кажется, первый вздумалъ составить мнемотехническую систему, основанную на древнихъ правилахъ. Сочиненіе его *Ars memoratiae*, обнаруженное въ 1482 году, было источникомъ всѣхъ послѣдующихъ книгъ въ этомъ родѣ.

Падуанскій профессоръ каноническаго права Пьетро ди-Равенна напечаталъ въ 1491 году сочиненіе свое *Foenix*, гдѣ предлагалъ мнемотехническимъ средствомъ составить азбуку, въ ко-

торой, вмѣсто буквъ, служили бы прелестныя изображенія лицъ.

Congestorium artificiosae memoriae, сочиненіе Ромберга Киреа, жившаго около 1533 года, тоже основано на символикѣ. Одна изъ азбукъ его заимствована изъ частей человѣческаго тѣла. Голый человѣкъ — значить единственное число; одѣтый — множественное; голова — именительный падежъ; правая рука — родительный, лѣвая дательный, и т. д.

Вильгельмъ Гратороли возвратился, напротивъ того, къ топологической системѣ древнихъ въ сочиненіи своемъ: *Caste de memoriae*, изданномъ въ 1586 году.

Пять лѣтъ спустя Юрданъ Бруно издалъ во Франкфуртѣ: *De imaginum, signorum et idearum compositione*, метода котораго видна изъ названія книги.

Аббатъ Марфотти обнаружилъ въ 1602 году: *Ars memoriae*, въ которой скопировалъ систему Ромберга. Въ Неаполѣ, въ томъ же году, Баптиста Порта издалъ: *Ars reminiscendi*, гдѣ азбука состояла изъ разныхъ положеній тѣла.

Ламбертъ Шенкель въ 1610 издалъ *Gazophilacium artis memoriae*, по метода его такъ темна, что и теперь не могутъ ее понять. Говорятъ однакоже, что *Magazin des sciences, ou le vray art de memoire*, соч. Киро (изд. въ 1623 въ Парижѣ), — и Клюбера: *Compendium de Mnemonique* (1804) не что иное, какъ выписки изъ Шенкеля. Какъ бы то ни было, Шенкель подстрекалъ всѣхъ изобрѣтателей мнемотехническихъ системъ. Въ короткое время вышло *тринадцать* сочиненій по этому предмету. Но въ послѣднее время къ элементамъ тополоніи и символикѣ начали присоединять и цифры — и, кажется, Брей былъ первымъ, который употребилъ ихъ въ книгѣ *Memoria technica*, изданной въ Лондонѣ въ 1739 году, — и эта система вошла тогда въ общее употребленіе.

Въ нынѣшнемъ столѣтіи число книгъ, разумѣется, было гораздо многочисленнѣе, — и невозможно заняться разборомъ ихъ методъ. Назовемъ главныя: Грэфъ въ *Катехетическомъ магазинѣ* (1801), Кестнеръ въ *Мнемоникѣ* (1804), Аретинъ въ *Систематическомъ изученіи* (1810), Фейнегли въ *Новомъ искусствѣ памяти* (1812), Аббатъ Джизей въ *Мнемоникѣ* (1811), Эме-Парисъ: въ *Различныхъ началахъ и примыненіяхъ мнемотехники* (1833), и Михальскій въ *Материалахъ къ изученію исторіи по польской методѣ*, — старались вводить свои методы.

Въ списокъ этихъ сочинителей и сочиненій не назвали мы Карла Августа Дюшэ, который въ 1812 году издалъ маленькую книжку: *Die Kunst binnen wenig Tagen sehr auffallende und beinahe unbegreifliche Proben des stärksten Gedächtnisses ohne Anstrengung abzulegen* (искусство, какъ въ нѣсколько дней показать опыты удивительной и даже непостижимой памяти безъ всякихъ усилій). Называя себя ученикомъ перваго *изобрѣтателя* мнемоники барона Аретина, (а это уже первое несправедливо), онъ въ предисловіи рассказываетъ, что ѣздилъ по Европѣ и показывалъ вездѣ опыты своего искусства, о чемъ имѣеть и свидѣтельства — И какъ чтеніе Мурета воспламенило Ревертлова, и заставило его посвятить мнемоникѣ лучшіе годы своей жизни, — такъ и Дюшэ чтеніемъ Аретина сдѣлался ученикомъ его и послѣдователемъ; — еслибъ русскій прелагатель методы Ревертлова прочелъ эту брошюру, то, можетъ-быть, взялъ бы и ее себѣ въ образецъ.

О методѣ Дюшэ поговоримъ мы сейчасъ; но прежде всего должны указать, что лицо путешествующаго фокусника не внушило намъ нисколько уваженія къ самой наукѣ. Если *мнемоника* должна служить только для того, чтобъ развѣзжать какъ Сиверный Геркулесъ, какъ Индѣецъ, играющій пушечными ядрами, или какъ антрепренеръ ученыхъ блохъ, — то ужъ конечно никто не захочетъ, чтобъ подобный предметъ преподаванія вошелъ въ курсъ ученія дѣтей его. Фокусы съ картами, шариками, платками, основанные на скорости рукъ, также удивительны, — но, вѣрно, никто не подумаетъ учить имъ своихъ сыновей. Отвѣчать быстро на всякій вопросъ о хронологіи конечно дѣло рѣдкое, — но какую именно пользу приноситъ это человѣку, занимающемуся торговлею, службою, литературою, или чисто-учеными предметами? Никакой. Для справокъ — есть у него вѣрные печатные источники, на которые всегда можно болѣе положиться, нежели на упрямую иногда память, могущую ослабиться отъ лѣтъ и болѣзни.

Посмотримъ теперь его методу. Она основана на двухъ таблицахъ, раздѣленныхъ каждая на *сто* разгородокъ, съ двумя маленькими объяснительными при нихъ табличками. Тутъ можете вы размѣстить каждое имя и слово по начальнымъ буквамъ и соответствующимъ имъ цифрамъ, — и всегда имѣть при себѣ этотъ справочный лексиконъ. При себѣ же должно носить *мнемоническое кольцо*, которое тоже имѣеть *сто* отдѣловъ, соответственныхъ таблицамъ. — Какой бы вопросъ вамъ ни сдѣлалъ,

вы, взянувъ на кольцо, тотчасъ же знаете главныя черты событія, — и можете отвѣчать легко.

Все это дѣйствительно хорошо, и отвѣты ваши могутъ удивить слушателей. Но какое же въ этомъ искусство, — а еще меньше, какая наука?

Впрочемъ книга Дюшэ очень забавна. Въ ней много пресмѣшныхъ анекдотовъ, которыми онъ предлагаетъ занимать своихъ слушателей, и для всегласнаго воспоминанія о которыхъ служатъ ему кольцо и таблицы. Но въ этомъ ли польза мнемоники?

Сверхъ того изобрѣтатели мнемотехническихъ системъ очень странны со своими выдумками. Чтобъ вспомнить о чемъ-нибудь, они говорятъ, что надобно привести себѣ на память другое что-либо подобное, схожее. Такъ напримѣръ, чтобъ вспомнить о томъ, кто открылъ Америку? надобно припомнить городъ *Кольмаръ* и вспомнить *Колумба*. Нѣтъ, ужъ воля ваша, если кто забылъ Колумба, тому никакъ въ голову не придетъ и *Кольмаръ*.

Для подкрѣпленія необходимости въ мнемоникѣ, они твердятъ, что мы безпрестанно, если хотимъ припомнить себѣ что-нибудь, завязываемъ узелки на платкѣ, — и это простое средство помогаетъ памяти. Конечно. Но какъ часто оно и бесполезно! Понадѣясь на узелокъ, мы не дѣлаемъ усилій своей воли, чтобъ вспомнить то, что нужно, и забываемъ, не только для чего мы сдѣлали узелокъ, но и самой платокъ, на которомъ онъ завязанъ. При этомъ случаѣ припоминаемъ мы себѣ всегда одного Англичанина, которому при представленіи Севильскаго Царюльника такъ повралась арія: *una voce poco fa*, что онъ очень серьезно вынулъ платокъ и завязалъ себѣ узелокъ, чтобъ не забыть ее.

Но оставимъ методу Дюшэ, и перейдемъ къ системѣ Ревертлова. Мы сейчасъ сожалѣли, что русскому прелагателю не попала въ руки брошюрка Дюшэ; теперь серьезнѣе покажемъ, что у него не была въ виду нѣмецкая книга Эдуарда Пика *Mnemonic und ihre Anwendung auf das Studium der Geschichte* (печат. въ Винтертурѣ, 1848 года) потому-что цѣль автора таже самая, какъ и у г. Чумикова, и Пикъ также преподаватель исторіи.

Прежде всего обязаы мы привести мнѣніе Пика о сочиненіи Ревертлова:

«Въ 1843 году явилась въ Штутгардѣ книга, напечатанная въ типографіи Котта, подъ названіемъ *Lehrbuch der Mnemotechnik nach einem durchaus neuen auf das Positive aller Disciplinen anwendbare System*,

сочиненіе Карла Отто Ревентлова.—Къ сожалѣнію, долженъ я сказать, что не смотря на пышный титулъ книги, обещающей совершенно новую систему, въ ней вовсе нѣтъ ничего новаго и что все болѣею частію буквально переведено изъ Эме-Париса и Кастильо, — даже упреки его въ предисловіи тѣмъ людямъ, которымъ не понравится его мнемоника — неоригинальны, а взяты у Кастильо.»

Во-первыхъ Ревентловъ представляетъ исторію и критику всѣхъ извѣстныхъ системъ мнемотехники на 87 страницахъ. Тутъ, чтобъ дать понятіе о томъ, что авторъ разумѣетъ подъ словомъ критика, можемъ мы привести образчикъ его слога (на 32 стр.) «Аретинъ рассказываетъ намъ на каждомъ шагѣ о своей чреватости близнецами и тройнями.»

На страницѣ 36, по поводу книги Аретина говорить онъ: Мы часто упоминали объ этомъ сочиненіи, и по всей справедливости я могу назвать эту книгу драгоценною, потому-что чтеніе ея мнѣ стоило столько труда и потери времени, что я безъ непріятнаго чувства не могу вспомнить о ней.

Далѣе въ 4 параграфѣ, смѣшиваетъ онъ понятіе о словахъ: невольны и безсознательно.

Онъ хвалитъ Эме-Париса, но нигдѣ не говоритъ, что пользовался его книгою.

Послѣ исторіи мнемоники, начинается самая система сочинителя. Тутъ онъ рассказываетъ, что до 1841 года слѣдовалъ методамъ древнихъ, но въ этомъ году составилъ самъ свою систему, но слова не говоря о Эме-Парисѣ. Самое вступленіе начинается слѣдующимъ образомъ:

«Наша метода основывается на томъ началѣ, что человѣкъ легче и долѣе удерживаетъ то, что понимаетъ, что согласно съ его личнымъ взглядомъ на предметъ, что сдѣлалось его идеею и перешло въ сознаніе. Согласно этому началу, всѣ *отправленія памяти* сократятся и превратятся въ дѣйствія ума: какъ составлять отвѣченныя понятія, какъ размышлять, какъ совокуплять однородное съ разнороднымъ, соответственное съ противоположнымъ и т. д.»

Но кто стремится къ обработанію какой-нибудь отдѣльной душевной способности, долженъ бы былъ прежде самъ ясно понять качества этой способности. Ревентловъ же доказываетъ противное. Память есть душевное наше качество, воспроизводить безъ перемѣнъ идеи и предметы, которые прежде произ-

вели на насъ впечатлѣніе. Дѣйствіе ума, то есть мышленіе, можетъ сдѣлаться причиною, или поводомъ къ этому воспроизведенію, но причина эта не можетъ быть сокращена и превращена. Воспроизведеніе зависитъ не отъ свойствъ памяти, а отъ первоначальнаго воспріятія впечатлѣнія. Слѣдственно, корень всей задачи состоитъ въ томъ, чтобъ это воспріятіе превратить въ дѣйствіе мышленія. Вѣроятно, Ревентловъ тоже самое думаетъ, но онъ не такъ выразился. Мы это говоримъ потому, что вся его книга написана такъ неясно, что ее могутъ понять только тѣ, которые слушаютъ личныя его лекціи.

Превращеніе цифръ въ буквы взято изъ Эме-Париса и Кастильо. Только таблицы (schema) передѣланы соответственно свойству нѣмецкаго языка. Превращеніе именъ въ понятія взято тоже у Эме-Париса. Употребленіе методы въ хронологіи слово въ слово переведено изъ Эме-Париса. Примѣненіе къ статистикѣ и химіи тоже изъ того же автора.

Ревентловъ взялъ изъ книги Эме-Париса даже фокусы, только онъ не понималъ хорошенько того автора, съ котораго переводилъ. На страницѣ 498-й у Эме-Париса все это проще и вѣрнѣе. Кромѣ того въ книгѣ послѣдняго много хорошаго и полезнаго, чего Ревентловъ не сохранилъ.»

Мы видѣли мнѣніе Эдуарда Пика о книгѣ Ревентлова. Теперь вотъ еще и другая брошюра противъ него. Въ 1844 году вышла въ Котбусѣ книга подъ заглавіемъ: *Reventlow und die Mnemonik,—und die Mnemonik und die Schule von Carl Wilhelm Nauk*, съ эпиграфомъ: *ars non habet odorem nisi ignorantem*.

Въ ней строгая, но справедливая критика сочиненія Ревентлова, въ которой сказано, что онъ долженъ бы былъ назвать его: *изученіемъ мнемоники по системѣ Эме-Париса*. Послѣ этого, нѣмецкій критикъ приводитъ множество примѣровъ ошибокъ сдѣланныхъ Ревентловымъ, — которые мы почитаемъ излишнимъ повторять. — Но должны прибавить, что метода Пика кажется намъ удобнѣйшею для изученія исторіи, нежели Ревентлова, или лучше сказать Эме-Париса.

Впрочемъ, какъ никого нельзя винить за то, что онъ такую-то книгу читалъ, а такой-то не читалъ, — то мы вовсе ненамѣрены упрекать русскаго перелазгателя системы Ревентлова за то, что онъ выбралъ ее, а не Пика. Онъ съ величайшимъ трудолюбіемъ и добросовѣстностію исполнилъ обязанность, которую самъ на себя возложилъ изъ любви къ юнымъ питомцамъ своимъ, которымъ хотѣлъ доставить облегченіе въ изученіи исторіи.

Конечно, наше личное мнѣніе по этому предмету вовсе не въ пользу тѣхъ системъ, которые хотятъ изъ человѣческаго ума сдѣлать счетную машину, диво-автомата. Мы не оспариваемъ пользы знанія всѣхъ числъ хронологіи, но признаемъ, мы желали бы, чтобъ преподаваніе исторіи юношеству было не механическое, а интеллектуальное, то есть, чтобъ юноша понималъ нравственную цѣль исторіи; чтобъ съ малолѣтства учился любить добродѣтель и гнушаться порокомъ; чтобъ примѣры великихъ дѣлъ его одушевляли; чтобъ онъ вездѣ и во всѣ времена видѣлъ, что сохраненіе долга — есть первое условіе жизни, первая обязанность гражданина, — и что вѣра и преданность законнымъ властямъ составляютъ основу всей жизни. Однимъ словомъ, чтобъ ученіе исторіи сопровождалось нравственнымъ направленіемъ юношества, а не сухимъ, механическимъ вытверживаніемъ фактовъ и цифръ хронологіи.

Въ заключеніе, обязаны мы замѣтить, что въ примѣрахъ приложенія мнемоники къ хронологіи встрѣтились намъ нѣкоторые, надъ которыми мы невольно задумались.

— «Конецъ Пелопонезской войны. Спартанцы, побѣдивъ Афинянъ, скрыли стѣны въ Афинахъ *при кликахъ радости* всей Греціи.» Какъ? Неужели во всей Греціи не было никого, кто бы пожалѣлъ о паденіи Афинъ? Ужели не было ни одного союзнаго города, который бы оплакивалъ торжество Спарты? Ужели никто не зналъ, что жестокость Спартанъ хуже наглости Афинянъ? Какой греческій историкъ сказалъ объ этихъ мнимыхъ кликахъ радости?

— «Антоній и Октавій были равно *лакомы до власти*». Что за странное выраженіе!

— «При извѣстномъ появленіи креста въ сраженіи при Халкедонѣ, между Константиномъ и Лициніемъ, — сказано (на 88 стр.) *знакомъ* симъ побѣдишь.» Наши надписи при этомъ событіи гласятъ: *симъ побѣдиши*. Слова: *знакомъ* нѣтъ.

Хлодвигъ, (стр. 58) долженъ бы по-латинскому выговору называться *Клодовикомъ*.

«Сознавалъ ли Карлъ-Мартель всю важность услуги, которую тогда оказалъ Европѣ, *уломивъ* Аравитянъ?» Очень странная фраза.

— «Послѣ крещенія Ольги, Рускимъ легко было принять христіанскую вѣру, но они не воспользовались этимъ *удобствомъ*». Слово *удобство* — очень неудовлетворительно.

— «Ярославъ, изъ любви къ дѣтямъ, раздѣлялъ Русь». — Такъ

ли полно? Одна ли отцовская любовь создала удѣльную систему? Не было ли тутъ и государственной цѣли? Прочтя хоть одного Карамзина и мыслию перенесясь къ повѣркамъ и обычаямъ тѣхъ вѣковъ и народовъ, можно утвердительно сказать, что отцовская любовь играла въ этомъ событіи небольшую роль.

— «Покореніе Ирландіи Англіею въ 1172 году — было мнимое, на словахъ, а не на дѣлѣ: *façon de parler*». И по послѣдней французской фразѣ ученикъ долженъ вспомнить, что дѣло идетъ о независимости Ирландіи! Для русскаго преподаванія очень странный примѣръ.

— «Рудольфъ Габсбургскій *уломилъ* своевольныхъ рыцарей. Ученикъ по слову *уломилъ* долженъ вспомнить о Рудольфѣ, но у него уже было это слово, чтобъ вспомнить о Карлѣ-Мартелѣ.

— «Сицилійская вечерня. Напали на Французовъ въ располхъ, и предалъ ихъ жестокой смерти. *На войнѣ* позволяется хитрость.» Развѣ заговоръ Прочиды — былъ война? Развѣ война въ томъ состоятъ, чтобъ въ городѣ на безоружныхъ воиновъ измѣнически нападать? Несмѣшивайте въ исторіи словъ: *война* и заговоръ.

— «*Кальмарская Унія*». Кальмарскій сѣверный союзъ никогда такъ не назывался.

— «*Сверженіе иа Монгольскаго*. Наконецъ *лишились* нашихъ оковъ». Слово *лишились* тутъ вовсе не прилично. Она употребляется, когда кто потерялъ что-нибудь, чего ему жаль. Рускіе же не *лишились* оковъ, а свергнули ихъ.

— *Франсоа I*. Онъ вездѣ называется Францискъ. Да и слово *пробовалъ* завоевать Италію — какъ-то странно.

— «Испанскій флотъ *повывелся* совсѣмъ». Чтѣ за слово *повывелся*!

— «Генрихъ IV *повидалъ*, что будетъ жить для счастья народа». Вѣрно *объявилъ*.

— «Лудовикъ XIV. Такое могущество безпримѣрно во французской исторіи». Надобно было бы прибавить слово *до тѣхъ поръ*, потому-что при Наполеонѣ Франція была сильнѣе.

— Петръ Великій — *отвадилъ* Рускихъ отъ старинныхъ обычаевъ. *Отвадилъ*!!

— «Наполеонъ съмляется на островъ Св. Елены, и находится тамъ въ рабствѣ у Англичанъ». Въ плъну, пожалуй, — но не въ рабствѣ?...

Вотъ все, что мы нашли нужнымъ сказать о книгѣ «Мнемоника по методу Ревентлова.»

Календарь на 1850 годъ. Спб. 228 стр., съ портретомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Александры Иосифовны, и картою о взаимномъ разстояніи между городами въ Россіи. Ц. 65 к.

Любопытно было бы узнать, сколько экземпляровъ *Календаря* ежегодно печатается и расходится въ Россіи. Во всякомъ случаѣ, вѣроятно, больше, чѣмъ всѣхъ остальныхъ произведеній нашей литературы, ваятыхъ вмѣстѣ. Кто не читаетъ календаря, или правильнѣе, кто читаетъ его? А между тѣмъ врядъ ли найдется на Руси сколько-нибудь грамотный человѣкъ, у котораго не было бы этой книги, съ которою онъ когда бынибудь не справлялся, въ которую онъ чего-бынибудь не вносилъ и не записывалъ. Посмотрите, какое множество этого рода изданій расходится во всей Европѣ, у всѣхъ народовъ. Очевидно, что нашего календаря должно расходиться гораздо больше, чѣмъ каждаго изъ иностранныхъ изданій, потому-что онъ у насъ одинъ, если не считать Новороссійскаго и Кавказскаго Календарей, также весьма замѣчательныхъ, но специальныхъ и мало читаемыхъ за чертою тѣхъ странъ, гдѣ они издаются. У насъ для календаря, въ послѣднее время, утвердилась своя форма, и измѣненія въ немъ заключаются преимущественно въ прибавленіи общепользныхъ статей по разнымъ предметамъ, статистическихъ данныхъ и т. п. Мы вмѣемъ привычку сберегать календари прошедшихъ годовъ, потому-что черезъ нѣсколько лѣтъ это будетъ самый любопытный матеріалъ для сравнительныхъ выводовъ и фактовъ статистики, науки, говорящей цифрами краснорѣчивѣе, чѣмъ словами. Даже сравнивая итоги этихъ цифръ не болѣе, какъ между двумя послѣдними годами, можно получить любопытные выводы. Мы такъ и сдѣлаемъ это, чтобы видѣть, какой былъ результатъ прошедшаго года въ сравненіи съ его предшественникомъ.

Прежде всего, при взглядѣ на обертку, мы видимъ разницу

между Календаремъ на 1849 и 1850 годъ. Въ 1849 году онъ назывался *Мыслицословомъ*, въ нынѣшнемъ *Календаремъ*. Конечно *Мыслицословъ* болѣе русское слово, но за то *Календарь* общепотребительнѣе, также весьма обрусѣвшее и принимаемое только на русскомъ языкѣ въ этомъ значеніи. Потому, на первой страницѣ, въ числѣ планетъ мы находимъ новую, открытую 13 мая 1849 года, *Гигею*, между Палладою и Юпитеромъ. Далѣе, въ общей системѣ міра показаны всѣ астрономическія цифры этого новооткрытаго свѣтила: среднее разстояніе ея отъ солнца (3,2662), сидерическое обращеніе (2156, дней) долготы перигелія наклоненіе къ эклиптикѣ и проч. Итакъ, у насъ теперь *восемнадцать* планетъ, тогда какъ до 1845 года было только *семь*. Съ тѣхъ поръ, въ пять лѣтъ, открыто еще *одиннадцать*, болѣе чѣмъ по двѣ въ годъ. Если астрономія будетъ продолжать, впередъ также усердно заниматься отыскиваніемъ этихъ свѣтилъ, то число ихъ можетъ увеличиться до невѣроятнаго количества. Нельзя отвергать, по-крайней-мѣрѣ, возможности этого увеличенія. Давно ли число *семь* считалось непреложнымъ, окончательнымъ для планетъ? Куда дѣвалось теперь кабаллистическое значеніе этого числа, сравненіе планетъ съ семью цвѣтами призывы и семью основными тонами хроматической гаммы? Наука не знаетъ границъ, и геркулесовыхъ столбовъ для нее не существуетъ.

Въ началѣ Календаря помѣщены, по принятой формѣ, свѣтцы, небесныя явленія, росписанія праздниковъ, молебственные дни и проч. Здѣсь прибавленъ, противу прежняго года, особый отдѣлъ: *Таблица нѣкоторыхъ особыхъ церковныхъ обрядовъ и праздниковъ на 1850 годъ.* Послѣ астрономическихъ свѣдѣній прибавлена *Сравнительная таблица градусовъ Цельсія и Фаренгейтова термометра съ Реомюровымъ, и Перечень средней годовой и мѣсячной температуры.* Необходимость первой не такъ ощутительна, потому-что для этого существуютъ въ физикѣ очень легкія правила; но данныя *перечня* очень любопытны. Въ немъ выведены цифры средней температуры съ 1806 года по 1845. Въ общей пятилѣтней сложности холоднѣе всего было время перваго пятилѣтія (отъ 1806 до 1810 года) а именно +2,06; теплѣе отъ 1815 до 1820 г. +3,42. Послѣднее пятилѣтіе отъ 1840 до 1845 +3,08. Средняя температура за всѣ эти 40 лѣтъ будетъ +2,81. Самое большее число градусовъ въ Петербургѣ въ эти сорокъ лѣтъ было только +16,6 (въ іюлѣ 1814 и 1826 года), самое меньшее — 17,1 (въ январѣ 1814 же

года). *Извѣстіе о вскрытіи Невы и покрытіи ея льдомъ*—составлено въ Календарѣ 1850 года полнѣе и подробнѣе прежнихъ лѣтъ, съ 1718 по 1849 годъ; за то въ немъ выпущены слѣдовавшія за тѣмъ метеорологическія наблюденія о высотѣ барометра, упругости паровъ и количествѣ выпавшаго дождя и снѣга. Въ *Россіанціи* городовъ и мѣстечекъ Россіи, прибавлена весьма важная статья о числѣ жителей по этимъ городамъ въ 1841 году. Больше всего жителей, разумѣется, въ Петербургѣ 470,202; меньше всего въ Верхоянскѣ, городѣ Якутской области.—93 человекъ. Впрочемъ нѣсколько страницъ далѣе, въ *Таблицѣ главныхъ европейскихъ городовъ*, число жителей въ Петербургѣ показано по счисленію 1848 года 478,437. Больше его имѣютъ въ Европѣ жителей только Лондонъ — 2,307,500 (почти въ *платеро* больше) и Парижъ — 1,054,000 (въ $2\frac{1}{2}$ раза). Въ 1848 году въ Петербургѣ родилось 14,529 человекъ, умерло 31,727; вообще родилось въ Россіи:—2,710,729; умерло—2,172,477. (Въ 1846 родилось 2,301,886, умерло—1,744,138). Слѣдовательно, въ 1847 году родилось болѣе и умерло менѣе. Изъ вѣдомости о числѣ заведеній и лицъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія узнаемъ, что въ Россіи, въ 1848 году, университетовъ,—6, одно педагогическое заведеніе, 3 лиція, 79 гимназій, всего съ приходскими, уѣздными училищами и пансіонами—2,190 заведеній, въ которыхъ учащихся — 7,129 человекъ, учащихся — 115,523. Сверхъ того присоединена къ Календарю на нынѣшній годъ таблица духовно-учебныхъ заведеній въ Россіи, (которыхъ числомъ 418; учащихся въ нихъ 1953 человекъ, учащихся — 60,938) и извѣстіе о православныхъ епархіяхъ, церквахъ и духовенствѣ за 1847 годъ. Монастырей въ Россіи—578. Церквей и соборовъ, 35,296, монастырскихъ 17,031 благаго духовенства—10,479. Въ 1847 году присоединились къ православію — 70,134 человекъ.—Золота добыто въ Россіи въ 1848 году 1768 пудовъ 19 фунтовъ 2 золотника съ долями; платины 2 пуда 1 фунтъ; серебра 1,135 пудовъ 35 фунтовъ. Во вновь помѣщенной таблицѣ о количествѣ лигатурнаго золота, добытаго въ Россіи въ 26 лѣтъ (съ 1823 по 1848 годъ) показано 16,739 пуд. 12 фунт. 82 золотника съ долями—количество огромное! Между таблицами мѣръ, вѣсовъ и монетъ не показаны въ новомъ Календарѣ таблицы переложенія серебра на ассигнаціи и обратно. Въ родословномъ показаніи иностранныхъ владѣтельныхъ государей, (названномъ въ новомъ Календарѣ: генеалогіей) помѣщены слѣдующія особы владѣтельныхъ фамилій.

Австрійскій императорскій домъ въ настоящее время состоитъ

изъ 34 особъ, Баварскій изъ 30, Баденскій изъ 22, Бельгійскій, 5, Бразильскій 8, Великобританскій 14, Виртембергскій 41, Ганноверскій 5, Греческій 2, Датскій 11, Испанскій 21, Моденскій 7, Неаполитанскій 21, Нидерландскій 10, Пармскій 7, Португальскій 14, Прусскій 27, Саксонскій (съ Герцогствами) изъ 62, Сардинскій 9, Тосканскій 11, Турецкій 5, Французскій: Бурбонская линія изъ 5, Орлеанская изъ 23, Швеція 8, изъ мелкихъ германскихъ владѣній, въ Ангальтскихъ Герцогствахъ особъ владѣтельныхъ и княжескихъ фамилій 16, въ Брауншвейгскомъ 2, въ Княжествѣ Вальдекъ 14, въ Гессенскихъ Герцогствахъ 38, въ Гогенцоллернскихъ 14, Гольштейнскихъ 15, Липпе 24, Лихтенштейнъ 20, Мекленбургскихъ 14, Нассау 9, Рейссъ 16, Шварцбургскихъ 19, всего въ Европѣ (включая сюда и Бразилію) 600 владѣтельныхъ особъ и княжескихъ фамилій (кромя Папы) въ 53 государствахъ. Изъ 53 владѣтельныхъ особъ въ Европѣ 15 холосты и вдовы. Длиннѣе всѣхъ имя у сына Португальской Королевы: Донъ Педро д'Алькантара Маріо Фернандо Мигуель Рафаель Габріель Гонзага Ксавіеръ Іоао Антоніо Леопольдо Викторъ Франциско д'Ассизъ Іюліо Амеліо Саксень Кобургъ Гота де Браганца Бурбонъ; изъ женщинъ у дочери Герцога Монпансьерскаго и Испанской Инфантинны: Марія Изабелла Франциска де Ассизъ Антонія Луиза Фернанда Христина Амалия Филиппа Аделаида Іозефа Елена Эрикета Каролина Юста Руфина Гаспара Мельхіора Бальтазара Матеа. Вновь помѣщены въ Календарѣ 1850 года Императоръ Китайскій Минъ-Нанъ, имя, данное при рожденіи, (Дао-Гуанъ, имя царствованія), царствующій съ 1820 года, и Персидскій Шахъ Насръ-Эддинъ, родившійся въ 1830 году, царствующій съ 1848 года.

Въ новомъ Календарѣ, послѣ хронологическаго очерка достопамятныхъ событій, исключены также двѣ статьи, помѣщенные въ прошлогоднемъ: исчисленіе важнѣйшихъ Высочайшихъ указовъ, изданныхъ въ теченіе года, и перечень выданныхъ и встекшихъ привилегій; за то къ таблицѣ о гербовой бумагѣ прибавлено объясненіе объ употребленіи ея. Потомъ выпущены также: извѣстія о Домѣ для воспитанія бѣдныхъ дѣтей, о холѣ холеры въ Россіи въ 1847 году и о формѣ одежды для военныхъ. Наконецъ, послѣ почтовыхъ постановленій помѣщены вновь въ концѣ Календаря на 1850 годъ: 1) Свѣдѣніе о публичныхъ библіотекахъ, музеяхъ и другихъ примѣчательныхъ мѣстахъ Петербурга, всего числомъ 13. 2) Таблица городскимъ и загороднымъ способамъ общественной ѣзды. Изъ нея видно,

что въ настоящее время ходят у насъ 7 городскихъ каретъ, 11 загородныхъ, лѣтомъ, въ разныя окрестности Петербурга, и 5 парашодовъ (Невскіе, Кронштадтскіе, Петергофскіе, Шлиссельбургскіе и Сергіевскіе). 3) Выписка изъ отчета Полиціи о народонаселеніи въ Петербургѣ въ 1848 году. Въ числѣ 478,437 человекъ находится 2,663 духовныхъ (обоего пола); военныхъ благороднаго званія 5,634 и статскихъ, гражданскаго вѣдомства 20,507; дворянъ отставныхъ 15,209; неимѣющихъ чиновъ 2,595; медиковъ 470; повивальныхъ бабокъ 252; зубныхъ врачей 24. Въ 1847 году было въ Петербургѣ 502, 962 человекъ жителей.

Изъ этого краткаго обзора нѣкоторыхъ статей Календаря 1850 года, которыхъ помѣщено всего 68, видно, сколько разнообразія заключается въ этихъ статьяхъ и какъ почти всѣ онѣ интересны. Предполагая въ нынѣшнемъ году представить въ отдѣлѣ *Критики и Библиографіи* хотя краткій обзоръ, но непременно всѣхъ книгъ, которыя выйдутъ въ Россіи въ теченіе 1850 года, мы не могли тѣмъ болѣе пропустить одной изъ важнѣйшихъ книгъ, которою открывается рядъ новогородныхъ изданій въ литературѣ.

СМѢСЬ.

НОВЫЙ ГОДЪ

У РАЗНЫХЪ НАРОДОВЪ.

Всѣ народы, сколько нибудь образованные, въ извѣстную эпоху своей исторіи, чувствуя необходимость въ измѣреніи времени, изобрѣтали раздѣленіе времени на годы, мѣсяцы, дни, часы, минуты и секунды. Но они дѣлили это каждый по своему. Съ сотворенія міра было и исчезло неисчислимое множество календарей, эръ, цикловъ, совершенно различныхъ. Новѣйшая Европа, за исключеніемъ Россіи и Греціи, постоянно вѣрныхъ старому стилю, — приняла календарь, называемый Григоріанскимъ, по имени изобрѣтателя его, Папы Григорія XIII. У насъ въ Россіи употребляется годъ Юліанскій, какъ употребляли его первые христіане. Юліанское лѣтосчисленіе изобрѣтено александринскимъ астрономомъ Созигеномъ, и установлено Юліемъ Кесаремъ, за 45 лѣтъ до Р. X. Къ намъ оно перешло изъ Греціи, вмѣстѣ съ вѣрою, хотя и до этой эпохи у Славянъ годъ дѣлился, подобно Римлянамъ, на 12 мѣсяцовъ, которые, согласно съ временными явленіями или дѣйствіями природы, назывались: январь — Просинець (по мнѣнію Карам-

зна отъ снѣвы неба, по мнѣнію Добровскаго, отъ глагола просить); февраль—Сѣчень (отъ слова сѣку, или въ смыслѣ жестокихъ морозовъ, которые еще бывають у насъ въ февралѣ, или Славяне что-нибудь сѣкли, рубили въ этотъ мѣсяць); мартъ—Сухій; апрѣль—Березозоль (по мнѣнію Карамзина отъ золь березовой, которую жгли Славяне для челока); май—Травный, июнь—Изокъ (по мнѣнію Карамзина и Калайдовича, такъ называлась у Славянъ кака-то пѣвчая птица); июль—Червень (не отъ красныхъ ли плодовъ или ягодъ? говоритъ Карамзинъ); августъ—Зоревъ (отъ зори или зорницы; сентябрь—Рюень (или реунъ, какъ толкують отъ рева звѣрей); октябрь—Листопадъ (этимологія этого слова очень понятна); ноябрь—Грудень (отъ грудь снѣга или мерзлой грязи); декабрь—Студеный (отъ стужа, голодь, морозъ). Эти древніе русскіе имена выписаны Карамзинымъ изъ Харатейнаго Евангелія 1114 года. Онѣ употреблялись всѣми племенами славянскими, съ нѣкоторою разностию по климатамъ (Исторія Госуд. Рос. Карамзина т. I. стр. 42, издание Эйнерлинга.) Не изслѣдуя, въ какой степени это справедливо, мы можемъ прибавить, что малѣйшій случай, малѣйшее обстоятельство, вовсе неизвѣстное лѣтописцамъ, раждаетъ иногда народное названіе, котораго никакая историческая ученость изъяснить не можетъ. Юліанскій годъ состоитъ изъ 365 солнечныхъ дней, 5 часовъ и 49 минутъ. Новый стиль отъ стараго съ 1582 по 1790 годъ разиствовалъ на 10 дней. Съ 1700 по 1800 годъ, новый стиль былъ впереди стараго 11 днями, съ 1800, 12-ью; съ 1900 года новый стиль будетъ впереди стараго 13 днями, и т. д.

Начало новаго года у разныхъ народовъ весьма неодинаково. У магометанъ новый годъ начинается со вступленіемъ солнца въ знакъ овна; у американскихъ Индѣйцевъ съ перваго новолунія весенняго равноденствія, у Абисинцевъ съ 26 августа, у древнихъ Мексиканцевъ съ нашего 23 февраля, съ первымъ появленіемъ травы и листьевъ; годъ ихъ состоялъ изъ восьмнадцати мѣсяцовъ, каждый въ двадцать дней; годъ Браминцевъ начинается съ апрѣльскаго новолунія. У Турковъ и Аравитянъ годъ начинается съ 16 іюля. До царствованія персидскаго шаха Джемшида или Персида, Персы начинали свой годъ подобно Халдеямъ и Египтянамъ, т. е. съ осенняго равноденствія, но этотъ государь повелѣлъ считать начало новаго года съ весенняго равноденствія, когда солнце вступаетъ въ знакъ овна, и когда Дремшидъ выгналъ въ Персеполь. Египтяне и Халдеи начинали свой годъ съ осенняго равноденствія. Духовный годъ

Иудеевъ установленъ по исходѣ изъ Египта, и начинался съ мѣсяца Нисана, нашего числа марта (Исх. 12—2), слѣдовательно, съ весенняго равноденствія; по этому году шли всѣ праздники и священныя времена. Гражданскій начинался съ мѣсяца *Тири*, съ 30 нашего августа. По этому году вели договоры, выборы властей, отправление годовъ субботняго и юбилейнаго. Каждый седьмой годъ былъ субботній, а седьмой субботній назывался юбилеемъ. Китайцы начинаютъ свой годъ съ перваго новолунія; этотъ день соотвѣтствуетъ нашему 1 февраля. Ихъ эра самая древнѣйшая изъ всѣхъ историческихъ. Китайскій годъ содержитъ въ себѣ 12 мѣсяцевъ двадцати-девяти и тридцати дневныхъ, а 13 мѣсяцъ прибавляется семь разъ въ продолженіе полныхъ 19 лѣтъ. Китайцы счетъ годамъ ведутъ по другой системѣ, которая довольно запутана, но употребляется и у насъ, въ Россіи, между Татарами и особенно у Калмыковъ и Бурятовъ. Они считаютъ годы циклами; каждый циклъ заключаетъ въ себѣ 60 лѣтъ. При означеніи времени событія, они, подобно древнимъ Грекамъ, считавшимъ сперва олимпиады а потомъ годы, считаютъ сначала циклъ, а потомъ уже годъ. Чтобы выразить нашъ 1850 годъ китайскимъ лѣтосчисленіемъ, надобно сказать: 75 цикла 47 годъ. Первый годъ перваго цикла соотвѣтствуетъ 2697 году до Р. Х.; второй циклъ перваго года 2637 и т. д.; 58 годъ 45 цикла соотвѣтствуетъ первому году христіанской эры. Ромулъ начиналъ годъ свой съ перваго марта, а Нума съ 1 января. Этотъ первый мѣсяцъ въ году названъ былъ именемъ мѣологическаго божества Януса, котораго Римляне почитали царемъ всей Италіи. Въ этотъ день сановники въ новой одеждѣ ходили жертвовать въ храмъ Юпитера, и подносили Янусу финики, фиги, молоко и плоды. Греки называли январь мѣсяць *Каселіономъ*. Римляне въ древности означали, для памяти, наступившій годъ вколочиваніемъ гвоздя въ стѣнѣ храма, и по числу гвоздей вели счетъ прошедшимъ годамъ.

У древнихъ Сиріянъ новый годъ начинался съ 1 октября. Афиняне считали съ солнцестоянія, Лакедемоняне и Дорійцы почти съ осенняго равноденствія, Фивяне съ перваго новолунія послѣ зимняго солнцестоянія. Такой счетъ велся у нихъ и во время владычества Римлянъ, до введенія христіанской вѣры. Кромѣ этого, Греки имѣли еще особенную систему лѣтосчисления относительно годовъ. Они считали года олимпиадами; каждая олимпиада заключала въ себѣ четыре годы, такъ, что для означенія времени событія, сперва надо назвать олимпиаду,

а потомъ годъ этой олимпиады. Первый годъ первой олимпиады начался 23 июля 776 года до Р. Х., потому-что тогда въ этотъ самый день открылись олимпійскія игры, повторявшіеся послѣ того чрезъ каждые четыре года. Первый годъ 194 олимпиады соответствуетъ первому году христіанской эры. Учрежденіе олимпійскихъ игръ теряется въ глубокой древности и сливается съ мифическими преданіями. Первоначально олимпиаду называли по имени атлета, одержавшаго побѣду, но съ теченіемъ времени стали давать олимпиадамъ имена замѣчательнѣйшихъ лицъ въ государствѣ: Аонины по имени архонта, Спарта—Эвора, Аргосъ—жрицы Юноны, Дельфы—Пиоии и проч.

Армяне празднуютъ первый день новаго года 11 августа юліанскаго стиля, а эру свою ведутъ не отъ Р. Х., какъ всѣ христіане, а съ 9 июля 532 года послѣ Р. Х., т. е. отъ отдѣленія армянской церкви отъ греческой, въ-слѣдствіе осужденія, произнесеннаго на нее Халкедонскимъ Соборомъ. Венеціане, Флорентинцы и Пизанцы начинали годъ съ веснянаго равноденствія, т. е. съ 1 марта. При короляхъ Меровингской династіи, французскій годъ начинался съ перваго марта; при короляхъ изъ дома Карловинговъ—съ праздника Рождества Христова; при Капетахъ съ праздника Воскресенія Христова. По повелѣнію французскаго короля Карла IX. 1564 гражданскій годъ начался съ 1 января. Эра Французской Республики началась съ 1792, 22 сентября новаго стиля; годъ этой эры дѣлился на 12 мѣсяцевъ, каждый мѣсяць на 3 декады по 10 дней. Названія мѣсяцевъ были даны сообразно съ характеромъ времени года. Они были слѣдующія: осень, отъ 22 сентября до 22 декабря: Вандемьеръ, Брюмеръ, Фримеръ; зима, отъ 22 декабря по 22 марта: Нивозъ, Вантозъ, Пловіозъ; весна, отъ 22 марта до 22 июня: Жерминаль, Флорсаль и Преріаль; лѣто, отъ 22 июня до 22 сентября: Мессидоръ, Термидоръ, Фруктидоръ. 10 дней декады назывались: примиди, дуолц, триди, кватриди и т. д. *. Въ 1805 году, декретомъ Наполеона, 5 сентября, это нововведеніе отмѣнено, и съ 1 января 1806 года введенъ прежній Григоріанскій гражданскій годъ, который употребляется тамъ до нынѣ, точно также, какъ и во всей западной Европѣ. Голландскіе и нѣмецкіе протестанты ввели новый стиль въ лѣтосчисленіе съ 1700 года, а Англичане съ 1752 года.

* 8 дней, недостававшихъ для полноты гражданскаго года, и черезъ четыре года повторяющійся высокосный день, подъ именемъ *Санкюлотиде*, вошли въ счисленіе времени въ качествѣ праздниковъ.

У насъ, въ Россіи, по мнѣнію нѣкоторыхъ хронологовъ, гражданскій годъ до 1348 года начинался съ веснянаго равноденствія, т. е. съ 1 марта; а съ этого времени до 1700 года съ сентября мѣсяца. Къ поборникамъ перваго мнѣнія принадлежатъ: Карамзинъ (Ист. Рос. т. I, ст. 81, 1830) М. П. Погодинъ и В. Д. Бѣляевъ, нынѣшній секретарь Общества Исторіи и древностей Россійскихъ; къ противникамъ П. В. Хавскій и др. Впрочемъ объ этомъ нерѣшенномъ вопросѣ продолжается между нашими изслѣдователями жаркій споръ. Г. Удольскій, по извѣщенію Москвитянина (см. № 3, 1849 г.) написалъ превосходное разсужденіе о хронологіи, по всѣмъ источникамъ греческимъ и русскимъ. М. П. Погодинъ также обѣщавъ обсудить этотъ вопросъ со всѣхъ сторонъ, и результаты напечатать въ 4 томѣ своихъ изслѣдованій.

Въ 1698 году въ послѣдній разъ праздновали въ Россіи новый годъ по прежнему старинному обычаю. Петръ Великій возсѣдалъ на тронѣ, предъ Успенскимъ Соборомъ, и по совершеніи всенародной церковной службы, принималъ поздравленія патріарха, вельможъ и чиновъ. Этого праздника уже не было въ 1699 году, а 19 декабря этого года объявленъ царскій указъ, коимъ повелѣно, по примѣру всѣхъ другихъ христіанскихъ государствъ, считать годы не отъ сотворенія міра, но отъ Рождества Христова, и съ окончаніемъ XVII столѣтія начинать, подобно другимъ народамъ, годъ съ 1 января.

Годомъ ранѣе другихъ европейскихъ государствъ, въ 1700 году, въ Москвѣ, привѣтствовали новый XVIII вѣкъ Русскій Царь и его подданные. Торжество началось въ полночь 1 января 1700 года. Объявлено было предварительно о празднованіи новаго года и новаго вѣка. Колоколъ Ивана Великаго возвѣстилъ начало всеобщаго бѣднія въ Успенскомъ Соборѣ. Служба отправлялась новолѣтнію. Стефанъ, Митрополитъ Рязанскій, поздравилъ Царя, присутствовавшаго въ Соборѣ, съ новымъ годомъ и сказалъ краснорѣчивую проповѣдь, въ которой доказывалъ необходимость перемѣны года и всю пользу его. Къ началу литургіи введены были въ Кремль полки, съ распущенными знаменами, барабаннымъ боемъ и музыкою; привезены пушки, и многолѣтіе, послѣ молебна, сопровождалось громкими выстрѣлами и колокольнымъ звономъ во всей Москвѣ. Духовенство, послы, бояре, военные и гражданскіе чиновники обѣдали у Царя, сидѣвшаго за столомъ со всѣмъ своимъ семействомъ. Гости явились также съ женами и дочерьми. Народъ пировалъ на площадяхъ и передъ дворцомъ, гдѣ выставили ему яствы, вино

и пиво. За царскимъ столомъ гремѣла музыка и пѣли патриаршіе пѣвчіе. Вечеромъ трое триумфальныхъ воротъ, главнѣйшія зданія, церкви, дома богачей и знатныхъ были освѣщены и убраны транспарантами, картинами, вѣтвями сосенъ и елокъ; загорѣлись фейерверки и циты въ разныхъ частяхъ города; всѣ дома освѣтились площадками; на площадяхъ зажгли смоляныя бочки. Въ Кремлѣ гремѣла непрерывная пушечная пальба. Царь объѣзжалъ главныя московскія улицы; поздравлялъ народъ съ новымъ годомъ, и возвратился во дворецъ, гдѣ гости съѣзжались уже на балъ и ужинъ, и пировали до утра.

А. Н.—ВЪ.

ПИСЬМА СЪ ДОРОГИ.

I.

..... Помнишь-ли хорошенькую залу въ заведеніи почтовыхъ каретъ, куда ты, человекъ дѣловой, забѣжалъ, въ одинъ ненастный вечеръ, минутъ на пять, позвать мнѣ на прощанье руку и напомнить о моемъ общаніи.—Я остался одинъ, среди чужихъ мнѣ людей. Душъ тридцать разнаго народа сидѣли кучками, по угламъ комнатъ. На всѣхъ лицахъ собравшихся скупо припоминалось многое изъ того, что передается близкимъ на долгую разлуку; у другихъ трудно сдерживалось то, что иногда неволью высказывается на прощанье. Изрѣдка прорывался веселый смѣхъ, но затихалъ не конченный, не переданный. Хотѣлось взглянуть въ личности, съ которыми сводилъ случай, но какъ-то трудно было сосредоточить на чемъ-нибудь мысль свою.

Сколько глубокихъ вздоховъ затаялось по угламъ высокихъ стѣнъ этой залы! Сколько выкатилось тутъ не подсмотрѣнныхъ, жгучихъ слезинокъ!

Глаза мои разсѣянно осматривали стѣны и дорожные костюмы. Не было воли сосредоточить на чемъ-нибудь вниманіе. Я какъ-то странно уходилъ весь въ себя. Давнишнія мои дѣла, горячія желанія сбывались. Вся Русь, весь свѣтъ, казалось, лежали передо мною. Я сказать не умѣю, какъ мнѣ хотѣлось вырваться изъ Петербурга. «Старья и Новья-деревни» присмотрѣлись!—Хотѣлось мнѣ видѣть живую деревню, мужика во всей смышленной наивности, со всѣмъ простомысліемъ его;

широкую косу, рубчатую-русую, вмѣсто сквозищихъ начосовъ à la brebis; пѣвучій, разухабистый пинокъ вмѣсто «заведенія» съ его «чаппи»; дорогу грязною, кочковатую; въѣзжіи, дикимъ гуломъ поющій лѣсъ, на погостѣ церкви, окатныя, неоглазныя стѣны, ниву свѣтлую и широкую, какъ весеннія воды.—А между тѣмъ мнѣ было немножко досадно на себя за то, что не было грустно.

Меня одно занимало: кого-то судьба посадить мнѣ въ сосѣди на эти три дня. Я началъ вглядываться въ окружавшія меня лица. Почти у самой двери сидѣла на кончикѣ стула дѣвушка лѣтъ восьмидцати. Одѣта она была, что называется, скромно,—но черные глаза, выбивавшіяся изъ-подъ шляпки мягкій локонъ, славно обутая ножка и что то мягкое, дѣтское въ взглядѣ и движеніяхъ ея было чудо какъ хорошо! Въ десять минутъ у меня уже готовъ былъ въ головѣ романъ—листа на три печатныхъ.

Я всталъ, чтобъ справиться по книгѣ. «Вѣрочка,—сказала, глупо бо вздохнуть, одна молодая дама съ томными глазами,—дай Амшкѣ сахару.»

«Предметъ» мой вынулъ изъ своего ридикюля кусокъ сахару и всунулъ его въ желтозубую пасть мохнатуму Амшкѣ.

Мой романъ кончился. При всякой уменьшительной кличкѣ, что-бы ни уменьшало ее,—прозвище ровно ничего не значить.

Между тѣмъ подали экипажи; всѣ засуетились, зацѣловались, наскоро допивали свой чай, захватывали пожитки въ мѣшки и мѣшочки возможныхъ видовъ, и дѣтвовъ и размѣчались по каретамъ. Въ своей я засталъ уже какого-то господина. Русые волосы, голубые глаза и что то лихое во всей натурѣ его обличало чисто славянскій типъ.—Тѣмъ не менѣе, по принятому обычаю, онъ обратился ко мнѣ съ рѣчью на французскомъ діалектѣ.—Замѣчено было гдѣ то, что между чужими людьми русскій человекъ вообще какъ то дичится и уходитъ въ себя. Это, можетъ-быть, и справедливо, но вѣрно то, что если мало-мальски вѣрять онъ своему превосходству въ какомъ бы то ни было отношеніи надъ человекомъ, съ которымъ сходитя глазъ на глазъ, то становится необыкновенно боѣе въ рѣчахъ, и рѣдко не выскажетъ съ перваго же разу чего-нибудь особенно задушевнаго, не откроетъ хоть половины своихъ тайнъ.— Не успѣвъ еще порядкомъ усесться и размѣститъ свою движимость, я уже зналъ, что товарищъ мой коренной Москвичъ, что гдѣ

бы ни былъ, онъ чувствуетъ по Москвѣ своего рода *postalgie*, что онъ не можетъ равнодушно слышать, когда заговорить о ней не Русскій, и пр. и пр.

— Вотъ и Сѣнная,—говорилъ мой спутникъ, смотря въ окно на хорошенькую дѣвочку, проѣжавшую мимо насъ, съ картошкой въ рукахъ, на чахлому ваныѣ. — Прощай Сѣнная! Прощай и ты, знаменитый Серапимъ, ты, зрѣвшій меня во всей красѣ, когда я былъ Москвичъ еще, весь Москвичъ, отъ надеждъ до кармана, когда Петербургъ зналъ меня только по адресному столу! И ты, Шестая-рота, гдѣ я разъ въ недѣлю выигрывалъ пяти-рублевую бумажку и пяти-дневную индигестію,—а за симъ и весь ты, Петербургъ—прощайте!—Онъ умолялъ и закурилъ сигару. Я задремалъ, и проснулся уже на станціи, когда перестало качивать меня, и отъ нечего дѣлать пошелъ въ гостиницу. Товарищъ мой сплѣлъ уже тамъ.—А, здравствуйте, продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ: что, вы спали?—Спалъ.—Младенецъ! заснуть на первой станціи, покидая *листа очарованья*. Вѣдь вы конечно любилъ?—Что такое?—Да предметъ своихъ страданій!—И не страдалъ я никогда, и предметъ, яначе объектъ, знаю только, какъ философскій терминъ.—Скромный, скромный субъектъ!—медленно говорилъ онъ, прихлебывая пуншъ. А *propos de bolles*.—не хотите ли пуншу?—Благодарю васъ, я пью только лафитъ.—Ну да! оно и естественно! Очевидно натурѣ некогда было еще выработаться. Впрочемъ опытному глазу видно, что ей не заглухнуть.—Я благодарилъ его, и приказалъ подать глинтвейну.—Но такъ или иначе, продолжалъ онъ: глинтвейнъ или пуншъ, а все-таки слѣдуетъ выпить. Поэтъ сказалъ: Чашъ наслажденій лови, лови! Не наспушите никогда у себя живыхъ стремленій сердца. Въ умѣнѣхъ ладить съ ними—только нашей жизни.—Вѣдь смотрите, вотъ уже кондукторъ и проситъ суетливый караванъ свой отправляться по мѣстамъ!—Ну, теперь вопросъ, сказалъ онъ, когда мы усялись въ каретѣ: что вы особенно замѣтили на первомъ привалѣ?—Да ничего особеннаго,—отвѣчалъ я.—Плохо! говорилъ онъ, качая головою: я имѣлъ право ожидать больше отъ васъ. Какъ было не замѣтить, наирямѣрь, что все эти господа начинали разговоры свои непременно по-французски, и что за первую же фразу, самъ зачинщикъ перехватывалъ на бойкую русскую рѣчь.—Но это такъ естественно, что по неволѣ не замѣтить,—отвѣчалъ я. Языкъ этотъ до того вошелъ въ общее употребленіе, что на немъ надежнѣе всего обратиться къ чело-

вѣку, если не знаешь, изъ какой стороны забѣжалъ онъ на встрѣчу тебѣ.

— Молодо! молодое!—проговорилъ онъ тѣмъ серьезнымъ тономъ, который казался особенно страшнымъ при неизмѣнной его насмѣшливой улыбкѣ. Но я вамъ скажу на этотъ счетъ другое. Знаете ли вы, что страсть къ французской фразѣ коренится именно въ баловствѣ человеческомъ. Да! О дѣлъ все мы говоримъ по-русски съ тѣми, кто понимаетъ насъ. Но «*je suis charmé... enchanté, je ne saurais exprimer*» и прочее, такъ и бѣгутъ съ языка техническимъ терминомъ. Каждый, изволите видѣть, хочеть показать, что и онъ тоже баловень на свѣтѣ, что и для него фантастическая мебель, безцѣлье, мажордомы и способность прожить безцѣльно вѣкъ свой—привычныя вещи. Что ты себѣ хочешь, а стремишься къ большому свѣту и разnochинецъ, и чиновникъ, не говоря уже объ ихъ женахъ и дочкахъ, у которыхъ потребность порядочности естественно развита еще болѣе.

— Такъ ли это! Не придаете ли вы слишкомъ много значенія вещи, повидному, безразличной?—Разсказывайте! Что есть, то не даромъ есть. Мое правило—обгляди, что бы ни кинулось на глаза тебѣ, обгляди его со всехъ боковъ, да еще загляни и въ середину. Попробуйте-ка вы заговорить гдѣ-нибудь на балѣ или въ маскарадѣ по-нѣмецки,—васъ примутъ за челоѣвка не вполне знакомаго съ приличіями. Обратитесь же съ возможно странной французской фразой къ любому юношѣ у Балабина или Палкина, и если онъ, т. е. не Палкинъ разумеется, не кинется къ вамъ весь раздѣвѣннѣй, это значить, что вы имѣете дѣло съ челоѣвкомъ особенно суровымъ, и даже, болѣе или менѣе, опаснымъ. А отчего это? Вы польстили ему, вы его приняли за *un drole comme il faut*.—Повѣрите ли, я держалъ однажды пари, что проѣду отъ Москвы до Петербурга безъ гроша въ карманѣ! Правда, дѣло было не совсѣмъ-то чисто: я рассчитывалъ по наведенію, а *posteriori*—но вольно же было не вѣрнѣт моему опытности!

— И вы выиграли ваше пари?—Еще бы! Нужно вамъ сказать, что я проигрываю только въ карты. Все дѣло въ томъ, что, выходя изъ кареты, я начиналъ папѣвать французскіе романы, и по особенному своему чутью, вѣрно угадывалъ, кого можно было задѣть улочкой. Мнѣ обязательно предлагали, цѣлые два дни, сигару, обѣдъ, чашку кофе, рюмку вина.... Я несколько смѣялся, подумывая впрочемъ: Э братъ! да ты, выжига порядочный, какъ видно!—Да,—продолжалъ онъ,—любить у насъ отмочить французскую фразу! Однажды на ба-

лъ, я самъ говорилъ барышнѣ, особенно любившей запускаться въ эмпирию, по неразумѣвшей ни крошки за предѣлами тихой мечты, говорилъ, разумеется съ приличною интонаціей: «Mais voyez vous, mademoiselle, Иванъ теля паса, Марія лёвъ тре, самъ панъ тре дю макитре а ла-макогонъ.» * Oui, oui monsieur! de tout mon coeur! — отвѣчала она съ чувствомъ. Зналъ я также одного молодого человѣка, просившаго при мнѣ двухъ дамъ, съ которыми отчаянно любезничалъ, сыграть какую-то штуку «à quatre maisons.» Въ другой разъ—это было уже у васъ въ Петербургѣ—человѣкъ, весьма добирающійся до почтенныхъ, говорилъ своему пріятелю: Ну да! ужъ это извѣстное дѣло, что вы большой меломанъ до хорошенькихъ женщинъ! — Да что это! Случись такъ, что и одно слово французское невѣдомо доброму человѣку, онъ, по-крайней-мѣрѣ, картавить вамъ станетъ на французскій ладъ, и добро бы еще на одно р, пѣтъ! какимъ-то особеннымъ образомъ скартавить онъ и на л и на м, а войдетъ въ ударъ человѣкъ—и всю россійскую азбуку скартавить.

— По видимому,—съ улыбкой сказалъ я,—вы хорошо знаете не одну большую дорогу?

— Знаю, отецъ мой, хорошо и проселки! Вы спросите меня, гдѣ не бывалъ я? Вездѣ перебивалъ!—Вы конечно служили?—Служилъ; а что?—Такъ я спросилъ.—Вотъ ужъ и не такъ! Я одному удивляюсь, какъ вы, вотъ уже другую станцію, держитесь съ этимъ вопросомъ. Собственно говоря, его мѣсто непосредственно за изліаніемъ интимныхъ убѣжденій о погодѣ. Знайте впрочемъ, что я не задумываюсь ни на одинъ вопросъ о своей личности. Скрытность въ этомъ случаѣ—вещь недостойная порядочнаго человѣка. Заѣхалъ въ болото—самъ виноватъ, а правду все-таки поставь къ отвѣту. Угодно вамъ знать житейскій мой списокъ? Извольте: Борисъ Сергѣевичъ Лихолетовъ; шляюсь по свѣту тридцать пять лѣтъ; родительскаго наслѣдства мало числится за мною; благопріобрѣтенію не обучался; книжную науку кончилъ кандидатомъ, служебную подпоручикомъ, житейскую—Богъ знаетъ еще какъ кончить придется; открытую войну велъ только съ судьбой; способенъ кое-къ-чему; стюю того, чтобъ порядкомъ выдрали уши; холостъ. Въ свою оче-

* Французская малороссійская фраза, которая собственно значитъ: Иванъ пасетъ теленка, Марія третъ лёвъ, а самъ баринъ растираетъ (табакъ) пестомъ въ ядовѣ.... «Самъ панъ тре» шуточно зовется табакъ домашняго приготовления. Здѣсь игра словъ.

редь,—продолжалъ онъ: я не спрошу васъ о кондуктѣ. Самъ вижу, что еще слѣтокъ, успѣлъ послужить, значитъ, только нѣкоторымъ пріятнымъ божествамъ изъ римской мифологіи. Зато вы скажете мнѣ, куда ѣдете.—Право, не знаю,—отвѣчалъ я. Видите ли, я тоже учился, года два, потомъ трудился надъ сладкою лѣвнью, но сами знаете, лѣвъ портить—стань кормить, и вотъ я ѣду посмотреть свою деревушку, да мимоходомъ заглянуть и по чужимъ угламъ, приглядѣться и къ городу, и къ селу, погулять и по желтымъ гостиницамъ, и по чернымъ избамъ, а затѣмъ, порѣшивъ съ молодою блажью, взяться путемъ за толковое дѣло, послужить — на сколько дала мнѣ доля и силы и умѣнья. — Т. е., сколько я могу сообразить изъ данныхъ, вы на дѣльный годъ хотите облечься въ блузу туриста. Жаль мнѣ васъ. Надобѣсть это вамъ, какъ горькая рѣдька, а сладости вкусите, какъ съ незрѣлой груши. Вы не бодритесь — я дѣло говорю. Самъ я протаскался не по одному тракту, не одинъ тарангасъ на постоялыхъ бросилъ.

— Кошку бьютъ, а невѣтки навѣтки даютъ, отвѣчалъ я. Вы меня запугать хотите, Борисъ Сергѣевичъ, — а знаете по-словину:—на крѣпкій сукъ точи топоръ, на брань умѣй держать отпоръ. — Что пугать! Я не отвожу васъ хочу, а подвести къ тому, что само набѣжитъ на васъ. Путешествіе, видите ли, вещь нѣсколько затруднительная. Вы, можете-быть, думаете, что стѣбитъ только надѣть пальто, взять сакъ съ бѣльемъ да книгой, а тамъ ужъ такъ и ждуть васъ роскошная природа, очаровательная незнакомка, разные этакіе эспрессоны и обержистъ, въ бѣлоснѣжномъ колпакѣ, съ готовой пулярой. Нѣтъ, отецъ мой! Въ одномъ углу дѣсу на пять-сотъ верстъ, а въ другомъ стени на тысячу. Незнакомка съ красными, какъ у гуся, пожкамъ, телятъ пасеть... — И пусть себѣ пасеть! Я никогда не могъ пяти строкъ прочитать у Дезульеръ...—А по части гастрономіи, — продолжалъ онъ, сего дня дадутъ вамъ квартиру кислаго молока, да квартиру квашеной капусты... И то не бѣда! — неррвалъ я, засмѣявшись,—въ рускомъ желудкѣ все преварится! — А завтра, — миску щей, да квасу жбанъ. Вышь, сколько душа проситъ, только поясъ подлаживай, а въ располску, извѣстное дѣло, корму вдвое идеть, вдвое стало быть и плата. Въ рабочій день вся деревня, съ разсвѣтомъ еще, валитъ на кормилницу—ниву.—Духъ радуется, какъ посмотритъ на село, широко раскинувшееся тесовой избюю, захватившее и рѣку и широкіе пруды,—да оно, изволите видѣть, не ждало дорогого гостя. У васъ потребность къ новымъ впе-

чашлѣннѣямъ, а у него вся скотина и днюетъ и покуетъ въ полѣ.

— Все это я знаю,—отвѣчалъ я,—иначе и быть не можетъ въ рабочую пору. Э, Борисъ Сергѣевичъ,—тотъ тужи, у кого ременьны гужи, а у пастъ лько да мочало—туды же помчало. Да и то сказать: вамъ встрѣтилось одно, а я встрѣчу другое. Я знаю, что не въ «Пассажъ» ѣду, и не жду на пути ни здобныхъ булочницъ, ни коместблей съ фонтанами. Сегодня голоденъ, завтра лучше поѣмъ. Устану до немочи — выплосю на здоровье. Не все же по два горошка на ложку. А на Руси нашей святой столько умнаго, здороваго, свѣжаго, что авось, съ Божьимъ благословеніемъ да доброю волею, набреду и я на что-нибудь путное. Будетъ козакъ гладокъ, коль поѣлъ, да на-бокъ! А то, что нужно человѣку, само, видите ли, запросто къ нему не прѣбдетъ.

— Устойчивъ! устойчивъ! — Знакъ хорошій! Ну, да Богъ съ вами, я больше перечить не стану. Правду сказать, я путешествовалъ больше все по ярмаркамъ. А тутъ, извѣстное дѣло, гопись и въ хвостъ и въ голову, — вѣдь дорого красное яичко въ празднику, и все, что ни подставить тебѣ ногу, кажется прямою враждою судьбы. — И вы, по обычаю, вымещали зло на томъ, что первое подвертывалось подъ руку, — замѣтилъ я съ улыбкой. — *Nono sum, et nihil humani a me alienum puto.* Но съ тоски и отъ бездѣлья, не разъ случалось, пустишься бывало въ этнографію, и просто уронишь достоинство науки! Нѣтъ ли у васъ чего-нибудь особенно замѣчательнаго? — спросилъ я однажды, отъ нечего говорить, какого-то индивидуума, съ которымъ пришлось сойтись. — Есть *табатерка*, у барскаго садовника, Нѣмца, — отвѣчалъ онъ, замѣчательная по своему изреченію: *nicotiana res bona, tria habet dona: nasum magnificat, mentem purificat, totumque hominem vivificat.* — Ну, и поди сочиняй тутъ, какъ хочешь, свои выводы изъ подобныхъ данныхъ!

— Вотъ ужъ вы и не логичны, Борисъ Сергѣевичъ? — отвѣчалъ я. Сами говорите, что путешествовали только по ярмаркамъ, да тутъ же, черезъ станцію, выглянули у васъ уже и соображенія и выводы. Выводъ — дѣло послѣднее, для котораго иногда мало цѣльныхъ головъ работы, и работы, съ которою сладить не каждый человѣкъ. Общее же дѣло, дѣло каждаго — порабатывать своимъ личнымъ трудомъ, на сколько у кого толку хватитъ, для этихъ выводовъ. Я за большимъ не гонось. Буду смотрѣть на все безъ излишней хитрости, и постараюсь отмѣчать для себя, по

крайнему разумію, то, что покажется мнѣ хоть сколько-нибудь стоящимъ вниманія. Въ каждомъ кускѣ мрамора заключено чудо искусства — умѣй только сплѣсть съ него случайныя покровы; такъ и въ каждомъ явленіи жизни сокрытъ глубокой смыслъ — умѣй только изучить его трезво и съ любовью къ дѣлу.

— Нѣтъ, ужъ вы пожалуста не говорите такъ со мной! Я человѣкъ практическій, и фразы надоѣли мнѣ еще въ пансіонѣ, гдѣ заставляли меня зубрить ихъ изъ Кронеберга, Татищева и Гейма. И въ рѣчахъ, и на дѣлѣ — у меня все на чистоту идетъ, а меланхолію и разные этакіе трансцендентализмы — признаюсь, не люблю я, какъ навязчивую бабу, которая молодится да румянится. — Послушайте, зачѣмъ вы ѣдете въ Москву? спросилъ я. — За тѣмъ, что тамъ климатъ пришелся какъ-разъ по моему натурѣ, — не задумавшись отвѣчалъ онъ. — Что жъ вы тамъ будете дѣлать. — Жить буду. — А дѣлать ничего не будете? — Да развѣ жизнь сама по себѣ — не великое дѣло. — Ну, это тоже трансцендентализмъ, или меланхолія, какъ вы говорите! Бывалій человѣкъ тоже, въ некоторомъ смыслѣ, немножко Ротшильдъ, и всегда съумѣетъ сочинить при нуждѣ своего рода капиталы, — но что же, спрошу я въ свою очередь, будете вы дѣлать въ тараптасѣ? Чего добраго! Вы, можетъ-статься, успѣли уже заготовить на досугъ не одну часть поэтическихъ «*impressions de voyage*» à la Dumas, — но я, какъ извѣстно вамъ, человѣкъ практическій, привыкъ вести дѣла на чистоту, и напередъ встаю противъ всякаго рода романическихъ надувательствъ. — Вотъ это-то и нужно мнѣ! — подхватилъ я. Человѣку, который не пообтерся еще, не такъ-то легко сладить съ предположеніями, умозрѣніями, отвлеченіями и всякаго рода увлеченіями, — а вы тутъ-то именно, сколько мнѣ кажется, и способны осадить любого пегаса, въ заносчивомъ скокѣ на Парнасъ.... — Гм! съ улыбкой промывчалъ онъ: да и васъ-то, родной мой, какъ видится изъ дѣла, голой рукой не берн! Вдемъ вмѣстѣ! вѣдь все равно путешествовать, что съ Арбата на Цренистеику, что пѣть Четырехъ — рукъ въ Стерлитамакъ. Но скажите мнѣ толкомъ, что у васъ собственно имѣется въ виду при этихъ экскурсіяхъ? — Извольте. Начну съ того, что скажу, какъ Аттила подъ Адрианополемъ, — въ чемъ завѣряетъ Амміанъ Марцелинъ, — я живу въ мирѣ со стѣнами. Забудьте, что и я, и знаменитый Гуннъ, или Славянинъ, если угодно, пропозносимъ эту фразу въ томъ тонѣ, въ которомъ современный Славянинъ говоритъ: *Ah! mais*

са не me regarde pas! — если дѣло идетъ о дюжинѣ шампанскаго, или сотнѣ устриць. Видите ли, я бы не прочь и отъ стѣнъ, но самому шарить около нихъ не всегда удобно, а положить на сказанія изыскателей — значить заживо положить въ могилу всю свою историческую репутацію. Недавно какъ-то еще пелегкая дернула меня щегольнуть ученостью, и импровизованная цитата мол, вдохновенно замѣченная запятад въ запятаю — оказалась чистѣйшею гилью. У меня какъ-то больше лежитъ сердце къ живому, живущему, живучему. Мы, т. е., вы и я, будемъ смотрѣть, — я съ отвлеченной, вы съ опытной точки зрѣнія, — на все, что кинется на глаза намъ. Преланья, повѣрья, сказка, пѣсня, быть мужика, мѣщанина, барина; — изба, теремъ, хата, житво, косовица, свита пли зипунъ, похороны, свадьба, рыбная ловля, отъѣзжее поле, обѣдъ, заработокъ, причуда, мѣстная памятка, фабрика, случай на дорогѣ, историческое воспоминавіе, личное впечатлѣніе, наконецъ ваше умѣнье глядѣть на всякую вещь съ «практической» точки зрѣнія, съ улыбкой прибавилъ я, все пойдетъ подь мою замѣтку, — а ужъ какъ оно тамъ замѣтится — «про-то другіе скажутъ», какъ говоритъ одинъ мой землякъ, коренной Украинецъ. — Ну ладно! Давайте руку! Главное безъ претензій. У меня это первая вещь. Будемъ глядѣть на вещь просто, какъ онѣ есть, въ той простотѣ, съ которою творить оно житейское дѣло свое!... Addio, l'anima mia!

7-го декабря. Померанье.

НОЧЬ ВЪ ПОЧТОВОЙ КАРЕТѢ (*Анекдотъ*). На одной изъ станцій, по Московской дорогѣ, пожилой человѣкъ почтенной наружности, ждалъ проѣзда почтовой кареты, гдѣ у него были взяты два мѣста, для своей собственной особы и для молодой и хорошеющей жены, которая съ нетерпѣніемъ хотѣла поскорѣе быть въ Петербургѣ, чтобы насладиться всѣми удовольствіями зимней столичной жизни, послѣ скучнаго лѣта, проведеннаго въ маленькой деревнѣ *ской губерніи, благопріобрѣтенной ся мужемъ, Семеномъ Кирилловичемъ Комаровичемъ.

Это было въ началѣ октября. Когда карета подъѣхала къ станціи, находившейся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ деревни Семена Кирилловича, — было уже темно.

— Анна Ивановна, закричалъ почтенный супругъ своей супругѣ: угодно вамъ скорѣе собираться? Карета не будетъ насъ ждать.

— Сейчасъ, сейчасъ, мой другъ, дай только поправить шляпку; можетъ быть мы и не одни поѣдемъ.

— Да кто тебя увидитъ ночью? ворчалъ супругъ. Вотъ ужъ подлинно женская натура, и въ потьмахъ надо кокетничать. Пойдемъ же.

Семень Кирилловичъ сѣлъ съ женою въ почтовую карету, и увидѣлъ, что съ ними ѣдетъ какой-то молодой человѣкъ и другой мужчина, завернутый въ теплую шинель. Они поѣхали скоро, на свѣжихъ, сильныхъ лошадяхъ.

Въ дорогѣ скоро знакомятся. Какой-нибудь толчекъ, столбъ или дерево, и тотчасъ же завяжется разговоръ. Колесо кареты задѣло за камень, и Семень Кирилловичъ закричалъ:

— Мы падаемъ! Мы падаемъ!

— Перестань пожалуста пугать меня! замѣтила молодая женщина. Какъ можно быть такимъ трусомъ?

— Испугаешься поневоля, когда ужъ разъ проучили, отвѣчалъ мужъ.

— Развѣ вамъ случалось падать изъ кареты? спросилъ учтиво молодой человѣкъ.

— Какъ же-съ. Въ прошломъ году я ѣхалъ въ дилижансѣ тоже съ женою... она не любитъ ѣздить въ своемъ экипажѣ... Да оно, знаете, и веселѣе; есть съ кѣмъ перемолвить слово... Вотъ мы ужъ подъѣзжали къ станціи С...ской губерніи. Съ нами былъ....

— У тебя страсть рассказывать исторіи, перебила жена. Можетъ-быть происшествіе, случившееся съ тобою, нисколько не занимаетъ нашихъ спутниковъ.

— Извините сударыня, проговорилъ скоро молодой незнамецъ: я люблю слушать рассказы въ дорогѣ, а нашъ четвертый товарищъ или спитъ или глухъ. Я сколько разъ заговаривалъ съ нимъ, но онъ ничего не отвѣчалъ. Можетъ-быть, онъ иностранецъ и не понимаетъ по-русски.

— Правда, совершенная правда, замѣтилъ Семень Кирилловичъ.

— Однако вы начали рассказывать исторію про путешествіе въ дилижансѣ, сказалъ молодой человѣкъ. Что же съ вами случилось въ дорогѣ?

— Бьюсь объ закладъ, что мой мужъ уже позабылъ о чемъ началъ говорить, сказала Анна Ивановна. Съ нимъ это часто случается... Однако какъ темно... скоро ли настанетъ день? Я люблю разсматривать окрестности, а теперь не видать даже веретъ. Какъ это скучно!

— Я съ вами не согласенъ, сударыня, отвѣчалъ молодой человекъ. Путешествіе ночью имѣетъ свои пріятности. Вотъ на примѣръ нашъ товарищъ спитъ очень спокойно, а въ нашемъ пріятномъ обществѣ каждый готовъ путешествовать всю жизнь.

— Вы очень любезны!

— Нисколько. Я всегда говорю правду.

— Не можетъ быть.... Однако, кажется мы подъѣзжаемъ къ лѣсу. Не опасно ли это мѣсто?

— Чего вамъ бояться? У васъ есть защитники!

— Чего бояться? закричалъ Семень Кирилловичъ. А воровъ, милостивый государь! Я бы одинъ ни за что не поѣхалъ мимо этого лѣса. Благодарю покорно, меня также и воры прочли....

— Развѣ васъ обокрали?

— Сбирался по-крайней-мѣрѣ.... Это была прелюбопытная исторія....

— Мой другъ, у тебя вѣчныя исторіи; лучше бы ты отдохнулъ, сказала жена съ неудовольствіемъ.

— Спасибо! Очень ловко здѣсь отдыхать. Да ты не слушай, я тебя не заставаю. Я хочу разговаривать съ моимъ сосѣдомъ; не могу же я молчать цѣлую ночь.

— Вы правы, сказалъ молодой человекъ: я очень люблю исторіи о ворахъ и разбойникахъ. Говорите пожалуйста; я васъ слушаю съ полнымъ вниманіемъ.

— Ахъ!.... карета падаетъ, закричала Анна Иванова, хватаясь за мужа!

— Что ты! Мы ѣдемъ какъ по паркету.... Вотъ теперь ты меня испугала!... Что бишь я говорилъ?... Да,—вотъ видите-ли. Въ прошломъ году, я жилъ на Вознесенскомъ-проспектѣ. Насъ пригласилъ знакомый нашъ на преферансъ; только жена, какъ нарочно, въ этотъ вечеръ захворала немножко и я пошелъ одинъ. Вернулся я довольно поздно, потому-что мы наставили кучу ремизовъ. Вотъ я иду тихонько въ спальню, чтобъ не разбудить жены, вдругъ....

— Кажется мы подъѣзжаемъ къ станціи? прервала жена.

— Совѣмъ нѣтъ!... Пожалуйста не перебивай меня! Такъ вотъ-съ я иду.... Вдругъ слышу шумъ въ маленькой уборной... Я взялъ свѣчку и.... да, что ты, Анна Ивановна, дергаешь меня за пальто,—что тебѣ надобно?

— Я потеряла мой носовой платокъ....

— Помилуй!... онъ у тебя на колѣняхъ. Чего ты ищешь? вчерашняго дня, что ли?... Ну-съ, вотъ я смѣло вошелъ въ уборную, и увидѣлъ тамъ?... Кого бы вы думали?... Одною молодого вора.

— Возможно ли? Ха, ха, ха!

— Тутъ нѣтъ ничего смѣшнаго, милостивый государь. Этотъ молодой человекъ былъ очень хорошаго обращенія и одѣтъ весьма порядочно.

— Это странно....

— Очень странно. Я спросилъ его: Чтò вы здѣсь дѣлаете, милостивый государь?... Ой!... Что это, Аннишка, какъ ты мнѣ наступила на ногу. Точно не знаешь, какія у меня мозоли.

— Я печально....

— Досказывайте вашу исторію, сдѣлайте одолженіе. Она меня очень интересуетъ.

— Какая страсть рассказывать всякій вздоръ! проговорила сухо Анна Ивановна.

Мужъ хотѣлъ было отвѣчать что-то на это, но, вѣроятно, боясь потерять снова нить рассказа, продолжалъ:

— Когда я прикрикнулъ на вора, онъ очень струсилъ и пробормоталъ: Простите меня, я вамъ все открою.... я признаюсь, что хотѣлъ унести у васъ коробочку съ брилліантами. Вы можете погубить меня, и отослать въ полицію, но вы честный, добрый человекъ, вы сжадитесь надъ моею молодостью, неопытностью.

— Какъ ты утомительно рассказываешь, Семень Кирилловичъ! сказала хорошенькая супруга: нѣтъ никакого терпѣнія тебя слушать....

— Вы очень взыскательны, отвѣчалъ ей молодой человекъ: вашъ супругъ рассказываетъ весьма краснорѣчиво, очень эффектно; я подозреваю, не литераторъ ли онъ?

— Чтò вы? что вы, пробормоталъ Семень Кирилловичъ. Это правда, что и я не хуже другихъ могъ бы написать статейку тамъ, или что-нибудь такое въ журналъ, да занятія не позволяютъ пуститься въ авторство.

— Лучше бы ты писалъ и молчалъ, проворчала сердитая красавица.

— Чѣмъ же кончилось это любопытное происшествіе? спросилъ любитель рассказовъ.

— Я сказалъ молодому вору съ жаромъ: и вамъ не стыдно, и вы не краснѣете, несчастный юноша, что увиделись до тако-

го постыднаго ремесла!.. Подумайте о вашихъ начальникахъ, о жевѣ и дѣтяхъ!.. Ну, тамъ, и много другаго говорилъ.... Такого Цицерона ему задали!.. Что же вы думаете? Мои слова такъ подѣйствовали на него, что онъ заплакалъ....

— И бросился передъ вами на колѣни?..

— Какъ вы отгадали! Точно, онъ разстрогалъ и меня. Я подумалъ, что это, можетъ-быть, въ-самомъ-дѣлѣ болѣзнь кака-нибудь, что онъ можетъ еще исправиться, можетъ сдѣлаться честнымъ человѣкомъ. Я простилъ его. Никогда не забуду, какъ онъ благодарилъ меня, уходя... Да, что съ тобой Анна Ивановна, ты не посидишь смиренно ни минуты?..

— Я поправляюсь, чтобы ловчѣе уснуть. Твой разговоръ навелъ на меня сонъ....

— Это оттого, что ты знала его прежде... Вы можете себя вообразить, какъ тогда испугалась моя жена? Она, разумеется, думала, что воръ можетъ убить меня, потому-что для этихъ людей ничего не стоить рѣшиться на такое преступленіе. Рассказываютъ столько подобныхъ случаевъ, что по-целовѣ становится страшно. Къ счастью, это былъ еще повичекъ, и моя жена отдалась однимъ испугомъ.

— Скажите, какое странное происшествіе! вскричалъ молодой человѣкъ. И какъ вы поступили великодушно!

— Я не раскаиваюсь въ этомъ, потому-что, вообразите: черезъ вѣсколько времени, на одномъ вечерѣ, я встрѣтилъ... кого бы вы думали? моего вора, одѣтаго франтомъ, который очень фамильярно разговаривалъ съ хозяиномъ дома, весьма хорошимъ человѣкомъ, и уходя, безъ церемоніи пожалъ ему руку. Я хотѣлъ спросить фамилію этого молодого человѣка, но хозяинъ въ это время пошла съ нимъ танцовать, а меня усадили за преферансъ. Потомъ я не видалъ его больше; вѣрно онъ уѣхалъ раньше меня. Я очень радъ, что въ ту ночь не вздумалъ послать за полиціей, потому-что это, вѣрно, была шалость молодого человѣка, маленькая слабость, отъ которой онъ давно исправился, или просто болѣзнь кака-нибудь.

— Я думаю, что ваше краснорѣчіе направило его на путь истинный....

— Конечно! и это можетъ быть! отвѣчалъ добродушно супругъ.

Послѣ этого разговоръ прекратился, потому-что Семенъ Кирилловичъ, утомленный длиннымъ разговоромъ и убаюкиваемый легкою качкою кареты, задремалъ и скоро сладко уснулъ.

Каково же было его удивленіе, когда онъ проснулся? Передъ

нимъ сидѣлъ—молодой воръ, исторію котораго онъ разсказывалъ съ такимъ жаромъ, а на щекахъ хорошенькой Анны Ивановны игралъ яркій румянецъ, и она съ необыкновеннымъ вниманіемъ разсматривала дорогу и окрестности, освѣщенные тусклымъ октябрьскимъ солнцемъ.... Иностранецъ или глухой храпѣлъ по прежнему, и почтовая карета подѣзжала къ станціи....

ОПЫТЫ НАДЪ ВОЗМОЖНОСТІЮ СДѢЛАТЬ ДОМАШНИМИ ЖИВОТНЫМИ ЛАМЪ И АЛЬПАКОВЪ. Во Францію въ послѣднее время привезли стадо ламъ и альпаковъ, принадлежавшихъ голландскому королю Вильгельму II. Этихъ животныхъ на время помѣстили въ звѣринцѣ Музея. Въ этомъ стадѣ было двѣнадцать головъ, когда король голландскій купилъ его, но съ-тѣхъ-поръ эти животныя размножились, что доказываетъ возможность ихъ плодиться въ нашемъ климатѣ.

Жофруа Сентъ-Илеръ, объявляя Академіи о прибытіи ламъ и альпаковъ, замѣтилъ, что двадцать лѣтъ тому назадъ шерсть этихъ животныхъ употреблялась только въ Америкѣ, а теперь ее привозятъ въ Европу въ большомъ количествѣ. Въ одну Ливерпульскую гавань привезли въ 1839 году болѣе милліона килограммовъ этой шерсти. Въ 1835 году привезли только около 260 тысячъ, стало-быть въ четыре года привозъ шерсти возвысился на 330 процентовъ, и цѣна ея увеличилась въ той же пропорціи.

СРЕДСТВО ПРОТИВЪ ВОДОВОЯЗНИ. Роше Дерикуръ объявилъ Французской Академіи Наукъ, что онъ нашелъ на сѣверѣ Абиссиніи корень, которымъ можно вылечивать водовоязнь, проносящую, какъ извѣстно, отъ укушенія бѣшенымъ животнымъ. Все желали узнать свойства этого чуднаго растенія, и Г. Дерикуръ разсказалъ слѣдующія подробности:

Растеніе это произрастаетъ въ низкихъ и жаркихъ мѣстахъ, на землѣ глино-кремневой. Его веретенообразный корень достигаетъ болѣе одного метра длины на 2 или 3 сантиметра въ діаметрѣ. Главная медицинская часть растенія находится подъ корою. Стволъ, четырехъ-угольный, тонкій, имѣетъ 3 милліметра въ діаметрѣ и покрытъ колючими иглами. Листья раздѣлены на пять отдѣловъ, шершавы съ двухъ сторонъ и зернисты въ верхней части. Цвѣтки находятся на оконечности личника; они распускаются въ большомъ количествѣ на одной вѣт-

кѣ; плоды продолговатые, гладкіе, желто-зеленаго цвѣта, и когда созрѣютъ, то имѣютъ 3—4 сантиметра длины.

Чтобы приготовить лекарство, надобно снять осторожно кожицу съ корня, потомъ высушить его и истолочь въ порошокъ. Больному надобно давать 10 или 12 грановъ, съ небольшимъ количествомъ меду или молока, что производитъ въ больномъ частыя очищенія; потомъ даютъ нѣсколько чашекъ сыоротки, и когда онъ очень ослабнетъ, то ему даютъ съѣсть пунокъ отъ курицы, изжаренный въ маслѣ съ перцомъ, что останавливаетъ дѣйствіе лекарства. Дерикуръ рассказываетъ слѣдующій случай, доказывающій чудесное свойство корня, найденнаго въ Абиссиніи:

«При моемъ прїѣздѣ въ Девратаборъ бѣшеная собака укусила трехъ другихъ собакъ и одного солдата. Король Ба-Али позвалъ меня, и сказалъ: Ты увидишь дѣйствіе лекарства, о которомъ я тебѣ говорилъ. И онъ приказалъ особенно запретъ всѣхъ укушенныхъ и бѣшеную собаку. На другой день, когда эта послѣдняя была немного спокойнѣе, ей дали проглотить порошокъ изъ этого корня съ медомъ; онъ тотчасъ же произвелъ свое дѣйствіе, и собака выздоровѣла. Черезъ недѣлю дали порцію порошка другой собакѣ, у которой уже оказались признаки бѣшенства, и вылечили ее; вторую собаку также вылечили; третьей же ничего не дали, и она околѣла отъ бѣшенства, черезъ сорокъ два дня. Солдата начали лечить черезъ десять дней послѣ укушенія. Онъ былъ грустенъ, молчаливъ, не понималъ ничего, сердился, и слюна текла у него безпрестанно. Ему дали ложку порошка съ молокомъ, его тотчасъ же начало слабѣть, и вскорѣ онъ выздоровѣлъ окончательно.»

МАГНИТНОЕ РАСТЕНІЕ. Майоръ Альвортъ открылъ въ западныхъ провинціяхъ Сѣверной Америки странное растеніе, которое имѣетъ способность обращаться къ сѣверу и къ югу, и которому онъ далъ названіе *silphium laciniatum*. Въ немъ нѣтъ и слѣда желѣза; но такъ какъ въ немъ много смолистаго сахара, то Альвортъ думаетъ, что полярность этого растенія происходитъ отъ электрическихъ токовъ.

ОЗОНЪ. Въ медицинскомъ мірѣ снова заговорили о существованіи въ атмосферѣ новаго тѣла, которое, какъ полагаютъ, можетъ наконецъ объяснить нѣкоторыя эпидеміи: это *озонъ*. Еще не всѣ согласны на счетъ химическаго состава этого тѣла. Нѣкоторые думаютъ, что оно составлено изъ азота и кислорода въ

извѣстной пропорціи; другіе, что это смѣсь кислорода и водорода. Нѣкоторые увѣряютъ, что это родъ измѣненія атмосферическаго кислорода. Это тѣло имѣетъ странный запахъ; довольно небольшого количества зова или алкоголя, чтобы получить отдѣльно это вещество, имѣющее вліяніе не только на эпидемію гриппа, но и на другія простудныя болѣзни. Это открытіе можетъ объяснить причины многихъ эпидемическихъ болѣзней, которыя теперь неизвѣстны.

НОВОЕ ВЕЩЕСТВО, УНИЧТОЖАЮЩЕЕ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ. Въ Южномъ Госпиталѣ, въ Парижѣ, сдѣлали замѣчаніе, что бромистый потассій имѣетъ анестетическія свойства, какъ хлороформъ. Этого лекарства давали по двадцати граммъ въ день, больному и онъ впалъ въ такой безчувственный сонъ, что его можно было щипать и колоть булавками. Эта безчувственность продолжалась до-тѣхъ-поръ, пока лечили бромистымъ потассіемъ. До-сихъ-поръ это еще первое наблюденіе надъ этимъ тѣломъ, но скоро займется опытами въ большемъ видѣ, и тогда можно будетъ сдѣлать окончательное заключеніе объ этомъ открытіи.

СОЕДИНЕНІЕ ТИХАГО ОКЕАНА СЪ АТЛАНТИЧЕСКИМЪ. Изъ Нью-Йорка пишутъ слѣдующее: «Проектъ соединенія Атлантическаго океана съ Тихимъ черезъ Панамскій перешеекъ, интересующій всемірную торговлю, скоро приведется въ исполненіе посредствомъ пароходовъ, идущихъ изъ города Панама по Шаргѣ, до мѣста окончанія судоходства на этой рѣкѣ; потомъ желѣзная дорога пойдетъ до Тихаго-океана. Пароходы уже строятся, а работы желѣзной дороги начались 1-го декабря. Онѣ поручены двумъ инженерамъ Соединенныхъ Штатовъ, которые въ Новой Гренадѣ построили каналъ между двухъ рукавовъ рѣки Магдалины, на пространствѣ 38 французскихъ миль.»

ТОРГОВЛЯ ТРЮФЕЛЯМИ. Въ 1848 году изъ Франціи вывели больше 26,000 килограммовъ трюфелей, свѣжихъ, сухихъ и маринованныхъ, на сумму 214,000 фр. Россія и Англія получаютъ половину вывозимаго количества. Соединенные Штаты и Бельгія стоятъ въ третьемъ и четвертомъ разрядѣ. Замѣчательно, что въ 1847 году вывели трюфелей больше, чѣмъ въ 1848, а именно: 34,000 килограммовъ, на сумму 360,000 франковъ, почему можно думать, что въ безпокойное время это—большое количество трюфелей истребили въ самой Франціи.

ОПЫТЫ ИЗМѢРЕНІЯ СКОРОСТИ СВѢТА. До-сихъ-поръ, для измѣренія быстроты свѣта, прибѣгали къ изчисленіямъ Брайля и Рёмера. Наблюдали микрометрически aberrацию звѣздъ и по-двѣленія изъ-за планетъ ихъ спутниковъ. Юпитеръ наиболѣе давалъ къ этому средствъ, по теоретическимъ формуламъ своихъ затмѣній. Разность между минутою видимаго затмѣнія спутника и обозначенною въ таблицѣ составляла то количество времени, которое нужно свѣту для достиженія отъ спутника къ землѣ. А какъ разстояніе между ними извѣстно, то исчисленіе этой скорости принималась въ основаніе и для всѣхъ свѣтлыхъ мірозданій.

Рёмеръ, въ 1675, и Брайль, въ 1728, достигли доказатель-ства, что свѣтъ пробѣгаетъ въ секунду около 70,000 лѣ.

Это было нѣсколько примѣрное исчисленіе, которое матема-тики съ осторожностію принимали, но которое для непосвящен-ныхъ въ тайны астрономіи казалось непостижимымъ, если не невѣрнымъ. Они должны были вѣрить безъ доказательствъ. Но теперь, нѣкто Ипполитъ Физо произвелъ опыты, которые яснымъ, неопровержимымъ и земнымъ способомъ даютъ возможность къ этому исчисленію. Для этого ему достаточно было смотрѣть съ балкона своего дома въ Сиоренъ на мормартрейскій телеграфъ. Вотъ что онъ самъ говоритъ объ этомъ:

«Я достигъ исчисленія быстроты свѣта посредствомъ метода, которая мнѣ кажется самою удобною для изученія этого предмета и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Она состоитъ въ слѣдующемъ:

«Когда какой-нибудь дискъ (плоскій кругъ) вертится по пло-щадѣ своей, около центра, съ большою быстротою, то можно примѣрно считать, что время, употребленное каждою точкою окружности на то, чтобы пробѣжать небольшое угловое разсто-янiе, равно $\frac{1}{1000}$ части всей окружности. Когда быстрота обра-щенія довольно скорая, то время его очень коротко. Отъ десяти до ста поворотовъ въ секунду, оно равно $\frac{1}{107000}$ и $\frac{1}{1007000}$ части секундъ. Если дискъ раздѣленъ на окружности своей на равныя части зубчатыми колесами, попеременно то сквозными, то сплошными,—получатся тѣже части дробей на опредѣленіе вре-мени, употребленного каждою точкою на возвратъ къ своему пункту.

Въ эти краткія мгновенія свѣтъ перебѣгаетъ тоже небольшія пространства, а именно: тридцать одинъ километръ при первой дробѣ и три километра при второй. Если лучъ свѣта, пройдя черезъ одно изъ подраздѣленной колеса, отразится въ зеркаль, по-сравненномъ въ некоторомъ разстояніи, и возвратится къ той

же точкѣ, то при возвращеніи своемъ—лучъ или пройдетъ сквозь пустой интервалъ колеса,—или пресѣченъ будетъ сплошнымъ интерваломъ, и смотря по быстротѣ колеса, по разстоянію, гдѣ было отраженіе.

Съ другой стороны, система двухъ подзорныхъ трубъ, на-правленныхъ одна противъ другой, такъ чтобы предметъ объ-ективного стекла каждой трубы передаваемъ былъ въ фоку-сѣ другой, позволяетъ осуществить самымъ простымъ образомъ извѣстный фактъ, что лучъ, вышедшій откуда-нибудь и отра-зившійся въ нѣкоторомъ разстояніи, возвращается къ пункту своето истеченія. Для этого достаточно: 1) поставить въ пер-вой подзорной трубѣ, между фокусомъ и глазнымъ стекломъ про-зрачное стекло подъ угломъ въ 45°, которое бы передавало пред-метному стеклу свѣтъ, полученный имъ съ боку отъ лампы, или отъ солнца. и 2) поставить зеркало въ фокусѣ предметнаго сте-кла второй подзорной трубы.

Эта простая мѣра совершенно удается, если даже подзорныя трубы будутъ на значительныхъ разстояніяхъ. Съ трубами въ шесть сантиметровъ въ отверстіи, разстояніе между ними мо-жетъ быть въ восемь километровъ, безъ излишняго ослабленія свѣта. Глазъ видитъ его, какъ блесательную звѣзду. Это пере-реданный лучъ изъ фокуса первой трубы, и отраженный накло-неннымъ стекломъ, черезъ пространство въ 16 километровъ, ко-торый возвратился въ точку истеченія, и пройдя эту самую точ-ку стекла, сообщается глазу.

Для произведенія означенныхъ дѣйствій надобно, чтобы зуб-чатая колеса кружащагося диска проходили въ самой точкѣ истеченія луча. Опытъ дѣлается безъ труда, — и наименѣе опытный глазъ тотчасъ же узнаетъ когда, смотря по большей, или меньшей скорости обращенія, свѣтящаяся точка блеститъ, или исчезаетъ, потому-что встрѣтила сквозное, прозрачное, или сплошное мѣсто.

Въ обстоятельствахъ, въ которыхъ опытъ былъ дѣланъ, пер-вое затмѣніе произошло послѣ двѣнадцати поворотовъ и въ ше-стидесятомъ обращеніи въ секунду. При двойной быстротѣ свѣтящаяся точка опять блестѣла; при тройной скорости—опять помрачалась; при четверной снова появилась, и такъ далѣе.

Первая труба была поставлена, въ бельведерѣ дома, находя-щагося въ Сиоренѣ; вторая на высотѣ Мормартра, на примѣр-номъ разстояніи въ 8 633 метрахъ. На дискѣ было *семьсотъ двацать* зубцовъ. Онъ былъ придѣланъ къ колесу, которое двигалось посредствомъ гирь, устроенныхъ г. Фрашаномъ. Ча-

сы съ терціями позволяли исчислить скорость. Слѣтъ заимствовать былъ отъ лампы, расположенной такимъ образомъ, чтобы пускать сильный лучъ свѣта.

Если хорошо вникнуть въ систему г. Физо, то окажется: 1) что извѣстно разстояние между двумя трубами = 8633 метра; извѣстна скорость колеса и промежутокъ времени между прохожденіемъ луча сквозь сплошной зубецъ и сквозной. 2) Что встрѣча луча со склзнымъ зубцомъ, или сплошнымъ, обнаруживаемая появленіемъ свѣта, или затмѣніемъ его по отраженіи и послѣ пробѣжаніи имъ двойнаго пространства 8633 метровъ — единственно зависитъ отъ этого разстоянія и отъ скорости, съ которою оно пройдено, а равно и отъ скорости обращенія диска. Наконецъ 3) что слѣдственно, одинъ неизвѣстный членъ задачи есть скорость луча свѣта, которая получается изъ двухъ чиселъ, заранѣе извѣстныхъ, а именно: пройденнаго разстоянія и скорости обращенія, къ которымъ легко присоеди- нить наблюденія за появленіемъ и затмѣніемъ луча.

Дѣйствительно, первые опыты г. Физо дали ему тѣже почти цифры, какія намъ извѣстны изъ астрономіи. Среднее число двадцати восьми опытовъ дало 79,948 лѣ въ секунду по 25 въ градусъ.

Это удивительное согласіе между ручнымъ измѣреніемъ и исчисленіями, сдѣланными посредствомъ абберраціи и наблюденій надъ затмѣніемъ спутниковъ Юпитера, составляетъ блистательное торжество, какъ для науки, такъ и для ученаго физика, открывшаго это согласіе.

ЗЕМЛЕДѢЛІЕ. *Приготовленіе зеренъ для посѣви.* Метода г. Дюссо. Всѣ открытія по части земледѣлія состоятъ въ томъ, чтобы въ кратчайшій, по возможности, срокъ получить вдвое, или втрое сбора зеренъ противу нынѣшнихъ методовъ. Недавно общество французскихъ химиковъ-агрономовъ утверждало, что результата этого можно достигнуть посредствомъ удобренія, не самой почвы, а зеренъ,—и обѣщало сообщить публикѣ результаты опытовъ, которые будутъ произведены по этой части. Вотъ они:

Первые опыты были дѣланы въ Сенъ-Уапѣ, на полѣ-арпанѣ земли, засеянной озимымъ, хлѣбомъ яровымъ, бобами и картофелемъ.

Озимый хлѣбъ, посеянный на восьми съ половиною арахъ, (арпанъ = 0,3 десятины; аръ = 10 метрамъ, или 21 квадратной сажени), десятью литрами сѣмянъ (литръ = 0,3 гарнца,) далъ

сбора, по засвидѣтельствованію судебнымъ протоколомъ, 350 литровъ, то есть урожай былъ самъ — 35.

Яровой хлѣбъ далъ такой же пропорціональный сборъ. Овесъ былъ въ 1 метръ 20 сантиметровъ въ вышину.

Бобы были втрое толще противу обыкновенныхъ.

Турецкіе бобы дали стручки въ 6—8 дюймовъ, съ 10 зернами, вмѣсто обыкновенныхъ четырехъ.

Наконецъ, картофель далъ до 40 картофелинъ, вмѣсто 10—12, полученныхъ на той же полосѣ земли, гдѣ сѣмяна не были приготовлены химическимъ образомъ.

Хлѣбъ и бобы были представлены на выставку. Картофель поспѣлъ поздно, и не могъ быть представленъ.

Всѣ эти опыты показались агрономическому обществу не достаточными. Съ одной стороны г. Дюссо не хотѣлъ еще со- общить своего секрета; съ другой г. Вильморенъ замѣтилъ, что только специальнымъ надсмотромъ можно убѣдиться, что земля не была удобрена тоже особеннымъ образомъ. Но видѣвши эти опыты вблизи утверждаютъ, что новая метода будетъ эпохою въ успѣхахъ земледѣлія.

О СФЕРОИДАЛЬНОМЪ СОСТОЯНІИ ТѢЛЪ. Вѣроятно, всѣ еще помнятъ любопытные опыты Бутини надъ сфероидальнымъ состояніемъ тѣлъ. Всѣ тѣла въ природѣ являются въ трехъ различныхъ видахъ: твердомъ, жидкомъ, газообразномъ. Г. Бутини прибавилъ четвертый видъ—сфероидальный. Что такое сфероидальность тѣла? и въ какихъ обстоятельствахъ обнаруживается она? Разсмотримъ этотъ вопросъ. Простой опытъ можетъ объяснить каждому идеи г. Бутини. Нагрѣвъ до бѣлокалильной степени платинную капсулу, стѣбитъ капнуть на нее жидкостію, водою, наприкладъ. Въ первую минуту кажется, что соприкосновеніе между раскаленною капсулою и жидкостію едва возможно, и что жидкость мгновенно исчезнетъ. Но дѣлается иначе.—Какъ скоро жидкость коснулась до капсулы, то принимаетъ видъ сферы и вертится на оси, мало убавляясь въ объемѣ. Но если перестать нагрѣвать капсулу, и дать ей охладиться до температуры не столь возвышенной, жидкость тотчасъ же перестаетъ быть сфероидальною, и исчезаетъ парами. То же, что дѣлается съ водою, дѣлается и съ самыми летучими жидкостями: алкоголемъ и эфиромъ. Этотъ опытъ удивитъ каждаго съ перваго взгляда.—Какимъ образомъ вода, требующая, по обыкновенномъ атмосферномъ явленіи, только сто-градусной температуры, чтобы перейти въ состояніе паровъ, остав-

ся неизмѣнно при температурѣ въ 4—6 разъ выше. Опыты эти чрезвычайно разнообразны, и даже иногда странны. Самый любопытный тотъ, который производить ледъ въ раскаленной капсулѣ посредствомъ сѣрной кислоты. Въ этомъ, кажется, есть что-то противное обыкновеннымъ законамъ природы, но г. Бутинъ объясняетъ эти явленія тѣмъ, что тѣла въ сферическомъ видѣ окружены оболочкою, частицы которой тѣсно связаны между собою и которая тверда, прозрачна, чрезвычайно тонка и эластична. Эта оболочка, образуемая около тѣла въ сферическомъ видѣ, изолируетъ ихъ отъ окружающихъ тѣлъ,—и передача имъ теплоты производится уже не соприкосновеніемъ, а истеченіемъ лучей. Это до того справедливо, что въ каплю воды, брошенную на раскаленную капсулу можете вы безвредно омочить палецъ, разумѣется не дотрогиваясь до капсулы. А если къ водѣ прибавить безводной сѣрной кислоты, то послѣдняя, испарясь, тотчасъ же отнимаетъ у воды всю ея теплоту, и превратитъ ее въ кусокъ льда.

Но это еще не самая таинственная сторона опытовъ. Есть другіе, еще болѣе невѣроятные. Кто изъ насъ осмѣлится опустить руку въ расплавленный свинецъ? Кто рѣшится провести пальцемъ, обмоченнымъ въ алкоголь и зовръ, по текущей массѣ расплавленного чугуна? И однакожь, г. Бутинъ дѣлалъ это очень часто. Опыты эти основаны на предыдущихъ законахъ. Палецъ, обмоченный алкоголемъ или водою, изолируется отъ массы, въ которую погружается, посредствомъ перехода этихъ жидкостей въ сферическое состояніе, и высокая температура расплавленного металла медленно только сообщается пальцу посредствомъ истеченія лучей теплорода. Какъ бы ни разсуждали о теоріи г. Бутиня, но факты ясны и вѣрны.

О СОХРАНЕНІИ МОЛОКА. Извѣстно, что молоко отъ соприкосновенія воздуха превращается въ два отдѣльные вещества: *сливки*, составляющія смѣсь масла и казеума (сырное вещество), и *воднистую часть*, которая, въ свою очередь, окисляется и прекращается въ сыворотку. Химики пробовали до-сихъ-поръ сохранить молоко въ первоначальномъ его видѣ. Гг. Гей-Люссакъ, Вильневъ, Ашеръ и Робинъ предлагали разные средства, болѣе или менѣе удачныя. Теперь наконецъ нѣкто г. Линьякъ дошелъ посредствомъ самаго трудолюбиваго изученія до сохраненія молока, лучше всѣхъ своихъ предшественниковъ.

Первая мѣра состоитъ въ томъ, чтобъ молоко какъ можно менѣе оставлять на воздухѣ, а вторая, чтобъ оно было сохра-

нено въ узкодонныхъ сосудахъ. Потомъ, распустивъ 75—80 граммъ сахара, подвергаютъ молоко такому жару, который бы никогда не достигалъ ста градусовъ 100-градуснаго термометра. Эта температура легко получается токомъ водяныхъ паровъ, обтекающихъ около сосуда. Чтобъ ускорить испареніе молока, мѣшаютъ его лопаткою. Ждутъ, пока молоко испарится до $\frac{2}{3}$ своего прежняго объема. Тогда наливаютъ его въ цилиндрическіе жестяные сосуды, вмѣщающіе около литра, или полъ-литра, и закрываютъ ихъ оловяннымъ кружкомъ.

Коммиссія Академіи Наукъ разсматривала образчики этого молока, сдѣлавшаго путешествіе въ Лондонъ—и признала, что молоко не измѣнилось нисколько. Вкусъ и запахъ сохранились какъ у вскипяченнаго молока.

ПРЕВРАЩЕНІЕ ЖИВОТНЫХЪ ВЪ РАСТЕНІЯ. Г. Геренъ-Менвилль открылъ очень любопытный фактъ въ жизни шелковистыхъ червей. Въ здоровомъ состояніи ихъ кровь состоитъ изъ сферическихкихъ шариковъ, подверженныхъ разнымъ измѣненіямъ. Въ болѣзненномъ состояніи, эти шарики замѣняются живыми существами, одаренными быстрымъ движеніемъ. Если шелковичный червь долженъ умереть отъ болѣзни, то эти живыя существа превращаются въ растеніе *botrytis*. Это странное явленіе, происходившее отъ разложенія этихъ умирающихъ инфузорій, важно и по указанію на самую болѣзнь червей, для тѣхъ, которые занимаются разведеніемъ ихъ.

БИБЛИОТЕКА ТУРЕЦКАГО СУЛТАНА. Извѣстно, что составъ султанской бібліотеки покрытъ непроницаемою тайною. Только лѣтъ десять тому назадъ появились въ свѣтъ нѣкоторые сочиненія изъ нея, потому-что одинъ музюльманскій смотритель бібліотеки, умирая, подарилъ нѣсколько книгъ другу своему Италіянку. У этого Италіянца купилъ ихъ покойный сардинскій король Карлъ-Албертъ, который составилъ изъ нихъ особенную бібліотеку, тѣмъ болѣе для него пріятную, что онъ самъ чрезвычайно много занимался изученіемъ историческихкихъ и военныхкихъ книгъ. Этотъ просвѣщенный государь назначилъ бібліотекаремъ извѣстнаго своимъ сочиненіемъ *о монетахъ Савайскаго Дона*, шеваля Доминика Промисъ, который уже составлялъ каталогъ всей бібліотеки, какъ вдругъ австрійская война прервала литературный его трудъ.

Туристы мало описываютъ библіотеки, и потому мы долгомъ считаемъ сообщить то, что намъ известно объ этомъ любознательномъ отдѣленіи турецкаго книгохранилища.

Вотъ главные сочиненія, находящіяся тамъ въ султанской библіотеки:

— *Историческіе труды знаменитаго Ибнъ-Калева*. Въ 1-мъ томѣ содержится сужденіе о достоинствѣ исторіи, и наставленіе, какъ писать ее. Потомъ изложены всеобщія объясненія о различныхъ формахъ человѣческаго общества, какъ оно развивалось у разныхъ народовъ.—Во 2-мъ томѣ содержится исторія Аравіянъ, со времени ихъ первоначальнаго происхожденія, до эпохи, современной автору, съ исторією прочихъ народовъ. Изъ этихъ первыхъ двухъ томовъ, Аббать Арви напечаталъ нѣсколько листовъ, въ Парижѣ, на счетъ сардинскаго правительства, но по случаю его смерти печатаніе не продолжалось и напечатанные уже листы не были изданы.—Въ 3-мъ томѣ исторія Арабовъ, со введенія исламизма, изложена со всею подробностію; исторія Магомета и Калифовъ Омміадской и Аббасидской династій до раздѣленія Калифатства послѣ вторженія Татарь.—Въ 4-мъ томѣ содержится продолженіе исторіи различныхъ магометанскихъ династій, исторія Крестовыхъ-походовъ, въ которыхъ весьма-подробно описано, какъ Христіане утвердились въ Палестинѣ, и какъ были изгнаны Саладиномъ. Послѣ того слѣдуетъ исторія татарскихъ, турецкихъ и монгольскихъ династій. Она оканчивается правленіями Баязета и Тамерлана, во времена сочинителя. Въ 5-мъ томѣ—исторія Берберовъ и другихъ народовъ Западной Африки. Въ 6-мъ и послѣднемъ—продолженіе исторіи этихъ народовъ, какъ равно и жизнь самаго автора. По увѣренію ученаго библіотекаря Промиса, большая часть послѣдняго тома еще не напечатана. Манускриптъ писанъ въ Константинополѣ, лѣтъ за восемнадцать, прекраснымъ арабскимъ почеркомъ.

— *Опись писемъ и свѣдѣній о знаменитѣйшихъ султанахъ*, какъ на арабскомъ и турецкомъ, такъ и на персидскомъ языкахъ, отъ начала Исламизма до Мурада IV,—писана большею частью канцелярскимъ почеркомъ. Это сочиненіе, называемое *Большимъ собраніемъ* (Меймуэ Кубіа) только въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ другой въ библіотекѣ Высокой Порты.

— *Оттоманская Исторія*, Паури, съ Солимана Великаго сына до кончины Султана Амурата IV. Писатель этотъ весьма уважаемъ по своему безпристрастію. Манускриптъ писанъ Семдъ-Ахметомъ, который былъ самый ученый Улемъ

при Амуратѣ IV. Манускриптъ чрезвычайно красивъ и писанъ тааликскимъ почеркомъ.

— *Исторія Османскихъ Султановъ* до взятія Константинополя при Магометѣ II, съ исторією Византіи, отъ начала ея происхожденія по мусульманскимъ преданіямъ, сочиненіе Али-Эфенди, на турецкомъ языкѣ. Авторъ весьма уважается за чистоту слога. Манускриптъ писанъ тааликскимъ почеркомъ.

— *Исторія первыхъ Османскихъ Султановъ*, отъ начала династїи до конца царствованія Магомета II, сочиненіе государственнаго историографа Саадъ-Эддина, прозванное *Въицеми исторіи*,—на турецкомъ языкѣ тааликскимъ почеркомъ.

— *Исторія Султана Селима I*, того же сочинителя, другимъ почеркомъ. Въ одномъ томѣ съ предыдущею книгою. Манускриптъ весьма красивъ.

— *Нукбатуеварики*, или избранныя исторіи, содержащія въ себѣ хронологію главнѣйшихъ магометанскихъ династій, потомъ исторію османской династїи, отъ начала ея до Султана Ахмета I. Сочинитель былъ секретаремъ этого Султана, въ концѣ IX столѣтія Гиддры. Манускриптъ писанъ весьма красивымъ почеркомъ (риски).

— *Исторія Курдовъ*, на персидскомъ языкѣ, сочиненіе Юсуфа-Ибнъ-Сумсадина. Замѣчательнѣйшая книга объ этомъ народѣ и о Курдистанѣ съ сосѣдственными племенами. Исторія разныхъ курдистанскихъ племенъ доходитъ до XI столѣтія Гиддры. Этотъ прекрасный манускриптъ также писанъ турецкомъ риски.

— *Дианъ*, или собраніе поэмъ на турецкомъ языкѣ, сочиненія знаменитаго визиря Эмира Али-Сеиръ-Ревахи; второй единственный экземпляръ находится въ библіотекѣ Серала. Писанъ Сельджукиемъ принцемъ Юсуфомъ, тааликскимъ почеркомъ.

— *Хабибъ-усъ-Сиръ*, или Исторія Персіи, сочиненіе Кандунира, со времени Чингисъ-Хана до Софи, когда жилъ сочинитель;—писана прекраснымъ почеркомъ риски. Книга эта тѣмъ драгоценнѣе, что снабжена примѣчаніями рукою самаго автора.

— *Исторія Афганцевъ*. Печатана въ Константинополѣ, по повелѣнію Султана Ахмета II, который ввелъ книгопечатаніе.

— *Извѣстія о престолѣхъ истока Нила*, манускриптъ на турецкомъ языкѣ.

— *Подарокъ священнымъ городамъ*. Описаніе городовъ, посѣщаемыхъ караванами, совершающими путешествіе въ Мекку и

Медвну, съ исчисленіемъ обрядовъ, наблюдаемыхъ при этомъ.— Тааликскій почеркъ.

— *Биографія всѣхъ великихъ визирей* Оттоманской Имперіи до смерти великаго визира Баран-Мехметъ-Паши; сочинена на турецкомъ языкѣ Османомъ-Сади-Ахмудъ-Нап. Почеркъ риски.

— *Краткая Исторія Османскихъ Султановъ*, до Солимана законодателя, сочиненіе Ршианджи-Паши.

— *Хронологія всемірной исторіи*, сочиненіе Рамайана-Келеби. Обѣ книги въ одномъ томѣ, прекраснымъ канцелярскимъ почеркомъ.

— *Историческія сочиненія филолога Ахмета, сына Мустафы*. Содержитъ въ себѣ полное описаніе знаменитѣйшихъ Улемовъ при династіи Османовъ, до царствованія Солимана Великолѣпнаго. Манускриптъ писанъ въ присутствіи самаго сочинителя тааликскимъ почеркомъ, и назначенъ для бібліотеки Султана Магомета II.

— *Исторія Тамерлана* и потомства его, сочиненіе Насми-Эфенди, на турецкомъ языкѣ. Уважается по чистотѣ слога, и почитается лучшею въ своемъ родѣ. Почеркъ тааликскій.

— *Гисти-Бешеть*, или восемь раевъ (садовъ). Сочиненіе Сеги-Бей, — содержитъ въ себѣ біографіи древнѣйшихъ турецкихъ поэтовъ. Многіе почитаютъ этотъ экземпляръ за манускриптъ самого автора.

— *Зеркало земель* (Марать-аль-Мунали), на турецкомъ языкѣ. Сочиненіе Сеидъ-Али-Келеби, — содержитъ въ себѣ описаніе экспедиціи, предпринятой по повелѣнію Султана Солимана Великолѣпнаго къ Индѣйскому-мору; — причемъ флотъ его былъ истребленъ, — и онъ самъ принужденъ былъ возвратиться пѣшкомъ черезъ Индію и древнюю Азію въ Константинополь. Манускриптъ писанъ самимъ авторомъ, въ 965 году Гиджры.

— *Дялия Тамерлана*, персидская рукопись изъ знаменитой героической поэмы *Тимуръ Наме*. Сочиненіе Галифи. — Богатый манускриптъ, находившійся въ бібліотекѣ Султана Селима I.

— *Предметъ желаній*, или война противъ не-магометанскихъ народовъ, называемая священною войною. Сочиненіе Ахмета, внука Магомета—Дамаскитянина. Манускриптъ писанъ рукою самаго автора, въ 813 году Гиджры.

— *Исторія Вехабитовъ*, на турецкомъ языкѣ.

— *Книги чудесъ* (Китабъ-Аль-Агіабъ). Исторія мало-извѣстныхъ происшествій при Солиманѣ Великолѣпномъ—до Амурата IV. Манускриптъ этотъ писанъ Ибрагимомъ, сыномъ Селима, въ 1148 году Гиджры, на турецкомъ языкѣ, почеркомъ риски.

— *Исторія Каабы и Мекки*, по арабскому оригиналу переписана Магометомъ, сыномъ Ахмета-Мошграби, въ 985 году Гиджры.

— *Извѣстія о поэтахъ и поэзіи у Персовъ*, сочиненіе филолога и поэта Саибъ-Мирза-Фиманля, на персидскомъ языкѣ, съ біографіями и выписками изъ знаменитыхъ поэтовъ, — почеркомъ риски, — писанъ очень явственно.

— *Извѣстія о турецкихъ поэтахъ и ихъ сочиненіяхъ*, Абдъ-Аль-Аатифа, на турецкомъ языкѣ. Рукопись очень красива и богата; — тааликскій почеркъ.

Кромѣ этихъ рукописей, есть въ Турніѣ еще нѣсколько аскетическихъ манускриптовъ, особливо Друзовъ, о которыхъ въ ученномъ мірѣ еще мало извѣстно. Одинъ ученый ориенталистъ Ромуальдо Текко разобралъ только эту бібліотеку — и мы ему обязаны этими свѣдѣніями.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ МОДЫ.

Съ новаго года произошла большая перемена въ петербургскихъ модахъ: вмѣсто темныхъ цвѣтовъ всѣхъ явились яркіе и нѣжные цвѣта.

Для мантилій всего больше выбираютъ розовый и голубой цвѣта, для бальныхъ же платьевъ бѣлый, лимонный и свѣтло-зеленый. Самыя модныя гирлянды для головы называются *à la Cléopatre* и состоятъ изъ мелкихъ цвѣтовъ, перемѣшан-

ныхъ съ блестящими ягодами и мушками. Другая гирлянда *à la Chambord* приколывается очень низко вокругъ всей головы и составляется изъ одной зелени тоже съ зелеными ягодами. Вообще все блестящее въ цвѣтахъ и наколкахъ въ большой модѣ. Кружева пробираются золотой или серебряной ниткой, ленты ткуются также съ металлическими полосками или узорами; шпильки и булавки такъ блестятъ, что ихъ видно издали.

Такъ какъ петербургскія моды не отстаютъ отъ парижскихъ, и составляются по ихъ образцу, то можно сказать нѣсколько словъ о послѣднихъ. Въ Парижѣ вводятъ опять въ моду не только старинныя матеріи и прически, но даже старинныя танцы. На послѣднихъ балахъ было очень много атласныхъ платьевъ, затканыхъ или вышитыхъ большими разводами или букетами. Очень трудно прибрать приличную уборку къ такой матеріи, потому что цвѣты и ленты нисколько нейдутъ къ ней, лучше убирать ихъ широкими кружевами. Если къ этому платью причесаться *à la Marie Stuart*, то это будетъ совершенно старинный портретъ дамы вѣка Людовика XV, кромѣ пудры. Разумѣется, что въ такомъ костюмѣ неловко танцовать польку и галопъ, и потому парижскія дамы сдѣлали нововведеніе и танцуютъ теперь на балахъ: менуэты. Не знаемъ, примется ли эта старинная новость думаемъ, что этотъ величественный и граціозный танецъ выгоденъ для женщинъ. Что же касается до мужчинъ, то хотя мрачный и некрасивый ихъ костюмъ вовсе не согласуется съ важнымъ менуэтомъ, но ловкость и искусство могутъ легко побѣдить это маленькое неудобство.

На картинкѣ изображены костюмы для гулянья. На одной дамѣ бѣлая бархатная шляпка, собранная вдоль, зеленый шелковый капотъ съ двумя рядами розетокъ изъ той же матеріи. На другой чернѣй бархатный капотъ, обшитый сободемъ и зеленая атласная шляпка съ рулями. На дѣвочкѣ синее платье пудеса, обшитое въ десять рядовъ узенькимъ синимъ бархатомъ, малиновая бархатная кофточка и сѣрая пуховая шляпка, убранныя малиновымъ бархатомъ. Красиво и тепло, хоть и не для петербургскихъ морозовъ.

НАШЕСТВІЕ ИНОЦЕМЕННЫХЪ.

или

УЪЗДНЫЙ НАЪЗДЪ.

ОРИГИНАЛЬНАЯ КОМЕДИЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Соч. П. Ефимовича и П. Крестовскаго.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

КНЯГИНЯ СОФЬЯ АНДРЕЕВНА КОРЕЛЬСКАЯ.

КНЯЗЬ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, сынъ ея.

ПЕТРЪ ѲЕДОРОВИЧЪ РЫМИНЪ, отставной генералъ.

ЕЛИЗАВЕТА ПАВЛОВНА, племянница его, невеста князя.

ЛЮБСКІЙ, актеръ, пріятель князя.

ѲЕОДОСИЪ СЕМЕВОВИЧЪ ЧЕРЕМКІНЪ, сосѣдъ княгини по старой деревнѣ.

ПРАСКОВЬЯ ДАНИЛОВНА, жена его.

ПЕТРЪ ЛАВРЕНТЬЕВИЧЪ СВИНЬЕВСКІЙ.

АННА ИГНАТЬЕВНА, жена его.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ЛОМТИКОВЪ.

МАРЬЯ КЛЕМЕНТЬЕВНА ЛОМТИКОВА.

Г. ГВОЗДИНЪ.

Г-жа ГВОЗДИНА.

КУЦЕВИЧЪ.

СИНЦЕНЪ.

ХРЮКЛОВЪ.

Сосѣди княгини по новой деревнѣ.

* Редакція *Сына Отечества* предполагаетъ помѣщать замѣчательнѣйшія пьесы, появляющіяся на нашей сценѣ, и имѣющія литературное достоинство. Думаемъ, что читателямъ пріятно будетъ встрѣчать подобныя произведенія на страницахъ нашего журнала. Посещающіе Александринскій театръ знаютъ, что *Нашествіе Иноцземныхъ* принадлежитъ къ лучшимъ комедіямъ, явившимся въ послѣднее время на нашей сценѣ. Въ слѣдующей книгѣ мы помѣстимъ анекдотическое представленіе *Русскій механикъ Кудибинъ*, пьесу замѣчательную по своему историческому значенію и патристическому чувству, которымъ она проникнута. Ред.

КАТИШЬ. } Дочери Свиныхъ.
 НАДИНА. }
 МЕРИ. }
 КИНОЧКА. } Дочери Ломтиковыхъ.
 ЗИНОЧКА. }
 МИША. }
 КОЛЯ. } Дети Гвоздильныхъ.
 ФЕДЯ. }
 СОНИ. }
 ОЛЯ. }
 ГУБЕРНЕРЪ. }
 ГУБЕРНАНКА. } при нихъ.
 НЯНЯ. }
 ГРИГОРІЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ БЫХОВЦЕВИЧЪ, поручикъ.
 ДАНИЛЫЧЪ, управитель.
 ВАРИНЬКА, дочь его.
 ЕВГРАФЪ, камердинеръ князя.
 ВАСИЛИСА, старая камерюнгфера княгини.
 СТАРОСТА.
 Гости, слуги, служанки, музыканты.

Дѣйствіе происходитъ въ новопуленной деревнѣ княгини.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Зала въ господскомъ домѣ. Дверь посрединѣ и двѣ двери съ каждаго бока. Кресла, столъ, стулья и проч. Съ боку окно. Зеркало.

ЯВЛЕНІЕ I.

Князь и Черемкинъ (*входятъ*). Черемкинъ въ женскомъ платьѣ и мантильи; въ рукахъ у него чепчикъ и булки.

Черемкинъ. Начать съ того, что вся эта комедія просто вздоръ.... сами увидите, что изъ этого выйдетъ.

Князь. Не твое дѣло, братецъ, рассуждать... дѣлай, что велѣтъ.

Черемкинъ. Нѣтъ, ваше сіятельство, ради самаго Бога, позвольте мнѣ раздѣться. Я ей Богу не могу.

Князь. Что это? Ты, кажется, плачешь?

Черемкинъ. Плачу.... (*Плачетъ*).

Князь. А слово?

Черемкинъ. Да, я далъ его слугу, подъ пьяную руку.... а теперь, ей Богу не могу!

Князь. Вздоръ! ты хочешь рассердить меня! Смотри, Тео-

помпъ Семеновичъ, и вѣдь шутить не люблю. Ну, полно дурачиться.... одѣвайся.

Черемкинъ. Ей Богу, не могу!

Князь. Да ты почти совсѣмъ готовъ, остается только убрать голову.... Дай я самъ надѣну чепчикъ.

Черемкинъ. Чепчикъ? Охъ! ахъ ты Господи, даже при васъ-то совѣстно. Добро бы еще на благородномъ театрѣ, или въ маскарадѣ, хоть я и не охотникъ ни до какихъ театровъ, но для васъ хоть лѣшимъ бы одѣлся, а то въ натурѣ, среди бѣлаго дня, Черемкина рядить старухой... Ухъ! морозъ подираетъ по кожѣ. Конечно, я люблю пошутить. (*Номолчавъ*) Ваше сіятельство, у меня жена и дѣти.... Бѣда, если узнаетъ жена, она-то ужъ шутить не любить.... Нѣтъ! ей Богу, не могу.

Князь. Да кто тебя знаетъ?

Черемкинъ. Оно такъ, да жена-то моя гоститъ здѣсь по соудству, у Свиныхъ; я за ней-то и ѣхалъ, а вы изволили остановить меня.

Князь. Что съ тобой долго толковать; теперь ужъ поздно, публика собирается, и представленія отмигнуть нельзя. Нѣтъ, Теопомпушка! лучше посмотри на Любского, онъ помнитъ дружбу, не такъ какъ ты! посуды самъ. Человѣкъ ѣдетъ въ Москву за бенефисомъ, помнишь мы съ тобой встрѣтили его уже на дорогѣ, я открываю ему мои намѣренія, прошу помочь, и вотъ онъ у меня въ деревнѣ,—и на все готовъ.

Черемкинъ. Большая разница! Онъ актеръ, ему глѣ бы ни играть, все-равно. Притомъ онъ съ васъ надѣется получить бенефисъ почище московскаго. Пусть онъ одинъ и представляетъ вашу матушку, а я ей Богу не могу.

Князь. Послушай, я вижу по всему, ты хочешь вывести меня изъ терпѣнія. Развѣ тебѣ неизвестно, что матушка моя ѣздитъ въ деревню съ цѣлымъ причетомъ камерюнгферъ и горничныхъ.

Черемкинъ. Да почему же я это знаю? Ваша матушка лѣтъ двадцать не бывала въ деревнѣ.

Князь. Самый глупый мужикъ не повѣритъ, чтобы матушка вдругъ пріѣхала сюда одна; да и кромѣ того, нельзя же къ Любскому приставить настоящую горничную.... сейчасъ все открылось бы; потому-то ты и нуженъ только для порядка, будто старая камерюнгфера матушки, Василиса, понимаешь ли? Только сначала, для церемоніи, покажешься, а тамъ сиди себѣ смирно или спи весь вечеръ, никто тебя и не увидитъ.... Ну, ну, не домайся....

Черемкинъ. Оно такъ; но все-таки я ей Богу не могу! Воля ваша.

Князь. Ты просто меня не любишь, и нарочно хочешь разстроить мои планы.

Черемкинъ. Я... я васъ не люблю? Вы мой благодѣтель, все семейство за васъ Богу молится.

Князь. Ну вотъ видишь ли?

Черемкинъ. Вы поправили мою деревеньку... и прошедшій годъ, когда изволили прѣзжать осенью для охоты, помогли старшую дочь за-мужъ выдать... и если не забыли, ваше сіятельство, обѣщали помочь мнѣ въ постройкѣ московскаго домишка.

Князь. Я не забылъ и исполню, только пожалуйста одѣвайся поскорѣе!

Черемкинъ. Да ужъ позвольте, кстати, еще челомъ бить, ваше сіятельство.

Князь. Ну, что еще, плутишка?

Черемкинъ. По сосѣдству съ моей деревенькой живетъ помѣщикъ Иванъ Федоровичъ Бальковъ; часть земли его, такъ знаете, небольшой перелѣсокъ, по мѣстному расположению почти находится въ моихъ владѣніяхъ.... если такъ, знаете, посмотрѣть издали.

Князь. Что это за чепуха, братецъ?

Черемкинъ. То есть, если бы достать денегъ, то этотъ перелѣсокъ совершенно бы очутился въ моемъ владѣніи; такъ ужъ кстати, ваше сіятельство, не откажите помочь и въ сей оказіи... а я остаюсь съ истиннымъ почтеніемъ и величественною преданностію по гробъ жизни моей покорный и никакойшій слуга вашъ Феопомпъ Семеновъ сынъ Черемкинъ.

Князь (съ сердцемъ). Послушай, вяточникъ, если ты сію минуту не будешь готовъ....

Черемкинъ (пророчно надвывая задомъ чепчикъ). Вотъ!

Князь. Ха, ха, ха! Хорошъ! очень хорошъ!

Черемкинъ. Ей Богу-съ? ха, ха, ха! Я и волосы сейчасъ на дѣву.... Мнѣ вѣдь не въ первый разъ васъ тѣшить.... ха, ха, ха! Не забудьте же, ваше сіятельство, и вы исполнить ваше милостивое обѣщаніе на счетъ перелѣска-то (оглядываясь, женскимъ голосомъ). А? что? кто тамъ? Сейчасъ, сейчасъ! Извините, ваше сіятельство, меня барыня зоветъ одѣваться (убѣганъ,

встрѣчается съ камердинеромъ; оба зохочуть долго). Что Евграфушка, барыня проснулась?

Камердинеръ (хохоча). Какъ же! зоветъ одѣваться.

Черемкинъ (убѣгая). Сейчасъ, сейчасъ! бѣгу!

ЯВЛЕНІЕ II.

Князь, Евграфъ, потомъ староста, управитель и нѣсколько крестьянъ и крестьянокъ, одѣтыхъ лакеями и горничными.

Евграфъ. Ваше сіятельство, г. Любскій приказалъ доложить, что онъ готовъ-съ.

Князь. Хорошо. Ну, что старикъ, управитель.

Евграфъ. Непремѣнно будетъ на васъ жаловаться. Какъ только увиди, говоритъ, новую нашу помѣщицу, такъ и упаду въ ноги.

Князь. Это мнѣ только и нужно (Отворяя дверь съ правой стороны). Приготовьтесь, господа.

Голосъ Любскаго (за сценой). Пожалуйста сюда, князь.... Мы готовы.

Князь. Сейчасъ. (Евграфу) Ну, теперьпусти всѣхъ (Уходитъ).

Евграфъ. Слушаю-съ. (Отворяя среднюю дверь) Ступайте, ступайте скорѣе! Ея сіятельство, проснулись, и скоро выйдутъ.

Входятъ староста, управитель, лакей и горничная.

Староста (управителю). Войдемъ Данилычъ.... Что-то Богъ пошлетъ? (Оба низко кланяются).

Данилычъ. Совѣсть-то у меня чиста.... дѣло мое правое.

Голосъ Любскаго (за сценой). Ты Василса, старая дура! Я тебя прогоню! Что это такое, въ-самомъ-дѣлѣ.

Староста (напугавшись). Ахъ, ты Господи! Изволить гнѣваться.... плохо, Данилычъ!

Данилычъ. Что будетъ, то будетъ!

Евграфъ. Ея сіятельство идетъ.

ЯВЛЕНИЕ III.

Тѣже, Князь, Любскій, Черемкинъ. Любскій въ утреннемъ нарядѣ богатой барыни. Князь ведетъ его подъ руку. Черемкинъ въ женскомъ платьѣ стоитъ въ дверяхъ. Староста и другіе кланяются.

Любскій. Это ужасно! это несносно! *(Черемкину)*. Пошла, пошла съ глазъ долой, чучела! На, принеси мнѣ другой! *(Бросаетъ ему платокъ. Черемкинъ убѣгаетъ)*.

Князь. Успокойтесь, татап, не сердитесь.

Любскій. Да какъ же не сердиться, мой другъ? Увѣрю тебя, она нарочно выводитъ меня изъ терѣнія.... я приказала ей надуть платокъ, а она на зло весь выпачкала угусомъ что ли! Со мной чуть дурнота не сбѣлалась.... Вы знаете, какъ у меня нервы слабы.... Всѣ дѣвки такъ избаловались, что изъ рукъ вонъ! *(Черемкинъ приходитъ назадъ)*. Ну вотъ напри- мѣръ она... на что она годна? Я непременно хочу здѣсь изъ крестьянокъ выбрать себѣ горничную... и сегодня же приступлю къ дѣлу. Позвать управителя и старосту.

Староста. Мы здѣсь, матушка, ваше сіятельство. *(Оба кланяются)*.

Любскій. Ну, здравствуйте, здравствуйте!

Староста и Данилычъ. Здравія желаемъ, ваше сіятельство.

Любскій. Василиса, что ты зѣваешь? кресла! *(Черемкинъ подвигаетъ кресла. Любскій садится)*. Такъ ты управитель?

Данилычъ *(стоитъ вдали задумавшись)*. Я, матушка, ваше сіятельство.

Любскій. Василиса, подушки! *(Черемкинъ подаетъ съ дивана)*. А ты староста?

Староста *(низко кланяясь)*. Истинно такъ, ваше сіятельство.

Любскій. Очень рада съ вами познакомиться. Василиса, платокъ! *(Черемкинъ подбѣгаетъ и подаетъ)*. Пошла съ глазъ до- лой. Эй, староста.

Староста. Чего изволите матушка.

Любскій. Нельзя ли эту старую дуру отдать въ итичницы.

Староста. Почему же нельзя? Можно-съ....

Черемкинъ *(про себя въ испугѣ)*. Ахъ ты Господи! Этотъ шальной актеръ рехнулся, что ли?

Любскій *(управителю и старостѣ)*. Теперь я ваша помѣ- щика.

Староста. Точно такъ-съ, матушка.

Любскій. Служите мнѣ честно и усердно.... дѣвка!

Черемкинъ *(подбѣгаетъ)*. Чего изволите?

Любскій. Табакерку! *(Черемкинъ убѣгаетъ и приноситъ)*.

Староста *(издали, и все приближаясь понемногу)*. Живо- товъ не пожалѣемъ, матушка ваше сіятельство. Извольте спро- сить у прежняго помѣщика, про старосту Ивана Архипова. Двадцать лѣтъ безсмѣнно былъ старостой, матушка... ни одинъ мужикъ худаго слова не скажетъ.... чиню судъ и управу по совѣсти.

Любскій *(нюхая платокъ)*. Хорошо, хорошо, Архипычъ, только отъ тебя дегтемъ пахнетъ.... стой подальше.

Староста *(отходя къ окну)*. Дѣло житейское, ваше сіятель- ство, сапоги.... я и здѣсь постою.... Не изволишь ли, матушка, сама подойти къ окошечку.

Любскій. Это зачѣмъ.

Князь. Вчера, татап, вы прѣехали ночью.... никто изъ крестьянъ не видалъ васъ, такъ, сегодня съ четырехъ часовъ утра собрались они передъ домомъ.

Любскій. Хорошо, хорошо... мнѣ нравится ихъ усердіе... Изъ котораго окна ихъ видно? *(Встаетъ, князь поддержи- ваетъ его)*.

Староста. Сюда матушка! сюда пожалуй, родная. Вотъ наши ребята всѣ на лицо.

Любскій *(подходитъ къ боковому окну и кланяется)*. Здра- ствуйте, друзья мои, здравствуйте. *(За сценой шумъ)*. Какъ они всѣ разряжены, это мнѣ нравится... Хорошо друзья... рас- ходитесь теперь... *(Шумъ за сценой)*. Ну, а распорядились-ли вы на счетъ моего приказа о выборѣ въ дворовые? Кажется, я имъ и платья прислала.

Староста. Какъ же-съ ваше сіятельство, три парня и три дѣвки хоть сегодня на службу готовы... вотъ они! извольте посмотреть.

Любскій. Хорошо, послѣ... Василиса!

Черемкинъ. Чего изволите?

Любскій. Ты займись дѣвущками покамѣстъ; да смотри, чтобъ онѣ были довольны.

Черемкинъ. Слушаю-съ, ваше сіятельство, пойдемте дѣвущки. *(Уходитъ съ горничными)*.

Князь. А ты, Евграфъ, обстриги ребятъ-то!

Евграфъ. Слушаю-съ, ваше сіятельство *(Уходитъ съ пар- чьями)*.

Любскій (*управителю и старостѣ*). Ну, а что вы еще скажете? (*Управителю*). Ты, кажется, что-то недоволенъ, не-веселье?

Данилычъ. Ваше сіятельство, будьте милостивы, позвольте правду молвить.

Любскій. Встань старикъ, что такое? Ты ступай себѣ, староста! (*Староста уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Князь, Любскій, Данилычъ.

Любскій. Ну, говори, старичекъ...

Данилычъ (*смотритъ на князя, который дѣлаетъ ему знаки*). Нѣтъ, князь, пусть я заслужу гнѣвъ вашъ и ея сіятельства, а я долженъ донести обо всемъ, какъ управитель.

Любскій. Что? что? Послушаемъ. Пододвиньте мнѣ кресла, князь. (*Князь и Данилычъ пододвигаютъ кресла*). Это, вѣрно, опять ваши проказы, князь.

Князь. Выслушайте меня, тамап!

Любскій. Нѣтъ, нѣтъ. А ты, добрый старикъ, говори скорѣе.

Данилычъ. Вотъ изволите видѣть, ваше сіятельство, скоро два мѣсяца будетъ, какъ въ первый разъ пріѣзжалъ къ намъ его сіятельство. Мы было обрадовались новому помѣщику, такому доброму, молодому барину.

Князь. Тамап!...

Любскій (*дѣлаетъ ему рукою знакъ, чтобы онъ молчалъ*). Хорошо, хорошо! Потому...

Данилычъ. Они обласкаемъ всѣхъ... Это бы ничего, да только...

Любскій (*князю*). Eh bien, monsieur?

Князь. Mais, тамап!...

Любскій, (*Данилычу*). Ну что еще?

Данилычъ. Да они ужъ очень ласковы съ нашими дѣвущками.

Любскій. Возможно-ли?... Хорошо, я приму свои мѣры.... Ступай. (*Данилычъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же Евграфъ, потомъ Свиныевскій и Ломтиковъ.

Евграфъ (*вбѣгаетъ въ торопяхъ*). Ваше сіятельство! Ваше сіятельство! Какіе то два Господина пріѣхали.

Князь. Зачѣмъ ты впустилъ? Я никого не велѣлъ принимать. Пошелъ, гони вонъ!

Евграфъ. Насильно ломятся въ двери... Вотъ они! (*Уходитъ*).

Князь. Ну, душа Любскій! Помоги отдѣлаться отъ нихъ! Я познакомился съ ними въ первый мой пріѣздъ, а матушки моей они еще не выдали.

Любскій. Постараюсь.

(Свиныевскій и Ломтиковъ входятъ. Свиныевскій въ концѣ рѣчи заикается, и тогда Ломтиковъ дополняетъ его фразы)

Ова. Ваше сіятельство, честь имѣемъ поздравить съ благополучнымъ пріѣздомъ и съ благопріобрѣтенной новой деревенькой. (*Цѣлуютъ руку у Любскаго*).

Свиныевскій. Прекрасное помѣстье... могу сказать! Я ужъ давно его знаю: 20 лѣтъ живу въ сосѣдствѣ безвыѣздно... и родился въ сихъ краяхъ.

Ломтиковъ. Славная покупочка!

Свиныевскій. О, славная, славная.

Ова. Поздравляемъ, поздравляемъ, ваше сіятельство.

Свиныевскій. Дай вамъ Богъ всякаго благополучія.

Ломтиковъ. И хорошаго урожая! (*Кланяются*).

Любскій. Извините, господа.

Ова (*кланяясь*). Помилуйте!...

Любскій (*продолжая*). Я не имѣю чести быть съ вами знакомой... И мнѣ очень совѣтно.

Ова. Ничего, ваше сіятельство.

Свиныевскій. Мы почли за долгъ сами пріѣхать и познакомиться... (*Рекомендуетъ*). Ближайшій сосѣдъ вашъ, Петръ Лаврентьевъ Свиныевскій.

Ломтиковъ (*рекомендуетъ*). Ближайшій сосѣдъ—Иванъ Ивановичъ Ломтиковъ.

Свиньевскій. Съ княземъ Николаемъ Александровичемъ мы уже прежде.....

Ломтиковъ (*перебивая его*). Имѣли честь познакомиться. Здравствуйте, ваше сіятельство. Здоровы-ли?

Свиньевскій. Мое почтеніе, ваше сіятельство. Здоровы-ли вы?

Князь. Благодарю, господа, благодарю!

Любскій. Вы меня извините... Я съ дороги такъ устала...

Ова. Помилуйте-съ! Ничего-съ!

Любскій. Однако, я такъ сегодня занята, что.....

Ова. Ничего-съ.

Любскій. Вамъ будетъ очень скучно, потому-что и сыну моему некогда.

Ова. Ничего-съ.

Любскій (*тихо князю*). Ихъ не выживешь! Имъ все ничего.

Князь (*тихо*). Да ты съ ними безъ церемоній...

Свиньевскій (*вслушиваясь*). Такъ точно, ваше сіятельство, безъ церемоній! Князь знаетъ наши деревенскіе обычаи: у насъ все безъ церемоній, по просту, безъ затѣй.

Ломтиковъ. Точно такъ, ваше сіятельство.

Любскій. Но, господа, я должна сказать вамъ, что я чрезвычайно разстроена.

Свиньевскій. Хе, хе, хе! понимаю, ваше сіятельство! На счетъ князя Николая Александровича; но это ничего-съ, ваше сіятельство.

Ломтиковъ. Ей Богу ничего-съ!

Свиньевскій. Намъ это очень нравится... Это напоминаетъ намъ и нашу молодость: я самъ былъ проказникъ... Хе, хе, хе! Знаете-ли, меня покойный батюшка, разъ ужъ большаго, съ позволенія сказать, выпоролъ. Я тоже... (*Говоритъ Любскому на ухо*).

Ломтиковъ. И я тоже... (*Говоритъ ему на другое ухо*).

Любскій. Помилуйте, господа, помилуйте.

Свиньевскій. Ничего, ваше сіятельство! Всѣ мы дѣти одного семейства! О! вы насъ полюбите, мы добрые, для насъ чужія радости и горести то-то... то...

Ломтиковъ. То есть все равно, что наши собственныя.

Свиньевскій. Вотъ сегодня утромъ, только что проснулся, какъ намъ уже дали знать, что наша сіятельная сосѣдка ночью изволила пріѣхать въ свое новое помѣстье... а еще за мѣсяць до вашего пріѣзда всѣ окружныя сосѣди выбрали

насъ т. е. депутатами, для засвидѣтельствованія почтенія, поздравленія и величественной преданности вашему сіятельству.

Любскій. Покорно благодарю, покорно благодарю! (*Тихо князю*). Я отказываюсь! Ихъ ничѣмъ не выживешь!

Князь (*тихо*). Ну сдѣлай же одолженіе, скажи имъ прямо, чтобы они убрались вонъ! Ничего... и отвѣчаю.

Свиньевскій. Слышите? благодарить! Побѣждайте же скорѣе Иванъ Ивановичъ и скажите всѣмъ, чтобы какъ можно поскорѣе ѣхали... Главное, дамъ поторопите. Скажите всѣмъ, что дескать благодарить покорно, и душевно рада всѣхъ видѣть; а я съѣзжу къ Купцевичу; у него собрались Спицынъ, Хрюкловъ и еще другіе.

Ломтиковъ. Сейчасъ слетаю. До свиданія, ваше сіятельство. (*Про себя*). Боюсь только, чтобы онъ безъ меня не навралъ чего на мой счетъ. (*Уходитъ быстро*).

Свиньевскій (*про себя*). Ловко спроводилъ, а не то навралъ бы что-нибудь на мой счетъ.

Любскій (*тихо князю*). Смотрите-же. (*Обернувшись*). Послушайте, господа... да гдѣ же вашъ товарищъ.

Свиньевскій. Онъ ужъ уѣхалъ.

Любскій (*грубо*). А вы то что же?

Свиньевскій. И я сейчасъ уѣду.

Любскій. Не смѣю задерживать васъ.

Свиньевскій. Мое почтеніе, ваше сіятельство, мое почтеніе, князь Николай Александровичъ! До свиданія.

Князь. Прощайте, прощайте. (*Свиньевскій уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Князь, Любскій, потомъ Данилычъ и Варвара.

Князь. Ну слава Богу, что отдѣлялись! Увѣрю тебя, Любскій, это неожиданное счастье.

Любскій. Я ужъ было отказался отъ всякой надежды.

Князь. Ну, теперь за дѣло! Пошлю сейчасъ за Данилычемъ! А! да вотъ и онъ съ дочерью. (*Входитъ управитель съ дочерью*).

Любскій (*женскимъ голосомъ*). Нѣтъ! Нѣтъ! Я вамъ никогда этого, никогда не прошу! Оставьте меня.

Князь. Мaman!...

Любскій. Князь, я вамъ приказываю оставить насъ!

Князь. Повинуюсь (*Уходитъ*).

Любскій (*садится*). А ты подожди, милая.

(*Варвара подходитъ и присѣдаетъ*).

Любскій. Ты, я слышала, умная и добрая дѣвушка; хвалю тебя за скромность я беру тебя къ себѣ. (*Про себя*). Мнѣ хочется испытать ее. (*Вслухъ*). Но не въ горничныя.... Нѣтъ! Я ужъ давно желала устроить счастье какой-нибудь бѣдной дѣвушки, воспитать, образовать ее и выдать за-мужъ за хорошаго, достойнаго человѣка. Ты мнѣ очень нравишься, и съ нынѣшняго дня будешь находиться при мнѣ неотлучно. (*Варвара задумывается*). Согласенъ ли ты на это мой добрый.... Варинька, какъ зовутъ твоего отца? (*Варвара не слышитъ*).

Данилычъ (*кланяясь*). Петромъ Даниловымъ, ваше сіятельство.

Любскій. Ну, Петръ Данилычъ, какъ тебѣ кажется мое предложеніе?

Данилычъ (*кланяется въ полъ, касаясь рукою до земли*). Дай Господь здравствовать вамъ матушка, ваше сіятельство, много лѣтъ! Да я и во снѣ не видывалъ такого благополучія. (*Дочери*). Что же ты, дуручка, не благодарнись? (*Варвара плачетъ*).

Любскій. Посмотри, она плачетъ. Что съ тобой! Отчего ты плачешь, мой другъ.

Данилычъ. Отъ радости, ваше сіятельство отъ радости! Я и самъ плачу. (*Утираетъ рукавомъ глаза*).

Любскій. Ну, нѣтъ.... не думаю. Что съ тобою, Варинька?

Варвара (*тихо*). Я вамъ все скажу безъ батюшки....

Любскій. Данилычъ, ты ступай теперь.... Я потолкую съ ней.

Данилычъ. Слушаю-сь, матушка.... слушаю-сь. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Любскій, Варвара.

Любскій. Ну, теперь мы одни; что же ты мнѣ хотѣла сказать.

Варвара (*помолчавъ*). Я еще и сама не знаю; но вы, княгиня такъ добры, такъ милостивы.

Любскій (*про себя*). Ей Богу, она начинаетъ мнѣ нравиться.

(*Вслухъ*). Скажи откровенно, не бойся: тебѣ не нравится мое предложеніе.

Варвара. Напротивъ, княгиня, я не знаю, какъ благодарить ваше сіятельство.

Любскій. Ну, такъ я сама тебѣ нравлюсь.

Варвара. Ахъ, какъ можно!

Любскій. Можетъ-быть тебѣ рассказали, что я капризная.

Варвара. Ахъ нѣтъ-съ.

Любскій. Такъ ты, вѣрно влюблена, въ кого-нибудь?

Варвара (*испугавшись*). Ахъ нѣтъ! Ей-Богу нѣтъ! Клянусь вамъ, ваше сіятельство право, нѣтъ.

Любскій. Вѣрю, вѣрю.... Однако, что съ тобой, отчего ты плакала?

Варвара. Ваше сіятельство, простите меня.... я чувствую, что въ эту минуту рѣшаюсь, можетъ-быть на большую.... глупость.... простите мнѣ мое самолюбіе, мою дерзость; можетъ-быть, вы перемѣните ко мнѣ ваше доброе расположеніе.... можетъ-быть, я все потеряю, но не знаю почему, непременно хочу быть съ вами откровенной.... и надѣюсь, что вы простите мнѣ все.

Любскій (*забывшись, беретъ ее за руку*). Говори, другъ мой, я тебя слушаю....

Варвара. Я родилась въ этой деревнѣ, и до 10 лѣтъ жила здѣсь, какъ живутъ всѣ крестьяне. И сколько я помню, я была счастлива тогда.... Отецъ отправилъ меня въ Петербургъ, къ доброй моей тетюшкѣ. Она дала мнѣ хорошее образованіе.... я забыла свое дѣтство, крестьянскій бытъ, во мнѣ родились другія мысли, въ душѣ моей возгорѣлась склонность.... нѣтъ, не склонность, а непреодолимаа страсть.

Любскій. Страсть! Ну, вотъ я говорила, что въ тебѣ есть страсть! Къ кому же ты чувствуешь эту привязанность, эту страсть?

Варвара. Къ кому? Не къ кому, спросите лучше ваше сіятельство, къ чему я имѣю страсть.

Любскій. Какъ къ чему?

Варвара. О! Я не смѣю признаться вамъ, княгиня. Въ вашихъ рукахъ вся судьба моя.... Но нѣтъ! не могу произнести роковаго слова.... я погибла.... если вы не согласитесь.

Любскій. Говори, говори! (*Про себя*). Дѣвушка эта изъ нашей комедіи дѣлаетъ какую-то драму.... Что будетъ дальше? (*Вслухъ*). Говори же!

ВАРВАРА. Я чувствую, что я не лишена таланта.... Можетъ-быть, вы будете смѣяться надо мной княгиня.... но вѣрите, когда я бываю въ театрѣ, когда....

Любскій (*перебивая ее съ жаромъ*). Театръ! ты говоришь о театрѣ? Такъ ты любишь театрѣ? Ахъ Боже мой!

ВАРВАРА (*испугавшись*). Не сердитесь, ваше сіятельство. Эта страсть неволью овладѣла мною. Къ тетушкѣ моей бѣдила очень часто одна изъ лучшихъ актрисъ петербургскаго театра.... я имѣла случай почти каждый день бывать въ театрѣ.... а дома я у нея училась пѣть и играть.

Любскій (*перебивая ее съ нетерпѣннѣмъ*). Такъ ты и сама можешь играть? Да, ну же отвѣчай!

ВАРВАРА (*опустивъ глаза*). Говорять, что я, можетъ-быть, была бы не совсѣмъ дурная актриса.

Любскій (*вскрикиваетъ*). Ахъ, чортъ возьми!

ВАРВАРА (*со страхомъ*). Ради Бога, простите, ваше сіятельство.

Любскій (*опомнившись*). Ничего, ничего, мой другъ.... продолжай (*Про себя*). Да, это сокровище! Нѣтъ, князь, теперь дѣло приметъ другой оборотъ.

ВАРВАРА. И я полюбила всю душою это изящное, благородное искусство, которымъ приобрѣтается извѣстность и слава. О, княгиня, для васъ непонятны чувства, волнующія душу актера, когда онъ выходитъ на сцену, и тысячи зрителей ждутъ его, смотрятъ на него, привѣтствуютъ.... когда одно слово, исполненное ума и чувства, выраженное улачно, какъ электрическая искра пробѣжить по всей залѣ, отозвавшись въ сердцахъ зрителя вѣрнымъ отголоскомъ!

Любскій (*забывшись*). Довольно! или....

ВАРВАРА. Ахъ, я забылась, ваше сіятельство.

Любскій Ничего, мой другъ.... Я думаю, что твое желаніе....

ВАРВАРА (*смотря на него съ напряженнѣмъ*). Мое желаніе? О! говорите, княгиня, можетъ ли оно быть исполнено?

Любскій (*забывается опять*). Увидимъ, увидимъ!

ВАРВАРА. Благодарю! благодарю. (*Бросается цѣловать ее руку*).

Любскій. Оставь! Ты говоришь, что часто бывала въ театрѣ?

ВАРВАРА. Почти каждый день.

Любскій. Ну, кто же тебѣ понравился изъ актеровъ?

ВАРВАРА. Тамъ много хорошихъ.

Любскій. Тамъ есть какой-то Лю....лю....лю.... не помню больше фамиліи его.

ВАРВАРА (*наивно*). Ахъ, Любскій! Онъ прекрасный актеръ, я его очень люблю.

Любскій. Вотъ тебѣ разъ! Да его не стоить любить. Онъ прегадкій человекъ.

ВАРВАРА. Ахъ, нѣтъ, его всѣ хвалятъ!

Любскій. Я лучше знаю. Еще недавно хотѣлъ онъ рѣшиться на такое дѣло.... на такое.

ВАРВАРА. На какое-же?

Любскій. Лучше не скажу тебѣ. Но, послушай.... гмъ! гмъ! Князь мой сынъ идетъ (*Садится*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢ ЖЕ и Князь.

Князь. Извините, паташ, я пришелъ сказать, что завтракъ готовъ.

Любскій (*Варварѣ*). Ну, теперь поди, душенька къ отцу; я послѣ пришлю за тобой?

Князь (*тихо ему*). Зачѣмъ ты отпускаешь ее?

Любскій (*не слушая*). Поди, поди!

ВАРВАРА. Я не знаю, какъ благодарить ваше сіятельство.

Любскій (*почти насильно провозжая ее*). Безъ благодарности.... поди же!

ВАРВАРА. Слушаю-съ. (*Уходитъ*).

Князь. Зачѣмъ ты ее отпустилъ? а?

Любскій (*ходитъ по комнатѣ насвистывая арию*).

Князь. Чтѣ-жъ ты молчишь? Ну, какъ идетъ наше дѣло. (*Ходитъ за нимъ*). Отвѣчай-же. Чтѣ это значитъ? Я тебя не понимаю.

Любскій (*кончивъ румладу, останавливается вдругъ и развязываетъ чепчикъ*). Кажется, ты женишься, князь? У тебя есть невѣста?

Князь. Ну да! такъ чтѣ за бѣда? Сватѣба еще не скоро.

Любскій. Ты мнѣ говорилъ, что эта.... эта дѣвушка... вѣтренница.... кокетка.... хитрая.... плутовка.... Я убѣдился въ противномъ....

Князь. Надѣюсь, что ты шутишь.

Любскій. Надѣюсь, что вы перестанете шутить.

Князь. Я съ вами раздѣляюсь.

Любскій. Нѣтъ, теперь вы отъ меня не отдѣляетесь.

ЯВЛЕНИЕ IX.

Тъ же и Черемкинъ (въ женскомъ платьѣ).

Черемкинъ (вбѣгаетъ съ ужасомъ). Ваше сіятельство, ваше сіятельство, выручите, спасите! Жена пріѣхала, спрячьте меня!

Князь. Что тебѣ надобно, сумасшедшій?

Черемкинъ. Свиныевскіе пріѣхали, Ломтиковы пріѣхали! Жена пріѣхала!

Князь. Что? что?

Черемкинъ. Они пріѣхали гурьбой! Не выдайте, спрячьте!

Князь. Любскій, что намъ теперь дѣлать?

Любскій. Дѣлай, что хочешь!

Князь. Ты не можешь ихъ принять въ этомъ видѣ! Женщины сейчасъ узнаютъ обманъ.... Можно обмануть мужчинъ.... А ихъ не обманешь.... Посовѣтуй, Любскій.

Черемкинъ. Ваше сіятельство идутъ, идутъ! Спрячьте отъ жены! Гдѣ мое платье? Ахъ ты Господи, Господи! Спрячьте, ваше сіятельство.

Князь. Убирайся!

Черемкинъ (хватаетъ за руки). Спрячьте! Явите божескую милость!

Князь (кричитъ, топнувъ ногой). Ступай въ мой кабинетъ.

Черемкинъ. Куда, куда?

Князь. Вонъ туда! (Запираетъ его въ кабинетъ напльво; Любскій опять ходитъ по комнатѣ и хохочетъ. Въ саду слышнень шумъ многихъ голосовъ). Кажется, весь уѣздъ съѣхался! Ну, Любскій, и ты долженъ спрятаться.... я скажу что ты, т. е. что матушка заболѣла. Ну ступай же, какъ-нибудь отдѣлаюсь отъ нихъ. (Въ сильномъ безпокойствѣ). Ступай же.... или ты рѣшился совершенно окомпрометировать меня?

Любскій. Къ тебѣ гости пріѣхали что-ли.

Князь. Ну да, ступай.

Любскій. Желаю тебѣ веселиться. (Уходитъ)

Князь. Ну, заварилъ я кашу.

ЯВЛЕНИЕ X.

Князь, Прасковья Даниловна Черемкина, Ломтиковъ съ женою, Свиныевскій съ женою и тремя дочерьми, потомъ еще другіе помѣщики.

Всѣ. Здравствуйте, ваше сіятельство. Съ пріѣздомъ матушки, ея сіятельства!

Князь (про себя). Попался! (Вслухъ). Господа....

Прасковья Даниловна. Здравствуй, голубчикъ мой! князь Николай Александровичъ! Грѣшно тебѣ, батюшка! Не стыдно ли тебѣ было не навѣстить добрыхъ сосѣдей! А сколько времени ужъ пріѣхалъ! Или ты не зналъ, что я гошу у Петра Лавреатыча. Вѣдь мы съ тобою старинные знакомые, сосѣди по той деревнѣ.

Свиныевскій. Позвольте, ваше сіятельство, рекомендовать жену и дѣтей: вотъ старшая дочь, Катинь, училась въ Москвѣ, въ пансіонѣ, знаетъ иностранные языки, музыку и пѣніе, исторію, географію.... учитъ сестеръ.... а вотъ Надина.... а вотъ и Мери.

Катинь, Надина, Мери. Ахъ, князь!

Князь. Я очень радъ.... я очень радъ.

Ломтиковъ. Ваше сіятельство, позвольте рекомендовать жену.... дѣти сейчасъ будутъ.... маленько отстали.... знаете, тарантасъ—то тяжеленецъ.... я думаю, скоро будутъ.

Прасковья Даниловна. Гдѣ-же книжничка? Благополучно-ли доѣхала? Не растрясло-ли съ дороги? Веди-же насъ къ маменькѣ, князь Николай Александровичъ.

Князь. Она не такъ здорова, и потому....

Прасковья Даниловна. Не мудрено! Вѣдь не бездѣлица проѣхать изъ Петербурга 300 верствъ.

Свиныевскій. 600, Прасковья Даниловна, 600.

Прасковья Даниловна. Ахъ батюшка! Сама знаю, что 600. Вотъ еще учить вздумалъ! Я только такъ говорю, и 300 верствъ не бездѣлица, а каково-же 600! Впрочемъ ничего, мы развеселимъ ея сіятельство.

Князь. Но все-таки матушка никакъ не можетъ выдти, и просить извинить ее.... (Про себя) О, Боже мой!

Прасковья Даниловна. Ничего, ничего! Мы сами къ ней пойдёмъ. Пойдемте!

Князь. Да нѣтъ.... позвольте.... матушка больна такъ, что не можетъ встать.... она умираетъ. *(Общій крикъ)*.

Прасковья Даниловна. Что жъ ты сейчасъ не сказалъ! Вѣтренникъ ты этакой! Гдѣ княгиня? Я вылечу ее! Я знаю лекарства отъ всѣхъ болѣзней.... не нужно никакого лекаря.

ВМѢСТѢ $\left\{ \begin{array}{l} \text{Г-жа Свињевская. Укусю съ чернымъ хлѣбомъ привязать} \\ \text{къ головѣ.} \\ \text{Г-жа Ломтикова. Французской водки съ солью влить въ} \\ \text{ухо.} \\ \text{Свињевскій. Напонтъ бузиною.} \\ \text{Ломтиковъ. Кровь бросить.} \end{array} \right.$

Прасковья Даниловна. Это все пустяки! Вотъ что надо сдѣлать. *(Говоритъ всѣмъ на ухо)*.

Всѣ. Правда! Правда!

Прасковья Даниловна. Гдѣ княгиня?

Свињевскій. Вотъ гдѣ спальня. Я часто бывалъ у прежняго помѣщика—знаю наизусть весь домъ.

Прасковья Даниловна. Хорошо, духомъ вылечу. *(Хочетъ идти въ спальню)*.

Князь *(ударяетъ)*. Позвольте, позвольте! Я васъ прошу.

Прасковья Даниловна. Да что ты, батюшка? Я знаю лучше тебя! Уморить хочешь родную мать что—ли? Пустяки. *(Уходитъ)*.

Князь *(съ отчаяніемъ)*. Теперь все кончено!

Свињевскій. Ужъ вы не беспокойтесь, ваше сіятельство. Прасковья Даниловна вылечитъ. На той недѣлѣ, баба у меня родила троихъ заразы, ужъ почти было духъ испустила, и то ничего. Прасковья Даниловна поставила на ноги. Теперь опять здорова.

Всѣ. Вылечить! вылечить!

Г-жа Ломтикова *(подбѣгаетъ къ окну)*. А вотъ и Кипочка и Зиночка пріѣхали! Идутъ, идутъ. *(Бѣжитъ имъ навстрѣчу, входятъ двѣ барышни)*.

Князь *(про себя)*. Bravo, bravo! Нѣтъ ли еще кого?

Ломтиковъ. Ваше сіятельство, имѣю честь рекомендовать дочерей... Зиночка... Кипочка...

Князь. Очень, очень—радъ. *(Входятъ: Кунцевичъ, Спицынъ, Хрюковъ)*.

Кунцевичъ *(басомъ)*. Ваше сіятельство, мое вамъ почтеніе.... Филиппъ Ильичъ Кунцевичъ.... Милости просимъ къ намъ въ деревню.... отличныя у меня гончія.

Спицынъ *(дискантомъ)*. А у меня борзья! Абрамъ Абрамовичъ Спицынъ.

Хрюковъ. Матвѣй Ивановичъ Хрюковъ.

Князь. Господа, такая честь.... *(про себя)*. Это, просто, набѣздъ.

Прасковья Даниловна *(выходитъ съ торжествующимъ видомъ)*. Господа!

Всѣ. Ну что? ну что?

Прасковья Даниловна. Ахъ ты, Господи! Какъ княгиня-то въ 15 лѣтъ перемѣнилась! Узнать нельзя. И то правду сказать, я хорошенько-то ее не разглядѣла, шторы были опущены.

Всѣ. Легче-ли?

Прасковья Даниловна. Господа! Княгиня чувствуетъ себя гораздо легче, но ея сіятельство желаетъ остаться одна, а за то всѣхъ насъ приглашаетъ, обѣдать.

Всѣ. А—а—а!

Князь. Можетъ ли это-быть! *(Про себя)* Любскій вѣрно, съ ума сошелъ *(Вслухъ)*. Но у насъ здѣсь ничего нѣтъ, ни людей, ни поваровъ, даже посуды.

Прасковья Даниловна. Правда, правда, и княгинюшка тѣмъ же затруднилась; но я сказала, что у насъ все это подъ-рукой.

Всѣ. Ничего.... пошлемъ за своею.

Свињевскій. Хоть ко мнѣ.... всего три версты....

Князь *(про себя)*. Пропалъ я!

Г-жа Свињевская *(у окна)*. Вотъ и Гвоздины ѣдутъ! *(Махаетъ платкомъ)* Сюда, сюда!

Князь. Кто еще пріѣхалъ? Кто? *(Подбѣгаетъ къ окну)*. Боже милосердїи! *(Съ колическимъ отчаяніемъ)* Ко мнѣ пріѣхалъ самъ Оедуль съ дѣтьми. *(Входятъ Гвоздины съ дѣтьми гувернеромъ, гувернанткою и няней. Общій шумъ и крикъ)*.

ГУВЕРНЕРЪ. Rubich Kinder, rubich.

ГУВЕРНАНТКА. M-g Cola M-lle Oia! Silence! Taisez-vous.... *(Миша пускаетъ волчокъ, Оедя барабанитъ)*.

НЯНЯ *(съ 2-хъ-лѣтнимъ Колей на рукахъ)*. Баюшки баю! баюшки баю!

Князь *(въ отчаяніи)*. Это нашествіе иноплемненныхъ!

Гвоздинъ *(важнѣй и толстѣй дѣтина)*. Князь, рекомендую жену и дѣтей, прошу любить и жаловать. Гдѣ же княгиня?

Князь. Матушка....

Г-жа Гвоздина *(перебивая)*. Князь, посмотрите Колю.... Это нашъ младшій сыночекъ.... вчера третїй голокъ пошелъ. *(Беретъ у няни)*. Полюбуйтесь, не правда ли милашка? И какой умница.

Князь. Вижу, вижу. *(Скрывая съ трудомъ свое бѣшенство)*. Ахъ ты душа! Ахъ ты маленькій шалуни! Я бы такъ и съѣлъ тебя!

Г-жа Гвоздина. Ахъ, князь, какой вы проказникъ!

Прасковья Даниловна *(у окна)*. Вдуть, вдуть!

Князь. Еще!

Прасковья Даниловна. Радуйтесь, барышни! Я и забыла сказать. Княгиня согласилась дать сегодня балъ. Григорій Григорьевичъ Быховцевичъ везетъ музыку. Мы уже заранѣе этимъ распорядились.

Барышни *(прыгаютъ)*. C'est charmant! C'est charmant!

Князь. Любскій, Любскій! Это не пройдетъ тебѣ даромъ.

Быховцевичъ *(влетаетъ)*. Mesdames, Mesdames! Вотъ и музыка.

Всѣ. Ура! *(Молчаніе)*.

Когда всѣ умолкли. Князь съ отчаяніемъ одинъ кричитъ: ура! Въ это время у самыхъ дверей раздается военная музыка. Всѣ суетятся и бьютъ въ ладоши.

Князь *(на авансценѣ)*. Осталось одно средство: обрушить на себя собственный домъ!

(Занавѣсъ опускается при музыкѣ и общемъ шумѣ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Таже комната.

ЯВЛЕНІЕ I.

Варвара *(одна, входитъ въ среднюю дверь)*. Наконецъ—то они съѣли обѣдать. Бѣдный князь! право, мнѣ жаль его: онъ не привыкъ еще къ здѣшнимъ обычаямъ, онъ не знаетъ еще, что такое уѣздное гостепріимство. Я теперь такъ довольна, такъ счастлива.... *(Помолчавъ)*. Старая Василиса пропала—никто не знаетъ, куда она дѣлась. Неужели у княгини никого нѣтъ! Я

положу здѣсь, и когда она будетъ звонить, я пойду къ ней, я буду ей служить. О! я знаю, что она будетъ довольна мною. Какая она добрая! Какъ я полюбила ее! Въ чертахъ ея есть что—то знакомое, только я не могу припомнить... вѣрно я ужъ прежде гдѣ—нибудь да видѣла ее. *(Задумывается. Она стоитъ спиною къ двери комнаты Любскаго)*.

ЯВЛЕНІЕ II.

Варвара, Любскій *въ мужскомъ платьѣ. Онъ выходитъ осторожно изъ дверей комнаты и идетъ къ средней двери, будто оттуда вышелъ*.

Любскій *(пробѣл)*. Она! она! какое счастье! *(Подходитъ вдругъ)*. Извините, Варвара Петровна я долженъ съ вами поговорить.

Варвара *(испугавшись)*. Ахъ! вы? со мной?

Любскій. Ну да! Помните, вы мнѣ сегодня утромъ сказали, что чувствуете въ себѣ драматическій талантъ.

Варвара. Я вамъ это говорила? Сегодня утромъ?

Любскій. Да взгляните же на меня.... Вы должны знать меня.

Варвара. Въ—самомъ—дѣлѣ.... я васъ знаю.... Но какимъ образомъ вы попали сюда?

Любскій. Объяснить вамъ? Вы не знаете, какъ это для меня трудно, хотя я и актеръ и лгать умѣю.... Но нѣтъ! я не хочу васъ обманывать. Варвара Петровна, простите меня. Обыкновенно я играю только по вечерамъ, но видно я сегодня утромъ хорошо сыграю роль княгини, потому—что вы не узнали меня!

Варвара *(съ сильнымъ испугомъ)*. Боже мой! Боже мой! Теперь я понимаю! Вы хотѣли погубить меня.... *(Рыдаетъ)*.

Любскій. Нѣтъ, вамъ нечего опасаться, я вашъ защитникъ! Успокойтесь, Варвара Петровна.

Варвара *(съ обидой)*. Оставьте меня! Вы недостойный человекъ! Такой низкій обманъ!

Любскій. Прошу васъ вѣрнѣе мнѣ.

Варвара *(подумавъ съ робостью)*. Такъ что же мнѣ дѣлать, скажите ради Бога.

Любскій. Княгиня скоро пріѣдетъ.

Варвара. Всѣ мои надежды разрушены! Княгиня, можетъ—быть, не согласится на мою просьбу.

Любскій. Она согласится, если я скажу ей, что въ васъ есть талантъ.

ВАРВАРА (*потупивъ глаза*). Но скажите ли вы ей это? Любскій. Скажу ли я? гмъ! это отъ васъ зависитъ.

ВАРВАРА. Отъ меня?

Любскій. Да, какъ бы вамъ объяснить.... докажите мнѣ, что въ васъ есть талантъ.

ВАРВАРА. Какъ же это я могу?

Любскій. Нѣтъ ничего легче: прочтите мнѣ какую-нибудь тираду.... или монологъ.... или что нибудь....

ВАРВАРА (*съ робостію*). Прочешть вамъ. О никогда, никогда!

Любскій. Я васъ прошу, я васъ умоляю.... это необходимо.

ВАРВАРА. Нѣтъ, нѣтъ! это не возможно!

Любскій. Отчего же не возможно? Напротивъ, это очень возможно, и даже сейчасъ, здѣсь, сію минуту. Намъ теперь никто не помѣшаетъ.

ВАРВАРА. Не требуйте этого, г. Любскій.... я не могу.... я не хочу....

Любскій. Вѣрно вы знаете наизусть какую-нибудь сцену....

ВАРВАРА. Нѣтъ, я ничего не знаю наизусть.

Любскій. Какъ? вы ничего не знаете? (*Помолчавъ*) Ну, въ такомъ случаѣ, конечно, въ васъ немного таланта.... очень немного.... Я ошибся.... вы сами ошиблись.... нечего дѣлать. (*Ходитъ по комнатѣ. Молчаніе*).

ВАРВАРА (*нервнито*). Г. Любскій.

Любскій (*не въ духѣ*). Что?

ВАРВАРА. Я знаю наизусть еще.... еще.... сцену изъ Федры.... (*Или изъ другой пьесы, по выбору актеровъ*).

Любскій (*живо*). Какую? (*Беретъ стулъ и ставитъ его посреди сцены*).

ВАРВАРА. Что вы дѣлаете?

Любскій. Я—Исполнить, вы Федра. Эта шаль будетъ вашей тойой.

ВАРВАРА. Что, что?

Любскій. Господа! по мѣстамъ! Начинается! (*Подражая голосомъ колокольчику*). Вотъ ваше мѣсто, занавѣсъ поднимается, зрители слушаютъ. Я говорю первый.... (*Выбравъ позу, декламируетъ, несколько утрируя. Варвара продолжаетъ. По окончаніи Любскій бросается къ ней съ восторгомъ*).

Любскій. Варвара Петровна! Варинька! Другъ мой, я люблю тебя! Я готовъ тебѣ отдать жизнь мою.

ВАРВАРА. Г. Любскій!

Любскій (*съ большимъ жаромъ*). Какой я г. Любскій? Какъ вы въ эту минуту можете называть меня г-мъ Любскимъ? Я

вамъ говорю, что въ васъ есть талантъ.... ей Богу есть! клянусь вамъ.... можете мнѣ вѣрить.

ВАРВАРА (*съ радостію*). Неужели это правда?

Любскій. Теперь скажите, хотите ли вы соединить вашу судьбу съ моею.

ВАРВАРА (*помолчавъ, робко*). Все зависитъ отъ княгини и отъ моего отца.

Любскій (*вскакиваетъ и прижимаетъ ее къ себѣ*). О, какое счастье!

ВАРВАРА. Кто-то вѣхалъ на дворъ.... (*Бѣжитъ къ окну*).. Боже мой! Генераль Рыминъ съ своей племянницей Лизаветой Павловной—невѣстою князя. (*Отходитъ отъ окна*). Ради Бога, уйдите! уйдите скорѣе, умоляю васъ!

Любскій. Придете ли вы опять сюда?

ВАРВАРА. Приду... сдѣлаю все, что вамъ угодно; только уйдите теперь.

Любскій. До свиданія, мой другъ.... я....

ВАРВАРА. Идутъ!

Любскій. И я иду (*Уходитъ въ свою комнату*).

ВАРВАРА (*одна*). Какъ я рада, что онъ теперь ушелъ. Не хорошо, если бы они застали его. Что мнѣ скѣзатъ, когда они спросятъ про княгиню? Я притворюсь, будто ничего не знаю, это самое лучшее. Вотъ и они!

ЯВЛЕНІЕ III.

ВАРВАРА, генераль Рыминъ и Лизавета Павловна. (*Генераль говоритъ громко и не въ духѣ*).

ГЕНЕРАЛЬ. Однако, я до-сихъ-поръ еще не вѣрю. Княгиня сама писала мнѣ, что она сперва заѣдетъ ко мнѣ въ деревню, и возьметъ тебя.

ЛИЗАВЕТА ПАВЛОВНА. Говорятъ, что она занемогла дорогой.

ГЕНЕРАЛЬ. Все-таки она должна была извѣститъ меня о своемъ приѣздѣ.... вѣдь всего-то пять верстъ.

ЛИЗАВЕТА ПАВЛОВНА. Ахъ, вотъ Варинька—она все расскажетъ намъ. (*Варинька кланяется*).

ГЕНЕРАЛЬ. Скажи пожалуйста, моя милая—княгиня приѣхала.

ВАРИНЬКА. Точно такъ, ваше превосходительство! Княгиня приѣхала ночью.... ея сіятельство не такъ здорово.

Генераль. Однако у васъ званій обѣдъ и балъ; весь дворъ заставленъ брѣчками, тарантасами, колясками.

Варвара. Ахъ это все незваные гости, ваше превосходительство; господа эти сами прѣехали.

Лизавета Павловна. Я такъ и думала, дяденька.

Генераль. Что жъ они за столомъ что ли?

Варвара. Да-съ!

Генераль. А княгиня?

Варвара. Княгиня, кажется, почиваетъ... вотъ спальня... но ея сіятельство нельзя теперь видѣть.... онъ никого не принимаютъ.

Генераль. Ну такъ давай князя сюда.

Варвара. Я сейчасъ велю доложить князю (*Уходитъ въ столовую*).

Генераль. Признаюсь тебѣ откровенно, Лизанька, вся эта исторія мнѣ что-то не нравится.

Лизавета Павловна. Что же вы полагаете, дяденька.

Генераль. Я полагаю, что твой князь пребольшой вѣтренникъ, котораго непременно....

Лизавета Павловна (*перебивая*). Надобно исправить? О, я объ этомъ позабочусь!

Генераль. Я тоже! Да зачѣмъ вызывать его изъ-за стола, пойду самъ, а ты подожди здѣсь.

Лизавета Павловна. Очень хорошо, дяденька.

Генераль. Добьюсь же наконецъ, зачѣмъ мнѣ не дали знать, что прѣехала княгиня. Постой, я проучу князя.

Лизавета Павловна. Пожалуйста не слишкомъ браните его.

Генераль. Хорошо, хорошо! (*Уходитъ въ столовую*).

Лизавета Павловна (*одна*). Дяденька такой вспыльчивый; онъ привыкъ къ строгому порядку; а князь, напротивъ, вовсе не охотникъ до него.... однако туалетъ мой, кажется, въ страшномъ беспорядкѣ, мы такъ скоро ѣхали (*Занимается передъ зеркаломъ своимъ туалетомъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Лизавета Павловна, потомъ Любскій, Черемкинъ, князь и Ломтиковъ.

Любскій. А, кокетка! передъ зеркаломъ! (*Подходитъ осторожно къ Лизаветѣ Павловнѣ и беретъ ее за руки*). Варвара Петровна!

Лизавета Павловна (*испугавшись*). Ахъ!

Любскій (*испугавшись*). Ахъ! (*Про себя*) Попалъ въ просакъ! Это не она.

Лизавета Павловна. Что вамъ угодно? (*Про себя*). Это, кажется, не изъ здѣшнихъ гостей.

Любскій. Извините сударыня, я.... я.... я ошибся! ей Богу ошибся! Сейчасъ уйду.... извините (*Хочетъ идти назадъ въ свою комнату*).

Лизавета Павловна (*останавливаетъ его*). Куда вы? Тамъ спальня княгини; она нездорова.

Любскій. Что вы говорите?

Лизавета Павловна. Я говорю, что вамъ туда нельзя идти. Княгиня нездорова.

Любскій. Ничего!

Лизавета Павловна. Какъ ничего?

Любскій. Я очень коротокъ съ княгиней.

Лизавета Павловна. Вы съ ней коротки?

Любскій. Да, увѣрю васъ.... я знаю ее какъ самого себя.... извините, что беспокоилъ васъ (*Хочетъ опять идти*).

Лизавета Павловна. Однако, позвольте.... вы испугаете княгиню.

Любскій. Нѣтъ, не испугаю, она ужъ привыкла ко мнѣ.... Имѣю честь кланяться (*Уходитъ и запираетъ за собою дверь на замокъ*).

Лизавета Павловна. Что это значить? Онъ запираетъ за собою дверь. Ничего не понимаю.... право, это странно, что это за молодой человѣкъ? Развѣ докторъ. Нѣтъ, не можетъ быть, онъ сказалъ бы мнѣ... Не знаю, что и думать!

Черемкинъ (*стучитъ въ дверь*). Ваше сіятельство, ваше сіятельство, кажется, это вы.... вашъ голосъ.... выпустите ради Бога, выпустите!

Лизавета Павловна. Боже мой! что это?

Черемкинъ. Ваше сіятельство! Дайте хоть чего-нибудь поѣсть... проголодался... съ самого утра ничего не ѣлъ... Сжалъ-тебя, ваше сіятельство.

Лизавета Павловна. Вѣроятно, кого-нибудь ошибкой заперли.

Черемкинъ. И вчера не дали порядкомъ поужинать... все торопились... ваше сіятельство! А, ваше сіятельство. Мнѣ ужасно скучно одному.

Лизавета Павловна. Я его выпущу. (*Она отворяетъ дверь. Черемкинъ въ женскомъ платьѣ выходитъ; увидѣвъ Лизавету Павловну, онъ съ крикомъ бѣжитъ назадъ; Лизавета Павловна*

вскрикиваетъ и, пугаясь, бросается отъ двери). Боже! сумасшедшій! Что я надѣлала? Какое счастье, что онъ испугался меня; запру опять дверь... (Остается вѣшать). Но если онъ кинется на меня? Подойду осторожно. (Запираетъ дверь). Вотъ такъ.... Слава Богу, я все еще дрожу.

Князь (входитъ). Лизавета Павловна! другъ мой! Какой пріятный сюрпризъ.... (Про себя). Этого не доставало.

Лизавета Павловна. Ахъ, князь!... я.... я....

Князь. Боже мой! что съ вами? Отчего вы такъ встревожены?

Лизавета Павловна. Вообразите, Николай Александровичъ, я чуть-чуть не выпустила вашего сумасшедшаго.

Князь. Какъ? моего сумасшедшаго?

Лизавета Павловна. Ну да, котораго вы заперли.

Князь. Я заперъ сумасшедшаго?

Лизавета Павловна. Онъ стучался въ дверь.... я отперла ее, но къ счастью онъ испугался меня—и убѣжалъ. Извините мою неосторожность.... Какъ легко могла бы случиться какая-нибудь бѣда.

Князь. Ничего не понимаю....

Лизавета Павловна. Вотъ въ этой комнатѣ.... Онъ одѣтъ въ женское платье.

Князь (про себя). Теперь понимаю, это проклятая Василиса (Очень громко). Да, мой другъ, это точно сумасшедшій!... Его надобно проучить хорошенько....

Лизавета Павловна. Ахъ, ради Бога, пощадите несчастнаго.

Князь. Ничего! я знаю, что съ нимъ дѣлать!

Лизавета Павловна. Еще, Николай Александровичъ, я должна сказать вамъ.... право, это такъ странно, но я видѣла собственными глазами, какъ молодой человѣкъ пошелъ въ комнату вашей матушки.

Князь. Какъ? Что?

Лизавета Павловна. Увѣрю васъ! Я сказала ему, что ваша матушка нездорова, что она никого не принимаетъ.... по онъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ очень коротокъ съ княгиней—вошелъ въ ея комнату, и еще заперъ за собою дверь на замокъ.

Князь. Какъ! вы говорите.... такъ что же? Не знаю.... право.... что это за молодой человѣкъ?

Лизавета Павловна. Я вижу его въ первый разъ.... Пойдемте же къ вашей матушкѣ, вѣроятно, она послѣ этого и насъ приметъ.

Князь (въ большомъ замѣшательствѣ). Нѣтъ, нѣтъ! вамъ не-

льзя видѣть матушки.... Никакъ нельзя.... увѣрю васъ, что это невозможно.

Лизавета Павловна. Такъ объясните мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, причину.

Князь. Причину? Извольте, извольте! (Про себя). Что мнѣ сказать ей? Вотъ положеніе! Это все ты, Любскій! (Вслухъ). Ну да! именно по этой причинѣ.

Лизавета Павловна. По какой?

Князь. Развѣ я вамъ не сказалъ?

Лизавета Павловна. Нѣтъ.

Князь. Ну, такъ я вамъ сейчасъ скажу. (Про себя) Рѣшительно не могу придумать. (Вслухъ) Ахъ, Боже мой! какъ я разсѣянъ! Вѣроятно вы еще не обѣдали. Неудобно ли вамъ?

Лизавета Павловна. Благодарю, я обѣдала.... Но мнѣ угодно видѣть вашу матушку.

Князь. Ахъ да, матушку! Ну, это другое дѣло. Видите....

Лизавета Павловна. Да, да, я вижу князь, я вижу....

Князь. Что вы видите, Лизавета Павловна?

Лизавета Павловна. Что я оставалась здѣсь, можетъ-быть, слишкомъ долго. Потрудитесь сказать дяденькѣ, что я желаю ѣхать домой (Плачетъ).

Князь. Лизавета Павловна! другъ мой! ради Бога, простите меня.... я люблю васъ отъ чистаго сердца, клянусь! Но когда мнѣ приходится въ голову какая-нибудь фантазія, я непременно долженъ исполнить ее. Расскажу вамъ все.

Лизавета Павловна. Боже мой! что я должна буду услышать.

(Ломтиковъ показывается въ дверяхъ и подслушиваетъ.)

Князь. Вы легко можете представить себѣ, какъ ужасно надоѣли мнѣ эти милые сосѣди, которые ни днемъ ни ночью не давали мнѣ покоя, когда я пріѣхалъ сюда два мѣсяца назадъ, и теперь начинается то же самое.

Лизавета Павловна. Ну, ну!

Князь. Согласитесь сами, что они одинъ другаго несноснѣе.

Ломтиковъ (тихо). Что, что? Ого-го-го!

Князь. Вы согласитесь со мной, не правда ли?

Лизавета Павловна. Соглашаюсь, соглашаюсь. Что же дадѣе.

Ломтиковъ (тихо). И она туда же! (Увидя генерала). Ай! (Прячется въ уголъ).

ЯВЛЕНИЕ V.

ТѢЖЕ и Генераль Рымнинъ.

Генераль, *(съ дверяхъ)*. Ну, что Лизанька, видѣла княгиню? Лизавета Павловна. Ахъ дяленька! Мы сейчасъ должны уѣхать.... Вѣдь княгини здѣсь вовсе нѣтъ.

Генераль. Какъ? *(Князю)*. Однако Прасковья Даниловна видѣла твою матушку и даже говорила съ нею.

Князь. Она видѣла переодѣтаго молодого человѣка — моего знакомаго: у него небольшой драматическій талантъ, которымъ я воспользовался, чтобъ посмѣяться.

Ломтиковъ. Бѣгу сообщить женѣ, Каночкѣ и Зиночкѣ *(Уходитъ)*.

Генераль. Ну, желаю тебѣ благополучно окончить эту шутку — она мнѣ не нравится. Глупо, князь! Когда же будетъ настоящая княгиня.

Князь. Я жду ее завтра.

Генераль. Поѣдемъ Лизанька! Поблагодари женишка за пріятный сюрпризъ *(Въ сторону)*. Охъ, эти матушкины дѣти мнѣ никогда не нравились.

Князь. Прощайте, Лизавета Павловна! До завтра *(Тихо ей)*: Вашъ дяленька, кажется, сердится; успокойте его....

Лизавета Павловна. Постараюсь. Прощайте. Но еще вы и со мной за это заплатите *(Уходитъ съ генераломъ)*.

Князь *(ходитъ по комнатѣ)*. Мнѣ очень жаль, что я немножко обманываю свою невѣсту; но дѣлать нечего за то ужъ буду вѣрнѣ ей послѣ свадьбы. *(Она хочетъ идти, но Ломтиковъ съ женою его останавливаютъ)*.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Князь и Ломтиковъ съ женою.

Ломтиковъ. Куда вы, ваше сіятельство, ужъ не къ матушкѣ ли вашей?

Князь. Нѣтъ, я сейчасъ вернусь.

Ломтиковъ. Позвольте вамъ замѣтить, ваше сіятельство, что вы напрасно надѣетесь одурочить всѣхъ кругомъ! Гм! гм!

Г-жа Ломтикова. Позвольте вамъ замѣтить, ваше сіятельство, что не всѣ провинціалы такъ глупы, какъ вы полагаете....

Князь *(про себя)*. Попался! попался! Подслушали!

Ломтиковъ. Мы знаемъ, какъ люди живутъ! Да-съ!

Г-жа Ломтикова. Ужели вы думаете, что мы въ провинціи не слымѣемъ отличить княгини отъ какого-нибудь повѣсы, шематона? а?

Оба. Мы вамъ дадимъ знать себя, даромъ, что вы князь.

Князь. Иванъ Ивановичъ! и вы Марья Клементьевна, неужели вы полагали, что я могъ бы рѣшиться дурачить, фи, фи, какое слово! дурачить такихъ почтенныхъ людей, какъ вы! Вѣдь всю эту комедію затѣялъ я для Свиныхъ свиныхъ.

Оба. Для Свиныхъ свиныхъ?

Князь. Ну да, какъ же вы сами не догадались.

Ломтиковъ *(фыркаетъ)*. Гм! гм! Вотъ въ-самомъ-дѣлѣ, замысловатая штука. Ваше сіятельство, простите великодушно.

Г-жа Ломтикова. Ахъ ты, голубчикъ мой! Князь ты мой золотой. То-то посмѣмся послѣ надъ Свиныхъ свиными! Ха, ха, ха!..

Ломтиковъ *(дѣлая руками носъ)*. Ха, ха, ха! Съ какимъ я поздравлю Свиного свиного! у!..

Г-жа Ломтикова. Ну, ваше сіятельство, грѣшно осуждать ближнихъ, а если бы рассказать вамъ, какъ Петръ Лаврентьевичъ Свиный свиный живетъ съ женою! просто, какъ кошка съ собакой.

Ломтиковъ. Раза два въ недѣлю у нихъ бываютъ исторіи.

Г-жа Ломтикова. Раза четыре! Прости меня Господи! И дочери-то! Ни на минуту не оставила бы я Зиночки и Кипочки глазъ на глазъ съ ними! Богъ знаетъ, чего онѣ не рассказали бы мнѣ мнѣ невиннымъ голубкамъ! А старшая-то Катинь, ой, ой, ой! три раза была невѣста, да дѣло все расходилось....

Князь. А знаете что, вы теперь ступайте къ другимъ, а не то догадаются, что вы.... понимаете? что вы участвовали, что вы помогали мнѣ обманывать ихъ....

Г-жа Ломтикова. Ваша правда, пойдемъ Иванъ Ивановичъ, пойдемъ.

Ломтиковъ. Пойдемъ! То-то будемъ хохотать. *(Уходятъ)*.

Князь *(одинъ)*. Слава Богу и этимъ сировадилъ! *(Она хочетъ идти, но Свиный свиный съ женою бѣгутъ за нимъ, и останавливаютъ его)*.

ЯВЛЕНИЕ VII.

Князь, Г. и Г-жа Свиныевскіе.

Свиныевскій (*сильно заикается отъ злости*). Пойдите, ваше сіятельство, пойдите!

Князь. Что вамъ угодно?

Свиныевскій. Хотя мы про...про...про...вин...вин...вин...

Г-жа Свиныевская. Ну, провинціалы что ли? Лучше бы молчать, когда Богъ не далъ языка!

Свиныевскій Нѣтъ, я не хочу мол...мол...мол...

Г-жа Свиныевская. Молчать, молчать! Я сама раздѣляюсь съ нимъ (*Князю*). Позвольте спросить, за кого вы насъ принимаете? Кто мы такіе по-вашему-то, по-московскому-то или по-петербургскому? Дураки что ли мы такіе?

Свиныевскій. Ду... ду... ду...

Г-жа Свиныевская. Да что вы мѣшаете? я уже сказала дураки.

Свиныевскій. Я не ду... ду... ду...

Г-жа Свиныевская. Да перестанете ли вы?

Свиныевскій. Что вы ру... ру... ру... га... га...

Князь (*про себя*). А я, пока они будутъ браниться, потихонько выберусь изъ комнаты (*Хочетъ уйти*).

Свиныевскій (*бѣжитъ за нимъ*). Куда вы, кня... кня... кня...

Князь. Скажите мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, что вамъ угодно.

Г-жа Свиныевская. Ломтиковъ сдѣлалъ вотъ такъ носъ моему мужу, захотелъ и сказалъ, что насъ дурачатъ здѣсь, что будто матушка ваша и не думала прѣзжать, и чортъ знаетъ что еще наговорилъ! Что это значить.

Свиныевскій. Да да! что это зна...а...а...

Князь. А-а-а! Такъ вотъ что! Петръ Лаврентьевичъ и Анна Игнатьевна! неужели вы не догадались, что я только хотѣлъ посмѣяться надъ Ломтиковыми; сами знаете, какъ они глупы... Я ихъ-то именно и хотѣлъ одурачить. Понимаете?

Свиныевскій. По...о...нимаю! ха, ха, ха!

Г-жа Свиныевская. Ваше сіятельство, если бы вы только знали. Господи! Господи! Марья Клементьева Ломтикова—вѣдь это настоящая фурия! Съ мужемъ живетъ какъ кошка съ собакой.

Свиныевскій. А Петръ Лаврентьевичъ очень глупъ! Ваше сіятельство справедливо изволили за... за...

Г-жа Свиныевская. Ну, замѣтить!

Свиныевскій. Замѣтить.

Г-жа Свиныевская. А дочери-то! Нѣтъ, ваше сіятельство, я должна разсказать вамъ, какая случилась оказія съ старшею на балѣ у предсѣдателя: ѣздилъ къ намъ одинъ кавалерійскій офицеръ, ѣздилъ, ѣздилъ да наконецъ и увидѣлъ, что у нихъ все на фуфу! да и отпустилъ старшей-то самой, Кипочкѣ...

Свиныевскій. Нѣтъ, Зиночкѣ!

Г-жа Свиныевская. Пожалуйста не учи! Я знаю, что Кипочкѣ.

Князь. Пожалуйста, вы куда не проболтайте, мы вмѣстѣ посмѣемся надъ ними.

Г-жа Свиныевская. Да матушка-то ваша здѣсь или нѣтъ?

Свиныевскій. Скажите пра...а...вду...

Князь. Я вамъ скажу послѣ... а теперь ей Богу мнѣ некогда... Извините... позвольте мнѣ одному остаться.

Свиныевскій. Идемъ, идемъ! Но только я не выдержу: какъ увижу Ломтикова... ло...о...о... пну со смѣха! Ха, ха, ха!

Князь. Да, да, мы вмѣстѣ посмѣемся, идите, идите!

Ова (*смѣясь*). Ха, ха, ха! Пойдемъ! пойдемъ! (*Уходятъ*)

Князь. Ну, теперь, кажется, я свободенъ. Пойду. (*Хочетъ идти*).

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Князь, Любскій, потомъ Прасковья Даниловна и сосѣди.

Любскій. Князь! Эй, князь! Мнѣ нужно поговорить съ тобой.

Князь. А, Любскій! Это ты? Мы съ тобой поговоримъ еще... только въ эту минуту мнѣ некогда. До свиданія! (*Хочетъ идти*).

Любскій (*удерживая его*). Пойдите, пойдите. Кажется, ты очень торопишься.

Князь. Тебѣ что за дѣло? Пусти меня!

Любскій. Ты, вѣрно, идешь къ сосѣдкѣ.

Князь. Пусти меня, говорю тебѣ.

Любскій. Не горячись такъ ужасно! Твоимъ гостямъ скучно безъ тебя.

Князь. Ты еще смѣешься? Пусти мою руку.

Любскій. Сейчасъ, сейчасъ! (*Кричитъ очень громко*). Эй, музыканты! Играйте! Князь приказалъ начинать балъ!

Князь. Ты съ ума сошелъ!

Любскій. Вовсе нѣтъ! Я только хозяйничаю вмѣсто тебя. Увѣрю тебя, mon cher, что гостямъ нельзя оставаться безъ хозяина. *(Кричитъ)* Эй, музыканты!

Князь. Молчи! *(Музыканты подходятъ къ балкону и играютъ польскій).*

Прасковья Даниловна *(входитъ)* Такъ и быть батюшка, пройду съ тобой польскимъ.

Князь. Любскій, ты мнѣ дорого заплатишься!

Любскій. Смотри хорошенько танцевать! всѣ на выдѣлывать. *(Убѣгаетъ въ среднюю дверь).*

Всѣ сосѣди *(входятъ попарно подъ звуки польскаго).*

Прасковья Даниловна *(князю)*. Что же ты, батюшка, о чемъ задумался?

Князь. Я очень радъ, ей Богу, очень радъ! *(Даетъ ей руку).*

Прасковья Даниловна. Въ 1802-мъ году... въ Москвѣ... я очень хорошо помню... я была еще дѣвочка.

Князь *(перебивая)*. Неужели? я очень радъ... О Любскій... Любскій! *(Общій польскій).*

(Занавѣсъ опускается.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Таже комната. Свѣчи и лампы зажжены.

ЯВЛЕНІЕ I.

Князь одинъ, потомъ Евграфъ.

Князь *(входитъ блѣдный, изнеможенный, и опускается въ кресло)*. Четыре кадрили, экосезъ, англезъ, котильонъ, еще что-то... и все съ акомпаниментомъ турецкаго барабана, лѣтомъ!... съ пяти часовъ, съ Зиночкой, Капочкой, Надинькой—и я еще живъ. *(Осматривается)*. Да, въ-самомъ-дѣлѣ, я еще живъ... Это меня чрезвычайно удивляетъ... я не зналъ, что у меня такая желѣзная натура. *(Смотритъ на часы)*. Десять часовъ. *(Вскакиваетъ и звонитъ)*. Что жъ она не присылаетъ мнѣ

отвѣта на мою записку? *(Звонитъ еще разъ)*. О, я еще не потерялъ всей надежды! Пустяки! пустяки!

Евграфъ *(входитъ)*. Чего изволите, ваше сіятельство?

Князь. Ну что? Отдалъ ты мою записку?

Евграфъ. Она прислала ее назадъ.

Князь *(вырываетъ у него записку)*. Это отъ того, что ты очень глупъ.

Евграфъ. Виноватъ, ваше сіятельство! Можетъ-быть отъ того, что она очень умна.

Князь. Правда, братецъ, она черезъ-чуръ умна.

Евграфъ. Позвольте еще, ваше сіятельство, доложить вамъ на счетъ гостей.

Князь. Ну, что съ ними?

Евграфъ. Да ужъ многимъ извѣстно про вашу маменьку, т. е. про г. Любскаго.

Князь. Какъ, не можетъ-быть!

Евграфъ. Точно такъ-съ! Меня стали разсирасивать... сердятся... шумятъ... особливо одинъ, большой такой, здоровый... Какъ бы не вышло чего-нибудь, ваше сіятельство.

Князь. Этотъ здоровый, вѣрно, Гвоздинъ. Онъ чуть-ли не того. *(Бьетъ по галстуху).*

Евграфъ. Кажется, что такъ.

Князь. Это однако не такъ-то ловко, а гдѣ же Любскій?

Евграфъ. Они любезничаютъ съ Варварой Петровной.

Князь. Съ Варенькой? *(Хочетъ идти)*.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, Гвоздинъ и другіе гости.

Гвоздинъ *(съ огромной пенковой трубкой)*. Постой, ваше сіятельство, постой! Куда бѣжишь?

Князь *(грубо)*. Что вамъ угодно?

Гвоздинъ. Послушай, князь, что за пустяки ты выдумалъ? Вѣдь я, братъ, надъ собой смѣяться не позволю.

Князь *(Евграфу)*. Стуай за Любскимъ.

Евграфъ. Слушаю—съ. (*Уходитъ*)

Гвоздинъ. Ну, что ты мнѣ на это скажешь?

Князь. Увѣрю васъ честно, что я нисколько не намѣренъ смѣяться надъ вами!

Гвоздинъ. Знаемъ мы нынѣшнюю молодежь! Знаемъ! Ужъ ты мнѣ лучше признайся прямо, что за исторія такая съ твоей матушкой. Видишь ли, братъ, послѣ обѣда сердить меня не годится.

Князь. Съ моею матушкой? Право нѣтъ, ничего... я не знаю.

Гвоздинъ. Кому же знать? Всѣ говорятъ, что твоя матушка—мужчина... Нѣтъ, не то! а что какой-то мужчина твоя матушка! Понимаешь ли? а? Давай ее сюда на сцену, самъ хочу видѣть! А не то—ей, ей, не хорошо будетъ. Я пріѣхалъ сюда съ женой и дѣтьми... Я не позволю... ну вотъ увидишь, что не позволю!

Князь. Неужели вы могли повѣрить такому вздору?

Гвоздинъ. Я не вздоръ говорю... Я тебѣ доложу... Ну, хочю непременно самъ видѣть твою матушку! Гдѣ она?

Князь. Послушайте!... Извините... я не имѣю чести знать вашего имени и отчества.

Гвоздинъ. Аполлонъ Ивановичъ!

Князь. Аполлонъ Ивановичъ, вы такой умный, такой солидный человѣкъ... сами знаете, чего не выдумаютъ... вы такой умный человѣкъ.

Гвоздинъ. Оно конечно такъ.... Да все таки что—нибудь, да не такъ....

Князь. Нѣтъ увѣрю васъ.... все такъ.... какъ слѣдуетъ.... (*Про себя*). Какъ—бы мнѣ отдѣлаться отъ него?

Гвоздинъ. Шашни, шашни, меня не надуешь!

(*Входятъ Кунцевичъ и Спицынъ*).

Кунцевичъ. Славно, ваше сіятельство, славно!

Спицынъ. Прекрасно, ваше сіятельство, прекрасно!

Ова. Благодаримъ, ваше сіятельство, благодаримъ.

Князь. За что, господа, за что?

Кунцевичъ. А за то, что вы пожаловали насъ въ домашніе ваши шуты....

Спицынъ. Только мы вамъ даромъ служить не станемъ; вы съ нами расплатитесь.

Гвоздинъ. То-то и есть господа—и я тоже говорю!

Спицынъ. Да, да!

Кунцевичъ. Именно, именно!

Князь (*про себя*). Что мнѣ съ ними дѣлать?

Быховцевичъ (*входитъ*). Князь! Позвольте.... я желалъ-бы сказать вамъ два слова....

Князь. Я совершенно къ вашимъ услугамъ!

(*Гости разговариваютъ тихо между собою*).

Быховцевичъ. Я долженъ спросить у васъ, по какому праву вы намѣрены были одурачить почтенное семейство Свиныхъ-Свиныхъ?

Князь. Извините, я вовсе не имѣю чести васъ.... быть съ вами знакомымъ.... даже ваша фамилія мнѣ неизвѣстна.

Быховцевичъ. Удивляюсь. Прасковья Даниловна приглашала меня отъ вашего имени—моя фамилія Быховцевичъ.

Князь. Очень-радъ! И такъ г. Быховцевичъ вы заступааетесь за Свиныхъ-Свиныхъ?

Быховцевичъ. Да, я влюбленъ въ Надину—и вы должны будете стрѣляться со мной!

Князь (*про себя*). Ого, это плохая шутка.

Быховцевичъ. На жизнь или смерть—я иначе не стрѣляюсь никогда! Выбирайте себѣ секунданта.

Гвоздинъ (*подходитъ*). Я непрочъ!

Князь. Г. Быховцевичъ! Какъ вамъ угодно.... Я не смѣю отказать вамъ.... но я не знаю причины.

Быховцевичъ. Причина та, что ваша матушка, не ваша матушка.

Всѣ. Да, да ваша матушка — не ваша матушка.

Князь (*про себя*). Какъ мнѣ выпутаться?

Г-жа Гвоздина (*входитъ*). Князь! Князь! Гдѣ, Одея, Соня и Коля? Накормили ли ихъ голубчиковъ, уложили ли моихъ ангеловъ. Для Коли кашицы на молокѣ и сахарѣ, для Оеди....

Князь (*выведенный изъ терпѣнія*). Не знаю, гдѣ вашъ Одея и Коля! Помилуйте, сударыня, развѣ я нянька?

Г-жа Гвоздина. Господа! Какой грубиянъ!

Гвоздинъ. Что? моя жена ваша нянька?

Князь. Я этого вовсе не говорю....

Всѣ. Мы всѣ слышали!

Гвоздичъ. И со мной вы будете драться.

Князь. Очень-хорошо!

Прасковья Даниловна (*входитъ*). Батюшка! Составь мнѣ партію, да только съ такими, которые платятъ деньги и не подсиживаютъ.

Князь. Почему я знаю, кто подсиживаетъ, кто нѣтъ.

Прасковья Даниловна. Да, ты батюшка, долженъ отвѣчать за своихъ гостей....

Гвоздичъ. Сперва, пусть онъ раздѣляется со мной.

Всѣ. Да, пусть раздѣляется.

Прасковья Даниловна (*затыкая уши*). Батюшки мои, что вы шумите. (*Князю*) Слышишь, какіе выдумали пустяки: будто твоя матушка какой-то мальчишка. Вѣдь я сама видѣла княгиню. Ея сіятельство почиваетъ; послѣ лекарства, что я тамъ присоветовала ей, всегда бываетъ крѣпкій сонъ.

Князь. Ну, господа, теперь вы сами слышите.

Гвоздичъ. Да что ее слушать! мы сами знаемъ!

(*Пять барышень влетаютъ*).

Всѣ пять. Князь, князь, пора начинать мазурку! мазурку, мазурку!

Князь. Я не умѣю, я никогда не танцую мазурки.

Кипочка и Катись. Неправда, неправда, пожалуста!

Всѣ. Пожалуста!

Зиночка и Мери. Вы должны начинать.

Всѣ. Вы, вы!

Князь. Я боюсь вамъ, что не въ состояніи.

Кипочка и Зиночка. Пойдемте! пойдемте!

Всѣ. Пора, пора!

Кунцевичъ и Спицынъ. А на счетъ вашей матушки?

Князь (*про себя*). Опять!

Прасковья Даниловна. Партію-то батюшка?

Г-жа Гвоздева. Осю, да Колою....

Князь (*скрывая свое бышество*). Извольте, mesdames, танцюю! (*Беретъ подъ каждую руку одну барышню*.) Извольте! Составлю вамъ партію! Извольте, пакорюлю Осю и Колою! (*Про себя*) Другаго средства нѣтъ! (*Вслухъ*) Пойдемте же!

Всѣ. Пойдемте.

Гвоздичъ. А на счетъ матушки-то? (*Идетъ за другими. Всѣ уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Княгиня, Любскій, Данилычъ.

Барвара и Василса, (*съ картинками*).

Данилычъ (*отворяетъ дверь*). Сюда, матушка ваше сіятельство, сюда пожалуйте.

Княгиня. Признаюсь вамъ откровенно г. Любскій, во всемъ этомъ я только одного не понимаю: какъ можно было образованному молодому человѣку, извѣстному артисту, рѣшиться на подобную шалость. (*Пожимаетъ плечами*).

Любскій. Я вполнѣ чувствую свою вину.... Но ваша доброта, ваше великодушіе, княгиня, еще болѣе заставляютъ меня краснѣть.... Я актеръ; вамъ, можетъ-быть, неизвѣстно, что актеръ для хорошей роли готовъ всѣмъ пожертвовать.... Я долженъ былъ представить васъ, княгиня... это такая прекрасная и трудная задача, что я поневолѣ увлекся.

Княгиня. Удивляюсь, что эта странная роль удалась вамъ (*Управителю*). А ты, почтенный старичекъ, неужели тебя такъ легко обманывать?

Данилычъ. Виновать матушка, ваше сіятельство! Человѣкъ я старій, глаза плохо видятъ... А вотъ ей... (*Показывая на дочь*) такъ ужъ стыдно....

Барвара. Ваше сіятельство, у г. Любскаго такая удивительная способность переродиться.

Княгиня. Это я знаю.... Но эту способность не надо употреблять во зло.... Нечего тратить ее на пустыя роли. Не правда ли, г. Любскій.

Любскій. Я совершенно согласенъ съ вами, княгиня! Ваше сіятельство развязка нашей комедіи рѣшительно зависитъ отъ васъ.

Княгиня. Отъ меня? А, понимаю. Я обѣщала быть вашимъ сватомъ, извольте! Данилычъ къ твоей дочери сватается прекрасной молодой человѣкъ; согласенъ ли ты ее отдать?

Данилычъ. Какъ тебѣ угодно, матушка княгиня.

Княгиня. Я очень-рада. Твоя дочь, какъ мнѣ кажется, согласна. Вотъ и женихъ.

Данильчъ. Онъ? Хе, хе, хе. (*Дочери*) Вишь какая хитрая.

Варвара. Право, батюшка, я не узнала г. Любскаго въ нарядахъ княгини.

Данильчъ. Ну, Богъ съ тобой!

Варвара. О, благодарю, батюшка!

Любскій (*даетъ ему руку*) Благодарю.

Княгиня. Поздравляю отъ души.

Любскій. Я вамъ обязанъ своимъ счастьемъ.

Варвара. Княгиня! Я обязана вамъ не только счастьемъ, но и новой жизнью, которая начинается для меня съ этой минуты.

Княгиня. Я этого желаю, мой другъ! Но гдѣ же мой... я ужъ не знаю, какъ мнѣ назвать его... гдѣ мой сынъ.

Любскій. Князь теперь танцуетъ съ своими гостями.

Княгиня. И вы говорите, что этимъ господамъ уже известна неприличная шутка, которую сыграли съ ними.

Любскій. Они подозрѣваютъ ее, и жестоко нападаютъ на бѣднаго князя, который съ трудомъ успѣлъ нѣсколько успокоить ихъ.

Княгиня (*съ безпокойствомъ*). Но не можетъ ли онъ этимъ навлечь на себя серьезной несправедливости. Впрочемъ я буду очень рада, если онъ получитъ порядочный урокъ, это было бы для него весьма полезно (*За сценой слышенъ сильный шумъ многихъ голосовъ*).

Варвара. Ахъ, Боже мой!

Княгиня. Что значитъ этотъ шумъ.

Любскій. Буря опять начинается.

Варвара. Ваше сятельство, если вамъ угодно, вы можете выручить князя.

Княгиня. Нѣтъ, напротивъ, пусть онъ выпутается, какъ умѣетъ. (*Шумъ за сценой приближается; слышны разные голоса.*)

Любскій. Они принимаются за дѣло не шутя.

Княгиня. Василиса!

Василиса. Чего изволите, ваше сятельство?

Княгиня. Снеси вещи въ мои комнаты.

Василиса. Слушаю—съ. (*Оглядывается въ недоумѣннн*).

Княгиня. А гдѣ мои комнаты?

Любскій. Здѣсь, ваше сятельство.

Княгиня (*съ упрекомъ*). Онъ, вамъ кажется, знакомъ!

Любскій. Виноватъ, княгиня. (*Шумъ за сценой увеличивается*).

Княгиня. Кажется, сюда идутъ.

Любскій. Да.

Княгиня. Пойдемте же всѣ ко мнѣ (*Всѣ уходятъ къ князю*).

ЯВЛЕНИЕ IV.

Князь, всѣ гости Быховцевичъ.

Князь (*объясняетъ первый*). Господа, господа! вы наконецъ выведете меня изъ терпѣнія! Говорю вамъ, что матушка нездорова и спитъ.

Гвоздевъ, Кунцевичъ и Спицынъ. А вотъ увидимъ.

Ломтиковъ (*горячится*). Васъ, Петръ Лаврентьевичъ....

Свиньевскій (*горячится болѣе*). Васъ, И.... И.... И.... Иванъ Ивановичъ.

Ломтиковъ. Васъ!

Свиньевскій. Васъ!

Г-жа Ломтикова. Васъ, самъ князь сказалъ.

Г-жа Свиньевская. Васъ! Я знаю, что князь сказалъ.

Ломтиковъ и Свиньевскій! (*съ женами*). Васъ! васъ! васъ!

Ломтиковъ. Спросимъ у князя.

Свиньевскій. Спро о.... о.... симъ у князя!

Ломтиковъ. Ваше сятельство, кого вы хотѣли одурачить на счетъ вашей матушки?

Князь (*внѣ себя*). Васъ!

Свиньевскій (*съ женою*). Ага!

Ломтиковъ. Какъ, меня!

Князь. Нѣтъ, не васъ!

Свиньевскій. А кого-же?

Князь. Васъ!

Ломтиковъ съ женою. Ага!

Ломтиковъ и Свиныйскій. Господа! Князь насъ всѣхъ хотѣлъ одурачить!

Всѣ. Посмотримъ, посмотримъ, кто мастеръ надъ кѣмъ по-смѣяться.

Прасковья Даниловна. Ахъ ты, этакой. Неужто, батюшка, ты, въ-самомъ-дѣлѣ, выкинулъ такую штуку?

Князь. Отстаньте, или я съ ума сойду.

Гвоздь. Да что тутъ долго толковать. Пойдемте господа, вытацимте молодца—княгиню.

Князь. Нѣтъ, я вамъ этого не позволю. Господа, не забудьте, что вы въ моемъ домѣ.

Гвоздь. Да намъ что за дѣло! Дурчить себя никому не позволимъ! Пойдемте.

Всѣ. Пойдемте!

Князь. Господа! я васъ прошу.

Гвоздь и Кунцевичъ. Нѣтъ, мы хотимъ видѣть ея сіятельство, вашу матушку! ха, ха, ха!

Князь *(въ отчаяннн про себя)*. Что изъ этого выйдетъ. О Любскій, Любскій.

Всѣ. Пойдемте, ура! *(Бросаются въ двери)*.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и княгиня.

Княгиня *(спокойно)*. Господа! что вамъ угодно? *(идетъ на середину, всѣ отступаютъ въ недоумльнн)*.

Князь. Что это?

Гвоздь, Кунцевичъ и Спицынъ. Ха, ха, ха, какъ славно нарядился.

Гвоздь. То-то барыня!

Кунцевичъ. Да, точно.

Г-жа Свиныйская. Какой долженъ быть ловкій.

Г-жа Ломтикова. Что онъ, старъ или молодъ? не разберешь.

Всѣ. Ха, ха, ха!

Княгиня. Николай Александровичъ, познакомте меня съ вашими гостями.

Гвоздь. За чѣмъ познакомить.... мы знаемъ кто вы такіе! *(Бьетъ ее фамиллярно по плечу)*. Ну каково поживаете?

Князь. Г. Гвоздь! Господа, неужели вы не видите?

Всѣ. Видимъ, видимъ, ха, ха, ха!

Князь. Боже мой, Боже мой. Маман! простите!

(Ломтиковъ и Свиныйскій подходятъ къ княгини и разсматриваютъ ее съ удивленіемъ со всѣхъ сторонъ)

Ломтиковъ. Петръ Лаврентьевичъ!

Свиныйскій. Иванъ Ивановичъ.

Ломтиковъ. Вѣдь это не та, что мы утромъ видѣли.

Свиныйскій. Нѣтъ, это совсѣмъ другая.

Княгиня. Николай Александровичъ, не можете ли вы мнѣ объяснить, что все это значить.

Князь. Ахъ, маман, простите, я такъ виноватъ.... Вѣрно вы очень устали съ дороги.

Княгиня. Я уже отдохнула, вы очень разсѣяны? Вы забыли, что я прѣехала вмѣстѣ съ вами ночью.

Князь *(съ удивленіемъ)*. Какъ? что? со мной? Ну да, да, разумѣется.... вы слышали господа? Матушка прѣехала вмѣстѣ со мной ночью.

Прасковья Даниловна. Да что это вы господа въ-самомъ-дѣлѣ. Вѣдь это точно княгиня! Ваше сіятельство, какъ ваше здоровье? Помогло-ли мое лекарство?

Княгиня. Ваше лекарство? Ахъ, да, да! благодарю, я теперь совершенно здорова.

Прасковья Даниловна. Ну вотъ я сказала, что вылечу — и вылечила.

Князь *(про себя)*. Ничего не понимаю.

Гвоздь. Неужто онъ въ-самомъ-дѣлѣ настоящая княгиня.

Прасковья Даниловна. Самая настоящая.

Гвоздь. Да кто же выдумалъ всю эту глупую исторію. Ну, ваше сіятельство, такъ простите же насъ.

Всѣ. Простите ваше сіятельство.

Княгиня. Я вижу, что это ошибка.

Гвоздь *(даетъ князю руку)*. И вы, князь, извините меня, это все болтуны виноваты.

Свиньевскій. Иванъ Ивановичъ! это на... на... на...
 Ломтиковъ (*перебивая*). На нашъ счетъ.
 Свиньевскій. На нашъ счетъ.
 Князь (*тихо матери*). Благодарю, маман!
 Княгиня (*тихо ему*). Не благодарите, я вамъ еще не про-
 стила вашего недостойнаго поведенія.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Тѣже, Любскій, Варвара, Данилычъ, потомъ Евграфъ.

Княгиня (*рекомендуя Любскаго*). Г. Любскій — другъ моего сына... мы имѣли удовольствіе встрѣтиться съ нимъ на стан-
 ции: онъ ѣхалъ къ своей невѣстѣ, Варинькѣ.

(*Варинька приспѣдаетъ; князь дѣлаетъ невольное дви-
 женіе*).

Вся. Имѣемъ честь поздравить!

Князь (*матери*). Это невозможно!

Княгиня (*беретъ его за руку*). Ваша невѣста сейчасъ приѣ-
 деть. Понимаете ли вы меня? Вотъ условіе моего прощенія.

Евграфъ (*входитъ и докладываетъ*). Его превосходительство!
 Петръ Федоровичъ!

ЯВЛЕНИЕ VII.

Тѣже, Риминъ съ Елизаветой Павловной, потомъ Черемкинъ.

Княгиня (*встрѣчая его*). Петръ Федоровичъ!

Риминъ. Какъ я радъ, княгиня, что вы наконецъ приѣхали.

Княгиня. И я также! Здравствуйте другъ мой, Лизанька! (*Вся
 раскланиваются съ генераломъ*).

Лизавета Павловна (*тихо*). Княгиня, я чрезвычайно беспо-
 коилась, я боялась, что не успѣютъ предупредить васъ.

Княгиня (*тихо*). Меня предупредили еще во время. (*Вслухъ*)
 Николай Александровичъ! вотъ ваша невѣста!

Князь (*Лизаветъ Павловнѣ*). Мой другъ! (*Цѣлуетъ ей руку*).

Лизавета Павловна (*тихо*). Какъ ваша маменька добра...

Черемкинъ (*стучитъ и кричитъ отчаяннымъ голосомъ*).
 Ваше сіятельство, не могу больше! ей Богу не могу. Выпусти-
 те! выпустите!

Княгиня. Боже мой! Что это значить?

Князь (*про себя*). Какъ это кстати!

Лизавета Павловна (*тихо*). Неужели вы до-сихъ-поръ дер-
 жали его въ заперти.

Князь (*тихо*). Да!

Черемкинъ. Ваше сіятельство дверь сломаю! ей, ей, дверь
 сломаю! Приходить не въ тернежъ, ѣсть хочу! (*Стучитъ*).

Князь. Что мнѣ дѣлать?

Гвоздинъ. Что это за гуся заперли вы, князь?

Черемкинъ. Выпустите!

Прасковья Даниловна. Ахъ ты господи! Это никакъ голосъ
 моего муженька.

Черемкинъ. Я, я, самъ! выпусти, матушка Прасковья Дани-
 ловна.

Прасковья Даниловна. Съ нами крестная сила! (*Выпускаетъ
 его. Онъ въ томъ же нарядѣ*). Ахъ ты чудело! Какъ ты по-
 налъ сюда?

Вся. Ха, ха, ха!

Черемкинъ. Прости, матушка, голубушка! никогда не стану.
 Риминъ. Я полагалъ, князь, что вашъ маскарадъ уже кон-
 ченъ.

Князь. Онъ не состоялся; намъ помѣшали.

Гости. Маскарадъ, а, теперь понимаемъ.

Прасковья Даниловна (*мужу*). Отвѣчайте же, въ шуты что
 ли вы записались?

Черемкинъ. Послѣ все расскажу, матушка! Теперь некогда, са-
 ми видите, дайте только поѣсть.

Прасковья Даниловна. Ладно, мы дома потолкуемъ! Какъ
 вамъ не стыдно! какъ вамъ нестыдно!

Княгиня. Князь! Николай Александровичъ! Нѣтъ ли у васъ
 еще кого нибудь подъ замкомъ?

Князь. Нѣтъ, маман!

Княгиня. Ну, такъ мы можемъ продолжать нашъ балъ!
Любскій (*подводитъ Варвару*). Князь! имѣю честь предста-
вить вамъ мою невѣсту.

Князь. (*тихо ей*) Вы, вѣроятно, также поступите на сцену?
Варвара. Да.

Князь. Постараюсь быть на первомъ представленіи.

(Занавѣсъ опускается).

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

ВАСИЛЬЯ ПЕТРОВИЧА ПОЛЯНОВА,

КОММИССІОНЕРА ИМПЕРАТОРСКАГО ВОЛЬНОГО ЭКОНО-
МИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Въ С.-Петербурѣ, въ Гостинномъ дворѣ, по Суконой линіи,
подъ № 17.

продаются слѣдующія книги:

(Цѣны на серебро).

САМОУЧИТЕЛЬ ПРОСТОЙ И ДВОЙНОЙ БУХГАЛТЕРІИ,
въ которомъ просто и ясно изложены правила и формы купе-
ческаго книговеденія, и по которому всякій можетъ научиться
этой наукѣ безъ помощи учителя. Изд. Шемаевъ. М. 1849. Ц.
1 руб.

МНЕМОНИКА по методѣ Ревенталя, для облегченія памяти,
при заучиваніи чиселъ въ исторіи статистикѣ, законовѣдѣніи,
химіи и другихъ наукахъ. Спб. 1850. Ц. 1 руб., съ перес. 1
руб. 25 коп.

МІОБЫ СЛАВЯНСКАГО ЯЗЫЧЕСТВА. Соч. Д. М. Шепши-
га. М. 1849. Ц. 1 руб. 50 коп., съ перес. 1 руб. 75 коп.

ЖИЗНЬ Генераль-Фельдмаршала Графа Петра Александровича
Румянцева-Задунайскаго. Соч. У. Чичагова. Спб. 1849. Ц. 1
Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

НОСОГРАФІЯ И ТЕРАПІЯ Ю. Л. Шепелена. Составленная изъ чтеній, преподаанныхъ имъ въ Вирцбургѣ, Цюрихѣ и Берлинѣ; на русскомъ языкѣ изданы Гр. Сокольскимъ. 2 ч. Новое изданіе. М. 1849. Ц. 3 руб. 50 коп., съ перес. 4 руб. 50 коп.

СКАЗАНИЕ О ПОДВИГАХЪ И СОБЫТІЯХЪ ЖИЗНИ СТАРЦА СЕРАФИМА, Иеромонаха, пустынника и затворника Саровской пустыни, съ присовокупленіемъ краткаго очерка жизни первоначальницы Дивѣвской женской обители Агафіи Семеновны Мельгуновой. Спб. 1849. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 50 коп.

ПРОПОВѢДИ, НА МАЛОРОССІЙСКОМЪ ЯЗЫКѢ, протоіерея и кавалера Василія Гречулевича. Спб. 1849. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ ЧЕТВЕРОВАНГЕЛІЯ, въ хронологическомъ порядкѣ, какъ пособіе при изученіи Евангельской исторіи, по самому Священному писанію, безъ помощи учебника. Съ картою Палестины, изображающею путешествія Иисуса Христа, и указателемъ всѣхъ церковныхъ чтеній изъ четырехъ Евангелистовъ. Изд. священника и законоучителя, магистра В. Гречулевича. Спб. Спб. 1849. Ц. 20 коп., съ пер. 50 коп.

ПУТЕШЕСТВІЕ СЪ ДѢТЬМИ ПО СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ. Перев. съ французскаго, съ измѣненіями и дополненіями. Изд. второе, исправленное и дополненное, въ трехъ частяхъ съ 48 видами, гравированными на стали и отпечатанными въ Парижѣ. Спб. 1849. Ц. 4 руб., съ перес. 5 руб.

УЧЕБНАЯ ГРАММАТИКА русскаго языка, основанная на логическомъ разборѣ предложеній. Спб. 1849. Ц. 40 коп., съ перес. 65 коп.

ГЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССІИ И ХРЕБТА УРАЛЬСКАГО. На основаніи наблюденій, произведенныхъ Родерикомъ Имеемъ Мурчисономъ, Эдуардомъ Вернейлемъ и графомъ А. Кейзерлингомъ, переведено съ англійскаго языка, съ примѣчавіями и дополненіями Корпуса Горныхъ Инженеровъ Полковникомъ А. Озерскимъ. Съ двумя картами. 1) *Геологическая карта Европейской Россіи и хребта Уральскаго.*

Составленная въ 1845 году, Мурчисономъ, Вернейлемъ и графомъ Кейзерлингомъ, дополнена по октябрь мѣсяць 1849. Полковникомъ А. Озерскимъ. 2) *Карта Уральскихъ горъ.* Съ сборникомъ геологическихъ картъ, обнаженій и разрѣзовъ. Въ 2 частяхъ Спб. 1849. Ц. 10 руб., въсвоихъ за 9 фунтовъ. По разстолю.

СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ УЗАКОНЕНІЙ О ДОМАХЪ И ДВОРАХЪ. Необходимая книжка для каждаго домовладельца. Спб. Ц. 75 коп., съ перес. 1 руб.

БЕСѢДЫ ОБЪ ОТНОШЕНІИ ЦЕРКВИ КЪ ХРИСТІАНАМЪ. Профессора Кіевской Духовной Академіи Я. Амфитеатрова. Изд. второе. На веленовой бумагѣ. Спб. 1849. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ КАРАМЗИНЪ. Соч. А. Старчевскаго. Спб. 1849. Съ отлично-литографированнымъ портретомъ Карамзина, изд. напечатанное на лучшей веленовой бумагѣ въ 8 л. л.Ц. 2 руб., съ перес. 2 руб. 50 коп.

НЕОБХОДИМОСТЬ И ВАЖНОСТЬ ХРИСТІАНСКАГО ПОВЕДЕНІЯ И ПОСЛУШАНІЯ Православной Церкви. Соч. Г. Дебольскаго. Спб. 1849. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

ОПИСАНІЕ ПОХОДОВЪ ГРАФА РАДЕЦКАГО ВЪ ИТАЛІИ, 1848 и 1849 годовъ. Составилъ М. И. Богдановичъ, Императорской Военной Академіи Профессоръ. Спб. 1849. Ц. 50 коп., съ перес. 75 коп.

Гг. инопородные благоволятъ адресоваться за всѣми вообще, какъ прежде изданными, такъ и вновь выходящими замѣчательными произведеніями русской литературы по всѣмъ отраслямъ наукъ и изящной словесности, находящимися въ моемъ магазинѣ въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ.

Всѣ требованія будутъ выполняемы безостановочно, съ уступкою, соразмѣрною достоинству и количеству требуемыхъ книгъ.

Гг. завѣдывающіе полковыми и другими библіотеками могутъ высылать свои требованія съ частью причитающейся по смѣтѣ суммы.

Гг. иногородные, желающіе имѣть книги въ переплетѣ, платятъ за каждую книгу: въ простомъ кожаномъ корешкѣ 20 коп. сер., въ сафьянномъ французскомъ корешкѣ 40 коп. сер. Если книги встрѣтятся форматомъ въ 4 дол. листа или въ листъ, то плата за переплетъ удваивается.

БЕЗЪ ИХЪ ОТВѢТСТВЕННАГО ПОСРЕДСТВА
Продается въ Москвѣ въ книжномъ магазинѣ Н. А. Смирнова
Намъ адресъ: въ Москвѣ, въ Маломъ Москвитинскомъ переулкѣ, въ № 15.

ИЗДАНИЕ МИХАИЛА ПЕТРОВИЧА КАЗАНСКОГО
Казань, 1818. Въ продажѣ въ книжномъ магазинѣ Н. А. Смирнова
Третья часть, въ 120 страницъ, въ 8 л. 12 стр. 2 руб. 50 коп.

ИЗДАНИЕ ПЕТРА ПЕТРОВИЧА КАЗАНСКОГО
Казань, 1819. Въ продажѣ въ книжномъ магазинѣ Н. А. Смирнова
Вторая часть, въ 120 страницъ, въ 8 л. 12 стр. 2 руб. 50 коп.

ОПИСАНІЕ КОЛОДЦА ПЕТРА ПЕТРОВИЧА КАЗАНСКОГО
Казань, 1818. Въ продажѣ въ книжномъ магазинѣ Н. А. Смирнова
Третья часть, въ 120 страницъ, въ 8 л. 12 стр. 2 руб. 50 коп.

Гг. иногородные, желающіе имѣть книги въ переплетѣ, платятъ за каждую книгу: въ простомъ кожаномъ корешкѣ 20 коп. сер., въ сафьянномъ французскомъ корешкѣ 40 коп. сер. Если книги встрѣтятся форматомъ въ 4 дол. листа или въ листъ, то плата за переплетъ удваивается.

Всѣ требованія должны быть доставлены въ книжный магазинъ
въ Москвѣ, въ Маломъ Москвитинскомъ переулкѣ, въ № 15.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВОЙ КНИГИ.

<p>I. РУССКАЯ ИСТОРИЯ. Материалы для истории русского правовѣдѣнія. (Образчики стариннаго дѣлопроизводства). Доставлены П. Н-ымъ</p>	<p>1—12</p>
<p>II. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА. Внутреннія извѣстія. (Ноябрь и декабрь).—Иностранныя извѣстія. Съ 15 ноября по 20 декабря 1849 года).—(Франція. — Англія. — Австрія.—Пруссія.—Германія.—Италія. — Испанія. — Нидерланды.—Швейцарія.—Турція.—Азія.—Америка.</p>	<p>1—64</p>
<p>III. РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. Деревенскій случай. Поэма Н. Холцинской</p> <p>Федоръ Васильевичъ. (Повѣсть). П. Сухомина</p> <p>Доморощенный поэтъ. (Юмористическій очеркъ).</p>	<p>1—16</p> <p>17—130</p> <p>131—144</p>
<p>IV. ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. Лакированные сапожки Сандрильоны. Повѣсть Шарля Дели</p> <p>Фуше и его полиція. Разсказъ Маріи Экарв</p> <p>Четыре Розы. Повѣсть Амабля Леметра</p>	<p>1—42</p> <p>43—69</p> <p>70—98</p>
<p>V. НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА. Последнія открытія въ астрономіи. Естественная Исторія Сельди</p>	<p>1—45</p> <p>46—58</p>
<p>VI. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ. Мнемоника—по методу Ревентлова, для облегченія памяти при заучиваніи чиселъ въ исторіи статистикѣ, законовѣдѣніи, химіи и другихъ наукахъ. — Календарь на 1850 годъ</p>	<p>1—20</p>
<p>VII. СМѢСЬ. Новый годъ у разныхъ народовъ.—Письма съ дороги.—Ночь въ почтовой каретѣ (Анекдотъ).—Опыты надъ возможностью сдѣлать домашними животными ламъ и альпаковъ.—Средство противъ водобоязни.—Озонъ.—Новое вещество, уничтожающее чувствительность. — Соединеніе Тихаго Океана съ Атлантическимъ.—Торговля трюфелями. — Опыты измѣренія скорости свѣта. — Земледѣіе. (Приготовленія зеренъ для посѣва. Метода Дюссе). — О сферондальномъ состояніи тѣлъ. — О сохраненіи молока. — Превращеніе животныхъ въ растенія.—Библіотека Турецкаго Султана.—Петербургскія моды.</p>	<p>1—32</p>
<p>Нашествіе иноплемennыхъ или увѣдныя наряды. Оригинальная Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Соч. Н. Ефимовича и Н. Крестьоскаго.—Русскія кнѣги.</p>	<p>1—48</p>
<p>Къ этой книгѣ сына Отчества приложена парижская картинка модъ.</p>	